

Ф. Энгельс, К. Каутский, П. Лафарг,
Ж. Жорес, Ж. Сорель и др.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Дискуссии,
размышления,
философские
проблемы

Размышляя
о марксизме

URSS

"СПб Дом Книги"

A-011

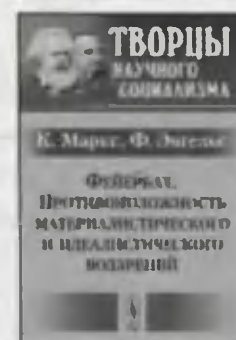
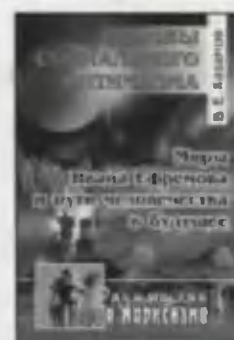
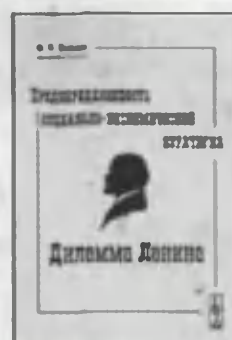
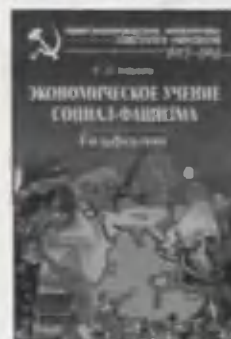
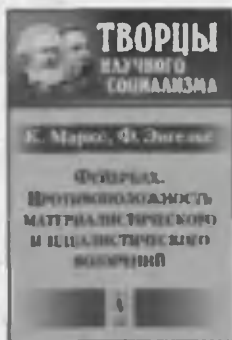
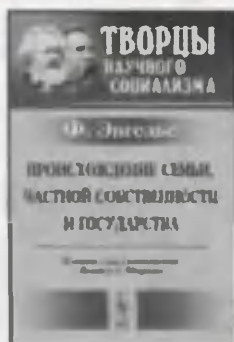
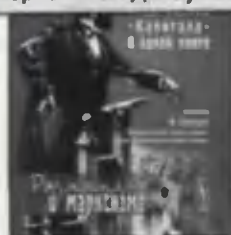

428.00

2 000141 807290

Энгельс Ф и др. Исторический материализм: Дискуссии, размышления

Библиотека предлагает следующие книги:

9558 ID 118809

9 785397 016506 >

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на веб-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

URSS

E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий в Интернете: <http://URSS.ru>

URSS

**НАШИ НОВЫЕ
КООРДИНАТЫ**

ТЕЛЕФОН/ФАКС +7(499)724-25-45
(многоканальный)
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56

**Ф. Энгельс, К. Каутский, П. Лафарг,
Ж. Жорес, Ж. Сорель и др.**

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

**Дискуссии, размышления,
философские проблемы**

Перевод и составление
С. Бронштейна (Семковского)

URSS

МОСКВА

**Энгельс Фридрих, Каутский Карл, Лафарг Поль,
Жорес Жан, Сорель Жорж и др.**

**Исторический материализм: Дискуссии, размышления, философские
проблемы / Пер. и сост. С. Бронштейна (Семковского). — М.: Книжный
дом «ЛИБРОКОМ», 2011. — 408 с. (Размышляя о марксизме.)**

В настоящей книге представлены дискуссии и размышления философов, социологов и политических деятелей об историческом материализме. Главное место в книге занимает дискуссия, которую известный немецкий историк К. Каутский вел в 1896 г. с английским социалистом Э. Бельфорт-Баксом и которая имеет определяющее значение для выяснения основных вопросов материалистического понимания истории. Другая важная дискуссия, представленная в книге, — известный публичный диспут об идеалистическом и материалистическом понимании истории между французскими политическими деятелями П. Лафаргом и Ж. Жоресом. Также в сборнике помещены статьи Р. Штиллиха, П. Лафарга, Ф. Энгельса, К. Каутского, Ж. Сореля, К. Келлес-Крауза, Я. Штерна, М. Цеттербаума и Ф. Адлера, посвященные философским и другим проблемам исторического материализма.

Книга рекомендуется философам, историкам, социологам, студентам и аспирантам соответствующих специальностей, всем заинтересованным читателям.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».

117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

Формат 60×90/16. Печ. л. 25,5. Зак. № 4111.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-01650-6

© С. Бронштейн, перевод
на русский язык, составление,
1908, 2010

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
оформление, 2010

E-mail: URSS@URSS.ru

Каталог изданий в Интернете:

<http://URSS.ru>

Тел./факс (многоканальный):

+ 7 (499) 724-25-45

9558 ID 118809

9 785397 016506

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Статьи, составившія содержаніе „Сборника“, печатались въ разное время на страницахъ западно-европейскихъ социалистическихъ органовъ, — главнымъ образомъ, редактируемаго Каутскимъ научнаго органа германской социаль-демократіи: „Die Neue Zeit“. Трудность доставать въ Россіи соотвѣтствующие матеріалы не могла до извѣстной степени не отразиться на подборѣ статей (какъ и на полнотѣ составленнаго нами указателя литературы объ историческомъ материализмѣ).

На первое мѣсто мы поставили дискуссію объ историческомъ материализмѣ, которую *Каутскій* велъ въ 1896 г. съ англійскимъ социалистомъ *Бельфортъ-Баксомъ*, и которая, на нашъ взглядъ, имѣетъ кардинальное значеніе для выясненія основныхъ вопросовъ материалистическаго пониманія исторіи. Несмотря на то, что дискуссія эта во многихъ мѣстахъ переходитъ въ полемику по частнымъ вопросамъ, вытекающимъ изъ основной темы, мы привели ее почти полностью, опустивъ лишь полемику по совершенно случайнымъ поводамъ *).

Вторая дискуссія, помѣщенная въ „Сборникъ“, — извѣстный публичный диспутъ объ идеалистическомъ и материалистическомъ пониманіи исторіи между *Лафаргомъ* и *Жоресомъ*.

Какъ частная иллюстрація къ обѣимъ дискуссіямъ, слѣдуютъ двѣ статьи—*Шиллиха*: „Греческая фило-

*) Какъ, напр., по поводу того, что Баксъ помѣстилъ свою первую статью въ буржуазно-демократическомъ журналѣ: „Die Zeit“. Пользуемся примѣчаніемъ, чтобы отмѣтить взглядъ Каутскаго по дебатировавшемуся недавно и у насъ вопросу объ участіи социаль-демократовъ въ бужуазной печати. Полемизируя съ Баксомъ, Каутскій говоритъ: Участіе социалистовъ въ буржуазныхъ органахъ иногда даже полезно; но даже самый приличный буржуазный органъ не представляетъ достойнаго мѣста для разрѣшенія социалистами спорныхъ вопросовъ, затрагивающихъ ихъ партію. Такимъ именно партійнымъ, а не только научнымъ вопросомъ является и материалистическое пониманіе исторіи. Правда, не всякій социалистъ—сторонникъ материалистическаго пониманія исторіи, но зато, наоборотъ, всякій противникъ социализма—противникъ матер. пониманія исторіи. Когда социалистъ нападаетъ на историческій материализмъ въ буржуазной прессѣ, это такъ же безтактно, какъ если бы Вирховъ выступилъ противъ Геккеля въ ультрамонтанской газетѣ.

софія съ точки зрѣнія матер. пониманія исторіи“, — представляющая рефератъ книги Eleutheropulos'a, — и *Лафарга*: „Экономика, естествознаніе и математика“.

Статья *Энгельса* была имъ написана, какъ предисловіе къ англійскому изданію „Развитія научнаго социализма“. Первые четыре страницы нами опущены, какъ не представляющія интереса для русскаго читателя.

Статья *Каутскаго*: „Бернштейнъ и матер. пониманіе исторіи“ взята изъ серіи его статей о Бернштейнѣ, печатавшихся въ „Neue Zeit“; по содержанию своему она значительно отличается отъ соотвѣтствующей главы въ его переведенной уже на русскій языкъ книгѣ: „Анти-Бернштейнъ“.

Изъ остальныхъ статей „Размышленія о матер. пониманіи исторіи“ *Сореля* и статья *Крауза* о марксизмѣ и контизмѣ были напечатаны въ органѣ нѣмецкихъ ревизионистовъ — „Socialistische Monatshefte“, остальные — въ „Neue Zeit“.

Собственно-философскимъ проблемамъ, связаннымъ съ историческимъ матеріализмомъ, посвящены три статьи: *Штерна*, который въ схематической формѣ проводитъ параллель между матеріализмомъ натуръ-философскимъ, историческимъ и спинозизмомъ; *Цеттербаума*, который занимается методологическимъ обоснованіемъ историческаго матеріализма, и *Адлера*, устанавливающего тождество принциповъ діалектическаго матеріализма Маркса и Энгельса, съ одной стороны, и ученія Маха и Авенариуса — съ другой.

Послѣдней въ „Сборникъ“ вошла статья *Каутскаго*: „Три кризиса марксизма“, написанная имъ къ 20-ой годовщинѣ смерти Маркса; хотя она не имѣетъ прямого отношенія къ проблемамъ историческаго матеріализма, мы выбрали ее заключительной статьёй для „Сборника“, такъ какъ она ставитъ въ одну историческую перспективу всѣ такъ называемые кризисы марксизма.

С. Бронштейнъ (Семковскій).

К. Каутскій и Э. Бельфортъ-Бакеръ: дискуссия.

Эрнестъ Бельфортъ-Бакеръ.

Матеріалистическое пониманіе исторіи.

Матеріалистическая теорія историческаго развитія исходитъ изъ того положенія, что общественная жизнь человѣчества представляетъ собою во всѣхъ отношеніяхъ—слѣдовательно, также въ отношеніи моральнаго, интеллектуальнаго и эстетическаго развитія—либо непосредственный результатъ экономическихъ условій, т. е. условій производства и обмѣна продуктовъ, либо ихъ идеологическое отраженіе.

Въ своей наиболѣе рѣзкой формѣ эта теорія, слѣдовательно, утверждаетъ, что нравственность, религія и искусство не только находятся въ зависимости отъ экономическихъ условій, но и всецѣло возникаютъ изъ отраженія этихъ условій въ социальномъ сознаніи. Однимъ словомъ, по этой теоріи, основу всѣхъ явленій образуютъ матеріальныя блага, ихъ производство и обмѣнъ, а религія, мораль-искусство—суть только случайныя формы проявленія, которыя прямо или косвенно можно свести къ экономическимъ причинамъ ¹⁾.

Безъ сомнѣнія, эта теорія безконечно ближе подходитъ къ истинѣ, чѣмъ господствовавшее прежде ученіе, согласно которому рѣшающее вліяніе на исторію человѣчества оказываетъ философское

1) Для знатоковъ ученія *Карла Маркса* я считаю излишнимъ подчеркивать, что самъ Марксъ въ своей формулировкѣ матеріалистическаго пониманія исторіи былъ весьма далекъ отъ этой крайней точки зрѣнія. „*Moi même je ne suis pas Marxiste*“ (я самъ не марксистъ), писалъ онъ однажды, и эти слова онъ, безъ сомнѣнія, повторилъ бы, если бы дожилъ до новѣйшихъ произведеній „марксистовъ“ Плеханова, Мериага или Каутскаго.

познаніе, накладывающее свою печать на каждый данный періодъ. Но это обстоятельство отнюдь еще не даетъ намъ права считать экономическія условія *единственнымъ* факторомъ, опредѣляющимъ прогрессъ, какъ это утверждаютъ извѣстные послѣдователи материалистическаго пониманія исторіи. Развѣ могутъ сторонники этой теоріи отрицать, что человѣческая природа заключаетъ въ себѣ синтезъ и, постольку, предполагаетъ болѣе, чѣмъ *одинъ* элементъ? Или они дѣйствительно думаютъ, что стоитъ свести психологическое или общественное явленіе къ самой ранней его формѣ—хотя бы даже къ первично животной формѣ или къ формѣ простой органической ткани,—чтобы открыть «истинную сущность» даннаго явленія? Только путемъ ложнаго умозаключенія можно прійти къ выводу, будто простое сведеніе вещи къ ея начальнымъ формамъ во времени необходимымъ образомъ вскрываетъ ея существенное или конечное значеніе.

Прекрасной иллюстраціей къ этому могутъ служить дебаты, которые вели по этому вопросу въ Парижѣ Жоресъ и Лафаргъ ¹⁾. Жоресъ утверждалъ,—для той цѣли, которую мы сейчасъ себѣ ставимъ, безразлично, былъ ли онъ правъ или нѣтъ,—что идеи справедливости и равенства можно отыскать на самыхъ раннихъ ступеняхъ духовнаго развитія человѣчества, и что въ прогрессѣ этихъ идей и состоитъ все историческое развитіе, которое, конечно, претерпѣваетъ тѣ или иные видоизмѣненія также подъ вліяніемъ экономическихъ условій. Лафаргъ на это возразилъ, что его противникъ долженъ доказать нѣчто большее, а именно—существованіе этихъ идей также у обезьяны и даже у устрицы. Мнѣ кажется, отвѣтить на это Лафаргу было бы не трудно. Ибо Жоресъ говорилъ не объ устрицѣ, да и не объ обезьянѣ, а о человѣческомъ обществѣ. Онъ утверждалъ лишь, что извѣстныя этическія воззрѣнія и тенденціи, какъ таковыя, проявляются ясно и опредѣленно уже на первыхъ ступеняхъ развитія человѣка, какъ соціальнаго существа, что часто они, правда, тускнѣютъ, но никогда не исчезаютъ совершенно, и, наконецъ, что полной своей реализаціи они достигнутъ въ социализмѣ.

И далѣе,—такъ какъ положеніе: «*natura non facit saltum*» ²⁾ имѣетъ силу и для социологін,—если утвержденіе Жореса пра-

¹⁾ См. въ настоящемъ сборникѣ ст.: „Идеалистическое пониманіе исторіи“. П р и м. п е р е в.

²⁾ Природа не дѣлаетъ скачковъ.

вильно, то никто не станетъ отрицать, что и у обезьянъ можно найти нѣчто соотвѣтствующее идеаламъ справедливости и равенства и аналогичное развитымъ у человѣка тенденціямъ. Ничто не мѣшаетъ примѣнить это разсужденіе и къ устрицѣ или даже къ неорганической матеріи. Въ раздражимости, въ реагированіи тѣла моллюсковъ на внѣшнее раздраженіе и въ связанной съ этимъ, какъ мы думаемъ, чувствительности—мы имѣемъ, безъ сомнѣнія, непосредственного предтечу тѣхъ же условій, что и у человѣка для допущенія моральныхъ, интеллектуальныхъ и эстетическихъ импульсовъ. Простой рефлексъ является на этой стадіи развитія представителемъ болѣе высокаго и болѣе глубокаго сознанія человѣка:— онъ содержитъ въ себѣ всѣ эти тенденціи *implicite*, такъ сказать, въ потенціи. Но самъ по себѣ тотъ фактъ, что въ ходѣ времени одна вещь предшествуетъ другой, не говоритъ намъ еще ничего о природѣ болѣе высокаго сознанія и сознательныхъ актовъ воли, или даже о безсознательномъ ощущеніи и рефлексѣ, а еще менѣе — о конечныхъ формахъ человѣческаго сознанія, которыя таятся въ будущемъ.

Стремленіе свести всю человѣческую жизнь къ *одному* элементу, объяснить всю исторію на основѣ экономки, не считается, какъ я уже замѣтилъ, съ тѣмъ фактомъ, что всякая конкретная реальность необходимымъ образомъ имѣетъ двѣ стороны—матеріальную и формальную—и, слѣдовательно, по меньшей мѣрѣ, два основныхъ элемента. Ибо, въ противоположность абстракціи, реальная дѣйствительность заключается въ синтезѣ. Попытка развить многообразіе человѣческой жизни изъ одного элемента напоминаетъ стремленіе до-сократовской греческой философіи свести всю природу на одинъ основной элементъ: воду, огонь, воздухъ. Со времени Платона и Аристотеля греки отказались отъ этихъ попытокъ даже по отношенію къ внѣшней природѣ. И вотъ, въ наше время, крайніе партизаны матеріалистическаго пониманія исторіи хотятъ представить экономическую основу въ духѣ древне-греческихъ гилозоистовъ, какъ «источникъ и начало» всѣхъ вещей. Когда я однажды замѣтилъ одному выдающемуся представителю этого крайняго теченія, что «есть еще много вещей на небѣ и на землѣ, о которыхъ его міровая мудрость ничего не знаетъ», что существуютъ моральные, интеллектуальные и эстетическіе факты жизни, которыхъ нельзя, какъ бы ни углубляться въ прошлое, свести къ чисто экономическимъ причинамъ,—онъ далъ мнѣ такой замѣчательный отвѣтъ: «Откуда же взялись эти факты? Не съ неба же они упали!» Моему

другу и въ голову не пришло, что кромѣ психологическаго отраженія и «паденія съ неба» можетъ существовать еще третье рѣшеніе проблемы. Развѣ такая точка зрѣнія не въ высшей степени наивна?

По моему мнѣнію, разбираемая теорія нуждается въ такого рода исправленіи: спекулятивныя, этическія и эстетическія способности человѣка, какъ таковыя, существуютъ въ человѣческомъ обществѣ съ самаго начала—правда, въ неразвитомъ состояніи,—а не являются простымъ продуктомъ матеріальныхъ факторовъ человѣческаго существованія, хотя ихъ проявленія въ каждомъ изъ прошлыхъ періодовъ подвергались все болѣе ослабѣвающему, но часто все еще весьма значительному вліянію этихъ факторовъ. Все развитіе общества въ цѣломъ въ гораздо большей степени зависѣло отъ его матеріальной основы, чѣмъ отъ какой-либо спекулятивной, этической или эстетической причины. Но это не значитъ, что каждая такая «идеологическая» причина можетъ быть сведена къ чисто матеріальному условію. До сихъ поръ не привели еще доказательства возможности объяснить хотя бы *одно* составившее эпоху моральное, спекулятивное или эстетическое воззрѣніе, какъ продуктъ чисто экономическихъ условій. Послѣднія могутъ вліять на реализацію даннаго воззрѣнія, но вѣдь это только отчасти опредѣляетъ его. То же самое относится къ каждому историческому событію, къ каждому историческому періоду: и тутъ еще ни разу не удалось исчерпывающимъ образомъ представить данное событіе или данный періодъ, какъ продуктъ существующихъ или существовавшихъ матеріальныхъ условій, хотя я и допускаю, что въ извѣстныхъ случаяхъ и для практическихъ цѣлей это могло въ достаточной мѣрѣ удался. Общество имѣетъ опредѣленное экономическое развитіе, но оно обладаетъ также опредѣленнымъ духовнымъ развитіемъ, и лишь взаимодѣйствіе обоихъ даетъ въ результатъ социальную эволюцію въ ея конкретныхъ формахъ.

Защитники разбираемой теоріи обыкновенно не считаются съ важнымъ различіемъ между отрицательнымъ условіемъ и положительной причиной. Новыя матеріальныя условія, которыя устранили прежде существовавшія для развитія данной идеи препятствія, не могутъ считаться причинами этой идеи. Устраненіе этихъ препятствій можетъ быть безусловно необходимымъ для реализаціи данной идеи или даннаго идеала, но оно такъ же мало является причиной послѣднихъ, какъ устраненіе механическаго препятствія, мѣшающаго дереву расти прямо, является причиной его

нормальнаго развитія. Исторія даетъ намъ достаточно примѣровъ подобнаго рода. И вполнѣ допускаю, что своеобразная форма даннаго интеллектуальнаго, этического или эстетическаго движенія опредѣляется матеріальными условіями жизни того общества, въ которомъ это движеніе совершается, но она опредѣляется также основными психологическими тенденціями, создавшими это движеніе. Напримѣръ, мыслительную способность, способность къ обобщеніямъ и причинному объясненію явленій, нельзя, безъ сомнѣнія, свести на «психологическое отраженіе экономическихъ условій»,—и это даже въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что она приходитъ въ дѣйствіе подъ вліяніемъ этихъ именно условій, видоизмѣняющихъ также ея результаты. Сила сужденія обобщаетъ извѣстныя внѣшнія впечатлѣнія, подводитъ ихъ подъ общеобязательное правило, однимъ словомъ—*объясняетъ* ихъ. Вначалѣ она занимается явленіями природы въ ихъ непосредственно данномъ видѣ. Ея гипотезы еще грубы, но въ основѣ ихъ лежитъ скорѣе наивное наблюденіе внѣшней природы, чѣмъ отраженіе экономическихъ условій. И такимъ образомъ философія вначалѣ является результатомъ наблюденія явленій внѣшней природы, а впоследствии—результатомъ анализа элементовъ сознанія, въ которыхъ и посредствомъ которыхъ дана природа.

Растеніе нуждается въ опредѣленныхъ условіяхъ: въ почвѣ, климатѣ, влажности, чтобы сѣмя могло пустить ростокъ и развиваться. Но не почва и климатъ образуютъ растеніе, его образуетъ само сѣмя,—и это несмотря на то обстоятельство, что почва, климатъ и другія внѣшнія условія играютъ большую или меньшую роль въ развитіи растенія и затѣмъ въ развитіи произведеннаго имъ сѣмени и т. д. до безконечности. Вы можете тутъ углубляться, сколько вамъ угодно, вы можете прослѣдить всѣ видоизмѣненія до безконечности,—вы все же никогда не дойдете до того пункта, гдѣ почва и растеніе составили бы нѣчто одно: двойственность сѣмени и почвы все время остается. И точно такъ же обстоитъ дѣло съ человѣческимъ развитіемъ. Какъ бы далеко вы ни углублялись, вамъ никогда не удастся устранить оба конечныхъ элемента. Мы неизмѣнно приходимъ къ взаимной обусловленности внѣшняго, матеріальнаго, и внутренняго, «идеологическаго», факторовъ. Въ каждомъ конкретномъ человѣческомъ обществѣ, даже въ самомъ раннемъ и простѣйшемъ, мы находимъ неразрывное взаимодѣйствіе обоихъ этихъ элементовъ. Выдѣленіе одного изъ нихъ приводитъ къ абстракціи.

Мы переходимъ теперь къ важному вопросу: въ какомъ отношеніи стоятъ другъ къ другу оба эти элемента въ разные періоды? Что одинъ изъ нихъ можетъ значительно преобладать, и что такимъ преобладающимъ элементомъ на всемъ протяженіи человѣческой исторіи былъ матеріальный элементъ,—это въ настоящее время совершенно неоспоримо. Но даже въ тѣ эпохи, относительно которыхъ сохранилось историческое преданіе, мы наблюдаемъ—и это столь же неоспоримо—опредѣленные періоды съ преобладаніемъ «идеологическаго» элемента. Это—тѣ періоды, когда какая-нибудь спекулятивная вѣра признается ея послѣдователями до того истинной, что она совершенно отодвигаетъ на задній планъ матеріальные интересы жизни. Какъ примѣръ, можно привести первый періодъ христіанства. Разумѣется, матеріальный (и въ особенности, экономическій) факторъ имѣетъ тенденцію, коль скоро рѣчь идетъ о большихъ массахъ, получать преобладающее значеніе—что и случилось послѣ перваго вѣка существованія христіанства. То же произошло и съ религіозными движеніями реформаціи. Но въ развитіи христіанства на протяженіи первыхъ двухъ поколѣній матеріальныя условія играли весьма подчиненную, почти даже только отрицательную роль. Точно такъ же въ первыхъ еретическихъ движеніяхъ среднихъ вѣковъ рѣшительный перевѣсъ былъ на сторонѣ спекулятивнаго элемента. Но если даже оставить въ сторонѣ спеціальныя случаи непоколебимой спекулятивной вѣры, можно установить въ различные періоды значительное колебаніе въ относительномъ вліяніи «идеологическаго» и матеріальнаго факторовъ. Тутъ возникаетъ вопросъ: возможно ли формулировать для этихъ колебаній какой-либо законъ?

Возможно ли познать тотъ принципъ, отъ котораго они зависятъ? Я думаю, что его слѣдуетъ искать въ относительной обезпеченности жизненныхъ потребностей народныхъ массъ. Какъ тѣлесному существу, человѣку необходимы пища, одежда, жилище, утварь и т. д. Поэтому основа соціальнаго развитія по необходимости матеріальна. Обезпеченіе этихъ потребностей составляетъ высшую задачу всякаго общества, составляетъ его *sine qua non*. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ средства существованія недостаточны, или гдѣ имъ угрожаетъ опасность, тамъ добываніе ихъ играетъ въ человѣческомъ сознаніи первенствующую роль и занимаетъ въ немъ главное мѣсто. Высшія человѣческія способности предполагаютъ удовлетвореніе низшихъ. До тѣхъ же поръ, пока животныя потребности остаются неудовлетворенными, онѣ необходимымъ образомъ все-

цѣло занимають горизонтъ сознанія и безраздѣльно владѣють всѣми мыслями. Это имѣетъ такую же силу по отношенію къ аскету, какъ и по отношенію къ обыкновенному человѣку, только въ обратной формѣ. Стараясь умертвить свою животную природу, аскетъ занимается ею въ той же мѣрѣ, какъ и обыкновенный человѣкъ, который стремится ее удовлетворить. Невозможно освободиться отъ естественной основы воѣхъ вещей.

Итакъ, если ощущается недостатокъ въ необходимыхъ матеріальныхъ средствахъ къ жизни, если добываніе ихъ дается съ трудомъ, и нѣтъ увѣренности въ ихъ сохраненіи, то преобладаніе экономическаго фактора является необходимостью. И такъ какъ на всемъ протяженіи исторіи для многочисленныхъ классовъ общества, а чаще всего для большинства его, существовало одно или нѣсколько изъ названныхъ условий, то на всемъ протяженіи исторіи «идеологическіе» продукты получали свою окраску и даже свою форму отъ матеріальныхъ условий. Я хотѣлъ бы здѣсь повторить сказанное мною уже въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, а именно, что необходима наличность трехъ условий для того, чтобы экономика была первичной движущей силой прогресса: необходимъ классъ, который не можетъ удовлетворять своихъ жизненныхъ потребностей въ такой мѣрѣ, какъ это дѣлаетъ другой классъ; необходимо, далѣе, чтобы классъ этотъ сознавалъ свое болѣе низкое и необезпеченное положеніе; и, наконецъ, необходима увѣренность, что совмѣстнымъ классовымъ выступленіемъ возможно добиться недостающихъ благъ и обезпеченной жизни. Таковы тѣ условія, при которыхъ экономическое движеніе приобретаетъ въ исторіи силу, при которыхъ оно необходимо должно приобрести силу, если только рѣчь идетъ о классѣ, составляющемъ большинство или хотя бы только значительную часть народа. Это можетъ совершиться въ сознательной или безсознательной формѣ. Въ послѣднемъ случаѣ люди могутъ думать, что ими руководятъ политическіе или религіозные мотивы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они дѣйствуютъ подъ влияніемъ соображеній о матеріальномъ благополучіи, какъ своемъ собственномъ, такъ и того класса, къ которому они принадлежатъ. Въ прошломъ это довольно часто дѣлалось открыто, но въ настоящее время, напротивъ, въ такихъ случаяхъ обыкновенно пользуются, сознательно или безсознательно, мантией религіи.

Подведу теперь итогъ тѣмъ взглядамъ, которые я развилъ здѣсь

¹⁾ „Outlooks from the new Standpoint“, стр. 127—128.

въ противоположность крайнему направленію матеріалистическаго пониманія исторіи. Для представителей этого направленія человѣческая дѣятельность опредѣляется всецѣло и исключительно внѣшними, физическими причинами, совершенно такъ же, какъ съ точки зрѣнія противоположнаго направленія она опредѣляется всецѣло и исключительно внутренними, психологическими или идеальными причинами. Оба воззрѣнія я считаю односторонними и потому ошибочными, хотя первое изъ нихъ гораздо ближе подходитъ къ истинѣ, ибо на всемъ протяженіи историческаго развитія вплоть до нашихъ дней вліяніе физическихъ, экономическихъ условій, было, безъ сомнѣнія, преобладающимъ, а въ настоящее время оно до того могущественно, что даже близорукій наблюдатель вынужденъ признать его. Это именно обстоятельство и способствовало распространенію крайнихъ матеріалистическихъ воззрѣній. Разумѣется, намъ, живущимъ въ такое время, когда экономическія условія оттѣснили на задній планъ все остальное, намъ трудно представить себѣ то время, когда этого не было. Современному человѣку кажется непонятнымъ, какъ могли когда-то люди принимать теологію съ такой непоколебимой вѣрой, что она оказывала вліяніе на ихъ дѣятельность; какъ могли рыцарскія доблести, вѣрность сеньеру, привязанность къ своему племени обладать такой силой, чтобы оттѣснить на задній планъ всѣ остальные проявленія жизни. На это мнѣ, конечно, возразятъ, что всѣ эти чувства возникли тоже какъ результатъ экономическихъ условій. Точь-въ-точь какъ, по пословицѣ, Тентерденская башня явилась причиной обмеленія близлежащаго берега, такъ какъ на памяти людей она всегда находилась возлѣ него.

Конечно, для того, чтобы приносить плоды, идеологическое воззрѣніе должно быть посажено въ соответствующую экономическую почву, но эта экономическая почва, какъ таковая, составляетъ лишь отрицательное условіе. Активнымъ, творческимъ элементомъ является сѣмя, т. е. «идеологическое» воззрѣніе. И поскольку социализмъ есть сознательное движеніе, это относится также къ нему. Оставаясь при нашемъ сравненіи, можно сказать, что экономической почвы самой по себѣ недостаточно, чтобы произвести плоды. Это наглядно доказывается тѣмъ фактомъ, что самая могущественная социалистическая партія возникла на нѣмецкой почвѣ, а не въ Англіи или Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ крупная промышленность развилась, вѣдь, раньше и распустилась гораздо болѣе пышнымъ цвѣтомъ. Въ Германіи психологическій, идеологическій фак-

торъ—вліяніе соціалистическаго ученія на образованное населеніе—засталъ сравнительно неблагоприятныя, по крайней мѣрѣ вначалѣ, экономическія условія, и все же успѣхъ получился крупный. Въ Англіи, напротивъ, не доставало психологическаго фактора или онъ былъ лишь слабо развитъ, и хотя экономическія условія были въ десять разъ благоприятнѣе, результатъ получился нулевой или крайне слабый. Это вдвойнѣ замѣчательно по отношенію къ такому вѣку и такому движенію, въ которыхъ экономическія условія играютъ и необходимо должны играть важнѣйшую роль. Передъ нами ученіе, построенное на экономіи и провозглашающее, что развитіе крупной промышленности съ естественной необходимостью приводитъ къ социализму,—и однако, какъ разъ въ странахъ съ наиболѣе развитыми экономическими условіями, каковы Англія и Соединенные Штаты, это ученіе пользуется меньшимъ признаніемъ, чѣмъ на европейскомъ континентѣ, гдѣ крупная промышленность сравнительно недавно возникла. Въ большихъ городахъ Англіи и Америки пролетаріатъ многочисленнѣе, нищета тамъ, вѣроятно, болѣе ужасающая,—и тѣмъ не менѣе социализму въ Англіи и Америкѣ приходится бороться съ апатіей трудящихся классовъ. Экономическія условія, какъ бы сильно ни ощущалось ихъ давленіе, нуждаются въ оплодотворяющемъ вліяніи идеала и энтузіазма, чтобы вызвать къ жизни великое движеніе, не говоря уже о созданіи новаго общества.

Я уже указалъ на то, какъ мѣняется въ различные періоды относительная роль обоихъ элементовъ; я попытался также установить законъ, управляющій этимъ измѣненіемъ. Я допустилъ, что въ настоящее время экономическія условія до того оттѣсняють въ человѣческомъ умѣ всѣ остальные соображенія, что поверхностному наблюдателю они могутъ показаться единственнымъ факторомъ прогресса. Но, несмотря на преобладающее въ настоящій моментъ господство этого фактора, мы видѣли, что «идеологическая» способность человека—я назвалъ бы ее первичнымъ психологическимъ факторомъ—должна сначала преобразовать результаты выпянаго экономическаго давленія и привести ихъ въ форму идеала, чтобы прогрессъ дѣйствительно могъ совершиться. А если этого нѣтъ, тогда экономическій, а съ нимъ вмѣстѣ и социальный прогрессъ лишь медленно пробиваетъ себѣ путь. Изъ того, что до сихъ поръ въ большинствѣ историческихъ періодовъ экономическій факторъ прогресса игралъ руководящую роль, отнюдь еще не слѣдуетъ, что это всегда такъ и будетъ. Напротивъ. Ибо, если правило установлено мною законъ объ отношеніи обоихъ элементовъ социальной

эволюціи другъ къ другу, то несомнѣнно также, что уничтоженіе классового общества, т. е. монопольнаго обладанія небольшою части народа важнѣйшими благами въ ущербъ народнымъ массамъ, означаетъ уничтоженіе той силы, которая до сихъ поръ опредѣляла направленіе человѣческой дѣятельности. Въ эпоху классового господства внѣшняя сила (экономическія условія) господствуетъ надъ внутренней (надъ идеологическимъ элементомъ), матеріальныя отношенія опредѣляютъ психологическія побужденія. Это бываетъ неизбѣжно всякій разъ, когда нарушено экономическое равновѣсіе. Когда классъ имущихъ противостоитъ классу обездоленныхъ, тогда сознаниемъ этого послѣдняго овладѣваетъ потребность въ матеріальныхъ благахъ и стремленіе къ ихъ достиженію. Всякій идеалъ, возникающій у такого класса, необходимо долженъ носить на себѣ печать этого факта. И, въ свою очередь, сознание класса имущихъ проникнуто экономической необходимостью защищать свое положеніе.

Но какъ только исчезнетъ раздѣленіе общества на классы, и все общество образуетъ одинъ единый классъ,—исчезнетъ также экономическое давленіе, и психологическое движеніе сдѣлается совершенно свободнымъ. Пусть правы тѣ, которые говорятъ, что никогда не удастся вполне элиминировать экономическій элементъ, такъ какъ этому мѣшаетъ сама природа. Но если въ прежнія эпохи человѣкъ имѣлъ власть надъ природой только въ узкихъ предѣлахъ, если соціальныя союзы были невелики и болѣе или менѣе изолированы, такъ что плохой урожай, градобитіе или разбойничье нападеніе сосѣдняго племени могли произвести полную перемѣну во всѣхъ общественныхъ условіяхъ,—то современная техника, благодаря своимъ изобрѣтеніямъ, уменьшаетъ эту зависимость отъ внѣшнихъ факторовъ. Но, съ другой стороны, если даже удастся, благодаря большому господству надъ природой, низвести до минимума непосредственно-внѣшнія вліянія, то все же они едва ли совершенно исчезнутъ; еще меньше удастся намъ сразу устранить послѣдствія тѣхъ нарушеній, которыя неизбѣжно будутъ вызваны столь радикальной перемѣной въ общественномъ развитіи. Все же, экономическій факторъ прогресса будетъ тогда окончательно развѣнчанъ и навсегда утратитъ господство надъ развитіемъ политической, соціальной и духовной жизни. Общественное развитіе, которое раньше безсознательно опредѣлялось матеріальными условіями, будетъ теперь направляться сознательной волей людей.

Во взаимномъ дѣйствіи и противодѣйствіи обоихъ элементовъ соціальной динамики и состоитъ вся человѣческая исторія. Но

внутри этого великаго синтеза общественной жизни развивается безконечное множество новыхъ синтезовъ, приобретающихъ относительно независимое существованіе. Фридрихъ Энгельсъ блестяще показалъ ¹⁾, какъ экономическія формы даютъ все новые ростки, въ свою очередь начинающіе вести самостоятельную жизнь. Это *mutatis mutandis* относится ко всѣмъ областямъ человѣческой дѣятельности. Религіозныя, политическія, научныя, философскія, моральныя и эстетическія проявленія жизни имѣютъ тенденцію развивать побочныя формы, которыя начинаютъ вести свою собственную, относительно самостоятельную и независимую, хотя и подчиненную, жизнь. Всѣ они одинаково, но въ различной степени, являются результатомъ вліянія экономическаго развитія на психику, съ одной стороны, и обратнаго воздѣйствія послѣдней на экономическое развитіе—съ другой. Но каждое звено этихъ дѣйствій и обратныхъ воздѣйствій отличается большею сложностью, чѣмъ предыдущее. Ни одно экономическое явленіе не можетъ считаться исключительнымъ продуктомъ внѣшнихъ силъ, ни одно интеллектуальное, моральное или эстетическое явленіе—исключительнымъ продуктомъ психическихъ процессовъ. Общій результатъ тѣхъ и другихъ составляетъ человѣческое развитіе: въ отдѣльности они не существуютъ, и лишь во взаимодействіи дана ихъ реальность.

Наши надежды на великую будущность человечества при господствѣ социализма основываются на томъ фактѣ, что тогда духовная инициатива человѣка впервые освободится отъ мучительнаго гнета экономическихъ условій и матеріальнаго положенія и получитъ власть надъ человѣческой жизнью. Кто позналъ прошлое историческое развитіе, тотъ пойметъ также то безконечно великое значеніе, какое будетъ имѣть эта революція.

¹⁾ Въ приложеніи къ „Leipziger Volkszeitung“ отъ 26 октября 1895 г.

Карль Каутскій.

Матеріалистическое пониманіе исторіи и психологическій факторъ.

Послѣдователямъ научнаго социализма, основаннаго Марксомъ и Энгельсомъ, рѣшительно не везетъ. Они подвергаются нападкамъ не только со стороны противниковъ Маркса и Энгельса, что вполне понятно, но и со стороны такихъ людей, которые нерѣдко даже чрезмерно высоко ставятъ Маркса и Энгельса, но почему-то считаютъ несовмѣстимымъ съ достоинствомъ свободнаго мыслителя послѣдовательно проводить ихъ ученіе. Шутку Маркса, что онъ самъ не марксистъ, эти господа принимаютъ въ серьезъ и стараются всѣхъ увѣрить, будто Марксъ считалъ сторонниковъ своего ученія идіотами, страдающими полнымъ отсутствіемъ способности къ самостоятельному мышленію. По ихъ словамъ выходитъ, что марксисты, всѣ безъ исключенія, не въ силахъ понять Маркса, и поэтому они, не-марксисты, призваны защитить марксово ученіе отъ догматическаго фанатизма марксистовъ.

Обыкновенно эти чудаки довольствуются парой фразъ извѣстнаго серта, обезпечивающихъ успѣхъ на собраніяхъ «свободомыслящихъ», если ихъ произнести въ соответствующемъ тонѣ моральнаго негодованія. Нѣсколько болѣе серьезную попытку въ этомъ направленіи дѣлаетъ англійскій социалистъ Вельфортъ-Бакъ.

Въ своей статьѣ: «Матеріалистическое пониманіе исторіи» онъ послѣ небольшого вступленія говоритъ:

«Въ своей наиболѣе рѣзкой формѣ эта (матеріалистическая) теорія (историческаго развитія), слѣдовательно, утверждаетъ, что нравственность, религія и искусство не только находятся въ зависимости отъ экономическихъ условій, но и *всецѣло возникаютъ изъ отраженія этихъ условій въ социальномъ сознаніи*. Однимъ словомъ, по этой теоріи, основу *всѣхъ явленій* образуютъ матеріальныя блага, ихъ производство и обмѣнъ, а религія, мораль, искус-

ство—суть только случайныя формы проявленія, которыя прямо или косвенно можно свести къ экономическимъ причинамъ».

А въ примѣчаніи къ этому мѣсту Баксъ говоритъ: «Для знатоковъ ученія Карла Маркса я считаю излишнимъ подчеркивать, что самъ Марксъ въ своей формулировкѣ матеріалистическаго пониманія исторіи былъ весьма далекъ отъ этой крайней точки зрѣнія. «*Moi même je ne suis pas Marxiste*» (я самъ не марксистъ), писалъ онъ однажды, и эти слова онъ, безъ сомнѣнія, повторилъ бы, если бы дожилъ до новѣйшихъ произведеній «марксистовъ» Плеханова, Меринга или Каутскаго».

Это примѣчаніе во всякомъ случаѣ оригинально. Новѣйшія произведенія марксистовъ вызвали у Бакса чувство досады. Но опасаясь, что простое выраженіе его личнаго неудовольствія мало подѣйствуетъ, онъ вызываетъ тѣнь Карла Маркса и заставляетъ ее торжественно отъ насъ отречься.

Когда Марксъ черезъ медиума Бакса отвергаетъ наши новѣйшія произведенія, это для насъ безъ сомнѣнія тяжкій ударъ. Но зачѣмъ было Баксу въ такой мѣрѣ напрягать свои теософическія способности? Вѣдь матеріалистическое пониманіе исторіи создано не только Марксомъ, но и Энгельсомъ, который вѣдь дожилъ до «новѣйшихъ произведеній марксистовъ»: почему же Баксъ умалчиваетъ объ Энгельсѣ?

Но не одно это замѣчательно въ приведенномъ примѣчаніи. Единственной его цѣлью, очевидно, является—обрушиться на трехъ названныхъ марксистовъ. Суть дѣла оно нисколько не выясняетъ. Напротивъ. Въ текстѣ всегда говорится о матеріалистическомъ пониманіи исторіи, какъ объ одной опредѣленной теоріи. Въ примѣчаніи же намъ, вдругъ заявляютъ, что изложенная въ текстѣ теорія не есть теорія Маркса. При этомъ, однако, Баксъ остерегается указать, кому же собственно принадлежитъ эта теорія. Не хочетъ ли онъ сказать, что творцами изложенной имъ исторической теоріи являются Плехановъ, Мерингъ, Каутскій? Тогда я долженъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ этого протестовать не только отъ своего собственнаго имени, но и отъ имени всѣхъ марксистовъ вообще. Ни одному серьезному марксисту никогда не приходило въ голову говорить объ «отраженіи въ социальномъ сознаніи»—что бы Баксъ подъ этимъ ни разумѣлъ. Мы никогда не искали «основу *всѣхъ явленій*» въ «матеріальныхъ благахъ»; даже «основу» всей *человѣческой дѣятельности* мы ищемъ далеко не исключительно въ «матеріальныхъ благахъ». И не нужно вовсе

быть «знатокомъ» литературы историческаго матеріализма, чтобы знать, что ни одинъ марксистъ не смотритъ на религію, мораль, искусство, какъ на «случайныя формы проявленія».

Но и кромѣ названныхъ марксистовъ, мнѣ неизвѣстенъ также ни одинъ историческій матеріалистъ, который написалъ бы подобный вздоръ. Такимъ образомъ, та матеріалистическая концепція исторіи, съ которой воюетъ Баксъ, не принадлежитъ ни Марксу, ни марксистамъ, будто бы отклонившимся отъ Маркса,—и мы охотно предоставляемъ Бакоу разрушить ее до основанія.

Баксъ, однако, не только разрушаетъ, но и строитъ, какъ подобаетъ философскому критику. Онъ *исправляетъ* матеріалистическое пониманіе исторіи.

Послѣднее кажется ему одностороннимъ. «Стремленіе,—говоритъ онъ,—свести *всю человѣческую жизнь* къ одному элементу, объяснить всю исторію на основѣ экономики, не считается съ тѣмъ фактомъ, что всякая конкретная реальность необходимымъ образомъ имѣетъ двѣ стороны—матеріальную и формальную—и, слѣдовательно, по меньшей мѣрѣ, два основныхъ элемента... По моему мнѣнію, разбираемая теорія нуждается въ такого рода исправленіи: спекулятивныя, этическія и эстетическія *способности* чловѣка, какъ таковыя, существуютъ въ чловѣческомъ обществѣ съ самаго начала—правда, въ неразвитомъ состояніи,—а не являются простымъ продуктомъ матеріальныхъ факторовъ чловѣческаго существованія, хотя ихъ проявленія въ каждомъ изъ прошлыхъ періодовъ подвергались все болѣе ослабѣвающему, но часто все еще весьма значительному влиянію этихъ факторовъ. Все развитіе общества въ цѣломъ въ гораздо большей степени зависѣло отъ его матеріальной основы, чѣмъ отъ какой-либо спекулятивной, этической или эстетической причины. Но это не значитъ, что каждая такая «идеологическая» причина можетъ быть сведена къ чисто матеріальному условію... Я вполне допускаю, что своеобразная форма даннаго интеллектуальнаго, этическаго и эстетическаго движенія опредѣляется матеріальными условіями жизни того общества, въ которомъ это движеніе совершается, но она опредѣляется также основными психологическими тенденціями, создавшими это движеніе. Напр., *мыслительную способность*, способность къ обобщеніямъ и причинному объясненію явленій нельзя, безъ сомнѣнія, свести на «психологическое отраженіе экономическихъ условій»... Подведу теперь итогъ тѣмъ взглядамъ, которые я развилъ здѣсь въ противоположность крайнему направленію матеріалистическаго пониманія

исторіи. Для представителей этого направленія *человѣческая дѣятельность* опредѣляется всецѣло и исключительно *внѣшними*, физическими причинами, совершенно такъ же, какъ съ точки зрѣнія противоположнаго направленія она опредѣляется всецѣло и исключительно *внутренними*, психологическими или идеальными причинами. Оба воззрѣнія я считаю односторонними».

Дѣйствительный смыслъ всего этого философскаго глубокомыслія сводится къ тому, что, по мнѣнію Бакса, нравственность, религія, искусство, наука создаются не исключительно экономическими условіями: необходимо еще, чтобы эти условія воздѣйствовали на людей, одаренныхъ извѣстными этическими, эстетическими, спекулятивными способностями. Только изъ взаимодействія обоихъ факторовъ возникаетъ общественное, эстетическое, этическое и т. п. движеніе.

Кто станетъ оспаривать, что Баксъ совершенно правъ, и что матеріалистическое пониманіе исторіи окончательно посрамлено? Но не то матеріалистическое пониманіе исторіи, котораго придерживался Марксъ и придерживаются марксисты, а только то, которое изобрѣлъ самъ же Баксъ и которое гласитъ, что «нравственность, религія и искусство» являются «отраженіемъ экономическихъ условій» въ «соціальномъ сознаніи», что матеріальныя блага образуютъ основу всѣхъ явленій, и что «мыслительную способность» можно «свести на психологическое отраженіе экономическихъ условій».

Марксово матеріалистическое пониманіе исторіи, къ сожалѣнію, слишкомъ ограничено и односторонне, чтобы претендовать на объясненіе *мыслительной способности*—пожалуй, еще и *улитокъ!*—или *всѣхъ явленій*. Оно не стремится быть чѣмъ-либо инымъ, какъ только *исторической теоріей*, какъ только методомъ изслѣдованія основныхъ причинъ *общественнаго развитія*.

Было бы, конечно, абсурдомъ утверждать что данное художественное произведеніе или данная философская система, разсматриваемая сами по себѣ, являются просто продуктомъ общественныхъ, въ конечномъ счетѣ—экономическихъ, отношеній. Но ни одна историческая теорія не ставитъ своей задачей объяснить художественное или философское творчество; она занимается лишь объясненіемъ тѣхъ *измѣненій*, которыя это творчество испытываетъ въ различные періоды. Разумѣется, безъ мыслительной способности нѣтъ и идей. Но развѣ можетъ эта глубокая истина подвинуть насъ хотя бы на одинъ шагъ при изслѣдованіи вопроса, почему идеи XIX вѣка отличаются отъ идей XIII в., которыя въ свою очередь отличаются отъ идей античнаго міра?

Нужно отличать полнымъ отсутствіемъ ума, чтобы допустить, что воля и мышленіе людей «опредѣляются всецѣло и исключительно внѣшними, физическими причинами», какъ это, по мнѣнію Бакса, утверждаетъ «крайнее направленіе матеріалистическаго пониманія исторіи». Само собой понятно, что въ процессъ выработки идей играетъ роль не только внѣшній міръ, но и человѣческій организмъ. Но развѣ человѣческій организмъ, его способность къ мышленію, къ художественному творчеству и т. д. сколько-нибудь замѣтно измѣнились на протяженіи исторіи? Конечно, нѣтъ. Мыслительная способность какого-нибудь Аристотеля врядъ ли превзойдена, какъ не превзойдены также художественныя способности древнихъ грековъ. Съ другой стороны, что измѣнилось во внѣшнемъ мірѣ? Природа? Тоже нѣтъ: надъ Греціей сіяетъ то же самое голубое небо, что и въ эпоху Перикла. Измѣнилось только общество, т. е. въ конечномъ счетѣ—*экономическія отношенія*; и поскольку въ природѣ и людяхъ происходили измѣненія, они совершались подъ влияніемъ измѣненій въ экономическихъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ, экономическія отношенія не являются единственнымъ факторомъ, опредѣляющимъ «всю человѣческую дѣятельность», «всю человѣческую жизнь въ цѣломъ», но среди факторовъ, влияющихъ на человѣческую жизнь, они составляютъ единственный *перемѣнный* элементъ. Всѣ остальные факторы постоянны и вовсе не мѣняются, а если и мѣняются, то только подъ влияніемъ этого перемѣннаго элемента; они, слѣдовательно, не являются движущими силами *историческаго развитія*, хотя и составляютъ необходимые элементы *человѣческой жизни*.

Историческій матеріалистъ отнюдь не проходитъ мимо «психологическаго» фактора, отнюдь не даетъ слишкомъ нѣжную оцѣнку его роли въ исторіи. Но, далекий отъ того, чтобы быть главной пружиной историческаго развитія, этотъ факторъ, напротивъ, оказывается по существу *консервативнымъ* элементомъ. Каждый историкъ знаетъ, какую великую силу представляетъ въ исторіи *традиція*.

Въ то время, какъ экономическое развитіе не знаетъ покоя, человѣческое сознаніе стремится остаться въ разѣ добытыхъ формахъ мышленія; оно не слѣдуетъ непосредственно за экономическимъ развитіемъ, а окаменѣваетъ и остается при старыхъ формахъ еще долгое время послѣ того, какъ создавшія ихъ экономическія и общественныя отношенія исчезли. Такъ, по слову поэта, разумъ становится безомыслицей, благодѣяніе—бѣдствіемъ. И это

происходить не только тамъ, гдѣ съ сохраненіемъ старыхъ формъ мышленія связанъ какой-нибудь матеріальный интересъ. Приведу для примѣра тотъ фактъ, что названія степеней родства гораздо консервативнѣе, чѣмъ формы семьи ¹⁾, или что наши праздники пережили всѣ революціи, хотя отношенія, изъ которыхъ они возникли, давнымъ-давно исчезли. Поэтому-то формы мышленія позднѣйшей эпохи даютъ намъ важныя указанія для изученія общественныхъ отношеній болѣе ранней эпохи.

Экономическое развитіе должно уже значительно уйти впередъ, его потребности и выросшія изъ нихъ общественныя отношенія должны уже находиться въ сильномъ противорѣчій съ традиціонными формами права, морали, мышленія, чувствъ и со всей организаціей общества, чтобы даже только избранные мыслители, отличающіеся особенной глубиной и смѣлостью мысли, увидѣли себя вынужденными развивать и защищать, при помощи имѣющихся въ ихъ распоряженіи художественныхъ и научныхъ средствъ, новыя воззрѣнія, новыя идеалы нравственности, права и общественной организаціи, — идеалы, которые обязаны своей притягательной силой новымъ общественнымъ потребностямъ и отношеніямъ и историческое значеніе которыхъ—ихъ вліяніе на преобразование человѣческаго сознанія и на реорганизацію общества—зависитъ отъ степени ихъ приближенія къ требованіямъ экономического развитія.

Но человѣческое мышленіе до того консервативно, что даже революціонныя умы въ началѣ революціи неизбѣжно вливаютъ новое вино въ старые мѣха и сами смотрятъ на свои идеи не какъ на переворотъ въ традиціонныхъ формахъ мышленія, а какъ на ихъ завершеніе. Христосъ, какъ извѣстно, пришелъ не для того, чтобы разрушить законъ, а чтобы исполнить его; реформаторы стремились не къ созданію новаго христіанства, соотвѣтствовавшаго потребностямъ XV и XVI вв., а къ восстановленію евангелическаго христіанства; точно такъ же и первые демократическіе социалисты нашего

¹⁾ „Семья,—говоритъ Морганъ,—является активнымъ элементомъ; она никогда не остается на одномъ мѣстѣ, а неизмѣнно переходитъ отъ низшихъ формъ къ высшимъ по мѣрѣ того, какъ общество постепенно развивается. Напротивъ, системы родства пассивны; только черезъ громадныя промежутки времени онѣ отмѣчаютъ тѣ этапы развитія, которые протѣкала семья, и лишь въ томъ случаѣ подвергаются радикальной перемѣнѣ, когда радикальнымъ образомъ измѣнилась семья“. И,—добавляетъ Марксъ,—такъ же точно обстоитъ дѣло съ политическими, юридическими, религіозными и философскими системами вообще“, (Энгельсъ. Происхожденіе семьи, собственности и государства).

времени думали, что имъ предстоитъ лишь завершить то дѣло, которое начала, но не окончила французская революція. Соціально-демократія была въ ихъ глазахъ только послѣдовательною демократіей.

Борьба новыхъ элементовъ со старыми должна уже значительно подвинуться впередъ, чтобы творцы новыхъ идей осознали ихъ непримиримое противорѣчіе со старыми. Еще позже, разумѣется, это начинаетъ сознавать масса рядовыхъ членовъ общества даже внутри тѣхъ классовъ, которые заинтересованы въ новомъ порядкѣ вещей. Классовыя противорѣчія должны рѣзко обостриться, классовая борьба должна глубоко всколыхнуть массы, чтобы онѣ заинтересовались новымъ ученіемъ и поняли его.

Благодаря такой косности человѣческаго сознанія, прогрессъ общества при поверхностномъ наблюденіи кажется продуктомъ идей, «падающихъ съ неба» въ головы отдѣльныхъ вдохновенныхъ мыслителей, которые затѣмъ и привлекаютъ на ихъ сторону массы. Дѣло представляется въ такомъ видѣ, будто идеи порождаютъ общественное движеніе. Нѣтъ ничего наивнѣе, чѣмъ когда представители идеализма упрекаютъ матеріалистовъ въ томъ, что они «проходятъ мимо» роли идей въ исторіи. Какъ будто это возможно, какъ будто только-что описанный процессъ не бросается самъ собой въ глаза каждому, кто еще только начинаетъ изучать исторію! Нѣтъ, матеріалисты не *проходятъ мимо* этого процесса, но они не *довольствуются* тѣмъ, чтобы, по примѣру традиціонныхъ историковъ, оставаться при одномъ этомъ процессѣ, т. е. на поверхности явленій. Они ведутъ изслѣдованіе глубже и приходятъ къ выводу, что смѣна идей носить не случайный и произвольный, а вполне законмѣрный характеръ, что каждой данной экономической эпохѣ соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы религіи, нравственности, права, одинаковыя во всѣхъ климатахъ и у всѣхъ расъ, и что повсюду, гдѣ только можно прослѣдить соотвѣтствующія измѣненія, измѣненіе экономическихъ отношеній предшествуетъ измѣненію человѣческихъ воззрѣній, и, слѣдовательно, послѣднее должно быть объясняемо первымъ, а не наоборотъ.

Таково матеріалистическое пониманіе исторіи—не то, которое развилъ Баксъ, а то, котораго придерживались Марксъ и Энгельсъ (ср. между прочимъ предисловіе къ «Критикѣ политической экономіи» перваго и «Фейербаха»—послѣдняго), и котораго придерживаются также ихъ ученики. Что критика Бакса и предлагаемое имъ «исправленіе» не задѣваютъ *этой* теоріи, совершенно ясно.

Вся критика, которой Баксъ подвергаетъ матеріалистическое

пониманіе исторіи, основана на смѣшеніи понятій историческаго развитія и — «всей человѣческой жизни въ цѣломъ». Онъ полагаетъ, что теорія, объясняющая историческое развитіе, должна непременно давать также полное объясненіе всей человѣческой жизни.

Но Баксъ не ограничивается однимъ только этимъ смѣшеніемъ понятій.

Прійдя къ глубокомысленному выводу, что человѣческая дѣятельность опредѣляется внѣшними и внутренними причинами, онъ тотчасъ же развиваетъ дальше это свое открытіе и замѣчаетъ, что въ ходѣ историческаго развитія большую роль играетъ то одинъ факторъ — «основныя психологическія тенденціи», то другой — «экономическія условія».

«Мы переходимъ, — говоритъ онъ, — теперь къ важному вопросу: въ какомъ отношеніи стоятъ другъ къ другу оба элемента въ разные періоды? Что одинъ изъ нихъ можетъ значительно преобладать, и что такимъ преобладающимъ элементомъ на всемъ протяженіи человѣческой исторіи былъ матеріальный элементъ, — это въ настоящее время совершенно неоспоримо. Но даже въ тѣ эпохи, относительно которыхъ сохранилось историческое преданіе, мы наблюдаемъ — и это столь же неоспоримо — опредѣленные періоды съ преобладаніемъ «идеологическаго» элемента. Это — тѣ періоды, когда какая-нибудь спекулятивная вѣра признается ея послѣдователями до того истинной, что она совершенно отодвигаетъ на задній планъ *матеріальные интересы жизни*. Какъ примѣръ, можно привести первый періодъ христіанства... Въ развитіи христіанства на протяженіи первыхъ двухъ поколѣній *матеріальныя условія* играли весьма подчиненную, почти даже только отрицательную роль. Точно также въ первыхъ еретическихъ движеніяхъ среднихъ вѣковъ рѣшительный перевѣсъ былъ на сторонѣ спекулятивнаго элемента... Разумѣется, намъ, живущимъ въ такое время, когда экономическія условія отгѣснили на задній планъ все остальное, намъ трудно представить себѣ то время, когда этого не было. Современному человѣку кажется непонятнымъ, какъ могли когда-то люди принимать теологію съ такой непоколебимой вѣрой, что она оказывала вліяніе на ихъ дѣятельность; какъ могли рыцарскія доблести, вѣрность сеньеру, привязанность къ своему племени обладать такой силой, чтобы отгѣснить на задній планъ всѣ остальные проявленія жизни».

Какіе, однако, мы, матеріалисты, пошлые люди! Всѣ болѣе тонкія движенія человѣческой души, не укладывающіяся въ рамки стремленія къ наживѣ, намъ недоступны. Добродѣтели рыцарства,

вѣрности, самоотверженности ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть поняты матеріалистами, а только избранными идеалистами, къ которымъ Баксъ, очевидно, причисляетъ самого себя.

И какіе мы, матеріалисты, невѣжы! Всякій школьникъ знаетъ, какая непоколебимая вѣра воодушевляла первыхъ послѣдователей христіанства и средневѣковой реформациі,—лишь мы, матеріалисты, не знаемъ этого. Однако, въ такомъ невѣжествѣ Баксъ могъ бы уличить не только «крайнихъ марксистовъ»: въ томъ же повиненъ и самъ Марксъ. Какъ извѣстно, онъ развилъ теорію историческаго матеріализма въ предисловіи къ своему сочиненію: «Критика политической экономіи», изданному въ 1859 г. Тотчасъ же одинъ американскій критикъ одѣлалъ то же самое открытіе, какое сейчасъ дѣлаетъ нашъ англійскій критикъ. Въ указанномъ предисловіи Марксъ говоритъ, что «способъ производства матеріальной жизни обусловливаетъ соціальныя, политическія и духовныя процессы жизни вообще»; и вотъ критикъ возразилъ, что «хотя все это и вѣрно для современнаго міра, въ которомъ господствуютъ матеріальные интересы, но это непримѣнимо ни къ среднимъ вѣкамъ, въ которые господствовалъ католицизмъ, ни къ Аѳинамъ и Риму, гдѣ господствовала политика». Въ одной выноскѣ въ «Капиталѣ» Марксъ замѣчаетъ по этому поводу: «Прежде всего странно самое предположеніе, будто эти избитыя фразы о среднихъ вѣкахъ и античномъ мірѣ остались для кого-либо неизвѣстными. Но вѣдь ясно, что средніе вѣка не могли жить католицизмомъ, а античный міръ не могъ жить политикой. Тотъ способъ, какимъ люди добывали себѣ средства къ жизни, и объясняетъ намъ, почему въ одномъ случаѣ главную роль играла политика, въ другомъ—католицизмъ».

Это мѣсто показываетъ намъ Маркса во всей его матеріалистической закоренѣлости: новѣйшее открытіе Бакса онъ уже цѣлое поколѣніе тому назадъ называлъ—избитыми фразами. Но, повидимому, эти фразы безсмертны,—и мы все же еще разъ рассмотримъ ихъ нѣсколько ближе.

По мнѣнію Бакса, въ исторіи преобладаютъ то матеріальныя условія, то «психическій, идеологическій факторъ»,—и въ доказательство онъ ссылается на первый періодъ христіанства: первые христіане руководились-де непоколебимой вѣрой, а матеріальные интересы играли у нихъ весьма подчиненную роль.

Мнѣ и въ голову не приходитъ отрицать это, но я позволю себѣ спросить: гдѣ историческіе матеріалисты утверждали, что люди руководятся въ своей дѣятельности всецѣло и исключительно мате-

ріальними інтересами, т. е. своекористієм? Баксъ совершаетъ здѣсь прямо-таки чудовищное смѣшеніе матеріальныхъ интересовъ, образующихъ сознательные мотивы дѣятельности отдѣльныхъ личностей, съ матеріальными условіями, лежащими въ основѣ даннаго общества и тѣмъ самымъ въ основѣ мысленія и чувствъ членовъ этого общества!

Рука объ руку съ этимъ смѣшеніемъ понятій онъ совершаетъ еще и другое. Приравнивая матеріальный интересъ отдѣльныхъ личностей матеріальной основѣ общества, онъ превращаетъ первый, т. е. своекористіе, въ факторъ, дѣйствующій на человѣка извнѣ и противостоящій внутреннему, психологическому фактору! Но вѣдь ясно, что своекористіе совершенно такъ же слѣдуетъ причислить къ внутреннимъ, психологическимъ факторамъ, какъ рыцарскія доблести, самоотверженность, религіозность и т. д. Поэтому, если Баксъ дѣлаетъ открытіе, что въ одномъ случаѣ люди руководятся своекористіемъ, а въ другомъ—иными мотивами, то этимъ онъ доказываетъ не то, что ему хотѣлось доказать, т. е. что общество находится во власти то матеріальныхъ, то идеологическихъ условій, а лишь то, что психологическій факторъ при различныхъ формахъ общества бываетъ различнымъ. Тотъ фактъ, который кажется Баксу, вслѣдствіе цѣлаго ряда *qui pro quo*, рѣшеніемъ загадки, какъ разъ и составляетъ проблему, подлежащую разрѣшенію. Почему люди въ эпоху римской имперіи были охвачены стремленіемъ уйти изъ міра сего, стремленіемъ къ небесному блаженству, чувствомъ интернаціональности и равенства и всѣми другими характерными чертами христіанства? Историческій матеріализмъ изслѣдуетъ тѣ измѣненія, которымъ тогда подверглась экономическая структура общества и вмѣстѣ съ нею его политическія и юридическія отношенія, и находитъ, что эти измѣненія служатъ достаточнымъ объясненіемъ перемѣнъ, совершившихся въ «психологическомъ факторѣ». Я позволю себѣ указать здѣсь на то, что уже въ 1885 г. я сдѣлалъ попытку объяснить съ матеріалистической точки зрѣнія первый періодъ христіанства («Возникновеніе христіанства»—«*Neue Zeit*» 1885 г.). Изслѣдованіе это далось мнѣ не такъ легко, какъ Баксу: онъ попросту объявляетъ измѣненія, совершившіяся тогда въ «психологическомъ факторѣ», слѣдствиемъ... психологическаго фактора, который, такимъ образомъ, по примѣру Мюнхгаузена, вытаскиваетъ себя за собственные волосы изъ болота.

Тѣмъ не менѣе, въ историческомъ законѣ, который выдвинулъ Баксъ, заключается глубокій смыслъ. Если онъ, по моему мнѣнію,

мало пригоденъ для изслѣдованія общественныхъ отношеній, то онъ все же даетъ намъ ключъ къ историческимъ работамъ Бакса.

Какъ «знатокъ» сочиненій Маркса и марксистовъ, Баксъ воспользовался многими объясненіями, найденными имъ не только у перваго, но и у послѣднихъ, о которыхъ онъ такъ пренебрежительно отзывался. Это составляетъ матеріалистическій, внѣшній факторъ въ его историческихъ работахъ. Но этимъ онъ не довольствуется: его «мыслительная способность», его «психологическій факторъ» стремится проявить себя и создаетъ внутренній, идеальный элементъ. Высшій синтезъ обоихъ элементовъ и составляетъ сущность историческихъ изслѣдованій Бакса. Достаточно привести небольшой примѣръ.

Въ своемъ сочиненіи: «Socialism, its growth and outcome» ¹⁾ Баксъ вполне по-марксистски объясняетъ расцвѣтъ пуританства въ Англіи экономическимъ развитіемъ въ сторону капитализма. Описавъ ходъ пролетаризаціи сельскаго населенія Англіи, онъ продолжаетъ: «Такъ Англія заплатила дань торговлѣ потерей той здоровой веселости, той силы и чувства собственного достоинства, которыми она нѣкогда возбуждала удивленіе у всѣхъ иностранцевъ, страдавшихъ гораздо больше, чѣмъ англичане, отъ феодальной системы и ея злоупотребленій».

Но на слѣдующей же страницѣ Баксъ пишетъ уже совсѣмъ иное: «Протестантское пуританство... представляетъ совершенно особенный, изолированный фактъ,—вѣроятно, результатъ нѣкоторыхъ своеобразныхъ чертъ населенія и особыхъ условій... Нельзя не признать, что возникновеніе этого (пуританскаго) духа носить столь же темный, сколь и роковой характеръ».

Такимъ образомъ, матеріалистическія симпатіи, заставившія Бакса искать основу пуританскаго духа въ своеобразномъ капиталистическомъ развитіи Англіи, не оказались у нашего историка достаточно глубокими. То онъ объясняетъ пуританскій духъ вполне какъ матеріалистъ, то онъ совершенно забываетъ свое собственное объясненіе, и «психологическій факторъ» вступаетъ въ свои права; едва освѣтивъ самымъ яркимъ образомъ жизнерадостность «Merry old England» (веселой старой Англіи), Баксъ, нѣсколько страницъ спустя, открываетъ основу пуританскаго духа въ какомъ-

¹⁾ „Соціализмъ, его развитіе и результаты“. Написано Баксомъ совмѣстно съ Вильямомъ Моррисомъ въ 1893 г.

то таинственномъ предрасположеніи англійскаго народа къ меланхоліи.

Какъ видно, упрека въ односторонности этотъ методъ историческихъ изслѣдованій не заслуживаетъ. Не только потому, что онъ объясняетъ одни историческія явленія матеріалистически, другія—идеалистически: даже одному и тому же явленію онъ даетъ одинъ разъ матеріалистическое, другой разъ идеалистическое объясненіе—смотря по тому, подъ вліяніемъ какого «психологическаго фактора» находится въ данный моментъ мыслительная способность историка.

До такого «синтеза» мы, односторонніе, крайніе марксисты, конечно, не можемъ подняться.

Э. Бельфортъ-Баксъ.

Синтетическое—или нео-марксистское пониманіе исторіи?

«Уничтожающая критика» со стороны главного представителя марксистскаго пониманія исторіи, или, вѣрнѣе, того пониманія исторіи, которое въ настоящее время считается марксистскимъ, вызываетъ меня, конечно, на отвѣтъ. Считая эту теорію *одной* изъ важнѣйшихъ историческихъ истинъ, я все же не могу признать ее, по крайней мѣрѣ въ ея настоящей формѣ, *последнимъ словомъ* истины. Но я рѣшительно протестую противъ того, чтобы меня называли «противникомъ основанной Марксомъ исторической теоріи» за то только, что я считаю эту теорію въ ея настоящемъ видѣ недостаточной для объясненія всего историческаго процесса.

Мнѣ очень жаль, что я прибавилъ къ своей статьѣ то небольшое примѣчаніе, которое, повидимому, задѣло Каутскаго; тѣмъ болѣе жаль, что подобнаго рода личные вопросы проливаютъ мало свѣта на содержаніе спора. Я высказалъ мнѣніе, что Марксъ и, судя по нѣкоторымъ его заявленіямъ, также и Энгельсъ, признали бы чѣмъ-то слишкомъ слабоннымъ Каутскій-Мерингъ-Плехановское изложеніе матеріалистическаго пониманія исторіи. Однако, я готовъ уступить Каутскому весь этотъ личный вопросъ. По-мнѣ, пусть Марксъ и Энгельсъ были марксистами въ духѣ Каутскаго,—главный вопросъ для меня заключается въ томъ, пригоденъ ли этотъ методъ для полнаго объясненія исторіи во всей ея конкретности, или онъ нуждается въ нѣкоторомъ исправленіи въ указанномъ мною смыслѣ.

Каутскій утверждаетъ, что экономическія условія жизни общества составляютъ въ исторіи единственный перемѣнный элементъ, тогда какъ всѣ остальные элементы сами по себѣ постоянны и испытываютъ измѣненія лишь подъ вліяніемъ развитія экономическихъ условій. Въ этомъ утвержденіи Каутскаго мы во всякомъ случаѣ имѣемъ ясный и удобный для дискуссіи тезисъ. И противъ него-то я и выступаю самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Всѣ элементы имѣютъ свою постоянную и свою переменную сторону. Какъ я не разъ уже подчеркивалъ, руководство человѣческой судьбой на всемъ протяженіи исторіи принадлежало по преимуществу экономическому элементу, хотя и не во всѣ періоды въ одинаковой степени.

Но и въ исторіи мы встрѣчаемъ нѣкоторые, какъ сказалъ бы Каутскій, «идеологическія» образованія, которыхъ вовсе нельзя вывести изъ экономическихъ условій. Такъ, напр., исторію философіи въ ея трехъ главныхъ отдѣлахъ—древняго времени (отъ Талеса до нео-платонниковъ), среднихъ вѣковъ (схоластика) и новаго времени (отъ Декарта до Гегеля)—никоимъ образомъ нельзя свести въ ея основныхъ чертахъ къ экономическимъ причинамъ. Хотя практическое примѣненіе философскихъ системъ и идей и можетъ быть отчасти объяснено этими причинами, все же по существу мы имѣемъ здѣсь дѣло съ эволюціей идей, какъ таковыхъ, которую и нетрудно прослѣдить. Если же Каутскій на это возразить, что философія могла возникнуть лишь послѣ того, какъ цивилизація, а, слѣдовательно, экономическое развитіе достигло достаточно высокаго уровня, чтобы дать возможность хотя бы нѣкоторому числу людей обратиться къ умозрительнымъ занятіямъ, то это—довольно-таки невинное возраженіе: указанное обстоятельство, само собою разумѣется, составляетъ лишь общее отрицательное условіе появленія философіи, но оно не даетъ намъ положительной причины возникновенія философіи, какъ таковой, не говоря уже о ея содержаніи въ различные періоды. Если Каутскій, дальше, спросить, какъ же возникли первые зачатки философскихъ идей, то я отвѣчу: путемъ наблюденія явленій ви́шней природы и человѣческаго духа и путемъ анализа условій познанія и сознанія вообще. Мнѣ очень хотѣлось бы найти у кого-либо изъ нео-марксистовъ объясненіе хотя бы одного изъ главныхъ отдѣловъ исторіи философіи—ну, скажемъ, философіи Платона и Аристотеля, или періода отъ Канта до Гегеля.

Каутскій, въ сущности, спрашиваетъ, почему современные греки не выдвинули своего Аристотеля или Перякла и т. п., другими словами—почему современная Греція такъ рѣзко отличается отъ античной; и онъ полагаетъ, что существенное измѣненіе испытали лишь экономическія условія; при этомъ онъ оставляетъ безъ вниманія все то, что не укладывается въ рамки его теоріи, какъ, напр., то, что и народъ, подобно отдѣльной личности, можетъ состариться, что въ Греціи фактически произошло смѣшеніе народовъ, что кромѣ чисто экономической эволюціи протекъ цѣлый періодъ историче-

скаго развитія человѣчества. Всѣ эти факторы вмѣстѣ вліяли на Грецію, какъ и на другія страны. Греческій духъ совершенно исчерпалъ себя въ литературной, философской и художественной областяхъ еще задолго до того, какъ произошло существенное измѣненіе въ способѣ производства и обмѣна. Если это истощеніе духа приходится поставить въ связь съ какимъ-нибудь общественнымъ факторомъ, то скорѣе съ политическимъ или религіознымъ, чѣмъ съ экономическимъ. Потеря политической независимости, вліяніе восточныхъ идей, а въслѣдствіи христіанства, безъ сомнѣнія, значительно ускорили паденіе Греціи. Далѣе, черезъ Грецію прошло столько различныхъ народовъ: готы, славяне, норманны, каталонцы, венеціанцы и турки; всѣ они оставили болѣе или менѣе глубокій слѣдъ, а нѣкоторые, какъ, напр., славяне, и вовсе остались въ Греціи, смѣшавшись съ прежнимъ ея населеніемъ. Современный грекъ въ этническомъ отношеніи совершенно другое существо, чѣмъ античный грекъ. Наконецъ, какъ я уже сказалъ, Каутскій въ своемъ усердіи игнорируетъ все конкретное развитіе—духовное, политическое, моральное, равно какъ и экономическое,—протекшее между древними вѣками и новымъ временемъ.

Крайнихъ марксистовъ такъ же трудно поймать, какъ угрей: то они выступаютъ, какъ защитники какого-нибудь невиннаго общаго мѣста, то снова какъ представители спекулятивной теоріи, до того рискованной въ своей односторонности, что положительно съ трудомъ вѣрится, что они принимаютъ ее въ серъезъ. Значенія экономической основы для историческаго развитія—я еще разъ долженъ подчеркнуть это—не отрицаетъ въ настоящее время ни одинъ человѣкъ и, разумѣется, ужъ ни одинъ социалистъ, сколько-нибудь знакомый съ исторіей; но утвержденіе, что эта основа служитъ всецѣло и исключительно, такъ сказать, самодвижущей пружиной исторіи,—это утвержденіе противорѣчитъ всему ходу историческихъ событій. И стоитъ только ради краткости передать ихъ теорію нѣсколько другими словами, какъ наши друзья изъ крайняго лагеря заявляютъ, что мы неправильно толкуемъ ихъ взгляды.

Каутскій подымаетъ крикъ по поводу моего выраженія: «отраженіе въ сознаниі», а между тѣмъ Энгельсъ самъ употребилъ однажды выраженіе: «психологическое отраженіе экономическихъ процессовъ», которое кажется мнѣ весьма удачнымъ, несмотря на всѣ возраженія Каутскаго. Я могу лишь сказать, что если матеріалистическое пониманіе исторіи не означаетъ отраженія экономическихъ условій въ социальномъ сознаниі, то оно вообще

ничего не может означать, кромѣ той плоской истины, что для человѣческаго существованія и дѣятельности необходима матеріальная основа. Если примѣнить это положеніе къ отдѣльной личности, то получится приблизительно слѣдующее: когда поэту нечего ѣсть, онъ перестаетъ также сочинять стихи. Но это богатое содержаніемъ положеніе очень мало поможетъ намъ при объясненіи поэтическихъ особенностей таланта Шекспира или Гёте. Такую нелѣпость я не могу приписать товарищамъ Каутскому, Мерингу и Плеханову и потому остаюсь при своемъ краткомъ опредѣленіи, которое кажется мнѣ соотвѣтствующимъ идеямъ Каутскаго, насколько я ихъ знаю.

А теперь мы разберемъ конкретный случай примѣненія Каутскимъ марксдова метода. Въ своей «Исторіи социализма» Каутскій утверждаетъ, что весь споръ о причастіи въ гусситскихъ войнахъ былъ только покровомъ, подъ которымъ велась классовая борьба того времени. Допустимъ теперь (безразлично, соотвѣтствуетъ ли это въ данномъ отдѣльномъ случаѣ историческому факту или нѣтъ), что участвовавшіе въ этой борьбѣ дѣйствительно твердо вѣрили въ христіанскую догму. Я спрашиваю: что должно въ такомъ случаѣ означать слово «покровъ»? Что классовая борьба оказывала вліяніе на всю картину той эпохи, это само собой понятно; но если фраза о «покровѣ» имѣетъ какой-либо смыслъ, то единственно тотъ, что вопросъ о чашѣ, или теологическая вѣра того времени не представляла самостоятельной силы, способной опредѣлить поведеніе ея послѣдователей; короче говоря, если выраженіе Каутскаго вообще имѣетъ какой-либо смыслъ, то только такой: либо вѣра была серьезнымъ и искреннимъ чувствомъ, либо она была сознательнымъ или безсознательнымъ ханжествомъ, какъ болѣею частью въ настоящее время; лишь въ послѣднемъ случаѣ можно съ полнымъ правомъ говорить о «покровѣ». Мнѣ вообще кажется, что «экономическія условія» какого-нибудь періода играютъ въ нео-марксистской школѣ—да будетъ мнѣ позволено такъ называть ее—роль кантовской *вещи въ себѣ*. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда экономическія условія играли фактически подчиненную роль, къ объясненію даннаго процесса все же, какъ *deus ex machina*, пристегивается экономическое развитіе въ качествѣ единственной причины всего процесса. Существуетъ схоластическое правило: «*Entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*»¹⁾, которое вполне подходитъ

¹⁾ Число основныхъ сущностей не слѣдуетъ увеличивать безъ необходимости.

къ данному случаю только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ: «Causae (причины) non sunt multiplicandae praeter necessitatem»; ибо даже тамъ, гдѣ вполне достаточно психологическаго объясненія извѣстнаго историческаго процесса, нео-марксисты все же хотятъ принять скрытое вліяніе экономическихъ фактовъ.

Каутскій обвиняетъ меня въ смѣшеніи понятій историческаго развитія и «всей человѣческой жизни въ цѣломъ». Разумѣется, я самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждаю, что отъ законченной теоріи историческаго развитія мы вправе требовать, чтобы она давала надлежащее объясненіе всей человѣческой жизни или, по крайней мѣрѣ, руководящую нить къ такому объясненію, ибо человѣческая жизнь въ цѣломъ развивается въ исторіи.

Далѣе, Каутскій обвиняетъ меня въ «чудовищномъ» смѣшеніи «матеріальныхъ интересовъ» съ «матеріальными условіями», но вѣдь во всѣхъ изложеніяхъ матеріалистическаго пониманія исторіи эти понятія почти совпадаютъ. Что, вообще, представляетъ собою классовая борьба, вполне справедливо играющая такую важную роль въ матеріалистическомъ объясненіи исторіи, какъ не борьбу различныхъ классовъ за свои противоположные «матеріальные интересы»? Кроме того, вѣдь и самъ Каутскій въ своей «Исторіи социализма» объясняетъ быстрое распространеніе христіанства въ низшихъ слояхъ тогдашняго общества тѣмъ, что болѣе зажиточные члены христіанской общины раздавали милостыню бѣднымъ (что ошибочно было названо христіанскимъ коммунизмомъ). Матеріальныя условія, опредѣлявшія исторію, можно безспорно въ большинствѣ случаевъ свести къ матеріальнымъ интересамъ отдѣльныхъ классовъ и народовъ; поэтому я считаю возмущеніе Каутскаго по поводу моей «чудовищности» чересчуръ сильнымъ.

Каутскій обвиняетъ меня далѣе, въ томъ, будто я отказываю матеріалистамъ во «всѣхъ болѣе топкихъ движеніяхъ души»; гдѣ онъ вычиталъ это въ моей статьѣ, я не знаю, и я не могу считать особенно корректнымъ со стороны Каутскаго, что онъ приписываетъ мнѣ такую недѣльность, о которой я нигдѣ не писалъ и даже самымъ отдаленнымъ образомъ не думалъ. Такіе выпады, на мой взглядъ, не соответствуютъ достоинству научной критики. Я просто выразилъ сомнѣніе, можетъ ли разбираемый методъ въ достаточной мѣрѣ объяснить приводимыя Каутскимъ явленія.

По отношенію къ этимъ важнымъ, еще не разрѣшеннымъ проблемамъ не слѣдуетъ отдѣлываться такими словечками, какъ «избитыя фразы». Если г.г. нео-марксисты не могутъ въ этомъ разобраться, то я все

же имѣю право упрекнуть ихъ въ недостаточномъ вниманіи къ этимъ «избитымъ» *фактамъ* (а не *фразамъ*). Что средніе вѣка не могли жить католицизмомъ, а античный міръ—политикой, это такъ же вѣрно, какъ то, что поэтъ не можетъ жить одной поэзіей и нуждается еще для своего процитанія въ признательности со стороны публики; но это, думается мнѣ, не объясняетъ въ достаточной мѣрѣ его собственно-поэтического дарованія, хотя я охотно допускаю, что путемъ точнаго изслѣдованія можно, пожалуй, открыть вліяніе картофаля и т. п. на духовное творчество. Утвержденіе же, что тотъ способъ, какимъ люди добывали себѣ средства къ жизни, объясняетъ намъ, почему въ одномъ случаѣ главную роль играла политика, а въ другомъ—католицизмъ, представляетъ простое *petitio principii*; вѣдь, споръ въ томъ и заключается, достаточно ли одного этого момента для объясненія той роли, какую играли политика и католицизмъ въ соответствующія эпохи.

Односторонней, на мой взглядъ, теоріи крайнихъ марксистовъ я противопоставляю свою «исправленную» теорію, которая заключается въ слѣдующемъ: Каутскій утверждаетъ, что «экономическія условія» составляютъ единственный переменный элементъ въ человѣческой эволюціи, а всѣ остальные элементы постоянны и мѣняются лишь вслѣдствіе измѣненія этихъ условій. Я же, напротивъ, утверждаю, что въ совокупности человѣческаго развитія (а человѣческая жизнь всегда находится въ процессѣ развитія) проявляются два главныхъ фактора: во-первыхъ, психологическій факторъ, который опредѣляется своимъ первоначальнымъ направленіемъ и всякаго рода вліяніями извнѣ—между прочимъ, внутренней рефлексіей, внѣшними наблюденіями и впечатлѣніями отъ внѣшняго міра; однако, хотя самъ по себѣ этотъ факторъ развивается самостоятельно, но собственное его развитіе парализуется главнымъ образомъ внѣшними вліяніями, и отъ этого гнета внѣшнихъ условій онъ оправляется лишь постепенно даже въ томъ случаѣ, когда на него дѣйствуютъ и противоположныя вліянія. Во-вторыхъ, какъ важнѣйшее изъ этихъ внѣшнихъ вліяній на всемъ протяженіи исторіи—образъ жизни, или экономическій факторъ; въ этомъ отношеніи рѣшающую роль играли матеріальные интересы классовъ, а иногда и цѣлыхъ народовъ, но далеко не всегда въ одинаковой степени. Взаимодѣйствіе обоихъ этихъ факторовъ и образуетъ историческое развитіе; и хотя съ извѣстной точки зрѣнія эти факторы можно разсматривать отдѣльно одинъ отъ другого, такъ какъ каждый изъ нихъ имѣетъ до извѣстной степени самостоятельное развитіе, но въ общей картинѣ

исторіи они находятся во взаимодействіи и другъ друга дополняютъ. И самостоятельность, и взаимодействіе этихъ факторовъ занимаютъ свое мѣсто въ общей картинѣ исторіи. Каутскій ставитъ мнѣ въ упрекъ, что измѣненія «психологическаго фактора» въ первый періодъ христіанства я рассматриваю, какъ слѣдствіе того же «психологическаго фактора», «который такимъ образомъ, подобно Мюнхгаузену, вытаскиваетъ себя за собственные волосы изъ болота». Это выходитъ, конечно, весьма комично, но тѣмъ не менѣе я утверждаю, что психологическій элементъ въ такой же мѣрѣ обладаетъ, до извѣстной степени, самостоятельнымъ развитіемъ, какъ и экономическія условія. Оба эти элемента образуютъ, какъ я сказалъ, *до извѣстной степени* свои собственные ряды причинъ и слѣдствій, но въ каждомъ конкретномъ историческомъ случаѣ они находятся также во взаимодействіи. Впрочемъ, первоначальное христіанство, не было, какъ утверждаетъ Каутскій, новымъ теченіемъ: его слѣды мы находимъ на самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія іудейскаго и греческаго духа.

Вѣнцомъ критики Каутскаго служатъ его заключительныя замѣчанія по поводу двухъ цитатъ изъ моего сочиненія: «Socialism, its growth and outcome». Каутскій думаетъ, что онъ сдѣлалъ тутъ уничтожающее для меня открытіе; я могу лишь сказать, что я въ состояніи обосновать оба цитируемыхъ имъ положенія. Въ общемъ я охотно соглашаюсь съ Каутскимъ и его товарищами, что перемѣна въ общественномъ настроеніи Англіи въ концѣ XVI и вначалѣ XVII вв. объясняется совершившейся тогда экономической революціей. Но протестантское движеніе въ Англіи обладаетъ извѣстными особенностями, которыя нигдѣ на континентѣ не обнаружили въ такой степени, хотя и тамъ вѣдь совершился—правда, нѣсколько позже—подобный же переворотъ въ экономическихъ условіяхъ. Гдѣ, напр., можно найти на континентѣ англійское празднованіе воскресенья, догму грѣховности танцевъ, театра или даже чтенія романовъ? Въ эти своеобразныя черты нельзя объяснить однимъ общимъ шаблономъ; поэтому я высказалъ скромное предположеніе, что пуританство, выработавшее такія черты, объясняется своеобразнымъ смѣшеніемъ племенъ, образовавшихъ британскій народъ.

Каутскій полагаетъ, что онъ открылъ у меня еще одно смѣшеніе понятій. Онъ говоритъ: «Приравнивая матеріальный интересъ отдѣльныхъ личностей матеріальной основѣ общества, онъ (Баксъ) превращаетъ первый, т. е. своекорыстіе, въ факторъ, дѣйствующій на человѣка извнѣ и противостоящій внутреннему, психологическому фактору». На это я долженъ возразить, что я отнюдь не говорилъ

о матеріальних інтересахъ одѣльной личности, а лишь о матеріальнихъ интересахъ классовъ. Непосредственное вліяніе економічнихъ условій на чловѣка я называю *внѣшнимъ факторомъ*, а *внутреннимъ факторомъ* я называю вліяніе идеи, непосредственно возникающей изъ психологической рефлексіи; эта внутренняя рефлексія не нуждается вовсе въ толчкѣ со стороны экономическихъ условій, напротивъ—соотвѣтствующая идея можетъ возникнуть путемъ анализа общихъ условій сознанія или путемъ наблюденія явленій природы. Если Каутскій ставитъ мнѣ въ упрекъ, что употребленіе выраженій: «внѣшній» и «внутренній» носитъ у меня совершенно произвольный характеръ, то я могу лишь сослаться на то, что очень многимъ выраженіямъ, употребляемымъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ, присуща нѣкоторая произвольность. И я все же твердо стою на томъ, что употребленныя мною выраженія достаточно ясны, если не заниматься буквѣдствомъ.

Въ заключеніе я хотѣлъ бы еще разъ подчеркнуть, что я высоко цѣню матеріалистическое пониманіе исторіи, какъ методъ, дающій импульсъ къ изслѣдованію, и что въ сочиненіяхъ самого Каутскаго я нашелъ много цѣннаго для себя. И если я подвергаю эту теорію критикѣ, то это отнюдь еще не значитъ, что я «пренебрежительно» отношусь къ самой теоріи или къ ея представителямъ. Если же мои возраженія вызвали такое представленіе, то, конечно, это не входило въ мои намѣренія.

Р. С. Каутскій между прочимъ дѣлаетъ ссылку на свою статью: «Возникновеніе христіанства», написанную въ 1885 г. Безспорно, эта статья оригинальна, интересна и, въ предѣлахъ поставленной задачи, стоитъ на совершенно правильной точкѣ зрѣнія. Но развитыя въ ней положенія нисколько не говорятъ противъ меня. Тамъ указываются нѣкоторыя общія экономическія и политическія условія той эпохи, создавшія благоприятную почву для распространенія идей, которыя возникли гораздо раньше на востокѣ и въ греко-римскомъ мірѣ, развившись изъ другихъ, еще ранѣе существовавшихъ, идей. Въ томъ-то и дѣло, что, съ одной стороны, невозможно міровыя идеи вывести, какъ слѣдствія, изъ экономическихъ фактовъ, а съ другой—невозможно свести экономическія и политическія образованія къ чисто идеологическимъ причинамъ. Въ первомъ отношеніи грѣшатъ, на мой взглядъ, господа нео-марксисты, во второмъ—старые идеологическіе историки. Что касается послѣднихъ, то марксистамъ не стоитъ труда расправиться съ ихъ «избитыми фразами». Но при этомъ они не замѣчаютъ, что и сами

пользуются, подобно своимъ противникамъ, тою же категоріей «причины и слѣдствія», которая въ конечномъ счетѣ совершенно непригодна. Истинной категоріей историческаго изслѣдованія является «взаимодѣйствіе». Политическія и экономическія образованія сами по себѣ не составляютъ самостоятельнаго цѣлаго, которое могло бы выступить въ качествѣ причины, а являются лишь несамостоятельными частями единого цѣлаго. Сама по себѣ они не существуютъ. Экономическія образованія творятъ исторію лишь въ союзѣ съ человѣческимъ умомъ и волей, а это значитъ, что неомарксистское пониманіе исторіи, поскольку оно стремится свести всю человѣческую исторію на экономическіе факты, какъ на единственную причину всѣхъ историческихъ измѣненій, стоитъ на ложномъ пути.

Карль Каутекій.

Что хочет и можетъ дать матеріалистическое пониманіе исторіи.

1) Критика теоріи.

Чтобы продолженіе моей дискуссіи съ Баксомъ не оказалось безплоднымъ, необходимо болѣе подробно остановиться на нѣкоторыхъ существенныхъ вопросахъ. Тѣмъ короче хочу я отвѣтить на второстепенные пункты.

Баксъ заявляетъ, что я приписалъ ему то, чего онъ не говорилъ. Онъ вообще обвиняетъ меня въ «выпадахъ, не соответствующихъ достоинству научной критики». Заняться здѣсь опроверженіемъ этихъ обвиненій было бы длинно и скучно. Противъ нихъ говоритъ уже тотъ фактъ, что я цитировалъ *подробно и дословно* воѣ мѣста, въ искаженіи которыхъ меня обвиняетъ Баксъ, такъ что мои читатели были въ состояніи сами контролировать мою критику.

Если кто не въ правѣ жаловаться на неправильную передачу своихъ словъ, такъ это именно Баксъ, который въ изложеніи какъ собственныхъ, такъ и чужихъ воззрѣній обнаруживаетъ поразительную нелюбовь къ точности. И это тѣмъ болѣе непріятно, что онъ не имѣетъ обыкновенія дословно цитировать критикуемые имъ положенія, предпочитая, какъ онъ самъ выражается, передавать ихъ «нѣсколько другими словами», «ради краткости». Потребность въ краткости, конечно, весьма похвальна, но, я думаю, потребность въ точности должна въ дискуссіи брать перевѣсъ.

Достаточно одного примѣра. Баксъ въ своемъ возраженіи пишетъ:

«Теперь мы разберемъ конкретный случай примѣненія Каутскимъ марксдова метода. Въ своей »Исторіи социализма« Каутскій утверждаетъ, что весь споръ о причастіи въ гусситскихъ войнахъ былъ только *покровомъ*, подъ которымъ велась классовая борьба того времени... Я спрашиваю: что должно въ такомъ случаѣ означать слово: «покровъ»?... Если фраза о «покровѣ» имѣетъ какой-ли-

бо смыслъ, то единственно тотъ, что вопросъ о чашѣ, или теологическая вѣра того времени не представляла самостоятельной силы, способной опредѣлить поведеніе ея послѣдователей; короче говоря, *если выраженіе Каутскаго вообще имѣетъ какой-либо смыслъ*, то только такой: либо вѣра была серьезнымъ и искреннимъ чувствомъ, либо она была сознательнымъ или безсознательнымъ ханжествомъ, какъ большею частью въ настоящее время; лишь въ послѣднемъ случаѣ можно говорить о «покровѣ».

Бакстъ, такимъ образомъ, ломаетъ себѣ голову надъ вопросомъ, что я собственно разумѣлъ надъ словомъ: «покровъ». Выраженіе это не даетъ ему покоя. Но что я въ дѣйствительности писалъ въ «Исторіи социализма»?

«Въ католической церкви вошло въ обыкновеніе давать мірянамъ для причастія не хлѣбъ и вино, а только хлѣбъ. Пользованіе чашей было предоставлено только духовнымъ. И вотъ ученіе, которое стремилось къ уничтоженію привилегій духовенства, естественно, высказалось также и противъ внѣшняго знака его привилегированнаго положенія. Чаша, чаша для мірянъ, сдѣлалась символомъ гусситовъ. Популярныя историки стараго направленія представляютъ дѣло въ такомъ видѣ, будто вся гигантская борьба въ эпоху гусситскихъ войнъ вращалась въ сущности вокругъ вопроса, можно ли причащаться подъ обоими видами или нѣтъ, и «просвѣщенные головы» всякій разъ съ чувствомъ удовлетворенія указываютъ на то, какъ ограничены были люди въ то время, и какъ здраво смотрятъ на вещи вольнодумцы нашего времени.

«Но это изображеніе гусситскихъ движеній столь же умно и обосновано, какъ если бы напр., историкъ одного изъ грядущихъ вѣковъ, изображая революціонную борьбу нашего времени, оказалъ: люди въ XIX вѣкѣ были еще до того нечужественны, что они придавали извѣстнымъ цвѣтамъ суевѣрное значеніе, такъ что самая кровопролитная борьба велась изъ-за того, долженъ ли быть цвѣтъ франціи бѣлымъ, красно-бѣло-голубымъ или краснымъ, долженъ ли быть цвѣтъ Венгріи—черно-желтымъ или красно-бѣло-зеленымъ, а въ Германіи, напр., долгое время присуждали къ тюремному заключенію всякаго, кто украшалъ себя черно-красно-золотымъ бантикомъ—и т. д.

«Чаша была для гусситовъ тѣмъ же, чѣмъ въ наше время являются различные флаги для различныхъ народовъ и партій: ихъ знаменемъ, вокругъ котораго они собирались и которое они защищали до послѣднихъ силъ, но отнюдь не цѣлью ихъ борьбы».

Не трудно убѣдиться, что я *вовсе не употребилъ* олова: «по-кровъ», и что кромѣ того я выразилъ свою мысль достаточно отчетливо и ясно, чтобы не возбуждать никакихъ сомнѣній относительно того, какъ я понимаю вопросъ о чашѣ. И рѣшительно все, что Баксъ возражаетъ мнѣ по этому поводу, основано на—галлюцинаціи. Я констатирую равнодушное отношеніе Бакса къ точности изложенія лишь потому, что оно проявляется не только во второстепенныхъ пунктахъ, но и въ главномъ вопросѣ о самомъ предметѣ нашей дискусіи.

Это равнодушное отношеніе, какъ я уже раньше замѣтилъ, иногда принимаетъ «прямо-таки чудовищный» характеръ.

Въ своемъ возраженіи на первую статью Бакса я указалъ на то, что онъ совершаетъ, прямо-таки чудовищное смѣшеніе *матеріальныхъ интересовъ съ матеріальными условіями*. Что же отвѣчаетъ на это Баксъ? «Во всѣхъ изложеніяхъ матеріалистическаго пониманія исторіи эти понятія почти (!) совпадаютъ... Матеріальныя условія, опредѣлявшія исторію, можно безспорно въ большинствѣ случаевъ *свести* къ матеріальнымъ интересамъ отдѣльныхъ классовъ и народовъ; поэтому я считаю возмущеніе Каутскаго по поводу моей «чудовищности» чересчуръ сильнымъ».

Недостаточно того, что Баксъ смѣшиваетъ матеріальныя интересы съ матеріальными условіями,—онъ еще твердо стоитъ на своемъ, когда ему указываютъ на яельность такого смѣшенія!

Или Баксъ, дѣйствительно, не знаетъ, что слѣдуетъ понимать подъ матеріальными условіями даннаго общества? Матеріальныя условія, это—условія производства, понимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ. Какъ же можно утверждать, что съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи это почти то же самое, что матеріальныя интересы отдѣльныхъ классовъ и народовъ? Различіе между обоими понятіями можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: по моему мнѣнію, возможно изъ матеріальныхъ *условій* эпохи римскихъ императоровъ объяснить христіанское отреченіе отъ земной жизни и стремленіе къ смерти. Но было бы прямо нелѣпо искать за этимъ стремленіемъ къ смерти какой-либо матеріальный *интересъ*. Баксъ находитъ, что матеріальныя условія «въ большинствѣ случаевъ» можно свести къ матеріальнымъ интересамъ отдѣльныхъ классовъ. Онъ хочетъ, слѣдовательно, объяснить способъ производства классовыми интересами, а не наоборотъ! По Бакоу выходитъ, что не путемъ изученія капиталистическаго способа производства можно понять классовые интересы капиталистовъ и проле-

тарієвъ, а какъ разъ наоборотъ. Во всякомъ случаѣ, это составляетъ цѣнное пріобрѣтеніе для метода политической экономіи.

Такое отсутствіе строгаго опредѣленія понятій даетъ себя въ настоящей дискуссіи тѣмъ сильнѣе чувствовать, что Баксъ упорно оставляетъ насъ въ неизвѣстности относительно того, противъ чего собственно направлена его критика.

Какъ въ своей первой статьѣ, такъ и въ своемъ возраженіи Баксъ утверждаетъ, что существуетъ различіе между исторической теоріей Маркса и Энгельса, съ одной стороны, и теоріей ихъ учениковъ—съ другой. Во второй разъ онъ, правда, выражается менѣе рѣшительно, чѣмъ въ своей первой статьѣ, гдѣ онъ заявлялъ въ примѣчаніи: «Для знатоковъ ученія К. Маркса я считаю излишнимъ подчеркивать, что самъ Марксъ въ своей формулировкѣ матеріалистическаго пониманія исторіи былъ *весьма далекъ* отъ этой крайней точки зрѣнія. «Я самъ не марксистъ», писалъ онъ однажды, и эти слова онъ, *безъ сомнѣнія*, повторилъ бы, если бы дожилъ до новѣйшихъ произведеній «маіксистовъ» Плеханова, Меринга или Каутскаго».

Теперь же Баксъ говоритъ только: «Я высказалъ мнѣніе, что Марксъ и, судя по нѣкоторымъ его заявленіямъ, также и Энгельсъ признали бы чѣмъ-то слишкомъ шаблоннымъ Каутскій-Мерингъ-Плехановское изложеніе матеріалистическаго пониманія исторіи. *Однако, я готовъ уступить Каутскому весь этотъ личный вопросъ*». Это, конечно, очень благородно со стороны Бакса, но онъ уступаетъ мнѣ тутъ нѣчто такое, что принадлежитъ уже не ему, а публикѣ. Въ основѣ всей его первой статьи лежитъ признаніе противоположности между Марксомъ и его учениками. Въ отвѣтъ на мое возраженіе онъ снова повторяетъ это утвержденіе, которое содержится уже въ самомъ заглавіи второй его статьи и до самаго конца ея проходитъ красной нитью; но когда дѣло доходитъ до доказательствъ, онъ великодушно даритъ *мнѣ вопросъ, а себѣ—отвѣтъ*. Передъ этимъ, однако, онъ дѣлаетъ еще одно неясное указаніе на то, что Энгельсъ-де, «судя по нѣкоторымъ его заявленіямъ», «призналъ бы чѣмъ-то слишкомъ шаблоннымъ Каутскій-Мерингъ-Плехановское изложеніе матеріалистическаго пониманія исторіи». Къ сожалѣнію, Баксъ рѣшительно ничего не сообщаетъ намъ о томъ, были ли эти заявленія сдѣланы устно или печатно, публично или частнымъ образомъ, къ чему именно они относились, а главное—что они гласили. И до тѣхъ поръ, пока онъ объ этомъ умалчиваетъ, онъ долженъ позволить мнѣ держаться того мнѣнія,

что эти «нѣкоторыя заявленія» имѣютъ такъ же много общаго съ осужденіемъ моего историческаго метода, какъ «покровъ» — со «знаменемъ», или «интересъ» — съ «условіемъ», тѣмъ — болѣе, что я имѣю полную возможность привести весьма опредѣленные заявленія Энгельса, которые говорятъ прямо противоположное тому, что утверждаетъ Баксъ.

Само собой разумѣется, я этимъ не хочу сказать, что Энгельсъ подписался бы подъ каждымъ словомъ, высказаннымъ мною или какимъ-либо другимъ марксистомъ. Каждый изъ насъ обладаетъ своею собственною индивидуальностью и самостоятельно, на свой собственный манеръ, изслѣдуетъ и излагаетъ, и ни одинъ изъ насъ не — Марксъ и не — Энгельсъ.

Но всѣхъ насъ объединяетъ *общая точка зрѣнія*, на которой стояли также Марксъ и Энгельсъ.

Если Баксъ хотѣлъ доказать, что наше *примѣненіе* Марксъ-Энгельсоовскихъ принциповъ неправильно, то онъ долженъ былъ разсматривать, cadaго изъ насъ какъ особую индивидуальность, и по отношенію къ каждому въ отдѣльности привести соотвѣтствующія доказательства изъ его собственныхъ сочиненій.

Но если онъ хотѣлъ, какъ это и было въ дѣйствительности, подвергнуть критикѣ нашу общую точку зрѣнія, тогда совершенно произвольно было съ его стороны устанавливать между нами и нашими учителями такую разницу, которой мы сами не признаемъ.

Но къ чему ломать себѣ надъ этимъ голову, — думаетъ Баксъ, — вѣдь это совершенно неважный личный вопросъ: «по-мнѣ, пусть Марксъ и Энгельсъ были марксистами въ смыслѣ Каутскаго».

Въ данной связи этотъ вопросъ не кажется мнѣ такимъ уже чисто личнымъ. Прежде, чѣмъ спорить о какой-либо теоріи, необходимо точно опредѣлить и отграничить предметъ спора. Но и тутъ Баксъ обнаруживаетъ свойственный ему недостатокъ точности. То онъ борется противъ «нео-марксистскаго», «крайняго» теченія, то противъ матеріалистическаго пониманія исторіи вообще, — все время избѣгая, однако, точнѣе обозначить критикуемыя имъ воззрѣнія. Марксъ, Энгельсъ, каждый изъ «нео-марксистовъ» много разъ высказывались о матеріалистическомъ пониманіи исторіи, но Баксъ вовсе не цитируетъ ихъ и не беретъ ни одного изъ выставленныхъ ими положеній за исходный пунктъ своей критики.

Этотъ недостатокъ точности, какъ въ опредѣленіи предмета спора, такъ и въ разграниченіи понятій и въ способѣ ихъ выраженія, безъ сомнѣнія, служить серьезнымъ препятствіемъ для всякой дискуссіи;

но онъ вдвойнѣ даетъ себя чувствовать въ дискусіи о марксизмѣ.

Однимъ изъ существенныхъ преимуществъ, позволившихъ Марксу и Энгельсу сдѣлать ихъ великія научныя открытія, была ихъ замѣчательная способность строго разграничивать понятія. Кто хочетъ быть «марксистомъ», т. е. работать въ духѣ обоихъ названныхъ учителей, тотъ прежде всего долженъ стремиться къ ихъ точности и ясности.

Но въ дѣйствительномъ мірѣ вещи не разграничены такъ рѣзко, какъ въ абстракціи; тутъ одна вещь переходитъ въ другую, — и кто при объясненіи міра явленій остается на поверхности, тому марксовы воззрѣнія легко могутъ показаться односторонними или даже произвольными, не соотвѣтствующими дѣйствительности.

Почти всѣ критики марксизма начинаютъ съ того, что сваливаютъ въ одну кучу тѣ понятія, которыя онъ разграничилъ; они, слѣдовательно, дѣлаютъ въ научномъ отношеніи шагъ назадъ. Одни сваливаютъ въ одну кучу потребительную и мѣновую стоимость, цѣнность и цѣну, прибавочную стоимость и прибыль и т. д.; они находятъ, что Родбертусъ сказалъ «нѣсколько другими словами» «почти» то же самое, что Марксъ, они говорятъ о Марксѣ-Родбертусовской теоріи стоимости и опровергаютъ или «исправляютъ» ее. Другіе сваливаютъ въ одну кучу животный и общественный организмъ, законы общественного развитія и законы развитія индивидуума и вида; они не проводятъ точнаго разграниченія между бытіемъ людей и ихъ сознаниемъ, между содержаніемъ исторіи и ея поверхностными формами, между матеріальными интересами и матеріальными условіями—и такимъ образомъ легко приходятъ къ «преодоленію» марксовыхъ одностороннихъ теорій и начинаютъ съ состраданіемъ, сверху внизъ, смотрѣть на марксистовъ, которые замкнулись въ свой «узкій шаблонъ».

И такъ какъ почти вся критика марксизма основана на подобномъ смѣшеніи понятій, то дискусія по затронутымъ ею вопросамъ въ большинствѣ случаевъ оказывается бесплодной, а порою даже непріятной. Ибо для защиты марксовыхъ теорій намъ, марксистамъ, въ большинствѣ случаевъ приходится только устанавливать, что сказали въ дѣйствительности Марксъ или кто-нибудь изъ марксистовъ, чтобы тѣмъ самымъ показать, что это—далеко не то, что въ ихъ уста вкладываетъ критикъ, и что, слѣдовательно, критика его вовсе не затрагиваетъ марксизма. Далеко не веселое и не

привлекательное занятіе, которое однако, къ сожалѣнію, всякій разъ снова навязывается намъ критиками марксизма.

Такимъ образомъ, наша дискуссія приводитъ къ тому, изъ чего въ сущности слѣдовало исходить—къ выясненію вопроса, что собственно представляетъ собою такъ много дискутировавшійся и осмѣянный и такъ мало понятый историческій матеріализмъ. Тема эта не новая. Но она имѣетъ не только академическое, а, какъ я дальше покажу, также и практическое значеніе,—и такъ какъ замѣчанія Бакса заставляютъ меня освѣтить вопросъ съ новыхъ сторонъ, то я надѣюсь, что мои возраженія не будутъ лишены общаго интереса.

2) Историческая теорія.

Баксъ говоритъ: «Каутскій обвиняетъ меня въ смѣшеніи понятій историческаго развитія и «всей человѣческой жизни въ цѣломъ». Разумѣется, я самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждаю, что отъ законченной теоріи историческаго развитія мы вправе требовать, чтобы она давала надлежащее объясненіе всей человѣческой жизни или, по крайней мѣрѣ, руководящую нить къ такому объясненію, ибо человѣческая жизнь въ цѣломъ развивается въ исторіи».

Какъ ни рѣшительно звучать эти слова Бакса, я все же позволю себѣ нѣсколько усомниться въ правильности того положенія, что человѣческая жизнь въ цѣломъ развивается въ исторіи. Функции человѣческаго организма—пищевареніе, оплодотвореніе, дѣторожденіе—вѣдь тоже нѣкоторымъ образомъ относятся къ «человѣческой жизни въ цѣломъ»; но никто, конечно, не станетъ утверждать, что онѣ «развивались въ исторіи». Но, даже оставляя это въ сторонѣ, я не думаю, чтобы отъ какой-либо теоріи можно было требовать больше того, что она сама хочетъ объяснить. Если дарвиновская теорія даетъ объясненіе развитія растительныхъ и животныхъ видовъ, то ее нельзя признать неудовлетворительной на томъ только основаніи, что она не объясняетъ также происхожденія органической жизни вообще.

Человѣческое общество тоже можно назвать организмомъ, но, конечно, не растительнымъ или животнымъ. Оно образуетъ своеобразный организмъ, имѣющій свои собственные законы, свою собственную жизнь. Человѣческая жизнь, поскольку она является животной жизнью, жизнью индивидуальнаго организма, подчиняется не тѣмъ законамъ, какимъ она подчиняется въ качествѣ жизни

общественной. И только законы этой послѣдней составляютъ предметъ исторической науки.

Объектомъ матеріалистическаго объясненія исторіи является не обще-человѣческое, не то общее, что присуще людямъ во всѣ времена, а то исторически отличительное, что раздѣляетъ людей различныхъ эпохъ. Но, съ другой стороны, ея объектомъ являются лишь тѣ черты, которыя объединяютъ людей данной эпохи, данной націи, даннаго класса, а не тѣ, которыя выдѣляютъ отдѣльную личность изъ всей совокупности другихъ личностей, среди которыхъ она живетъ и дѣйствуетъ.

Этого нисколько не опровергаетъ тотъ фактъ, что до сихъ поръ историки предпочитали чрезвычайное и индивидуальное—обычному и общественному: матеріалистическое пониманіе исторіи не заимствуетъ своего предмета у историковъ прошлаго.

Матеріалистическое пониманіе исторіи вовсе и не претендуетъ на то, чтобы объяснить и безъ остатка свести къ экономическимъ условіямъ, напр., тотъ фактъ, что Цезарь не имѣлъ дѣтей и усыновилъ Октавіана, что Антоній влюбился въ Клеопатру, а Лепидъ былъ импотентомъ. Но оно въ состояніи объяснить паденіе Римской республики и расцвѣтъ цезаризма.

Отсюда уже ясно, что Баксъ имѣетъ совершенно ошибочное представленіе о матеріалистическомъ пониманіи исторіи, когда онъ полагаетъ, будто оно хочетъ «объяснить поэтическія особенности таланта Шекспира или Гёте». Этого наша теорія не хочетъ и не можетъ. Быть-можетъ это—недостатокъ; но можетъ ли Баксъ указать какую-либо другую историческую теорію, которая въ состояніи была бы это сдѣлать? Я же полагаю, что если матеріалистическое пониманіе исторіи можетъ объяснить намъ хотя бы только идейное содержаніе, общее у Шекспира или Гёте съ ихъ современниками, то и этимъ далеко не слѣдуетъ пренебрегать.

Изъ появившейся до сихъ поръ марксистской литературы Баксъ могъ бы уже убѣдиться, что историческій матеріализмъ вовсе не держится того взгляда, будто генія можно безъ остатка разложить на экономическіе факты. Позволю себѣ въ доказательство сослаться на свои собственныя сочиненія.

Въ своей работѣ о Томасѣ Морѣ я различаю три фактора, вліявшіе на его дѣятельность. Первый и самый важный факторъ, это—общія условія общественной жизни его времени и его страны; ихъ можно свести къ экономическимъ условіямъ. Вторымъ факторомъ является та особая общественная оредѣла, въ которой развивался

Морь; сюда относятся не только особыя экономическія условія, въ которыхъ онъ жилъ, но и люди, съ которыми онъ сталкивался (ихъ особыя идеи опять-таки можно свести къ разнообразнымъ факторамъ), традиціи, которыя онъ засталъ, литература, которая была ему доступна, и т. д. Но и всѣхъ этихъ элементовъ еще недостаточно для полнаго уразумѣнія творчества Мора, напр., его «Утопія»: необходимо кромѣ того обратить еще вниманіе на его личныя особенности.

Изъ этого примѣра нетрудно видѣть, что историческія изслѣдованія марксистовъ не отличаются той грубой шаблонностью, которую имъ приписываютъ нѣкоторые «критики».

Въ качествѣ другого примѣра я могу привести свои работы о «Капиталѣ» и «Нищетѣ философій» Маркса, а также о Фридрихѣ Энгельсѣ. Для изученія творчества Маркса и Энгельса я, наряду съ общими общественными, въ конечномъ счетѣ—экономическими, условіями ихъ времени, рассматриваю еще и ту своеобразную среду, въ которой они жили. Если Моръ занималъ исключительное мѣсто среди англичанъ, соединяя въ своемъ лицѣ гуманизмъ съ практической дѣятельностью юриста, благодаря чему онъ могъ понять промышленную жизнь лондонской буржуазіи, то Марксъ и Энгельсъ тоже занимали исключительное мѣсто, соединяя въ своемъ лицѣ революціонные элементы тогдашней Германіи съ революционными элементами Франціи и Англіи. Но и этого мало: чтобы вполне понять ихъ историческую дѣятельность, необходимо еще принять во вниманіе ихъ личныя дарованія.

Однако, когда мы рассматриваемъ социализмъ, какъ общественное явленіе, мы съ тѣмъ большимъ правомъ можемъ игнорировать при его объясненіи индивидуальныя вліянія, чѣмъ въ большей степени мы рассматриваемъ его, какъ массовое явленіе. Для пониманія общаго содержанія всѣхъ социалистическихъ движеній нашего вѣка вполне достаточно знать общественныя отношенія капиталистическаго способа производства.

Но и для правильнаго пониманія отдѣльной личности въ исторіи нельзя обойтись безъ материалистическаго метода. Индивидуальныя особенности данной личности мы можемъ понять лишь послѣ того, какъ мы узнали, что она имѣла общаго съ своей эпохой, и каковы были движущія силы этой эпохи. Только узнавъ, что личность получила отъ своей эпохи, мы можемъ опредѣлить, что она ей дала.

Но развѣ съ материалистической точки зрѣнія личность можетъ что-нибудь дать обществу? Развѣ она не играетъ по отношенію къ

обществу лишь пассивно-воспринимающую роль? Развѣ материалистическое пониманіе исторіи не исключаетъ всякое взаимодействіе между личностью и обществомъ?

Здѣсь мы подошли къ вопросу о томъ, какую роль играетъ въ исторіи отдѣльный человѣкъ, или, если угодно—человѣческій духъ, «психологическій факторъ», идея. Если для философа-идеалиста идея обладаетъ самостоятельнымъ существованіемъ, то для насъ, материалистовъ, она только функція человѣческаго мозга, — и вопросъ, можетъ ли—и какъ именно—идея вліять на общество, совпадаетъ для насъ съ вопросомъ, возможно ли это—и какъ именно—для отдѣльной личности.

Тутъ Баксъ будетъ пораженъ, прочитавъ, что я вполне согласенъ съ тѣмъ положеніемъ, которое онъ противъ меня выставляетъ: «Экономическія образованія творятъ исторію лишь въ союзѣ съ человѣческимъ умомъ и волей», но никоимъ образомъ не могу согласиться съ выводимымъ имъ отсюда заключеніемъ: «а это значитъ, что нео-марксистское пониманіе исторіи... стоитъ на ложномъ пути». Здѣсь Баксъ ищетъ, нео-ли марксистское пониманіе исторіи, или старо-марксистское, на томъ пути, на который оно даже и не думало вступать.

Напротивъ, я нахожу, что Баксъ измѣняетъ своему собственному принципу, когда онъ въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ, что человѣческій умъ и воля или, какъ онъ выражается, «психологическій факторъ» «въ такой же мѣрѣ обладаетъ, до извѣстной степени, самостоятельнымъ развитіемъ, какъ и экономическія условія. Оба эти элемента образуютъ, какъ я сказалъ, до извѣстной степени свои собственные ряды причинъ и слѣдствій, но въ каждомъ конкретномъ историческомъ случаѣ они находятся также во взаимодействіи». Не такъ уже, слѣдовательно, комично звучитъ мой упрекъ Бакоу по поводу того, что измѣненія психологическаго фактора въ первый періодъ христіанства онъ разсматриваетъ, какъ слѣдствіе того же психологическаго фактора, который, такимъ образомъ, подобно Мюнхгаузену, вытаскиваетъ себя за собственные волосы изъ болота.

Какъ бы то ни было, фактъ остается фактомъ, что въ дѣйствительности никто не въ состояніи вытащить себя изъ болота за собственные волосы, и что, слѣдовательно, психологическій факторъ, приводящій самъ себя въ движеніе, хотя бы только «до извѣстной степени», является бессмыслицей. Я охотно соглашаюсь съ Баксомъ, что это въ такой же мѣрѣ относится и къ экономическимъ

условіямъ, и что если бы нео-марксисты утверждали, что экономическія условія развиваются «до извѣстной степени» самостоятельно, безъ вмѣшательства человѣческаго ума и воли, то это было бы такой же нелѣпостью, какъ и соответствующее утвержденіе относительно психологическаго фактора. И въ томъ и въ другомъ случаѣ все развитіе, а не одна только часть его, основывается на взаимодействіи, выражаясь по Баксу, вѣшнихъ и внутреннихъ факторовъ. Нужно имѣть прямо-таки мистическое представленіе объ экономическомъ развитіи, чтобы допустить, что оно можетъ подвинуться впередъ хоть на одинъ шагъ безъ дѣятельности человѣческаго духа. Но нельзя смѣшивать экономическія условія съ экономическимъ развитіемъ; это—совершенно различныя вещи.

Экономическое развитіе въ конечномъ счетѣ есть не что иное, какъ *развитіе техники*, т. е. послѣдовательный рядъ *открытій и изобрѣтеній*. Но что представляютъ собою эти послѣднія, какъ не «взаимодействіе» между человѣческимъ духомъ и экономическими условіями?

Историческій матеріализмъ, далекій отъ того, чтобы отрицать активную роль человѣческаго духа въ обществѣ, даетъ только отличное отъ прежнихъ теорій объясненіе дѣятельности этой силы¹⁾.

¹⁾ Марксъ указываетъ на то, что до сихъ поръ еще нѣтъ критической исторіи технологій, и затѣмъ говоритъ: „Дарвинъ пробудилъ интересъ къ исторіи естественной технологій, т. е. къ исторіи развитія органовъ растений и животныхъ, играющихъ роль орудій производства для поддержанія ихъ существованія. Неужели же исторія развитія производительныхъ органовъ общественнаго человѣка, этихъ матеріальныхъ базисовъ каждой данной общественной организаціи, не заслуживаетъ такого же вниманія? Притомъ же написать такую исторію было бы легче, такъ какъ, по выраженію Вико, исторія человѣка отличается отъ естественной исторіи тѣмъ, что она творится нами, между тѣмъ какъ другая создана не нами. Технологія разоблачаетъ активное отношеніе человѣка къ природѣ, тотъ непосредственный процессъ производства, которымъ онъ поддерживаетъ свое существованіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ также и способъ формированія его общественныхъ отношеній и вытекающихъ изъ нихъ умственныхъ представленій. Даже всякая исторія религій, не обращающая достаточнаго вниманія на этотъ матеріальный базисъ,— лишена критическаго отношенія. Конечно, гораздо легче отыскать земное начало посредствомъ анализа религіозныхъ туманныхъ представленій, чѣмъ слѣдовать обратному пути, т. е. изъ дѣйствительныхъ жизненныхъ отношеній, существующихъ въ томъ или другомъ случаѣ, развить соответствующія имъ небесныя формы. *Послѣдній методъ есть единственный матеріалистическій, а потому — единственный научный методъ*“. Марксъ, Капиталъ, т. I, стр. 323, примѣч. 94 (Русск. изд. 1898 г.).

Человѣческій духъ приводитъ въ движеніе общество, но не какъ *господинъ* экономическихъ условій, а какъ ихъ *слуга*. Они ставятъ предъ нимъ тѣ задачи, надъ разрѣшеніемъ которыхъ онъ работаетъ; они же даютъ ему и средства для ихъ разрѣшенія. И поэтому они также опредѣляютъ результаты, которыхъ онъ можетъ и долженъ достигнуть при данныхъ историческихъ условіяхъ. Ближайшій результатъ, достигаемый человѣческимъ духомъ путемъ разрѣшенія одной изъ стоящихъ передъ нимъ задачъ, можетъ оказаться какъ разъ такимъ, какой онъ предвидѣлъ и хотѣлъ. Но разрѣшеніе каждой задачи неминуемо порождаетъ слѣдствія, которыхъ онъ не предвидѣлъ и которыя нерѣдко прямо противорѣчатъ его намѣреніямъ. Экономическое развитіе является продуктомъ взаимодействія между экономическими условіями и человѣческимъ духомъ, но отнюдь не продуктомъ свободной и планомѣрной дѣятельности человека, распоряжающагося по своему произволу экономическими условіями.

Разрѣшеніе одной какой-либо технической задачи ставитъ предъ нами новыя задачи. Преодолѣвъ одно природное препятствіе, мы оказываемся передъ новыми препятствіями, которыя намъ также необходимо преодолѣть; удовлетвореніе одной потребности порождаетъ новую потребность. Но каждый техническій прогрессъ доставляетъ также новыя средства для разрѣшенія новыхъ задачъ.

Дѣло, однако, не только въ этомъ. Ни одно техническое измѣненіе, ни одно измѣненіе въ способъ производства или въ образъ жизни не можетъ остаться безъ вліянія на отношенія людей между собою. Извѣстная сумма техническихъ усовершенствованій всегда требуетъ новыхъ условій работы и жизни, которыя непримиримы съ господствующей организаціей общества, съ господствующими принципами права, морали, религіи и т. д.

Технический прогрессъ создаетъ новыя задачи не только для изобрѣтателей, но и для организаторовъ и руководителей общества. Разрѣшеніе этихъ задачъ постоянно тормозится силой традиціи, часто также недостаткомъ знаній и пониманія, а въ обществахъ, основанныхъ на классовыхъ противорѣчіяхъ, еще интересами тѣхъ классовъ, которые извлекаютъ пользу изъ существующаго порядка вещей; но въ подобныхъ случаяхъ всегда въ концѣ концовъ берутъ верхъ классы, заинтересованные въ новомъ порядкѣ вещей и опирающіеся на экономическую необходимость.

Общества, не обладающія достаточной силой и достаточными знаніями для проведенія въ жизнь ставшаго необходимымъ приспособ-

собленія общественной организаціи къ требованіямъ новыхъ экономическихъ условій,—погибають.

На зарѣ человѣческой исторіи, во всякомъ случаѣ, господствовало дарвиновское безсознательное развитіе, выражавшееся въ переживаніи лучше приспособленныхъ и въ гибели не поддающихся приспособленію организацій. Но, чѣмъ большую власть, съ дальнѣйшимъ ходомъ исторіи, люди получаютъ надъ природой, тѣмъ болѣе сознательно реагируютъ они на экономическое развитіе; чѣмъ быстрое и нагляднѣе совершается это развитіе, чѣмъ легче люди сознаютъ задачи, которыя оно передъ ними ставитъ, и чѣмъ усовершенствованнѣе методы и средства сознательнаго разрѣшенія новыхъ задачъ,—тѣмъ въ большей мѣрѣ социальное преобразование перестаетъ являться простымъ продуктомъ инстинктовъ, тѣмъ въ болѣе-шей мѣрѣ связано оно съ идеями, съ цѣлями, которыя люди ставятъ себѣ, и, наконецъ, съ систематическимъ изольдованіемъ.

Соотношеніе между экономическими условіями, которыя ставятъ передъ человѣчествомъ опредѣленныя задачи и даютъ средства для ихъ разрѣшенія, и созданной такимъ образомъ духовной дѣятельностью людей—становится все болѣе сложнымъ по мѣрѣ расширенія и усложненія обѣихъ областей, въ которыхъ проявляется эта духовная дѣятельность—природы, завоеванной человѣкомъ, и общества,—по мѣрѣ роста числа промежуточныхъ членовъ между причиной и слѣдствіемъ въ предѣлахъ самой этой дѣятельности. Изъ первоначально чисто-эмпирическихъ попытокъ воспользоваться, примитивнымъ способомъ, той или иной силой природы—въ концѣ концовъ развивается естествознаніе; начинается раздѣленіе труда между теоретиками и практиками, между изслѣдователями и тѣми, которые примѣняютъ ихъ идеи къ практикѣ,—и это раздѣленіе на различныя группы и категоріи идетъ все дальше и глубже.

То же самое происходитъ и въ общественной сферѣ. Отъ политика отдѣляется социальный философъ, а политика и социальная философія, въ свою очередь, распадаются каждая на цѣлый рядъ подгруппъ. Наряду съ законодателемъ—практикомъ выступаетъ юристъ-теоретикъ, наряду съ полиціей нравовъ и проповѣдниками морали—философы-этики и т. д.

Каждая изъ этихъ формъ дѣятельности отдѣляется отъ остальныхъ, начинаетъ думать, что обладаетъ собственной внутренней жизнью, и забываетъ, что ея задачи, средства для ихъ разрѣшенія и само это разрѣшеніе предписываются ей въ конечномъ счетѣ экономическими условіями.

Баксъ держится другого взгляда.

«Исторію философіи,—говорить онъ,—никоимъ образомъ нельзя свести въ ея основныхъ чертахъ къ экономическимъ причинамъ. Хотя практическое примѣненіе философскихъ системъ и идей и можетъ быть отчасти объяснено этими причинами, все же по существу мы имѣемъ здѣсь дѣло съ эволюціей идей, какъ таковыхъ, которую и нетрудно прослѣдить. Если же Каутскій на это возразить, что философія могла возникнуть лишь послѣ того, какъ цивилизація, а, слѣдовательно, экономическое развитіе достигло достаточно высокаго уровня, чтобы дать возможность хотя бы нѣкоторому числу людей обратиться къ умозрительнымъ занятіямъ, то это—довольно-таки невинное возраженіе: указанное обстоятельство, само собою разумѣется, составляетъ лишь общее отрицательное условіе появленія философіи, но не даетъ намъ положительной причины возникновенія философіи, какъ таковой, не говоря уже о ея содержаніи въ различные періоды. Если Каутскій, дальше, спросить, какъ же возникли первые зачатки философскихъ идей, то я отвѣчу: путемъ наблюденія явленій внѣшней природы и человѣческаго духа и путемъ анализа условій познанія и сознанія вообще».

Мое возраженіе далеко не такъ «невинно», какъ это представляетъ себѣ Баксъ. Я вѣдь отнюдь не утверждаю, что отношеніе философіи къ экономическимъ условіямъ данной эпохи сводится просто къ тому досугу, который эти условія даютъ философамъ для наблюденія природы и духа и для оодѣйствія «эволюціи идей». Нѣтъ, философъ получаетъ отъ общества нѣчто гораздо большее.

Прежде всего странно, что въ качествѣ объектовъ философіи Баксъ называетъ только внѣшнюю природу и человѣческій духъ, совершенно забывая объ обществѣ. Я думаю, что философія до сихъ поръ занималась, отчасти, изслѣдованіемъ природы, къ которой я причисляю и человѣческій духъ, а отчасти—изслѣдованіемъ общества. Что философъ можетъ получить свои идеи объ обществѣ только отъ самого общества, и что данное строеніе всякаго общества объясняется его экономическими условіями—это, мнѣ кажется, не нуждается въ дальнѣйшихъ доказательствахъ; но уже отсюда слѣдуетъ, что весьма существенную часть философіи заранѣе можно свести къ экономическимъ причинамъ, не прибѣгая для объясненія ея къ простой «эволюціи» идей, къ ихъ формально-логическому развитію.

Но какъ обстоитъ дѣло съ естествознаніемъ? Баксъ сводить его къ простому «наблюденію явленій внѣшней природы». Но та-

кимъ путемъ далеко не уйдешь. Наблюдать можетъ и дикарь, и, вообще говоря, по отношенію къ явленіямъ внѣшней природы у него гораздо болѣе острая наблюдательность, чѣмъ у насъ. Но это еще не значитъ, что онъ—философъ. Лишь поскольку *наблюденіе природы становится завоеваніемъ природы*, оно поднимается до *изслѣдованія природы*. Отличіе философа отъ дикаря заключается не въ самомъ фактѣ *наблюденія* природы, а въ томъ, что для перваго природа *понятна*, тогда какъ для втораго она—*загадка*. Простое наблюденіе показываетъ намъ только, *какъ* совершаются явленія въ природѣ; философское же изслѣдованіе природы начинается лишь съ вопроса: *почему?* Человѣкъ долженъ былъ сначала нѣкоторымъ образомъ порвать пуповину, связывавшую его съ природой, долженъ былъ до извѣстной степени овладѣть природой, подняться надъ нею, прежде чѣмъ онъ могъ подумать о томъ, чтобы философски изслѣдовать ее. И лишь по мѣрѣ того, какъ растетъ власть человѣка надъ природой, лишь по мѣрѣ технического прогресса, расширяется также область научнаго изслѣдованія природы. Господа философы недалеко ушли бы въ естествознаніи со своей «эволюціей идей» безъ помощи телескопа и микроскопа, безъ инструментовъ для взвѣшиванія и измѣренія, безъ лабораторій и обсерваторій и т. д.; всѣ эти техническіе приборы не только доставляютъ средства для разрѣшенія проблемъ естествознанія, но и открываютъ самыя проблемы. А вѣдь всѣ эти орудія являются результатомъ экономическаго развитія—результатомъ, который при посредствѣ людей становится исходнымъ пунктомъ новаго прогресса. Развитіе естественныхъ наукъ идетъ рука объ руку съ развитіемъ техники, понимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ. Подъ техническими условіями какой либо-эпохи слѣдуетъ понимать не только ея орудія и машины. Современные методы химическаго изслѣдованія и современная математика также входятъ составной частью въ существующую систему техники. Попробуйте построить корабль или желѣзнодорожный мостъ безъ математики! Безъ современной математики капиталистическое общество было бы невозможно. И данное состояніе математики такъ же входитъ въ составъ экономическихъ условій существующаго общества, какъ и данное состояніе машинной техники или міровой торговли: всѣ эти моменты тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собой.

Такимъ образомъ, развитіе философіи, какъ въ качествѣ науки о природѣ, такъ и въ качествѣ науки объ обществѣ, находится во внутренней связи съ экономическимъ развитіемъ. Экономическія

условія его эпохи даютъ философу не только необходимый досугъ для наблюденій, но и нѣчто большее: задачи, выдвинутыя данною эпохою и ожидающія мыслителя, который ихъ разрѣшить, а также и средства для ихъ разрѣшенія.

Направленіе, въ которомъ слѣдуетъ искать этого разрѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, заранее дано вмѣстѣ съ элементами самого рѣшенія задачи. Это, однако, не значитъ, что каждый такъ сразу и познаетъ его. Проблемы, касающіяся общества,—а мы сейчасъ только ихъ и разбираемъ, хотя наши выводы *mutatis mutandis* относятся и къ прогрессу естествознанія,—имѣютъ дѣло съ чрезвычайно сложными явленіями. Правда, вмѣстѣ съ экономическимъ развитіемъ совершенствуются и вспомогательныя средства и методы изслѣдованія, но въ той же мѣрѣ усложняются, вѣдь, и объекты изслѣдованія. У средневѣковаго государствовѣда и философа не было въ распоряженіи средствъ и методовъ современной статистики; но зато ему приходилось имѣть дѣло лишь съ небольшими крестьянскими и городскими общинами, каждая изъ которыхъ жила своей замкнутой жизнью, будучи овязана съ остальнымъ міромъ лишь крайне незначительной торговлей. Въ настоящее же время передъ государствовѣдами и экономами стоятъ великіе народы съ мировой торговлей, охватывающей важнѣйшіе элементы производства и потребленія культурныхъ націй.

Явленія, подлежащія объясненію, задачи, подлежащія разрѣшенію, до того сложны, что отдѣльному человѣку обыкновенно невозможно бываетъ познать всѣ ихъ стороны и такимъ образомъ найти правильное во всѣхъ пунктахъ объясненіе и рѣшеніе. Только одно рѣшеніе проблемы можетъ быть правильнымъ, но *мыслимо безчисленное множество* рѣшеній, изъ которыхъ каждое осяѣщаетъ тотъ или другой элементъ проблемы, не обнимая, однако, всѣхъ ея элементовъ.

Отсюда—разнообразіе мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ даже среди такихъ людей, которые одинаково одарены и обладаютъ одинаковыми знаніями. Одинъ не можетъ понять другого не потому, что онъ глупѣе его, а лишь потому, что каждый видитъ въ одной и той же вещи нѣчто совершенно иное.

Разумѣется, и различіе въ духовныхъ способностяхъ порождаетъ различіе мнѣній, но въ массѣ людей различіе въ способностяхъ весьма незначительно. Сильно же различаются люди по своей *точкѣ зрѣнія*, т. е. другими словами, по *общественному положенію*, по той позиціи, съ которой они подходятъ къ вопро-

самъ своей эпохи. И это различіе возрастаетъ съ ходомъ экономического развитія.

Различіе въ положеніи отдѣльныхъ людей въ обществѣ обуславливаетъ не только разницу въ развитіи ихъ способностей и знаній, но и разницу въ ихъ традиціяхъ, предразсудкахъ и, наконецъ, въ ихъ *интересахъ*—личныхъ и классовыхъ.

Однако, несмотря на всѣ индивидуальныя различія, та точка зрѣнія, съ которой масса членовъ опредѣленнаго класса подходитъ къ опредѣленному вопросу, можетъ считаться въ своихъ общественныхъ чертахъ заранѣе данной, и такимъ образомъ для членовъ даннаго класса дано и то направленіе, въ которомъ они ищутъ рѣшенія этого вопроса. Но точку зрѣнія даннаго класса можно всегда свести къ экономическимъ условіямъ, которые, такимъ образомъ, даютъ не только проблему и то единственное направленіе, въ которомъ она можетъ быть разрѣшена, но и тѣ различныя направленія, въ которыхъ различные классы и слои общества ищутъ ея разрѣшенія.

На всемъ протяженіи того періода, который до сихъ поръ сталъ достояніемъ научно-историческаго изслѣдованія, еще ни разу не удавалось ни одному классу, а тѣмъ болѣе ни одному индивидууму, найти полное разрѣшеніе одного изъ великихъ общественныхъ вопросовъ. Рѣшеніе, которое въ концѣ концовъ получалось, какъ единственно правильное, изъ борьбы интересовъ и мнѣній,—всегда отличалось отъ каждаго изъ тѣхъ рѣшеній, которые предлагали отдѣльные классы, партіи, мыслители. Но вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстные классы, интересы которыхъ совпадали съ интересами необходимаго развитія, всегда оказывались болѣе доступны голосу истины, чѣмъ другіе классы, интересы которыхъ стояли въ противорѣчій съ этимъ развитіемъ. И въ то время, какъ идеи и воззрѣнія первыхъ все ближе подходили къ дѣйствительному разрѣшенію проблемы, идеи и воззрѣнія послѣднихъ часто обнаруживали тенденцію все больше отъ него удалиться.

Здѣсь мы подошли къ тому пункту, съ котораго не трудно увидѣть, какое вліяніе можетъ личность оказывать на развитіе общества. Она не въ состояніи изобрѣсти для него новыя проблемы, хотя она и можетъ иногда открыть проблему тамъ, гдѣ другіе до сихъ поръ не видѣли ничего загадочнаго. Точно также и въ разрѣшеніи этихъ проблемъ личность связана тѣми средствами, какія въ ея распоряженіе даетъ данная эпоха. Напротивъ, выборъ того круга проблемъ, которому личность себя посвящаетъ, выборъ точки

зрѣнія, съ которой она подходитъ къ ихъ разрѣшенію, направленіе, въ которомъ она его ищетъ, и, наконецъ, сила, съ которой она защищаетъ свою точку зрѣнія—не могутъ быть безъ остатка сведены къ однимъ только экономическимъ условіямъ: наряду съ послѣдними, здѣсь выступаютъ и индивидуальныя особенности, развившіяся благодаря своеобразію природныхъ способностей и той среды, въ которой находилась данная личность.

Всѣ только-что перечисленныя обстоятельства оказываютъ вліяніе если не на самое направленіе развитія, то все же на его ходъ и на тотъ путь, какимъ въ концѣ концовъ достигается неизбѣжный результатъ. *И въ этомъ отношеніи отдѣльныя личности могутъ очень много дать своей эпохѣ.*

Одни—въ качествѣ мыслителей, которые достигли болѣе глубокаго пониманія, чѣмъ ихъ окружающіе, въ большей мѣрѣ, чѣмъ они, освободились отъ унаслѣдованныхъ традицій и предразсудковъ и преодолѣли классовую ограниченность.

Послѣднее выраженіе можетъ показаться страннымъ въ устахъ марксиста. Но въ дѣйствительности социализмъ тоже, вѣдь, основывается на преодолѣніи классовой ограниченности. Для ограниченаго буржуа социальный вопросъ заключается въ проблемѣ, какъ сохранить рабочихъ спокойными и непритязательными; для ограниченаго наемнаго рабочаго онъ является только вопросомъ желудка, вопросомъ высокой платы, короткаго рабочаго дня и обезпеченнаго труда. Необходимо преодолѣть ограниченность того и другого, чтобы понять, что разрѣшеніе социальныхъ проблемъ нашего времени должно быть болѣе широкимъ, такимъ, которое возможно только при новой формѣ общества.

Этимъ, разумѣется, я не хочу сказать, что это болѣе высокое знаніе социалистовъ является уже полнымъ знаніемъ, и что новое общество не можетъ развить совершенно инныя формы, чѣмъ какія мы ожидаемъ.

Мыслитель, который, преодолѣвъ традицію и классовую ограниченность, становится на болѣе высокую точку зрѣнія, и такимъ путемъ открываетъ новыя истины, т. е. подходитъ ближе, чѣмъ средній человѣкъ, къ дѣйствительному разрѣшенію проблемы,—не можетъ, однако, рассчитывать на одобреніе со стороны всѣхъ классовъ. Его признаютъ лишь тѣ классы, интересы которыхъ лежатъ въ одномъ направленіи съ интересами необходимаго развитія,—да и то не всегда, если мыслитель слишкомъ высоко поднялся надъ

окружающей его средой. Конечно, заинтересованность чудодѣйственнымъ образомъ способствуетъ пониманію.

Но не одинъ только мыслитель можетъ сократить путь развитія, можетъ уменьшить его жертвы. *Художникъ*, который беретъ открытую мыслителемъ истину и придаетъ ей болѣе наглядную и привлекательную форму, способную встряхнуть и воодушевить; *организаторъ* и *тактикъ*, который собираетъ разсѣянные силы и цѣлесообразно комбинируетъ ихъ—всѣ они могутъ, если только представляютъ собою нѣчто дѣйствительно выдающееся, ускорить ходъ развитія.

Я назвалъ тактиковъ и организаторовъ. Сюда относятся не только политики, но и полководцы. Со времени просвѣтительной философіи въ демократическихъ кругахъ стало модой смотрѣть на полководцевъ и, вообще, на войну сверху внизъ, какъ на нѣчто, не имѣющее значенія для развитія человѣчества. Это—реакція противъ придворнаго объясненія исторіи XVII и XVIII в.в., которое и донынѣ встрѣчается еще въ историческихъ сочиненіяхъ «основательныхъ» авторовъ, наивно думающихъ, что весь прогрессъ исходитъ отъ монарховъ, а войны являются важнѣйшимъ и плодотворнѣйшимъ результатомъ ихъ царствованія.

Это, конечно, явная бессмыслица. Но фактъ остается фактомъ, что до сихъ поръ война была однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій революціи, т. е. насильственно ускореннаго общественнаго развитія, и что полководцы, доставившіе побѣду дѣлу революціи, должны быть названы въ числѣ первыхъ, способствовавшихъ развитію человѣчества.

Конечно, несравненно больше число тѣхъ полководцевъ, которые протавились этому развитію и задерживали его своими побѣдами.

Но вѣдь въ реакціонномъ лагерѣ, стремящемся задержать развитіе, можно найти не только полководцевъ, но и политиковъ и законодателей; не мало также философовъ и художниковъ можемъ мы тамъ встрѣтить. Ни реакціонность большинства офицерства нашего времени, ни наше принципиальное отрицательное отношеніе къ современному милитаризму не должны, однако, побудить насъ къ недооцѣнкѣ вліянія военныхъ геніевъ на ходъ всего предыдущаго историческаго развитія.

Здѣсь необходимо обратить вниманіе еще на одинъ демократическій предрассудокъ, который стараются оправдать матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи: на страхъ предъ особымъ почита-

ніемъ отдѣльныхъ личностей, предъ такъ называемымъ «культомъ личностей», «авторитаризмомъ» и т. п. Эти словечки мы переняли отъ мелкобуржуазной демократіи, и, благодаря своей звучности, они все еще пользуются успѣхомъ въ нашихъ рядахъ, хотя единственное, для чего они могутъ служить, это—давать въ руки анархистовъ нѣкоторые аргументы противъ насъ.

Безъ сомнѣнія, каждая личность есть продуктъ условій; особенностями своего развитія она обязана средѣ, въ которую попала. Геній, слѣдовательно, ничего не можетъ требовать за то, что онъ геній. Но это еще не служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы первый попавшійся ливной филистеръ имѣлъ въ моихъ глазахъ такое же значеніе и возбуждалъ къ себѣ такой же интересъ, какъ мыслитель, овладѣвшій знаніемъ своего вѣка и безконечно расширившій мой кругозоръ, или чтобы я придавалъ сужденію перваго встрѣчнаго новичка въ политикѣ такой же вѣсъ, какъ сужденію опытнаго политика, который безчисленными политическими побѣдами на протяженіи всей своей жизни доказалъ свои выдающіяся способности.

Мы не должны поэтому искать оправданій своему «культу личностей», когда мы, напр., чтимъ память Лассалля или Маркса, или когда мы охотнѣе слушаемъ съ ораторской трибуны Либкнехта и Бебеля, чѣмъ Гинце или Кунце; мы не должны также съ возмущеніемъ протестовать противъ «упрека», что у насъ есть вожди. Да, у насъ есть вожди, и въ значительной мѣрѣ отъ качествъ нашихъ вождей зависитъ, будетъ ли нашъ путь къ побѣдѣ длиннымъ или короткимъ, будетъ ли онъ покрытъ шипами или удобенъ.

Но не только почитаніе отдѣльныхъ личностей, также и борьба съ отдѣльными личностями вполнѣ согласуется съ нашей матеріалистической точкой зрѣнія. Часто говорятъ: мы ведемъ борьбу не съ лицами, а только съ системой. Но, вѣдь, система существуетъ лишь при посредствѣ лицъ, и я не могу нападать на нее, не нападая на отдѣльныхъ лицъ.

Нельзя уничтожить систему монархіи, не свергнувъ монарха. Нельзя положить конецъ капиталистическому способу производства, не экспроприровавъ капиталистовъ. И если среди нашихъ противниковъ нѣкоторые лица особенно выдаются по своимъ способностямъ, силѣ или враждебности, если они особенно вредятъ намъ, то мы должны также особенно сильно бороться съ этими именно лицами. И это отнюдь не противорѣчитъ нашему матеріалистическому пониманію исторіи. Въ настоящее время мы

не только историки, но прежде всего—борцы. Нашъ матеріализмъ приводитъ насъ къ тому, что мы *понимаемъ* нашихъ противниковъ, а не къ тому, что мы перестаемъ съ ними *бороться*. *Материалистическая* теорія не *фаталистична*. Только въ *борьбѣ*—въ борьбѣ съ враждебной природой, съ враждебнымъ народомъ, съ враждебнымъ классомъ, съ враждебнымъ мнѣніемъ, съ враждебной личностью—осуществляется развитіе, которое лишь потому неудержимо идетъ впередъ, что борьба неизбежна.

Но не только борецъ въ настоящемъ, также и историкъ, описывающій прошлое, никогда не сможетъ совершенно пройти мимо отдѣльныхъ личностей, если онъ хочетъ изобразить особыя формы, въ которыхъ совершалось историческое развитіе при данныхъ особыхъ условіяхъ; и *постольку*, разумѣется, онъ не сможетъ обойтись *однимъ* только матеріалистическимъ методомъ.

Но лишь въ предѣлахъ приложимости матеріалистическаго метода изслѣдованіе и изложеніе историческаго развитія является *наукой*. За этими предѣлами оно превращается въ *искусство*, которое, однако, тоже нуждается для своего твердаго обоснованія въ *материалистическомъ* методѣ.

Теперь мы ясно видимъ, что можетъ и хочетъ дать этотъ методъ. Онъ исходитъ изъ того положенія, что развитіе общества и господствующихъ въ немъ воззрѣній отличается характеромъ закономерности, и что основную пружину и послѣднее основаніе этого развитія мы должны искать въ развитіи экономическихъ условій. Каждой ступени развитія экономическихъ условій соответствуютъ опредѣленные общественныя формы и идеи. Важнѣйшей, основной задачей историческаго изслѣдованія является изученіе этихъ законовъ и зависимостей. Если это достигнуто, тогда уже сравнительно легко понять особыя формы развитія въ данномъ отдѣльномъ случаѣ.

Такъ смотрю я на историческій матеріализмъ, и если только я не совершенно неправильно понялъ Маркса и Энгельса, то и они такъ же смотрѣли на него.

Впрочемъ, кому это доставляетъ удовольствіе, тотъ можетъ называть мои взгляды нео-марксистскими. Все дѣло, разумѣется, въ вопросѣ, правильна ли эта теорія. Отвѣтъ на это можетъ дать только *практика*, только *примѣненіе метода*.

Въ дальнѣйшемъ я и представлю нѣкоторыя иллюстраціи такого примѣненія, причемъ попрежнему буду исходить изъ критики Бакса.

3) Историческая практика.

Всякая теорія должна строиться на фактахъ. Но, съ другой стороны, методическое изслѣдованіе фактовъ невозможно безъ твердо установленной теоретической точки зрѣнія. Явленія міра дѣйствительности до того многообразны и сложны, что чистый эмпирикъ безнадежно теряется въ нихъ. Лишь тотъ можетъ проложить себѣ здѣсь путь, кто заранее обладаетъ болѣе широкими перспективами, кто умѣетъ отдѣлять существенное отъ несущественнаго, типичное отъ случайнаго, общее отъ частнаго, причину отъ повода.

Методическое изслѣдованіе фактовъ является, слѣдовательно, результатомъ, а не предпосылкой теоріи.

Новая теорія можетъ возникнуть лишь въ томъ случаѣ, если стали извѣстны нѣкоторые новые факты, или если уже извѣстные факты освѣщены съ новой стороны, и притомъ факты, до того замѣчательные и характерные, что на данной высотѣ научнаго мышленія они толкаютъ, по крайней мѣрѣ, генія къ новому пониманію вещей. Путемъ обобщенія добытыхъ такимъ образомъ законовъ мы приходимъ къ новой теоріи.

Благодаря этому, всякая теорія вначалѣ полна пробѣловъ; ни одна теорія не возникаетъ и не можетъ возникнуть изъ систематическаго изслѣдованія всѣхъ фактовъ, которые она хочетъ объяснить. Какъ разъ само это изслѣдованіе и служить для нея пробнымъ камнемъ.

Поэтому нельзя считать убѣдительнымъ возраженіемъ противъ новой теоріи указаніе на тотъ фактъ, что она не объяснила еще всѣхъ явленій, къ которымъ она относится. Количество явленій, которыхъ она еще не объяснила и которыя ей еще остается объяснить, указываетъ только на ея возрастъ, на число и работоспособность ея послѣдователей и на свойства доступнаго имъ матеріала, но отнюдь не можетъ служить аргументомъ противъ ея правильности.

Тутъ существуетъ только одинъ пробный камень: критика метода въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ уже былъ примѣненъ. По его плодамъ надо судить о немъ, по тому, что онъ далъ, а не по тому, что онъ еще долженъ дать.

Если, напр., марксисты или нео-марксисты до сихъ поръ еще не написали материалистической исторіи философіи, то это никоимъ обра-

зомъ не опровергаетъ зависимости философіи отъ матеріальнаго базиса общества.

Несмотря на юность матеріалистическаго метода и несмотря на то, что какъ основатели его, такъ и почти всѣ безъ исключенія ихъ ученики до сихъ поръ были не привилегированными профессорами, имѣющими возможность посвятить себя всецѣло теоретическимъ занятіямъ, а политическими борцами за интересы пролетариата,—этотъ методъ нашелъ себѣ уже примѣненіе въ самыхъ различныхъ областяхъ исторіи. Поэтому есть полная возможность приложить къ нему единственный рѣшающій масштабъ и посмотреть, сумѣлъ ли этотъ методъ лучше, чѣмъ всякая другая изъ выставленныхъ до сихъ поръ историческихъ теорій, объяснить тѣ факты исторіи, объясненіе которыхъ онъ пытался дать. Вотъ о чемъ должна идти рѣчь, а не о томъ, можно ли эту теорію «признать послѣднимъ словомъ истины».

Но хотя матеріалистическое пониманіе исторіи нашло себѣ очень много противниковъ, до сихъ поръ не сдѣлаво еще ни одной серьезной попытки приложить этотъ масштабъ къ историческимъ работамъ хотя бы одного изъ учениковъ, не говоря уже объ учителяхъ. Миѣ, по крайней мѣрѣ, приходилось встрѣчать обстоятельную критику, критику по существу, только философскихъ и экономическихъ работъ марксистовъ, но не ихъ историческихъ работъ.

Но можно также перевернуть копые и приложить указанный масштабъ къ трудамъ нашихъ противниковъ. Это я и попытаюсь сдѣлать въ дальнѣйшемъ. Мы возьмемъ, въ качествѣ ближайшаго примѣра, два мѣста изъ возраженія нашего друга Бакса и посмотримъ, дѣйствительно ли его методъ плодотворнѣе нео-марксистскаго.

«Каутскій въ сущности спрашиваетъ,—замѣчаетъ Баксъ въ своемъ возраженіи,—почему современные греки не выдвинули своего Аристотеля или Перикла и т. п., другими словами—почему современная Греція такъ рѣзко отличается отъ античной; и онъ полагаетъ, что существенныя измѣненія испытали лишь экономическія условія; при этомъ онъ оставляетъ безъ вниманія все то, что не укладывается въ рамки его теоріи, какъ, напр., то, что и народъ, подобно отдѣльной личности, можетъ состариться, что въ Греціи фактически произошло смѣшеніе народовъ, что кромѣ чисто экономической эволюціи протѣкъ цѣлый періодъ историческаго развитія человѣчества. Всѣ эти факторы вмѣстѣ вліяли на Грецію, какъ и на другія страны. Греческій духъ совершенно исчерпалъ себя въ литературной, философской и художественной областяхъ еще задолго до того, какъ произошло

существенное измѣненіе въ способѣ производства и обмѣна. Если это истощеніе духа приходится поставить въ связь съ какимъ-нибудь общественнымъ факторомъ, то скорѣе съ политическимъ или религіознымъ, чѣмъ съ экономическимъ. Потеря политической независимости, вліяніе восточныхъ идей, а въ послѣдствіи христіанства, безъ сомнѣнія, значительно ускорили паденіе Греціи. Далѣе, черезъ Грецію прошло столько различныхъ народовъ: готы, славяне, норманны, каталонцы, венеціанцы, турки; всѣ они оставили болѣе или менѣе глубокій слѣдъ, а нѣкоторые, какъ напр. славяне, и вовсе остались въ Греціи, смѣшавшись съ прежнимъ ея населеніемъ. Современный грекъ въ этническомъ отношеніи совершенно другое существо, чѣмъ античный грекъ. Наконецъ, какъ я уже сказалъ, Каутскій въ своемъ усердіи игнорируетъ все конкретное развитіе—духовное, политическое, моральное, равно какъ и экономическое—, протекшее между древними вѣками и новымъ временемъ».

Прежде всего я долженъ замѣтить, что я поставилъ совоѣмъ другой вопросъ, чѣмъ тотъ, какой вкладываетъ мнѣ въ уста Баксъ. Въ своемъ первомъ возраженіи противъ Бакса я поставилъ вопросъ, какой изъ трехъ элементовъ, опредѣляющихъ человѣческую дѣятельность, измѣнился съ античной эпохи: человѣческій организмъ, природа или экономическія условія? Первый, указалъ я, не измѣнился, его мыслительная способность осталась та же, что и въ древней Греціи: «мыслительная способность какого-нибудь *Аристотеля* врядъ ли превзойдена, какъ не превзойдены также художественныя способности древнихъ грековъ». Точно также не измѣнилась и природа: «надъ Греціей сіяетъ то же самое голубое небо, что и въ эпоху *Перикла*». Но измѣнилось общество, т. е. въ конечномъ счетѣ — экономическія условія, которыя такимъ образомъ и составляютъ переменный факторъ въ развитіи человѣчества.

Ясно, что это нѣчто совоѣмъ иное, чѣмъ приписываемый мнѣ Баксомъ вопросъ. Еще одинъ примѣръ замѣчательной точности Бакса! Едва я выговариваю имена Аристотеля и Перикла, Бакоу тотчасъ кажется, что я спрашиваю, почему современная Греція не имѣетъ своего Аристотеля и Перикла. Болѣе того, ему уже слышится мой отвѣтъ, что съ античной эпохи «существенныя измѣненія испытали лишь экономическія условія», а не все общество вмѣстѣ съ ними!

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ эта манера критики имѣетъ и свою хорошую сторону. Она заставляетъ Бакса изложить тѣ основанія, которыя по его мнѣнію объясняютъ, почему Греція пере-

стала производить такихъ людей, какъ Аристотель и Перикль; она заставляетъ его показать, каковы дѣйствительныя причины упадка греческой философіи и греческаго искусства.

Въ своемъ объясненіи Баксъ приводитъ цѣлый рядъ оснований, которыя должны совершенно устранить экономическія причины. Прежде всего и главнымъ образомъ онъ ссылается на смѣшеніе народовъ, которое произошло въ Греціи. Конечно, я далекъ отъ мысли оспаривать, что расовыя особенности оказываютъ извѣстное вліяніе на ходъ историческаго развитія. Однако, не слѣдуетъ переоцѣнивать этого вліянія, какъ это любятъ дѣлать новѣйшіе послѣдователи теоріи наслѣдственности. Человѣческій организмъ обладаетъ наивысшей способностью къ приспособленію, и, безъ сомнѣнія, человѣческій мозгъ принадлежитъ къ наиболее легко измѣняемымъ и приспособляемымъ человѣческимъ органамъ. Пожалуй, если бы еще эллины смѣшались съ ботокудами или жителями Огненной Земли, то это задержало бы, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, развитіе ихъ художественныхъ и философскихъ способностей. Но перечисляемые Баксомъ народы — германцы, славяне, испанцы, итальянцы — не принадлежатъ къ разряду совершенно неодаренныхъ въ философскомъ и художественномъ отношеніяхъ. Это еще, пожалуй, можно утверждать о туркахъ, но они вѣдь пришли въ Грецію только въ пятнадцатомъ вѣкѣ и оказали мало вліянія на этническій характеръ грековъ. Но и остальные перечисленные народы явились въ Грецію слишкомъ поздно, чтобы ими можно было объяснить художественный и философскій упадокъ, который начался въ четвертомъ вѣкѣ до Р. Х., тогда какъ первое вторженіе готовъ въ Грецію произошло въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х., когда Греція уже совершенно пала.

Такимъ образомъ этническое смѣшеніе ничего тутъ не объясняетъ. Если бы я дѣйствительно занялся тѣмъ вопросомъ, который на самомъ дѣлѣ впервые поставилъ самъ Баксъ, то я имѣлъ бы всѣ основанія игнорировать «фактъ смѣшенія народовъ».

Но Баксъ указываетъ еще на одинъ моментъ, который я будто бы «оставилъ безъ вниманія» (въ никогда не написанномъ мною разборѣ никогда не поставленнаго вопроса) — естественно, потому, что онъ «не укладывается въ рамки моей теоріи»; а именно на тотъ фактъ, «что и народъ, подобно отдѣльной личности, можетъ состариться... Греческій духъ совершенно исчерпалъ себя... еще задолго до того, какъ произошло существенное измѣненіе въ способѣ производства и обиха».

Нѣтъ сомнѣнія, что «греческій духъ» «исчерпалъ» себя, коль

около начался упадокъ греческой философіи и искусства: это «истощеніе духа» и есть не что иное, какъ поэтическое описаніе факта упадка. И съ равнымъ правомъ можно сказать: «греческій духъ находился совершенно въ упадкѣ, когда начался упадокъ греческой философіи и искусства». Надѣюсь, мнѣ простятъ, что такое «исчерпывающее» объясненіе «не укладывается въ рамки моей теоріи».

Не менѣе правъ Баксъ, когда онъ замѣчаетъ, что и тотъ фактъ, что народъ можетъ состариться, подобно отдѣльной личности, «не укладывается въ рамки моей теоріи». Не хочетъ ли Баксъ этимъ сказать, что общественный организмъ представляетъ собою совершенно такой же организмъ, какъ и животный, такъ что законы одного можно прямо переносить на другой? Тогда я обратилъ бы его вниманіе на одну особенность, присущую народамъ въ противоположность отдѣльнымъ личностямъ—на *способность молодѣть*. Французская нація сильно состарилась въ царствованіе Людовика XV. Закалка великой революціи снова сдѣлала ее молодой и дала ей гигантскія силы. На нашихъ глазахъ японская нація, тоже проявлявшая уже много старческихъ чертъ, обновилась, благодаря подобной же, хотя и болѣе слабой, закалкѣ, и вступила въ ряды развивающихся, много обѣщающихъ народовъ.

Что народъ можетъ состариться—это тоже не болѣе, какъ поэтическое, а потому не совсѣмъ точное, описаніе факта его упадка. Такія фразы не подвинутъ насъ впередъ ни на одну йоту.

Наковецъ, въ объясненіи упадка духовной жизни Греціи я «въ своемъ усердіи» «игнорировалъ» третій моментъ—«все конкретное развитіе, протекшее между древними вѣками и новымъ временемъ».

Что обо всемъ этомъ я ничего не сказалъ въ своей статьѣ—это я долженъ признать, но я прошу Бакса приписать это не моему «усердію», а тому обстоятельству, что отвѣтить на разбираемый вопросъ я взялся не въ дѣйствительности, а лишь въ его фантазіи.

Въ дѣйствительности же я держусь того мнѣнія, что весь вопросъ здѣсь идетъ именно о «конкретномъ развитіи». Но тутъ, къ сожалѣнію, въ самомъ важномъ пунктѣ, Баксъ покидаетъ насъ, ограничившись туманнымъ указаніемъ на потерю политической независимости и на деградирующее вліяніе христіанства, причѣмъ самъ же приписываетъ этимъ факторамъ лишь *ускореніе* процесса упадка, но не считаетъ ихъ *причинами* его.

Какія же причины упадка устанавливаетъ «исправленный» Баксовъ методъ историческаго изслѣдованія? Никакихъ, рѣшительно никакихъ!

Попытаемся же сами если не подробно развить, то по крайней мѣрѣ намѣтить раскритикованный уже Баксомъ, хотя и не написанный еще мною, анализъ причинъ упадка духовной жизни Греціи, и посмотримъ, не будемъ ли мы имѣть большій успѣхъ, оперируя тѣми факторами, которые Баксъ оставилъ безъ вниманія.

Прежде всего необходимо установить точныя границы проблемы. Духовный упадокъ Греціи начинается въ четвертомъ вѣкѣ до Р. Х. Поэтому, если я хочу открыть его корни, я долженъ искать ихъ не въ явленіяхъ, наступившихъ позже, а лишь въ такихъ явленіяхъ, которыя уже проявляли свое дѣйствіе въ четвертомъ вѣкѣ. Но чтобы понять, почему Греція не выдвинула въ позднѣйшіе вѣка Аристотелей и Перикловъ, мнѣ необходимо раньше знать, въ силу какихъ обстоятельствъ Греція въ свое время выдвинула Аристотеля и Перикла. Необходимо, слѣдовательно, разсмотрѣть и предшествовавшій упадку періодъ расцвѣта. Послѣдній обнимаетъ всего нѣсколько поколѣній—одно столѣтіе.

Пятый вѣкъ былъ для Греціи вѣкомъ ея величайшихъ философовъ—отъ *Гераклита Темнаго* (около 500 г. до Р. Х.) до *Платона* (род. въ 429 г.) и *Аристотеля* (род. въ 385 г.), ея величайшихъ историковъ—*Геродота* и *Фукидида*, ея величайшихъ драматурговъ—*Эсхила*, *Софокла*, *Эврипида* и *Аристофана*, ея величайшихъ художниковъ—*Фидія* и *Полигнота*. Въ четвертомъ вѣкѣ мы, правда, встрѣчаемъ еще въ этихъ областяхъ нѣсколько великихъ произведеній, какъ результатъ движенія пятого вѣка, но упадокъ уже начался и идетъ быстро и неудержимо впередъ.

Точно опредѣливъ, такимъ образомъ, подлежащее объясненію явленіе, мы, далѣе, изслѣдуемъ экономическое движеніе, совпадающее съ этимъ явленіемъ въ пространствѣ и во времени. Мы найдемъ, что періодъ расцвѣта начинается съ *Персидскихъ войнъ* (492—479 гг.) и заканчивается *Пелопонесской войной* (431—404 гг.).

Каждая изъ этихъ войнъ возбуждала экономическую революцію. До Персидскихъ войнъ экономической и вмѣстѣ съ тѣмъ духовный центръ эллинскаго міра лежалъ въ Малой Азіи. Замѣчательно, что Альбертъ Ланге, великій противникъ матеріализма, даетъ вполне матеріалистическое объясненіе философіи мало-азіатскихъ грековъ (равно какъ и философіи Великой Греціи). Безъ сомнѣнія, не изъ матеріалистическаго усердія, а лишь потому, что факты вынудили его къ этому. Онъ говоритъ:

«Если мы теперь бросимъ взглядъ на берега Малой Азіи въ тѣ столѣтія, которыя предшествуютъ блистательному періоду эллинской

духовной жизни, то мы найдемъ тамъ колонію іонянъ, съ многочисленными и значительными городами, отличающуюся богатствомъ и матеріальнымъ процвѣтаніемъ, любовью къ искусству и утонченностью жизни. Торговля и политическія связи и все увеличивающееся отремленіе къ знанію повели жителей Милета и Ефеса къ дальнимъ путешествіямъ, приводили ихъ въ разнородное сопрیکосновеніе съ чужими нравами и мыслями и способствовали тому, что свободно мыслящая аристократія возвышалась надъ точкой зрѣнія болѣе ограниченныхъ массъ. Такимъ же раннимъ процвѣтаніемъ отличались и дорическія колоніи въ Сициліи и южной Италіи. Можно неоспоримо предположить, что, задолго до появленія философовъ, при этихъ обстоятельствахъ распространилось болѣе свободное, просвѣщенное міросозерцаніе между высшими слоями общества.

«Въ этихъ кружкахъ богатыхъ, уважаемыхъ, много видѣвшихъ и много путешествовавшихъ людей и возникла философія» ¹⁾

Побѣда грековъ надъ персами перенесла экономическій центръ съ восточнаго берега Эгейскаго моря на западный берегъ. Она не только доставила несмѣтную добычу греческимъ крестьянамъ и морякамъ, жившимъ до тѣхъ поръ въ крайне примитивныхъ условіяхъ, но и повела къ тому, что побѣдители, отбивъ нападеніе, перешли въ наступленіе. Но это было уже дѣломъ не привязанныхъ къ землѣ крестьянъ, а подвижныхъ моряковъ. Торговый городъ Аѣины завоевалъ гегемонію въ этой борьбѣ и, занявъ господствующее положеніе, сталъ эксплуатировать все Эгейское, Іонійское и даже Черное моря. Эксплуатація была, частью, прямой—въ формѣ податей, налагаемыхъ на покоренные острова и побережья, частью же—косвенной, выражавшейся въ монополизациі въ рукахъ Аѣинъ всей греческой торговли, оставшей къ тому времени міровой торговлей, посредницей между Западомъ и Востокомъ. Несмѣтные богатства потекли въ Аѣины, и въ результатѣ явился неслыханный экономическій подъемъ, сопровождавшійся разсвѣтомъ искусствъ и наукъ. Аѣины стали центромъ, въ которомъ собирались самые блестящіе умы Греціи. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ художники и мыслители не находили такихъ благопріятныхъ условій для своего развитія и дѣятельности, нигдѣ они не находили такихъ богатыхъ побужденій къ творчеству.

Не однимъ только богатствомъ были созданы эти условія; богат-

¹⁾ „Исторія матеріализма“, русскій перев. Страхова, изд. 1899 г., стр. 4 и 5.

ство встрѣчалось вѣдь и въ другихъ мѣстахъ. Но никогда и нигдѣ въ древности только-что описанная мною экономическая революція не совершилась такъ быстро и непосредственно, какъ въ Аѳинахъ въ пятомъ вѣкѣ, и нигдѣ поэтому она не дала такого мощнаго толчка мысли и фантазіи, философіи и искусству; нигдѣ не удалось достигнуть столь поразительныхъ результатовъ, нигдѣ люди не прониклись такой смѣлостью и увѣренностью;—эти качества сообщались также художникамъ и мыслителямъ, побудивъ ихъ взяться за самыя трудныя проблемы.

Кромѣ того, богатства, стекавшіяся въ Аѳины, не остались, какъ въ другихъ мѣстахъ, достояніемъ небольшого круга господствующей аристократіи. Аѳины представляли демократическое общество, всѣ граждане участвовали въ экономическомъ и вызванномъ имъ духовномъ расцвѣтѣ. Нигдѣ мыслители и художники не находили такой публики, какъ въ Аѳинахъ. Но если мыслитель и художникъ создаетъ публику, то вѣдь и наоборотъ—и въ гораздо большей степени—публика создаетъ его.

Ко всему этому прибавилось еще то обстоятельство, что къ началу Персидскихъ войнъ Аѳины стояли уже на высотѣ тогдашней культуры, чего, напримѣръ, нельзя сказать о Римѣ, развитіе котораго шло тѣмъ же путемъ, хотя и было менѣе интенсивно, чѣмъ въ Аѳинахъ. Римляне прибыли на восточное побережье Средиземнаго моря, какъ варвары, какъ «проходимцы», которые въ лучшемъ случаѣ могли подняться до той культуры, которую они здѣсь застали, но не были въ состояніи тотчасъ развитъ ее дальше и превзойти ее. Въ Римѣ богатство, явившееся въ результатъ завоевательной и эксплуататорской политики, сумѣло на первыхъ порахъ вызвать появленіе любителей искусства, коллекціонеровъ, любителей красоты, компиляторовъ, но не такихъ пионеровъ философіи и искусства, какъ въ Аѳинахъ.

А къ тому времени, когда Римъ ассимилировалъ культуру Востока, его экономическое развитіе достигло уже періода упадка, и міровая римская имперія могла создать въ духовной области только—христіанство.

Такимъ образомъ, Римъ никогда не смогъ въ области духовнаго развитія создать то, что создали Аѳины, но и для Аѳинъ экономическое развитіе шло въ томъ же направленіи, что и для Рима.

Богатства, стекавшіяся въ Грецію со времени Персидскихъ войнъ, ускорили развитіе денежнаго хозяйства и подкопали основы прежняго крестьянскаго натурального хозяйства. Крестьянинъ

впалъ въ долги и разорился, а мѣсто крестьянскихъ хозяйствъ заняли латифундіи, обрабатываемыя рабами. Деревни опустѣли. Масса народа устремилась въ торговые города. Наряду съ все богатѣющими купцами, спекулянтами, ростовщиками, владѣльцами латифундій, счастливыми полководцами, вернувшимися домой съ богатой добычей,—образовалась все возрастающая масса люмпент-пролетаріевъ. Прежнія добродѣтели исчезли, стали сказываться особенности новыхъ социальныхъ слоевъ. Чувство солидарности уступило мѣсто продажности и корыстолюбію, мужество—трусости и изнѣженности. Солдатъ-гражданинъ, сражавшійся за свой собственный очагъ, все больше вытѣснялся наемникомъ, который служилъ тому, кто лучше платилъ.

Все это выѣстъ взятое привело въ Греціи, какъ и въ Римѣ, къ всеобщему общественному упадку. Но въ Греціи этотъ процессъ упадка совершился не постепенно, на протяженіи многихъ столѣтій, какъ въ Римѣ, а разразился въ видѣ военной катастрофы съ такой же поразительной быстротой, какъ въ свое время періодъ расцвѣта.

Разлагающія вліянія новыхъ экономическихъ условій сказались прежде всего и самымъ рѣзкимъ образомъ въ Аѣнахъ, въ этомъ центрѣ экономического расцвѣта Греціи. Аѣны были также самымъ ненавистнымъ государствомъ для всей Греціи. Чѣмъ больше развивалось денежное хозяйство, чѣмъ больше возрасталъ люмпент-пролетаріатъ, который приходилось прокармливать Аѣинскому государству, тѣмъ все сильнѣе становился экономическій гнетъ, испытываемый аѣинскими подданными, и въ то же время все сильнѣе становилось жадное стремленіе крестьянскихъ кантоновъ Греціи къ сокровищамъ мірового города. Сосѣди и подданные вступили въ союзъ и въ отчаянной борьбѣ положили навсегда конецъ міровому господству Аѣинъ. Эта тридцатилѣтняя война опустошила и истощила Грецію, которая, въ силу понижающихъ тенденцій своего экономического развитія, никогда уже не могла вполне оправиться. Скоро она стала добычей чужихъ народовъ, въ конецъ разорившихъ ее; міровая торговля, сношенія между Востокомъ и Западомъ пошли по другому пути, минуя Грецію, которая такимъ образомъ потеряла свое экономическое значеніе.

Вотъ важнѣйшіе факты, на которые я указалъ бы, если бы я дѣйствительно взялся освѣтить съ матеріалистической точки зрѣнія упадокъ духовной жизни Греціи. Языкъ этихъ фактовъ, думается мнѣ, достаточно краснорѣчивъ. Какъ въ подъемѣ, такъ и въ упадкѣ руководящую роль играло экономическое развитіе, а духовное раз-

витіе послушно слѣдовало за нимъ. Но зависимость между обоими элементами такая тѣсная, что *post hoc* не можетъ не означать здѣсь также *propter hoc*; это становится еще яснѣе, если обратиться къ болѣе детальному изслѣдованію, чѣмъ это возможно въ настоящей статьѣ. Кромѣ того, подобный же параллелизмъ можно наблюдать и въ другихъ случаяхъ — слѣдовательно, онъ не является случайнымъ.

Я предоставляю теперь читателямъ рѣшить, есть ли необходимость для того, кто при помощи матеріалистическаго метода пришелъ къ сознанию этого параллелизма, хвататься за «этническое смѣшеніе» съ славянами и турками или за «истощеніе греческаго духа» и тому подобныя отчаянныя средства, чтобы сдѣлать понятнымъ духовный упадокъ Греціи.

На второмъ историческомъ примѣрѣ, который послужитъ намъ для сравненія Баксова метода съ матеріалистическимъ, мы можемъ остановиться менѣе подробно.

Въ своемъ возраженіи я упрекнулъ Бакса въ непоследовательности, такъ какъ въ своемъ «*Socialism, its growth and outcome*» онъ въ одномъ мѣстѣ объясняетъ утрату средневѣковой жизнерадостности и появленіе пуританства въ Англіи—ея капиталистическимъ развитіемъ, а нѣсколько страницъ спустя—особымъ духомъ англійскаго народа.

Баксъ не видитъ тутъ никакого противорѣчія и поддерживаетъ оба свои утвержденія.

«Въ общемъ,—говоритъ онъ,—я охотно соглашаюсь съ Каутскимъ и его товарищами, что перемѣна въ общественномъ настроеніи Англіи въ концѣ шестнадцатаго и началѣ семнадцатаго вѣковъ объясняется совершившейся тогда экономической революціей. Но протестантское движеніе въ Англіи обладаетъ извѣстными особенностями, которыя нигдѣ на континентѣ не обнаружили въ такой степени, хотя и тамъ вѣдь совершился—правда, нѣсколько позже—подобный же переворотъ въ экономическихъ условіяхъ. Гдѣ, напримѣръ, можно найти на континентѣ англійское празднованіе воскресенья, догму грѣховности танцевъ, театра или даже чтенія романовъ? Всѣ эти своеобразныя черты нельзя объяснить однимъ общимъ шаблономъ; поэтому я высказалъ скромное предположеніе, что пуританство, выработавшее такія черты, объясняется *своеобразнымъ смѣшеніемъ племенъ*, образовавшихъ британскій народъ».

Итакъ, тутъ снова выступаетъ этническое смѣшеніе. Но, къ сожалѣнію, и на этотъ разъ оно ничего не можетъ объяснить. Этническое смѣшеніе греческаго народа началось *пять-тысячелѣтія* послѣ наступленія того явленія, которое Баксъ думаетъ имъ объяс-

нить. А въ Англіи этническое смѣшеніе уже закончилось въ двѣнадцатомъ вѣкѣ—къ концу одиннадцатаго вѣка произошло послѣднее великое нашествіе на Англію норманновъ—слѣдовательно, оно явилось на *полъ-тысячелѣтія раньше*, чѣмъ это нужно для объясненія пуританства семнадцатаго вѣка. Какъ разъ между этимъ смѣшеніемъ и пуританствомъ лежитъ періодъ веселой старой Англіи.

Мы, матеріалисты, склонны искать причину особенностей данной эпохи прежде всего въ условіяхъ самой этой эпохи. Посмотримъ же, не отличалась ли Англія семнадцатаго вѣка отъ остальной Европы чѣмъ-либо еще, кромѣ своего этническаго смѣшенія.

Тутъ намъ сразу бросается въ глаза крайне важная и замѣчательная особенность Англіи въ семнадцатомъ вѣкѣ; это—самое выдающееся въ англійской исторіи того вѣка событіе: революція 1642—1660 г. г., т. е. господство демократическихъ классовъ: мелкихъ буржуа, крестьянъ, наемныхъ рабочихъ.

Это явленіе совершенно единичное во всей Европѣ семнадцатаго вѣка; повсюду, кромѣ Англіи, торжествовалъ тогда побѣду феодальный абсолютизмъ, демократическіе же классы потерпѣли полное пораженіе.

Но, присмотрѣвшись ближе, мы замѣчаемъ еще одно: если пуританство охватывало въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкахъ не весь англійскій народъ, а лишь отдѣльные классы Англіи, то этимъ классамъ оно было присуще отнюдь не въ одной только Англіи, но и во всей Европѣ.

Когда Бернштейнъ и я работали надъ первымъ томомъ «Исторіи социализма», мы не мало были поражены, когда, совершенно независимо одинъ отъ другого, нашли у всѣхъ социалистически-демократическихъ партій и теченій на исходѣ ореднихъ вѣковъ и въ началѣ новаго времени совершенно одинаковыя, часто до смѣшного совпадающія, пуританскія воззрѣнія. То, что Бернштейнъ нашелъ въ Англіи, я нашелъ у богемскихъ братьевъ, у послѣдователей Мюнцера, у перекрещенцевъ, у менонитовъ. Мы пришли къ убѣжденію, что это совпаденіе не случайное, а закономерное: пуританство составляетъ необходимое міровоззрѣніе опредѣленныхъ классовъ при опредѣленныхъ условіяхъ. Если въ средніе вѣка съ преобладающимъ господствомъ натурального хозяйства жизненное правило крестьянъ, мелкихъ буржуа и наемныхъ рабочихъ гласитъ: «живи и давай жить другимъ!», то на порогѣ капиталистическаго способа производства эти слои впадаютъ въ мрачное пуританство, и притомъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ быстрѣе совершается и глубже

проникаетъ экономическое и соотвѣтствующее ему политическое развитіе, и чѣмъ сильнѣе реакція низшихъ классовъ противъ него.

Но что пуританство, хотя оно существовало также и въ остальной Европѣ, достигло господства только въ Англіи, — это, послѣ сдѣланныхъ мною выше указаній объ англійской революціи, объясняется само собою.

Какъ разъ то явленіе, которое оказалось для Бакоа съ его «исправленнымъ» методомъ такой неразрѣшимой загадкой, что онъ долженъ былъ обратиться къ совершенно произвольно изобрѣтеннымъ особенностямъ этническаго смѣшенія, совершившагося за много вѣковъ до того, — это самое явленіе послужило для насъ однимъ изъ блестящихъ подтвержденій плодотворности и правильности матеріалистическаго объясненія исторіи.

И эта плодотворность и правильность нашего метода обнаружилась во всѣхъ областяхъ, въ какихъ мы его испытали—безразлично, пользовались ли мы имъ для изслѣдованія *прошлаго*, или для уразумѣнія *настоящаго*.

Наша теорія одинаково хорошо служить для того и для другого,—и въ этомъ именно заключается ея *практическое значеніе*, то важное значеніе, которое она имѣетъ не только для изслѣдователя, но и для *борца-соціалиста*. Вотъ почему вопросъ о матеріалистическомъ пониманіи исторіи не есть просто академическій вопросъ, а глубоко затрагиваетъ всѣхъ насъ.

Наша тактика, наше поведеніе въ современной политической и соціальной борьбѣ, до извѣстной степени находится въ зависимости отъ нашего пониманія *условій* этой борьбы и основныхъ пружинъ историческаго развитія.

Первое сочиненіе, въ которомъ матеріалистическое пониманіе исторіи было систематически развито, возвѣстило также окончательную теоретическую несостоятельность утопическаго соціализма и сектантства.

Въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» Марксъ и Энгельсъ разбираютъ вопросъ: «Въ какомъ отношеніи стоятъ коммунисты къ пролетаріямъ вообще?» и заявляютъ:

«Коммунисты не составляютъ особой партіи, въ противоположность другимъ рабочимъ партіямъ.

«У нихъ нѣтъ интересовъ, обособленныхъ отъ интересовъ всего пролетаріата.

«Они не выставляютъ особыхъ принциповъ, съ которыми они хотѣли бы сообразовать рабочее движеніе.

«Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий только тѣмъ, что, съ одной стороны, въ разнородной національной борьбѣ пролетаріевъ они выдвигаютъ на первый планъ и отстаиваютъ общіе интересы всего пролетаріата независимо отъ національностей, а съ другой—на различныхъ стадіяхъ борьбы между пролетаріатомъ и буржуазіей они всегда являются представителями общихъ интересовъ движенія въ цѣломъ.

«Такимъ образомъ на практикѣ коммунисты представляютъ самую рѣшительную, самую передовую часть рабочихъ партий всѣхъ странъ, ту часть, которая ведетъ впередъ всѣ другія; въ теоретическомъ же отношеніи они имѣютъ передъ остальной частью пролетаріата то преимущество, что ясно сознаютъ условія, ходъ и общіе результаты пролетарскаго движенія.

«Непосредственная цѣль коммунистовъ—та же, что и всѣхъ прочихъ пролетарскихъ партий: организація пролетаріата въ классовую партію, ниспроверженіе господства буржуазіи, завоеваніе пролетаріатомъ политической власти.

«Теоретическія положенія коммунистовъ отнюдь не основываются на идеяхъ и принципахъ, изобрѣтенныхъ или открытыхъ тѣмъ или инымъ реформаторомъ міра.

«Они являются лишь общимъ выраженіемъ реальныхъ условий фактически существующей классовой борьбы, развивающагося на нашихъ глазахъ историческаго движенія». —Совершенно инымъ представляется отношеніе социалистовъ къ общему движенію рабочаго класса съ точки зрѣнія той теоріи, которую защищаетъ Баксъ.

Въ своей статьѣ, послужившей началомъ дискуссіи, Баксъ говоритъ: «Конечно, для того, чтобы приносить плоды, идеологическое воззрѣніе должно быть посажено въ соответствующую экономическую почву, но эта экономическая почва, какъ таковая, составляетъ лишь отрицательное условіе. Активнымъ, творческимъ элементомъ является стѣмя, т. е. идеологическое воззрѣніе. И поскольку социализмъ есть сознательное движеніе, это относится также къ нему.

«Экономическія условія, какъ бы сильно ни ощущалось ихъ давленіе, нуждаются въ оплодотворяющемъ вліяніи идеала и энтузіазма, чтобы вызвать къ жизни великое движеніе, не говоря уже о созданіи новаго общества».

А идеологическое воззрѣніе возникаетъ изъ «психологическаго фактора», который «до извѣстной степени обладаетъ самостоятельнымъ развитіемъ».

Такъ Баксъ «исправляетъ» Марксову теорію; но именно это исправленіе означаетъ не что иное, какъ возвратъ къ утопическому способу мышленія, изгнанному историческимъ матеріализмомъ.

Марксизмъ тоже имѣетъ свои идеи и идеалы, но теоретическія положенія коммунистовъ отнюдь не основываются на идеяхъ и принципахъ, изобрѣтенныхъ или открытыхъ тѣмъ или инымъ реформаторомъ міра; они являются лишь общимъ выраженіемъ классовой борьбы, они возникаютъ изъ познанія оуществующихъ экономическихъ условий.

Напротивъ, идеи и идеалы утопистовъ возникли изъ ихъ «психологическихъ побужденій», изъ ихъ воззрѣній на справедливость, изъ ихъ желаній, склонностей и психологическихъ потребностей.

Коммунисты, т. е. научные социалисты, или «марсисисты», должны, согласно принципамъ «Коммунистическаго Манифеста», не противопоставлять себя общему движенію рабочаго класса, а вмѣстѣ съ нимъ вести борьбу въ качествѣ самой дальновидной, сознательной и въ то же время на практикѣ самой энергичной части пролетаріата.

Они всегда должны стремиться понять движеніе, никогда не относясь къ нему пренебрежительно. Всякая попытка рабочаго класса защитить себя отъ гнета и эксплуатаціи, всякая его попытка сбросить съ себя этотъ гнетъ или облегчить его—заслуживаетъ ихъ вниманія и самой энергичной поддержки, какъ бы наивны и несовершенны ни были формы подобнаго движенія. «Каждый шагъ дѣйствительнаго движенія,—писалъ Марксъ товарищу Браке въ 1875 г.,—важнѣе дюжины программъ».

Идеальнымъ примѣромъ такого поведенія можетъ служить дѣятельность Маркса въ «Интернаціональ». Лишь немногіе члены «Интернаціонала» стояли на его точкѣ зрѣнія. Ни англійскіе традиціонисты, ни французскіе прудонисты и бланкисты, ни нѣмецкіе лассальянцы и социалистическіе демократы—не дѣйствовали вполнѣ въ его духѣ. И однако, онъ работалъ со всѣми ими, поскольку они стали на почву рабочаго движенія въ цѣломъ и признали оба великихъ принципа классовой борьбы пролетаріата: 1) что освобожденіе рабочаго класса можетъ быть дѣломъ только самихъ рабочихъ и 2) что это освобожденіе является великой конечной цѣлью, которой всякое политическое движеніе подчинено, какъ оредство.

Иначе поступаетъ утопистъ. Онъ вступаетъ въ движеніе именно поступаетъ для того, чтобы сообразовать его со своими особыми принципа-

ми, и въ случаѣ конфликта между этими принципами и движеніемъ, онъ требуетъ, чтобы послѣднее подчинилось. А придти къ такому конфликту совсѣмъ не трудно. «Легко уживаются мысли одна возлѣ другой, но рѣзко сталкиваются вещи въ пространствѣ».

Дѣйствительное движеніе никогда не будетъ соответствовать идеалу «психологическаго побужденія». Поэтому идеалиста, идеи котораго возникаютъ не изъ познанія условій классовой борьбы, а изъ «психологическаго побужденія», легко отталкиваетъ пролетарское движеніе: онъ пытается создать наряду съ нимъ особое движеніе, которое онъ могъ бы сообразовать со своими особыми принципами,—движеніе, которое, въ качествѣ носителя высшаго идеала, кичится своимъ превосходствомъ надъ общимъ движеніемъ. Въмѣсто того, чтобы изучить и понять это общее движеніе, идеалистъ хочетъ поучать его; вмѣсто того, чтобы принять въ немъ дѣятельное участіе, онъ пытается совлечь его съ того пути, по которому оно идетъ, и съ этой цѣлью выступаетъ противъ него и тормозитъ его, гдѣ только можетъ.

Поэтому тамъ, гдѣ господствуетъ утопическій взглядъ на исторію, различіе мнѣній, неизбежное во всякомъ движеніи,—такъ какъ никому вѣдь еще не дано обладаніе полной истиной,—принимается, при прочихъ равныхъ условіяхъ, т. е. при одинаковомъ пониманіи, одинаковомъ темпераментѣ, одинаковой обстановкѣ, гораздо болѣе острый характеръ, чѣмъ тамъ, гдѣ господствуетъ матеріалистическій взглядъ на исторію: въ первомъ случаѣ движеніе пролетаріата легче раскалывается, такъ какъ гораздо труднѣе слить различныя направленія въ одно общее движеніе.

Утопическій методъ, это—методъ анархистовъ и этическихъ социалистовъ. Но возможно также принципамъ, взятымъ у *марксизма*, давать утопическое примѣненіе, если къ признанію этихъ принциповъ придти изъ «психологическихъ побужденій», а не путемъ изученія экономическихъ условій. Марксисты этого сорта употребляютъ марксистскія выраженія, но, не умѣя мыслить и работать по-марксистски, превращаютъ Марксовъ методъ въ шаблонъ, который долженъ сдѣлать излишнимъ всякую самостоятельную работу,—и относительно этихъ именно марксистовъ Марксъ выразился, что онъ не хотѣлъ бы быть марксистомъ.

Такого рода марксистами были нѣмѣцкіе «независимые», которые вначалѣ еще чуждались анархизма, а только давали утопическое примѣненіе заимствованнымъ у Маркса понятіямъ и, такимъ образомъ, вступили въ конфликтъ съ общимъ движеніемъ и сдѣла-

лись тормазомъ для него; въ Голландіи такого рода марксистами являются Ньюйвенгуйсъ и его послѣдователи, которые, благодаря утопическому примѣненію марксистскихъ принциповъ, попали въ то изолированное положеніе, какое они сейчасъ занимаютъ; и въ англійской соціаль-демократіи широко распространено смѣшеніе марксистскихъ понятій съ утопическими методами, что не осталось безъ вліянія на ея отношеніе къ общему движенію пролетаріата.

Яркимъ образчикомъ этого является недавняя ¹⁾ статья Бакса въ «Justice», направленная противъ статьи Бернштейна объ армянскомъ вопросѣ. Баксъ говоритъ тамъ, что «нашъ долгъ, какъ социалистовъ, повелѣваетъ намъ всѣми силами бороться противъ всякаго прогресса цивилизаціи въ варварскихъ и дикихъ странахъ... Лучше рабство, чѣмъ капитализмъ, лучше арабскій работоторговецъ, чѣмъ Chartered Company!—таковъ долженъ быть нашъ лозунгъ. Борьба дикарей противъ цивилизаціи является нашей борьбой, такъ какъ наша задача—повсюду противодѣйствовать распространенію и развитію капиталистическаго способа производства.

А такъ какъ Бернштейнъ не раздѣляетъ этого сентиментальнаго утопизма, то Баксъ заявляетъ, что Бернштейнъ *«безсознательно пересталъ быть соціаль-демократомъ и сдѣлался фабіанцемъ»*—хуже этого въ глазахъ Бакса нѣтъ ничего.

Если каждый, раздѣляющій воззрѣнія Бернштейна, болѣе уже не соціаль-демократъ въ смыслѣ Social Democratic Federation, а фабіанецъ, тогда становится понятной слабость соціаль-демократіи и сравнительная сила фабіанизма въ Англіи.

Тотъ фактъ, что въ Англіи социализмъ слабѣе, чѣмъ это соответствуетъ развитію капитализма, Баксъ приписываетъ недостаточному развитію въ Англіи «психологическаго фактора». Не разъ уже выяснялось, какія особыя экономическія условія вызвали это временное состояніе во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія. Я считаю излишнимъ останавливаться на этомъ подробнѣе. Но что соціаль-демократическія организаціи очень медленно завоевываютъ себѣ въ Англіи вліяніе, несмотря на то, что экономическія условія и способность англійскихъ рабочихъ къ воспріятію социалистическихъ идей, начиная съ восьмидесятыхъ годовъ, значительно измѣнились въ пользу социализма,—въ этомъ отчасти была виновата тактика англійской соціаль-демократіи, находившейся подъ слишкомъ силь-

¹⁾ Статья Каутскаго, какъ и всѣ вообще статьи, составившія настоящую дискуссію, была написана въ 1896 г.

нымъ вліяніемъ той исторической теоріи, представителемъ которой является Баксъ.

Какъ видите, вопросъ о той или другой исторической концепціи имѣетъ значеніе не только для историка, но и для всего нашего практическаго поведенія. Вотъ почему мы, «нео-марксисты», всѣми силами стремимся распространить нашъ историческій методъ и защитить его отъ недоразумѣній и искаженій.

Пусть насъ за это называютъ жрецами марксизма, фанатиками догмы и инквизиторами: такъ легко съ нами не раздѣляются.

Э. Бельфорть-Баксъ.

Границы матеріалистическаго объясненія исторіи.

Отвѣтить въ небольшой статьѣ на обширную критику Каутскаго, разумѣется, представляетъ большія трудности. И я, естественно, вынужденъ ограничиться возраженіемъ на тѣ лишь пункты, которые кажутся мнѣ самыми важными, хотя я и сознаю, что это даетъ противнику возможность утверждать, что я не въ состояніи опровергнуть тѣ аргументы, которыхъ не затрагиваю въ своемъ возраженіи.

Статья Каутскаго: «Что хочетъ и можетъ дать матеріалистическое пониманіе исторіи?» содержитъ три главныхъ момента: 1) — попытку изобличить меня въ неточности; 2) — попытку доказать то, чего я вовсе никогда и не оспаривалъ, а именно, что на всѣхъ стадіяхъ общественнаго развитія экономическій факторъ игралъ въ высшей степени важную роль; 3) — попытку доказать, что этотъ самый экономическій факторъ являлся единственно и исключительно опредѣляющей силой въ извѣстныхъ случаяхъ, на которые я указалъ, какъ на примѣры недостаточности разбираемаго метода и его неспособности объяснить историческія образованія во всей ихъ цѣлостности.

Обратимся на моментъ къ личнымъ обвиненіямъ въ неточности и т. п. Что касается слова: «покровъ», то я долженъ признать, что память моя сыграла со мной злую шутку, заставивъ отнести это выраженіе къ гусситскому спору о чашѣ (хотя, мимоходомъ замѣчу, я все еще убѣжденъ, что встрѣтилъ это слово въ приведенномъ мною смыслѣ въ какомъ-либо другомъ сочиненіи Каутскаго). Къ сожалѣнію, я тогда былъ вынужденъ прибѣгнуть къ своей памяти, такъ какъ у меня не было подъ руками экземпляра «Исторіи социализма». Но замѣнимъ слово: «покровъ» словомъ: «знамя» —

смыслъ моей критики, вѣдь, отъ этого не мѣняется. Вопросъ стоитъ такъ: допустимъ, что какой-нибудь вліятельный дворянинъ явился бы въ лагерь гусситскихъ повстанцевъ, чтобы предложить имъ свой совѣтъ и свое вліяніе, и при этомъ заявилъ бы, что онъ убѣжденный сторонникъ причастія подѣ обоими видами, но въ то же время рѣшительный противникъ соціальныхъ требованій гусситовъ. И я спрашиваю: былъ ли бы онъ принятъ, или прогнанъ большинствомъ гусситскаго войска? Если, какъ я склоненъ думать, онъ былъ бы принятъ, то это, на мой взглядъ, доказывало бы, что теологическій споръ о чашѣ все же былъ не просто «знаменемъ». Ну, а если бы онъ былъ прогнанъ, тогда въ данномъ случаѣ, повидимому, правъ Каутскій.

Интересы и условія, конечно, не одно и то же, но, какъ я уже сказалъ, будучи разсматриваемы, какъ причины историческихъ движеній, оба эти понятія во многихъ случаяхъ совпадаютъ. Интересы восходящаго класса такъ же точно толкаютъ данныя условія производства и обмѣна къ дальнѣйшему развитію въ соотвѣтствующемъ направленіи, какъ и наоборотъ. Конечно, экономическія условія создаютъ классовые интересы, но и въ свою очередь классовые интересы создаютъ экономическія условія. Здѣсь мы снова имѣемъ случай взаимодѣйствія. Если я не могъ изложить все это такъ ясно, какъ въ томъ случаѣ, если бы я располагалъ менѣе ограниченнымъ мѣстомъ, то все же, я еще разъ долженъ сказать, что негодованіе Каутскаго по поводу моего «прямо-таки чудовищнаго смѣшенія понятій» я нахожу нѣсколько чрезмѣрнымъ. То же самое я долженъ замѣтить относительно упрековъ Каутскаго по поводу моей «краткости» и «неточности». Если бы я располагалъ менѣе ограниченнымъ мѣстомъ, то, напримѣръ, вмѣсто выраженія: «истощеніе греческаго духа» я могъ бы сказать: «упадокъ греческой цивилизаціи въ ея творчествѣ и даже въ ея самосохраненіи одновременно во всѣхъ областяхъ—въ народномъ хозяйствѣ, въ политикѣ, философіи, математикѣ, религіи, искусствѣ и литературѣ». Если бы я выразилъ фактъ истощенія такимъ прозаическимъ, хотя и нѣсколько скучнымъ способомъ, я, вѣроятно, избѣжалъ бы, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, нападковъ со стороны Каутскаго,—но дала ли бы эта большая точность что-либо читателю, я сильно сомнѣваюсь.

Въ первой своей статьѣ Каутскій обрушился на мое выраженіе: «отраженіе (экономическихъ условій) въ соціальномъ сознаніи». Почему, хотѣлъ бы я знать, не обрушивается онъ на Энгельса, когда тотъ говоритъ о религіи, какъ о «фантастическомъ отраженіи въ

головахъ людей тѣхъ высшихъ силъ, во власти которыхъ находится ихъ повседневное существованіе» и т. д., или на Маркса, когда онъ въ извѣстномъ *locus classicus* говоритъ, что «опредѣленныя общественныя формы сознанія соотвѣтствуютъ совокупности производственныхъ отношеній даннаго общества». Когда Марксъ или Энгельсъ говорятъ объ «отраженіи» или о «формахъ сознанія», добрый Каутскій подъ этимъ подписывается; когда же я употребляю подобное выраженіе, онъ находитъ его въ высшей степени расплывчатымъ и непонятнымъ.

Совершенно неосновательно обвиняетъ меня Каутскій въ томъ, будто я придалъ неправильный смыслъ проблемѣ о древней и современной Греціи (съ упоминаніемъ именъ Перикла и Аристотеля), которую онъ поставилъ въ своей первой статьѣ. Дѣйствительно, Каутскій писалъ: «Но развѣ человѣческій организмъ, его способность къ мышленію, къ художественному творчеству и т. д. сколько-нибудь замѣтно измѣнились на протяженіи исторіи? Конечно, нѣтъ. Мыслительная способность какого-нибудь Аристотеля врядъ ли превзойдена, какъ не превзойдены также художественныя способности древнихъ грековъ. Съ другой стороны, что измѣнилось во внѣшнемъ мірѣ? Природа? Тоже нѣтъ: надъ Греціей сіяетъ то же самое голубое небо, что и въ эпоху Перикла. Измѣнилось только общество, т. е. въ конечномъ счетѣ—экономическія отношенія; и поскольку въ природѣ и людяхъ происходили измѣненія, они совершались подъ вліяніемъ экономическихъ отношеній».

А я во второй своей статьѣ сказалъ: «Каутскій въ сущности спрашиваетъ, почему современные греки не выдвинули своего Аристотеля или Перикла и т. п., другими словами—почему современная Греція такъ рѣзко отличается отъ античной; и онъ полагаетъ, что существенныя измѣненія испытали лишь экономическія условія»...

Предоставляю теперь каждому, прочитавшему объ эти цитаты, рѣшить, дѣйствительно ли проблема Каутскаго — «нѣчто *совсѣмъ иное*, чѣмъ поставленный Баксомъ вопросъ». Сказать, что это другой вопросъ потому только, что я не дословно передалъ его,—безъ сомнѣнія, чересчуръ сильно: можно, пожалуй, подумать, что отдѣльнымъ словамъ Каутскаго присуща какая-то магическая сила. Если поставленная имъ проблема не совпадаетъ съ вопросомъ о томъ, по какимъ другимъ причинамъ, кромѣ измѣненія экономическихъ условій, современные греки не выдвинули своего Аристотеля или Перикла,—то что же другое означаетъ эта проблема? Я долженъ повторить, что мнѣ кажется ниже достоинства научной дискусіи и

ниже собственного достоинства Каутскаго такъ долго заниматься мелкими личными придирками и раздуваніемъ микроскопической разницы въ формулировкѣ какого-нибудь положенія. Каутскій обладаетъ достаточными способностями, чтобы съ достоинствомъ и блескомъ защищать свои взгляды, не прибѣгая къ такимъ выпадамъ (иначе я этого назвать не могу), ибо, за однимъ единственнымъ исключеніемъ, о которомъ я уже упомянулъ, всѣ выставленныя противъ меня Каутскимъ обвиненія въ неточности основаны на подобыхъ выпадахъ.

Мы переходимъ къ болѣе пріятному и болѣе полезному разбору содержанія статьи Каутскаго по существу. И прежде всего я долженъ еще разъ подчеркнуть, что я не противникъ матеріалистическаго пониманія исторіи, какъ таковаго. Одинъ извѣстный сторонникъ направленія Каутскаго, какъ-то выразился, что ему было бы пріятнѣе, если бы моя критика была направлена противъ общаго метода. Это я прекрасно понимаю. Методъ въ своихъ собственныхъ границахъ стоитъ такъ незыблемо, что если бы я сдѣлалъ попытку выступить противъ него, то Каутскій безъ труда покончилъ бы со мной въ одной небольшой статейкѣ. Нѣтъ, я выступаю не противъ самого метода, а лишь противъ преувеличеннаго представленія о его примѣнимости, которое выражается въ попыткахъ дать съ его помощью исчерпывающее объясненіе въ такихъ областяхъ, гдѣ онъ въ состояніи дать лишь частичное объясненіе. Поскольку же Каутскій опредѣленно признаетъ въ общественномъ развитіи, наряду съ вліяніемъ экономическихъ процессовъ, также вліяніе отдѣльныхъ людей, онъ уже сдѣлалъ шагъ въ сторону отказа отъ односторонности своей точки зрѣнія, — односторонности, которая еще больше проявляется въ произведеніяхъ Меринга и Плеханова. Если онъ теперь уже признаетъ, что личность можетъ не только чуточку ускорить или задержать данное развитіе, но и творчески вліять на него, то онъ, конечно, дѣлаетъ тутъ большой шагъ мнѣ навстрѣчу.

Напротивъ, я не могу согласиться съ Каутскимъ, когда онъ утверждаетъ, что вопросъ, «можетъ ли — и какъ именно — идея вліять на общество, совпадаетъ съ вопросомъ, возможно ли это — и какъ именно — для отдѣльной личности». Ограниченность мѣста не позволяетъ мнѣ подробно развить свои доводы, и я обращаю лишь вниманіе Каутскаго на то, что очень часто идея вліяетъ на массы совершенно иначе, чѣмъ на отдѣльную личность. Выраженіе: «духъ времени», являясь часто простымъ оборотомъ рѣчи, все же имѣетъ

свое значеніе: общественное цѣлоо проникнуто особымъ духомъ, который, возникая, правда, въ душахъ отдѣльныхъ его членовъ, все же составляетъ совершенно своеобразный продуктъ, несводимый къ простой *суммѣ* этихъ индивидуальныхъ душъ. Впрочемъ, такое наблюденіе не разъ уже дѣлалось на массовыхъ собраніяхъ, народныхъ скопищахъ и тому подобныхъ социальныхъ явленіяхъ. Я могъ бы, пожалуй, кое-что сказать и о значеніи этого факта, но это не относится къ разбираемому вопросу.

Что слѣдуетъ понимать подъ утвержденіемъ, что «идея есть только функція человѣческаго мозга»,—этого я не знаю: вѣдь мозгъ и его функція вмѣстѣ со всѣмъ познаваемымъ нами объективнымъ міромъ состоятъ не изъ чего иного, какъ изъ впечатлѣній нашего сознанія, подведенныхъ подъ опредѣленные понятія или, если угодно, подъ опредѣленные «идеи». Другими словами, идея въ этомъ смыслѣ составляетъ существенный элементъ самого объекта (*Universalia in rebus*¹⁾). Въ этомъ пунктѣ, кажется мнѣ, Каутскій заолужилъ сравненія съ Мюнхгаузеномъ съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ я въ другомъ пунктѣ, въ которомъ Каутскій примѣнилъ это сравненіе ко мнѣ.

Только грубая и давно уже отвергнутая философіей разновидность матеріализма утверждаетъ, что мышленіе *есть* функція мозга. Мышленіе есть мышленіе, а функція мозга есть функція мозга,—и такъ оно всегда будетъ. Въ дѣйствительности матеріалисты своей формулой хотятъ лишь оказать, что мышленіе, съ объективной точки зрѣнія, какъ опредѣленное качество психологическаго объекта, слѣдуетъ считать неразрывно связаннымъ съ опредѣленной формой матеріи. Какъ видно, въ философіи нашего друга Каутскаго покладаетъ его любовь къ точности.

Каутскій не согласенъ, что экономическія условія, съ одной стороны, и человѣческій духъ — съ другой, могутъ, хотя бы даже только до извѣстной степени, образовывать свои собственные ряды причинъ и слѣдствій. Главный его аргументъ противъ этого заключается въ повтореніи остроты о Мюнхгаузенѣ. Но мнѣ думается,

1) Формула такъ называемаго „умѣренно реалистическаго“ теченія въ схоластикѣ. Въ то время, какъ „крайніе реалисты“ учили, что общія понятія (*universalia*) предшествуютъ вещамъ, а „номиналисты“ — что общія понятія суть простыя наименованія,—„умѣренные реалисты“ признавали имманентность понятій матеріальному бытію вещей. Отсюда формула: „Общія понятія въ вещахъ“.

что ни одна острога, какъ бы знаменита она ни была, не можетъ служить доказательствомъ въ научной дискусіи. И какъ бы ни обстояло дѣло съ Мюнхгаузеномъ, совершенно ясно, что мысль или система мыслей можетъ относиться, какъ причина, къ другой мысли или къ другой системѣ мыслей,—и такъ оно и бываетъ въ духовномъ развитіи человѣчества. Въ качествѣ примѣра я сослался на исторію философіи и при этомъ выдвинулъ даже, какъ пробный камень, опредѣленные періоды. Что же дѣлаетъ Каутскій? Въмѣсто того, чтобы доказать, что исторія философіи во всѣхъ ея основныхъ идеяхъ можетъ быть цѣликомъ выведена изъ экономическихъ условій, онъ говоритъ о разнаго рода интересныхъ вещахъ, имѣющихъ отношеніе къ естествознанію (которое вовсе не относится къ области философіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова) и къ общественнѣдѣнію. Что касается перваго, то онъ беретъ мое выраженіе: «наблюденіе явленій внѣшней природы» и говоритъ, что съ помощью простаго наблюденія далеко не уйдешь. Но, право, Каутскому не слѣдовало бы понимать мое выраженіе въ такомъ чрезвычайно ограниченномъ смыслѣ. Я предполагаю, что у моихъ читателей достаточно безпристрастія и здраваго человѣческаго разсудка, чтобы понимать слово или фразу не въ натянутомъ, а въ соответствующемъ всему контексту смыслѣ. Само собой разумѣется, что употребленное мною выраженіе: «наблюденіе» не исключало «ислѣдованія», и, употребляя его, я имѣлъ въ виду всѣ методы индукціи, которые въ конечномъ счетѣ все же основаны на *наблюденіи явленій природы*.

Далѣе Каутскій спрашиваетъ, почему я не остановился на философіи въ ея примѣненіи къ обществу. На это я отвѣчу: по той самой причинѣ, по которой я лишь мимоходомъ упомянулъ о естествознаніи. Моей цѣлью было — представить Каутскому такой случай эволюціи мысли, который нельзя вывести изъ матеріальныхъ основаній. Но какъ естественныя, такъ и общественныя науки представляютъ какъ разъ тѣ области знанія, которыя тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ матеріальнымъ, и спеціально съ экономическимъ, развитіемъ. Я же совершенно ясно говорилъ объ основныхъ проблемахъ философіи (напр., о теоріи познанія, объ анализѣ формъ сознанія, о значеніи дѣйствительности вообще). Здѣсь я въ качествѣ пробнаго камня выдвинулъ, напр., развитіе философіи отъ Декарта до Гегеля. Каутскій даже и не пытался выполнить поставленную мною задачу, а всѣ свои силы направилъ на доказательство того, что между техническимъ и научнымъ прогрессомъ, между суще-

ствующими общественными формами и одновременно возникающими или господствующими общественными и правовыми теориями существует тѣсная связь.—т. е. на доказательство того, чего я никогда не оспаривалъ и не сталъ бы оспаривать. Какъ совершенно правильно писалъ мнѣ, по поводу статьи Каутскаго, Гайндманъ, большую часть того, что говоритъ Каутскій, «мы оба вполне можемъ принять». «Но,—прибавляетъ онъ,—мнѣ кажется, что Каутскій совершенно обходитъ важнѣйшіе изъ поставленныхъ вопросовъ и неправильно примѣняетъ свою собственную теорію». Далѣе Гайндманъ приводитъ чистую математику, какъ разительный примѣръ абстрактной науки, на развитіе которой въ ея основныхъ моментахъ техническій прогрессъ и экономическія условія вовсе не вліяли или, во всякомъ случаѣ, оказали весьма слабое вліяніе. Но, не будучи математикомъ, я не могу подробнѣе останавливаться на этой сторонѣ вопроса. Во всякомъ случаѣ, какъ я уже сказалъ, Каутскій не выполнилъ той задачи относительно исторіи философіи, которую я ему поставилъ.

То же самое, что съ эволюціей мысли, происходитъ и съ экономической эволюціей. Можно было бы почти утверждать, что она совершается чисто механически, безъ замѣтнаго вмѣшательства въ сущность процесса сознательнаго человѣческаго духа. Понятно, и въ томъ и въ другомъ случаѣ мое утвержденіе имѣетъ лишь относительный смыслъ. Мы говоримъ только объ отдѣльныхъ періодахъ абстрагировавъ ихъ отъ общаго движенія человѣческой исторіи, и рассматривая эти періоды сами по себѣ, мы говоримъ лишь объ ихъ существенныхъ элементахъ. Или, какъ я выразился, «причинные ряды обладаютъ самостоятельностью лишь до извѣстной степени».

Никто не подчеркнул сильнѣе, чѣмъ пишуцій эти строки, того обстоятельства, что до сихъ поръ на всемъ протяженіи человѣческой исторіи экономическія условія, употребляя выраженіе Каутскаго, были «господиномъ», а духъ—«слугою». Но въ то же время я подчеркнул, что это отношеніе отнюдь не вѣчное, а должно измѣниться съ уничтоженіемъ капиталистическаго строя. Въ развитомъ социалистическомъ обществѣ экономическія условія разъ навсегда будутъ подчинены человѣческому уму и человѣческой волѣ. Надѣюсь, Каутскій не станетъ оспаривать, что такого же взгляда держался и Энгельсъ.

Возраженія, сдѣланныя Каутскимъ противъ моего утвержденія, что отъ историческаго метода мы вправе требовать, чтобы онъ «да-

валъ надлежащее объясненіе всей человѣческой жизни или, по крайней мѣрѣ, руководящую нить къ такому объясненію, ибо человѣческая жизнь въ цѣломъ развивается въ исторіи»,—эти возраженія Каутскаго мало смущаютъ меня. Они гласятъ: «Функции человѣческаго организма—пищевареніе, оплодотвореніе, дѣторожденіе,—вѣдь тоже нѣкоторымъ образомъ относятся къ человѣческой жизни въ цѣломъ; но никто, конечно, не станетъ утверждать, что онѣ развивались въ исторіи». Я могъ бы, конечно, на это отвѣтить, что названныя функции человѣческаго организма—пищевареніе оплодотвореніе, дѣторожденіе — составляютъ, правда, животную основу человѣческаго развитія, но сами по себѣ онѣ не могутъ считаться характернымъ признакомъ того объекта, который мы сейчасъ имѣемъ, т. е. развитія человѣческаго общества, какъ такового. Само собой понятно, что, когда я писалъ критикуемое Каутскимъ мѣсто, я имѣлъ въ виду именно человѣческое общество. Но я не хочу прибѣгать къ такой аргументаціи. Я готовъ принять вызовъ Каутскаго и защищать противъ него мое положеніе даже въ томъ смыслѣ, какой онъ въ него вкладываетъ. Я самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждаю, что названныя функции человѣческаго организма развивались или, по крайней мѣрѣ, измѣнялись на протяженіи исторіи. Тема эта очень интересна и вполнѣ заслуживаетъ разработки со стороны компетентныхъ людей. Съ своей стороны, я укажу лишь на то, что современные наши нравы и, отчасти, наша современная этика, свидѣтельствуютъ, безъ сомнѣнія, о значительномъ измѣненіи человѣческаго организма. Если бы рѣчь шла не о томъ, чтобы опровергнуть меня, то Каутскій, какъ правовѣрный матеріалистъ, врядъ ли сталъ бы отрицать, что наши современные человѣческія чувства, наша гуманность, наше сочувствіе ко всему страдающему основаны на колоссальномъ отличіи нашей нервной системы отъ нервной системы человѣка, скажемъ, въ средніе вѣка. Въ подтвержденіе этого можно привести сотни фактовъ. Разумѣется, это измѣненіе человѣческаго организма имѣетъ также свои тѣньвыя стороны. Какой изъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ могъ бы поспорить съ менѣ развитой нервной системой средневѣковаго или античнаго человѣка въ выносливости по отношенію къ физической боли? Кто изъ насъ могъ бы, подобно Іерониму Пражскому, распѣвать церковныя пѣсни на кострѣ? Это было бы просто физически невозможно—за исключеніемъ развѣ крайне рѣдкихъ случаевъ «игры природы»,—а между тѣмъ прежде это вѣдь случалось, въ различныхъ степеняхъ и видахъ, чуть ли не еже-

дневно. Что касается пищеваренія, то какой современный желудокъ могъ бы перенести средневѣковое меню безъ опасности для жизни? Далѣе, какая цивилизованная женщина могла бы, какъ это дѣлають жены арабовъ во время передвиженія каравана, родить, взять новорожденнаго на спину и пѣшкомъ продолжать свой путь? Точно такъ же обстоитъ дѣло и съ другими органическими явленіями. Въ данномъ случаѣ Каутскій, безъ сомнѣнія, измѣняетъ своему собственному матеріалистическому принципу, ибо если усложненіе человѣческаго организма можно свести къ измѣнившимся экономическимъ условіямъ, то точно такъ же утонченность нашихъ чувствъ возникаетъ изъ утонченности нашей нервной системы. Въ виду приведенныхъ и многихъ другихъ фактовъ такого же рода, возраженія моего друга Каутокаго, думается мнѣ, совершенно падаютъ.

Каутскій, конечно, правъ, когда онъ говоритъ, что отъ теоріи не слѣдуетъ требовать больше того, что она сама хочетъ дать. Но главные представители марксдова метода такъ упорно молчатъ о границахъ своей теоріи, что часто невольно кажется, будто, по ихъ мнѣнію, эта теорія въ состояніи объяснить весь историческій процессъ. Если же она въ дѣйствительности этого сдѣлать не въ состояніи, то въ такомъ случаѣ она представляетъ собою только одну сторону историческаго метода, которая, какъ бы важна она ни была, нуждается въ завершеніи,—а вѣдь это именно положеніе я и защищалъ на протяженіи всей дискуссіи ¹⁾.

На брошенное мнѣ Каутскимъ обвиненіе по поводу «греческаго» вопроса, будто я навязалъ ему проблему, которой онъ никогда не выставлялъ, я уже отвѣтилъ. Теперь я хочу нѣсколько остановиться на существенной сторонѣ этого вопроса,—и тутъ я долженъ сказать, что рѣшительно не могу согласиться съ утвержденіемъ Каутокаго, будто дѣйствительный упадокъ греческаго духа совершился въ четвертомъ вѣкѣ до Р. Х. Онъ смѣшиваетъ здѣсь вышпй пунктъ расцвѣта греческаго творчества—съ сущностью греческой цивилизаціи и ея вліяніемъ на человѣчество вообще. Лишь послѣднее имѣлъ я въ виду. Я знаю, что нелегко точно опредѣлить границы великой исторической эпохи, но я, вѣроятно, не слишкомъ ошибусь, если скажу, что греческій духъ въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова господствовалъ надъ жизнью наиболѣе развитой части человѣчества, начиная приблизительно съ шестого

¹⁾ Я допускаю, что слово: „завершеніе“, пожалуй, болѣе подходитъ чѣмъ „исправленіе“, употребленное мною въ моей первой статьѣ.

вѣка до Р. Х. и кончая приблизительно шестымъ вѣкомъ по Р. Х. Дѣйствительный упадокъ греческаго духа, т. е. тотъ моментъ, когда онъ уже совершенно явно не могъ болѣе удерживаться даже только на прежнемъ уровнѣ, насталъ съ окончательной побѣдой христіанства и съ началомъ перваго византійскаго періода,—того періода, когда греческій духъ окаменѣлъ въ старыхъ формахъ, изъ которыхъ уже исчезло живое содержаніе. Ограничивать дѣятельность греческаго духа почти однимъ полустолѣтіемъ, обнимающимъ жизнь Перикла—на мой взглядъ, педантично ¹⁾.

Итакъ, для проблемы греческаго упадка въ томъ видѣ, какъ я ее себѣ представилъ, переселеніе народовъ произошло не слишкомъ поздно, чтобы нельзя было считаться съ его вліяніемъ. Но если Каутскій хотѣлъ ограничиться такъ называемымъ періодомъ Перикла, то онъ, конечно, былъ вправѣ это сдѣлать. Но что онъ собственно далъ своимъ рѣшеніемъ проблемы хотя бы въ этой весьма ограниченной формѣ? Онъ указалъ тѣ, болѣею частью отрицательныя, условія, въ которыхъ выросъ цѣлый рядъ высоко одаренныхъ людей. Тутъ я снова долженъ повторить, что я никогда не оспаривалъ внутренней зависимости между появленіемъ великихъ художниковъ и вообще людей, создавшихъ великія произведенія въ духовной области, съ одной стороны, и накопленіемъ богатствъ благодаря цвѣтущей торговлѣ, благодаря господствующему политическому положенію, словомъ, благодаря быстро развивающейся подвижной социальной жизни—съ другой. Все это вполнѣ вѣрно и прекрасно, но это доказываетъ лишь существованіе необычайно благоприятной почвы, которая затѣмъ исчезла. Однако, это не даетъ намъ никакихъ указаній относительно направленія мысленія, или относительно формъ искусства, или, наконецъ, относительно сущности греческаго духа вообще. Быть можетъ, Каутскій возразитъ мнѣ, что онъ вовсе не ставилъ себѣ этой проблемы. Съ этимъ я могу согласиться; и вообще, я отнюдь не думаю отрицать, что, если господствующія матеріальныя условія той эпохи не въ состояніи дать намъ исчерпывающее объясненіе этой проблемы, то они все же могутъ дать нѣкоторыя цѣнныя указанія. Я лишь констатирую, что приведенные Каутскимъ факты этого не дѣлаютъ.

¹⁾ Упомянутое Каутскаго о Периклѣ и Аристотелѣ я понялъ въ томъ смыслѣ, что это только высшіе типы древне-греческаго духа, того самаго духа, который спустя цѣлые вѣка, проявилъ себя—правда, не съ такой творческой силой—въ Плутархѣ или Лукіанѣ, въ научныхъ и философскихъ школахъ Александріи.

«Или можетъ-быть Баксъ,—говорить Каутскій,—хочетъ сказать, что общественный организмъ—совершенно такой же организмъ, какъ и животный, такъ что законы одного можно непосредственно перенести на другой»? Конечно, нѣтъ, но во многихъ случаяхъ здѣсь можно провести довольно точную параллель, и это, какъ я утверждаю, относится также къ случаю впаденія народа въ старость. Если это не вытѣсняется въ рамки теоріи Каутскаго, тѣмъ хуже для нея. Исторія не знаетъ примѣровъ, чтобы народъ, дѣйствительно состарившійся, «помолодѣлъ». Мнѣ съ трудомъ вѣрится, что такой начитанный историкъ, какъ Каутскій, можетъ защищать тотъ поверхностный взглядъ, будто французская нація въ царствованіе Людовика XV сильно состарилась—на томъ-де основаніи, что высшее и, главнымъ образомъ, придворное, общество стало разлагаться. Нація, выдвинувшая Вольтера, Гельвеція, Дидро, Д'Аламбера, Кондильяка, Бонне, Тюрго, Мирбо, Бишэ, Лавауазье, не говоря уже о меньшихъ свѣтилахъ въ области искусства, какъ Гретри или Буальдѣ—въ музыкѣ, Давида или Ватто—въ живописи! Нація, видѣвшая однимъ поколѣніемъ раньше Корнеля и Мольера, бывшая для всей Европы очагомъ духовнаго движенія восемнадцатаго вѣка,—такую націю, я, конечно, не могу назвать состарившейся.

Каутскій не замѣчаетъ, что подъ придворнымъ обществомъ и высшей бюрократіей была уже струя свѣжей жизни, что во многихъ кругахъ шло броженіе, и что болѣе глубокіе слои народа уже созрѣли для новой жизни. Общество, создавшее въ одной только области соціальной теоріи обширную утопическую литературу (ср. статью Карла Гуго о Франціи въ «Исторіи социализма»),—такое общество, менѣе всего кажется мнѣ дряхлымъ. Видимую хилость тогдашняго общества, поскольку о ней можетъ идти рѣчь, слѣдуетъ скорѣе считать частичнымъ и временнымъ параличомъ, вызваннымъ окаменѣлыми феодально-бюрократическими формами и гнетомъ сверху. Какъ только эти формы были разбиты, какъ только этотъ гнетъ прекратился,—жизнь націи снова распустилась пышнымъ цвѣтомъ. Если бы теорія Каутскаго о закатѣ великой революціи была дѣйствительно правильна, то это служило бы лишь блестящимъ примѣромъ вліянія столь охаяннаго имъ «психологическаго фактора», какъ существеннаго фактора прогресса. Но и «психологическій факторъ» такъ же мало въ силахъ, какъ и матеріальныя условія, обновить дѣйствительно одряхлѣвшее общество. Оба фактора могутъ лишь, какъ *natura medicatrix*, помогать выздо-

ровленію временно больныхъ социальныхъ организмовъ—что дѣйствительно и случилось въ періодъ французской революціи. Какъ я уже сказалъ, старыя окаменѣлыя формы были разбиты, старый гнетъ уничтоженъ—подъ мощнымъ вліяніемъ все разрушающаго энтузіазма и новыхъ идей, нашедшихъ для своего воздѣйствія благоприятную и уже созрѣвшую матеріальную почву. Но «психологическій факторъ» поставилъ себѣ слишкомъ далекія цѣли, которымъ не соответствовала способность почвы къ воспріятію, и которыя либо вовсе не могли быть осуществлены, либо могли осуществиться лишь на короткое время принудительнымъ путемъ и то въ несовершенной формѣ. Отсюда—реакція и дальнѣйшее развитіе французской исторіи сообразно требованіямъ экономическаго состоянія той эпохи. Такимъ образомъ, я рѣшительно отрицаю самое существованіе того факта, который Каутскій приводитъ противъ меня, требуя отъ меня его объясненія: дѣйствительно одряхлѣвшій народъ не можетъ помолодѣть.

Теперь мы переходимъ къ самому обоснованному, на первый взглядъ, изъ разсужденій Каутскаго—къ его объясненію особенностей англійскаго пуританства и связаннаго съ ними специфическаго характера англо-саксонскихъ нравовъ вообще. Какъ извѣстно, пуританство и сходныя съ нимъ идейныя теченія были въ концѣ среднихъ вѣковъ распространены отчасти среди сельскаго населенія, особенно же сильно среди городской мелкой буржазіи. И вотъ Каутскій говоритъ, что фактъ своеобразія и почти всеобщаго господства этихъ воззрѣній и связанныхъ съ ними нравовъ въ Великобританіи объясняется тѣмъ, что въ періодъ Commonwealth власть была въ рукахъ «демократическихъ классовъ — мелкихъ буржуа, крестьянъ, наемныхъ рабочихъ». Періодъ, обнимавшій въ сущности одиннадцать или, самое большее, пятнадцать лѣтъ, безъ сомнѣнія, слишкомъ короткое время, чтобы наложить свою печать на нравы націи на протяженіи почти двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ. Но дѣйствительно ли на протяженіи этого періода власть находилась въ рукахъ названныхъ классовъ? Каждый знатокъ англійской исторіи долженъ отвѣтить на это рѣшительнымъ: *нѣтъ*. Классами, въ рукахъ которыхъ находилась *власть*, были: часть болѣе бѣднаго дворянства, главнымъ же образомъ средніе земельные собственники (yeomen и countrygentlemen) и болѣе богатые купцы и городскіе ремесленники. Собственно крестьяне, мелкіе буржуа и наемные рабочіе никогда не стояли у власти: изъ ихъ рядовъ выходило большинство левеллеровъ, Fifthmonarchymen, Digers и тому подобныхъ

мелкихъ сектъ, которыя только подняли неудавшееся возстаніе и устроили нѣсколько народныхъ демонстрацій, тотчасъ подавленныхъ Кромвелемъ. И именно эти секты представляли въ Англіи «богемскихъ братьевъ», «перекрещенцевъ», «менонитовъ» и тому подобныя секты, образовавшіяся на континентѣ изъ тѣхъ же классовъ. Тотъ фактъ, что и другіе, болѣе могущественныя и состоятельныя, классы также были проникнуты въ значительной своей части пуританствомъ, не находить себѣ у Каутскаго никакого объясненія. А между тѣмъ, объяснить слѣдуетъ именно это пуританское направленіе, нашедшее себѣ въ Англіи среди различныхъ классовъ гораздо болѣе широкое распространеніе, чѣмъ на континентѣ, и имѣвшее тамъ гораздо болѣе важныя послѣдствія. Но болѣе того, это направленіе не только носило въ Англіи такой всеобщій характеръ, какъ ни въ одной странѣ, оно было тамъ также гораздо интензивнѣе и гораздо послѣдовательнѣе. Когда и гдѣ можно было бы, напр., среди пуританскаго населенія Англіи вообще, а тѣмъ болѣе среди мелко-буржуазныхъ сектъ, найти тѣ пиришества, роскошь и блескъ, которые украшали «царство божіе» въ Мюнстерѣ? Подобныя вещи, безъ сомнѣнія, были бы въ глазахъ англичанъ того же направленія чѣмъ-то папистскимъ, языческимъ и даже богохульственнымъ. Далѣе, какая изъ пуританскихъ сектъ Англіи стала бы открыто устраивать такіе пиры и попойки, какіе позволяли себѣ евангелическія полчища нѣмецкихъ крестьянъ и мелкихъ буржуа во время крестьянской войны? (Я цитирую случаи изъ исторіи Германіи, такъ какъ принято считать, что въ смыслѣ серьезнаго и солиднаго образа жизни нѣмцы ближе всего стоятъ къ англичанамъ. Среди романскихъ народовъ можно было бы, пожалуй, привести еще болѣе яркіе примѣры).

Итакъ, на первый взглядъ столь блестящее объясненіе Каутскаго, построенное имъ исключительно съ помощью матеріалистическаго пониманія исторіи, оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи, совершенно несостоятельнымъ. Такъ что моя попытка объяснить этотъ, до сихъ поръ еще темный, фактъ особенностями этническаго смѣшенія—оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, правильно ли такое объясненіе или нѣтъ—не такъ уже глупа, какъ это угодно было представить Каутокому. Допустимъ, что смѣшеніе народовъ закончилось въ началѣ среднихъ вѣковъ, но развѣ станетъ Каутскій отрицать, что какая-либо черта характера можетъ долгое время оставаться въ скрытомъ состояніи, пока особая комбинація внѣшнихъ условій не заставитъ ее проявиться? Въ индивидуальной

жизни мы встречаемъ это очень часто, и я не вижу никакихъ оснований, почему слѣдуетъ признать столь нелѣпнымъ предположеніе, что и въ жизни народа можетъ случиться нѣчто подобное. А въ этомъ, вѣдь, и заключалась моя гипотеза. Благодаря благопріятному развитію экономической почвы,—говорилъ я,—эта психологическая особенность народа созрѣла и вылилась въ опредѣленные формы. Но во всякомъ случаѣ, независимо отъ того, правъ ли я въ этомъ пунктѣ или нѣтъ, попытка Каутскаго дать чисто экономическое объясненіе своеобразныхъ особенностей и всеобщаго распространенія въ Англіи пуританскихъ идей и нравовъ совершенно не удалась.

Что же въ концѣ концовъ выдвинулъ Каутскій противъ моихъ положеній? Онъ согласился со мной, что «психологическій факторъ», по крайней мѣрѣ въ лицѣ отдѣльной личности, играетъ роль въ историческомъ развитіи человѣчества. Далѣе, онъ согласился со мной и въ томъ, что «экономическія образованія творятъ исторію лишь въ союзѣ съ человѣческимъ умомъ и волей», при чемъ, насколько можно судить, онъ не приписываетъ послѣднимъ исключительно пассивную роль. Наконецъ, онъ соглашается со мной и въ томъ, что смѣшеніе первоначальныхъ народныхъ качествъ все же оказываетъ нѣкоторое вліяніе на развитіе человѣчества. Такимъ образомъ, какъ мнѣ кажется, наши воззрѣнія не такъ уже рѣзко расходятся. По крайней мѣрѣ съ тремя четвертями изъ того, что пишетъ Каутскій, я согласенъ. Что же касается остальной четверти, то я утверждаю — и я думаю, что я въ правѣ выставить такое утвержденіе,—что ему нигдѣ не удалось опровергнуть мою критику крайняго направленія матеріалистическаго метода исторіи. Правда, онъ доказалъ много такого, чего никто не оспаривалъ (это, быть-можетъ, тоже заслуга), какъ напр. то, что вышія завоеванія человѣческаго духа выросли на благопріятной почвѣ быстро развившагося матеріальнаго благосостоянія. Духовное величіе Греціи онъ считаетъ слѣдствіемъ быстрого экономического развитія. Историкъ-идеалистъ, конечно, объяснилъ бы быстрое экономическое развитіе природной подвижностью греческаго духа. Я же, напротивъ, утверждаю, что ни одинъ изъ обомъ моментовъ не является исключительной причиной другого, такъ какъ оба они находятся во взаимодѣйствіи и представляютъ одновременно активныя и пассивныя части цѣлостнаго конкретнаго развитія.

Утвержденіе, что состарившаяся и даже отмирающая раса можетъ снова помолодѣть, я уже разобралъ въ связи съ неудачнымъ

примѣромъ Каутскаго. Равнымъ образомъ, его объясненіе англійскаго пуританства, кажущееся при поверхностномъ чтеніи весьма удачнымъ, оказывается, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, совершенно несостоятельнымъ.

Я предоставляю объективному читателю судить, что доказалъ противъ меня Каутскій въ своей статьѣ. Врядъ ли можно сомнѣваться, что отвѣтъ долженъ гласить (употребляя выраженіе Каутскаго): *«ничего, ровно ничего»*.

Карль Каутскій.

Утопическій и матеріалистическій марксизмъ.

Свое возраженіе Баксъ начинаетъ съ указанія на невозможность отвѣтить въ небольшой статьѣ на всѣ пункты, выдвинутые дискуссіей.

Эту невозможность сознаю и я. Было бы, конечно, весьма интересно освѣтить тотъ методъ цитированія «на память», которымъ пользуется Баксъ, когда нужная книга «не оказывается подъ руками». Не менѣе интересно было бы ближе разсмотрѣть Баксовъ методъ разрѣшенія спорныхъ историческихъ вопросовъ при помощи фантастическихъ комбинацій (такъ, вопросъ о томъ, была ли чаша для гусситовъ только знаменемъ, онъ пытается разрѣшить не ссылкой на факты, дѣйствительно имѣвшіе мѣсто, а примѣромъ никогда не существовавшего дворянина). Но—и мнѣ приходится думать о краткости. Конечно, я не держусь того взгляда, что она оправдываетъ неточность въ воспроизведеніи мыслей противника; она лишь требуетъ, чтобы возраженіе ограничивалось *главными, существенными пунктами*.

Самымъ важнымъ пунктомъ я считаю разграниченіе причинъ, придающихъ каждому особому явленію его особую форму, отъ законовъ, лежащихъ въ основѣ всей совокупности опредѣленнаго рода явленій. Обычныя возраженія критиковъ какъ противъ марксовой теоріи цѣнности, такъ и противъ матеріалистическаго пониманія исторіи, основаны, главнымъ образомъ, на смѣшеніи обоихъ этихъ, совершенно различныхъ, элементовъ; и тѣмъ же характеромъ отличается, на мой взглядъ, «исправленіе» или «завершеніе» нашей исторической теоріи, предпринятое Баксомъ.

Выясненію этого пункта я посвятилъ особый отдѣлъ въ своей послѣдней статьѣ и въ заключеніе пришелъ къ тому выводу, что развитіе общества и господствующихъ въ немъ воззрѣній отличается характеромъ закономерности, и что *основную пружину* и

поглубднее основаніе этого развитія мы должны искать въ развитіи экономическихъ условий. Каждой ступени развитія экономическихъ условий соотвѣтствуютъ опредѣленные общественныя формы и идеи. Важнѣйшей, основной задачей историческаго изслѣдованія является изученіе этихъ законовъ и зависимостей. Если это достигнуто, тогда уже сравнительно легко понять особыя формы развитія въ данномъ отдѣльномъ случаѣ».

Различіе, на которое я тутъ указывалъ прекрасно разъяснено Марксомъ въ третьемъ томѣ «Капитала» (2-ая часть, стр. 324—325 нѣм. изд.): «Самую глубокую тайну и скрытую основу всей общественной конструкціи и, слѣдовательно, также политической формы суверенности и зависимости, короче—специфической формы государства въ каждомъ данномъ случаѣ, мы находимъ каждый разъ въ непосредственномъ отношеніи собственниковъ средствъ производства къ дѣйствительнымъ производителямъ,—отношеніи, форма котораго въ каждомъ данномъ случаѣ всегда соотвѣтствуетъ опредѣленной ступени развитія способа производства и, слѣдовательно, общественной производительной силы. Это не мѣшаетъ тому, что одинъ и тотъ же экономическій базисъ—одинъ и тотъ же по своимъ основнымъ условіямъ—можетъ, вслѣдствіе безчисленнаго множества эмпирическихъ обстоятельствъ, природныхъ условій, расовыхъ отношеній, внѣшнихъ историческихъ вліяній и т. д., обнаружить безконечныя видоизмѣненія и оттѣнки, которые можно понять только посредствомъ анализа этихъ эмпирически данныхъ обстоятельствъ».

Отдѣленіе «скрытой основы» общественнаго процесса въ цѣломъ отъ «безчисленнаго множества эмпирическихъ обстоятельствъ», обусловливающихъ данныя его проявленія,—вотъ основная трудность, которую необходимо преодолѣть каждому, кто хочетъ справиться съ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи. Этотъ пунктъ я и старался выяснитъ прежде всего.

Но я боюсь, что мнѣ все еще не удалось сдѣлать его настолько яснымъ, насколько это необходимо. По крайней мѣрѣ, Баксъ въ своемъ возраженіи касается самыхъ побочныхъ вещей и, напротивъ, совершенно игнорируетъ этотъ *главный пунктъ*. Онъ довольствуется голословнымъ заявленіемъ, что мы «на три четверти» стоимъ на одной и той же принципіальной почвѣ. И когда я указываю ему на то, что та матеріалистическая концепція исторіи, которую онъ мнѣ приписываетъ, отнюдь не моя концепція, и что моя точка зрѣнія просто потому кажется ему односторонней, что онъ не проводитъ различія между основой и поверхностью явленій,—тогда онъ съ

большимъ удовлетвореніемъ констатируетъ, что я «уже сдѣлалъ шагъ въ сторону отказа отъ односторонности своей точки зрѣнія», а это значитъ—«большой шагъ ему навстрѣчу».

Остается допустить, что если бы я доказалъ, что во всемъ, написанномъ Баксомъ, нѣтъ ни одного вѣрнаго слова, то онъ, пожалуй, нашелъ бы, что я совершенно отказался отъ своей односторонности, что я подтвердилъ каждое его слово. Но если Баксъ и уклонился отъ отвѣта на основной вопросъ, то все же его разсужденія по поводу отдѣльныхъ второстепенныхъ пунктовъ ясно показываютъ, какъ мало мы въ дѣйствительности другъ къ другу приблизились какъ сильно и упорно держится Баксъ за свое смѣшеніе основы явленій съ ихъ поверхностью.

Въ отвѣтъ на вопросъ о причинахъ упадка духовной жизни Греціи онъ указалъ на тотъ фактъ, что «греческій духъ исчерпалъ себя», и на другіе такого же рода исчерпывающіе факты. Я нашелъ, что это объясненіе ровно ничего не объясняетъ, и что, наспротивъ, изученіе экономическаго развитія Греціи положительно заставляетъ насъ признать, что одна экономическая революція вызвала духовный расцвѣтъ Греціи, а другая, экономическая же, революція обусловила ея упадокъ. Что же возражаетъ на это Баксъ? «Все это вполнѣ вѣрно и прекрасно, но это доказываетъ лишь существованіе необычайно благопріятной почвы, которая затѣмъ исчезла. Однако, это не даетъ намъ никакихъ указаній относительно направленія мышленія, или относительно *формъ искусства*, или, наконецъ, относительно сущности греческаго духа вообще».

Странное опроверженіе! Мое объясненіе расцвѣта и упадка греческаго духа «вполнѣ вѣрно и прекрасно», но оно неудовлетворительно потому, видите ли, что оно не отвѣчаетъ на четверть дюжины другихъ вопросовъ, на лету выбрасываемыхъ Баксомъ.

Разумѣется, если бы я захотѣлъ объяснить формы греческаго искусства, мнѣ пришлось бы прибѣгнуть къ совершенно иной аргументаціи, чѣмъ при разборѣ поставленнаго выше вопроса. Уже самый методъ пришлось бы взять другой, ибо рѣчь шла бы тутъ не объ отысканіи основной пружины общественнаго развитія, а о познаніи многообразныхъ причинъ, придавшихъ отдѣльному, расположенному на поверхности, явленію его особую форму.

Если бы Баксъ понялъ меня, онъ не могъ бы смѣшать во-едино обѣ эти темы. Что для объясненія поверхностныхъ образованій недостаточно однихъ экономическихъ мотивовъ, — это я самъ отмѣтилъ.

Но Баксъ думаетъ, что именно тамъ, гдѣ однихъ этихъ мотивовъ недостаточно, онъ призванъ явиться въ роли спасителя со своимъ «исправленіемъ» или «завершеніемъ».

Что это, однако, за исправленіе или завершеніе? Чѣмъ можетъ помочь мнѣ, при объясненіи формъ греческаго искусства, указаніе на «психологическій факторъ»? Тутъ необходимъ «анализъ эмпирически данныхъ обстоятельствъ». Напримѣръ, чтобы понять особыя формы греческой архитектуры, необходимо изучить—эстетическія традиціи, которыя греки принесли съ собой, формы и краски, которыя давала имъ природа и повседневная жизнь, вліяніе культурныхъ народовъ, съ которыми они вступали въ сношенія, особенности ихъ строительнаго матеріала и ихъ техники, наконецъ, быть-можетъ, еще нѣкоторыя расовыя особенности, а для отдѣльныхъ произведеній и теченій искусства—также вліяніе отдѣльныхъ выдающихся личностей,—и еще цѣлый рядъ обстоятельствъ.

Исправленіе, предлагаемое Баксомъ, излишне въ тѣхъ случаяхъ, когда мы ограничиваемся изслѣдованіемъ «скрытой основы» общественнаго процесса въ цѣломъ; для объясненія же поверхностныхъ образованій оно недостаточно, такъ какъ изъ безчисленнаго множества моментовъ, имѣющихъ сюда отношеніе, оно подчеркиваетъ только *одинъ* моментъ.

Таковъ итогъ нашихъ принципиальныхъ споровъ. Сказать объ этомъ больше—невозможно, такъ какъ Баксъ не остановился подробнѣе на этой сторонѣ вопроса.

Но зато—тѣмъ болѣе плодотворнымъ оказался Баксъ въ критикѣ частныхъ. Онъ, естественно, думаетъ: по плодамъ ихъ познаете ихъ. Если плоды ничего не стоятъ, тогда само собой ясно, что и стволъ ни на что не годенъ.

Баксъ доказываетъ это, во-первыхъ, тѣмъ, что я не могъ разрѣшить поставленную имъ задачу, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что тѣ рѣшенія, какія я пытался дать въ другихъ случаяхъ, оказались неудачны.

Первый признакъ слабости моей позиціи онъ усматриваетъ въ отказѣ послѣдовать его дружескому приглашенію—предоставить тутъ же, мимоходомъ, матеріалистическую исторію философіи. И чтобы окончательно убѣдить читателя въ моемъ пораженіи, онъ осыпается на письменное свидѣтельство своего друга Гайндмана ¹⁾.

¹⁾ Замѣчу здѣсь кстати, что если Гайндманъ приводитъ математику, какъ „разительный примѣръ“ абстрактной науки, „на развитіе которой въ ея основныя моменты“ техническій прогрессъ и экономическія усло-

Приглашеніе Бакса напоминаетъ мнѣ аргументъ Кювье, который потребовалъ отъ Ламарка, чтобы тотъ показалъ ему переходную форму отъ палеотерія къ современной лошади; и, когда Ламаркъ не могъ этого сдѣлать, Кювье объявилъ теорію развитія несостоятельной. Позже, правда, эта переходная форма была найдена въ гиппариан. Но все еще существуютъ люди, придерживающіеся той же тактики и не желающіе, напр., ничего знать о дарвинизмѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ найдено промежуточное звено между человѣкомъ и его животными предками. Почему жъ бы и Баксу не увидѣть въ томъ фактѣ, что до сихъ поръ еще не написана матеріалистическая исторія философіи, разительный аргументъ въ пользу своей точки зрѣнія?

Правда, я сдѣлалъ нѣкоторые указанія относительно зависимости философіи отъ матеріальныхъ условій, но Бакса эти указанія не удовлетворяютъ; ибо они относятся только къ естественнымъ и общественнымъ наукамъ. «Какъ естественныя, такъ и общественныя науки представляютъ собою-какъ разъ тѣ области знанія, которыя тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ матеріальнымъ, и спеціально съ экономическимъ, развитіемъ». Тогда какъ Баксъ «совершенно ясно говорилъ объ *основныхъ проблемахъ* философіи (напр., о теоріи познанія, объ анализѣ формъ сознанія, о значеніи дѣйствительности вообще)».

вія вовсе не вліяли или, во всякомъ случаѣ, оказали весьма слабое вліяніе», то этимъ онъ „побиваетъ“, — насколько я понимаю въ этомъ вопросѣ, — только дѣйствительную исторію математической науки. „Въ чистой математикѣ разумъ оперируетъ отнюдь не продуктами собственнаго творчества и воображенія... Чистая математика имѣетъ своимъ предметомъ пространственныя формы и количественныя отношенія дѣйствительнаго міра, слѣдовательно—весьма реальную матерію... Какъ всѣ другія науки, математика возникла изъ *потребностей* людей: изъ измѣренія земли и емкости сосудовъ, изъ исчисленія времени и механики“ (Engels, *Anti-Dühring* I, 3). До чего тѣсная связь существуетъ между исторіей чистой математики и исторіей *техники*, показываютъ имена великихъ математиковъ. Впрочемъ, даже Дюрингъ приводитъ чистую математику только какъ примѣръ *возможности* апріорныхъ построеній разума, слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ какъ *исключеніе* въ извѣстной до сихъ поръ исторіи наукъ; и при этомъ онъ еще запутывается въ противорѣчія, не оставляющія въ концѣ концовъ ничего, кромѣ утвержденія, что математика есть наука, которая, какъ разъ за *исключеніемъ* своихъ *основныхъ моментовъ*, развивается внѣ зависимости отъ остальнаго опытнаго міра — слѣдовательно, все еще очень далека отъ того, что о ней говорятъ Гайндманъ.

Пусть Баксъ простить мнѣ, мою «придирчивость» если я обращаю его вниманіе на то, что онъ, правда, и говорилъ совершенно ясно о чемъ-то, связанномъ со словомъ: «основной», но вовсе не объ «основныхъ проблемахъ». Онъ заявилъ, что «исторію философіи никоимъ образомъ нельзя свести въ ея *основныхъ чертахъ* къ экономическимъ причинамъ».

Какимъ же образомъ такъ неожиданно «основныя черты» исторіи философіи превратились въ ея «основныя проблемы»? Да очень просто! Я показалъ, что развитіе естествознанія, какъ и общественныхъ наукъ, обусловлено экономическимъ развитіемъ, и этимъ я представилъ требуемое доказательство того, что исторію философіи въ ея основныхъ чертахъ можно свести къ экономическимъ причинамъ, ибо «основныя черты» исторіи философіи, безъ сомнѣнія, тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ «основными чертами» науки о природѣ и науки объ обществѣ. Чѣмъ оспаривать это, несравненно легче превратить неожиданно вопросъ объ «основныхъ чертахъ» въ вопросъ объ «основныхъ проблемахъ», а эти послѣднія, въ свою очередь, свести къ одной только *теоретико - познавательной* проблемѣ, такъ какъ, вѣдь, анализъ формъ сознанія и вопросъ о значеніи дѣйствительности входятъ въ ту же проблему.

Но даже эта основная проблема чистѣйшей философіи имѣетъ свои весьма матеріалистическіе корни. Насъ завело бы это слишкомъ далеко, если бы я захотѣлъ показать, какъ, напр., современное соціальное развитіе создало въ философствующемъ классѣ, т. е. въ буржуазной интеллигенціи, склонность къ преодолѣнію метафизическаго матеріализма; достаточно указать здѣсь на то, что возникновеніе и развитіе современной теоріи познанія самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ развитіемъ современнаго естествознанія и его техники. Что бы дѣлала теорія познанія безъ экспериментовъ и научныхъ теорій нашей акустики и оптики, безъ фізіологіи органовъ чувствъ, безъ Гельмгольцевъ, Рокитанскихъ, Целльнеровъ, Вундтовъ и др.! Связь эта настолько общезвѣстна, что мнѣ незачѣмъ на ней дольше останавливаться.

Но, конечно, какъ философъ, я только жалкій профанъ, котораго «въ философіи покидаетъ любовь къ точности», — «грубый матеріалистъ», утверждающій, что мышленіе есть функція мозга, тогда какъ послѣдній, вмѣстѣ со воѣмъ міромъ, существуетъ, вѣдь, только въ нашемъ сознаніи.

Пусть читатель не боится, что я теперь начну дискутировать этотъ пунктъ съ Баксомъ, чтобы однимъ махомъ руки разрѣшить

такой несложный спорный вопрос, какъ: идеализмъ или материализмъ? Я позволю себѣ лишь обратиться къ Баксу со слѣдующимъ вопросомъ: Упадокъ греческаго *духа* онъ объясняетъ смѣшеніемъ грековъ съ другими племенами. Точно также пуританскій *духъ* онъ объясняетъ своеобразнымъ смѣшеніемъ народовъ, имѣвшимъ мѣсто въ Англіи. Не значить ли это, что, по его мнѣнію, духъ есть продуктъ физической организаціи человѣка?

И въ той самой статьѣ, въ которой онъ объявляетъ самымъ плоскимъ матеріализмомъ мои слова о мышленіи, какъ о функціи мозга, онъ заявляетъ, что «современные наши нравы и, отчасти, наша современная этика свидѣтельствуютъ, безъ сомнѣній, о значительномъ измѣненіи *человѣческаго организма*... Утонченность нашихъ чувствъ возникаетъ изъ утонченности нашей нервной системы».

Когда я говорилъ о мышленіи, какъ о функціи мозга, я отнюдь не имѣлъ намѣренія подымать философскій споръ, способный завести насъ далеко отъ нашей темы. Я хотѣлъ лишь указать на то, что для насъ, историковъ-материалистовъ, идеи, выступающія въ исторіи, не обладаютъ самостоятельнымъ существованіемъ, а связаны съ человѣческими головами, такъ что для насъ «вопросъ, можетъ ли—и какъ именно—идея вліять на общество, совпадаетъ съ вопросомъ, возможно ли это—и какъ именно—для отдѣльной личности».

Но съ этимъ Баксъ не можетъ согласиться. Къ сожалѣнію, ограниченность мѣста не позволяетъ ему «подробно развить свои доводы», и онъ «обращаетъ лишь вниманіе Каутскаго на то, что очень часто идея вліяетъ на массы совершенно иначе, чѣмъ на отдѣльную личность». Въ подтвержденіе онъ ссылагается на наблюденія, которыя можно сдѣлать на массовыхъ собраніяхъ и пр.

Этотъ аргументъ, дѣйствительно, вѣсскій, и я тѣмъ менѣе могу отрицать то явленіе, на которое съ такой серьезностью обращаетъ мое вниманіе Баксъ, что самъ я уже *четырнадцать лѣтъ тому назадъ* писалъ объ этомъ явленіи, которое, «хотя оно и *общезвѣстно*, впервые, насколько мы знаемъ, введено въ социологію и психологію Эопинасомъ. На стр. 361 своей книги объ обществахъ животныхъ онъ показываетъ, какъ страсти животныхъ и людей возрастаютъ въ обществѣ. Одинъ и тотъ же ораторъ совершенно иначе воодушевляетъ многочисленное собраніе и мало-

численное, и въ свою очередь самъ гораздо больше воодушевляется первымъ» и т. д. ¹⁾).

Аргументъ Бакса, слѣдовательно, былъ мнѣ хорошо знакомъ. И если я не считался съ нимъ, то лишь по той простой причинѣ, что къ выставленному мною утвержденію онъ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія. Баксъ снова совершаетъ здѣсь *qui pro quo*, смѣшивая мое утвержденіе, что вліяніе идеи на общество означаетъ вліяніе на общество отдѣльныхъ личностей, носителей этой идеи,—съ утвержденіемъ, будто отдѣльная личность воспринимаетъ идею совершенно такъ же, какъ масса.

И такъ какъ Баксъ довольствуется этимъ аргументомъ, то мы къ сожалѣнію, такъ и не узнаемъ, дѣйствительно ли онъ держится того взгляда, что вліяніе человѣческаго духа на общество совершенно отлично отъ вліянія на него человѣка. А между тѣмъ узнать это было бы довольно важно для нашей дискусіи. Ибо Баксъ теперь, какъ и прежде, утверждаетъ, что и человѣческій духъ и экономическія условія «могутъ образовывать свои собственные ряды причинъ и слѣдствій», по крайней мѣрѣ «до извѣстной степени». Для человѣческаго духа это неопровержимо доказывается тѣмъ фактомъ, что я до сихъ поръ еще не написалъ матеріалистической исторіи философіи. Для экономического же развитія это доказывается слѣдующей классической фразой: «Можно было бы почти утверждать, что оно (экономическое развитіе) совершается чисто механически, безъ замѣтнаго вмѣшательства въ оущность процесса сознательнаго человѣческаго духа». Можно было бы почти утверждать, что эта фраза вовсе ничего не говоритъ, если бы Баксъ нѣсколько раньше не выставилъ процитированнаго мною выше общаго положенія. Итакъ, я допускаю, что этой фразой Баксъ хотѣлъ дѣйствительно что-нибудь сказать, а не просто пошутить.

Попробуйте теперь представить себѣ хотя бы самый коротенькій отрывокъ экономического развитія, свершающагося «безъ вмѣшательства сознательнаго человѣческаго духа», т. е.,—пока Баксъ не дастъ намъ лучшаго опредѣленія,—безъ вмѣшательства человѣка. Что же такое экономическія отношенія? Съ одной стороны, отношенія человѣка къ природѣ, съ другой—отношенія людей между собою; но и въ томъ и въ другомъ случаѣ—отношенія людей. Какъ

¹⁾ „Соціальные инстинкты въ мірѣ животныхъ“. (Первоначально было напечатано въ „Neue Zeit“ за 1883 г. Русскій переводъ въ изд. Львовича: „Очерки и этюды“. Примѣч. перев.).

же могут такіа отношенія развиваться безъ всякаго вмѣшательства людей? Прійти къ такой идеѣ можно только, стоя на почвѣ того фетишизма, который въ отношеніяхъ людей видитъ отношенія вещей. Экономическое отношеніе не можетъ существовать ни одной секунды безъ «вмѣшательства сознательнаго человѣческаго духа». Только при посредствѣ послѣдняго возникаютъ, существуютъ и развиваются экономическія отношенія, изъ чего, конечно, не слѣдуетъ, что они всегда, или даже только въ большинствѣ случаевъ, соответствуютъ *напѣреніямъ* «сознательнаго человѣческаго духа». Это уже другого рода вопросъ.

Непосредственно послѣ своего утвержденія, что экономическое развитіе «до извѣстной степени» совершается безъ вмѣшательства человѣческаго духа, Баксъ заявляетъ: «Никто не подчеркнул сильнѣе, чѣмъ пишушій эти строки, того обстоятельства, что до сихъ поръ *на всемъ протяженіи человѣческой исторіи* экономическія условія, употребляя выраженіе Каутскаго, были «господиномъ», а духъ—«слугою».

Посмотримъ, однако, что утверждалъ Баксъ въ своей первой статьѣ, съ которой и началась вся дискуссія. Вотъ что онъ тамъ писалъ: «Въ каждомъ конкретномъ человѣческомъ обществѣ мы находимъ *неразрывное* взаимодействіе обоихъ этихъ элементовъ (матеріальныхъ условій и человѣческаго духа)». Перевѣсъ беретъ то одинъ элементъ, то другой. «Но даже въ тѣ эпохи, относительно которыхъ сохранилось историческое преданіе, мы наблюдаемъ—и это столь же неоспоримо—опредѣленные періоды съ преобладаніемъ «идеологическаго» элемента».

Итакъ: матеріальныя условія и человѣческій духъ находятся въ *неразрывномъ взаимодействіи*, но при этомъ «можно было бы почти утверждать, что экономическое развитіе совершается механически, безъ замѣтнаго вмѣшательства сознательнаго человѣческаго духа». Далѣе, «никто не подчеркнул сильнѣе», чѣмъ Баксъ, «того обстоятельства, что *на всемъ протяженіи человѣческой исторіи* экономическія отношенія были господиномъ, а духъ—слугою». Но «*столь же неоспоримо*», что «въ опредѣленные періоды *человѣческой исторіи*»—духъ былъ господиномъ и бралъ перевѣсъ надъ экономическимъ элементомъ.

Таково это, дополненное и исправленное Баксомъ, новое изданіе матеріалистическаго пониманія исторіи,—и кто усматриваетъ въ немъ совершенно несостоятельный эклектицизмъ, тотъ попадаетъ изъ одного противорѣчія въ другое, тотъ доказываетъ этимъ свое

собственное философское невѣжество и свой плоскій матеріализмъ.

На этомъ мы закончимъ философско-историческую часть дискусіи и перейдемъ къ вопросу о практическомъ примѣненіи метода къ объясненію исторіи.

«Мнѣ съ трудомъ вѣрится,—пишетъ Баксъ,—что такой ничтожный историкъ, какъ Каутскій, можетъ защищать тотъ поверхностный взглядъ, будто французская нація въ царствованіе Людовика XV сильно состарилась—на томъ-де основаніи, что высшее, и главнымъ образомъ придворное, общество стало разлагаться... Видимую хилость тогдашняго общества, поскольку о ней вообще можетъ идти рѣчь, слѣдуетъ скорѣе считать частичнымъ и временнымъ параличомъ, вызваннымъ окаменѣлыми феодально-бюрократическими формами и гнетомъ сверху».

Какъ видите, я совершилъ непростительную ошибку: я былъ настолько поверхностенъ, что говорилъ о *дряхлости* французской націи, между тѣмъ какъ діагнозъ въ данномъ случаѣ долженъ былъ, совершенно ясно, указывать на *параличъ*. Симптомами болѣзни являются: разложеніе придворнаго общества, гнетъ сверху, окаменѣлыя формы.

А я полагалъ, что были еще и другіе симптомы.

Франція въ царствованіе Людовика XV пришла въ полный экономическій упадокъ; земледѣліе пришло въ разстройство, одинъ неурожай слѣдовалъ за другимъ, и цѣлая треть годной къ обработкѣ земли не воздѣлывалась. Число нищихъ простиралось до милліона, разбоевъ и грабежей нельзя было искоренить; въ городахъ торговля и ремесла пришли въ застой. Государство большими шагами шло навстрѣчу банкротству, обираемое внутри, безсильное во-внѣ. Искусство регрессировало, и только литература—политическая, экономическая, противо-церковная,—литература *протеста* противъ всеобщаго упадка все разрасталась. Она питалась сравненіемъ «одряхлѣвшей» Франціи съ сосѣдними цвѣтущими свободными государствами—съ Швейцаріей, Голландіей (со времени войны за независимость Соединенные Штаты тоже стали оказывать на Францію сильное вліяніе), особенно же съ юношески расцвѣтающей *Англіей*. «На протяженіи двухъ поколѣній, протекшихъ между смертью Людовика XV и началомъ революціи, не было почти ни одного сколько-нибудь выдающагося француза, который не посѣтилъ бы Англію, или, по крайней мѣрѣ, не изучилъ бы англійскаго языка» ¹⁾.

¹⁾ Бокль, „Исторія цивилизаціи“.

Какъ современный научный социализмъ не является исключительно нѣмецкимъ продуктомъ, такъ и литература просвѣщенія не была исключительно французскимъ продуктомъ.

Теперь наши читатели могутъ сами ломать себѣ головы надъ тѣмъ, указываютъ ли приведенные выше симптомы больше на параличъ, или на дряхлость.

Баксъ подымаетъ еще другой медицинско-историческій вопросъ. Онъ «самымъ рѣшительнымъ образомъ» утверждалъ, что «человѣческая жизнь въ цѣломъ развивается въ исторіи». Я позволилъ себѣ нѣсколько усомниться въ этомъ и спросилъ, не развивались ли также въ исторіи и функціи человѣческаго организма — пищевареніе, оплодотвореніе, дѣторожденіе. На это Баксъ отважно отвѣчаетъ, что онъ готовъ принять мой вызовъ: «Я самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждаю, что названныя функціи человѣческаго организма развивались или, по крайней мѣрѣ, измѣнялись на протяженіи исторіи», — другими словами, нашъ отважный боецъ начинаетъ защиту своей позиціи съ того, что перескакиваетъ на другую позицію. *Измѣненіе и развитіе* — двѣ различныя вещи. Не всякое измѣненіе есть развитіе. Намъ завело бы это слишкомъ далеко, если бы мы захотѣли подробнѣе остановиться на этомъ пунктѣ; достаточно сослаться хотя бы на то, что если я испортилъ себѣ желудокъ, то это *означаетъ измѣненіе*, но отнюдь не *развитіе* функціи пищеваренія. Затѣмъ Баксъ говоритъ о функціонированіи нервной системы, т. е. о такой функціи, которой я вовсе не называлъ, и, напротивъ, обходитъ молчаніемъ историческое «развитіе» оплодотворенія. Я намѣренно не упоминалъ о нервной системѣ, ибо это какъ разъ та часть человѣческаго организма, относительно которой скорѣе всего можно допустить, что она развивалась въ исторіи. Выразиться объ этомъ болѣе рѣшительно я не хотѣлъ бы, ибо область эта еще весьма темна. Несмотря на мой «правовѣрный матеріализмъ», мнѣ не кажется столь несомнѣннымъ утвержденіе Бакса, что «наши современные человѣческія чувства, наша гуманность, наше сочувствіе ко всему страдающему основаны на колоссальномъ отличіи нашей нервной системы отъ нервной системы человѣка, скажемъ, въ средніе вѣка». Ибо наша нервная система обнаруживаетъ одну замѣчательную способность: стоитъ ей попасть въ варварскія условія, напр. въ колоніи, какъ она тотчасъ сбрасываетъ съ себя всѣ человѣческія чувства и можетъ поспорить въ жестокости съ варварами. Во всякомъ случаѣ, относительно нервной системы мы можемъ, пожалуй, допустить, что въ нѣкоторыхъ пунк-

тахъ, вслѣдствіе растущаго раздѣленія труда, она получила иную форму, чѣмъ у первобытнаго человѣка. Здѣсь можно говорить о дифференцировкѣ, этомъ существенномъ признакѣ развитія; напротивъ, мы неизвѣстно ни одного случая, чтобы въ функціяхъ «пищеваренія, оплодотворенія, дѣторожденія» наступило въ ходѣ культурнаго развитія какое-либо раздѣленіе труда. Что эти функціи съ каждой переменной образа-жизни *измѣняются*, ясно само собой; это имѣетъ силу не только по отношенію къ пищеваренію и дѣторожденію, но и къ оплодотворенію. «Можно показать, что воспроизводительная система въ чрезвычайно сильной степени чувствительна къ переменѣ жизненныхъ условій» ¹⁾. Но я вѣдь совершенно ясно говорилъ о *развитіи*, а не объ *измѣненіи*.

Столь же неудачной, какъ въ обоихъ этихъ случаяхъ, оказалась моя попытка объяснить на основѣ экономики англійское пуританство: мое, «на первый взглядъ, столь блестящее объясненіе оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи совершенно несостоятельнымъ».

За неимѣніемъ ничего лучшаго, Баксъ ухватился за мысль объяснить англійское пуританство особенностями этническаго состава англійскаго народа. На это я возразилъ ему, что этническое смѣшеніе закончилось въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, и, слѣдовательно, врядъ ли оно годится для объясненія пуританства, которое стало господствующимъ направленіемъ въ Англіи только въ семнадцатомъ вѣкѣ. Но Бакса не такъ-то легко смутить. Недаромъ, вѣдь, онъ изобрѣлъ историческій методъ: «допустимъ!» «Развѣ станетъ Каутскій отрицать, что какая-либо черта характера можетъ долгое время оставаться въ скрытомъ состояніи, пока особая комбинація виѣшнихъ условій не заставитъ ее проявиться? Въ индивидуальной жизни мы встрѣчаемъ это очень часто, и я не вижу никакихъ основаній, почему слѣдуетъ признавать столь нелѣпымъ предположеніе, что и въ жизни народа можетъ случиться нѣчто подобное. А въ этомъ, вѣдь, и заключалась моя гипотеза». Простите, товарищъ Баксъ, это вовсе не гипотеза, а простая догадка, приведенная для подтвержденія другой догадки; ибо гипотеза должна опираться на опредѣленные факты, а утвержденіе Бакса основано исключительно на слѣдующемъ соображеніи: «Я не вижу никакихъ основаній, почему слѣдуетъ признать столь нелѣпымъ мое предположеніе». Необходимо, конечно, согласиться, что возможны еще болѣе нелѣпыя предположенія.

¹⁾ Дарвинъ, „Происхожденіе человѣка“.

Разумѣется, мы, матеріалисты, не въ состояніи такъ легко и удобно разрѣшить этотъ вопросъ, что является, конечно, вѣсскимъ аргументомъ противъ нашей исторической теоріи. Мы въ основу всего кладемъ изслѣдованіе конкретныхъ условій, и оно-то указало мнѣ на слѣдующіе факты: во-первыхъ, «пуританство составляетъ необходимое міровоззрѣніе опредѣленныхъ классовъ при опредѣленныхъ условіяхъ. Если въ средніе вѣка, съ преобладающимъ господствомъ натурального хозяйства, жизненное правило крестьянъ, мелкихъ буржуа и наемныхъ рабочихъ гласитъ: «живи и давай жить другимъ!», то на порогѣ капиталистическаго способа производства эти слои впадаютъ въ мрачное пуританство, и притомъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ быстрѣе совершается и глубже проникаетъ экономическое и соотвѣтствующее ему политическое развитіе, и чѣмъ сильнѣе реакція низшихъ классовъ противъ него».

Ошибка! сплошная ошибка!—заявляетъ Баксъ и выставляетъ противъ меня попойки нѣмецкихъ крестьянъ во время крестьянской войны и «тѣ пиршества, роскошь и блескъ, которые украшали «царство божіе» въ Мюнстерѣ». Такого рода явленія были бы невозможны у пуританскаго населенія Англіи. Слѣдовательно, англійское пуританство было «гораздо интенсивнѣе и гораздо послѣдовательнѣе».

Какъ и въ вопросѣ объ «этническомъ смѣшеніи», этотъ доводъ Бакса не вполне согласуется съ хронологіей. Попойки крестьянъ во время крестьянской войны въ Германіи болѣе, чѣмъ на *столѣтіе*, предшествуютъ пуританскому режиму въ Англіи. Въ то время крестьяне были еще значительно ближе къ средневѣковому натуральному хозяйству, которое не только въ Германіи, но и въ Англіи придерживалось правила: «живи и давай жить другимъ!» Томасъ Моръ, жившій въ эпоху крестьянской войны, свидѣтельствуетъ далеко не о пуританской строгости нравовъ въ Англіи, когда онъ въ своей «Утопіи» ополчается противъ чрезмѣрной роскоши: «не только прислуга у знатныхъ людей и ремесленники, но *даже крестьяне* и всѣ прочія сословія безстыдно тратятся на наряды и предаются чревоугодію» и т. д. Потребовалось цѣлое столѣтіе капиталистическаго развитія, чтобы пуританская строгость могла стать господствующимъ настроеніемъ демократическихъ классовъ. Но для теоретика «этническаго смѣшенія» столѣтія не имѣютъ никакого значенія, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда они ему не на руку.

Ну, а блескъ «царства божія» въ Мюнстерѣ? Не доказываетъ

ли онъ, что нѣмецкіе перекрещенцы были гораздо менѣе пуритански настроены, чѣмъ ихъ англійскіе товарищи? Нѣтъ, этотъ пунктъ доказываетъ лишь, что у Бакса и на этотъ разъ не было подъ рукой «Исторіи социализма». Ибо тамъ доказано по первоисточникамъ и съ неотразимой ясностью, что Мюнстерскіе перекрещенцы были умѣренны во всѣхъ отношеніяхъ, что ихъ мнимыя «пиршества» были весьма невиннаго свойства, а «роскошь и блескъ» служили только препровожденіемъ времени, придуманнымъ для того, чтобы противодѣйствовать томительности осады и вызванной ею подавленности духа. Эту «роскошь», какъ и «королевскую» власть и многоженство, слѣдуетъ объяснить совершенно ненормальными условіями, созданными осадой. Въ «Исторіи социализма» я самымъ рѣзкимъ образомъ выступилъ противъ тѣхъ буржуазныхъ писателей, которые, въ силу заинтересованности или ограниченности, провозглашаютъ эти совершенно своеобразныя черты «царства божія» въ Мюнстерѣ—типичными чертами перекрещенства. Вообще, что въ такой же мѣрѣ противорѣчатъ фактамъ, какъ если наши противники объявляютъ поджогъ Лувра къ концу Парижской коммуны доказательствомъ враждебнаго отношенія социалдемократіи къ искусству. Когда я вскрывалъ эти тенденціозныя искаженія исторіи, мнѣ и въ голову не приходило, что когда-нибудь социаль-демократическій писатель прибѣгнетъ къ тому же аргументу, чтобы не отказаться отъ догадки, имъ однажды высказанной.

Пуританство нѣмецкихъ перекрещенцевъ можно считать столь же твердо установленнымъ, какъ и жизнерадостность англійскихъ крестьянъ въ эпоху крестьянской войны въ Германіи.

Второй фактъ, на который мнѣ указали конкретныя условія, таковы: какъ разъ тѣ слои, которые, какъ я нашелъ, повсюду проявили склонность къ пуританству подъ влияніемъ общихъ социальныхъ условій семнадцатаго вѣка, заняли тогда въ Англіи совершенно другое положеніе, чѣмъ въ остальной Европѣ. Въ то время, какъ во всѣхъ остальныхъ странахъ они были низведены на степень безвольныхъ рабовъ абсолютизма, въ Англіи они оказались достаточно сильными, чтобы защитить себя отъ феодальнаго абсолютизма и даже на время захватить власть въ свои руки. Отсюда я уже легко объяснилъ интенсивность и широкую распространенность въ тогдашней Англіи пуританскаго духа въ противоположность остальной Европѣ.

«Но дѣйствительно ли на протяженіи этого періода власть находилась въ рукахъ названныхъ классовъ (мелкихъ буржуа, крестьянъ)

янтъ, наемныхъ рабочихъ)? Каждый знатокъ англійской исторіи долженъ отвѣтить на это *рѣшительнымъ: нѣтъ*.

Такъ ли? А въ чьихъ же рукахъ была власть во время революціи? Баксъ называетъ «часть болѣе бѣднаго дворянства, главнымъ же образомъ среднихъ земельныхъ собственниковъ (yeomen и countrygentlemen) и болѣе богатыхъ купцовъ и городскихъ ремесленниковъ».

Итакъ, во время революціи власть была въ рукахъ «средняго землевладѣнія», въ рукахъ yeomen и countrygentlemen. Но кто такіе были эти yeomen? Какъ утверждаетъ «знатокъ англійской исторіи», это были «мелкіе земельные собственники», сами обрабатывавшіе свои собственные поля и обладавшіе скромнымъ достаткомъ¹⁾, — слѣдовательно — *крестьяне*. «Countrygentlemen» же, по словамъ того же знатока, былъ «обыкновенно тори», вѣрный приверженецъ наслѣдственной монархіи.¹ Городскихъ ремесленниковъ обыкновенно причисляютъ къ мелкимъ буржуа. Слѣдовательно, самъ Баксъ признаетъ, что во время революціи власть была у крестьянъ и мелкихъ буржуа; а что имъ *однимъ* принадлежала власть, — этого я никогда и не утверждалъ. Однако, среди господствовавшихъ элементовъ англійской революціи Баксъ забылъ указать одинъ, самый важный изъ всѣхъ: — господствовавшую надъ всѣмъ *армію*, которая состояла изъ крестьянъ, мелкихъ буржуа и *наемныхъ рабочихъ* (учениковъ, ткачей домашней промышленности и др.), и которая защищала ихъ общіе классовые интересы.

Гдѣ можно, въ виду этихъ фактовъ, отыскать «знатока англійской исторіи», который на вопросъ, была ли во время революціи власть въ рукахъ названныхъ классовъ, отвѣтилъ бы *рѣшительнымъ: нѣтъ*. Мы должны допустить, что, когда Баксъ писалъ это, у него, въ сожалѣнію, не было подъ руками книги объ англійской революціи, и ему пришлось изобрѣсти своего «знатока» совершенно такъ же, какъ «покровъ» и многое другое. Что республика существовала только одиннадцать лѣтъ, это вѣрно. Но такъ же вѣрно и то, что проволгащенное этой республикой вліяніе буржуазныхъ классовъ въ Англіи не прекратилось съ реставраціей, а продолжало существовать въ измѣненной формѣ и скоро снова окрѣпло до такой степени, что слѣдующее поколѣніе могло уже совершить «славную» революцію, окончательно упрочившую конституціонный режимъ.

¹⁾ Маколей, „Англійская исторія“, (въ нѣмецкомъ переводѣ Лемке стр. 245).

Крѣстьянство за это время было въ значительной мѣрѣ уничтожено—пролетаризировано. Но зато выросшій въ то же время классъ фабрикантовъ сталъ типичнымъ представителемъ склоннаго къ «отреченію»—т. е. бережливаго—пуританина. Какъ измѣняется его пуританство отъ поколѣнія къ поколѣнію вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности, показываетъ между прочимъ сочиненіе д-ра Aitken котораго Марксъ цитируетъ въ XXII гл. I тома «Капитала». Словомъ, англійское пуританство выступаетъ передъ нами, какъ историческое явленіе, которое господствуетъ надъ общественной жизнью въ той мѣрѣ, въ какой опредѣленнымъ классамъ, интересы которыхъ оно выражаетъ, удается наложить свою печать на общество.

Послѣ всего изложеннаго я предоставляю рѣшить самимъ читателямъ, предпочитаютъ ли они методическое объясненіе историческихъ явленій, построенное на анализѣ конкретныхъ фактовъ, объясненію, построенному на болѣе или менѣе остроумныхъ догадкахъ.

Къ концу моего возраженія противъ Бакса я перешелъ отъ прошлаго къ настоящему, чтобы придать нашей дискуссіи болѣе актуальный характеръ, и при этомъ указалъ на то, что «психологическій факторъ», который Баксъ хочетъ ввести въ матеріалистическую концепцію исторіи, въ сущности представляетъ собою не что иное, какъ возвратъ къ утопическому способу мышленія; а гдѣ господствуетъ утопизмъ, тамъ и тактика, т. е. все практическое поведеніе социалистовъ, испытываетъ на себѣ его вредное вліяніе.

Дискуссія почти никогда не приводитъ къ тому, что одинъ изъ противниковъ признаетъ себя побѣжденнымъ или переубѣжденнымъ. Вѣдь точка зрѣнія каждаго есть продуктъ всей его жизни, а тѣ отношенія, о которыхъ идетъ рѣчь при дискуссированіи социальныхъ вопросовъ, слишкомъ сложны, чтобы въ ходѣ дискуссіи можно было исчерпывающимъ образомъ освѣтить всѣ ихъ стороны. Кромѣ того, дискуссія не всегда способствуетъ выясненію истины и передъ широкой публикой. Отъ систематическаго изложенія она отличается въ невыгодную сторону тѣмъ, что отдѣльные пункты, именно спорные пункты, чрезмѣрно выдвинуты въ ней на первый планъ. Но именно въ этомъ заключается и ея цѣнность, если она выступаетъ *рядомъ* съ систематическомъ изложеніемъ. Особенно же большія услуги она можетъ оказать при выясненіи новаго ученія. Ибо человѣческій духъ консервативенъ и всегда

обнаруживает склонность вносить въ новое ученіе свои старыя воззрѣнія. Одного систематическаго изложенія недостаточно, чтобы сдѣлать понятнымъ полное отличіе новаго ученія отъ родственнаго ему стараго. Здѣсь, въ борьбѣ со старыми, знакомыми и родственными явленіями, должна прійти на помощь полемика. Такъ «Капиталъ» былъ воспринятъ нами лишь благодаря полемикѣ съ Дюрингомъ и опубликованію вновь почти забытой полемики съ Прудономъ. Въ настоящее время взгляды «Коммунистическаго Манифеста» и «Капитала» нашли себѣ всеобщее признаніе въ социалистическомъ движеніи, но прежній утопическій способъ мышленія слишкомъ близокъ и слишкомъ могущественъ, чтобы безсознательно не проявлять себя всякій разъ снова. Необходимо поэтому всегда быть на стражѣ, чтобы сдѣлать для широкихъ круговъ отчетливо ясной разницу между этими, вѣдшимъ образомъ родственными, но внутренне различными, способами мышленія. Такъ въ свое время было необходимо провести грань между родбертусовскимъ и марксовскимъ социализмомъ, такъ въ настоящее время намъ кажется необходимымъ обратить вниманіе на различіе, существующее между матеріалистическимъ и утопическимъ марксизмомъ.

Я охотно признаю заслугу Бакса: своимъ выступленіемъ противъ насъ онъ вызвалъ настоящую дискуссію и тѣмъ самымъ способствовалъ выясненію этой разницы. И какъ бы ни судить о результатѣ дискуссіи, одно можно считать твердо установленнымъ, — именно, тотъ фактъ, что среди социалистовъ, признающихъ выводы маркс-энгельсовскихъ работъ, существуетъ два теченія, которыя — оставляя совершенно въ сторонѣ индивидуальныя различія, встрѣчающіяся внутри каждаго теченія — различаются между собою методомъ теоретическаго изслѣдованія, а иногда и практической тактикой.

Ж. Жоресъ и П. Лафаргъ:

ДИСКУССІЯ.

I.

Докладъ Ж. Жореса.

Идеалистическое пониманіе исторіи.

Гражданки и Граждане!

Прежде всего я обращаюсь къ вашему терпѣнію, такъ какъ въ продолженіе настоящаго вечера мнѣ придется занимать ваше вниманіе чисто теоретическими разсужденіями. вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ хотѣлось бы уже заранѣе предостеречь васъ отъ ложнаго пониманія моихъ взглядовъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я уже читалъ докладъ по тому же вопросу, что и сегодня. Тогда я изложилъ матеріалистическое пониманіе исторіи, т. е. то объясненіе хода историческаго развитія, какое далъ Марксъ. И исключительное свое вниманіе я тогда обратилъ на обоснованіе Марксовой теоріи, такъ что могло получиться представленіе, будто я безусловный послѣдователь ея.

На этотъ разъ я, напротивъ, хочу показать, что матеріалистическое пониманіе исторіи не исключаетъ ея идеалистическаго пониманія. И такъ какъ во время этого моего второго доклада могутъ быть упущены изъ виду тѣ доводы, какіе я въ прошлый разъ привелъ въ пользу Марксовой теоріи, то я прошу васъ—во избѣжаніе ошибочнаго представленія о совокупности моихъ взглядовъ—дополнить и исправить одну часть моихъ разсужденій другой.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я показалъ, что всѣ историческія явленія и событія могутъ быть объяснены съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, которое—отмѣчу это мимоходомъ—отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ фізіологическимъ

материализмомъ. Марксъ вовсе не утверждалъ, что всякое явленіе въ области мысли и сознанія можно разсматривать, какъ простую группировку матеріальныхъ частицъ. Напротивъ, и онъ, и позже Энгельсъ характеризовали этотъ взглядъ, какъ чисто метафизическій, не основанный на научныхъ данныхъ.

Материализмъ Маркса не слѣдуетъ также смѣшивать съ такъ называемымъ этическимъ материализмомъ, т. е. съ тѣмъ ученіемъ нравственности, которое подчиняетъ всю человѣческую дѣятельность основной цѣли удовлетворенія физическихъ потребностей и достиженія личнаго благополучія. Напротивъ. Вспомните, какую оцѣнку даетъ Марксъ въ «Капиталѣ» англійскому утилитаризму, вспомните, съ какимъ презрѣніемъ отзывается онъ о тѣхъ теоретикахъ утилитаризма, которые, подобно Бентаму, утверждаютъ, что человѣкъ во всѣхъ своихъ поступкахъ постоянно и сознательно руководится лишь своимъ личнымъ интересомъ,—и вамъ станетъ ясно, что материалистическое пониманіе исторіи не имѣетъ ничего общаго съ этическимъ материализмомъ. Больше того, теорія Маркса является прямой противоположностью материализма этого сорта. Марксъ полагаетъ, что чувства и мышленіе людей опредѣляются господствующими въ данномъ обществѣ экономическими отношеніями; поэтому поведеніе отдѣльнаго человѣка обуславливается, съ его точки зрѣнія, силами общественными—коллективными, историческими,—могущество которыхъ далеко превосходитъ силу эгоистически-индивидуальныхъ мотивовъ. Согласно его теоріи, существенную основу и конечную движущую силу историческаго развитія составляютъ экономическія отношенія, т. е. отношенія, въ которыхъ люди вступаютъ между собой въ процессъ производства.

Характеръ общества, его воззрѣнія на жизнь, его мораль, общее направленіе его дѣятельности—находятся въ зависимости отъ господствующей въ немъ формы экономической жизни. Больше того, людьми руководитъ не абстрактная идея справедливости или права; они приходятъ въ движеніе благодаря тому, что въ опредѣленный историческій моментъ существующій у нихъ общественный строй подъ вліяніемъ измѣненій въ производственныхъ отношеніяхъ, оказывается непрочнымъ и долженъ измѣниться, уступить мѣсто другому строю. И эта замѣна одной экономической и общественной системы другой—напримѣръ, антропофагіи рабствомъ—естественно влечетъ за собой соотвѣтственныя измѣненія въ политическихъ, моральныхъ, эстетическихъ, научныхъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ. Такимъ образомъ, по теоріи Маркса способъ организаціи экономи-

ческой жизни есть основная пружина историческаго развитія.

Названіе «матеріалистическаго пониманія исторіи» эта теорія носить потому, что по ней въ мозгу человѣка нѣтъ готовыхъ абстрактныхъ идей—въ немъ лишь отражаются общественныя отношенія.

Противъ матеріалистическаго пониманія исторіи выступаетъ, въ разнообразныхъ формахъ, идеалистическое ея пониманіе, которое я опредѣляю слѣдующимъ образомъ: это есть воззрѣніе, по которому человѣчество съ перваго момента своего существованія обладаетъ какой-то смутной идеей, предчувствіемъ своего развитія и своего назначенія.

Еще до всякаго историческаго опыта, еще до развитія и укрѣпленія той или другой экономической системы, человѣчество само въ себѣ носить зародышъ идеи права и справедливости, и къ этому апріорно данному идеалу оно стремится, развиваясь отъ низшаго первобытнаго состоянія до высшихъ формъ цивилизаціи. Человѣчество прогрессируетъ не вслѣдствіе механическаго и автоматическаго измѣненія способа производства, а подъ болѣе или менѣе ясно ощущаемымъ вліяніемъ этого идеала.

Такимъ образомъ, сама идея становится движущей силой историческаго прогресса, общественнаго развитія: не интеллектуальныя воззрѣнія являются слѣдствіемъ экономическихъ фактовъ, а, наоборотъ, экономическіе факты лишь воплощаютъ, все болѣе и болѣе, въ дѣйствительную жизнь и въ исторію идеаль человѣчества.

Таково въ общихъ чертахъ идеалистическое пониманіе исторіи, несмотря на все многообразіе формъ, которыя оно принимаетъ въ различныхъ философскихъ и религіозныхъ системахъ.

Но обратите вниманіе, граждане: матеріалистическое и идеалистическое пониманіе исторіи, которыя кажутся столь противорѣчащими, которыя какъ будто исключаютъ другъ друга, на самомъ дѣлѣ примиряются и почти сливаются въ сознаніи современнаго общества. Дѣйствительно, въ настоящее время нельзя встрѣтить ни одного идеалиста, который не согласился бы, что высшій идеаль человѣчества не можетъ быть реализованъ безъ предварительнаго экономическаго преобразованія общества; и, съ другой стороны, очень не много найдется такихъ послѣдователей матеріалистическаго пониманія исторіи, которые отвергали бы совершенно идею права и справедливости, которые въ коммунистическомъ обществѣ будущаго видѣли бы только фатальное слѣдствіе экономической эво-

люціи, а не привѣтствовали бы въ немъ также высшее осуществленіе права и справедливости.

Есть ли въ этомъ противорѣчіе? Всегдашнимъ стремленіемъ Маркса было—сохранить свое ученіе во всей его чистотѣ и цѣльности, и потому онъ встрѣчалъ насмѣшками всякаго, кто на подмогу экономическому развитію и социалистическому движенію думалъ привлечь чистую идею справедливости; онъ смѣялся надъ всякимъ, кто, какъ онъ выразился, «хочетъ набросить на историческую дѣйствительность, на тѣло фактовъ особаго рода вуаль, сотканную изъ тончайшихъ нитей діалектики, съ обшивкой изъ риторическихъ цвѣтовъ, обрызганныхъ сентиментальной росой».

Нашей задачей является—исслѣдовать, возможенъ ли теоретически синтезъ матеріалистическаго пониманія исторіи съ идеалистическимъ,—такой синтезъ фактически осуществленъ во Франціи благодаря, быть-можетъ, слѣпому инстинкту социалистическаго сознанія,—или между этими двумя системами существуетъ непримиримое противорѣчіе; принуждены ли мы сдѣлать выборъ между ними, или логика и разумъ даютъ намъ право разсматривать ихъ, какъ двѣ различныхъ стороны одной и той же истины.

Но я считаю невозможнымъ приступить къ разрѣшенію этого частнаго вопроса, не выяснивъ предварительно болѣе общаго вопроса о человѣческомъ познаніи, какъ онъ ставится современной наукой. Съ моей точки зрѣнія, усилія человѣческой мысли вотъ уже четыре столѣтія, съ эпохи возрожденія, направлены на то, чтобы примирить, дать синтезъ того, что раньше считалось противорѣчивымъ и противоположнымъ: это—отличительная черта, самая характерная особенность всякаго философскаго и умственнаго движенія.

Эпоха возрожденія столелась съ противорѣчіемъ между глубоко вкоренившимся духомъ христіанства, съ одной стороны, и возродившимся духомъ античной древности—съ другой,—и это противорѣчіе на первый взглядъ казалось неразрѣшимымъ. Античный духъ означалъ культъ, обожаніе природы, а духъ христіанства, напротивъ, осужденіе, отрицаніе природы.

И мыслящіе люди въ концѣ среднихъ вѣковъ очутились лицомъ къ лицу съ духовнымъ наслѣдствомъ, полнымъ противорѣчій, съ дуализмомъ, который приходилось примирить и привести къ единству.

Эта задача еще больше осложнилась подъ вліяніемъ развитія научнаго духа и успѣховъ, достигнутыхъ опытнымъ науками: серьезное и

положительное изученіе явленій природы, приложеніе механики и математики къ изученію силъ природы сорвали съ нея то таинственное покрывало живой божественной красоты, которое придавало ей особый омысль въ глазахъ античнаго человѣка.

Приходилось, съ одной стороны, примирить пониманіе природы, свойственное античному міру, съ христіанскимъ взглядомъ на нее, а съ другой — примирить природу, какъ ее понимала новѣйшая наука, природу, которая представляетъ простую цѣпь явленій, съ свободнымъ стремленіемъ человѣческаго духа.

Декартъ первый приступилъ къ разрѣшенію этой проблемы. Опираясь на свой замѣчательный методъ, онъ началъ съ того, что замкнулся, какъ христіанинъ, во внутреннюю жизнь своего сознанія и отвергъ внѣшнюю жизнь и природу, какъ нѣчто стоящее подъ вопросомъ, какъ призракъ. Исходя всецѣло и исключительно изъ факта мышленія, онъ вывелъ изъ него идею Бога и такимъ образомъ отвелъ особое мѣсто сознанію и Богу, что и составляетъ, вмѣстѣ съ отрицаніемъ природы, характерную черту христіанства.

Но, найдя такимъ образомъ первую достовѣрную истину и первый достовѣрный методъ, Декартъ не ушелъ весь, подобно христіанину, въ область внутренней жизни своего духа, а обратился къ познанію природы. Такимъ образомъ пережитая имъ стадія христіанскаго міропониманія послужила лишь переходомъ къ положительной наукѣ, основанной на опытѣ и дедукціи.

У Лейбница мы видимъ то же стремленіе — привести къ единству человѣка и природу; онъ видитъ во всемъ, даже въ чистоматеріальныхъ силахъ и явленіяхъ, даже въ столѣ, который стоитъ передъ нами, и въ землѣ, по которой мы ходимъ, — нѣчто родственное нашему духу; въ гармоническихъ и математически-точныхъ соотношеніяхъ, проявляющихся въ законахъ физики и въ химическихъ комбинаціяхъ, онъ видитъ то же стремленіе къ красотѣ, что и въ человѣческомъ духѣ. Такимъ образомъ и у Лейбница мы находимъ примиреніе универсальнаго детерминизма — необходимости всего совершающагося — съ универсальной свободой.

Съ одной стороны, онъ утверждаетъ, что въ мірѣ нѣтъ движенія, которое не было бы неизмѣнно связано съ другими движеніями. Колебаніе воздуха, которое я сейчасъ произвожу своимъ голосомъ, есть слѣдствіе безконечнаго ряда предшествовавшихъ движеній и, въ свою очередь, будетъ вѣчно длиться: оно незамѣтно приведетъ въ движеніе стѣны этого зала, а черезъ нихъ атмосферу

земного шара, и затѣмъ оно перейдетъ въ неизвѣстныя еще намъ формы движенія, которое ничѣмъ нельзя остановить. Такимъ образомъ, мы не можемъ произвести ни малѣйшаго движенія, не можемъ тронуть песчинки, не нарушая этимъ равновѣсія всего міра въ цѣломъ.

Но, съ другой стороны, хотя эта тѣсная связь между движеніями, явленіями и фактами универсальна и безгранична, все же нѣтъ ни одной силы, которая дѣйствовала бы подъ вліяніемъ извнѣ. Когда одинъ бильярдный шаръ сталкивается съ другимъ, этотъ послѣдній приходитъ въ движеніе, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой это опредѣляется извѣстными законами эластичности, свойственной самому шару. Движеніе, вызванное, повидимому, внѣшнимъ толчкомъ, на самомъ дѣлѣ опредѣляется изнутри, совершается самопроизвольно. Повсюду, наряду съ зависимостью вещей другъ отъ друга, проявляется ихъ абсолютная самопроизвольность, ихъ безграничная самостоятельность.

У Спинозы мы находимъ то же примиреніе природы и Бога, факта и идеи, силы и права.

Для Канта, какъ извѣстно, вся задача философіи и заключается въ томъ, чтобы найти синтезъ противорѣчивыхъ положеній, волнующихъ человѣческій умъ: безконеченъ ли міръ или ограниченъ? безконечно ли время или ограничено? ограничена ли цѣпь причинъ или нѣтъ? подчинено ли все универсальной и непреклонной необходимости, или въ мірѣ остается мѣсто для свободы человѣческихъ поступковъ?

Между этими тезами и антитезами, утвержденіями и отрицаніями колеблется человѣческій умъ. И сущность кантовской философіи сводится къ стремленію примирить эти основныя антиноміи, найти разрѣшеніе этихъ претиворѣчій.

Наконецъ, Гегель свелъ въ одну формулу результаты этой долгой работы мысли. Истина, по его мнѣнію, заключается въ противорѣчій. Кто выставляетъ какое-нибудь положеніе, не противопоставляя ему его антитезы, тотъ ошибается, тотъ является игрушкой ограниченной, обманчивой логики. Въ самомъ дѣлѣ, въ природѣ, въ дѣйствительности противоположности переплетаются другъ съ другомъ; такъ, напримѣръ, конечное переплетается съ безконечнымъ; эта часть поверхности ограничена, но въ предѣлахъ ея я могу на-чертать безконечное число фигуръ. Поэтому, если вы утверждаете, что эта часть поверхности ограничена, вы высказываете только

часть истины и постольку не правы: данная часть поверхности одновременно ограничена и бесконечна.

Точно такъ же ошибаетесь вы, если отдѣляете міръ идей отъ міра дѣйствительности.

Обыкновенно полагають, что все существующее, уже въ силу самаго факта своего существованія, отклоняется отъ идеала, такъ что не существуетъ ни абсолютной красоты, ни абсолютной истины; идеаль—только понятіе, которое не можетъ воплотиться въ дѣйствительность, не теряя своей абсолютности. Это совершенно произвольное и ложное представленіе. Все идеальное необходимо находить свое выраженіе въ дѣйствительности. Нѣтъ такой разумной идеи, которая не воплотилась бы въ дѣйствительность, и нѣтъ такого факта дѣйствительной жизни, который нельзя было бы свести къ опредѣленной идеѣ, которому нельзя было бы дать разумнаго объясненія.

Эта замѣчательная формула синтеза противорѣчій, примиренія противоположностей путемъ сведенія ихъ къ высшему единству реального и идеального—имѣла глубокое вліяніе на человѣческую мысль.

Мы не говоримъ уже больше, что тотъ или иной историческій періодъ былъ періодомъ варварства. Напротивъ, мы говоримъ: все, что существуетъ, и все, что существовало, именно потому, что оно существуетъ или существовало, имѣетъ свое разумное основаніе и свое историческое оправданіе, но оно не является разумомъ во всей его полнотѣ.

Послѣдователямъ Маркса совершенно излишне напоминать, что онъ былъ духовнымъ ученикомъ Гегеля; онъ самъ заявляетъ объ этомъ въ предисловіи къ «Капиталу». Что же касается Энгельса, то онъ уже на закатѣ дней своихъ снова обратился къ основательному изученію Гегеля. Констатируя классовый антагонизмъ между пролетаріатомъ и классомъ капиталистовъ, Марксъ даетъ блестящее приложеніе ученія о противорѣчіяхъ. Именно потому, что этотъ антагонизмъ порожденъ капиталистическимъ строемъ, строемъ войны и раздоровъ, именно поэтому онъ подготавливаетъ новый строй мира и гармоніи. Это соотвѣтствуетъ старой формулѣ Гераклита, которую Марксъ любилъ цитировать: «Миръ—лишь форма войны, война—лишь форма мира,—и не слѣдуетъ противопоставлять одну форму другой: сегодняшняя борьба есть лишь начало завтрашняго примиренія».

Современная мысль о тождествѣ противорѣчій находитъ себѣ

выраженіе также и другомъ замѣчательномъ возрѣніи марксизма. Человѣчество до сихъ поръ какъ бы находилось во власти безсознательныхъ историческихъ силъ; не сами люди свободно движутся впередъ, къ прогрессу,—ихъ толкаетъ экономическое развитіе; они думаютъ, что творятъ исторію, а на самомъ дѣлѣ за ихъ спиной, безъ ихъ вѣдома, совершаются измѣненія экономической жизни, которыя и обуславливаютъ дѣятельность человѣка. Въ этомъ отношеніи человѣчество похоже на уснувшаго пловца, котораго уноситъ теченіе рѣки: онъ весь во власти теченія и не отдаетъ себѣ даже отчета въ направленія, по которому плыветъ, но, пробуждаясь время отъ времени, онъ замѣчаетъ, что ландшафтъ кругомъ измѣнился.

Но когда общество будетъ перестроено на началахъ социализма, когда исчезнутъ классовыя противорѣчія, и все общество будетъ владѣть орудіями производства, пользуясь ими для всесторонняго удовлетворенія наличныхъ потребностей своихъ членовъ,—тогда человѣчество выйдетъ изъ того долгаго періода безсознательнаго развитія, періода полной зависимости отъ слѣпой силы событій, въ какомъ оно находилось много вѣковъ. Тогда оно вступитъ въ новый періодъ развитія: человѣкъ освободится отъ власти вещей и самъ будетъ свободно управлять ими. Но эта наступающая эра полного сознанія и полной ясности стала возможна только благодаря долгимъ вѣкамъ мрака и безсознательнаго развитія.

Если бы люди захотѣли уже на зарѣ историческаго развитія направлять ходъ событій по опредѣленному плану, то они бы только безцѣльно растратили движущія силы будущаго развитія. Желая слишкомъ рано дѣйствовать съ полнымъ сознаніемъ, они сами отняли бы у себя возможность когда-нибудь такъ дѣйствовать. Съ ними случилось бы то же самое, что съ ребенкомъ, у котораго сознаніе и мысль пробудились преждевременно на счетъ безсознательнаго развитія органической жизни, и который въ болѣе позднемъ возрастѣ неспособенъ правильно мыслить именно потому, что слишкомъ рано сталъ мыслителемъ.

Для Маркса это безсознательное общественное развитіе есть необходимое условіе и подготовительная ступень сознательной жизни человѣчества въ будущемъ, и такимъ образомъ въ исторіи примиряется также и это противорѣчіе, имѣющее огромное значеніе.

И вотъ, я спрашиваю: нельзя ли, оставаясь вѣрнымъ духу марксизма, развитъ еще дальше этотъ методъ примиренія противорѣчій,

не слѣдуетъ ли попытаться примирить историческій матеріализмъ съ идеалистическимъ пониманіемъ исторіи.

Ни одного философскаго вопроса нельзя разрѣшить, не сговорившись предварительно относительно общихъ философскихъ воззрѣній. Поэтому мнѣ приходится еще остановиться на выясненіи основного характера искомаго мною примиренія между матеріалистическимъ и идеалистическимъ пониманіемъ исторіи.

Моя мысль заключается не въ томъ, что каждая изъ этихъ концепцій исторіи имѣетъ исключительное примѣненіе къ опредѣленному историческому періоду. Я не придерживаюсь того мнѣнія, будто одна часть историческаго развитія подчинена экономической необходимости, а другая—чистой идеѣ права и справедливости; мнѣ и въ голову не приходитъ раздѣлить исторію перегородкой на двѣ части, чтобы такимъ образомъ разграничить сферу примѣненія матеріалистическаго и идеалистическаго пониманія исторіи. Нѣтъ, я утверждаю, что обѣ эти концепціи должны проникать другъ друга наподобіе того, какъ въ органической жизни человѣка другъ друга проникаютъ механика мозга и свободное сознаніе.

Всякому движенію въ мозгу соотвѣтствуетъ извѣстный актъ сознанія, ясный или смутный, и, наоборотъ, всякому акту сознанія соотвѣтствуетъ то или иное движеніе въ мозгу. И если бы можно было раскрыть мозгъ и прослѣдить всю безконечную сложность движеній, до едва замѣтныхъ вибрацій, которыя въ немъ происходятъ, сплетаясь и переходя одно въ другое,—тогда мы могли бы, слѣдя за фізіологическими процессами, конструировать всю душевную работу человѣка, всѣ его мысли, воззрѣнія и стремленія; и однако, между фізіологическими и психологическими процессами существуетъ, повидимому, противорѣчіе, которое разрѣшается для насъ только незамѣтно самою жизнью.

Чѣмъ опредѣляется моя мысль въ тотъ моментъ, когда я говорю?

Она опредѣляется другой мыслью, которая ей предшествуетъ и съ которой она логически связана. Всѣ мои мысли находятся между собой въ опредѣленной логической связи, безразлично, служить ли такой связью сходство, противоположность или причинность. Такимъ образомъ въ сѣти моихъ мыслей какъ будто проявляются однѣ только логическія силы, и вся текущая дѣятельность моего сознанія опредѣляется какъ будто лишь предшествующимъ состояніемъ сознанія же.

Я произношу въ данный моментъ слова, и мысль, которую я ими выражаю, опредѣляется цѣлою цѣпью предыдущихъ мыслей; но она

опредѣляется также нѣкоторой идеей будущаго—тѣмъ намѣреніемъ, которое я имѣю въ виду, той цѣлью, которую я вижу передъ собой. Я направляю мои мысли въ то или другое русло въ зависимости отъ той цѣли, которую я преслѣдую. Такимъ образомъ, мысль моя въ каждый данный моментъ опредѣляется одновременно цѣлью предыдущихъ мыслей и идеей будущей.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ фізіологически-механическими процессами, совершающимися въ нашемъ мозгу. Тутъ всякое движеніе, соответствующее моей мысли, опредѣляется исключительно предыдущимъ движеніемъ.

Такимъ образомъ наша жизнь есть одновременно жизнь фізіологическая и сознательная, механическая и самопроизвольная. Въ то время, какъ въ цѣпи движеній мозговыхъ частицъ всякій моментъ опредѣляется исключительно предыдущимъ, въ цѣпи идей и представленій всякій моментъ, повидимому, опредѣляется также и будущимъ.

Можно было бы, поэтому, сказать, что существуетъ абсолютное противорѣчіе между тѣми законами, по которымъ функционируетъ жизнь мозга, и тѣми, по которымъ совершается сознательное развитіе нашихъ идей и представленій.

Но, несмотря на это кажущееся противорѣчіе между тѣми и другимъ рядомъ процессовъ, ихъ можно примирить въ высшемъ единствѣ: нѣтъ ни одной мысли, которой не соответствовало бы движеніе мозга, и, съ другой стороны, нѣтъ ни одного движенія въ мозгу, которому не соответствовалъ бы хотя бы зародышъ мысли.

То же самое проноходитъ и въ исторіи: всѣ историческія явленія и событія можно объяснить экономическою эволюціей, но въ то же время движущую силу развитія можно видѣть въ постоянномъ стремленіи человѣчества къ высшей формѣ существованія. Чтобы представить разбираемый вопросъ въ болѣе яркомъ свѣтѣ, я хочу выяснитъ, въ чемъ, съ моей точки зрѣнія, заключается проблема, и какихъ объясненій я долженъ потребовать отъ теоретиковъ марксизма.

Марксъ говоритъ: Человѣческій мозгъ не создаетъ самъ изъ себя идею права, которая въ такомъ случаѣ была бы безсодержательной формой; вся интеллектуальная и моральная жизнь человѣчества есть лишь отраженіе экономическихъ явленій въ человѣческомъ мозгу.

Съ этимъ я согласенъ. Конечно, все развитіе интеллектуальной, моральной и религіозной жизни человѣка есть лишь отраженіе

экономическихъ явленій въ человѣческомъ мозгу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ, вѣдь, какъ нѣкоторое предварительное условіе, человѣческій мозгъ, со всѣми его способностями.

Человѣчество является продуктомъ долгой фізіологической эволюціи, которая предшествовала исторической эволюціи. Когда, благодаря этой фізіологической эволюціи, человѣчество вышло изъ животнаго состоянія, въ мозгу его уже были извѣстныя наклонности и способности.

Въ чемъ онѣ заключались?

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить то, что я назвалъ способностью къ безкорыстнымъ чувствамъ. Чѣмъ выше ступень развитія животной жизни, тѣмъ все въ большей мѣрѣ чисто эгоистическія чувства постепенно подчиняются чувствамъ эстетическимъ и безкорыстнымъ. На низшихъ ступеняхъ животнаго царства, зрѣніе и слухъ мало развиты; напротивъ, сильно развиты чувство обонянія, способность хватать, вкусъ, т. е. тѣ чувства, которыя непосредственно нужны для овладѣванія добычей и которыя служатъ преимущественно удовлетворенію физическихъ и эгоистическихъ appetitовъ. На болѣе высокихъ ступеняхъ животнаго царства, зрѣніе и слухъ развиты сильнѣе. Конечно, глаза тоже служатъ животному для выслѣживанія добычи, но, благодаря имъ, животное видитъ также цѣлый рядъ другихъ образовъ, не возбуждающихъ непосредственно его животнаго аппетита. Точно также и слухъ, конечно, помогаетъ животному находить слѣдъ добычи и предупреждаетъ его отъ угрожающей опасности, но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря слуху, животное воспринимаетъ цѣлый рядъ гармоническихъ звуковъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ его аппетиту или къ его безопасности. И такимъ образомъ, благодаря зрѣнію, воспринимающему пестрый рядъ образовъ, не связанныхъ непосредственно съ физическими потребностями животнаго, благодаря слуху, воспринимающему множество гармоническихъ звуковъ, не служащихъ непосредственно удовлетворенію этихъ потребностей, животныя научаются понимать міръ, не въ одной только формѣ борьбы за существованіе. Животное замѣчаетъ уже блескъ солнца, и радуется ему; оно ощущаетъ уже потребность въ созвучіи, удовольствіе отъ всего мелодичнаго и гармоничнаго. На основѣ чисто-эгоистическихъ проявленій органической жизни, постепенно развиваются чувство красоты, безкорыстныя эстетическія ощущенія и влеченія. Въ глубинѣ первобытнаго лѣса, полного самыхъ разнообразныхъ звуковъ и самой причудливой игры свѣтовыхъ лучей, животное научается понимать красоту міра.

Кромѣ этой способности, которая образовалась у первобытнаго человѣка-животнаго къ началу той долгой экономической эволюціи, которую ему предстояло продѣлать, онъ обладалъ еще другой способностью, пробудившейся еще у животныхъ,—способностью выводить общее изъ частнаго, отвлекать оходственные родовыя черты отъ индивидуальныхъ различій.

Въ другихъ индивидахъ, съ которыми человѣкъ-животное сталкивается и, благодаря условіямъ своего экономического развитія, вступаетъ въ опредѣленные отношенія, онъ видитъ не только рядъ полезныхъ или враждебныхъ силъ, но и сходныя съ собой оущества. У него пробуждается первое движеніе симпатіи, которое даетъ ему возможность, по аналогіи съ собственными переживаніями, угадывать и чувствовать радость и страданіе ближняго. Это чувство симпатіи съ самаго начала проявляется наряду съ животнымъ эгоизмомъ, и оно подготавливаетъ братское примиреніе всѣхъ людей послѣ вѣковой борьбы ихъ между собой.

Наконецъ, человѣкъ съ самаго начала, еще до того, какъ онъ научился выражать свои мысли, обладалъ стремленіемъ къ единству. Первымъ шагомъ по пути его интеллектуальнаго развитія было сведеніе своего сущаго—всѣхъ формъ, всѣхъ силъ—къ смутно еще сознаваемому понятію единства. Можно поэтому утверждать, что человѣкъ съ самаго начала былъ животнымъ съ метафизическими наклонностями, ибо сущность метафизики и заключается нѣдѣ въ стремленіи къ такому единству, которое обнимало бы всѣ явленія, всѣ процессы, всѣ законы.

Что такое стремленіе къ единству дѣйствительно существовало у первобытнаго человѣка, лучше всего доказывается образованіемъ языка, выражающаго, съ помощью іерархіи словъ, іерархію идей, обнимающихъ одна другую.

Подведу итоги всему сказанному.

Я соглашаюсь съ Марксомъ, что все развитіе человечества есть лишь отраженіе экономическихъ явленій въ человеческомъ мозгу, но къ этому я добавляю, что сама экономическая жизнь подвергается вліянію основныхъ силъ этого мозга, которыя проявляются въ формѣ чувства красоты, бессознательной симпатіи и инстинктивнаго стремленія къ единству.

Я считаю нужнымъ еще разъ обратить ваше вниманіе на то, что психическимъ способностямъ я не отвожу мѣсто *рядомъ* съ экономическими силами: я далекъ отъ мысли возстановить ту теорію соединенія нѣсколькихъ историческихъ факторовъ, которую

такъ безпощадно разбилъ мой другъ Габріэль Девиль. Но я утверждаю, что явленія экономической жизни не могутъ проникнуть въ человѣческое сознаніе, не приводя одновременно въ движеніе тѣ примитивныя психическія силы, которыя я подвергъ анализу. Вотъ почему я не могу согласиться съ тѣмъ положеніемъ Маркса, что всѣ религіозныя, политическія и моральныя понятія представляютъ лишь отраженіе экономическихъ явленій. Между основными свойствами человѣческой психики и экономической оредой замѣчается отоль тѣсное взаимодействіе, что невозможно отграничить экономическую жизнь отъ моральной. Но вѣдь для того, чтобы подчинить одну другой, необходимо предварительно рѣзко разграничить ихъ, а это невозможно. Подобно тому, какъ нельзя разрѣзать человѣка на двѣ части и тѣмъ отдѣлить его органическую жизнь отъ жизни сознанія, совершенно такъ же невозможно разрѣзать историческое человечество на двѣ части и отдѣлить его идеологію отъ экономической жизни.—Такова моя точка зрѣнія въ данномъ вопросѣ, и частичное ея подтвержденіе я нахожу въ греческой философіи.

Греки объединяли въ одной концепціи явленія экономической жизни и явленія природы. Такую всеобъемлющую концепцію мы находимъ у Гераклита, Эмпедокла, Анаксимандра; они въ единой формулѣ устанавливають связь и противоположность всѣхъ элементовъ—безразлично, будутъ ли то *элементы природы* (тепло и холодъ, свѣтъ и мракъ), или *элементы фізіологическаго организма* (здоровье и болѣзнь), или, наконецъ, *элементы духовной жизни* (совершенство и несовершенство, равенство и неравенство). Противорѣчія, наблюдаемыя въ природѣ, и противорѣчія общественныя стоятъ у нихъ на одной ступени. Гераклитъ употребляетъ одно и то же слово «Kosmos» какъ для обозначенія мірового порядка, пристокающаго изъ примиренія противорѣчій природы, такъ и для обозначенія государственнаго строя, осуществляемаго путемъ согласованія стремленій противоположныхъ партій. Въ одномъ умозрѣніи греческіе мыслители охватили міровой порядокъ, возникшій изъ первобытнаго хаоса, и государственный порядокъ, развивающійся изъ соціального хаоса.

Къ сожалѣнію, я могу лишь вкратцѣ остановиться на этой сторонѣ вопроса. Поэтому ограничусь сказаннымъ.

Теперь я предлагаю теоретикамъ марксизма отвѣтить на слѣдующій вопросъ: какъ смотрятъ они на направленіе экономического, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего человѣческаго развитія?

Нельзя же ограничиваться утвержденіемъ, что одна форма про-

изводства смѣняетъ другую; нельзя ограничиться утвержденіемъ, что рабство смѣнило антропофагію и само уступило мѣсто крѣпостничеству, что послѣднее смѣнилось наемнымъ трудомъ, который, въ свою очередь, замѣнится коллективизмомъ и коммунизмомъ. Нѣтъ, нужно еще отвѣтить на вопросъ: происходитъ ли тутъ простая смѣна формъ или прогрессъ? А если прогрессъ, то гдѣ въ конечномъ счетѣ тотъ критерій, которымъ вы измѣряете различныя формы человѣческаго развитія? Или, если вы отвергаете идею прогресса, какъ слишкомъ метафизическую, то отвѣтите: почему историческое развитіе шло именно тѣмъ путемъ, а не инымъ? Откуда такая правильность въ смѣнѣ общественныхъ формъ, въ смѣнѣ этаповъ экономическаго развитія—отъ антропофагіи черезъ рабство, крѣпостничество и наемный трудъ къ социалистическому обществу? Почему, подъ вліяніемъ какихъ силъ—я не говорю: на основаніи какого приказа Провидѣнія, ибо я стою на почвѣ матеріалистическаго и позитивнаго пониманія исторіи—историческое развитіе шло въ данномъ направленіи, а не въ другомъ?

На мой взглядъ, причина этого хода развитія становится понятной, если признать значеніе тѣхъ основныхъ психическихъ силъ, которыя я отмѣтилъ выше.

Именно потому, что производственныя отношенія суть отношенія между людьми со всеми ихъ психическими качествами, то до тѣхъ поръ, пока не осуществится полная свобода и всеобщая солидарность людей, всякій способъ производства будетъ таить въ себѣ глубокое противорѣчіе.

Еще Спиноза съ удивительнымъ мастерствомъ вскрылъ внутреннее противорѣчіе, свойственное всякому режиму, основанному на тиранническомъ господствѣ, на политической и социальной эксплуатаціи человѣка человѣкомъ; и онъ доказалъ это не съ точки зрѣнія абстрактнаго права, а на основаніи противорѣчій дѣйствительной жизни. Тираннія приноситъ столько бѣдствій подчиненнымъ, что они перестаютъ бояться возможныхъ послѣдствій возстанія и поднимаются противъ своихъ угнетателей. Или же самъ тиранъ, желая избѣжать возстанія, идетъ до извѣстной степени навстрѣчу потребностямъ своихъ подданныхъ и тѣмъ воспитываетъ ихъ для болѣе свободнаго режима. Такимъ образомъ, тираннія неизбежно должна уступить напору свободныхъ силъ, *ибо силы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, это—основныя качества человеческой психики.*

И это будетъ такъ, пока не исчезнетъ эксплуатація человѣка человѣкомъ. Необычайно мѣтко сказалъ Гегель: «Основное противо-

рѣчіе всякой политической и экономической тиранніи состоитъ въ томъ, что она вынуждена обращаться съ людьми, какъ съ безвольнымъ орудіемъ; а люди, каковы бы они ни были, никогда не могутъ стать инертной машиной».

Это—логическое противорѣчіе, ибо самое понятіе человѣка, какъ существа, одареннаго чувствами, мышленіемъ и волей, исключаетъ понятіе машины. Но это также противорѣчіе дѣйствительной жизни, ибо, пользуясь живыми силами человѣка, какъ мертвымъ орудіемъ, совершаютъ вѣсиліе надъ той самой силой, которую хотятъ использовать, и въ результатъ получается непрочный и полный дисгармоній соціальныи механизмъ. И такъ какъ это противорѣчіе одновременно грѣшитъ противъ самаго понятія человѣка и противъ закона механики, регулирующаго использование человѣка, какъ механической силы, то историческое развитіе представляетъ собою одновременно идеалистическій протестъ совѣсти противъ соціальныи порядковъ, унижающихъ человѣка, и механическую реакцію человѣческихъ силъ противъ всякаго насильственнаго и построеннаго на противорѣчіи соціального строя.

Что такое антропофагія? Она была двойнымъ противорѣчіемъ: принуждая людей убивать себѣ подобныхъ не въ пылу борьбы, а насилуя тотъ примитивный инстинктъ симпатіи, о которомъ я выше говорилъ, она оказывалась моральнымъ противорѣчіемъ; а превращая человѣка, способнаго къ производительному труду, въ простой продуктъ потребленія, въ особаго рода дичь, она создавала экономическое противорѣчіе. Поэтому рабство стало моральной и экономической необходимостью. Ибо обращеніе плѣнника въ домашнее животное не такъ остро задѣвало инстинктъ симпатіи и въ то же время, съ точки зрѣнія интересовъ владѣльца, оказывалось болѣе выгоднымъ, чѣмъ убійство плѣнника. Изъ работы человѣка рабовладѣлецъ могъ извлекать больше пользы, чѣмъ изъ его мяса.

То же двойное противорѣчіе можно обнаружить въ рабствѣ, въ крѣпостничествѣ, въ наемномъ трудѣ. И такъ какъ все движеніе исторіи является результатомъ основного противорѣчія между человекомъ, какъ таковымъ, и тѣмъ назначеніемъ, какое онъ получаетъ въ общественной организаціи, то вполне понятно, что историческое развитіе имѣетъ своей конечной цѣлью такой строй общества, въ которомъ человѣкъ займетъ положеніе, соотвѣтствующее его сущности. Въ смѣнѣ экономическихъ формъ осуществляется идеаль человѣчества, и каждая изъ этихъ формъ все меньше противорѣчитъ понятію челоѣчности. Такимъ образомъ мы видимъ въ исторіи челоѣчества

не просто необходимый процессъ развитія, а развитіе прогрессивное, имѣющее разумный смыслъ. Стремленіе человѣчества къ справедливости проявлялось на протяженіи долгихъ вѣковъ въ постоянной борьбѣ за такой общественный строй, который заключалъ бы въ себѣ менѣе рѣзкія противорѣчія, чѣмъ существующій. Конечно, развитіе моральныхъ идей человѣка опредѣлялось эволюціей экономическихъ отношеній, но въ то же время въ самой смѣнѣ социальныхъ учреждений проявлялся ищущій и дѣятельный человѣческій духъ. Несмотря на всѣ различія среды, условій времени, экономическихъ требованій,—одинъ и тотъ же вопль отчаянія, одинъ и тотъ же кликъ радостной надежды мы слышимъ изъ устъ раба, крѣпостного, пролетарія. И это никогда не умирающее стремленіе человѣческаго духа составляетъ самую душу такъ называемаго права.

Стало быть, нельзя противопоставлять другъ другу материалистическое и идеалистическое пониманіе исторіи: оба они сливаются въ единую нераздѣльную концепцію. Ибо, если нельзя оторвать человѣка отъ экономическихъ отношеній, въ которыхъ онъ живетъ, то въ такой же мѣрѣ невозможно оторвать экономическія отношенія отъ человѣка. Историческое развитіе представляетъ собою въ одно и то же время процессъ, совершающійся по чисто механическимъ законамъ, и стремленіе человѣческаго духа, повинующагося законамъ идеала.

И, въ концѣ концовъ, развѣ не вся эволюція жизни такова же, какъ и эволюція общества? Нѣтъ сомнѣнія, развитіе жизни отъ одной формы къ другой, отъ одного вида къ другому совершалось подъ двойнымъ вліяніемъ среды и предшествовавшихъ біологическихъ условій, и потому вся эволюція жизни находитъ себѣ материалистическое объясненіе. Но въ то же время можно утверждать, что жизненная сила, сконцентрированная въ первыхъ живыхъ клѣточкахъ, и общія условія планетной жизни предопредѣлили съ самаго начала общій ходъ развитія и, такъ сказать, жизненный планъ нашей планеты. И безчисленные живые существа слѣдовали въ своемъ развитіи опредѣленному механическому закону и въ то же время какому-то внутреннему стремленію къ реализаціи жизненнаго плана. Такъ что развитіе фізіологической жизни, какъ и развитіе жизни общества, объясняется одновременно и материалистически и идеалистически. Тотъ историческій синтезъ, который я вамъ раньше предложилъ, связанъ съ этимъ болѣе общимъ синтезомъ, на которомъ я, къ сожалѣнію, не могу остановиться болѣе подробно.

Я возвращаюсь къ вопросу объ историческомъ материализмѣ. Развѣ самъ Марксъ не ввелъ въ свою систему понятіе идеала, идею прогресса, права? Онъ не ограничивается доказательствомъ того, что коммунизмъ есть необходимое слѣдствіе капитализма; онъ указываетъ также, что въ будущемъ обществѣ исчезнутъ классовыя противорѣчія, истощавшія человѣчество; онъ указываетъ далѣе, что въ этомъ обществѣ человѣкъ впервые осуществитъ полную и свободную жизнь, развернетъ всѣ свои способности, созидающая въ себѣ духовную подвижность рабочаго и спокойную силу крестьянина, что на обновленной землѣ человѣчество будетъ счастливѣе и прекраснѣе, чѣмъ когда-либо прежде.

Развѣ это не значитъ, что и съ точки зрѣнія материалистическаго пониманія исторія слово: «справедливость» имѣетъ глубокой смыслъ, и развѣ это не является лишнимъ доводомъ въ пользу защищаемаго мною синтеза, примиряющаго материалистическое пониманіе исторіи съ идеалистическимъ?

II.

Отвѣтъ П. Лафарга.

1.

Философы картезіанской школы совѣтовали до начала спора точно опредѣлить и отграничить дебатиремый вопросъ. Начнемъ поэтому съ опредѣленія интересующей насъ проблемы.

Какъ извѣстно, всѣ народы, какъ бы высокъ ни былъ въ настоящее время уровень ихъ культуры, имѣли одну и ту же исходную точку развитія: предки всѣхъ ихъ были дикарями.

Дикари эти жили на деревьяхъ, питались случайными дарами природы и, чтобы легче добывать себѣ пищу, объединялись, подобно дикимъ лошадямъ, въ стада по 30—40 человѣкъ. Невольно является вопросъ: какимъ образомъ эти дикари могли развиться до состоянія цивилизованныхъ народовъ, которые живутъ въ многолюдныхъ городахъ, освѣщенныхъ газомъ и электричествомъ, обслуживаемыхъ желѣзными дорогами,—въ городахъ, жители которыхъ дѣлятся на враждебные классы и отличаются безконечнымъ разнообразіемъ занятій и профессій?

Этотъ вопросъ осложняется еще другимъ вопросомъ; Жоресъ

уже указалъ вамъ на него, когда говорилъ, что всѣ языки, несмотря на крайнія различія между ними, могутъ быть сведены къ однимъ и тѣмъ же грамматическимъ формамъ. Пользуясь тѣмъ случаемъ, что мы затронули вопросъ о языкѣ, я хочу указать вамъ на одно явленіе, имѣющее отношеніе къ интересующему насъ вопросу. Всѣ слова, имѣющія для насъ абстрактный смыслъ, первоначально, для изобрѣвшихъ ихъ дикарей, имѣли вполнѣ конкретный смыслъ. Такъ напримѣръ, слово: «*Nomos*», прежде чѣмъ стать на греческомъ языкѣ обозначеніемъ абстрактнаго понятія: «законъ», означало *пастбище, жилище*. Французское слово: «*Droit*» (право), обозначающее въ настоящее время то, что находится въ согласіи со справедливостью, первоначально употреблялось для обозначенія предмета, не имѣющаго изгибовъ и кривизны. Не слѣдуетъ ли, на основаніи этого лингвистическаго явленія, вывести заключеніе, что конкретное породило въ человѣческомъ умѣ абстрактное?

То единство, которое Жоресъ констатировалъ въ формахъ языка, проявляется также во всѣхъ видахъ духовнаго творчества человѣка—въ религіи, философіи, литературѣ.

Такъ, сказки, приводившія въ восторгъ наше юношеское воображеніе, встрѣчаются у всѣхъ народовъ земли, возникши болѣею частью въ эпоху дикаго состоянія или варварства; такъ бытовой романъ, эта послѣдняя, но не высшая форма литературы, процвѣтаетъ у всѣхъ безъ исключенія капиталистическихъ народовъ.

Сравнительная исторія народовъ показываетъ, что всѣ они пережили одинаковыя формы семьи и государства. Вико, котораго справедливо называли «отцомъ философіи исторіи», говорилъ, что «есть идеальная, вѣчная исторія, которую въ опредѣленный періодъ времени пробѣгаютъ всѣ народы, переходя отъ состоянія дикости, лютой и звѣрства къ культурному состоянію». И такъ какъ не всѣ еще народы достигли одинаковой степени развитія, то Марксъ добавляетъ: «Страна, болѣе развитая въ промышленномъ отношеніи, показываетъ менѣе развитымъ странамъ картину ихъ собственнаго развитія». А Жоффруа Сентъ-Илеръ, великій ученикъ гениальнаго Ламарка, полагалъ, что существуетъ «единство плана» въ образованіи растений и животныхъ.

Но вотъ въ чемъ вопросъ: слѣдуетъ ли искать причины единообразной эволюціи людей, животныхъ и растений въ самомъ мірѣ, или ихъ слѣдуетъ искать внѣ міра?

Действы не колеблются отвѣтить вмѣстѣ съ Вольтеромъ, что по-

добно тому, какъ существованіе часовъ предполагаетъ часовщика, такъ и существованіе міра необходимымъ образомъ предполагаетъ создателя. Но это черезчуръ простое рѣшеніе вопроса, придуманное еще дикарями, не разрѣшаетъ проблему, а лишь отодвигаетъ ее. Въ самомъ дѣлѣ, если существованіе міра предполагаетъ создателя, то существованіе этого создателя, въ свою очередь, обязательно предполагаетъ существованіе другого создателя. Христіанскіе гностики первыхъ вѣковъ по Р. Х. утверждали, что если Іисусъ—сынъ Іеговы, то Іегова, въ свою очередь, сынъ какого-то неизвѣстнаго бога. Деистическое объясненіе, ничего не объясняющее, не можетъ удовлетворить людей науки. Какую бы естественно-научную книгу вы ни раскрыли, вы нигдѣ не встрѣтите имени Бога. Химикъ, фізіологъ, геологъ, астрономъ—не прибѣгаютъ, для объясненія занимающихъ ихъ явленій, къ удобной деистической гипотезѣ, а стараются объяснить эти явленія исключительно свойствами матеріи.

Каждый ученый изгоняетъ Бога изъ той науки, которая составляетъ предметъ его спеціальнаго изученія,—и это даже въ томъ случаѣ, когда онъ допускаетъ существованіе Бога для объясненія явленій, не входящихъ въ спеціальную область его изслѣдованій. Такъ какъ исторія еще не наука, то историкъ часто прибѣгаетъ къ Богу, чтобы найти ключъ къ объясненію явленій, причинъ которыхъ онъ не можетъ уловить. Марксъ изгналъ Бога изъ послѣдняго его убѣжища—изъ исторіи. И пользуясь матеріалистическимъ методомъ великаго соціалистическаго мыслителя, мы создаемъ научную исторію.

Гегель, идеалистическую теорію котораго отчасти принимаетъ Жоресъ, не придерживался того взгляда, что Богъ существовалъ до міра. Бытіе Бога заключалось для него въ постоянномъ *становленіи*.

Всею предшествовала *Идея*, но съ самаго начала въ атомистической формѣ. Вступая въ противорѣчіе сама съ собой и соединяясь со своей противоположностью, она создала первый синтезъ, который, въ свою очередь, послужилъ тезой для новой антитезы и новаго синтеза; а этотъ второй синтезъ, въ свою очередь, сталъ отправной точкой для новой тріады и т. д. Развивающаяся такимъ образомъ автоматически *Идея*, получая внѣшнее выраженіе, порождаетъ міръ по своему подобию.

Жоресъ не заходитъ такъ далеко. Онъ пользуется методомъ Платона, который, располагая идеи въ іерархическомъ порядкѣ, восхо-

дѣть къ вышней идеѣ абсолютнаго блага. Жоресъ анализируетъ и классифицируетъ идеи справедливости и братства, которыми обладаемъ мы, цивилизованные люди, и приходитъ не къ абсолютной идеѣ справедливости и братства, но къ ея минимальному выраженію, которое онъ влагаетъ въ умъ дикаря, гдѣ эта идея пребываетъ какъ бы въ спящемъ состояніи. Но, какъ только она начинаетъ сознавать самое себя, она вступаетъ въ противорѣчіе съ внѣшнимъ міромъ и борется съ нимъ до тѣхъ поръ, пока не найдетъ разрѣшенія противорѣчія. Такимъ образомъ исторія является непрерывнымъ рядомъ столкновеній, всегда заканчивающихся побѣдой идеи справедливости.

Первое мое возраженіе противъ теоріи Жореса таково: она не въ состояніи разрѣшить проблему существованія и развитія всей вселенной, ибо не идея же справедливости и братства руководила эволюціей организмовъ растительнаго и животнаго царства. А философія въ настоящее время должна охватить именно всю вселенную.

Затѣмъ я ставлю Жоресу вопросъ: зачѣмъ останавливаться на умѣ дикаря? Почему не спуститься еще на одну ступень и не искать идею въ умѣ животныхъ? У овчарки или сторожевой собаки мы встрѣчаемъ ясно выраженное чувство долга и способность сознавать свою вину. Жоресъ, быть можетъ, возразитъ мнѣ, что эта идея долга не свойственна самой собакѣ, а привита ея уму человѣкомъ. Но, вѣдь, и дикія животныя, живущія стадами или стаями, какъ, напр., буйволы или вороны, также проявляютъ чувство долга. Самцы буйволовъ даютъ себя убить, чтобы защитить самокъ и дѣтенышей стада; а вороны, поставленные часовыми, внимательно наблюдаютъ окрестность и предупреждаютъ объ опасности товарищей, которые спокойно клюютъ зерна, посеянные земледѣльцемъ.

Такимъ образомъ у животныхъ можно найти въ довольно развитомъ видѣ тѣ же идеи, которыя, по теоріи Жореса, бессознательно дремлютъ въ умѣ дикаря. Но что заставляетъ насъ останавливаться на животныхъ, почему не искать «идею» также и въ аморфной протоплазмѣ, изъ которой вырабатывается клѣтка, эта отправная точка органическаго ряда, вънѣшнѣмъ котораго является человѣкъ?

Далѣе я дѣлаю Жоресу еще слѣдующее возраженіе: зачѣмъ ограничиваться отысканіемъ происхожденія моральныхъ идей, почему не заняться также изслѣдованіемъ происхожденія научныхъ идей? Почему не спросить себя, не дремлетъ ли въ бессознательномъ состояніи въ безголовой устрицѣ атомистическая теорія, которая суще-

ествуесть лишь въ умахъ нѣсколькихъ тысячъ химиковъ? Почему не стать, вмѣстѣ съ матеріалистами, на ту точку зрѣнія, что «все должно существовать во всемъ», такъ какъ мысль въ конечномъ счетѣ, вѣдь, не что иное, какъ физико-химическое явленіе, какъ особая форма движенія? Но все это не можетъ объяснить намъ зарожденія идей въ человѣческомъ мозгу.

Жоресъ говоритъ, что зрѣніе и слухъ суть высшія чувства, такъ какъ одаренныя ими животныя могутъ наслаждаться гармоніей звуковъ и сіяніемъ солнца. Эти чувства онъ поставилъ выше руки, которая, со своимъ большимъ пальцемъ, выдѣленнымъ изъ ряда остальныхъ пальцевъ, является характернѣйшимъ органомъ обезьяны и человѣка. Рука создала человѣка. Но если даже мы укажемъ Жоресу еще на то, что зрѣніе и слухъ въ конечномъ счетѣ являются лишь локализацией и спеціализацией чувства осязанія, что животныя, лишенные глазъ, чувствительны къ свѣту всей своей кожной поверхностью, и что даже растительныя клітки производятъ хлорофиллъ только благодаря дѣйствію солнца,—мы все же не объяснимъ всѣмъ этимъ образованія и развитія органовъ чувствъ.

Какъ видите, дебаты между Жоресомъ и марксистами обращаются въ споръ о происхожденіи и развитіи идей. Этотъ вопросъ уже занималъ и будетъ еще занимать много философскихъ умовъ.

Декартъ полагалъ, что мы рождаемся, одаренные врожденными идеями *общаго, причины, дѣйствія* и т. д. Напротивъ, Локкъ, Кондильякъ, а позже сенсуалисты держались того взгляда, что *все, что находится въ интеллектѣ, прежде находилось въ чувствахъ*. Интеллектъ, говорилъ Дидро, есть *tabula rasa* (чистая доска), на которую заносятся внѣшнія впечатлѣнія.

Уже греки, съ которыми мы сталкиваемся при входѣ въ царство мысли, возбудили вопросъ о происхожденіи идей. Платонъ полагалъ, что наши идеи о справедливости являются воспоминаніемъ объ идеѣ абсолютнаго блага. Архелай, учитель Сократа, напротивъ, говорилъ, что законы страны, въ которой живешь, являются источникомъ моральныхъ идей. Въ дѣйствительности, можно констатировать, что люди съ самой чувствительной совѣстью прекрасно уживались съ рабствомъ—повсюду, гдѣ оно признавалось закономъ.

Марксисты возвращаются къ теоріи Локка и Архелая съ тѣмъ, однако, добавленіемъ, что, если цивилизованному человѣку и невозможно точно опредѣлить моментъ, когда онъ приобрѣлъ извѣстныя идеи, то отсюда не слѣдуетъ, что онъ упалъ къ нему съ неба; нѣтъ, онъ были приобрѣтены опытомъ нашихъ предковъ, отъ которыхъ

мы въ длинномъ рядѣ поколѣній унаслѣдовали такія богатія «природныя способности», что нѣкоторыя идеи мы приобретаемъ, видимо, безъ всякаго опыта, и потому онѣ кажутся намъ врожденными.

2.

Человѣкъ и животныя способны мыслить лишь потому, что имѣютъ мозгъ. Мозгъ перерабатываетъ воспріятія въ идеи, подобно тому, какъ динамо-машина превращаетъ сообщенное ей движеніе въ электричество. Мозгъ и другіе органы вырабатываетъ природа, или—чтобы не употреблять выраженія, которое способно идеализировать «природу» въ метафизическую сущность, какъ это дѣлали философы XVIII в.—*естественная среда*; я намѣренно говорю: «и другіе органы», такъ какъ идеалисты отдѣляютъ мозгъ отъ другихъ органовъ и подчиняютъ его дѣятельность, т. е. мышленіе, причинамъ, смахивающимъ на колдовство, точно такимъ же образомъ, какъ спиритуалисты выдѣляютъ человѣка изъ животнаго царства и изображаютъ его чудеснымъ существомъ, для котораго Богъ сошелъ на землю..

Естественная среда, создавшая мозгъ и другіе органы человѣка, развила ихъ до такой степени совершенства, что они способны къ самымъ необыкновеннымъ и поразительнымъ приспособленіямъ. Такъ, чернокожіе, которыхъ цивилизованные христіане въ теченіе многихъ вѣковъ похищали на берегахъ Африки и продавали въ рабство въ колоніи, были варварами и дикарями, отставшими на сотни и тысячи лѣтъ отъ культуры цивилизованныхъ народовъ, и тѣмъ не менѣе въ очень короткій срокъ они усваивали ихъ ремесла и переходили къ ихъ роду занятій.

Иезуиты въ Парагваѣ продѣлали соціальный опытъ, самый замѣчательный изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, который для насъ, социалистовъ, имѣетъ огромное значеніе, такъ какъ онъ наглядно показываетъ, съ какой необычайной быстротой развивается народъ, лишь только его перемѣщаютъ въ новую соціальную среду. Иезуиты, эти несравненные воспитатели и умные эксплуататоры труда, образовали изъ дикарей просвѣщенный народъ въ 150.000 человѣкъ.

Гуарани, которыхъ они поселили на парагвайскихъ *rueblos*, бродили голыми по лѣсамъ; оружіемъ ихъ служили лишь лукъ да деревянная палица; будучи знакомы только съ самымъ примитивнымъ земледѣліемъ, они воздѣлывали одинъ только маисъ. Умъ ихъ былъ такъ мало развитъ, что они умѣли считать лишь до двадцати,

да и то по пальцамъ: одинъ палецъ означалъ одинъ, два пальца—два, рука означала пять, одна рука и одинъ палецъ другой руки—шесть, обѣ руки—десять, обѣ руки и одинъ палецъ ноги—одиннадцать, обѣ руки и одна нога—пятнадцать, обѣ руки и обѣ ноги вмѣстѣ—двадцать. Стоящіе на низшей ступени развитія дикари всегда считаютъ по пальцамъ рукъ и ногъ. Такимъ образомъ число, эта отвлеченнѣйшая идея изъ всѣхъ существующихъ въ умѣ чело-вѣка, первоначально, въ умѣ дикаря, являлась отраженіемъ материальнаго объекта. Когда мы говоримъ или мыслимъ: 1, 2, 5, 10 мы не видимъ передъ собой никакого объекта, дикарь же представляетъ себѣ при этомъ палецъ, два пальца, руку, двѣ руки ¹⁾. Насколько это вѣрно, видно изъ того, что римскія цифры, употреблявшіяся такъ долго цивилизованными народами—до введенія арабскихъ цифирь,—были какъ бы срисованы съ руки: I—это одинъ палецъ, II—два пальца, V—рука, три среднихъ пальца, которой загнуты, а большой палецъ и мизинецъ выпрямлены, X—это два V или двѣ противопоставленныхъ руки.

Іезуиты сдѣлали изъ парагвайскихъ дикарей искусныхъ рабочихъ, способныхъ выполнять самыя сложныя работы. Вотъ что говорить о нихъ Шарлевуа:

«Индійцы въ миссіяхъ обладаютъ удивительнымъ даромъ подражанія. Достаточно, напримѣръ, показать имъ крестъ, подсвѣчникъ, вадило, чтобы они тотчасъ воспроизвели ихъ, причемъ ихъ работу трудно отличить отъ модели. Свои музыкальные инструменты, самыя сложные органы они выдѣлываютъ, лишь однявъ разъ осмотрѣвъ модель; равнымъ образомъ глобусы, ковры на подобіе турецкихъ и самыя сложные продукты ткацкой промышленности» ²⁾.

Естествоиспытатель д'Орбиньи, посѣтившій въ 1832 г. парагвайскіе *rueblos*, пришедшіе въ упадокъ и разореніе послѣ изгнанія іезуитовъ, былъ пораженъ при видѣ церквей, выстроенныхъ этими дикарями и украшенныхъ живописью и скульптурой.

Всѣ эти ремесла и искусства, такъ же какъ и соотвѣтствующія имъ идеи, разумѣется, не были прирожденными рукъ и головъ дикахъ гуарани: они были вложены въ нихъ подобно тому, какъ арія Верди можетъ быть вложена въ шарманку. Благодаря воспитанію, полученному отъ іезуитовъ, они стали способны перенимать у цивилизованныхъ народовъ самыя разнообразныя и сложныя ре-

¹⁾ Больше чѣмъ вѣроятно, что и у цивилизованныхъ народовъ маленькія дѣти при счетѣ всегда представляютъ себѣ матеріальные предметы.

²⁾ Xavier du Charlevoix. Histoire du Paraguay. Paris 1757.

меса, какъ и связанныя съ ними идеи. Здѣсь передъ нами примѣръ непосредственнаго вліянія человѣка на человѣка. Но развѣ у человѣческихъ органовъ и мозга нѣтъ другихъ средствъ къ совершенствованію, кромѣ вліянія человѣка на человѣка? Развѣ явленія естественной и социальной среды, развѣ опытъ не развиваютъ техническихъ способностей человѣка, не измѣняетъ его мыслей?

Идея *справедливости*, которая, по мнѣнію Жореса, въ безсознательномъ состояніи дремлетъ въ головѣ дикаря, проникла въ человѣческій мозгъ лишь послѣ возникновенія частной собственности.

Дикари не имѣютъ никакого понятія о справедливости, у нихъ нѣтъ даже слова для обозначенія этой идеи; въ лучшемъ случаѣ они знаютъ лишь законъ возмездія—ударъ за ударъ, око за око,—который въ сущности есть не что иное, какъ преобразованное рефлексивное движеніе, заставляющее наше вѣко мигать всякій разъ, когда какой-либо предметъ угрожаетъ глазу, заставляющее наши мускулы сокращаться при всякомъ ударѣ. Даже варвары, живущіе въ высоко развитой, но коммунистической социальной средѣ, гдѣ частная собственность, слѣдовательно, еще только нарождается,—даже варвары обладаютъ лишь крайне неопредѣленной и смутной идеей справедливости. Въ подтвержденіе этого факта я сошлюсь на мнѣніе Мэна, философскій авторитетъ котораго, надѣюсь, не станетъ оспаривать Жоресъ.

«Съ юридической точки зрѣнія, говоритъ Мэнъ, въ индійской деревнѣ не существуетъ ни *права*, ни *долга*. Лицо, понесшее ущербъ, жалуется не на ему лично причиненную несправедливость, а на нарушеніе порядка, установленнаго въ маленькомъ обществѣ. Болѣе того, обычное право не имѣетъ принудительной силы. Въ немыслимомъ случаѣ неповиновенія рѣшенію деревенскаго совѣта единственнымъ наказаніемъ могло бы, повидимому, быть лишь общее порицаніе» ¹⁾.

Локкъ, пользовавшійся подобно философамъ XVII и XVIII вв. дедуктивнымъ методомъ геометріи, пришелъ къ выводу, что частная собственность породила идею справедливости. Въ своемъ «Опытѣ о человѣческомъ разумѣ» онъ дословно говоритъ слѣдующее: «Положеніе, что тамъ, гдѣ нѣтъ собственности, нѣтъ и несправедливости, такъ же вѣрно, какъ любая теорема Эвклида: ибо идея собственности заключаетъ въ себѣ право на вещь, а идея, которой соответствуетъ слово «несправедливость», означаетъ нарушеніе этого права».

¹⁾ Н. S. Maine. Village communities in the East and West. Рус. пер.: Мэн Г. Деревенскіе общины на Востоке и Западе. Изд. 2. М.: Красанд/URSS, 2010.

Но если идея справедливости, какъ полагалъ Локкъ, могла появиться лишь послѣ возникновенія частной собственности, какъ ея дѣтище, то идея воровства, или скорѣе произвольнаго стремленія къ завладѣнію тѣмъ, въ чемъ нуждаешься или чего желаешь, напротивъ, была уже сильно развита до возникновенія частной собственности. Дикари и коммунистическіе варвары ведутъ себя по отношенію къ матеріальнымъ благамъ такъ же, какъ наши ученые и писатели по отношенію къ духовнымъ: они, по выраженію Мольера, берутъ свое добро повсюду, гдѣ находятъ его. Эта естественная привычка становится кражей, преступленіемъ, какъ только коммунистическая собственность замѣняется частной.

Коммунистическая собственность породила въ головахъ дикарей и варваровъ идеи и чувства, которыя покажутся весьма странными христіанской буржуазіи, этому печальному продукту частной собственности.

Геккенвельдеръ, моравскій миссіонеръ, прожившій въ XVIII в. пятнадцать лѣтъ среди дикарей Сѣв. Америки, которые тогда еще не были развращены христіанствомъ и буржуазной цивилизаціей, говорить:

«Индѣйцы вѣрятъ, что Великій Духъ создалъ міръ и все, въ немъ находящееся, для общаго блага людей; населивъ землю и наполнивъ лѣса дичью, онъ одѣлалъ это не блага немногихъ, а для блага всѣхъ. Все дано сообща всѣмъ людямъ. Все, что дышетъ на землѣ и растетъ на поляхъ, все, что живетъ въ рѣкахъ и водахъ, принадлежитъ на равныхъ началахъ всѣмъ, и каждый имѣетъ право на свою долю.

«Гостепріимство считается у нихъ не добродѣтелью, а обязанностью. Они скорѣе легли бы спать голодными, чѣмъ согласились бы быть обвиненными въ пренебреженіи своей обязанностью удовлетворять потребности чужеземца, больного, нуждающагося, такъ какъ послѣдніе имѣютъ одинаковое со всѣми право на поддержку изъ общихъ запасовъ, такъ какъ дичь, которой ихъ накормятъ, если она взята въ лѣсу, была собственностью всѣхъ, прежде чѣмъ ее убилъ охотникъ, а овощи и майсъ, предложенные имъ, выросли на общей землѣ».

Точно такъ же и іезуитъ Шарлевуа, жившій тоже среди дикарей, не воспитанныхъ еще въ добродѣтеляхъ христіанской и собственностической морали, говорить въ своей «Histoire de la Nouvelle France»:

«Братскій духъ краснокожихъ, безъ сомнѣнія, объясняется от-

части тѣмъ, что ледяныя, по выраженію Іоанна Златоуста, слова: *мой* и *твой* еще не извѣстны дикарямъ. Ихъ заботы и попеченія о вдовахъ, сиротахъ и больныхъ, ихъ столь поразительное гостепріимство являются лишь слѣдствіемъ ихъ убѣжденія, что все должно принадлежать сообща всѣмъ людямъ».

Частная собственность, создавъ различіе между *моимъ* и *твоимъ*, не только вызвала въ человѣческомъ мозгу идею справедливости, но и внушила также его сердцу цѣлый рядъ чувствъ, пустившихъ столь глубокіе корни, что они кажутся намъ прирожденными. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что человѣкъ не знаетъ ни равенства, ни отцовской любви, пока онъ живетъ въ коммунистическомъ обществѣ. Какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ тамъ господствуетъ многобрачіе: женщина беретъ себѣ столько мужей, сколько ей угодно, мужчина—столько, сколько можетъ. И однако путешественники рассказываютъ намъ, что эти люди живутъ въ большемъ довольствѣ и согласіи, чѣмъ члены скучной и эгоистической моногамной семьи. Но вмѣстѣ съ возникновеніемъ и упроченіемъ частной собственности мужчина начинаетъ покупать себѣ жену, чтобы тѣмъ обезпечить себѣ исключительное наслажденіе своей приплодной самкой. Ревность, въ сущности, не что иное, какъ видоизмѣненное чувство собственности.

А отецъ начинаетъ заботиться о своемъ ребенкѣ лишь съ того момента, какъ онъ можетъ оставить ему въ наслѣдство свою частную собственность.

Идеи справедливости, которыми наполнена голова цивилизованнаго человѣка и которыя основаны на противоположности понятій: *мое* и *твое*, исчезнуть какъ призракъ, лишь только на мѣсто частной собственности станетъ собственность общественная.

Жоресъ утверждаетъ, что идеи братства и справедливости, вступая въ противорѣчіе съ соціальной средой, толкаютъ человѣчество по пути прогресса. Но будь это такъ, тогда бы вообще не могло быть рѣчи объ исторической эволюціи, такъ какъ человѣкъ никогда не переступилъ бы первобытной коммунистической ступени, на которой не существовало и не могло существовать идеи справедливости, и на которой чувства братства могли проявляться болѣе свободно, чѣмъ на какой бы то ни было другой ступени общественнаго развитія.—Въ дѣйствительности идея справедливости, вмѣсто того, чтобы вступать въ противорѣчіе съ явленіями данной соціальной среды, напротивъ, приспосабливается къ нимъ.

Идеалисты, особенно же позитивистски настроенные, утверждают, что идеи справедливости и морали непрерывно прогрессируют. Эта теория очень приходится по сердцу господамъ капиталистамъ, считающимъ дѣломъ высокой добродѣтели все плутни, которыя они практикуютъ въ промышленности и торговлѣ. Но не такъ-то легко доказать прогрессивное развитіе справедливости и морали, столь любезное сердцу Огюста Конта, Герберта Спенсера и другихъ глубокомысленныхъ буржуазныхъ философовъ, отличающихся такой же схоластической близорукостью.

Многочисленные факты противорѣчатъ этой пріятной теоріи. Въ обществахъ, не основанныхъ на товарномъ производствѣ, гдѣ при помощи рабскаго труда создаются продукты не на продажу, а для домашняго потребленія, занятіе торговлей считается чѣмъ-то весьма презрѣннымъ. «Можетъ ли выйти что-нибудь порядочное изъ лавки?»—говорилъ Цицеронъ. Въ такихъ обществахъ только презираемые и презрѣнные люди торгуютъ деньгами. Давать деньги на проценты равносильно кражѣ, осуждаемой моралью и религіей. Самъ Іегова запретилъ евреямъ отдавать деньги въ ростъ, позволивъ это только по отношенію къ чужеземцу — врагу избраннаго народа. Католическая церковь, въ настоящее время радикально измѣнившая свой взглядъ на этотъ предметъ, когда-то провозглашала анаѣму денежному проценту. Но эта мораль обратилась въ свою противоположность, лишь только буржуазія стала господствующимъ классомъ. Отдаваніе денегъ въ ростъ получаетъ санкцію святаго дѣла. Одинъ изъ первыхъ законовъ послѣ революціи 1789 г. провозглашаетъ законность процента, который раньше былъ лишь терпимъ. Гроссбухъ государственнаго долга становится золотой книгой, библіей буржуазіи. Профессія ростовщика, банкира становится почтенной и почитаемой; жизнь съ рентъ, т.-е. съ денежныхъ процентовъ, становится предметомъ высшаго стремленія всѣхъ членовъ буржуазнаго общества.

Итакъ, процентная ссуда стала высшей формой морали, если даже не наивысшей, согласно Конту, Спенсеру и другимъ почитателямъ «совершенствующагося совершенствованія» справедливости и морали. Нѣтъ ничего удивительнаго, что банкилисты, торгующіе деньгами, раздѣляютъ въ этомъ вопросѣ мнѣніе своихъ поразительно поверхностныхъ лейбъ-философовъ. Но мы, социалисты, желающіе уничтожить капиталистическую эксплуатацію, безусловно должны признать, что феодальные сеньеры и древніе греко-римскіе патриціи имѣли

болѣе возвышенное представленіе о морали, когда они смотрѣли на ростовщиковъ, какъ на воровъ.

Если справедливость и мораль не прогрессируютъ, то все же онѣ измѣняются отъ одной исторической эпохи къ другой, приспособляясь къ потребностямъ и интересамъ господствующаго класса. «Что иное показываетъ исторія идей,—говорятъ Марксъ и Энгельсъ въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» 1847 г.,—какъ не то, что духовное производство преобразуется вмѣстѣ съ матеріальнымъ? Господствующія идеи какой-нибудь эпохи всегда были только идеями господствующаго класса».

Справедливость и мораль, соответствующія интересамъ и потребностямъ господствующаго класса, навязываются имъ угнетенному классу, который въ концѣ концовъ принимаетъ ихъ, хотя онѣ стоятъ въ противорѣчій съ его собственными потребностями и интересами.

Кто изъ насъ не слыхалъ, какъ рабочіе говорятъ: «Вѣдь и предприниматель долженъ получать прибыль съ своего капитала». Такъ думаютъ всѣ работники—какъ физическаго, такъ и умственнаго труда. Рабочій, жертва прибыли, признаетъ ея законность и освящаетъ капиталистическую эксплоатацію, которая ежедневно похищаетъ у него часть созданной имъ цѣнности.

Угнетенный классъ вначалѣ формулируетъ свои требованія не во имя болѣе высокой справедливости и морали, а исходя изъ господствующихъ воззрѣній. Онъ требуетъ лишь такихъ правъ, какія за нимъ признаетъ господствующая справедливость, приспособленная къ интересамъ класса угнетателей. Приведу одинъ историческій примѣръ.

Говорятъ, что въ воинственныхъ обществахъ трудъ презирается; это не вполнѣ вѣрно.

Герои Иліады пасли свои стада и воздѣлывали свои поля; они часто гордятся тѣмъ, что могутъ провести совершенно прямую борозду. Римскіе патриціи и греческіе эвпатриды откладывали въ сторону мечъ и щитъ и брались за плугъ. Феодалыне сеньеры среднихъ вѣковъ начинали свое рыцарское обученіе, прислуживая въ качествѣ пажей и лакеевъ въ какой-нибудь знатной семьѣ. Въ эти эпохи презирался не трудъ, а продажа рабочей силы. Человѣкъ, продававшій свою рабочую силу и получавшій за это плату, низводилъ себя тѣмъ самымъ до положенія раба: онъ продавалъ себя подобно рабу и терялъ достоинство свободного человѣка. Но въ современномъ капиталистическомъ обществѣ такая продажа своей

рабочей силы совершается свободными людьми изо дня въ день. Пролетаріи физическаго и умственнаго труда имѣютъ лишь одну заботу: продавать себя, продавать свою рабочую силу, продавать свою мысль, эту святая святыхъ человѣка. Дзевксисъ дарилъ свои картины потому, какъ снѣ говорилъ, что ихъ нельзя оплатить хотя бы всѣмъ золотомъ персидскаго царя; а наши Мейсонъ продаютъ свои картины чикагскимъ свиноголовцамъ, которые, быть можетъ, украшаютъ ими стѣны своихъ клозетовъ.

Пролетарій имѣетъ и можетъ имѣть только одинъ идеалъ: возможно выгоднѣе продать свою рабочую силу. «Приличную плату за приличный рабочій день» — таковъ лозунгъ англійскихъ традъ-юніоновъ и рабочихъ всего міра. Пролетарій жалуется лишь тогда, когда онъ не можетъ продать свой трудъ по справедливой цѣнѣ. Только тогда, когда не удастся осуществить унижительную и позорную справедливость класса капиталистовъ, рабочій классъ начинаетъ думать о возмущеніи.

3.

Естественная среда до того развила способности человѣка, что онъ такъ же хорошо можетъ жить и на экваторѣ, при 40 или 50-градусной жарѣ, и возлѣ полюсовъ, гдѣ ртуть замерзаетъ; правда, этой замѣчательной способностью отличаются также крысы. Разнообразіе естественной среды раздѣлило человѣческій родъ на несхожія другъ съ другомъ расы.

Но человѣкъ, подобно муравью, бобру и другимъ животнымъ, создалъ, чтобы защитить свою жизнь, *искусственную среду*, т. е. среду, произведенную человѣческимъ искусствомъ. Эта искусственная среда продолжаетъ дѣло природы: она измѣняетъ *естественнаго* *человѣка*, совершенствуетъ одни его свойства, подавляетъ другія и создаетъ *соціального* *человѣка*; она, кромѣ того, противодействуетъ дифференцирующему вліянію естественной среды и восстанавливаетъ единство человѣческаго рода.

Подобно тому, какъ естественная среда подъ одной и той же широтой обладаетъ приблизительно одинаковой флорой и фауной, такъ и искусственная среда въ разныхъ мѣстахъ, но при одинаковомъ способѣ производства, представляетъ большое сходство въ нравахъ людей, въ ихъ семейной и политической организаціи, въ

ихъ религіозныхъ и философскихъ системахъ. Повсюду, напр., гдѣ господствуетъ капиталистическій способъ производства,—въ холодной Канадѣ и вѣнойной Италіи, даже въ недавно только цивилизованной Австраліи,—повсюду мы встрѣчаемъ парламентаризмъ—сначала на основѣ цензоваго, а затѣмъ всеобщаго избарательнаго права,—повсюду мы встрѣчаемъ моногамный строй семьи, смягченный прелюбодѣяніемъ и проституціей, деистическую и идеалистическую философію. Это сходство наблюдается не только у народовъ, слѣдовавшихъ въ продолженіе вѣковъ по одинаковому пути соціальнаго развитія, но и у націй различныхъ расъ, продѣлавшихъ свою эволюцію однимъ натискомъ, внѣ сферы европейскаго движенія. Японцы, напр., однимъ скачкомъ перешли отъ прежняго феодальнаго строя къ капиталистическому, какъ только ввели у себя механическую промышленность. Они должны были вслѣдствіе этого измѣнить свой политическій режимъ, свои законы, даже свою одежду; они уже носятъ шляпы нашего образца и, будьте увѣрены, скоро у нихъ будетъ своя Панама и свой Рувье.

Такимъ образомъ человѣкъ, при посредствѣ создаваемой имъ искусственной среды, становится творцомъ и господиномъ своей соціальной судьбы, но его дѣятельность безсознательна и противорѣчитъ его цѣлямъ. Потому что, какъ говорилъ Гегель, человѣкъ всегда приходитъ къ результату, котораго онъ не предвидѣлъ и который противорѣчитъ его намѣреніямъ. Такъ, капиталисты, чтобы увеличить богатство своего класса, ввели и распространяли крупную механическую промышленность, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что, разоряя мелкое производство, они разрушаютъ среднее сословіе, служившее буферомъ между ними и пролетаріатомъ. Въ 1848 г. національные гвардейцы стеклись со всѣхъ сторонъ въ большомъ числѣ въ Парижъ, чтобы защитить отъ «коммунистовъ» іюньскихъ дней тѣхъ самыхъ Перейровъ и Фульдовъ, которые позднѣе своими финансовыми плутнями ограбили и задушили массы мелкихъ собственниковъ, составлявшихъ ядро національной гвардіи. Зато въ 1871 г. ни одинъ національный гвардеецъ не откликнулся на многократные призывы Тьера выступить на борьбу противъ Коммуны. Потому что, пожирая мелкую буржуазію, биржевики, крупные промышленники и торговцы пожрали своихъ лучшихъ защитниковъ. Народная мудрость выразила этотъ историческій законъ въ поговоркѣ: «Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ». Въ данномъ случаѣ Богомъ является способъ производства.

Человѣчество ведетъ впередъ экономическая необходимость, а не сознательная или бессознательная идея справедливости. Нагляднѣе всего это показываетъ исторія рабства.

Если вѣрить идеалистамъ, на долю рабства выпало двойное счастье:—оно было введено изъ человѣколюбія и изъ человѣколюбія же уничтожено. По мнѣнію идеалистовъ, человѣкъ пересталъ лакомиться мясомъ себѣ подобныхъ съ того момента, какъ любовь къ ближнему просвѣтила его сердце.

Въ дѣйствительности, однако, прекращеніе антропофагіи слѣдуетъ приписать лишь экономическимъ причинамъ и вліянію женщины. Первоначально все племя—мужчины, женщины и дѣти—принимали участіе въ трапезахъ изъ человѣческаго мяса; сѣдали какого нибудь стараго родственника, чтобы освободить его отъ заботъ старости и борьбы за существованіе, вдвойнѣ тягостной для того, кто потерялъ силу и эластичность мускуловъ. Но, когда пребываніе въ богатыхъ дичью и рыбой мѣстностяхъ, разведеніе скота и обработка земли создали возможность прокормленія стариковъ, имъ давали умирать естественной смертію. Продолжали однако пожирать трупы враговъ, убитыхъ въ сраженіи, а также военнопленныхъ; въ этихъ пирахъ участвовали уже только воины—женщины были исключены. И вотъ, безъ сомнѣнія, изъ зависти женщины стали проявлять отвращеніе къ человѣческому мясу и стали также относиться съ отвращеніемъ къ мужчинамъ, принимавшимъ участіе въ этихъ каннибальскихъ пирахъ. Въ концѣ концовъ вліяніе женщины привело къ тому, что пиршества эти были уничтожены и сохранены лишь въ качествѣ религіозной церемоніи.

Рабство возникло и установилось лишь тогда, когда земледѣліе и промышленность развились настолько, что человѣкъ могъ своимъ трудомъ не только поддерживать свое существованіе, но и производить еще нѣкоторый излишекъ, которымъ и могъ завладѣть другой человѣкъ.

Когда дикія и варварскія племена значительно порѣдѣли отъ междоусобицъ войнъ, они стали принимать въ свою среду военнопленныхъ для пополненія рядовъ своихъ воиновъ; теперь они стали принимать ихъ, чтобы заставить работать на себя. Этотъ пріемъ раба въ качествѣ члена племени сохранился даже у цивилизованныхъ народовъ. У грековъ и римлянъ рабы торжественно принимались въ семью послѣ религіозной церемоніи у семейнаго алтаря. Рабъ даже далъ свое имя семьѣ: слово фамилія (семья) происходитъ отъ древ-

няго оскійскаго слова «famel», которое означаетъ «рабъ». Патріархальная семья, дѣйствительно, основана на рабствѣ—на работѣ женщины.

Вначалѣ рабство носило мягкій характеръ: на раба смотрять, какъ на товарища, почти какъ на друга. Адзаръ, который, въ качествѣ комиссара для разграниченія португальскихъ и испанскихъ владѣній, прожилъ десять лѣтъ среди дикихъ племенъ Бразиліи и Парагвая, имѣлъ случай наблюдать рабство въ его первичной формѣ. «М'байа (самое воинственное племя Парагвая) пользуются,—пишетъ онъ,—гуарани въ качествѣ слугъ и для обработки земли. Правда, это рабство очень мягкаго характера, и гуарани охотно подчиняются ему. Хозяева задаютъ мало работы, никогда не употребляютъ повелительнаго тона, дѣлятся всею со своими рабами, даже плотскими удовольствіями. Я видѣлъ одного М'байа, который дрожалъ отъ холода, но все-таки не отнималъ у своего гуарани одѣяла, которое тотъ взялъ у него, чтобы укрыться; М'байа даже не показывалъ виду, что ему хотѣлось бы самому укрыться своимъ одѣяломъ»¹⁾).

Рабство въ томъ видѣ, какъ его рисуетъ намъ Одиссея, хотя и обнаруживаетъ еще дружескія отношенія между господиномъ и рабомъ, потеряло уже однако оной первоначальный человѣчный характеръ. И по мѣрѣ того, какъ цивилизація прогрессируетъ, какъ философія просвѣщаетъ людей, какъ справедливость регулируетъ права свободныхъ гражданъ, а мораль прикрашиваетъ ихъ пороки своими предписаніями,—рабство становится все болѣе безчеловѣчнымъ; и въ эпоху высшаго расцвѣта Аѳинъ и Рима оно стало невыносимымъ.

Однако, даже самые идеалистическіе философы не возставали противъ рабства. Платонъ сохраняетъ институтъ рабства въ своей утопической республикѣ, а Аристотель полагалъ, что природа напередъ назначила нѣкоторыхъ людей къ рабству. Богъ іудеевъ и христіанъ обрекъ на рабство потомковъ Хама. Но чего не предчувствовалъ Іегова, то предвидѣлъ греческій мыслитель: уничтоженіе рабства, когда машины будутъ сами приводиться въ движеніе и, подобно треножникамъ Вулкана, сами собой выполнять свою священную работу.

Христіанское духовенство самодовольно замѣляетъ, что хри-

¹⁾ Don Felix de Azara. „Voyage dans l'Amérique méridionale de 1781—1801“.

стіанство вызвало отмѣну рабства. На самомъ же дѣлѣ именно христіанство ввело рабство въ Америкѣ и способствовало его сохраненію въ Старомъ Свѣтѣ. Святой Павелъ отсылалъ бѣжавшихъ рабовъ обратно къ ихъ господамъ и, подобно св. Петру, св. Августину и всѣмъ прочимъ святымъ первыхъ вѣковъ христіанства, проповѣдывалъ рабамъ, что только повиновеніемъ и вѣрной службой земнымъ господамъ они могутъ заслужить милость небеснаго господина.

Ни философы, ни христіанство никогда и не думали бороться противъ рабства. Но оно само исчезло, лишь только усовершенствованіе орудій производства достигло той ступени, на которой рабскій трудъ оказался отсталой и убыточной формой эксплуатаціи человѣка. Чтобы доказать это, достаточно сопоставить наемный трудъ съ рабствомъ. Рабовладѣлецъ долженъ былъ покупать своего раба и нести всѣ убытки, въ случаѣ его болѣзни или смерти; онъ долженъ былъ кормить его и во время болѣзни, и въ нерабочіе дни; онъ долженъ былъ заботиться и о его пропитаніи въ старости, такъ какъ не могъ убить его, какъ собаку.

Капиталистъ свободенъ отъ всѣхъ этихъ заботъ и обязанностей. Безъ всякихъ матеріальныхъ жертвъ онъ можетъ достать для себя сколько захочетъ рабочихъ. Наемная плата рабочаго приблизительно соотвѣтствуетъ стоимости содержанія вьючнаго животнаго у рабовладѣльца. Парижскимъ компаніямъ омнибусовъ содержаніе каждой лошади обходится дороже, чѣмъ содержаніе каждого кондуктора, и ихъ четвероногіе рабы работаютъ на половину меньше, чѣмъ ихъ свободные наемные рабы.

И только соображеніями экономическаго расчета, а не сентиментально-идеалистическими фантазіями объясняется тотъ фактъ, что капиталисты, безпощадно и въ самыхъ ужасныхъ формахъ эксплуатирующіе своихъ свободныхъ рабочихъ и работницъ, выступали, какъ воодушевленные борцы за отмѣну рабства.

Не только господствующій классъ, но и классъ угнетенный, считалъ рабство, одобренное справедливостью и моралью, божественнымъ и естественнымъ институтомъ. Несчастные рабы античнаго общества не предвидѣли даже возможности уничтоженія рабства; рабство заглушило въ нихъ всякое чувство возмущенія, подобно тому, какъ оно воспрепятствовало всякому развитію идеи справедливости въ умѣ господъ. Такъ, напр., во время сѣверо-американской войны за освобожденіе негровъ нельзя было набрать достаточно

чернокожихъ для сформированія полка противъ ихъ угнетателей— рабовладѣльцевъ.

Не то мы видимъ въ средніе вѣка. Феодалное дворянство могло распространить свое господство на всю страну лишь путемъ непрестанной борьбы: ему приходилось подавлять одно возстаніе за другимъ и затоплять въ крови стремленіе крестьянъ, жившихъ въ коммунистическихъ деревняхъ, къ равенству и независимости. Встрѣчается ли что-нибудь болѣе гордое, чѣмъ крикъ возмущенія, раздавшійся изъ устъ крестьянина десятого столѣтія:

«Господа причиняютъ намъ только зло. Они всѣмъ владѣютъ, все слѣдаютъ, а насъ оставляютъ прозябать въ нищетѣ и страданіяхъ... Почему намъ позволять такъ съ нами обращаться? Вѣдь мы такіе же люди, какъ они, у насъ такіе же члены, такой же образъ, такая же чувствительность къ боли,—и насъ сотни противъ одного... Вооружимся противъ рыцарей, будемъ держаться дружно, и ни одинъ человѣкъ не сможетъ поработить насъ. Тогда никто не сможетъ запретить намъ рубить деревья и гонять дичь въ лѣсахъ, ловить рыбу въ рѣкахъ,—и надъ лѣсами, лугами и водами будетъ царить только наша воля» ¹⁾).

Крестьянамъ не приходилось дожидаться буржуазіи 1789 г., чтобы проявить стремленіе къ равенству. Но что могли подѣлать бѣдные крестьяне, одѣтые въ шкуры и самодѣльные плащи, вооруженные дубинами и косами, противъ закованныхъ въ латы средне-вѣковыхъ рыцарей? Повсюду—во Франціи, Англіи и Германіи—они были разбиты и подверглись самой звѣрской расправѣ, многихъ замучили до смерти,—и все это дѣлалось съ одобренія и при дѣятельной поддержкѣ духовенства и буржуазіи. Герой буржуазіи Этьенъ Марсель, статую котораго либеральные и радикальные республиканцы поставили противъ парижской ратуши, сначала воспользовался для своихъ собственныхъ плановъ возставшими крестьянами, а затѣмъ измѣннически предалъ ихъ въ руки Карла Злого.

Но вотъ въ лабораторіи алхимиковъ былъ изобрѣтенъ порохъ и, переступивъ порогъ лабораторіи, перешелъ въ область промышленности. Порохъ возстановилъ равенство на полѣ битвы и поставилъ рыцарству смертный приговоръ; но, освободивъ Европу отъ феодальныхъ сеньёровъ, онъ породилъ новыя цѣпи—постоянныя арміи.

¹⁾ Le Roman de Ren. Полагаютъ, что книга эта относится къ XI или X в.

Буржуазія питаетъ отвращеніе къ милитаризму и рыцарямъ сабли, и, будучи одушевлена благороднымъ стремленіемъ эксплуатировать всѣхъ людей безъ различія національностей, она провозгласила братство всѣхъ народовъ и объявила, что при ея социальномъ господствѣ на землѣ будетъ царствовать миръ и торговля. Чтобы осуществить это царство мира, великіе умы европейской буржуазіи основали «*Международную Лигу Мира*», которая устраиваетъ международные конгрессы и посылаетъ ко всѣмъ ограниченнымъ и неограниченнымъ монархамъ делегаціи съ цѣлью краснорѣчиво описать имъ всѣ ужасы войны и испугать ихъ перечисленіемъ колоссальныхъ суммъ, поглощаемыхъ содержаніемъ постоянного войска. Эти апостолы справедливости и мира пришли, наконецъ, въ отчаяніе, когда убѣдились что въ Европѣ численность постоянныхъ армій все возрастаетъ, что войны становятся все болѣе кровопролитными. Тогда они рѣшили перекостюмироваться въ горячихъ патріотовъ, которые несутъ смерть всѣмъ врагамъ «отечества»; и если они въ настоящее время не призываютъ къ поголовному взаимному истребленію народовъ съ такимъ же пыломъ, съ какимъ они раньше проповѣдывали всеобщее братство народовъ, то это происходитъ исключительно изъ страха: всеобщая воинская повинность сдѣлала и дѣтей буржуазіи пушечнымъ мясомъ.

Можно съ легкимъ сердцемъ, подобно Оливье, снаряжать авантюристскія экспедиціи, можно вотировать колониальную экспедицію противъ дагомейскихъ амазонокъ или мадагаскарскихъ говасовъ—вѣдь, туда посылаютъ на убой только крестьянъ и рабочихъ; но въ случаѣ европейской войны самимъ господамъ буржуа пришлось бы выступить въ походъ и платиться своей шкурой, а это имъ вовсе не улыбается, особенно съ тѣхъ поръ, какъ усовершенствованныя орудія смерти и новые разрывные снаряды превращаютъ поле битвы въ исполнинскую бойню на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ, гдѣ сотни тысячъ людей гибнутъ безъ славы и безъ героизма.

За бойней послѣдовалъ бы голодъ. Въ дѣйствительности европейская война поставила бы подъ ружье всѣхъ здоровыхъ мужчинъ. Мастерскія и фабрики опустѣли бы, хлѣбъ сгнилъ бы въ корню, невоздѣлываемыя и незасѣваемые поля не дали бы жатвы. Послѣ такой войны—безразлично, на чьей сторонѣ осталась бы побѣда—населеніе воевавшихъ странъ было бы разорено, лишилось бы куска хлѣба; зато въ рукахъ рабочихъ очутилось бы оружіе. «Кто имѣ-

еть ружье, имѣть хлѣбъ», сказалъ Бланки,—и въ результатъ европейской войны получилась бы социальная революція.

Только глупцы или преступники могутъ желать европейской войны. Война стала почти невозможной въ силу развитія и постоянного усовершенствованія военныхъ орудій и въ силу привлеченія въ составъ арміи всѣхъ сколько-нибудь способныхъ мужчинъ. Наступило, казалось бы, время, когда идеаль буржуазіи можетъ быть осуществленъ, когда постоянныя арміи могутъ быть распущены.

Но экономическія отношенія, болѣе могущественныя, чѣмъ воля буржуазіи, не допускаютъ осуществленія ея идеала. Въ настоящее время сохраняютъ постоянныя арміи не для того, чтобы воевать, а для того, чтобы поддерживать промышленность и торговлю. Въ самомъ дѣлѣ, если бы во Франціи и Германіи, Италіи и Россіи захотѣли распустить арміи, то вся промышленность, обслуживающая военное дѣло, была бы разорена; на рынокъ сразу было бы выброшено 300.000—400.000 здоровыхъ работниковъ. Это вызвало бы всеобщую заминку въ дѣлахъ, безработицу, это вызвало бы социальную революцію.

Если наша буржуазія, по счастливой случайности, исповѣдывала хоть однажды разумный идеаль, къ осуществленію котораго она стремится съ тѣхъ поръ, какъ захватила въ свои руки социальное господство, то и тутъ оказалось, что экономическія силы, которыя она же сама привела въ движеніе, ставятъ непреодолимыя препятствія осуществленію ея желаній и намѣреній. Это наглядно доказываетъ буржуазія, что она не можетъ распоряжаться своею собственною судьбой, что она подчинена силамъ экономического міра.

4.

Уже цѣлыя тысячелѣтія живетъ идеаль въ умѣ человѣка. Не идеаль справедливости, а идеаль мира и счастья, идеаль общества, въ которомъ нѣтъ моего и твоего, гдѣ все принадлежитъ воимъ и гдѣ равенство и братство составляютъ единственныя узы, соединяющія людей. Въ бурные періоды исторіи смѣлые мыслители съ великой душой изображали это идеальное общество въ упоительныхъ утопіяхъ, а герои жертвовали собою для его осуществленія.

Этотъ идеаль—не произвольное изобрѣтеніе человѣческаго мозга, а воспоминаніе о томъ золотомъ вѣкѣ, о томъ земномъ рая, о которомъ говорятъ намъ религіи; это—далекое воспоминаніе объ эпохѣ первобытнаго коммунизма, прожитой человѣкомъ до воз-

викновенія частной собственности. А что люди когда-то жили въ коммунистическомъ обществѣ, доказываютъ между прочимъ сообщенія Геккенвельдера и Шарлевуа, которыхъ я выше цитировалъ.

Если римскіе плебеи и нишіе греческихъ городовъ потерпѣли неудачу въ своихъ многочисленныхъ возмущеніяхъ противъ патриціевъ и богачей, возмущеніяхъ, направленныхъ къ восстановленію общности имуществъ; если еретическія народныя секты среднихъ вѣковъ потерпѣли неудачу въ своихъ попыткахъ восстановить на землѣ равенство и братство,—то это, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, было неизбѣжно. Какъ въ эпоху упадка Греціи и Рима, такъ и въ концѣ среднихъ вѣковъ, экономическія отношенія не допускали восстановленія общности имуществъ; они дѣйствовали какъ разъ въ обратномъ направленіи, въ сторону разрушенія послѣднихъ остатковъ коммунизма и выработки элементовъ частной буржуазной собственности.

Въ нашихъ умахъ идеалъ коммунизма возродился съ новой силой, болѣе могучій, болѣе привлекательный, чѣмъ когда-либо прежде. Но этотъ идеалъ уже не смутное, инстинктивное воспоминаніе—онъ выросъ изъ нѣдръ реальности, онъ вскормленъ и вспоенъ дѣйствительною жизнью, являясь продуктомъ экономического развитія. Мы—не утописты, не мечтатели, подобно англійскимъ лоллардамъ и римскимъ плебеймъ, мы люди науки, которые не изобрѣтаютъ новыхъ общественныхъ формъ, а только оказываютъ капиталистическому обществу акушерскія услуги, когда наступаетъ часъ рожденія социалистическаго общества.

Мы—коммунисты, потому что убѣждены, что экономическія силы капиталистическаго производства въ силу естественной необходимости ведутъ общество къ коммунизму. Мы, которыхъ обвиняютъ въ разжиганіи классовыхъ антагонизмовъ, требуемъ, напротивъ, уничтоженія классовъ, такъ какъ мы убѣждены, что нѣтъ уже больше на-лицо той экономической необходимости, которая вызвала раздѣленіе людей на классъ эксплуататоровъ и классъ эксплуатируемыхъ.

Аристотель, этотъ великанъ среди мыслителей, предвидѣлъ, что, когда машины сами будутъ выполнять свою работу, свободные граждане не будутъ болѣе нуждаться въ рабахъ, создающихъ имъ возможность досуга. Мы же, социалисты, предвидимъ конецъ наемнаго труда, этой послѣдней формы рабства, такъ какъ мы знаемъ, что человѣкъ владѣетъ желѣзнымъ и стальнымъ работою—самодвижущейся машиной.

Никогда въ древности и ни въ одну историческую эпоху свободные граждане не владѣли такимъ количествомъ рабовъ, какъ мы.

Въ доказательство приведу нѣсколько цифръ изъ «Статистическаго Ежегодника», опубликованнаго въ 1890 году министерствомъ торговли во Франціи.

Въ 1887 г. число паровыхъ машинъ во Франціи (въ промышленности и земледѣліи, въ сухопутномъ и морскомъ транспортѣ) достигало 135.748 и составляло 9 милліоновъ лошадиныхъ силъ. По расчету Главнаго правленія рудниковъ каждая лошадиная сила равна силѣ 21 рабочаго. Слѣдовательно, эти 9 милліоновъ лошадиныхъ силъ представляютъ рабочую силу 189 милліоновъ рабовъ.

По переписи 1886 г. Франція имѣетъ 39 милліоновъ жителей, такъ что на каждого француза приходится 4,8 раба или на каждого отца семьи изъ 5 человѣкъ—24 желѣзныхъ раба.

Работа этихъ 189 милліоновъ желѣзныхъ рабовъ, монополизироваемая въ свою пользу однимъ классомъ, неспособнымъ руководить ею, создаетъ, посреди сказочнаго избытка, ужасающую нищету производителей.

Когда средства производства будутъ вырваны изъ праздныхъ и безсильныхъ рукъ капиталистовъ и станутъ общимъ достояніемъ всей націи, тогда на землѣ снова наступитъ счастье и миръ для всѣхъ. Ибо общество подчинитъ себѣ производительныя силы, какъ оно подчинило себѣ силы природы. Только тогда человѣкъ будетъ свободнымъ, такъ какъ онъ станетъ господиномъ своей соціальной судьбы.

Только тогда человѣчество освободится отъ власти безсознательныхъ историческихъ силъ.

Д-ръ филос. Р. Штидликъ.

Греческая философія съ точки зрѣнія материалистическаго пониманія исторіи.

Если до сихъ поръ еще не удалось объяснить всю исторію философіи съ точки зрѣнія историческаго материализма, то это еще никоимъ образомъ не доказываетъ, что такое объясненіе вообще невозможно. Наибольшія трудности въ этомъ отношеніи представляетъ *греческая философія*—и ниже я покажу, что ея развитіе находится въ самой тѣсной связи съ экономическими и социальными явленіями классической древности. Только на основѣ этой связи становится возможнымъ правильное пониманіе греческой философіи, становится возможной замѣна господствующаго въ настоящее время взгляда на философію, какъ на «умозрѣніе о послѣднихъ основаніяхъ бытія», дѣйствительно научнымъ взглядомъ, который выводитъ философію изъ туманнаго міра идеалистическихъ бредней на открытый просторъ историко-материалистическаго познанія.

Но прежде, чѣмъ строить яовое, необходимо разрушить старое. Поэтому я предпосылаю своему изложенію *критику господствующихъ въ настоящее время взглядовъ на задачу и цѣль философіи*.—Чрезвычайно характерно, что у разныхъ философовъ мы встрѣчаемъ совершенно различныя опредѣленія философіи. *Герbartъ* считаетъ существенной задачей философіи «обработку понятій», *Ибервегъ* видитъ въ ней ученіе объ основныхъ началахъ, *Авенариусъ*, главный представитель эмпириокритицизма, опредѣляетъ ее, какъ мышленіе о мірѣ по принципу наименьшей траты силъ и т. д. и т. д.

Но чѣмъ вызвано это различіе мнѣній? Оно вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что до сихъ поръ философскія теоріи не имѣли позитивной основы, а рассматривались, какъ нѣчто выросшее между небомъ и землею, какъ зданія, возведенныя чистымъ мышленіемъ,

безъ реального фундамента и безъ причинной связи съ соціально-экономическими условіями,—другими словами, тѣмъ обстоятельствомъ, что на системы философовъ смотрѣли, какъ на идеальныя комбинаціи, какъ на попытки однимъ актомъ рефлексіи объяснить міръ явленій и сорвать покрывало съ тайны мірозданія.

Но совершенно очевидно, что достигнуть этого путемъ чистой рефлексіи нѣтъ никакой возможности. Философія не можетъ ставить своей задачей—«научно изслѣдовать послѣднія основанія познанія и бытія и понять все дѣйствительное въ его связи съ этими основаніями» (Целлеръ). Такой взглядъ на философію и создалъ ей такъ много враговъ въ лагерѣ естествоиспытателей.

Какъ я уже сказалъ, у философіи не было базиса: философскія системы казались витающими въ воздухѣ порожденіями мысли, въ которыхъ ходячее воззрѣніе видѣло отраженіе какой-то реальной истины: путемъ дальнѣйшаго развитія этихъ комплексовъ мыслей возникли различныя философскія школы, связанныя между собой извѣстными переходными ступенями; и каждая изъ этихъ школъ развила свою особую идею, являясь такимъ образомъ какъ бы «этапомъ по пути къ истинѣ».

Но такой идеалистическій взглядъ на философію не можетъ, безъ сомнѣнія, удовлетворять нашъ реалистическій вѣкъ. Поэтому я попытаюсь, оставляя въ сторонѣ прежній методъ, дать опредѣленіе философіи, болѣе приспособленное къ современному научному познанію, и затѣмъ, въ видѣ примѣра, разсмотрю греческую философію, поставивъ ея развитіе въ связь съ тремя великими экономическими эпохами.

По моему опредѣленію, каждая философская система представляетъ собою психическое выраженіе извѣстнаго матеріальнаго состоянія общества; она отражаетъ, на фонѣ научнаго знанія данной эпохи, особое экономическое положеніе даннаго народа, класса или партіи. Экономическая среда опредѣляетъ, въ формѣ рефлекса въ человѣческомъ мысленіи, жизнепониманіе отдельныхъ людей, которое, вмѣстѣ съ зависящимъ отъ уровня техники познаніемъ природы, сливается въ одно міровоззрѣніе. Поэтому большинство греческихъ философовъ старалось для доказательства правильности своего жизнепониманія создавать спеціальныя космогоніи. Въ доказательство правильности своей философіи они ссылаются на генеалогію человѣка и вселенной: въ виду того, что вселенная возникла такъ, а не иначе, богатые или бѣдные, или тѣ и другіе вмѣстѣ, должны жить такъ, а не

иначе! Такимъ образомъ, тотъ или иной строй жизни возводился въ степень закона природы, разяснять который призвана философія.

Съ точки зрѣнія хозяйственнаго развитія древне-греческая исторія распадается на три принципиально различныхъ періода:

1) VII и VI вв.—эпоха постепеннаго перехода отъ натурального хозяйства къ денежному, эпоха борьбы аристократіи съ демократіей; 2) экономическій расцвѣтъ Аѳинъ въ V в., достигшій своего кульминаціоннаго пункта въ эпоху Перикла: демократія восторжествовала, и социальныя различія отступаютъ на задній планъ; 3) экономическій упадокъ и въ концѣ концовъ полная гибель Аѳинскаго государства, главнымъ образомъ вслѣдствіе перемѣщенія міровыхъ торговыхъ путей.

Для каждаго изъ этихъ экономическихъ періодовъ греческая философія представляетъ соотвѣтствующую картину, что я и покажу ниже. Само собой разумѣется, что въ настоящей статьѣ я не смогу дать исчерпывающей исторіи греческой философіи: я хочу лишь намѣтить нѣкоторые пункты, въ которыхъ ясно выступаетъ ея зависимость отъ экономическихъ факторовъ и социальной структуры эллинскаго міра.

I.

До персидскихъ войнъ средоточіемъ хозяйственной и духовной жизни эллинскаго міра была Малая Азія. Тамъ процвѣтала іонійская колонія, особенно обогатившаяся морской торговлей. Но быстрое обогащеніе создало жизнь, полную роскоши и удовольствій. Будемъ жить и веселиться, ибо завтра мы умремъ!—такъковъ былъ лозунгъ іонянъ. И этотъ *modus vivendi* находилъ свое идеальное оправданіе въ такъ называемой іонійской натуръ-философіи. Чтобы доказать, что ихъ соотечественники правы, отдаваясь матеріальнымъ наслажденіямъ, *Фалесъ*, *Анаксимандръ* и *Анаксименъ* выступили съ теоріей механическаго образованія вселенной. Все основано на случаѣ,—говорили они; благодаря случаю, міръ возникъ изъ воды, или изъ огня, или изъ «неопредѣленнаго вещества»; никакая высшая сила, никакой богъ въ этомъ не участвовали; слѣдовательно, вашъ образъ жизни вполнѣ правиленъ.

Совершенно такое же было матеріальное положеніе общества на о. Самосѣ. Самосцы жили въ необычайной роскоши и съ такой необузданностью отдавались наслажденіямъ, что стали даже вырождаться.

Какъ реакція противъ такой безумной жизни, возникла реформаціонная тенденція, кристаллизовавшаяся въ идеяхъ Пиеагора.

Пиеагоръ, подобно Христу, былъ реформаторомъ существующаго общества. Невоздержное сибаритство богатыхъ онъ не считаетъ естественнымъ. Въ свсей теоріи чиселъ, лежащихъ въ основѣ всѣхъ вещей, онъ выдвигаетъ идею мѣры и гармоніи. *Если все является числомъ, тогда гармонія составляетъ міровой законъ. Поэтому люди не должны наслаждаться безъ мѣры, ибо это противорѣчитъ гармоніи природы, частью которой является человекъ.*

Въ то время, какъ іоняне утопали въ роскоши, внутри греческихъ племенъ велась ожесточенная классовая борьба, имѣвшая своимъ экономическимъ основаніемъ противоположность интересовъ гибнущаго натурального и вытѣснявшаго его денежнаго хозяйства. На одной сторонѣ стояла *аристократія*, вооруженная богатствомъ и привилегіями, а на другой—неимущая и безправная *народная масса*.

*Въ этомъ конфликтѣ каждая изъ борющихся партій выработала свою особую философію. Философія народной партіи впервые нашла себѣ систематическое выраженіе у Ксенофани, выставившаго постулатъ «равенства всѣхъ людей»: всѣ люди—братья, ибо социальныя различія не вытекаютъ изъ природы вещей! Это равенство всѣхъ гражданъ Ксенофанъ доказываетъ единствомъ вселенной, которая образуетъ «единое Все», совпадающее съ понятіемъ Божества. За такую смѣлую защиту демократическаго принципа онъ былъ изгнанъ изъ родного города господствующей аристократической партіей. Впослѣдствіи онъ поселился въ Нижней Италіи (въ Элеѣ), гдѣ пытался осуществить свою теорію на практикѣ. Ученикъ его Парменидъ исходитъ изъ того же принципа: *единство и равенство всѣхъ гражданъ вытекаютъ изъ единства и равенства вселенной. Аналогичнаго взгляда на жизнь придерживается и философъ Зенонъ.**

Въ противовѣсъ этому, аристократическая партія находитъ выразителя своихъ интересовъ въ лицѣ философа *Гераклита*, который доказываетъ, что *аристократы и демократы, богатые и бѣдные, не могутъ и не должны быть равны между собою, такъ какъ въ міръ господствуетъ не равенство, а противоположность. Поэтому онъ противопоставляетъ бытію—не-бытіе. А если гдѣ-либо и оказывается равенство, оно скоро переходитъ*

въ свою противоположность, ибо—«все течетъ». Причиной этого непрестаннаго измѣненія вещей является война, создавшая все—боговъ и людей, свободныхъ и рабовъ. Такимъ образомъ, философская теорія Гераклита санкціонировала борьбу богатыхъ съ бѣдными и социальныя различія, признавъ ихъ естественно-необходимыми.

Если мы подведемъ итогъ всему сказанному, то окажется, что сущностью всѣхъ перечисленныхъ философскихъ системъ является, съ одной стороны, оправданіе богатства, классовыхъ противорѣчій и существующаго общественнаго строя, а съ другой—попытка социальной реформациіи и примиренія противорѣчій.

II.

Второй періодъ открывается великой экономической революціей сдѣлавшей сейчасъ же послѣ персидскихъ войнъ центромъ цивилизованнаго міра городъ Аѣины: я имѣю здѣсь въ виду перенесеніе центра экономической жизни съ восточныхъ береговъ на западное побережье Эгейскаго моря. Аѣины становятся мировымъ городомъ, посредникомъ между востокомъ и западомъ, средоточіемъ мировой, торговли. Контрибуція съ персовъ, подати съ покоренныхъ острововъ и береговъ и непрерывный ростъ экспортной промышленности способствовали накопленію въ Аѣинахъ колоссальныхъ богатствъ, съ помощью которыхъ были воздвигнуты великолѣпныя зданія. Словомъ, Аѣины образовали какъ бы маленькій космосъ, въ которомъ все было построено на началахъ гармоніи и разума. И творцомъ всего этого казался Периклъ. Но въ то же время прежній социальный строй разложился; возникли новыя социальные отношенія, создавшія почву для единовластія, для особаго рода цезаризма.

Этотъ новый строй нашелъ своего выразителя и толкователя въ лицѣ философа Анаксагора, который послѣ персидскихъ войнъ прибылъ въ Аѣины, гдѣ познакомился между прочимъ и съ Перикломъ. Въ центрѣ всей его системы стоитъ *Noûs*—управляющій міромъ Разумъ; атрибуты его—порядокъ, всемогущество и мудрость. Вся философія Анаксагора представляетъ диенрамбъ въ честь существующаго порядка вещей въ Аѣинахъ и въ честь его геніальнаго творца—Перикла. Какъ въ Аѣинахъ, такъ, полагалъ Анаксагоръ, дѣло обстоитъ *mutatis mutandis* и во всей вселенной: разуму Перикла соответствуетъ мировой Разумъ, *Noûs*.

Новыя условія жизни въ демократическомъ государствѣ, ставшемъ обширнымъ и сложнымъ организмомъ, вызвала множество новыхъ потребностей. Молодой грекъ не могъ уже попрежнему удовлетворяться изученіемъ музыки и гимнастики: чтобы принимать участіе въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ, ему необходимо было обладать нѣкоторыми познаніями въ области политики и народнаго хозяйства. Въ общественной жизни всякій могъ достигнуть высшихъ ступеней, *если только онъ обладалъ необходимымъ для этого образованіемъ*. Прежняя родовая организація все больше разлагалась, пуповина, связывавшая личность съ первобытнымъ обществомъ, порвалась,—и такимъ образомъ возникъ практическій *индивидуализмъ*, вступившій въ конфликтъ съ *античной идеей государства*, т. е. съ представленіемъ, что гражданинъ можетъ выполнить свою жизненную задачу, только будучи тѣсно связанъ съ обществомъ, что вся его жизнь—отъ рожденія до смерти—должна протекать въ обществѣ.

Эти моменты общественнаго развитія находятъ свое отраженіе въ ученіи *софистовъ*. Софисты V в. являются носителями греческаго просвѣщенія. Они оправдываютъ воспитанное партійной борьбой возмущеніе противъ закона, права и нравственности и отвергаютъ всякіе авторитеты, какъ земные, такъ и небесные: каждый человекъ долженъ самъ себя отдавать отчетъ въ своихъ поступкахъ. Кроме того, они первые выступили, какъ систематическіе учителя мудрости, и Протагоръ первый сталъ брать за это деньги. Онъ даетъ «добрый совѣтъ» въ частной и особенно въ общественной жизни и учитъ мудрой предусмотрительности, съ помощью которой можно господствовать не только надъ силами природы, но и надъ человѣческими отношеніями, особенно въ области политики. Горгій, выступая въ качествѣ учителя реторики, высмѣиваетъ всякую теорію. Продикъ блещетъ своими рѣчами о выборѣ жизненнаго пути. *Софистика являлась выраженіемъ просвѣтительныхъ тенденцій того времени, выраженіемъ того стремленія къ образованію, которое соответствовало потребностямъ демократическаго государства.*

Перенесемся теперь въ Агригентъ на островъ Сицилію, гдѣ около середины V в. жилъ знаменитый философъ *Эмпедоклъ*. Благодаря торговлѣ, въ этой дорической колоніи развилось богатство, послужившее причиной острыхъ классовыхъ конфликтовъ. На одной сторонѣ стояли богачи, «которые жили такъ, какъ будто имъ завтра предстояло умереть, и строили дома, какъ если бы имъ можно было

жить вѣчно», а на другой—влачившій нищенское существованіе пролетаріатъ. И между обоими лагерями разгорѣлась безпощадная классовая борьба. *Исторія той эпохи даетъ намъ интересную картину попережняго господства кровавой тираніи и свободной демократіи.*

Противъ этихъ раздоровъ, терзавшихъ общество, выступилъ Эмпедоклъ, долгое время стоявшій во-главѣ агригентской демократіи. Онъ призываетъ гражданъ къ единенію, миру и согласію; ибо любовь ведетъ къ сплоченію и укрѣпленію, а ненависть—къ разложенію и распаду. Чтобы показать правильность такого жизнепониманія, онъ создаетъ соотвѣтствующую картину міра. Міръ возникъ благодаря тому, что основные элементы (огонь, воздухъ, вода, земля), разъединенные ненавистью, стремятся снова соединиться. Такимъ образомъ міръ является матеріальнымъ продуктомъ ненависти и любви; то же относится и къ обществу. И какъ во вселенной, такъ и въ обществѣ въ концѣ концовъ должна восторжествовать любовь. А для ускоренія этой побѣды любви Эмпедоклъ призываетъ къ *сліянію всѣхъ партій въ одинъ союзъ.*

Выше я указалъ, что іонійская философія носила рѣзко выраженный матеріалистическій характеръ. Теперь, въ эпоху расцвѣта Афинъ, въ Абдерѣ зародилось проникнутое тѣми же тенденціями философское воззрѣніе, извѣстное подъ именемъ «*атомистики*». О самой Абдерѣ мы знаемъ очень мало: Абдера славилась богатствомъ и образованностью; завоеваніе этого города Тразибуломъ было громаднымъ приобрѣтеніемъ для Афинъ.

Въ этой средѣ выросъ Демокритъ; впрочемъ, на выработку его мировоззрѣнія повліяли также, быть можетъ, его путешествія на Востокъ. Философія Демокрита представляетъ собою не что иное, какъ психологическій анализъ матеріальнаго состоянія современнаго ему общества. Вопросъ стоялъ для него такъ: было ли счастливо то общество, въ которомъ онъ жилъ? Деморализація и вырожденіе, охватывавшія все болѣе широкіе круги, заставили его отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Счастье заключается не въ матеріальныхъ благахъ, ибо ясность и спокойствіе духа можно найти не въ погонѣ за богатствомъ, а въ размышленіи. Но тутъ каждый зависитъ самъ отъ себя; повтому центральное мѣсто занимаетъ индивидуумъ. Въ этомъ сказывается атомистическій характеръ его философіи.

Но, чтобы показать, что каждый—кузнецъ своего счастья, и что не отъ боговъ зависитъ оно, Демокритъ занялся теоретико-познаватель-

нымъ обоснованіемъ овоей системы. Краеугольнымъ камнемъ ея служить утвержденіе, что не существуетъ никакихъ боговъ. Боги, говоритъ Демокритъ, созданы человѣческимъ воображеніемъ; они не могутъ поэтому быть причиной счастья и несчастья. *Напротивъ, міръ есть продуктъ необходимости.* Причина его возникновенія лежитъ въ матеріи и движеніи; движущаяся же матерія состоитъ изъ безконечнаго множества маленькихъ частицъ (атомовъ). Весьма возможно, что это ученіе объ атомахъ, сохранившее свое значеніе до нашихъ дней и лишь въ послѣднее время начинающее уступать мѣсто «энергетикѣ», выработалось у Демокрита подъ вліяніемъ денежнаго и товарнаго обращенія той эпохи: богатство возникало путемъ накопленія отдѣльныхъ денежныхъ суммъ, и болѣею частью оно обладаетъ такими же свойствами и функціями, какъ и атомы.

Что выражаетъ собою философія всей этой эпохи? Вкратцѣ на это можно отвѣтять: Она выражаетъ стремленіе возвеличить существующій общественный строй,—протестъ противъ классовыхъ противорѣчій,—апологию свободомыслія и индивидуалистическихъ тенденцій той эпохи.

III.

За неожиданно наступившимъ періодомъ блестящаго расцвѣта для Аѳинъ послѣдовало столь же быстрое увяданіе: небывалый экономическій подъемъ закончился почти полнымъ разложеніемъ хозяйственной жизни.

Взращенное кровью и золотомъ могущество Аѳинъ рассыпалось въ прахъ. Несчастная Пелопоннесская война сломила мощь Аѳинскаго государства; страна была опустошена, прежніе денежные источники иссякли, государственная казна опустѣла, жители обѣднѣли. Совершился великій экономическій переворотъ, перенесшій центръ міровой торговли изъ Греціи въ Александрію.

Вліяніе этихъ измѣнившихся условій прежде всего сказалось въ стремленіи возстановить «доброе старое время». Возникаютъ индивидуалистическія и коммунистическія теченія. Но такъ какъ не было уже вѣры въ собственные силы, то послѣднимъ убожищемъ становится небо, а высшей цѣлью жизни—забота о душѣ. Въ сознаніи своего безсилія люди становятся безплодными религіозными мечтателями. Наконецъ, послѣ кратковременнаго подъема въ эпоху македонскаго владычества, Греція падаетъ въ 146 г. по Р. Х. жертвой завоевательной политики римлянъ.

Начну съ философіи *Сократа*, которому еще удалось прожить часть своей жизни въ прежнихъ счастливыхъ условіяхъ. Воспоминанія объ этомъ «добромъ старомъ времени» звучать еще въ его философіи. Сократъ былъ педагогомъ и реформаторомъ. Путь къ улучшенію существующихъ социальныхъ порядковъ онъ видѣлъ въ реформѣ нравственности. Онъ хотѣлъ одѣлать общество добродѣтельными на основѣ знанія, ибо дѣйствовать нравственно, по его мнѣнію, можетъ только мудрый. Благо—это то, что приноситъ мнѣ пользу,—и весь міръ, въ великомъ, какъ и въ маломъ, устроенъ мудростью боговъ на пользу человѣку. Такъ что, если человѣкъ хочетъ стать лучше, онъ долженъ узнать, что для него полезно. Поэтому благо есть то, что полезно. Но, съ другой стороны, Сократъ—консерваторъ: праведникъ, говоритъ онъ, поступаетъ по закону, т. е. согласно существующимъ обычаямъ.

Этому повиновенію закону онъ самъ остался вѣренъ даже предъ лицомъ смерти. Учениками его были главнымъ образомъ аристократы,—въ ихъ числѣ находился также извѣстный тиранъ Критій. Процессъ противъ Сократа явился попыткой демократической реакціи насильственно возстановить «доброе старое время».

Общество, какъ я уже указалъ, состояло тогда изъ огромной массы бѣдныхъ и небольшого числа богатыхъ людей. Представителями первыхъ могутъ считаться циники, представителями послѣднихъ—киренаики, являвшіеся ихъ антиподами. Циники, плебеи по происхожденію, проповѣдывали отсутствіе потребностей и независимость отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Въ этомъ они видѣли высшую добродѣтель, все же прочее считали второстепеннымъ дѣломъ. Образованію они не придавали большой цѣны, къ обществу относились равнодушно, государство считали излишнимъ, «ибо родина сироты—весь міръ». Они были, если выражаться по современному, «vaterlandslose Gesellen» ¹⁾. Въ концѣ концовъ циники довели свой принципъ до такихъ крайностей, что стали влачить жизнь настоящихъ нищихъ и относиться съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ ко всему окружающему. Но здоровое зерно ученія циниковъ заключалось въ ихъ проповѣди умѣренной и близкой къ природѣ жизни.

Совершенно иначе понимали жизнь киренаики. Глава этой школы Аристиппъ, прожигатель жизни par excellence, создалъ

¹⁾ „Люди безъ отечества“. Такъ выразился въ одной изъ своихъ рѣчей Вильгельмъ II по адресу нѣмецкихъ социалдемократовъ.

теорію удовольствій и наслажденій. Такъ какъ понятіе блага совпадаетъ, по его мнѣнію, съ понятіемъ пріятнаго, то человекъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ долженъ стремиться къ наслажденію. А для этого необходимо уметь правильно разсуждать, ибо различныя удовольствія имѣють различную цѣнность.

Другое реформаторское теченіе нашло своего выразителя въ лицѣ *Фалесаса*, о философіи котораго мы, къ сожалѣнію, знаемъ слишкомъ мало. Онъ первый высказалъ ту мысль, что *соціальное зло коренится въ имущественныхъ отношеніяхъ*, отъ которыхъ такимъ образомъ зависить счастье и несчастье народовъ. Поэтому реформа должна заключаться въ устраненіи всѣхъ имущественныхъ различій и въ установленіи коммунистической формы хозяйства.

Въ одномъ изъ фокусовъ той эпохи, проникнутой реформаторскими стремленіями, стоитъ великій «идеалистъ» *Платонъ*. Въ виду начинающагося вырожденія и все глубже проникающаго политическаго разложенія онъ выработалъ систему, которая была построена на аристократическихъ принципахъ и поворачивалась спиной къ широкой народной массѣ; тѣмъ не менѣе, коммунистическая тенденція того времени наложила и на нее свою печать. Въ зенитѣ платоновской философіи стоитъ ученіе объ идеяхъ, направленное на доказательство существованія верховной идеи—*«добра въ себѣ»*. Къ этой верховной идее, поставленной Платономъ во главѣ мірового порядка, должны направляться всѣ человѣческія стремленія. Не на землѣ долженъ человекъ искать своего счастья, а на небѣ. Душа человека искала опоры въ потустороннемъ мірѣ, такъ какъ міръ греческой дѣйствительности насквозь прогнилъ. И такъ какъ она была безсмертна, то цѣль ея, по мнѣнію Платона, заключается единственно въ томъ, чтобы все болѣе уподобляться *«добру въ себѣ»*, т. е. Божеству. Платонъ различалъ три части человѣческой души: верхнюю часть (голову), гдѣ пребываетъ разсудокъ и разумъ, среднюю часть (сердце), источникъ мужества, и нижнюю часть (животъ), гдѣ гнѣваются страсти.

Соотвѣтственно этому онъ раздѣлялъ народъ: 1) на классъ правителей (философовъ), 2) на классъ стражей (воиновъ) и 3) на низшій классъ (землепашцевъ и ремесленниковъ).

Во имя «добра въ себѣ» онъ обрекаетъ третій классъ на вѣчное рабство; никогда не долженъ онъ подняться до второго или перваго класса. Государство существуетъ только для философовъ и воиновъ, и, чтобы дать имъ возможность скорѣе достигнуть неба, пролетаріатъ при содѣйствіи Божества осуждается на

безысходное рабство. Можно сказать, что *Платонъ именовъ Бога обманулъ народныя массы.* Я не стану подробнѣе разбирать его «идеальное государство», которое, какъ извѣстно, онъ въ послѣдствіи сильно измѣнилъ,—я хочу только отмѣтить, что въ этомъ «идеальномъ государствѣ» кристаллизовались стремленія этой эпохи, и что, рисуя картину коммунистическаго общества, Платонъ не поднялся выше античнаго «государства-города».—Въ обоснованіе своихъ теологическихъ воззрѣній Платонъ строитъ въ «Тимей» крайне мистическую космогонію, на которой здѣсь не стоитъ подробнѣе останавливаться.

Въ другомъ фокусѣ той эпохи стоитъ *Аристотель*, философію котораго, быть можетъ, вълѣдствіе ея универсальнаго характера, труднѣе объяснить съ точки зрѣнія историческаго матеріализма. При этомъ необходимо принять во вниманіе, что ко времени его выступленія процессъ всеобщаго разложенія на короткое время пріостановился: подъ македонскимъ владычествомъ обреченная на гибель хозяйственная жизнь страны въ послѣдній разъ зазгласъ, на подобіе метеора, яркимъ огнемъ, и погружающейся въ мракъ культурѣ было суждено еще разъ бросить на Грецію прекрасный прощальный лучъ. Въ аристотелевской философіи платоновская идея о потустороннемъ мірѣ возрождается въ новой формѣ, какъ конечный выводъ изъ телеологическаго разсмотрѣнія природы. Изслѣдуя живую и мертвую природу, Аристотель приходитъ къ идеѣ «конечной цѣли», отъ которой все зависитъ и къ которой все стремится. Этой «конечной цѣлью» является Божество, приводящее въ движеніе матерію. Дѣятельность Божества состоитъ въ мышленіи: оно мыслить само себя и въ этомъ находитъ свое блаженство. *Такъ какъ Божество есть самое высокое въ мірѣ, то все низшее должно въ немъ имѣть свою цѣль.* Но человѣческая дѣятельность направлена на достиженіе счастья, а счастье заключается въ добродѣтели; добродѣтель же—это разумное использование каждымъ его способностей. *Но такъ какъ люди одарены способностями неодинаково, то низшіе должны служить высшимъ.* На этомъ основаніи Аристотель оправдываетъ рабство, исходя изъ того, что рабы способны только къ физической работѣ и потому должны быть подвластны болѣе способнымъ. Совершенно ясно: *телеологическое разсмотрѣніе природы приводитъ у Аристотеля къ установленію высшей цѣли, къ которой долженъ стремиться человѣкъ, и эта идея цѣли становится средствомъ дисциплинированія народныхъ массъ.*

Разнообразіе господствовавшихъ въ то время воззрѣній въ связи съ тѣмъ мнѣніемъ, что вообще невозможенъ выходъ изъ этого жалкаго положенія, породило теорію скептиковъ о невозможности объективнаго знанія.

Скептики полагали, что ни чувственныя воспріятія, ни чистое мышленіе не могутъ дать дѣйствительнаго знанія, такъ какъ всѣ понятія въ конечномъ счетѣ основываются на традиціи и привычкѣ.

Въ III и II вв. получила распространеніе стоическая философія, выросшая изъ религиозныхъ идей. У стоиковъ верховнымъ принципомъ является Богъ, творецъ цѣлесообразности, душа міра, а высшимъ благомъ—добродѣтель, т. е. жизнь сообразно природѣ; для этого требуется свобода отъ аффектовъ, т. е. апатія. Такое пониманіе жизни находитъ свое обоснованіе въ соответствующей космогоніи.

Философы эти, однако, не могли удовлетворить тѣхъ, которые хотѣли еще наслаждаться. Такъ возникла доктрина Эпикура, учившаго, что единственное безусловное благо есть наслажденіе. Но высшее наслажденіе заключается въ спокойствіи души, въ безмятежности духа. Самымъ опаснымъ врагомъ этого спокойствія и этой безмятежности является представленіе, будто на ходъ вещей вліяютъ какія-то высшія силы, и, чтобы разрушить это представленіе, Эпикуръ принялъ конструкцію міра, основанную на демокритовскомъ ученіи объ атомахъ и представляющую вселенную чисто автоматическимъ механизмомъ.

Съ помощью этой конструкціи Эпикуръ думалъ устранить страхъ, внушаемый смертію и богами. Такимъ образомъ мы и здѣсь видимъ, какъ опредѣленное жизнепониманіе обосновывается и увѣличивается соответствующей теоріей мірообразования.

Философія скептиковъ, стоиковъ и эпикурейцевъ отличается характерной для тогдашняго состоянія общества чертой—крайнимъ индивидуализмомъ. Объектомъ философскаго разсмотрѣнія олужить уже не общество или классъ, а индивидуумъ.

Какъ должна личность жить? какъ можетъ она стать счастливой?—таковы интересующіе всѣхъ вопросы. Это индивидуалистическое теченіе объясняется упадкомъ греческаго государства: по мѣрѣ разложенія общества, по мѣрѣ того, какъ все болѣе разрушались связующіе элементы экономическихъ отношеній, общество все болѣе атомизировалось, пока наконецъ индивидуумъ не сталъ въ центрѣ всей философіи.

Связь философіи съ хозяйствомъ въ эту эпоху, какъ мыъ кажется, выступаетъ совершенно отчетливо. У порога ея, надъ ко-

торымъ рѣшили уже буревѣстники упадка, стоитъ Сократъ и бросаетъ въ лицо испорченному обществу свой нравственный протестъ и призывъ къ исправленію. Ученіе его, какъ маякъ, бросало снопы свѣта во всѣ стороны и повсюду находило себѣ послѣдователей. Затѣмъ выступили циники, какъ проповѣдники воздержанія съ пролетарской окраской, и киренаики, какъ представители богатыхъ и сытыхъ съ лозунгомъ: «наслажденіе»! Съ другой стороны, болѣе молодое пролетарское поколѣніе ищетъ соціальной панацеи въ коммунистическомъ строгѣ общества. И посреди всѣхъ этихъ теченій возвышаются системы Платона и Аристотеля. Первый исходитъ въ своихъ изслѣдованіяхъ изъ идеи «добра въ себѣ», составляющей квинтъ-эссенцію его системы; послѣдній, изслѣдуя всю природу («отецъ естественныхъ наукъ»), приходитъ къ идее высшей цѣли, которой все должно быть подчинено. Такимъ образомъ идея Божества становится духовной осью, вокругъ которой все начинаетъ вращаться; она становится утѣшительницей для тѣсной души со всѣхъ сторонъ души и краеугольнымъ камнемъ добродѣтельной жизни. Важнѣйшимъ и самымъ возвышеннымъ назначеніемъ человека начинаютъ считать подготовку къ переходу въ потусторонній міръ. Экономическое безсиліе вызываетъ представленіе о Божественномъ всемогуществѣ: сила Божества стала суррогатомъ исчезнувшей силы человека. И, приспособляясь къ соціальному расщепленію общества, философія становится насквозь индивидуалистической. Ея реформаторскія попытки не могутъ уже помочь, и съ началомъ римскаго владычества она погибаетъ. Только религіозные ея элементы оживаютъ еще въ III в. по Р. Х. въ системѣ неоплатонизма, превзошедшей своимъ мистицизмомъ воѣ предшествовавшія системы. Это была послѣдняя потуга философскаго мышленія древне-греческаго міра.

* * *

Моя задача состояла въ томъ, чтобы замѣнить прежній идеалистическій и спекулятивный анализъ философскихъ системъ реалистическимъ и культурно-историческимъ, т. е. отыскать тѣ тонкія нити, которыя связываютъ основное ядро каждой философской системы съ экономическими условіями соотвѣтствующей эпохи. Разумѣется, на этихъ немногихъ страницахъ не было возможности дать полную картину развитія греческой философіи.

Поль Лафаргъ.

Экономика, естествознаніе и математика.

Въ доказательство несовершенства марксистскаго метода Баксъ ссылается на то, что между естественными науками и математикой, съ одной стороны, и экономической средой—съ другой, не существуетъ никакой связи, а если иногда такая связь и существуетъ, она имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Это утвержденіе нѣсколько чересчуръ смѣло.

Баксъ совершенно правъ, когда онъ говоритъ, что «естественно-научныя познанія добыты человѣкомъ путемъ наблюденія надъ фактами (впослѣдствіи на помощь наблюденію пришелъ опытъ) и путемъ логическаго умозаключенія изъ фактовъ». Но развѣ тѣ наблюденія и опыты, которые люди изо дня въ день дѣлаютъ въ борьбѣ за средства существованія, не въ тысячу разъ многочисленнѣе и многообразнѣе, чѣмъ наблюденія и опыты ученыхъ въ ихъ маленькихъ научныхъ лабораторіяхъ? Развѣ не эти, произведенныя въ гигантской экономической лабораторіи, наблюденія и опыты толкаютъ людей къ размышленію и формулированію великихъ всеобщихъ законовъ?

«Ученіе о естественномъ отборѣ», которое Баксъ приводитъ въ подтвержденіе своего тезиса, является, напротивъ, блестящимъ примѣромъ превосходства осуждаемаго имъ марксистскаго метода. Въ дѣйствительности Дарвинъ именно изъ экономическаго міра заимствовалъ тѣ наблюденія и опыты, которые были ему необходимы, чтобы дополнить и представить въ болѣе ясномъ свѣтѣ наблюденія, одѣланныя имъ и другими естествоиспытателями въ мірѣ природы. Въ «Происхожденіи видовъ» Баксъ можетъ найти разсказъ самого Дарвина о томъ, что первый толчокъ къ выработкѣ его теоріи ему далъ законъ Мальтуса о народонаселеніи, законъ

который приписывал нищету рабочихъ, вызванную ростомъ капиталистическаго способа производства, божественному провидѣнію, совершенно такъ же, какъ Аристотель дѣлалъ природу отвѣтственной за рабство. Исходя изъ соціальной борьбы людей, Дарвинъ пришелъ къ мысли о естественной борьбѣ животныхъ.

Но конкуренція въ области торговли и промышленности, съ одной стороны, обрекающая производителя на нищету и непосильный трудъ, а съ другой—дѣлающая капиталиста соціальнымъ паразитомъ, не могла дать Дарвину идеи прогрессирующаго развитія; эта идея была ему дана экономическими явленіями другого рода.

Дарвина поразили тѣ опыты, которые, задолго до естествоиспытателей, производили надъ животными современные ему сельскіе хозяева и скотоводы, съ цѣлью—путемъ «искусственнаго отбора» усовершенствовать породу лошадей и другихъ животныхъ и тѣмъ повысить ихъ рыночную цѣну. Дарвинъ больше другихъ естествоиспытателей заинтересовался тѣми измѣненіями, которыя можно наблюдать у домашнихъ животныхъ. И такимъ образомъ онъ пришелъ къ мысли, что природа бессознательно дѣлаетъ то же самое, что вполне сознательно, ради прибыли, дѣлаютъ сельскіе хозяева. Можно положительно утверждать, что ученіе о естественномъ отборѣ могло возникнуть только въ эпоху самой бѣшеная торговой конкуренціи и только въ странѣ съ скотоматическимъ, раціональнымъ скотоводствомъ ¹⁾.

Къ этому необходимо прибавить, что постройка желѣзныхъ дорогъ, связанная съ прорытіемъ глубокихъ тоннелей, а также разработка угольныхъ копей, безъ сомнѣнія, способствовали открытію въ нѣдрахъ земли остатковъ давно исчезнувшихъ растений и животныхъ и тѣмъ самымъ основанію новой науки—геологии, чѣмъ, въ свою

¹⁾ Растенія и животныя, разводимыя для продажи, уже въ теченіе вѣковъ подвергались измѣненіямъ благодаря постояннымъ опытамъ; а естествоиспытатели еще до самаго послѣдняго времени ограничивались въ этой области простымъ наблюденіемъ, и всего лишь какихъ-нибудь пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ стали дѣлать первыя робкія попытки такихъ экспериментовъ. Если бы они, по примѣру {Дарвина, познакомились съ опытами, производимыми въ различныхъ странахъ сельскими хозяевами надъ растеніями и животными, если бы они изучили примѣняемые ими методы разведенія, они были бы поражены безчисленнымъ множествомъ опытовъ, представляющихъ совершенно такой же интересъ, какъ знаменитый опытъ голландскаго ботаника Фриса надъ *Oenothera* (ослиникъ).

очередь, была подготовлена научная почва для идеи постепенного развития органическаго міра.

Далѣ Баксъ говоритъ: «Исторія математики разительнымъ образомъ опровергаетъ односторонне марксистскую точку зрѣнія». Посмотримъ, такъ ли это.

Баксъ не можетъ не признать, что «геометрія, какъ вполне оправедливо указываютъ, возникла изъ измѣренія земли. Но рѣшающимъ моментомъ для этой науки, какъ таковой, является безошибочная формулировка пространственныхъ отношеній. Практическая же потребность (practical necessity), направившая вниманіе людей на эти отношенія, служить только внѣшнимъ поводомъ». Такое презрительное отношеніе къ «практическимъ потребностямъ», къ тѣмъ самымъ потребностямъ, которыя научили насъ считать и сравнивать и которыя дали намъ математическія аксіомы,—слишкомъ отдастъ метафизикой. То обстоятельство, что математика оставляетъ безъ вниманія большую часть физическихъ качествъ тѣла и рассматриваетъ всегда лишь опредѣленные его свойства (въ ариметикѣ и алгебрѣ—число, въ геометріи—точку и линію), и что такимъ образомъ въ абстрактныхъ наукахъ работа наблюденія и экспериментированія стала излишней и замѣнилась спекулятивной работой,—это обстоятельство отнюдь не даетъ еще права философу «вещи въ себѣ» утверждать, что эти науки ничѣмъ не обязаны опыту. Онѣ представляютъ системы умозрительныхъ теоремъ, выведенныхъ изъ немногихъ аксіомъ, истинность которыхъ стоитъ внѣ всякаго спора. Слѣдовательно, существенное значеніе имѣютъ именно аксіомы: поскольку онѣ не даны математикамъ, постольку не существуетъ и математическихъ наукъ; поскольку онѣ ошибочны, постольку падаютъ также всѣ чисто-умозрительные выводы изъ нихъ. Но аксіомы ($2 \times 2 = 4$; прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками; черезъ данную точку можно провести только одну линію параллельную данной и т. д.—эта третья, крайне важная аксіома носитъ названіе «эвклидова постулата») недоказуемы. Лейбницъ тщетно пытался доказать, что $2 \times 2 = 4$. Дѣло въ томъ, что аксіомы даны намъ не разумомъ, а опытомъ, и—добавлю я—экономическимъ опытомъ.

Весьма вѣроятно, что многія аксіомы получены нами еще отъ животныхъ. Такъ, напр., когда утки направляются къ водѣ, онѣ избираютъ прямую линію, какъ кратчайшій путь. Голуби знаютъ, что $1 + 1 = 2$, ибо они начинаютъ высиживать птенцовъ лишь послѣ того, какъ снесли два яйца и т. д.... Экономическій опытъ придастъ этимъ,

унаследованнымъ отъ животныхъ, аксіомамъ особую цѣнность и вѣстѣ съ тѣмъ привелъ къ открытію другихъ, столь же важныхъ аксіомъ, какъ напр. «эвклидовъ постулатъ».

Извѣстно, что способность считать у дикарей весьма ограничена, что многіе изъ нихъ умѣютъ къ счету только до двадцати, и что первыя пять цифръ носятъ на ихъ языкѣ названія пальцевъ, такъ какъ они при счетѣ отгибаютъ и называютъ одинъ палецъ за другимъ. Дикарямъ и варварамъ необходимо расширять свою способность къ счету въ той мѣрѣ, въ какой возрастаетъ число принадлежащихъ имъ животныхъ и предметовъ; когда же послѣднихъ становится такъ много, что ихъ уже нельзя пересчитать по пальцамъ, они прибѣгаютъ къ помощи камушковъ; на эту связь указываетъ еще французское слово: *calcul*, которое употребляется для обозначенія «счета» и беретъ начало отъ латинскаго *calculus*—«камень». Чтобы опредѣлить приростъ своего имущества, люди были вынуждены изобрѣсти сложеніе, эту исходную точку ариметики и алгебры, которыя въ сущности представляютъ только видоизмѣненія этого основнаго дѣйствія, усложненныя неизвѣстными и упрощенными величинами. А, чтобы опредѣлить уменьшеніе своего имущества, имъ необходимо было изобрѣсти вычитаніе, которое опять-таки представляетъ собою сложеніе остающейся части съ исчезнувшей—т. е. съ той неизвѣстной величиной, которую надо отыскать. Латиняне оперировали еще при счетѣ камушками, что ясно видно изъ выраженій: *calculus ponere*, положить камушекъ, и *calculus subducere*, принять камушекъ; выраженія эти указываютъ на то, что дѣйствія сложенія и вычитанія латиняне производили, прибавляя или отнимая камушки. Когда предметы обмѣна умножились, стало необходимо высчитывать число предметовъ одного рода, отдаваемыхъ въ обмѣнъ за предметы другого рода; пришлось, слѣдовательно, изобрѣсти умноженіе, представляющее только длинное, упрощенное сложеніе. Крупные торговцы мало-азіатскихъ приморскихъ городовъ производили умноженія еще задолго до того, какъ Пизагоръ составилъ таблицу умноженія, получившую отъ него свое названіе ¹⁾, въ дѣйствительности же, быть можетъ, изобрѣтенную ими. Чтобы распределить прибыль экспедиціи по числу участниковъ и по величинѣ ихъ вкладовъ въ предпріятіе, они придумали дѣленіе, представляющее комбинированный рядъ умноженій и

¹⁾ Таблица умноженія по-французски называется „Table de Pythagore“ (table pythagorique).

вычитаній. Лишь спустя много вѣковъ послѣ того, какъ экономическія потребности заставили человека изобрѣсти четыре основныхъ дѣйствія ариметики, математика дала имъ теоретическую обосновку.

Если обладаніе стадами и движимымъ имуществомъ развило способность къ счету и заставило изобрѣсти арифметическія дѣйствія, то плетеніе корзинъ и изготовленіе сосудовъ для жидкостей создало представленіе о емкости, а производство болѣе дорогихъ жидкостей, какъ вина и масла, привело къ измѣренію емкости сосудовъ.

Пока дикарь питался продуктами охоты, рыбной ловли и дико растущими плодами, онъ и не думалъ объ измѣреніи земельныхъ площадей; но какъ только онъ сталъ земледѣльцемъ и долженъ былъ раздѣлить годную для обработки землю между отдѣльными семьями, ему пришлось научиться измѣрять землю. Греческіе философы, которые, какъ извѣстно, не отличались чрезмѣрной скромностью, приписывали изобрѣтеніе геометріи египтянамъ, такъ какъ каждый разливъ Нила уничтожалъ границы между полями, и египтянамъ приходилось каждый разъ возстановлять ихъ. Конечно, не было никакой надобности всѣмъ людямъ идти на выучку къ египтянамъ: ежегодные передѣлы пахотной земли освоили ихъ съ первыми элементами геометріи.

Дикіе землепашцы, не знакомые еще съ измѣреніемъ поверхностей, разрѣшили проблему равномернаго распредѣленія земли слѣдующимъ образомъ: данное поле, имѣвшее въ общемъ болѣе или менѣе плоскую поверхность, они раздѣляли на узкія и очень длинныя полосы одинаковой длины и ширины. Полосы эти представляли собою прямоугольники, стороны ихъ были параллельны; ограничивавшія ихъ прямолинейныя борозды на всемъ своемъ протяженіи отстояли одна отъ другой на одинаковомъ разстояніи. Сохраненіе этихъ *прямыхъ* бороздъ было такъ важно, что во многихъ языкахъ слово: «*прямой*» имѣетъ также значеніе «справедливаго». Чтобы получить борозды одинаковой длины, къ каждой изъ нихъ прикладывали одинаковое число разъ палку, служившую мѣрой. Палка эта имѣла въ глазахъ людей того времени столь важное значеніе, что въ египетскихъ іероглифахъ она служитъ символомъ справедливости и истины. Русскіе крестьяне называютъ палки, служащія для измѣренія земли, «свѣтой мѣрой». Гакстгаузенъ, присутствовавшій около 1846 г. при подобномъ раздѣлѣ земли въ Россіи, рассказываетъ, что эти неграмотные люди производятъ измѣренія съ такой точностью, какую можно было бы ожидать только отъ

научно подготовленного геометра. Это примитивное измѣреніе земли, какъ мы можемъ наблюдать его въ сельскихъ общинахъ Индіи, создало,—говоритъ Paul Tappery, ученый историкъ «Науки эллиновъ»,—«цѣлый рядъ слабо связанныхъ между собою приѣмовъ для разрѣшенія проблемъ повседневной жизни, и доказательство правильности этихъ приѣмовъ было построено на предположкахъ, считавшихся самоочевидными, но строго научнымъ способомъ доказанныхъ лишь значительно позже, если только онѣ не были отброшены, какъ ложныя». Одною изъ такихъ предпосылокъ и является знаменитый «эвклидовъ постулатъ». Задолго до созданія научной геометріи, эта эмпирическая геометрія дала возможность египтянамъ, грекамъ и всѣмъ вообще народамъ воздвигать памятники, поражающіе нашихъ инженеровъ своей величиной, прочностью и гармонической пропорціональностью частей.

Первобытные землепашцы рассматривали подлежащую раздѣлу площадь поля, какъ *плоскость*. Геометрія Эвклида исходитъ изъ гипотезы, что *поверхность есть плоскость*; вслѣдствіе этого двѣ прямыя линіи, проходящія на одинаковомъ разстояніи одна отъ другой, другъ другу параллельны и такъ же мало могутъ пересѣчься въ пространствѣ Эвклида, какъ на полѣ землепашца.

Только около середины девятнадцатаго вѣка въ науку проникло представленіе о *кривой* поверхности. Лобачевскій, Риманъ, Sophus Lee и другіе математики отвергли «эвклидовъ постулатъ» и создали такъ называемую не-эвклидову геометрію. Ихъ строго-научно выведенныя теоремы стоятъ въ полномъ противорѣчій къ теоремамъ эвклидовой геометріи, которыя болѣе двухъ тысячелѣтій считались единственно истинными. И хотя уже къ концу восемнадцатаго вѣка знаменитый математикъ Гауссъ постигъ возможность не-эвклидовой геометріи, онъ, однако, осмѣливался говорить объ этомъ лишь въ частныхъ письмахъ, которыя только недавно были опубликованы. Новая геометрія опрокидываетъ всѣ прежнія представленія и, какъ утверждаютъ математики, даетъ въ чисто-математическомъ отношеніи болѣе простое рѣшеніе вопросовъ, чѣмъ старая геометрія. Послѣдняя, впрочемъ, сохраняетъ свое практическое значеніе, потому что, когда землемѣрамъ, инженерамъ и архитекторамъ приходится имѣть дѣло съ поверхностями небольшого размѣра, они такъ же мало, какъ первобытные землепашцы, обращаютъ вниманіе на ихъ незначительную кривизну. Творцы новыхъ геометрическихъ системъ, напротивъ, принимаютъ въ расчетъ каждую, даже самую незамѣтную кривизну

поверхности. И поэтому-то математики полагаютъ, что не-эвклидовыхъ системъ геометріи существуетъ столько же, сколько мѣстъ на земномъ шарѣ.

Откуда же явилось это представленіе о кривизнѣ пространства?

Первобытные землепашцы разсматривали свои поля, какъ плоскости. Когда люди ооставили себѣ представленіе о землѣ, они считали ее плоской, какъ стекло,—говоритъ Архелай. Но когда купцы, жившіе вокругъ Средиземнаго моря, замѣтили, что одни мѣста на землѣ освѣщаются солнцемъ позже, чѣмъ другія, они рѣшили, что земля—вогнутое полушаріе, на края котораго солнечный свѣтъ, естественно, падаетъ раньше, чѣмъ на дно. Но астрономическія наблюденія, сдѣланныя около пятаго вѣка до Р. Х., заставили грековъ представить себѣ землю въ формѣ полного шара. Однако, представленіе о шарообразной формѣ земли осталось въ практическомъ и теоретическомъ отношеніяхъ безплоднымъ. Только въ пятнадцатомъ вѣкѣ оно дало практическій результатъ, когда Колумбъ, обманутый неправильнымъ вычисленіемъ Птолемея, вмѣсто искомаго морского пути въ Остъ-Индію открылъ Америку. Еще цѣлые вѣка должны были пройти послѣ Колумба, прежде чѣмъ шарообразная форма земли, каждый день снова доказываемая торговыми кораблями, побудила математиковъ сдѣлать необходимыя теоретическіе выводы. На основаніи наблюденій, собранныхъ моряками, купцами, путешественниками и учеными, геометры заключили, что земля представляетъ собой шаръ, приплюснутый у полюсовъ и выпуклый на экваторѣ, и что она окружена соотвѣтствующей ей формѣ атмосферой. Поэтому всѣ конструируемыя на землѣ поверхности неизбѣжнымъ образомъ должны быть искривлены, какъ и всѣ линіи, проведенныя на этихъ поверхностяхъ. Божественный геній грековъ заставилъ ихъ думать — одно изъ чудесъ исторіи! — что каждое приведенное въ движеніе, тѣло, если ничто ему не мѣшаетъ, необходимо должно принять кругообразную форму движенія,—какъ они говорили, «самую благородную изъ всѣхъ формъ движенія». Кривизна плоскостей и линій варьируетъ, смотря по большей или меньшей удаленности отъ экватора. Такимъ образомъ, «эвклидовъ постулатъ», который лежитъ въ основѣ старой геометріи и такъ же мало можетъ быть доказанъ разумомъ, какъ то, что $2 \times 2 = 4$, оказался при провѣркѣ опытомъ ошибочнымъ. Не-эвклидовы же системы геометріи ближе подходятъ къ истинѣ. Благодаря потребности въ размежеваніи пахотной земли и въ архитектурныхъ постройкахъ, въ головы математиковъ проникло представленіе объ *абсолютно*

плоской поверхности. Но съ тѣхъ поръ, какъ путешествія купцовъ по сушѣ и морю сдѣлали популярной идею шарообразности земли и окружающей ее атмосферической оболочки, представленіе о *кривой поверхности* начинаетъ вытѣснять прежнее представленіе.

Такимъ образомъ, Баксъ совершенно не правъ, когда онъ утверждаетъ, что «исторія математики разительнымъ образомъ опровергаетъ» марксистскій методъ.

Въ заключеніе я хотѣлъ бы еще замѣтить, что Марксъ считалъ экономическій детерминизмъ не готовою системою, а только орудіемъ историческаго изслѣдованія, орудіемъ, цѣнность котораго мѣняется, смотря по работнику, который имъ пользуется. И если Баксъ, сдѣлавъ попытку воспользоваться этимъ орудіемъ—экономическимъ детерминизмомъ, находитъ его непригоднымъ, то это объясняется тѣмъ, что, какъ завзятый метафизикъ, онъ не умѣетъ съ нимъ обращаться и, подобно всѣмъ плохимъ работникамъ, сваливаетъ свою неудачу на инструментъ.

Фридрихъ Энгельсъ.

Объ историческомъ матеріализмѣ.

Я прекрасно знаю, что содержаніе моей брошюры шокируетъ значительную часть англійской публики. Однако, было бы еще хуже, если бы мы, континентальные дѣятели, хоть сколько-нибудь считались съ предразсудками британской «респектабельности», т. е. британскаго филистерства. Брошюра эта написана въ защиту того направленія, которое мы называемъ «историческимъ матеріализмомъ», а слово «матеріализмъ» прямо-таки терзаетъ слухъ подавляющему большинству англійскихъ читателей. «Агностицизмъ» — это еще куда ни шло, но матеріализмъ — совершенно невозможенъ.

И, однако, родиной современнаго матеріализма во всѣхъ его формахъ была, начиная съ семнадцатаго вѣка, именно Англія.

«Матеріализмъ — кровное дѣтище Великобританіи. Еще ея схоластикъ Дунсъ Скоттъ спросилъ себя: не можетъ ли матерія мыслить?»

«Чтобы объяснить себѣ это чудо, онъ апеллировалъ къ всемогуществу Бога, т. е. заставилъ самое теологію проповѣдывать матеріализмъ. Кромѣ того, онъ былъ номиналистомъ. Номинализмъ же составляетъ у англійскихъ матеріалистовъ главный элементъ ихъ ученія и вообще является первоначальнымъ выраженіемъ матеріализма.

«Дѣйствительнымъ родоначальникомъ англійскаго матеріализма былъ Бэконъ. Естествознаніе онъ считаетъ дѣйствительнымъ знаніемъ, а опытную физику — важнѣйшей частью естествознанія. Его авторитетами часто являются Анаксагоръ со своими «гомоіоме-ріями» ¹⁾ и Демокритъ со своими атомами. По его ученію, чувства не

¹⁾ Качественно-различныя частицы, разнообразное соединеніе которыхъ производитъ чувственно-воспринимаемые явленія.

обманываютъ и служатъ источникомъ всѣхъ знаній. Наука есть опытное знаніе и состоитъ въ примѣненіи раціональнаго метода къ чувственно данному. Индукція, анализъ, сравненіе, наблюденіе, опытъ — вотъ главные условія раціональнаго метода. Среди изначальныхъ свойствъ матеріи первымъ и главнымъ является движеніе, не только въ качествѣ механическаго и математическаго движенія, но въ большей мѣрѣ еще и въ качествѣ стремленія, жизненнаго духа, напряженія, или — употребляя выраженіе Якова Бэма—мѣки матеріи. Ея первоначальными формами являются живыя, индивидуализирующія, имманентныя ей и создающія воѣ специфическія отличія, основныя силы.

«У Бэкона, своего перваго творца, матеріализмъ еще содержитъ въ себѣ въ наивной формѣ зародыши всесторонняго развитія. Матерія въ поэтически чувственномъ блескѣ радостно привѣтствуетъ у него цѣльнаго человѣка. Афористическая же его доктрина, напротивъ, полна еще теологическихъ непослѣдовательностей.

«Въ дальѣйшемъ своемъ развитіи матеріализмъ становится одностороннимъ. Гоббсъ систематизировалъ бэконовскій матеріализмъ. Чувственность теряетъ у него свой пышный цвѣтъ и превращается въ абстрактную чувственность геометра. Физическое движеніе приносится въ жертву механическому или математическому; основной наукой провозглашается геометрія. Матеріализмъ становится враждебенъ человѣку. Чтобы побѣдить враждебный человѣку, безплотный духъ въ его собственномъ царствѣ, матеріализмъ вынужденъ самъ умертвить свою плоть и превратиться въ аскета. Онъ выступаетъ тутъ какъ абстрактное начало, но зато развиваетъ уже до конца всю послѣдовательность абстракціи.

«Если чувственность даетъ людямъ всѣ знанія, — доказываетъ Гоббсъ, исходя изъ ученія Бэкона,—то воззрѣніе, мысль, представленіе и т. д. являются лишь фантомами тѣлеснаго міра, болѣе или менѣе освобожденнаго отъ своей чувственной формы. Наука можетъ лишь дать наименованія этимъ фантомамъ. Одно наименованіе можетъ быть примѣнено къ нѣсколькимъ фантомамъ. Далѣе могутъ существовать даже наименованія наименованій. Было бы однако противорѣчіемъ, съ одной стороны, видѣть источникъ всѣхъ идей въ чувственномъ мірѣ, а съ другой — утверждать, что слово можетъ быть чѣмъ-либо большимъ, чѣмъ слово, что, кромѣ доступныхъ воспріятію, отдѣльныхъ, конкретныхъ предметовъ, существуютъ еще какіе-то общіе абстрактные объекты. Безтѣлесная субстанція — такое же противорѣчіе, какъ безтѣлесное тѣло. Тѣло,

бытіе, субстанція — все это одна и та же реальная идея. Мысль невозможно отдѣлить отъ матеріи, которая мыслить. Матерія — субъектъ всѣхъ измѣненій. Слово «безконечный» безосмысленно, разъ оно не означаетъ способность нашего духа прибавлять безъ конца. Такъ какъ только матеріальное можно воспринимать и познавать, то о существованіи Бога намъ ничего неизвѣстно. Только мое собственное существованіе несомнѣнно. Всякая человѣческая страсть есть механическое движеніе, кончающееся или начинающееся. Объекты стремленій — благо. Человѣкъ подчиненъ тѣмъ же законамъ, что и природа. Сила и свобода тождественны.

«Гоббсъ систематизировалъ Бэкона, но не далъ намъ болѣе глубокаго обоснованія его принципа происхожденія познаній и идей изъ чувственного міра.

«Локкъ обосновываетъ этотъ принципъ Бэкона и Гоббса въ своемъ «Опытѣ о происхожденіи человѣческаго разсудка».

«Какъ Гоббсъ уничтожилъ деистическіе предразсудки баконовскаго матеріализма, такъ Коллинсъ, Додуэль, Ковардъ, Гартли, Пристли и др. уничтожили послѣднія теологическія рамки локковскаго сексуализма. Деизмъ, по крайней мѣрѣ для матеріалиста, является только удобнымъ и спокойнымъ способомъ отдѣлаться отъ религіи»¹⁾.

Такъ писалъ Карлъ Марксъ о британскомъ происхожденіи современнаго матеріализма. И если современные англичане чувствуютъ себя не особенно польщенными той данью признательности, которую онъ заплатилъ ихъ предкамъ, то объ этомъ можно лишь пожалѣть. И все-таки, остается неопровержимымъ тотъ фактъ, что Бэконъ, Гоббсъ и Локкъ являются отцами той блестящей школы французскихъ матеріалистовъ, которая, наперекоръ всѣмъ побѣдамъ, одержаннымъ нѣмцами и англичанами на сушѣ и на морѣ надъ французами, сдѣлала восемнадцатый вѣкъ преимущественно французскимъ; и это—еще задолго до увѣнчавшей конецъ вѣка французской революціи, завоеванія которой мы, нѣмцы и англичане, все еще стремимся акклиматизировать.

Нельзя отрицать, что, когда около середины девятнадцатаго вѣка образованный иностранецъ пріѣзжалъ въ Англію, его больше всего поражало религіозное ханжество и тупость англійскаго «респектабельнаго» средняго класса. Мы тогда всѣ были матеріалистами или

¹⁾ К. Marx und F. Engels, „Die heilige Familie“. Въ нѣмецкомъ изданіи 1845 г. стр. 201—204.

во всякомъ случаѣ большими радикалами въ религіозныхъ вопросахъ; и намъ казалось совершенно непостижимымъ, что почти всѣ образованные люди Англіи вѣрятъ въ самыя невозможныя чудеса, и что даже геологи, вроде Бэкланда и Мантеля, извращаютъ данныя своей науки, лишь бы только не впасть въ одиозномъ рѣзкое противорѣчіе съ библейскимъ ученіемъ о сотвореніи міра; намъ казалось непостижимымъ, что для того, чтобы найти людей, осмѣливающихся и въ религіозныхъ вопросахъ пользоваться своимъ разумомъ, приходилось спускаться къ необразованнымъ, къ «неумытой толпѣ», какъ тогда выражались, — къ рабочимъ и въ особенности къ социалистамъ, послѣдователямъ Оуэна.

Но съ тѣхъ поръ Англія «цивилизовалась». Выставка 1851 г. прозвучала похороннымъ колоколомъ надъ островной замкнутостью Англіи. Англія мало-по-малу интернационализировалась какъ въ ѣдѣ и напиткахъ, такъ и въ нравахъ и представленіяхъ. Въ этомъ отношеніи она даже зашла такъ далеко, что и всеболѣе проникаясь желаніемъ, чтобы нѣкоторые англійскіе нравы встрѣтили на континентѣ такое же всеобщее признаніе, какъ иные континентальныя обычаи въ Англіи.

Несомнѣнно одно: распространеніе изготовленнаго на маслѣ салата (до 1851 г. извѣстнаго только аристократіи) сопровождалось фатальнымъ распространеніемъ континентальнаго скептицизма въ религіозныхъ вопросахъ; дѣло дошло до того, что въ респектабельныхъ кругахъ агностицизмъ, хотя и уступаетъ еще по своей бонтонности англійской государственной церкви, все же поднялся въ своемъ значеніи до уровня баптистской секты и во всякомъ случаѣ сталъ рангомъ выше «Арміи спасенія». И, я думаю, для многихъ Англичанъ, искренно плакующихъ и проклинающихъ прогрессъ невѣрія, будетъ утѣшительно узнать, что эти новоиспеченныя идеи не иноземнаго происхожденія, не снабжены клеймомъ: *Made in Germany* — нѣмецкій фабрикатъ, а, напротивъ, староанглійскаго происхожденія, и что британскіе родоначальники этихъ идей уже двѣсти лѣтъ тому назадъ шли гораздо дальше, чѣмъ ихъ потомки въ наши дни.

Дѣйствительно, что иное представляетъ собою агностицизмъ, какъ не стыдливо прикрытый матеріализмъ? Взглядъ агностика на природу насквозь матеріалистиченъ. Во вселенной царствуютъ законы, абсолютно исключаютъ всякое вліяніе на нее извнѣ. Но, — осторожно добавляетъ агностикъ, — мы не въ состояніи доказать существованіе или несуществованіе Высшаго Существа по ту сто-

рону извѣстнаго намъ міра. Эта оговорка могла имѣть свою цѣну въ то время, когда Лапласъ на вопросъ Наполеона, почему въ «Небесной механикѣ» великаго астронома ни разу не упоминается Создатель, гордо отвѣтилъ: *je n'avais pas besoin de cette hypothèse* (у меня не было надобности въ этой гипотезѣ). Но въ настоящее время наше представленіе о мірѣ въ его развитіи не оставляетъ абсолютно никакого мѣста для творца или правителя; а признаніе Высшаго Существа, исключеннаго изъ всего существующаго міра, было бы противорѣчіемъ въ себѣ самомъ и кромѣ того, какъ мнѣ кажется, явилось бы ничѣмъ не вызваннымъ оскорбленіемъ чувства религіозныхъ людей.

Точно также нашъ агностикъ согласенъ, что все наше знаніе основано на впечатлѣніяхъ, воспринимаемыхъ нашими чувствами. Но,—добавляетъ онъ,—откуда мы знаемъ, что наши чувства даютъ намъ вѣрныя копіи воспринимаемыхъ вещей? И дагѣ онъ заявляетъ, что когда говорить о вещахъ или ихъ свойствахъ, то онъ на самомъ дѣлѣ имѣетъ въ виду не самыя вещи и ихъ свойства, о которыхъ онъ ничего достовѣрно не можетъ знать, а лишь тѣ впечатлѣнія, какія онѣ производятъ на его чувства. Съ такой точкой зрѣнія, конечно, не такъ то легко справиться при помощи чистой аргументаціи. Но прежде, чѣмъ люди стали аргументировать, они вѣдь дѣйствовали. «Въ началѣ было дѣло». И человѣческая дѣятельность разрѣшила эту трудность еще задолго до того, какъ человѣческое мудрствованіе ее изобрѣло. *The proof of the pudding is in the eating* ¹⁾. Въ тотъ моментъ, когда сообразно воспринимаемымъ нами свойствамъ какой-либо вещи мы употребляемъ ее для себя, мы подвергаемъ безошибочному испытанію истинность или ложность нашихъ чувственныхъ воспріятій. Если эти воспріятія были ложны, то и наше сужденіе о возможности использовать данную вещь необходимо будетъ ложно, и всякая попытка такого использованія окажется всуею. Но если намъ удастся достигнуть поставленной себѣ цѣли, если мы находимъ, что данная вещь соответствуетъ нашему представленію о ней, что она даетъ тотъ результатъ, какой мы ожидали отъ ея употребленія,—тогда мы имѣемъ положительное доказательство, что въ данныхъ предѣлахъ наше воспріятіе вещи и ея свойствъ соответствуетъ вѣкъ насъ находящейся реальности. Если же, наоборотъ, оказывается, что мы ошиблись въ своихъ расчетахъ, тогда большей частью не-

¹⁾ Вкусъ пуддинга узнается во время ѣды.

трудно отыскать причину нашей ошибки; мы находимъ, что воспріятіе, легшее въ основу нашего опыта, либо само по себѣ неполно и поверхностно, либо—принимая во вниманіе условія даннаго опыта,—неправильно связано съ результатами другихъ воспріятій. До тѣхъ же поръ, пока мы правильно пользуемся нашими чувствами и удерживаемъ свою дѣятельность въ рамкахъ правильно полученныхъ и примѣненныхъ воспріятій, до тѣхъ поръ успѣхъ нашихъ дѣйствій будетъ служить доказательствомъ согласованности нашихъ воспріятій съ объективной природой воспринимаемыхъ вещей. Насколько извѣстно, до сихъ поръ не было ни одного случая, когда мы вынуждены были бы придти къ заключенію, что наши научно-проверенныя чувственные воспріятія производятъ въ нашемъ мозгу такія представленія, которыя по своей природѣ отклоняются отъ дѣйствительности, или что между внѣшнимъ міромъ и нашими чувственными воспріятіями существуетъ приращенная несогласованность.

Но тутъ является неокантіанецъ-агностикъ и говоритъ: «Да, мы, можетъ быть, и способны правильно воспринимать свойства вещей, но мы не въ состояніи какимъ бы то ни было чувственнымъ или умственнымъ процессомъ постичь самой вещь. *Вещь въ себѣ* лежитъ по ту сторону нашего познанія». На это уже давно отвѣтилъ Гегель: «Когда вамъ извѣстны всѣ свойства вещи, то вамъ извѣстна и сама вещь;—тогда уже не остается ничего, кромѣ того факта, что данная вещь существуетъ внѣ васъ, и какъ только ваши чувства учли и это обстоятельство, вы уже постигли и послѣдній остатокъ вещи—знаменитую кантовскую непознаваемую вещь *въ себѣ*». Къ этому мы можемъ только прибавить, что во время Канта наше познаніе природныхъ вещей носило еще въ достаточной мѣрѣ отрывочный характеръ, чтобы за каждой изъ нихъ допускать еще существованіе особой таинственной вещи *въ себѣ*. Но съ того времени всѣ эти непостижимыя вещи, благодаря гигантскому росту науки, стали одна за другой постигаться, анализироваться и, что еще важнѣе, воспроизводиться. А то, что мы въ состояніи сами *сдѣлать*, то уже мы во всякомъ случаѣ не можемъ отнести къ непознаваемому. Для химіи первой половины девятнадцатаго вѣка органическія вещества были такого рода таинственными вещами. Теперь мы научились воспроизводить ихъ одно за другимъ изъ химическихъ элементовъ и безъ помощи органическихъ процессовъ. Современная химія говоритъ: коль скоро намъ извѣстенъ химическій составъ и строеніе какого-либо тѣла, то это тѣло

можетъ быть составлено изъ химическихъ элементовъ. Въ настоящее время мы еще довольно далеки отъ точнаго знанія состава и строенія высшихъ органическихъ субстанцій, такъ называемыхъ бѣлковыхъ тѣлъ, но нѣтъ никакого основанія отрицать, что, хотя бы черезъ столѣтїя, мы это знаніе прїобрѣтемъ и съ его помощью сможемъ искусственно воспроизвести бѣлокъ. Если же это будетъ достигнуто, то мы, слѣдовательно, получимъ возможность искусственно воспроизводить органическую жизнь, ибо жизнь, отъ ея низшихъ до высшихъ формъ, представляетъ собою не что иное, какъ нормальную форму существованія бѣлковыхъ тѣлъ.

Но, сдѣлавъ эти формальныя оговорки, нашъ агностикъ говоритъ и дѣйствуетъ, какъ завзятый матеріалистъ, какимъ онъ въ сущности и является. Онъ можетъ сказать: «Насколько мы знаемъ, матерія и движеніе, или—какъ теперь говорятъ—энергія, не могутъ быть ни созданы, ни уничтожены, но у насъ нѣтъ никакого доказательства, что и та и другая не были въ какое нибудь неизвѣстное намъ время созданы». Но если вы попытаете использовать эту уступку въ какомъ нибудь конкретномъ случаѣ противъ него, онъ быстро заставитъ васъ замолчать. Допуская *in abstracto* возможность спиритуализма, онъ *in concreto* и слышать о немъ не хочетъ. Онъ скажетъ вамъ: «Насколько мы знаемъ, не существуетъ творца или правителя вселенной; насколько намъ извѣстно, матерія и энергія такъ же не могли быть созданы, какъ не могутъ быть уничтожены; для насъ мышленіе—только форма энергія, только функція мозга; все, что мы знаемъ, указываетъ на то, что матеріальный міръ подчиненъ неизмѣннымъ законамъ и т. д., и т. д.». Словомъ, поскольку онъ человѣкъ науки, поскольку онъ что нибудь знаетъ, постольку онъ и матеріалистъ; а за предѣлами своей науки, гдѣ онъ не чувствуетъ себя дома, онъ переводитъ свое незнаніе на греческій языкъ и называетъ его агностицизмомъ.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно: будь я даже агностикомъ, я не могъ бы назвать свою историческую теорію—«историческимъ агностицизмомъ». Иначе религіозные люди высмѣяли бы меня, а агностики съ негодованіемъ спросили бы, не захотѣлъ ли я ихъ высмѣять. И такимъ образомъ мнѣ остается только надѣяться, что и британская «респектабельность», по-нѣмецки называемая филистерствомъ, будетъ не слишкомъ возмущена, если я на англійскомъ, какъ и на многихъ другихъ языкахъ, употреблю выраженіе: «историческій матеріализмъ» для обозначенія того историческаго міровоззрѣнія, которое конечную причину и опредѣляющую дви-

жущую силу всѣхъ важныхъ историческихъ событій видить въ экономическомъ развитіи общества, въ измѣненіяхъ способа производства и обмѣна, въ возникающемъ изъ этого распаденіи общества на различные классы и въ борьбѣ этихъ классовъ между собой.

Быть можетъ, ихъ благосклонность еще болѣе возрастетъ, если я покажу, что историческій матеріализмъ можетъ оказаться полезнымъ даже для респектабельнаго англійскаго филистера. Выше я указалъ на то обстоятельство, что лѣтъ сорокъ-пятьдесятъ тому назадъ каждаго пріѣхавшаго въ Англію образованнаго иностранца непріятно поражало религіозное ханжество,—доходящее, какъ ему казалось, до религіознаго помѣшательства —респектабельнаго средняго класса Англіи. Я теперь покажу, что этотъ респектабельный классъ въ то время не былъ такъ глупъ, какъ это могло казаться образованному иностранцу: его религіозныя тенденціи находятъ себѣ объясненіе.

Когда Европа вышла изъ эпохи средневѣковья, ея революціоннымъ элементомъ была восходящая буржуазія городовъ. Официально признанное положеніе, завоеванное ею внутри средневѣковой феодальной системы, стало слишкомъ тѣснымъ для ея дальнѣйшаго развитія. Свободное развитіе буржуазіи стало болѣе несовмѣстнымъ съ феодальной системой, и феодальная система должна была пасть.

Но великимъ международнымъ центромъ феодальной системы была римско-католическая церковь. Несмотря на всѣ внутренніе раздоры, она объединяла всю феодальную Западную Европу въ одно большое политическое цѣлое, противостоявшее какъ греко-православному, такъ и магометанскому міру. Она освятила феодальный строй вѣяномъ божественной благодати. Свою собственную іерархію она устроила по феодальному образцу, да и сама она была самымъ крупнымъ феодаломъ, такъ какъ ей принадлежала по крайней мѣрѣ третья часть всѣхъ католическихъ земель. И прежде, чѣмъ нанести ударъ свѣтскому феодализму въ каждой странѣ въ отдѣльности, надо было разрушить центральную церковную организацію.

Но съ ростомъ буржуазіи шагъ за шагомъ развивалась также съ необычайной силой и наука. Снова стали заниматься астрономіей, механикой, физикой, анатоміей, фізіологіей. Для развитія своего промышленнаго производства буржуазія нуждалась въ наукѣ, которая изслѣдовала бы свойства тѣлъ и дѣятельность силъ природы.

можетъ быть составлено изъ химическихъ элементовъ. Въ настоящее время мы еще довольно далеки отъ точнаго знанія состава и строенія высшихъ органическихъ субстанцій, такъ называемыхъ бѣлковыхъ тѣлъ, но нѣтъ никакого основанія отрицать, что, хотя бы черезъ столѣтїя, мы это знаніе приобрѣтемъ и съ его помощью сможемъ искусственно воспроизвести бѣлокъ. Если же это будетъ достигнуто, то мы, слѣдовательно, получимъ возможность искусственно воспроизводить органическую жизнь, ибо жизнь, отъ ея низшихъ до высшихъ формъ, представляетъ собою не что иное, какъ нормальную форму существованія бѣлковыхъ тѣлъ.

Но, сдѣлавъ эти формальныя оговорки, нашъ агностикъ говорить и дѣйствуетъ, какъ завзятый матеріалистъ, какимъ онъ въ сущности и является. Онъ можетъ сказать: «Насколько мы знаемъ, матерія и движеніе, или—какъ теперь говорятъ—энергія, не могутъ быть ни созданы, ни уничтожены, но у насъ нѣтъ никакого доказательства, что и та и другая не были въ какое нибудь неизвѣстное намъ время созданы». Но если вы попытаете использовать эту уступку въ какомъ нибудь конкретномъ случаѣ противъ него, онъ быстро заставитъ васъ замолчать. Допуская *in abstracto* возможность спиритуализма, онъ *in concreto* и слышать о немъ не хочетъ. Онъ скажетъ вамъ: «Насколько мы знаемъ, не существуетъ творца или правителя вселенной; насколько намъ извѣстно, матерія и энергія такъ же не могли быть созданы, какъ не могутъ быть уничтожены; для насъ мышленіе—только форма энергіи, только функція мозга; все, что мы знаемъ, указываетъ на то, что матеріальный міръ подчиненъ неизмѣннымъ законамъ и т. д., и т. д.». Словомъ, поскольку онъ человѣкъ науки, поскольку онъ что нибудь знаетъ, постольку онъ и матеріалистъ; а за предѣлами своей науки, гдѣ онъ не чувствуетъ себя дома, онъ переводитъ свое незнаніе на греческій языкъ и называетъ его агностицизмомъ.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно: будь я даже агностикомъ, я не могъ бы назвать свою историческую теорію—«историческимъ агностицизмомъ». Иначе религіозные люди высмѣяли бы меня, а агностики съ негодованіемъ спросили бы, не захотѣлъ ли я ихъ высмѣять. И такимъ образомъ мнѣ остается только надѣяться, что и британская «респектабельность», по-нѣмецки называемая филистерствомъ, будетъ не слишкомъ возмущена, если я на англійскомъ, какъ и на многихъ другихъ языкахъ, употреблю выраженіе: «историческій матеріализмъ» для обозначенія того историческаго міровоззрѣнія, которое конечную причину и опредѣляющую дви-

жущую силу всѣхъ важныхъ историческихъ событій видить въ экономическомъ развитіи общества, въ измѣненіяхъ способа производства и обмѣна, въ возникающемъ изъ этого распаденіи общества на различные классы и въ борьбѣ этихъ классовъ между собой.

Быть можетъ, ихъ благосклонность еще болѣе возрастетъ, если я покажу, что историческій матеріализмъ можетъ оказаться полезнымъ даже для респектабельнаго англійскаго филистера. Выше я указалъ на то обстоятельство, что лѣтъ сорокъ-пятьдесятъ тому назадъ каждаго пріѣхавшаго въ Англію образованнаго иностранца непріятно поражало религіозное ханжество,—доходящее, какъ ему казалось, до религіознаго помѣшательства —респектабельнаго средняго класса Англіи. Я теперь покажу, что этотъ респектабельный классъ въ то время не былъ такъ глупъ, какъ это могло казаться образованному иностранцу: его религіозныя тенденціи находятъ себѣ объясненіе.

Когда Европа вышла изъ эпохи средневѣковья, ея революціоннымъ элементомъ была восходящая буржуазія городовъ. Официально признанное положеніе, завоеванное ею внутри средневѣковой феодальной системы, стало слишкомъ тѣснымъ для ея дальнѣйшаго развитія. Свободное развитіе буржуазіи стало болѣе несовмѣстимымъ съ феодальной системой, и феодальная система должна была пасть.

Но великимъ международнымъ центромъ феодальной системы была римско-католическая церковь. Несмотря на всѣ внутренніе раздоры, она объединяла всю феодальную Западную Европу въ одно большое политическое цѣлое, противостоявшее какъ греко-православному, такъ и магометанскому міру. Она освятила феодальный строй вѣяномъ божественной благодати. Свою собственную іерархію она устроила по феодальному образцу, да и сама она была самымъ крупнымъ феодаломъ, такъ какъ ей принадлежала по крайней мѣрѣ третья часть всѣхъ католическихъ земель. И прежде, чѣмъ нанести ударъ свѣтскому феодализму въ каждой странѣ въ отдѣльности, надо было разрушить центральную церковную организацію.

Но съ ростомъ буржуазіи шагъ за шагомъ развивалась также съ необычайной силой и наука. Снова стали заниматься астрономіей, механикой, физикой, анатоміей, фізіологіей. Для развитія своего промышленнаго производства буржуазія нуждалась въ наукѣ, которая изслѣдовала бы свойства тѣлъ и дѣятельность силъ природы.

До этого времени наука была по отношенію къ церкви лишь смиренной служанкой, которой не позволялось переступать установленныя вѣрой границы — коротко говоря, она была воѣмъ, только не наукой. Теперь наука объявила бунтъ церкви, а буржуазія, нуждаясь въ наукѣ, присоединилась къ этому бунту.

Вышеизложеннымъ я затронулъ только два пункта, въ которыхъ расцвѣтавшая буржуазія приходила въ столкновеніе съ господствовавшей церковью. Но и сказаннаго вполне достаточно для доказательства, во-первыхъ, того, что наибольшее участіе въ борьбѣ противъ владычества католической церкви принимала буржуазія, и, во-вторыхъ, того, что всякая борьба противъ феодализма должна была тогда облачиться въ религіозный нарядъ и въ первую голову направить свои удары противъ церкви. Но если боевой кличъ исходилъ изъ университетовъ и торговыхъ круговъ городовъ, то онъ неизбѣжно находилъ живой откликъ въ массахъ крестьянскаго населенія, которое повсюду вело ожесточенную борьбу противъ духовныхъ и свѣтскихъ феодаловъ за самое свое существованіе.

Великая борьба европейской буржуазіи противъ феодализма достигла своего кульминаціоннаго пункта въ трехъ рѣшительныхъ битвахъ.

Первая—это то, что мы въ Германіи называемъ реформаціей. Отвѣтомъ на призывъ Лютера къ бунту противъ церкви были два политическихъ возстанія: сперва—низшаго дворянства подъ предводительствомъ Франца фонъ-Зиккингена въ 1523 году, затѣмъ—великая крестьянская война 1525 г. Оба они были подавлены, главнымъ образомъ вслѣдствіе нерѣшительности наиболѣе заинтересованной стороны — городской буржуазіи; причину этой нерѣшительности мы здѣсь объяснять не будемъ. Съ этого момента борьба выродилась въ нескончаемую свару отдѣльных князей съ центральной властью императора, и въ результатъ этой свары Германія была на цѣлыхъ 200 лѣтъ вычеркнута изъ рядовъ политически активныхъ націй Европы. Лютеранская реформація превратилась, конечно, въ новую религію, а какъ разъ въ религію, пригодную для абсолютной монархіи. Какъ только крестьяне сѣверо-востока Германіи приняли лютеранство, они изъ свободныхъ людей превратились въ крѣпостныхъ.

Но что не удалось Лютеру, то успѣлъ Кальвинъ. Его догма отвѣчала потребностямъ наиболѣе отважной части тогдашней буржуазіи. Его ученіе о предопредѣленіи было религіознымъ выраже-

ніемъ того факта, что въ торговомъ мірѣ, въ мірѣ конкуренціи, успѣхъ или банкротство зависитъ не отъ дѣятельности и ловкости отдѣльной личности, а отъ обстоятельствъ, внѣ ея лежащихъ. «Опредѣляетъ не воля отдѣльнаго человѣка и не его дѣянія, а милость» могучихъ, но неизвѣстныхъ экономическихъ силъ. И это было безусловно вѣрно въ эпоху экономического переворота, когда всѣ прежніе торговые пути и центры были вытѣснены новыми, когда были открыты Америка и Индія, когда даже цѣнность золота и серебра, этихъ издавна почитаемыхъ экономическихъ святынь, стала колебаться и стремительно падать. При этомъ церковный строй Кальвина былъ всецѣло демократическимъ и республиканскимъ; но тамъ, гдѣ царство Божіе стало республиканскимъ, могли ли земныя царства остаться вѣрноподданными своихъ королей, епископовъ и феодаловъ? Если лютеранство дало удобное орудіе въ руки мелкихъ нѣмецкихъ князей, то кальвинизмъ основалъ республику въ Голландіи и сильныя республиканскія партіи въ Англіи и особенно въ Шотландіи.

Въ кальвинизмѣ второе великое движеніе буржуазіи нашло себѣ уже готовую боевую теорію. Движеніе это произошло въ Англіи. Городская буржуазія дала толчокъ революціи, а среднее крестьянство (уеопангу) сельскихъ округовъ довело борьбу до побѣды. И интересно отмѣтить, что во всѣхъ трехъ буржуазныхъ революціяхъ крестьянство поставляло главную армію борцовъ, но оно же было какъ разъ тѣмъ классомъ, который больше всего разорился отъ экономическихъ послѣдствій одержанной имъ побѣды. Черезъ сто лѣтъ послѣ Кромвеля англійскіе уеопангу почти совершенно исчезли. Но во всякомъ случаѣ, только благодаря вышпательству этихъ уеопангу и плебейскихъ элементовъ городовъ, борьба была доведена до рѣшительнаго конца, и Карлъ I былъ взведенъ на эшафотъ. Именно для того, чтобы буржуазія могла пожать уже созрѣвшіе плоды побѣды, было необходимо, чтобы революція зашла гораздо дальше своей первоначальной цѣли — точь-въ-точь какъ въ 1793 г. во Франціи и въ 1848 г. въ Германіи. Указанное явленіе, повидимому, представляетъ собою одинъ изъ законовъ развитія буржуазнаго общества.

Этотъ излишекъ революціонной дѣятельности смѣнился неизбежной реакціей, которая, въ свою очередь, тоже пошла дальше своей цѣли. Послѣ цѣлаго ряда колебаній новый центръ тяжести былъ, наконецъ, найденъ и послужилъ исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго развитія. Замѣчательный періодъ англійской исторіи,

называемый филистерами эпохой «великаго мятежа», и слѣдовавшія за нимъ битвы завершились оравнительно ничтожнымъ событіемъ 1689 года, которое либеральные историки называютъ «славной революціей».

Новымъ исходнымъ пунктомъ былъ компромиссъ между развивающейся буржуазіей и нѣкогда феодальными крупными землевладельцами. Хотя послѣдніе тогда, какъ и сейчасъ, назывались аристократами, но они уже давно находились на пути къ тому положенію, какое значительно позже занялъ Луи-Филиппъ во Франціи: именно, къ положенію первыхъ буржуа націи. Къ счастью для Англіи, старые феодальные бароны уничтожили другъ друга въ войнахъ между бѣлой и алой розой. Ихъ наслѣдники — хотя большей частью и отпрыски тѣхъ же старинныхъ фамилій — происходили, однако, изъ столь отдаленныхъ боковыхъ линій, что они составили совершенно новую корпорацію; ихъ привычки и стремленія отличались гораздо болѣе буржуазнымъ характеромъ, чѣмъ феодальнымъ; они прекрасно знали цѣну денегъ и быстро принялись вздувать земельную ренту, вытѣсняя своими овцами сотни мелкихъ арендаторовъ. Генрихъ VIII массами создавалъ новыхъ буржуазныхъ лэндлордовъ, раздавая направо и налево и продавая за безцѣнокъ церковныя имущества; къ этому же приводили безпрерывно продолжавшіяся до конца семнадцатаго столѣтія конфискаціи крупныхъ помѣстій, переходившихъ затѣмъ къ временщикамъ разнаго ранга. Вотъ почему англійская «аристократія» со времени Генриха VIII не только не противодѣйствовала развитію промышленнаго производства, но, наоборотъ, старалась извлечь изъ нея для себя пользу. Точно также всегда находилась часть крупныхъ землевладельцевъ, которая, изъ экономическихъ или политическихъ соображеній, готова была къ совмѣстной дѣятельности съ руководителями финансовой и индустріальной буржуазіи.

Благодаря всему этому, компромиссъ 1689 г. легко осуществился. Политическія *prolia opima* — должности, синекуры, большіе оклады — остались за крупнымъ помѣстнымъ дворянствомъ, но подъ тѣмъ условіемъ, что оно въ достаточной мѣрѣ будетъ блюсти экономическіе интересы средняго класса, занятаго финансовыми, промышленными и торговыми дѣлами. А эти экономическіе интересы къ тому времени были уже достаточно могущественны; въ концѣ концовъ они стали опредѣлять общую политику націи. По отдѣльнымъ вопросамъ еще могли быть споры, но аристократическая олигархія

слишкомъ хорошо знала, что ея собственное преусиѣніе негарывной цѣлью связано съ процвѣтаніемъ промышленной и торговой буржуазіи.

Съ этого времени буржуазія стала хотя и скромной, но официально признанной составной частью господствующихъ классовъ Англіи. вмѣстѣ съ аристократіей буржуазія была заинтересована въ угнетеніи широкихъ трудящихся массъ народа. По отношенію къ своимъ приказчикамъ, рабочимъ, прислугѣ—купецъ и фабрикантъ занимаютъ положеніе хозяевъ-кормильцевъ или, какъ въ Англіи еще недавно выражались, «поставленныхъ самой природой начальниковъ». Буржуа долженъ выжать изъ своихъ рабочихъ возможно больше труда возможно лучшаго качества; а для этого ему необходимо воспитать ихъ въ соотвѣтствующей покорности. Самъ онъ религіозенъ; религія ему дала то знамя, подъ которымъ онъ боролся съ королями и лордами; очень скоро онъ въ религіи открылъ также средство для обработки душъ своихъ подчиненныхъ въ духѣ послушанія всѣмъ приказамъ хозяина-кормильца, поставленнаго надъ ними неисповѣдимымъ божественнымъ предопредѣленіемъ. Короче говоря, англійскій буржуа сталъ теперь участвовать въ угнетеніи «низшихъ классовъ», широкихъ трудящихся народныхъ массъ, и, какъ однимъ изъ необходимыхъ для этого средствъ, онъ сталъ пользоваться вліяніемъ религіи.

Но сюда присоединилось еще одно обстоятельство, усилившее религіозныя симпатіи буржуазіи, именно—возникновеніе въ Англіи матеріализма. Это новое безбожное ученіе не только возмутило богобоязненное среднее сословіе; оно, кромѣ того, объявило себя философіей исключительно для ученыхъ и образованныхъ свѣтскихъ людей въ противоположность религіи, которая-де въ достаточной мѣрѣ годится для широкой необразованной массы, включая сюда и буржуазію. Въ лицѣ Гоббса матеріализмъ выступилъ на сцену въ роли защитника королевскаго всевластія и призывалъ абсолютную монархію къ обузданію народа, этого *puer robustus sed malitiosus*. Равнымъ образомъ и у послѣдователей Гоббса — Болинброка, Шефтсбюри и др.—новая деистическая форма матеріализма осталась аристократическимъ, эзотерическимъ ученіемъ, ненавистнымъ буржуазіи не только за его религіозное еретичество, но и за его антибуржуазныя политическія симпатіи. Вотъ почему, въ противоположность матеріализму и деизму аристократіи, боевыя силы прогрессивнаго средняго класса составили протестантскія секты,

принимавшія главное участіе въ борьбѣ со Стюартами и посейчасъ еще образующія позвоночникъ «великой либеральной партіи».

Между тѣмъ изъ Англіи материализмъ перешелъ во Францію, гдѣ онъ засталъ другую материалистическую школу философіи, вышедшую изъ картезіанства, съ которой онъ и слился.

И во Франціи материализмъ вначалѣ оставался исключительно аристократической доктриной. Скоро, однако, обнаружился его революціонный характеръ. Французскіе материалисты не ограничивали своей критики областью религіозныхъ вопросовъ; они подвергли также критикѣ всѣ научныя традиціи, всѣ политическіе институты своего времени. Чтобы доказать всеобщую приложимость своей теоріи, они избрали кратчайшій путь: они отважно примѣнили ее ко всѣмъ предметамъ знанія въ томъ гигантскомъ трудѣ, отъ котораго они получили свое названіе—въ знаменитой «Encyclopédie». Такъ материализмъ—въ формѣ ли открытаго материализма, или въ формѣ деизма—сталъ міровоззрѣніемъ всего образованнаго молодого поколѣнія Франціи. Дѣло дошло до того, что въ эпоху великой революціи это, пущенное въ ходъ англійскими роялистами, ученіе дало французскимъ республиканцамъ и террористамъ теоретическое знамя и помогло имъ выработать текстъ «Декларациі правъ человѣка».

Великая французская революція была третьимъ возстаніемъ буржуазіи, но первымъ, совершенно сбросившимъ съ себя религіозное облаченіе и проведеннымъ до конца открыто на политической почвѣ. Зато оно было также первымъ, дѣйствительно доведеннымъ до конца—до уничтоженія одного изъ противниковъ, аристократіи, и до полной побѣды другого—буржуазіи.

Въ Англіи непрерывность связи между до-революціонными и по-революціонными институтами и компромиссъ между крупными землевладѣльцами и капиталистами нашли свое выраженіе въ непрерывности дѣйствія судебныхъ прецедентовъ и въ почтительномъ сохраненіи феодальныхъ юридическихъ формъ. Во Франціи, напротивъ, революція окончательно порвала съ традиціями прошлаго, уничтожила послѣдніе остатки феодализма и въ Code civil мастерски приспособила къ новымъ капиталистическимъ отношеніямъ старое римское право, это почти совершенное выраженіе юридическихъ отношеній, возникшихъ на той ступени развитія, которую Маркъ обозначаетъ, какъ «товарное производство»;—до того мастерски, что этотъ революціонный сводъ французскихъ законовъ еще теперь служить для всѣхъ странъ, не исключая и Англіи, образцомъ при всякой реформѣ права собственности.

При этомъ, однако, не слѣдуетъ забывать одного: если англійское право выражаетъ экономическія отношенія капиталистическаго общества варварскимъ феодальнымъ языкомъ, который такъ же мало соответствуетъ выражаемой имъ вещи, какъ англійская орѳографія англійскому произношенію—vous écrivez Londres et vous prononcez Constantinople (пишется Лондонъ, а произносится Константинополь), сказалъ одинъ французъ,—то это самое англійское право все же является единственнымъ, сохранившимъ во всей чистотѣ и перенесшимъ въ Америку и колоніи лучшую часть той личной свободы, того мѣстнаго самоуправленія, той гарантіи отъ всякихъ внѣшнихъ посягательствъ, исключая лишь посягательства со стороны суда,—словомъ, лучшую часть всѣхъ тѣхъ старо-германскихъ вольностей, которыя погибли на континентѣ при абсолютной монархіи и до сихъ поръ еще нигдѣ въ полной мѣрѣ не завоеваны вновь.

Но вернемся къ нашему англійскому буржуа. Французская революція дала ему прекрасный случай при помощи континентальныхъ монархій подорвать морскую торговлю Франціи, присоединить къ Англіи французскія колоніи и подавить послѣднія притязанія Франціи на морское соперничество. Это послужило первымъ основаніемъ для борьбы англійскаго буржуа съ французской революціей. Вторымъ основаніемъ было то, что ему совсѣмъ не по душѣ припались методы этой революціи: не только ея «достойный проклятыя» терроризмъ, но и самая ея попытка довести господство буржуазіи до крайнихъ предѣловъ. Развѣ можетъ англійскій буржуа приняться за что нибудь безъ своей аристократіи, давшей ему манеры, изобрѣтающей для него моды, поставляющей ему офицеровъ для арміи—этой охранительницы порядка у себя дома, и для флота—этого завоевателя новыхъ колоніальныхъ владѣній и рынковъ? Конечно, было и прогрессивное меньшинство буржуазіи—люди, интересы которыхъ не очень выиграли отъ компромисса; это меньшинство, состоявшее изъ менѣе состоятельныхъ слоевъ средняго класса, симпатизировало революціи, но оно не имѣло силы въ парламентѣ.

Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе матеріализмъ становился символомъ вѣры французской революціи, тѣмъ крѣпче богобоязненный англійскій буржуа держался за свою религію. И развѣ эпоха террора въ Парижѣ не показала, что получается, когда у народа отнята его религія? Чѣмъ больше матеріализмъ распространялся изъ Франціи въ осѣднія страны, усиливаясь родственными ему теченіями—особенно нѣмецкой философійю,—чѣмъ больше матеріа-

лизмъ и вообще свободомысліе становились на континентѣ необходимымъ признакомъ образованнаго человѣка,—тѣмъ все упрямѣе англійскій средній классъ держался за свои разнообразныя религіозныя вѣрованія, которыя, несмотря на всѣ различія, были безусловно христіанскими религіозными вѣрованіями.

Въ то время, какъ во Франціи революція обезпечила политическій триумфъ буржуазіи, въ Англии—Уаттъ, Аркрайтъ, Картерайтъ и другіе произвели промышленную революцію, совершенно перемѣстившую центръ тяжести экономическаго могущества. Богатства буржуазіи стали теперь расти безконечно быстрѣе, чѣмъ богатства земельной аристократіи. Внутри самой буржуазіи финансовая аристократія, банкиры и т. п. стали все болѣе отступать на задній планъ передъ фабрикантами. Компромиссъ 1689 г., даже послѣ постепенно послѣдовавшихъ измѣненій его въ пользу буржуазіи, пересталъ соотвѣтствовать взаимнымъ отношеніямъ договорившихся сторонъ. Характеръ этихъ сторонъ значительно измѣнился: буржуазія 1830 года сильно отличалась отъ буржуазіи предыдущаго столѣтія. Оставшаяся еще у аристократіи политическая власть, которой она пользовалась противъ притязаній новой промышленной буржуазіи, стала несовмѣстимой съ новыми экономическими интересами. Новая борьба противъ аристократіи стала необходимой—и эта борьба могла кончиться только побѣдой новой экономической силы.

Подъ вліяніемъ французской революціи 1830 года прежде всего былъ проведенъ, несмотря на всѣ сопротивленія, актъ объ избирательной реформѣ, создавшій для буржуазіи офіціально признанное могущественное положеніе въ парламентѣ. Затѣмъ послѣдовала отмена хлѣбныхъ законовъ, разъ навсегда установившая господство интересовъ буржуазіи—именно, наиболѣе дѣятельной ея части: фабрикантовъ—надъ интересами земельной аристократіи. Это было величайшей побѣдой буржуазіи, но зато и послѣдней, одержанной ею исключительно въ ея собственныхъ интересахъ. Всѣ свои дальнѣйшіе триумфы она вынуждена была дѣлить съ новой соціальной силой, дѣйствовавшей вначалѣ въ союзѣ съ буржуазіей, но затѣмъ ставшей ея соперницей.

Промышленная революція создала классъ крупныхъ фабрикантовъ, но она же создала гораздо болѣе многочисленный классъ фабричныхъ рабочихъ. Этотъ классъ все увеличивался численно по мѣрѣ того, какъ промышленная революція захватывала одну отрасль производства за другой. Но вывѣтъ съ его числомъ выро-

сла и его сила, и это сказалось уже въ 1824 году, когда онъ заставилъ упрямый парламентъ отмѣнить законы противъ свободы коалицій. Во время агитаціи за избирательную реформу рабочіе составляли радикальное крыло партіи реформы; но когда актомъ 1832 года рабочіе были лишены избирательныхъ правъ, они объединили свои требованія въ народной хартіи (people's charter) и образовали, въ противоположность большой буржуазной партіи противниковъ хлѣбныхъ законовъ, свою независимую чартистскую партію, которая была *первой рабочей партіей* нашего времени.

Затѣмъ разыгрались континентальныя революціи февраля и марта 1848 г., въ которыхъ рабочіе играли такую значительную роль, и гдѣ они, по крайней мѣрѣ въ Парижѣ, выступили съ такими требованіями, которыя были рѣшительно недопустимы съ точки зрѣнія капиталистическаго общества. И тогда-то наступила всеобщая реакція: сначала пораженіе чартистовъ 10-го апрѣля 1848 г.; затѣмъ, въ іюнь того же года, разгромъ парижскаго рабочаго возстанія; потомъ неудачи 49 года въ Италіи, Венгріи, южной Германіи; наконецъ, побѣда Луи-Бонапарта надъ Парижемъ 2-го декабря 1851 года. Такъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, былъ уничтоженъ страшный призракъ рабочихъ требованій, но — какою цѣною! И если англійскій буржуа еще раньше былъ убѣжденъ въ необходимости держать простой народъ въ религіозной уздѣ, то насколько острѣе долженъ былъ онъ почувствовать эту необходимость послѣ всего имъ пережитаго! И, ничуть не смущаясь насмѣшками своихъ континентальныхъ коллегъ, онъ продолжалъ изъ года въ годъ тратить тысячи и десятки тысячъ въ цѣляхъ евангелизаціи низшихъ слоевъ народа. Недовольный своими собственными религіозными аппаратами, онъ обратился къ брату Іонаану, величайшему въ то время организатору религіозныхъ предпріятій, и сталъ импортировать изъ Америки ревивализмъ и тому подобный религіозный товаръ; въ концѣ онъ даже взялъ себѣ опаснаго защитника—«Армію Спасенія», вновь оживившую способъ пропаганды первыхъ христіанъ: она обращается къ бѣднымъ, какъ къ избраннымъ, ведетъ на свой религіозный ладъ борьбу съ капитализмомъ и культивируетъ такимъ образомъ элементы древне-христіанской классовой борьбы, которые въ одинъ прекрасный день могутъ оказаться весьма фатальными для богатыхъ, выкладывающихъ теперь на это дѣло свои кровныя денежки.

Можно признать за законъ историческаго развитія, что ни въ одной европейской странѣ буржуазія не можетъ—по крайней мѣрѣ,

на болѣе продолжительное время—въ такой исключительной мѣрѣ захватить въ свои руки политическую власть, въ какой ею владѣла феодальная аристократія въ средніе вѣка. Даже во Франціи, гдѣ феодализмъ былъ такъ основательно искорененъ, вся буржуазія, какъ единый классъ, обладала властью лишь на протяженіи короткихъ періодовъ. При Луи-Филиппѣ отъ 1830 до 1848 г. господствовала только небольшая часть буржуазіи, такъ какъ высокій имущественный цензъ совершенно лишалъ большую часть ея избирательнаго права. Во Второй Республикѣ господствовала, правда, вся буржуазія, но всего только 3 года; ея неспособность къ власти проложила дорогу для Второй Имперіи. И лишь теперь, при Третьей Республикѣ, буржуазія, какъ цѣлое, стоитъ уже цѣлыхъ 20 лѣтъ¹⁾ у кормила правленія, но при этомъ она уже теперь обнаруживаетъ отрадные признаки разложенія. Долголѣтнее господство буржуазіи было до сихъ поръ возможнымъ только въ такихъ странахъ, какъ Америка, гдѣ никогда не существовало феодализма, и гдѣ общество съ самаго начала стояло на буржуазной почвѣ. И даже во Франціи и Америкѣ въ дверь буржуазіи уже громко стучится ея наслѣдникъ—рабочій.

Въ Англіи буржуазія никогда не пользовалась нераздѣльнымъ господствомъ. Даже послѣ побѣды 1832 г. въ рукахъ аристократіи осталось почти исключительное обладаніе всѣми высшими правительственными постами. Покорность, съ какою богатый средній классъ мирился съ этимъ явленіемъ, оставалась для меня непостижимой, пока въ одинъ прекрасный день крупный либеральный фабрикантъ В. А. Форстеръ не произнесъ рѣчи, въ которой заклиналъ молодыхъ людей Брэдфорда, ради ихъ собственныхъ успѣховъ въ жизни, изучать французскій языкъ, причемъ рассказалъ, въ какомъ глупомъ положеніи онъ очутился однажды, когда ставши государственнымъ министромъ, былъ приглашенъ въ одно общество, въ которомъ французскій языкъ былъ по меньшей мѣрѣ такъ же необходимъ, какъ англійскій! И, дѣйствительно, тогдашніе англійскіе буржуа были въ среднемъ совершенно невѣжественными выскочками, и волей-неволей должны были предоставить аристократіи всѣ тѣ высшіе государственные посты, для которыхъ требовались еще иныя качества, кромѣ островной ограниченности и островной

¹⁾ Статья эта написана Энгельсомъ въ 1892 году.

спеси, приправленныхъ коммерческой хитростью¹⁾. Еще и теперь безконечные газетные дебаты о «Middle class education»²⁾ показываютъ, что англійскій средній классъ все еще не совсѣмъ считаетъ себя пригоднымъ для хорошаго воспитанія и все стремится къ чему нибудь поскромнѣе.

Итакъ, даже послѣ отмены хлѣбныхъ законовъ казалось само собою понятнымъ, что люди, одержавшіе побѣду,—всѣ эти Кобденъ, Брайты, Форстеры и т. д.,—остались внѣ всякаго участія въ официальномъ правительствѣ, пока, наконецъ, спустя 20 лѣтъ, новая реформа не открыла имъ двери министерства. Но и до сихъ поръ еще англійская буржуазія такъ глубоко пропитана сознаніемъ своего болѣе низкаго общественнаго положенія, что она на свои собственные и народные средства содержитъ привилегированную касту туземцевъ, на обязанности которой лежитъ достойнымъ образомъ представить націю во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, и что она считаетъ себя удостоенной высшей чести, когда какой нибудь бур-

1) Даже въ коммерческихъ дѣлахъ эта національно-шовинистская спесь — скверный совѣтникъ. До самаго послѣдняго времени средній англійскій фабрикантъ считалъ унизительнымъ для англичанина употреблять какое нибудь другое нарѣчіе, кромѣ своего собственнаго, и до извѣстной степени гордился тѣмъ, что эти „бѣдняги“ иностранцы, селятся въ Англию, избавляя его такимъ образомъ отъ труда вывозить свои товары за границу. При этомъ онъ не замѣчалъ, что эти иностранцы, большей частью нѣмцы, забираютъ такимъ образомъ въ свои руки большую часть англійской внѣшней торговли какъ по вывозу, такъ и по ввозу, и что непосредственныя торговыя сношенія англичанъ съ заграницей начинаютъ постепенно ограничиваться предѣлами колоній, Китая, Соединенныхъ Штатовъ и Южной Америки. Еще меньше замѣчалъ онъ, что эти нѣмцы торгуютъ за границей съ нѣмцами же, покрывшими съ теченіемъ времени весь міръ цѣлою сѣтью торговыхъ колоній. Когда же, лѣтъ сорокъ тому назадъ, Германія серьезно принялась за производство предметовъ вывоза, она нашла въ этихъ колоніяхъ готовое орудіе, сослужившее ей большую службу въ дѣлѣ превращенія ея въ такое короткое время изъ страны, вывозящей хлѣбъ, въ промышленную страну перваго ранга. Наконецъ, лѣтъ 10 тому назадъ, англійскаго фабриканта обуялъ страхъ, и онъ запросилъ своихъ посланниковъ и консуловъ, какъ это случилось, что онъ не можетъ уже удержать всѣхъ своихъ кліентовъ. Единогласный отвѣтъ былъ таковъ: 1) вы не изучаете языка вашихъ кліентовъ, а желаете, чтобы они говорили на вашемъ языкѣ, и 2) вы совершенно не стараетесь удовлетворить потребностямъ, привычкамъ и вкусамъ вашихъ кліентовъ, а желаете, чтобы они усвоили ваши, англійскіе.

2) Дебаты о постановкѣ образованія въ средней школѣ.

жуа признается заслуживающимъ принятія въ эту замкнутую корпорацію, сфабрикованную въ концѣ концовъ самою же буржуазіей.

Не успѣлъ еще промышленный и коммерческій средній классъ окончательно отнять политическую власть у земельной аристократіи, какъ на сцену выступилъ новый конкурентъ—рабочій классъ.

Реакція, наступившая послѣ чартистскаго движенія и континентальныхъ революцій, и къ тому еще невиданный ростъ англійской индустріи между 1848 и 1868 гг. (приписываемый обыкновенно исключительно свободной торговлѣ, но на самомъ дѣлѣ объясняемый колоссальнымъ ростомъ числа желѣзныхъ дорогъ, океанскихъ пароходовъ и, вообще, средствъ передвиженія) — вновь привели рабочихъ къ либерализму,—и, какъ въ до-чартистское время, они образовали его радикальное крыло. Скоро, однако, требованія со стороны рабочихъ избирательнаго права стали непреодолимыми; въ то время, какъ виги, вожаки либераловъ, нерѣшительно торговались, Дизраэли показалъ свое превосходство надъ ними: онъ использовалъ благопріятный для торіевъ моментъ и ввелъ въ городскихъ округахъ избирательную систему, включавшую всѣхъ занимавшихъ отдѣльную квартиру, и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилъ самые округа. Вслѣдъ за этимъ послѣдовало введеніе тайнаго голосованія (the ballot); затѣмъ, въ 1884 г., избирательныя права были распространены и на округа графствъ, причемъ самые округа были наново перераспредѣлены и хоть нѣсколько уравнены. Благодаря всему этому, сила рабочаго класса на выборахъ такъ возрасла, что теперь въ 150—200 округахъ рабочіе составляютъ большинство избирателей. Но нѣтъ лучшей школы почтительнаго отношенія къ традиціи, чѣмъ парламентская система! Если средній классъ глядѣлъ благоговѣйно и почтительно на группу, прозванную въ шутку Джономъ Маннерсомъ—«нашимъ старымъ дворянствомъ», то масса рабочихъ съ меньшимъ почтеніемъ смотрѣла тогда на такъ называемый «благородный классъ» — буржуазію. И, дѣйствительно, лѣтъ 15 тому назадъ англійскій рабочій былъ образцовымъ рабочимъ; его почтительное вниманіе къ положенію своего работодателя, его самообузданіе и кротость въ собственныхъ запросахъ изливали цѣлительный бальзамъ на раны нашихъ нѣмецкихъ катедеръ-соціалистовъ, полученныя ими отъ неискоренимыхъ коммунистическихъ и революціонныхъ тенденцій ихъ родного, нѣмецкаго рабочаго.

Однако, англійскіе буржуа были дѣловыми людьми и несравненно болѣе дальнозоркими, чѣмъ нѣмецкіе профессора. Только про-

тивъ собственной воли они дѣлились своей властью съ рабочими. Во время чартизма они хорошо изучили, на что способенъ народъ, этотъ *puer robustus sed malitiosus*. Съ этого времени большая часть требованій народной партіи была имъ насильно навязана и вошла въ законы страны. И теперь болѣе, чѣмъ когда либо, нужно было держать народъ въ уздѣ посредствомъ морали; но первымъ и самымъ важнымъ средствомъ моральнаго вліянія на массы остааось—религія. Отсюда — это главенство поповъ въ школьномъ управленіи, отсюда—все растущее самообложеніе буржуазіи въ пользу всевозможныхъ сортовъ религіозной демагогіи, начиная отъ ритуальныхъ и кончая «Арміей Спасенія».

И тогда-то насталъ триумфъ британскаго респектабельнаго филистерства надъ свободомысліемъ и религіознымъ индифферентизмомъ континентальнаго буржуа. Рабочіе Франціи и Германіи провиклись духомъ мятежа. Они повально были заражены социализмомъ, и при этомъ, по весьма понятнымъ соображеніямъ, отнюдь не пылали особенной любовью къ законности тѣхъ средствъ, съ помощью которыхъ они надѣялись завоевать господство. *Puer robustus*, дѣйствительно, становился день ото дня все болѣе *malitiosus*. Что же оставадось дѣлать нѣмецкой и французской буржуазіи для своего спасенія, какъ не выбросить втихомолку свое свободомысліе, совсѣмъ наподобіе развязнаго франта, который, когда его все болѣе и болѣе начинаетъ одолевать морская болѣзнь, бросаетъ дымящуюся сигару, которой онъ ранѣе хвастливо щеголялъ у борта корабля. Одинъ за другимъ бывше насмѣшники стали превращаться въ весьма благочестивыя созданія; они стали отзыватьсѣ съ почтеніемъ о церкви, ея ученіяхъ и обрядахъ и даже сами принялись ихъ продѣлывать, поскольку, понятно, нельзя было ихъ обойти. Французскіе буржуа стали отказываться по пятницамъ отъ мяса, а нѣмецкіе—терпѣливо потѣли на своихъ церковныхъ сидѣніяхъ, выслушивая до конца безконечныя протестантскія проповѣди. Со своимъ матеріализмомъ они попали въ бѣду, и послѣднимъ и единственнымъ средствомъ спасенія общества отъ полной гибели сталъ лозунгъ: «Религія должна быть поддержана въ народѣ!» Къ несчастью своему, они это открыли лишь послѣ того, какъ сдѣлали все, что было въ человѣческихъ силахъ, чтобы навсегда разрушить религію. И тогда-то наступило время, когда англійскій буржуа могъ, въ свою очередь, посмѣяться надъ ними и крикнуть имъ: «Глупцы! это я могъ бы вамъ сказать еще 200 лѣтъ тому назадъ!»

Все же я опасаясь, что ни религіозная придурковатость англій-

ской буржуазіи, ни *post festum* послѣдовавшее покаяніе континентальной не остановятъ поднимающагося могучаго пролетарскаго потока. Традиція—великій тормазъ, она—сила исторической инерціи. Но въ то же время она только пассивна, и потому должна уступить. Точно также и религія не можетъ служить долговѣчнымъ оплотомъ для капиталистическаго общества. Разъ наши юридическія, философскія и религіозныя представленія являются близкими или отдаленными отростками господствующихъ въ данномъ обществѣ экономическихъ отношеній, то эти представленія не могутъ надолго удержаться послѣ того, какъ экономическія отношенія кореннымъ образомъ измѣнились. Или мы должны повѣрять въ оверхъ-естественное откровеніе, или же признать, что никакія религіозныя проповѣди не въ силахъ поддержать распадающееся общество.

И, дѣйствительно, и въ Англіи рабочіе вновь пришли въ движеніе. Несомнѣнно, они скованы еще всякаго рода традиціями: буржуазными традиціями—сюда, напр., относится широко распространенный предразсудокъ, будто возможны только двѣ партіи—консервативная и либеральная, и будто рабочій классъ долженъ искать свое спасеніе только въ широкой либеральной партіи; рабочими предразсудками, унаслѣдованными со времени первыхъ рабочихъ попытокъ самостоятельной дѣятельности—сюда, напр., относится исключеніе изъ многихъ старыхъ *Trades Unions* всѣхъ тѣхъ рабочихъ, которые не отбыли опредѣленнаго времени ученичества, чѣмъ каждый такой союзъ, въ сущности, самъ себѣ воспитываетъ собственныхъ штрейкбрехеровъ. И все-таки, несмотря на все это, англійскій рабочій классъ двигается впередъ, о чемъ самъ профессоръ Брентано вынужденъ былъ огорченно сообщить своимъ собратьямъ. Рабочій классъ, какъ все въ Англіи, двигается медленными, отпѣренными шагами: здѣсь—съ нерѣшительностью, тамъ—съ нерѣдко безплодными попытками; мѣстами—съ чрезмерно осмотрительной недовѣрчивостью къ слову «соціализмъ», проникаясь въ то же время *сущностью* его;—но онъ двигается впередъ, и это движеніе охватываетъ одинъ слой рабочихъ за другимъ. Теперь оно разбудило «необученныхъ» рабочихъ лондонскаго Истъ-Энда, спавшихъ мертвымъ сномъ, и мы всѣ видѣли, какой мощный толчокъ дали ему эти новыя силы. И если поступъ англійскаго рабочаго не соответствуетъ нетерпѣнію многихъ, то они не должны забывать, что именно рабочій классъ сохранилъ въ себѣ лучшія стороны англійскаго національнаго характера, и что всякій шагъ впередъ, сдѣланный въ Англіи, уже никогда не пропадетъ даромъ. И если

сыновья старых чартистовъ, по изложеннымъ выше причинамъ, не дали намъ всего, что мы могли отъ нихъ ожидать, то все позволяетъ думать, что внуки окажутся достойными потомками своихъ дѣдовъ.

Однако, побѣда рабочаго класса Европы зависить не отъ одной Англіи. Она можетъ быть обезпечена лишь взаимодѣйствіемъ, по крайней мѣрѣ, Англіи, Франціи и Германіи. Въ двухъ послѣднихъ странахъ рабочее движеніе значительно опередило англійское. Въ Германіи оно даже отстоитъ на вполнѣ измѣримомъ разстояніи отъ побѣды. Успѣхъ, достигнутый тамъ за послѣдніи 25 лѣтъ, не имѣетъ себѣ равнаго. Онъ растетъ со все ускоряющейся быстротой. И если нѣмецкая буржуазія доказала, какъ сильно страдаетъ она отсутствіемъ политической способности, дисциплины, мужества и энергіи, то нѣмецкій рабочій классъ показалъ, что всѣми этими качествами онъ обладаетъ въ богатой мѣрѣ. Почти четыреста лѣтъ тому назадъ Германія была исходнымъ пунктомъ первыхъ великихъ возстаній средняго класса Европы; не возможно ли при теперешнемъ положеніи вещей, что Германія станетъ также ареной первой великой побѣды европейскаго пролетаріата?

К. Каутскій.

Бернштейнъ и матеріалистическое пониманіе исторіи.

Дать подробный критическій разборъ книги Бернштейна—это значить написать большую книгу: столь многочисленны затрагиваемые ею вопросы. Въ будущемъ, быть можетъ, и явится необходимость взяться за такой трудъ. Но даже если мы ограничимся критикой только главнѣйшихъ положеній Бернштейна, то и тогда мы будемъ имѣть передъ собой задачу, разрѣшеніе которой грозитъ выйти изъ рамокъ журнальной статьи. Поэтому я раздѣлилъ свою критику на отдѣльныя части и свои соображенія по болѣе практическимъ вопросамъ, по вопросамъ программы и тактики, напечаталъ въ газетѣ «Vorwärts». Здѣсь же (въ «Neue Zeit»), я предполагаю касаться лишь болѣе академическихъ вопросовъ метода и теоріи, отношенія Бернштейна къ матеріалистическому пониманію исторіи, къ діалектикѣ и къ теоріи стоимости. Но и эти, на первый взглядъ, чисто академическіе вопросы приведутъ насъ къ актуальнымъ и практическимъ выводамъ. Пусть поэтому читатель не боится того, что мы цѣликомъ погрузимся въ абстракціи.

Бернштейнъ вполнѣ правильно находитъ, что «никто не станетъ спорить, что главнѣйшей частью фундамента марксизма, такъ сказать, основнымъ закономъ, проникающимъ всю систему Маркса, является его специфическая *историческая теорія*, несущая названіе матеріалистическаго пониманія исторіи. Всякое ограниченіе этой теоріи отражается на взаимномъ отношеніи остальныхъ частей системы Маркса. Въ виду этого каждое изслѣдованіе правильности марксовой системы должно исходить изъ вопроса о томъ, вѣрна ли и насколько вѣрна эта теорія.

«Вопросъ о правильности матеріалистическаго пониманія исторіи

есть вопросъ о *степени* исторической необходимости. Быть материалистомъ значить прежде всего признавать необходимость всего совершающагося... Такимъ образомъ материалистъ—это кальвинистъ безъ Бога» ¹⁾).

Марксистское пониманіе исторіи въ своей первоначальной формѣ, которую мы находимъ въ предисловіи къ «Критикѣ политической экономіи», также было детерминистично, то есть оно исходило изъ положенія о необходимости всего совершающагося въ мірѣ социальномъ, какъ и во всемъ остальномъ мірѣ. Однако, утверждаетъ Бернштейнъ, позже, въ «Капиталѣ», «Анти-Дюрингѣ» и наконецъ въ нѣкоторыхъ письмахъ Энгельса, относящихся къ началу 90-ыхъ годовъ, этотъ взглядъ подвергся ограниченіямъ.

«Въ настоящее время мы находимъ материалистическое пониманіе исторіи не въ томъ видѣ, какой ему первоначально придали его творцы. У нихъ самихъ совершило оно свое развитіе, и сами творцы потомъ ограничили абсолютное его значеніе... Основная идея теоріи не теряетъ отъ этого въ единствѣ, но зато сама теорія выигрываетъ въ научности. Благодаря этимъ дополненіямъ она впервые дѣйствительно становится теоріей научнаго объясненія исторіи... Въ качествѣ научной основы социалистической теоріи, материалистическое пониманіе исторіи годится лишь съ приведенными выше дополненіями, и всѣ выводы, при которыхъ не обращено или недостаточно обращено вниманія на указанное взаимодѣйствіе материальныхъ и идеологическихъ силъ, должны быть соотвѣтственно исправлены, все равно, дѣлаются ли эти выводы самими творцами теоріи или другими лицами...

«Философскій или естественно-научный материализмъ детерминистиченъ, марксистское же пониманіе исторіи не детерминистично; материальной основѣ жизни народовъ оно не приписываетъ безусловно опредѣляющаго вліянія на формы этой жизни».

Таковъ въ главнѣйшихъ чертахъ взглядъ Бернштейна на материалистическое пониманіе исторіи.

Если мы станемъ его ближе разсматривать, то намъ прежде всего бросится въ глаза, что Бернштейнъ сваливаетъ въ одну кучу два вопроса, которые необходимо строго раздѣлять: во-первыхъ, вопросъ о томъ, какъ Марксъ и Энгельсъ понимали историческій процессъ, и, во-вторыхъ, вопросъ о правильности этого ихъ пони-

¹⁾ Всѣ цитаты безъ указанія источника взяты изъ книги Бернштейна: «Предпосылки социализма и задачи социаль-демократіи». *Прим. перев.*

манія. Онъ утверждаетъ, что Марксъ и Энгельсъ лишь вначалѣ были детерминистами въ исторіи, впослѣдствіи же перестали быть таковыми,—*следовательно*, детерминистическое пониманіе исторіи ошибочно и ненаучно. Если бы даже послышки были вѣрны, я бы все же рѣшительно оспаривалъ такой выводъ.

Правильно ли и насколько правильно матеріалистическое пониманіе исторіи—этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ не на основаніи писемъ и статей Маркса и Энгельса, а только на основаніи анализа самой исторіи. Какъ ни уничтожающе отзывается Бернштейнъ объ «удобномъ словечкѣ»: *схоластика*, я совершенно согласенъ съ Лафаргомъ, когда онъ называетъ схоластикой манеру дискутировать вопросъ о правильности матеріалистическаго пониманія исторіи въ пустомъ пространствѣ вмѣсто того, чтобы провѣрить ее на конкретныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ. Такого же взгляда держались и Марксъ и Энгельсъ, что не только мнѣ лично извѣстно изъ частныхъ бесѣдъ съ послѣднимъ, но что доказывается также тѣмъ страннымъ на первый взглядъ фактомъ, что оба они очень рѣдко и лишь кратко говорили о своей теоріи, но большую часть своей жизни потратили на примѣненіе ея къ изслѣдованію дѣйствительности.

Не менѣе замѣчателенъ другой фактъ, а именно, что тѣ марксисты, которые, слѣдуя ихъ примѣру, занимались матеріалистическимъ изслѣдованіемъ исторіи, никогда не расходились ни между собой, ни со своими учителями въ опредѣленіи того, что слѣдуетъ понимать подъ историческимъ матеріализмомъ. Не въ томъ, конечно, смыслѣ, чтобы каждый изъ насъ безусловно соглашался съ выводами другихъ—даже многіе выводы Энгельса и Маркса оказываются въ настоящее время несостоятельными. Но среди историковъ марксовой школы нѣтъ споровъ о томъ, что всѣ ихъ изслѣдованія подтверждаютъ историческую теорію, изложенную Марксомъ въ упомянутомъ уже предисловіи къ «Критикѣ политической экономіи». Только не-историки оспариваютъ научный характеръ этой теоріи.

Но,—говоритъ Бернштейнъ,—впослѣдствіи Марксъ и Энгельсъ стали на другую точку зрѣнія и ограничили свою теорію, придавъ ей тѣмъ самымъ болѣе научный характеръ.

И тутъ Бернштейнъ сваливаетъ въ одну кучу два вопроса, которые имѣютъ, правда, много точекъ соприкосновенія, но которые необходимо строго раздѣлять, если не хотятъ вмѣсто яснаго отвѣта получить расплывчатый. Бернштейнъ совершенно ошибочно ставитъ знакъ равенства между детерминизмомъ и той теоріей, которая при-

знаеть, что состояніе общества опредѣляется развитіемъ производительныхъ силъ. Прежде всего ошибочно его утвержденіе, что быть матеріалистомъ значить признавать необходимость всего совершающагося. Конечно, матеріалистъ признаеть, что все совершается въ силу необходимости, другими словами, что всѣ явленія нашего опыта подчинены закону причинности,—но вѣдь это признають и многіе идеалисты. Поэтому, если даже согласиться съ Бернштейномъ, что Марксъ и Энгельсъ впоследствии ограничили опредѣляющую силу производственныхъ отношеній и отвели идеямъ самостоятельную роль, то это отнюдь еще не значить, что ихъ историческая теорія потеряла свой детерминистическій характеръ.

Возьмемъ для примѣра историческую теорію Бокля, который достаточно далекъ отъ марксизма. Бокль не имѣлъ еще никакого представленія о томъ, что каждой общественной формаціи соотвѣтствуютъ свои особые экономическіе законы; онъ стоялъ еще на почвѣ либеральной экономіи, которой законы развитаго товарнаго производства казались естественными законами всякаго хозяйства; въ исторіи онъ видѣлъ только два фактора—природу и духъ, и основной пружиной историческаго процесса онъ считалъ духовное развитіе, прогрессъ нашего знанія. Если подъ этимъ разумѣть прогрессъ въ области открытій и изобрѣтеній, то теорія Бокля логически приводитъ къ марксизму. Однако, стать на этотъ путь Боклю помѣшала его либеральная точка зрѣнія, для которой законы господствующаго способа производства представлялись естественными законами. Съ этой точки зрѣнія общественный прогрессъ заключается въ томъ, чтобы, все съ большей ясностью познавая естественные законы общественнаго развитія, устроить общество сообразно этимъ вѣчнымъ истинамъ.

Историческая теорія Бокля совершенно отлична отъ теоріи Маркса, и, однако, она тоже рѣшительно признаеть необходимость всего совершающагося.

Итакъ, мы должны провести рѣзкую грань между утвержденіемъ Бернштейна, будто Марксъ и Энгельсъ въ концѣ концовъ отказались отъ историческаго детерминизма, и тѣмъ его утвержденіемъ, будто впоследствии они стали приписывать экономическому фактору менѣе важную роль въ историческомъ развитіи.

Но изъ положеній Бернштейна вытекаетъ еще одно слѣдствіе. По опредѣленію самого Бернштейна, матеріалистъ, это—детерминистъ. Марксистское пониманіе исторіи,—говоритъ онъ,—вначалѣ было детерминистическимъ, но затѣмъ освободилось отъ детерми-

низма. Но вѣдь Марксъ и Энгельсъ до конца своей жизни оставались матеріалистами. Не значить ли это, что съ точки зрѣнія Бернштейна они вначалѣ были послѣдовательными мыслителями, а потомъ стали непослѣдовательными?

Этотъ переходъ отъ послѣдовательности къ непослѣдовательности является, конечно, въ глазахъ Бернштейна переходомъ къ болѣе высокой научности, и онъ требуетъ, чтобы мы приняли марксистскую теорію въ ея непослѣдовательной, а не въ ея послѣдовательной формѣ.

Но что такое наука? Познаніе *необходимой*, законмѣрной связи явленій. Явленія, которыя отличаются такой сложностью, что нѣтъ еще возможности отыскать ихъ необходимую связь, такъ что мы видимъ въ нихъ только господство случая и произвола, такія явленія лежатъ внѣ сферы науки. Прогрессъ науки заключается въ ограниченіи царства случая и произвола, въ распространеніи на него законовъ познанной необходимости. Великое дѣяніе Маркса и Энгельса въ томъ и состоитъ, что они болѣе успѣшно, чѣмъ ихъ предшественники, присоединили область историческаго изслѣдованія къ царству необходимости и тѣмъ подняли исторію на степень науки. И вотъ приходитъ Бернштейнъ и заявляетъ, что ихъ научная заслуга заключается въ томъ, что они изгнали детерминизмъ изъ исторіи!

Особенно страннымъ при этомъ является то обстоятельство, что Марксъ и Энгельсъ сами никогда и не узнали о такомъ коренномъ переворотѣ, совершившемся въ ихъ мышленіи. По словамъ самого Бернштейна, матеріалистическое пониманіе исторіи образуетъ фундаментъ всей системы,—и вотъ изъ этого фундамента Марксъ и Энгельсъ въ ходѣ своего развитія удаляютъ самую существенную его часть, детерминизмъ, и при этомъ до конца дней своихъ продолжаютъ думать, что исповѣдуютъ ту же самую историческую теорію! Въ своемъ письмѣ къ Конраду Шмидту отъ 27-го октября 1890 г.—на это письмо ссылается и Бернштейнъ—Энгельсъ указываетъ на «18-ое брюмера», написанное въ 1852 г., какъ на образецъ матеріалистическаго объясненія исторіи!

Какія убѣдительныя доказательства необходимо было здѣсь привести, чтобы заставить насъ признать, что марксистское пониманіе исторіи не детерминистично! А что даетъ намъ Бернштейнъ? *Ничего, абсолютно ничего.*

Или такимъ доказательствомъ должна считаться осылка Бернштейна на предисловіе къ «Капиталу»? Марксъ говоритъ тамъ о

«естественныхъ законахъ капиталистическаго производства», но тутъ же, по мнѣнію Бернштейна, оговаривается, что «дѣло идетъ объ этихъ проявляющихся и дѣйствующихъ съ *железной необходимостью тенденціяхъ*». Бернштейнъ ухватывается за это слово «тенденція» и говоритъ: «Туда, гдѣ только что говорилось о *законѣ*, вмѣсто этого опредѣленнаго понятія, проникаетъ другое, очень гибкое: *тенденція*. А на слѣдующей страницѣ мы находимъ такъ часто цитируемое мѣсто, что общество можетъ «сокращать и смягчать» родовыя муки естественныхъ фазъ развитія».

Итакъ, «тенденція» кажется Бернштейну болѣе гибкой, чѣмъ «законъ», хотя бы то была тенденція, проявляющаяся и дѣйствующая съ *железкой необходимостью*. Но что иное означаетъ въ приведенномъ контекстѣ слово «тенденція», какъ не законъ, проявленіе котораго задерживается или видоизмѣняется дѣйствіемъ другихъ законовъ! Планеты, вслѣдствіе силы тяготѣнія, имѣютъ тенденцію упасть на солнце, но дѣйствіе закона тяготѣнія уничтожается дѣйствіемъ закона центробѣжной силы, который сообщаетъ планетамъ тенденцію удалаться отъ солнца. Развѣ оба эти закона теряютъ значеніе *железныхъ* законовъ природы оттого, что въ этомъ случаѣ они выступаютъ лишь, какъ тенденціи?

Но развѣ общество не можетъ сокращать и смягчать родовыя муки естественныхъ фазъ развитія? Конечно, можетъ,—но какимъ путемъ? Только понявъ *необходимость* этихъ фазъ. И это пониманіе не есть ничто произвольное: оно зависитъ отъ свойствъ нашего интеллекта, отъ степени развитія нашихъ орудій изслѣдованія, отъ среды, опредѣляющей нашу точку зрѣнія.

Я не могу ни въ чемъ открыть тутъ хотя бы малѣйшее смягченіе или ограниченіе детерминизма. Не смѣшиваетъ ли ужъ Бернштейнъ детерминистическій принципъ съ механическимъ? Разумѣется, социальное развитіе никогда не совершается *механически*, а всегда представляетъ собою продуктъ дѣятельности и стремленій людей, одаренныхъ сознаніемъ; оно не совершается также по опредѣленному, разъ навсегда установленному *шаблону*. Но что это доказываетъ противъ присущаго этому развитію характера *необходимости*?

Такимъ образомъ, пока Бернштейнъ не приведетъ болѣе убѣдительныхъ доказательствъ, мы будемъ считать его утвержденіе, будто марксистское пониманіе исторіи не детерминистично, *безусловно ошибочнымъ*.

Съ только-что разсмотрѣннымъ вопросомъ Бернштейнъ смѣшиваетъ дѣйствительно связанный съ нимъ вопросъ о роли идей въ исто-

рическомъ процессѣ. Развѣтіе марксистскаго пониманія исторіи, какъ утверждаетъ Бернштейнъ, выразилось прежде всего въ суженіи той роли, которую Марксъ и Энгельсъ первоначально отвели въ исторіи экономическому фактору. Но и въ этомъ я не могу согласиться съ Бернштейномъ; Энгельсъ также ничего не зналъ объ этомъ развѣтіи, въ противномъ случаѣ онъ не указалъ бы въ 1890 году безъ всякихъ оговорокъ на «18-ое брюмера», какъ на образецъ матеріалистическаго объясненія исторіи. И тутъ Бернштейну не остается ничего другого, какъ изъ отдѣльныхъ цитатъ вычитать нужное ему толкованіе хода развѣтія Маркса и Энгельса.

Онъ начинаетъ съ предисловія къ «Критикѣ политической экономіи». Тамъ говорится: «Способъ производства матеріальной жизни обуславливаетъ социальный, политическій и духовный процессы жизни вообще. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, но, наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе». Къ этому мѣсту Бернштейнъ дѣлаетъ между прочимъ замѣчаніе, что «во второмъ изъ цитированныхъ предложеній «сознаніе» и «бытіе» противопоставляются такъ рѣзко, что легко сдѣлать тотъ выводъ, что люди разсматриваются только какъ живые агенты исторической силы, влѣвія которой они исполняютъ безсознательно и противъ воли.

«Гораздо болѣе условной является зависимость людей отъ производственныхъ отношеній въ изложеніи сущности историческаго матеріализма, данномъ Энгельсомъ еще при жизни Карла Маркса и съ его согласія въ полемическомъ сочиненіи противъ Дюринга. Тамъ говорится, что «конечныя причины всѣхъ общественныхъ перемѣнъ и политическихъ переворотовъ» слѣдуетъ искать не въ умахъ людей, а въ «измѣненіяхъ способа производства и обмѣна». Но конечныя причины заключаютъ въ себѣ содѣйствующія причины другого рода...» и т. д. Но что въ самомъ дѣлѣ говорить Энгельсъ въ приведенномъ выше мѣстѣ? Онъ устанавливаетъ, «что экономическая структура общества всякій разъ образуетъ реальную основу, которою въ конечномъ счетѣ можетъ быть объяснена вся надстройка правовыхъ и политическихъ учрежденій, равно какъ и религіозныхъ, философскихъ и всякихъ иныхъ представленій, господствующихъ въ данный историческій періодъ. Такимъ образомъ идеализмъ былъ изгнанъ изъ своего послѣдняго убѣжища—изъ исторіи, которая получила матеріалистическое объясненіе, и былъ найденъ путь для объясненія сознанія людей изъ ихъ бытія, вмѣсто того чтобы попрежнему объяснять бытіе людей изъ ихъ сознанія».

Если сравнить это мѣсто изъ «Анти-Дюринга» съ процитированнымъ выше предисловіемъ къ «Zur Kritik», то окажется, что оба они почти дословно говорятъ одно и то же. У Энгельса мы даже находимъ цѣликомъ то положеніе, что бытіе обуславливаетъ сознаніе, и хотя Бернштейнъ утверждаетъ, что Энгельсъ придаетъ зависимости людей отъ производственныхъ отношеній «гораздо болѣе условный» характеръ, ибо у Маркса способъ производства обуславливаетъ социальный процессъ жизни, тогда какъ у Энгельса онъ только объясняетъ его въ конечномъ счетѣ,—я все же долженъ открыто сознаться, что не въ состояніи отыскать какую-нибудь разницу между обоими текстами.

«Въ своихъ болѣе позднихъ трудахъ»,—продолжаетъ Бернштейнъ,—«Энгельсъ еще болѣе ограничилъ опредѣляющее значеніе производственныхъ отношеній. Особенно это замѣтно въ двухъ письмахъ, напечатанныхъ въ октябрѣ 1895 г. въ «Socialistischer Akademiker»; одно изъ нихъ относится къ 1890 г., другое—къ 1894 г. Въ этихъ письмахъ «правовыя формы», политическія, юридическія, философскія теоріи, религіозныя воззрѣнія и догмы перечисляются въ качествѣ факторовъ, влияющихъ на ходъ исторической борьбы и во многихъ случаяхъ преимущественно опредѣляющихъ ея форму». «Существуютъ, слѣдовательно,—говорится тамъ далѣе,—безчиленные, перекрещивающіяся между собой силы, безконечная группа параллелограммовъ силъ, равнодѣйствующей которыхъ является историческое событіе, которое само опять можетъ быть разсматриваемо, какъ продуктъ силъ, дѣйствующей въ цѣломъ безсознательно и безвольно».

Чѣмъ этотъ взглядъ Энгельса отличается отъ изложеннаго въ предисловіи къ «Zur Kritik», изъ котораго, по мнѣнію Бернштейна, «легко сдѣлать тотъ выводъ, что люди разсматриваются только какъ живые агенты исторической силы, велѣнія которой они исполняютъ *безсознательно и противъ воли?*»

А что касается того, что теоріи и догмы опредѣляютъ *формы* исторической борьбы, то вѣдь еще Марксъ въ своемъ предисловіи къ «Zur Kritik» указалъ на то, что «при разсмотрѣніи такихъ переворотовъ всегда необходимо различать матеріальный, констатируемый съ естественно-научной точностью переворотъ въ экономическихъ условіяхъ производства — и юридическія, политическія, религіозныя, эстетическія или философскія, короче говоря, идеологическія формы, въ которыхъ люди сознаютъ и разрѣшаютъ этотъ конфликтъ».

Въ чемъ же разница между 1859 г. и 1890 г.?

Мелочная придарчивость Бернштейна является тѣмъ болѣе странной, что выводъ, который онъ самъ дѣлаетъ изъ этого мнимаго хода развитія марксистской теоріи, далеко не отличается точностью выраженій: «Тотъ,—говоритъ онъ,— кто въ настоящее время примѣняетъ матеріалистическую теорію исторіи, обязанъ примѣнять ее въ ея наиболѣе выработанной, а не въ ея первоначальной формѣ, т. е. обязанъ, наряду съ развитіемъ и вліяніемъ производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній, *принимать въ расчетъ* правовыя и моральныя понятія историческія и религіозныя традиціи каждой эпохи, вліяніе географическихъ и прочихъ естественныхъ факторовъ, къ которымъ принадлежитъ также природа самого человѣка и его духовныхъ способностей». «Принимать въ расчетъ» — болѣе неопредѣленное выраженіе, чѣмъ думать и придумать. Всякій, примѣняющій матеріалистическій методъ въ объясненіи исторіи, само собою разумѣется, по необходимости долженъ принимать въ расчетъ всѣ эти факторы: вѣдь изслѣдованію и объясненію именно и подлежитъ связь между этими факторами, ихъ взаимное вліяніе, ихъ пассивная или активная роль. И развѣ не каждому историку,—безразлично, какой исторической теоріи онъ придерживается,—приходится принимать все это въ расчетъ? Спорнымъ является не самое «приниманіе въ расчетъ», а выводы, какіе отсюда дѣлаются.

Но рассмотримъ ближе отдѣльные факторы, на которые указываетъ Бернштейнъ: мы имѣемъ тутъ, наряду съ производительными силами и производственными отношеніями, правовыя и моральныя понятія и историческія и религіозныя традиціи. Но что иное представляютъ собою традиціи, даже съ точки зрѣнія «болѣе передовой» формулировки матеріалистическаго пониманія исторіи, какъ не продуктъ предшествовавшихъ общественныхъ формъ, а, слѣдовательно, и предшествовавшихъ способовъ производства? То же самое относится къ правовымъ и моральнымъ понятіямъ, поскольку они перешли по традиціи, а не возникли изъ существующей въ данный моментъ общественной формы. Но и вліяніе естественной среды также представляетъ собою матеріальный факторъ:—Бернштейнъ самъ говоритъ, что «у доисторическихъ народовъ окружающая природа является рѣшающей экономической силой»; природа, слѣдовательно, является первобытнымъ экономическимъ факторомъ. Такимъ образомъ, дѣйствующіе на поверхности исторіи факторы, указываемые Бернштейномъ, при болѣе внимательномъ разсмотрѣ-

ни могутъ быть сведены на тотъ же экономическій факторъ, и все его разсужденіе въ сущности сводится къ тому, что исторію данной эпохи нельзя объяснять экономической исторіей одной только этой эпохи, но что кромѣ того необходимо «принимать въ расчетъ» все предшествовавшее экономическое развитіе вмѣстѣ со всеми его традиціями, начиная съ первобытной эпохи. Это совершенно вѣрно, но какъ разъ такъ поступали съ самаго начала Марксъ и марксистскіе историки. Можно даже сказать, что въ области историческихъ изслѣдованій марксистское направленіе является единственнымъ, которое въ должной мѣрѣ принимаетъ въ расчетъ первобытную исторію. Что историку-матеріалисту при каждомъ его изслѣдованіи приходится начинать *ab ovo*, это одинъ изъ тѣхъ моментовъ, которые дѣлаютъ матеріалистическое объясненіе исторіи несравненно болѣе труднымъ, чѣмъ всякое другое.

Если Бернштейнъ хотѣлъ сказать, что марксистская теорія совершила извѣстное развитіе въ томъ смыслѣ, что первоначально она переоцѣнивала непосредственное вліяніе господствующаго въ данный моментъ способа производства и недооцѣнивала вліяніе предшествовавшихъ способовъ производства, то это еще имѣетъ кое-что подъ собою. Дѣйствительно, успѣхи въ области изслѣдованія первобытной исторіи, едва только зародившейся ко времени возникновенія историческаго матеріализма, оказали значительное вліяніе на выработку этой теоріи. Развитіе теоріи въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно, можно установить, да и сами творцы матеріалистическаго пониманія исторіи признали его (напр., Энгельсъ въ своемъ первомъ примѣчаніи къ послѣднему изданію «Коммунистическаго Манифеста»).

Напротивъ, та эволюція которую Бернштейнъ заставляеть продолжать марксистскую теорію, никогда не признавалась ни Марксомъ, ни Энгельсомъ:—Бернштейнъ просто логически выводитъ ее, сравнивая отдѣльныя мѣста изъ ихъ сочиненій, которыя, поскольку они содержатъ ясную формулировку, говорятъ всѣ одно и то же, поскольку же допускаютъ различное толкованіе, могутъ безъ труда быть истолкованы въ одномъ смыслѣ.

Бернштейновскій методъ доказательствъ легче всего охарактеризовать, взявъ примѣръ изъ области естественныхъ наукъ, гдѣ всѣ отношенія проще и нагляднѣе, чѣмъ въ общественныхъ наукахъ. Предположимъ, что какой нибудь естествоиспытатель выставилъ въ своихъ первыхъ сочиненіяхъ положеніе, что теплота и

свѣтъ солнца являются въ конечномъ счетѣ источникомъ всей органической жизни на землѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ его запросили, правда ли, что онъ утверждаетъ, будто ростъ дерева зависитъ исключительно отъ непосредственно получаемого имъ количества солнечнаго свѣта и теплоты. На это онъ, разумѣется, отвѣчаетъ, что нелѣпо такъ понимать его теорію, что онъ прекрасно знаетъ, что свойства сѣмени, почвы, смѣна влажности и сухости, направленіе и сила вѣтровъ и т. д. тоже оказываютъ вліяніе на ростъ деревьевъ. И вотъ приходитъ комментаторъ, смѣшиваетъ *непосредственное* вліяніе солнца на ростъ растений съ его вліяніемъ въ качествѣ единственнаго, *въ конечномъ* отчетѣ, источника жизни на землѣ и затѣмъ заявляетъ, что теорію нашего естествоиспытателя слѣдуетъ понимать не въ ея первоначальной односторонней формѣ, а въ ея послѣдней, служенной, но зато гораздо болѣе научной формѣ. Онъ при этомъ совершенно упускаетъ изъ виду, что въ такой формѣ теорія вообще перестаетъ носить научный характеръ, превращаясь въ общее мѣсто, уже тысячелѣтія извѣстное каждому крестьянину.

Не въ такомъ рѣзкомъ видѣ, но подобнымъ же образомъ обстоитъ дѣло съ той эволюціей, которую будто бы продѣлала теорія Маркса-Энгельса. Воззрѣніе, признающее опредѣляющую роль въ исторіи не только за правовыми и моральными понятіями, традиціями и естественными факторами, но и за способомъ производства,—такое воззрѣніе вовсе не нуждалось въ томъ, чтобы быть открытымъ Марксомъ и Энгельсомъ, такъ какъ оно было хорошо извѣстно уже въ XVIII в., что видно изъ нѣкоторыхъ примѣровъ, имѣющихся у меня случайно какъ разъ подъ рукой; число ихъ я безъ труда могъ бы значительно увеличить.

Родившійся болѣе 200 лѣтъ тому назадъ Монтескье изслѣдовалъ уже въ «Духѣ законовъ» вліяніе способа производства на идеологическую надстройку. «Законы,—говоритъ онъ въ 8-й главѣ 18-й книги,—находятся въ сильной зависимости отъ того способа, какимъ различные народы добываютъ себѣ пропитаніе». И это положеніе онъ съ большой глубиной разъясняетъ въ слѣдующихъ главахъ не только на примѣрѣ охотничьихъ, кочевыхъ и земледѣльческихъ народовъ, но и на примѣрѣ товарнаго производства.

Недавно Кампфмейеръ указалъ въ «Neue Zeit» на I. Мёзера, который уже сильно подчеркивалъ вліяніе способа производства на духовную жизнь. «Религія горнаго жителя,—пишетъ онъ,—отличается отъ вѣры пастуха».

Наконецъ, для Гегеля совершенно ясно было значеніе экономического базиса для политической и идеологической надстройки. Такъ, въ своей «Философіи исторіи» онъ объясняетъ свободный федерализмъ Соединенныхъ Штатовъ ихъ экономическими отношеніями: «Что касается политическаго строя Сѣв. Америки, то обща цѣль тамъ еще не установлена, какъ нѣчто прочное въ себѣ, и нѣтъ еще на-лицо потребности въ прочной связи, ибо дѣйствительное государство и дѣйствительное правительство возникаютъ лишь тогда, когда есть уже различіе сословій, когда богатство и бѣдность стали замѣтны, и наступило такое положеніе, что огромная масса людей не въ состояніи уже болѣе удовлетворять обычнымъ способомъ свои потребности. Но Америкѣ не грозитъ еще такое состояніе, ибо она все еще легко можетъ найти выходъ въ колонизаціи, и, дѣйствительно, масса людей безпрерывно устремляется на равнины Миссиссипи... Если бы лѣса Германіи не были истреблены, французская революція, навѣрное, не наступила бы».

Такимъ образомъ то, что Бернштейнъ рекомендуетъ намъ, какъ самый зрѣлый плодъ мышленія Маркса и Энгельса, въ дѣйствительности представляетъ собою воззрѣніе, которое они нашли уже готовымъ, когда еще только начинали мыслить.

Въ виду всего этого мы должны самымъ рѣшительнымъ образомъ высказаться противъ того изложенія хода развитія марксистской теоріи, которое намъ даетъ Бернштейнъ. Не марксистское, а бернштейновское пониманіе исторіи развивалось въ указанномъ имъ направленіи, вмѣстѣ съ тѣмъ отдаляясь отъ марксистскаго.

Это, разумѣется, еще не доказываетъ, что теорія Бернштейна ошибочна.

Бернштейнъ, если я правильно его понялъ, подошелъ очень близко къ точкѣ зрѣнія Бельфорта Бакса. Существенное его отличие отъ Бакса заключается только въ томъ, что онъ принимаетъ другую хронологическую послѣдовательность. Оба они въ полномъ согласіи признаютъ, что въ человѣческой исторіи въ одни періоды преобладаетъ вліяніе идей, въ другіе—вліяніе экономическихъ отношеній; но въ то время, какъ Баксъ считаетъ первобытную эпоху періодомъ могущества «психологическаго фактора», Бернштейнъ, напротивъ, полагаетъ, что именно въ настоящее время экономическій факторъ все больше терять свое значеніе.

«Чѣмъ въ большей степени,—пишетъ Бернштейнъ,—наряду съ чисто-экономическими силами на жизнь общества вліяютъ силы другого рода, тѣмъ все больше ослабляется господство того, что

мы называемъ исторической необходимостью. Въ этомъ отношеніи мы должны различать въ современномъ обществѣ два крупныхъ теченія. Съ одной стороны, проявляется все растущее пониманіе законовъ развитія и именно экономическаго развитія. Рука объ руку съ этимъ процессомъ идетъ, отчасти какъ его причина, но отчасти также какъ его слѣдствіе, все растущая способность направлять экономическое развитіе. Подобно физическимъ силамъ природы, и экономическія силы изъ властителей человѣка превращаются въ его слугъ по мѣрѣ того, какъ познается ихъ сущность. Такимъ образомъ, теоретически общество противостоитъ экономическому фактору болѣе свободнымъ, чѣмъ когда либо, и только антагонизмъ интересовъ между его элементами — сила частныхъ, групповыхъ интересовъ — препятствуетъ полному превращенію этой теоретической свободы въ практическую. Однако, и здѣсь общій интересъ все больше выигрываетъ въ силѣ относительно интереса частнаго, и въ той степени, какъ это происходитъ, и во всѣхъ тѣхъ областяхъ, гдѣ это происходитъ, прекращается стихійное дѣйствіе экономическихъ силъ. Ихъ развитіе предуготовлено и потому совершается быстрѣе и легче. Отдѣльныя личности и цѣлые народы освобождаютъ такимъ образомъ все большую часть своей жизни отъ вліянія необходимости, дѣйствующей безъ—или даже противъ—ихъ воли.

«Но такъ какъ люди придаютъ все больше значенія экономическимъ факторамъ, то легко могло показаться, что въ настоящее время послѣдніе играютъ большую роль, чѣмъ прежде. На самомъ же дѣлѣ это не такъ. Ошибочный взглядъ вызванъ только тѣмъ, что экономическій мотивъ выступаетъ теперь открыто тамъ, гдѣ онъ прежде былъ скрытъ отношеніями господства и всякаго рода идеологіями. Современное общество много богаче, чѣмъ прежнія общества, идеологическими формами, не опредѣляемыми болѣе ни экономикой, ни природой, дѣйствующей, какъ экономическая сила.

Наука, искусства, большая часть соціальныхъ отношеній зависятъ въ настоящее время отъ экономіи гораздо меньше, чѣмъ когда либо прежде. Или, во избѣжаніе недоразумѣній, скажемъ, что достигнутый нынѣ уровень экономическаго развитія предоставляетъ идеологическимъ и особенно этическимъ факторамъ болѣе мѣста для самостоятельной дѣятельности, чѣмъ это было прежде. Вслѣдствіе этого причинная связь между технико-экономическимъ развитіемъ и развитіемъ прочихъ соціальныхъ учреждений дѣлается все болѣе посредственной и вмѣстѣ съ тѣмъ естественная необходимость,

господствующая въ первомъ, становится все менѣе опредѣляющей для той формы, которую приметъ второе.

«Желѣзная необходимость исторіи испытала такимъ образомъ ограниченіе, означающее для практики социаль-демократіи не пониженіе, а повышеніе ея социалистическихъ задачъ».

Здѣсь мы, наконецъ, выбрались изъ моря общихъ мѣстъ на твердую почву конкретныхъ фактовъ, на которыхъ только и возможно провѣрить правильность исторической теоріи.

Но эти факты, если даже признать соответствующимъ дѣйствительности ихъ описаніе, данное Бернштейномъ, очень мало говорятъ въ защиту его теоріи. Бернштейнъ утверждаетъ, что въ современномъ обществѣ проявляется все растущая способность направлять экономическое развитіе, что экономическія силы изъ властителей человѣка все болѣе становятся его слугами, такъ что теоретически общество противостоитъ экономическому фактору болѣе свободнымъ, чѣмъ когда либо прежде. Если бы даже все это было такъ, то что это доказывало бы противъ матеріалистическаго пониманія исторіи (въ той его формѣ, которую Бернштейнъ считаетъ примитивной)? Бернштейнъ, очевидно, смѣшиваетъ здѣсь *психическую* зависимость отъ экономическихъ условій—съ *экономической* зависимостью. Вѣдь вопросъ заключается въ томъ, опредѣляются ли задачи, которыя человѣчество въ данный періодъ ставитъ себѣ, и способы ихъ разрѣшенія—матеріальными условіями, въ которыхъ оно живетъ; или же человѣчество, дѣйствительно, въ состояніи ставить себѣ задачи и разрѣшать ихъ, исходя изъ какой-то мистической внутренней потребности. Вопросъ этотъ рѣшается совершенно независимо отъ того, овладѣло ли общество производственными отношеніями или нѣтъ. Но если бы такая зависимость существовала, то и тогда результатъ долженъ былъ бы получиться не такой, какъ у Бернштейна. Не можетъ, вѣдь, быть сомнѣнія, что при первобытныхъ формахъ хозяйства люди въ гораздо большей степени господствуютъ надъ производственными отношеніями, чѣмъ при капитализмѣ, что тамъ эти отношенія гораздо болѣе просты и ясны, и, слѣдовательно, ихъ легче познать. Крестьянская семья, которая сама производитъ все, что ей необходимо, держитъ воецѣло въ своихъ рукахъ процессъ производства, поскольку онъ зависитъ отъ общественныхъ, а не отъ физическихъ факторовъ.

Почти такъ же обстоитъ дѣло и на первыхъ стадіяхъ товарнаго производства. Городской ремесленникъ въ средніе вѣка былъ еще наполовину крестьяниномъ, а поскольку онъ зависѣлъ отъ опредѣ-

ленного круга заказчиковъ, онъ имѣлъ дѣло съ извѣстными, легко учитываемыми величинами. Дѣло измѣнилось съ появленіемъ купца и съ развитіемъ мірового рынка. Экономическія силы становятся уже независимыми отъ человѣка и стоящими надъ нимъ общественными силами, которыя дѣйствуютъ со стихійностью силъ природы. Если бы зависимость человѣка отъ этихъ силъ была тождественна съ его психологической зависимостью отъ среды, т. е. съ зависимостью сознанія отъ бытія, тогда мы должны были бы отмѣтить возрастаніе этой зависимости, и значеніе матеріалистическаго объясненія исторіи усилилось бы, а не ослабилось бы, какъ думаетъ Бернштейнъ.

Факты эти ему хорошо извѣстны. На чемъ же основываетъ онъ свое утвержденіе, что человѣкъ все больше овладѣваетъ экономическими силами въ современномъ обществѣ? Конечно, въ предѣлахъ самого этого общества мы можемъ различать одни періоды, когда экономическія силы совершенно не повинуются человѣку, и другіе, когда человѣкъ думаетъ, что всецѣло овладѣлъ ими: первые—это періоды кризиса, вторые—экономическаго подъема. Послѣднія нѣсколько лѣтъ мы какъ разъ и переживаемъ такой періодъ промышленнаго подъема. Неужели же этого достаточно Бернштейну, чтобы вывести отсюда историческій законъ для «современнаго общества» и признать для него непригоднымъ матеріалистическое объясненіе исторіи? Въ такомъ случаѣ его новѣйшая историческая теорія построена на весьма ненадежномъ фундаментѣ ¹⁾.

Но кто это «общество», кто эти «люди», все болѣе подчиняющіе себѣ экономическія силы? Крестьяне ли это, ремесленники, мелкіе торговцы? Или наемные рабочіе? Или, быть можетъ, мелкіе капиталисты и юнкера? Всѣ они—въ хорошія, какъ и плохія времена—попадаютъ во все большую зависимость отъ кучки магнатовъ капитала, которые и составляютъ то «общество», то «человѣчество», которое «противостоятъ экономическому фактору болѣе свободнымъ, чѣмъ когда-либо прежде».

Правда, Бернштейнъ говоритъ только о теоретической свободѣ. Превращенію ея въ свободу практическую мѣшаетъ господствующая противоположность интересовъ, которая однако вытѣсняется—нотабене: въ существующемъ обществѣ—«общимъ интересомъ» кото-

¹⁾ Статья была написана Каутскимъ въ 1899 г. Вскорѣ промышленный подъемъ въ Германіи, дѣйствительно, смѣнился кризисомъ.

рый «все больше выигрываетъ въ силѣ относительно интереса частнаго».

Читая это, я не вѣрилъ своимъ глазамъ и тщетно старался отыскать такіе факты, которые могли бы служить основаніемъ для такого смѣлаго утвержденія. Гдѣ, у какаго общественнаго класса можно наблюдать вытѣсненіе классовыхъ интересовъ общимъ интересомъ? У аграріевъ, которые требуютъ подачекъ безъ конца? У ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, которые хотѣли бы наложить запрещеніе на всякое раціональное хозяйство? Или у представителей крупной промышленности, которые стремятся путемъ покровительственныхъ пошлинъ и картелей установить монопольныя цѣны на свои продукты? Всѣ они домогаются привилегій насчетъ общихъ интересовъ, въ данномъ случаѣ насчетъ интересовъ государства и потребителей, всѣ они стараются ихъ *ограбить*. Единственнымъ классомъ, отстаивающимъ общіе интересы,—поскольку о нихъ вообще можно говорить въ обществѣ, построенномъ на классовыхъ противорѣчіяхъ,—является пролетаріатъ, не потому, чтобы пролетаріи были болѣе нравственными людьми, а просто потому, что интересы пролетаріата совпадаютъ съ интересами социальнаго развитія и что ему, какъ самому низшему классу, приходится въ концѣ концовъ оплачивать стоимость всякой привилегіи высшихъ классовъ. Поскольку, такимъ образомъ, растетъ сила пролетаріата, можно, конечно, говорить объ усиленіи «общаго интереса». Но не это вѣдь имѣетъ въ виду Бернштейнъ, когда онъ говоритъ о преодолѣніи классовыхъ противорѣчій путемъ совершенствованія разума и этики.

Онъ полагаетъ, что «достигнутый нынѣ уровень экономическаго развитія предоставляетъ идеологическимъ и особенно этическимъ факторамъ больше мѣста для самостоятельной дѣятельности, чѣмъ это было прежде». Бернштейнъ говоритъ это, чтобы оградить отъ недоразумѣній свое положеніе, что «науки, искусства, большая часть социальныхъ отношеній зависятъ въ настоящее время гораздо меньше отъ экономіи, чѣмъ когда либо прежде». Но его положеніе не становится отъ этого менѣе двусмысленнымъ. О какого рода зависимости говорить онъ здѣсь? Хочетъ ли онъ сказать, что сознаніе людей въ настоящее время менѣе зависитъ отъ ихъ бытія, что ореды менѣе вліяетъ на душевную жизнь, что въ настоящее время люди сами по своему произволу ставятъ себѣ задачи и сами по своему произволу изобрѣтаютъ средства для ихъ разрѣшенія? Въ такомъ случаѣ его положеніе представляетъ собою бездоказатель-

ное утвержденіе того, что онъ желаетъ доказать. Или, быть можетъ, онъ хочетъ сказать, что наука, искусство, этика находятся въ настоящее время не въ такой непосредственной зависимости отъ господствующихъ въ данный моментъ экономическихъ силъ? Но развѣ это не равносильно утвержденію, что другія силы, влияющія на нихъ,—природныя способности и традиціи,—оказываютъ въ настоящее время болѣе сильное вліяніе, чѣмъ прежде,—въ настоящее время, когда человѣкъ получилъ болѣшую, чѣмъ когда либо прежде, власть надъ природой, когда расовыя отличія все болѣе стираются благодаря частымъ сношеніямъ, когда господствуетъ способъ производства, непрестанно революціонизирующій всѣ отношенія, разрушающій всѣ прежнія традиціи и не дающій на ихъ мѣстѣ образоваться новымъ!

Или, можетъ быть, Бернштейнъ хочетъ сказать, что въ настоящее время интеллигенція меньше зависитъ отъ экономически-господствующихъ классовъ, что она можетъ болѣе самостоятельно проявлять свою дѣятельность, чѣмъ прежде? Но съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ классовыя различія, до самой капиталистической эры образованность всегда была удѣломъ господствующихъ и имущихъ классовъ, она являлась привилегіей господствующаго положенія и обладанія имуществомъ. Интеллигентные элементы либо составляли единственный господствующій классъ,—какъ мы это видимъ повсюду въ начальный періодъ раздѣленія общества на классы, а также въ классической Греціи,—либо они образовывали, рядомъ съ кастой воиновъ, особый классъ—жреческую касту. Какую власть сумѣла забрать въ свои руки эта интеллигенція, всѣмъ извѣстно; кто не знаетъ о міровомъ господствѣ средневѣковой церкви! Только капиталистическій способъ производства превратилъ интеллигенцію изъ класса господствующаго въ наймитовъ господствующаго класса. Никогда зависимость интеллигенціи отъ экономически-господствующихъ классовъ не была такъ велика, какъ въ настоящее время.

Но какъ ни противорѣчитъ этотъ фактъ выставленному Бернштейномъ положенію, мы въ немъ самомъ можемъ найти моментъ, позволяющій намъ истолковать это положеніе въ соотвѣтствіи съ фактами дѣйствительности.

Интеллигенція перестала быть господствующимъ классомъ. Но она, вообще, перестала представлять собою одинъ сплоченный классъ: она состоитъ изъ отдѣльныхъ индивидуумовъ и группъ съ самыми различными интересами. Какъ не разъ уже отмѣчалось, эти интересы соприкасаются отчасти съ интересами буржуазіи, а отчасти

съ интересами пролетаріата. Благодаря своему образованію, интеллигенція раньше другихъ классовъ получаетъ способность съ болѣе высокой точки зрѣнія разсматривать соціальное развитіе. Не находясь во власти рѣзко выраженныхъ классовыхъ интересовъ, дѣйствуя часто на основаніе болѣе глубокаго пониманія общественныхъ отношеній, представители интеллигенціи чувствуютъ себя представителями общаго интереса, независимаго отъ интереса классоваго, представителями идей, независимыхъ отъ экономическихъ мотивовъ.

И такъ какъ интеллигенція непрерывно растетъ, то вмѣстѣ съ нею, повидимому, возрастаетъ значеніе общаго интереса въ противоположность интересу классовому, возрастетъ независимость искусствъ, наукъ и этическихъ воззрѣній отъ экономическихъ силъ. Только толкуя такимъ образомъ положенія Бернштейна, мы сможемъ понять ихъ. Но теряя свой мистическій характеръ, они вмѣстѣ съ тѣмъ теряютъ всякую доказательную силу противъ историческаго матеріализма. Наряду съ этимъ намъ теперь становится понятнымъ то толкованіе, какое Бернштейнъ придаетъ матеріалистическому пониманію исторіи.

Благодаря изложенному только-что ходу развитія, интеллигентскіе слои проникаются тѣмъ болѣе сильными симпатіями къ пролетаріату, чѣмъ сильнѣе ростъ пролетарскаго движенія угрожаетъ существующему общественному строю, чѣмъ болѣе экономическое положеніе многочисленныхъ слоевъ интеллигенціи приближается къ положенію пролетаріата, чѣмъ острѣе даетъ себя чувствовать зависимость отъ грубаго самодурства власть имущихъ. Но лишь немногіе представители интеллигенціи переходятъ прямо въ ряды борющагося пролетаріата. И ея промежуточное положеніе между обоими борющимися классами не только мѣшаетъ ей занять опредѣленную позицію въ этой борьбѣ, но и дѣлаетъ ее вообще неспособной къ борьбѣ. «Если интеллигенція,—писалъ я недавно,—похожа на прежнюю мелкую буржуазію по своей политической неустойчивости, то она отличается отъ нея своей полной неспособностью къ борьбѣ. Безъ классоваго сознанія, безъ организаціи, безъ внутренней связи, распадаясь на безчисленное множество группъ и отдѣльных личностей, постоянно между собою враждующихъ, не имѣя экономическаго базиса, ведя буржуазный образъ жизни и не располагая пролетарскими средствами защиты своихъ интересовъ,—члены этого новаго средняго сословія не въ силахъ проявить хоть какую нибудь способность къ борьбѣ, не опираясь на другіе классы».

Нѣтъ ничего удивительнаго, что перспектива надвигающейся на насъ рѣшительной борьбы между капиталистическимъ и пролетарскимъ міромъ, наполняетъ ихъ сердца ужасомъ, и, подобно похищеннымъ сабинянкамъ, они бросаются между обѣими борющимися сторонами и заклинаятъ ихъ помириться или, по крайней мѣрѣ, примѣнять менѣе вредоносныя средства борьбы.

Но откуда взять ту силу, которая должна преодолѣть или, по меньшей мѣрѣ, смягчить рѣзкость противорѣчій? Отчаявшись найти ее въ экономикѣ, они стали искать ее въ этикѣ. Независимая отъ экономическихъ силъ и стоящая надъ ними этика—вотъ та сила, которая усмирить непокорныхъ, разрѣшить противорѣчія въ гармонію и замѣнить борьбу мирнымъ развитіемъ.

Но для такого рода этики нѣтъ мѣста въ рамкахъ матеріалистическаго пониманія исторіи; и потому это послѣднее является врагомъ, который необходимо разбить въ первую голову для того, чтобы этика могла вопустить въ свои права. Характерно, что не историки, а этики—философы и экономисты—объявляютъ историческій матеріализмъ разбитымъ, до того разбитымъ что они все въ большемъ числѣ выступаютъ противъ него въ походъ.

Противъ этого потока, очевидно, не могъ устоять и Бернштейнъ. Но теорія историческаго матеріализма кажется ему достаточно гибкой для того, чтобы, признавая правильность этической «критики», все же остаться послѣдователемъ марсистскаго пониманія исторіи; онъ полагаетъ даже, что Марксъ и Энгельсъ продѣлали ту же эволюцію. Онъ не видитъ, что это есть эволюція отъ послѣдовательнаго, глубокаго и яснаго мышленія къ непослѣдовательному, плоскому и расплывчатому, что это есть научный регрессъ какъ разъ въ основномъ вопросѣ.

Рѣчь идетъ здѣсь не просто объ академическомъ вопросѣ. Примиреніе исторической необходимости съ нравственной свободой въ томъ смыслѣ, въ какомъ это дѣлаетъ историческая теорія Бернштейна, означаетъ для практики соціалдемократіи компромиссъ между необходимостью экономическаго развитія и свободой утопизма, компромиссъ между классовой борьбой и примиреніемъ классовыхъ противорѣчій.

Жоржъ Сорель.

Размышленія о матеріалистическомъ пониманіи исторіи.

I.

До сихъ поръ еще не удалось придать матеріалистическому пониманію исторіи удовлетворительную во всѣхъ отношеніяхъ форму. Введя въ эту теорію массу парадоксовъ, тѣмъ самымъ помѣшали ея всеобщему признанію. И вотъ римскій профессоръ Лабріола и молодой неаполитанскій ученый Бенедетто Кроче одѣлали попытку очистить марксистскую теорію отъ тѣхъ злокачественныхъ примѣсей, которыя въ ней содержатся.

Работы профессора Лабріолы о матеріалистическомъ пониманіи исторіи встрѣтили серьезную критику со стороны первоклассныхъ французскихъ ученыхъ, каковы Андлеръ ¹⁾, Дюркгеймъ ²⁾ и Сеньобосъ ³⁾. Всѣ эти писатели признали, что книга выдающагося итальянскаго социалиста составляетъ крупный вкладъ въ социалистическую науку.

Въ настоящей статьѣ я хотѣлъ бы съ своей стороны представить нѣкоторыя соображенія по тому же вопросу и попытаться устранить нѣкоторыя изъ трудностей, заключающихся въ марксистской теоріи.

Прежде всего необходимо замѣтить, что самые странные парадоксы официальныхъ марксистовъ (по крайней мѣрѣ, во Франціи) не являются просто умозрительными софизмами. Бурдо совершенно правъ, когда онъ говоритъ: «Это отнюдь не простая игра ума. Цѣль марксистовъ—дать доказательство того, какъ легко въ

¹⁾ Въ „Revue de métaphysique et de morale“, сент. 1897 г.

²⁾ Въ „Revue philosophique“, дек. 1897 г.

³⁾ Въ „Revue critique“ отъ 31 янв. 1898 г.

сущности разрѣшить социальный вопросъ, коль скоро совершилась экономическая революція. Разъ промышленность сама собой социализировалась, то пролетаріямъ остается лишь завоевать политическую власть; политическая организація, семья, мораль — короче говоря, все остальное приложится тогда само собой» ¹⁾.

Этого факта не слѣдуетъ упускать изъ виду при разборѣ пропагандистскихъ сочиненій французскихъ марксистовъ. Старымъ утопистамъ всегда ставили на видъ, что для общаго осуществленія своей теоріи имъ приходится апеллировать къ истинному чуду — къ полному преобразованію человѣческой природы. На подобное возраженіе наши марксисты отвѣчаютъ: «Мы не ставимъ своей непосредственной задачей полное преобразование человѣческой природы, но мы знаемъ, что при извѣстныхъ условіяхъ — и прежде всего подъ вліяніемъ экономическихъ силъ — она можетъ измѣняться. И вотъ мы, принимая въ расчетъ развитіе экономическихъ силъ при капитализмѣ, хотимъ лишь дать имъ болѣе рациональное, научное и социальное примѣненіе, чѣмъ какое имъ въ настоящее время даетъ капитализмъ. Способъ производства въ значительной своей части сталъ уже коммунистическимъ, а мы знаемъ, что способъ производства опредѣляетъ всѣ человѣческія идеи и чувства. Такъ какъ на нашей сторонѣ, такимъ образомъ, непреодолимое экономическое развитіе, то мы и осуществимъ интеллектуальное и моральное преобразование челоѣка, которое, въ свою очередь, придастъ полную жизнеспособность коммунистическому строю общества».

Но что собственно означаетъ выраженіе: «способъ производства»? Ибо мы до сихъ поръ все еще не имѣемъ вполне яснаго опредѣленія этого понятія. Лафаргъ, повидимому, отождествляетъ выраженія: «способъ производства» и «то, какъ ведется производство» ²⁾. Ревеленъ полагаетъ, что мѣркой экономического развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ челоѣческаго прогресса вообще служатъ орудія производства ³⁾. Для Девилья базисомъ нравовъ, политическихъ, юридическихъ, религіозныхъ учрежденій и т. д. — короче, базисомъ челоѣческаго развитія во всѣхъ его формахъ является система производительныхъ силъ ⁴⁾. Точный смыслъ текста, повидимому, ясно говорить о томъ, что Девиль не проводитъ различія между производительными силами и орудіями производства. Отметимъ въ этомъ

¹⁾ „Journal des débats“ отъ 5 февр. 1898 г.

²⁾ „Devenir social“, дек. 1896, стр. 1054.

³⁾ „Devenir social“, июль 1895, стр. 393.

⁴⁾ „Philosophie du socialisme“, стр. 9.

отношеніи также слѣдующія слова Девилья: «Такое преобладающее вліяніе экономической среды научно доказывается доисторическими эпохами, носящими названія каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ».

Всѣ эти опредѣленія въ высшей степени неясны, и однако, примѣненіе этихъ неясныхъ формулъ создало вѣру въ то, что социальная революція—самое простое дѣло, что она непосредственно вытекаетъ изъ современной техники. Чѣмъ больше значенія придавали орудіямъ производства, тѣмъ болѣе легкой и, такъ сказать, автоматически выполнимой казалась коммунистическая революція. Противъ такого крайняго суженія марксистскаго пониманія исторіи направлены двѣ статьи въ «Devenir social» за 1892 г., на которыя я и обращаю вниманіе читателя: одна—анонимная, другая—В. Кроче. Этотъ послѣдній доказываетъ, въ какую ошибку впалъ профессоръ Лабріола, принявъ единственной и конечной причиной экономического развитія — орудія производства. Анонимный же авторъ указываетъ на то, что Марксъ не располагалъ достаточнымъ матеріаломъ для формулировки общаго закона, который могъ бы съ такой точностью исторически установить отношеніе технологій къ экономикѣ.

Это колоссальное заблужденіе, такъ широко распространенное въ романскихъ странахъ, вызвано, повидимому—по крайней мѣрѣ, отчасти—невѣрнымъ переводомъ Маркса. Дѣло въ томъ, что въ текстѣ французскаго изданія «Капитала» мы читаемъ: «*Les moyens du travail sont les gradimètres du développement du travailleur*» (орудія производства служатъ масштабомъ для измѣренія развитія работника), тогда какъ въ четвертомъ нѣмецкомъ изданіи на стр. 142 сказано, что орудія производства служатъ масштабомъ для измѣренія развитія человѣческой *рабочей силы* (*der menschlichen Arbeitskraft*). Дѣйствительно, можно вполне согласиться, что производительность труда въ общемъ и цѣломъ можетъ быть измѣряема развитіемъ орудій производства, но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что, по точному смыслу текста, Марксъ въ этомъ мѣстѣ подъ «орудіями производства» разумѣетъ всю совокупность объективныхъ условій производства. Кромѣ того, необходимо еще замѣтить, что рѣчь идетъ здѣсь о *развитіи*, т. е. о сравненіи двухъ слѣдующихъ одно за другимъ состояній въ одной и той же странѣ. Поэтому, строго говоря, не слѣдуетъ сравнивать между собой двѣ различныхъ страны, если въ основу этого сравненія кладутъ ихъ промышленное развитіе.

Несостоятельность ссылки Девиля на доисторическія эпохи почти не нуждается въ доказательствахъ. Объ учрежденіяхъ, правахъ, идеяхъ нашихъ пещерныхъ предковъ мы не знаемъ почти ничего, и еще меньше можемъ мы знать о томъ, въ какой мѣрѣ ихъ социальный прогрессъ зависѣлъ отъ развитія орудій производства.

Марксъ, повидимому, никогда даже и не думалъ о подобной теоріи. Онъ говоритъ только, что орудія производства имѣютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ произведенные ими продукты, и что изъ числа этихъ послѣднихъ наименьшее значеніе для сравнительнаго изученія промышленнаго развитія имѣютъ предметы роскоши. Онъ говоритъ только, что орудія прежнихъ эпохъ занимаютъ въ исторіи такое же мѣсто, какъ ископаемыя въ естествознаніи, но онъ все же не приписываетъ имъ абсолютнаго значенія. Ископаемые остатки дѣлаютъ возможнымъ изученіе исчезнувшихъ организмовъ,—орудія производства помогаютъ намъ изслѣдовать общественныя образованія. А въ примѣчаніи къ этому мѣсту онъ опредѣленно устанавливаетъ такую причинную послѣдовательность: развитіе матеріальнаго производства,—общественная жизнь,—дѣйствительная исторія. Вся эта концепція Маркса имѣетъ лишь весьма отдаленное сходство съ ходячими тезисами французскихъ марксистовъ. На всѣ эти частности я указываю потому, что новѣйшіе критики марксизма—Ришаръ, Андеръ и Дюркгеймъ — какъ разъ эти тезисы рассматриваютъ, какъ характерные для историческаго матеріализма.

II.

У Лафарга мы находимъ замѣчательную формулировку историческаго матеріализма ¹⁾. «Эта теорія, совершившая полный переворотъ въ официальной исторической наукѣ, учитъ, что весь способъ производства... развертывается во всѣхъ частяхъ земного шара по одному имманентному закону, и ни климатъ, ни раса, ни историческое прошлое не могутъ отклонить или повернуть въ другую сторону его развитіе. Но своимъ развитіемъ способъ производства преобразуетъ социальную среду, въ которой онъ возникъ, и притомъ такъ преобразуетъ, что наиболѣе развитая въ промышленномъ отношеніи страна показываетъ странамъ, ниже стоящимъ по лѣстницѣ промышленнаго развитія, картину ихъ собственнаго будущаго».

¹⁾ „*Devenir social*“, дек. 1896, стр. 1054.

Нельзя сказать, чтобы этой формулой легко было пользоваться. Мнѣ неизвѣстна также ни одна попытка привести въ обоснованіе ея хотя бы малѣйшее доказательство. Во всякомъ случаѣ, въ «Капиталѣ» Маркса нельзя найти ни малѣйшаго намека какъ на эту формулу, такъ и на какіе-либо подтверждающіе ее факты. Анонимный авторъ, о статьѣ котораго въ «Devenir social» я уже упомянулъ, выступилъ противъ идеи однообразнаго развитія еще въ то время, когда она не проповѣдывалась въ той абсолютной формулировкѣ, которую ей придалъ Лафаргъ. Онъ указалъ на то, что вся эта гипотеза покоится на одной небольшой части предложенія изъ предисловія къ «Капиталу», которой придали такое значеніе, какого она вовсе не имѣетъ. Марксъ говоритъ тамъ *нѣмцамъ*, что они не могутъ избѣжать тѣхъ бѣдствій, которыя вызвало въ Англіи промышленное развитіе. Какъ мало Марксъ имѣлъ здѣсь въ виду какой-то всеобщій законъ, видно изъ того, что онъ никогда и не пытался провести, въ строгомъ смыслѣ слова, параллель между Франціей, Германіей и Англіей. О двухъ первыхъ странахъ онъ говоритъ всегда лишь мимоходомъ, Англію же онъ рассматриваетъ, какъ *классическую* страну, т. е. какъ такую, въ которой вполнѣ свободно развились самыя разнообразныя и рѣзко выраженныя формы. Описывая начало капиталистической эры, онъ показываетъ, что различныя причины первоначальнаго накопленія выступаютъ въ систематической формѣ лишь въ Англіи XVII столѣтія. Кромѣ того, какъ мнѣ кажется, Марксъ никогда не приписывалъ естественнымъ условіямъ такую незначительную роль, какъ Лафаргъ. Стоитъ просмотрѣть соответствующее мѣсто въ «Капиталѣ», чтобы убѣдиться, что Марксъ прекрасно умѣетъ считаться съ расовыми отличіями, съ природными свойствами почвы, съ топографическими, и географическими условіями—однимъ словомъ, что со всѣми этими моментами онъ считается въ той же мѣрѣ, какъ и другіе.

Я охотно допускаю, что изъ одного мѣста въ «Капиталѣ» можно вычитать приведенный выше парадоксъ; но къ изученію «Капитала» нельзя примѣнять того метода толкованія, какимъ обыкновенно пользуются теологи ¹⁾.

¹⁾ Я хочу привести здѣсь одно мѣсто, дѣйствительно важное для разбираемаго вопроса. Марксъ говоритъ, что базисомъ капиталистическаго развитія была экспроприация мелкихъ крестьянъ. Во французскомъ же переводѣ мы на стр. 91 читаемъ: «...Elle n'est accomplie d'une manière radicale qu'en Angleterre... mais tous les autres pays parcourent

Чтобы правильно понять ходъ мысли Маркса, безусловно необходимо точно опредѣлить его философскія представленія. На это указалъ уже Андлеръ въ своей критикѣ книги Лабріолы; да и самъ я, въ предисловіи къ французскому переводу этой книги, указалъ на то, что историческій матеріализмъ, не обладая строго установленной въ своихъ границахъ метафизикой, не стоитъ прочно на ногахъ и представляетъ на практикѣ мало пригодную теорію. Я не думаю, чтобы французскіе марксисты удачно справились съ изложеніемъ основныхъ положеній своего учителя.—Лафаргъ утверждаетъ, что проблема историческаго матеріализма есть проблема происхожденія идеи, и что въ этомъ отношеніи марксисты завершаютъ дѣло Локка ¹⁾. Мнѣ это представляется по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ. Девиль еще больше удаляется отъ основныхъ положеній Маркса, когда онъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ философію социализма: «Изученіе доступнаго воспріятію міра дѣйствительности приводитъ насъ къ убѣжденію, что основа всего существующаго есть дѣйствующая субстанція, обозначаемая въ своей совокупности словомъ: «матерія». Отсюда и самое названіе: «матеріализмъ», которымъ мы обозначаемъ философію, стремящуюся дать возможно болѣе вѣрное отраженіе того, что есть» ²⁾. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что книжка Энгельса о Фейербахѣ стала извѣстна во Франціи только въ 1894 г., и что къ тому же переводъ ея былъ изданъ безъ замѣтокъ и тезисовъ Маркса. Только Андлеръ снова обратилъ вниманіе французскихъ марксистовъ на метафизическія воззрѣнія ихъ учителей ³⁾. Самъ Марксъ никогда не далъ догматической формулировки своего матеріалистическаго пониманія исторіи. Нерѣдко,—замѣчаетъ Б. Кроче вслѣдъ за Дюрингомъ,—принимали за общіе законы отдѣльныя его выраженія, вовсе не носившія такого характера ⁴⁾. Чтобы дѣйствительно понять систему Маркса,

le même mouvement" (радикальнымъ образомъ она совершилась только въ Англіи... во всѣ другія страны проходятъ то же развитіе). Это дѣйствительно могло бы служить подтвержденіемъ закона однообразнаго развитія. Къ сожалѣнію, послѣдняго мѣста нѣтъ въ нѣмецкомъ текстѣ. Тамъ указывается лишь на чрезвычайное разнообразіе формъ этой экспроприаціи.

¹⁾ „Jeunesse socialiste“, февр. 1895 г., стр. 86—87.

²⁾ „Philosophie du socialisme“, стр. 4.

³⁾ „Revue de métaphysique“, сент. 1897 г., стр. 650.

⁴⁾ Devenir social, февр. 1898 г., стр. 118.

необходимо, по образному выраженію осторожнаго итальянскаго ученаго, двигаться съ такой медленностью, какъ если бы на ногахъ былъ свинцовый грузъ. Необходимо анализировать положенія Маркса одно за другимъ, все время не упуская изъ виду всей совокупности обстоятельствъ. Только такимъ путемъ можно съ самаго начала избѣжать очень многихъ парадоксальныхъ утвержденій.

Чтобы точно опредѣлить, что дѣйствительно думалъ Марксъ, необходимо прежде всего изслѣдовать тотъ матеріалъ, которымъ онъ располагалъ. При этомъ стаявится яно, *что часто этотъ матеріалъ вовсе не соответствовалъ выведеннымъ изъ него общимъ законамъ*. Такъ, напр., объ античномъ мірѣ и классическихъ писателяхъ Марксу, повидимому, были извѣстны лишь немногія книги общаго характера. Нигдѣ не видно, чтобы онъ въ этой области былъ достаточно знакомъ съ результатами современныхъ изслѣдованій. О средневѣковой Франціи Марксъ цитируетъ А. Монтеиля. Но одного этого источника оказалось бы совершенно недостаточно, если бы Марксъ захотѣлъ изучить исторію французскихъ учреждений. Объ Англіи новѣйшаго времени Марксъ прочиталъ очень много книгъ; но нерѣдко онъ цитируетъ также авторъ XVIII вѣка, утвержденія которыхъ слѣдуетъ принимать съ большою осторожностью. Кромѣ того, онъ, повидимому, главнымъ образомъ использовалъ только историческую литературу, не обращаясь къ ея первоисточникамъ. Только одинъ разъ я нашелъ у него указаніе на имѣющійся только въ оригиналѣ документъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ о вопросѣ, довольно безразличномъ для исторіи ¹⁾.

Мнѣ даже кажется, что Марксъ вообще не примѣнялъ къ источникамъ, которыми онъ пользовался, особенно точнаго метода проверки. Въ подтвержденіе этого я могу привести одинъ замѣчательный примѣръ. На стр. 688, въ примѣч. 198 «Капитала» ²⁾ Марксъ цитируетъ мнѣніе Роджерса объ экономическихъ слѣдствіяхъ реформации ³⁾. При этомъ онъ замѣчаетъ, что Роджерсъ—профессоръ оксфордскаго университета, а этотъ университетъ является-де оплотомъ протестантской ортодоксіи, такъ что критика Роджерса должна имѣть тѣмъ болѣшій вѣсъ. Но, какъ извѣстно, Роджерсъ въ дѣй-

¹⁾ См. „Kapital“, Bd. I, стр. 689 примѣч. 200.

²⁾ Стр. указаны по 4-му нѣмецкому изд.

³⁾ Къ тому же Марксъ еще преувеличиваетъ сказанное по этому поводу Роджерсомъ, который, въ свою очередь, не чуждъ риторическихъ преувеличеній и даже парадоксовъ.

ствительности далеко не былъ защитникомъ оксфордской ортодоксіи, а, напротивъ, стоялъ въ оппозиціи къ большинству своихъ коллегъ и вслѣдствіе своихъ прогрессивныхъ взглядовъ былъ даже вынужденъ въ 1867 г. оставить кафедру. Для соціальной исторіи современной ему Англія Марксъ воспользовался парламентскими отчетами, но по отношенію къ Франціи онъ, повидимому, даже и не пытался использовать дѣйствительно важный матеріалъ. Въ «18-мъ брюмера» мы встрѣчаемъ не мало ошибокъ, обусловленныхъ тѣмъ, что Марксъ получалъ свѣдѣнія, главнымъ образомъ, изъ лагеря политическихъ эмигрантовъ. Особенно замѣчательно, что въ «Капиталѣ» онъ повторилъ тѣ утвержденія, которыя высказалъ въ 1873 г. о судьбѣ мелкой земельной собственности. Въ первой книгѣ «Капитала» ¹⁾ онъ говоритъ, что поля отъ 1846—1860 гг. въ той же мѣрѣ обезлюдѣли, въ какой капиталистическое производство овладѣло аграрной культурой. Эта замѣчательная теорія показываетъ намъ, что онъ не читалъ сочиненій Lavergne объ аграрной культурѣ и народонаселеніи. Точно также изъ примѣчанія на стр. 301 мы видимъ, что ему не была извѣстна анкета Ё. Reybaud о шелковой мануфактурѣ. Обѣ эти книги я цитирую потому, что онѣ получили широкое распространеніе. Далѣе, необходимо замѣтить, что въ технологии и механической наукѣ Марксъ не стоялъ на должной высотѣ. Онъ цитируетъ Uge и Babugge, но ихъ книгамъ было уже 30 лѣтъ, когда онъ написалъ «Капиталъ». Мы не должны поэтому удивляться, если мы въ «Капиталѣ» находимъ такъ мало оригинальныхъ положеній о раздѣленіи труда и о машинѣ. Технические причины превосходства крупной промышленности изложены тамъ весьма не полно.

Моссо и Ланглуа обратили вниманіе на то, что Марксъ лишь крайне поверхностно изслѣдовалъ вліяніе утомленія ²⁾. Точно также онъ никогда подробно не изучалъ вопроса о человѣческихъ навыкахъ. Какъ видно, этотъ предметъ лежалъ внѣ рамокъ обычныхъ занятій Маркса. Такъ, напр., на стр. 304 «Капитала» онъ утверждаетъ, что механическіе навыки передаются по наслѣдству. Но затѣмъ онъ заявляетъ, что въ опредѣленную эпоху эта передача

¹⁾ Стр. 660, примѣч. 170 (4-го пѣм. изд.).

²⁾ Моссо. Умственное и моральное переутомленіе. Француз. переводъ Ланглуа, стр. XII и 98. На стр. 305 „Капитала“ находится замѣчательное выраженіе: „жизненный духъ“ (Lebensgeist). Марксъ, несомнѣнно, не стоялъ на уровнѣ успѣховъ научной психологіи, на что между прочимъ указываетъ и это мало пригодное описаніе душевной дѣятельности.

по наслѣдству прекратилась, и что это именно обстоятельство и вызвало замѣну кастъ корпораціями. Все это весьма легко объясняется, если признать, что Марксъ не былъ достаточно близко знакомъ съ современной ему психологіей. Этого важнаго пункта никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду при изученіи его сочиненій.

Всякій разъ, когда Марксъ касается вопросовъ законодательства, онъ, совершенно очевидно, находится въ чуждой ему области, въ которой даже самое изложеніе фактовъ дается ему лишь съ трудомъ. Такъ, напр., онъ совершенно не замѣчаетъ колоссальной разницы, осуществовавшей прежде между юридической практикой и установленными законодательствомъ юридическими формулами. И здѣсь онъ, повидимому, не обращается къ первоисточникамъ и повтому выставляетъ навѣрныя положенія, когда, напримѣръ, говорить о законахъ противъ бродягъ и о правѣ коалицій во Франціи ¹⁾.

По мнѣнію Дюркгейма, историческій матеріализмъ всегда отказывается служить, когда рѣчь идетъ объ оцѣнкѣ религіознаго теченія. Мы не знаемъ ни одного способа сведенія религіи къ экономикѣ и не знаемъ ни одной попытки, дѣйствительно предпринятой въ этомъ направленіи ²⁾. Марксъ высказывался о религіи очень мало, да и то не особенно удачно: онъ въ этомъ вопросѣ не стоялъ на высотѣ современнаго ему изслѣдованія ³⁾. Такимъ образомъ, его мнѣніе о религіи имѣетъ весьма ограниченную цѣнность. Но до тѣхъ поръ, пока историческій матеріализмъ не создастъ вполне удовлетворительную теорію относительно роли религіи, онъ не сможетъ также дать полнаго объясненія исторіи.

Энгельсъ, какъ извѣстно, утверждалъ, что онъ придалъ законченный видъ системѣ своего друга, присоединивъ къ ней теорію о происхожденіи семьи, берущую начало отъ Моргана. Не думаю, чтобы система Маркса отъ этого много выиграла, ибо идеи Мор-

¹⁾ „Kapital“, Bd. I, стр. 702 и 707.

²⁾ Revue Philosophique, дек. 1897 г., стр. 650.—Въ библиографическомъ указателѣ мы приводимъ книгу Франца Лютгенау, рассматривающую исторію религіи съ точки зрѣнія историческаго матеріализма.

Примѣч. перев.

³⁾ Нельзя того же сказать объ Энгельсѣ; но интересно отмѣтить здѣсь, что Энгельсъ опубликовалъ статью объ Апокалипсисѣ, ясно показывающую, что онъ не зналъ даже именъ современныхъ изслѣдователей въ этой области. Онъ говоритъ, напр., о Ренанѣ, но лишь для того, чтобы обругать его. Его брошюра о Фейербахѣ доказываетъ, что онъ рѣшительно ничего не читалъ изъ современной ему философской литературы послѣднихъ 40 лѣтъ.

гана не встрѣтили среди ученыхъ особаго признанія. Кромѣ того у насъ нѣтъ ни одного доказательства въ пользу того, что Марксъ держался тѣхъ же взглядовъ на этотъ вопросъ, что и Энгельсъ ¹⁾.

Мы должны поэтому, безъ сомнѣнія, признать, что въ самой системѣ есть пробѣлъ. Заслуга Энгельса заключается въ томъ, что онъ этотъ пробѣлъ замѣтилъ. Но теперь, повидимому, хотять повернуть назадъ и отрицать существованіе пробѣла; таково, кажется мнѣ, намѣреніе Кунова. Но я полагаю, что необходимо имѣть мужество признать правду. Коль скоро семья развилась, она содержитъ въ себѣ нѣчто такое, чего нельзя свести къ экономикѣ, и это нѣчто составляетъ базисъ морали. Отсутствіе правильной теоріи семьи помѣшало марксизму развить теорію морали ²⁾. Однако, послѣднее не помѣшало многимъ марксистамъ превратить трудовую теорію стоимости въ своего рода этическую догму, которая стремится, во имя извѣстнаго естественнаго права,—надъ которымъ они всегда смѣются, когда ихъ противники апеллируютъ къ нему,—вернуть работнику полный продуктъ его труда.

III.

Итакъ мы пришли къ выводу, что марксовы положенія не имѣютъ того широкаго и всеобщаго значенія, какое имъ обыкновенно приписываютъ; что «Капиталъ» не является какой-то новой энциклопедіей, призванной занять мѣсто философіи Гегеля; и, наконецъ, что мы прежде всего должны отбросить все то, чего Марксъ не могъ точно знать. Съ этой точки зрѣнія можно констатировать, что изслѣдованія Маркса касаются двухъ группъ явленій: во-первыхъ, производительныхъ силъ, съ помощью которыхъ человѣчество получаетъ власть надъ матеріальнымъ міромъ, и, во-вторыхъ, социаль-

¹⁾ Я знаю, что противъ этого моего мнѣнія приведутъ примѣч. 50а на стр. 316 „Капитала“. Но это примѣчаніе принадлежитъ Энгельсу; взглядъ Маркса не могъ такъ сильно отличаться отъ изложеннаго въ текстѣ, такъ какъ онъ не ощущалъ потребности въ какой либо поправкѣ. Къ тому же примѣчаніе ограничивается только увѣреніемъ, что Марксъ допускалъ возможность связи между *tribus* и семьей. Но это отнюдь еще не доказываетъ, что онъ былъ согласенъ съ теоріей Энгельса. Въдъ свой взглядъ на этотъ вопросъ Энгельсъ опубликовалъ уже послѣ смерти своего друга.

²⁾ Б. Кроче, „*Devenir social*“, февр. 1898 г., стр. 109, примѣч.

ныхъ отношеній, возникающихъ между людьми на почвѣ добыванія средствъ производства и средствъ къ жизни.

Всѣ работы Маркса слѣдуетъ раздѣлить на двѣ различныя эпохи. Первая прежде всего характеризуется Коммунистическимъ Манифестомъ. Авторъ его главнымъ образомъ занимается вопросомъ о производительныхъ силахъ и ихъ отношеніи къ высшимъ проявленіямъ соціальной жизни, не исчерпывая, впрочемъ, до конца этого вопроса. Ему удается въ очень сжатомъ и символическомъ видѣ изложить исторію и представить революцію, какъ явленіе столь же необходимое, какъ движеніе планетъ. Онъ умѣетъ писать лирическими предложеніями, превосходными въ революціонномъ отношеніи. Но для правильной оцѣнки этого суммарнаго изложенія исторіи необходимо ознакомиться съ привычками мышленія тогдашней философіи.

Андлеръ утверждаетъ, что эти символическія формулы слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ. Онъ говоритъ, что, по ученію Маркса, революція происходитъ изъ нарушеннаго равновѣсія, что юридическая надстройка рушится, когда падаетъ экономическій базисъ, и что, слѣдовательно, Лабріола не идетъ по стопамъ своего учителя, когда онъ видитъ источникъ соціальной революціи въ революціонномъ сознаніи пролетаріата. И хотя Марксъ въ «Нищетѣ философіи» устанавливаетъ для объясненія исторіи такія правила, которыя не согласуются съ теоріей Андлера, хотя онъ всегда подчеркивалъ роль человѣческихъ чувствъ, и все же долженъ замѣтить, что марксисты нерѣдко замѣняли дѣйствительную исторію драмой; въ которой дѣйствуютъ символическія фигуры, представляющія экономическія абстракціи.

Если хотятъ правильно понять систему Маркса, необходимо исходить только изъ «Капитала», и даже въ этой книгѣ необходимо опустить послѣднія главы¹⁾, особенно же предпослѣднюю, въ которой мы встрѣчаемъ символическія формулы и, что особенно важно, выраженіе: «производительныя силы».

Въ остальныхъ отдѣлахъ «Капитала» Марксъ занимается вопросомъ объ отношеніяхъ, существовавшихъ между людьми въ до-капиталистическую эпоху. Тутъ производительныя силы не составляютъ уже главнаго предмета изслѣдованія; онѣ разсматриваются лишь, какъ условія производительности труда, а не какъ основныя при-

¹⁾ Какъ видно изъ одного примѣчанія, Сорель имѣетъ здѣсь въ виду весь послѣдній отдѣлъ, начиная съ главы: „Тайна такъ наз. первонач. накопленія“.

чины, не какъ тѣ символическія существа, которыя, то появляясь, то исчезая, опредѣляютъ исторію. Въ «Манифестѣ» Марксъ выступилъ съ законченной номенклатурой производительныхъ силъ сообразно ихъ природѣ: 1) средства производства, распадающіяся въ свою очередь на механическія, химическія, средства сообщенія (машины, примѣненіе химіи къ промышленности и сельскому хозяйству, пароходы, желѣзныя дороги, телеграфъ); 2) почва и ея измѣненія (дренажъ, канализація), и 3) народонаселеніе. Въ «Капиталѣ» же вопросъ о народонаселеніи занимаетъ Маркса лишь съ точки зрѣнія рабочаго рынка, объективныя же условія труда онъ изучаетъ лишь съ точки зрѣнія капиталистическаго присвоенія. Различіе между средствами существованія и средствами производства, совершенно обойденное предыдущимъ изслѣдованіемъ, получаетъ въ «Капиталѣ» чрезвычайно важное значеніе и совпадаетъ съ различіемъ между переменнымъ и постояннымъ капиталомъ. Рѣчь не идетъ уже болѣе о томъ, чтобы физически опредѣлить производительныя силы. Изъ сферы механики мы перешли въ сферу историческаго производства, причемъ элементы первой могутъ проявлять свою дѣятельность лишь въ рамкахъ, образуемыхъ второй. Разница до того значительная, что временами невольно кажется, что Марксъ отказался отъ своего прежняго взгляда на производительныя силы, такъ какъ въ «Капиталѣ» мы этого взгляда уже не встрѣчаемъ.

Между системой производительныхъ силъ, съ одной стороны, и системой социальныхъ отношеній — съ другой, существуетъ тѣсная зависимость, напоминающая то отношеніе приспособленія, которое существуетъ между нравами народа и естественными условіями его жизни, причемъ не слѣдуетъ, однако, забывать, что, за исключеніемъ почвы, производительныя силы являются продуктомъ человѣческой дѣятельности. Исходя изъ этой точки зрѣнія, можно вмѣстѣ съ Энгельсомъ сказать, что по прошествіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени всегда въ концѣ концовъ беретъ верхъ экономическій моментъ; съ этой точки зрѣнія можно, далѣе, говорить о возстаніи производительныхъ силъ противъ юридическихъ и политическихъ отношеній производства; но все это даетъ намъ лишь новый символъ, а отнюдь не объясненіе и даже не путь къ объясненію ¹⁾.

¹⁾ Впрочемъ, и понятіе приспособленія даетъ намъ лишь путь къ объясненію въ формѣ символа, что ясно видно изъ сочиненій эволюционистовъ.

Чтобы придать теоріи историческаго матеріализма вполне удовлетворительную форму, необходимо составить себѣ ясное представление о тѣхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между условіями производства и соціальной надстройкой; эту задачу пытался разрѣшить *Лоріа*, но, по признанію наиболѣе компетентныхъ ученыхъ, крайне неудовлетворительно. Духу марксистскаго ученія противорѣчило бы выставленіе законовъ или принциповъ, устанавливающихъ общую зависимость исторіи отъ производительныхъ силъ. Да и что могли бы дать эти законы и принципы, когда самое происхождение производительныхъ силъ остается неяснымъ? Но если мы, такимъ образомъ, не въ состояніи формулировать законы историческихъ образованій, то мы все же можемъ составить себѣ нѣкоторое представление о развитіи соціальныхъ отношеній и объ образованіи господствующихъ въ обществѣ идей. О послѣднемъ мы у Маркса не находимъ почти ничего; въ концѣ этой статьи я попытаюсь дать съ своей стороны нѣкоторыя указанія по этому вопросу. О первомъ же предметѣ мы находимъ въ «Капиталѣ» нѣсколько дѣльных замѣчаній, на которыя я и хочу здѣсь обратить вниманіе.

Необходимо имѣть въ виду три группы отношеній, если хотятъ понять, какъ человѣкъ приспособился къ экономикѣ.

Первая группа отличается чисто механическимъ характеромъ; она обнимаетъ приобрѣтенныя привычки, дѣйствующія почти автоматически или, по крайней мѣрѣ, безъ замѣтнаго вмѣшательства направленной на опредѣленную цѣль воли.

Вторая группа обнимаетъ сферу сознательныхъ хотѣній, причемъ отдѣльная личность стремится поставить себя въ условія, которыя, правильно или неправильно, кажутся ей наилучшими.

Третья группа обнимаетъ сферу отдѣльныхъ, основанныхъ на насиліи тенденцій, соотвѣтствующихъ борьбѣ за существованіе въ природѣ и выражающихся въ вытѣсненіи болѣе слабаго при помощи экономическихъ орудій власти. Но при этомъ необходимо также принять во вниманіе и концентрированное насиліе, насиліе со стороны государства, которое обыкновенно вмѣшивается лишь для усиленія дѣйствія разсѣянныхъ насильственныхъ тенденцій. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду и непосредственнаго насилія, насилія въ узкомъ смыслѣ слова, которое, однако, является только случайностью, хотя такое именно насиліе и составляетъ главный предметъ вульгарной исторіи.

Андлеръ утверждаетъ, что если бы Марксъ имѣлъ достаточно

свободнаго времени, чтобы отлить свою систему изъ одного цѣльнаго куска, то онъ выбросилъ бы изъ нея тѣ части, въ которыхъ говорится о непосредственномъ насиліи, дѣйствующемъ внѣ экономіи. Я не могу согласиться съ этимъ мнѣніемъ Андлера, какъ высоко я ни ставлю его ¹⁾.

IV.

Марксъ почти исключительно имѣлъ въ виду систему, образуемую экономикой, правомъ и политикой.

И изъ этой системы необходимо всегда исходить, если хотять выяснить дѣйствительную цѣнность историческаго матеріализма. Не легкая задача—понять доктрину Маркса. Часто эту доктрину понимаютъ въ томъ смыслѣ, будто существуютъ три отдѣльныя соціологическія области, и будто экономическій факторъ, создавая самъ себя, создаетъ затѣмъ юридическій и политическій факторы.

Противъ этого взгляда Андлеръ выставляетъ слѣдующіе аргументы: Технический прогрессъ, вмѣсто того чтобы служить основаніемъ для юридической надстройки, вырастаетъ вмѣстѣ съ ней. Классовыя различія, повидимому, составляли съ самаго начала политическій моментъ.

Эксплоатація человѣка человѣкомъ не можетъ быть объяснена ничѣмъ инымъ, кромѣ насилія, и въ этомъ вопросѣ былъ правъ не Марксъ, а именно Дюрингъ, на котораго такъ обрушился Энгельсъ—безъ сомнѣнія, за то, что онъ былъ дѣйствительно сильнымъ противникомъ ²⁾. Впрочемъ, Марксъ прекрасно сознавалъ роль насилія; не даромъ вѣдь писалъ онъ въ «Нищетѣ философіи»: Съ возникновеніемъ цивилизаціи производство начинаетъ базировать на антагонизмѣ между кастами, сословіями и классами. И

¹⁾ Также и въ этомъ пунктѣ системы необходимо дѣлать различіе между Марксомъ и Энгельсомъ. Энгельсъ въ своемъ „Anti-Düring“ гораздо больше стремился опровергнуть своего противника, чѣмъ представить дѣйствительно обоснованную теорію. „Его полемика сохранила свою цѣнность, поскольку она направлена противъ утвержденія Дюринга, что политическая жизнь образуетъ фундаментъ исторіи, но она не имѣетъ того общаго значенія, которое она себѣ приписываетъ“ (В. Кроче, „Devenir social“, февр. 1898 г., стр. 121).

²⁾ Revue de metaphysique, сент. 1897 г. стр. 653.

развѣ въ «Капиталѣ» онѣ не останавливается подробно на насилии, какъ на причинѣ первоначальнаго накопленія?

Сеньобозъ же говоритъ, что исторія не даетъ намъ никакихъ основаній для признанія того, что социальныя явленія субординированы экономикѣ, а не координированы съ нею ¹⁾).

На мой взглядъ, рѣчь идетъ о чемъ то совершенно иномъ.

Экономика, право и политика суть продукты нашего разума, различающіеся между собой потому, что мы имѣемъ три способа разсмотрѣнія однихъ и тѣхъ же человѣческихъ поступковъ, что для изученія социальныхъ отношеній мы пользуемся тремя системами. Поэтому, когда мы говоримъ, что тотъ или иной фактъ по природѣ своей экономической, юридической или политической, то это только — риторическая фигура: самъ по себѣ онъ только фактъ и ничего больше.

Подавляющее большинство предметовъ, изученіемъ которыхъ занимается исторія, можетъ быть отнесено къ каждой изъ этихъ системъ; даже болѣе того, можно сказать, что эти три системы окружаютъ одно общее ядро: производство матеріальной жизни. Въ «Нищетѣ философіи» Марксъ слѣдующимъ образомъ установилъ основное правило историческаго изслѣдованія: Если спрашиваютъ, почему давній принципъ проявилъ себя какъ разъ въ XI вѣкѣ, а не въ другомъ какомъ нибудь, то необходимо конкретно изслѣдовать, какими особенностями отличались люди XI вѣка, каковы были ихъ потребности, ихъ производительныя силы, ихъ способъ производства, какимъ сырымъ матеріаломъ они пользовались для производства, и, наконецъ, каковы были отношенія между людьми, вытекавшія изъ всѣхъ этихъ условій существованія. Это правило можно представить еще въ болѣе сжатомъ видѣ. Необходимо изслѣдовать: каковы потребности и каковъ тотъ способъ производства, съ помощью котораго они удовлетворяются, и какое отношеніе существуетъ между первыми и вторымъ? И кромѣ того, необходимо поставить еще одинъ вопросъ: какими особенностями отличались люди данной эпохи? Или, — если звести всѣ эти вопросы, въ одинъ, — рѣчь идетъ о томъ, каково было производство матеріальной жизни, и каковы были люди. Эту формулировку можно поставить въ связь съ упомянутымъ уже мѣстомъ изъ «Капитала»: производство матеріальной жизни являетъ и базисомъ социальныхъ отношеній и дѣйствительной исторіи.

¹⁾ Revue critique, 31 янв. 1898 г., стр. 91.

Если такъ поставить проблему, то она уже не носить ни экономического, ни юридического, ни политическаго характера, а обнимаетъ всѣ историческія образованія, входящія въ каждую изъ этихъ трехъ системъ. Ограничиваясь одной первой системой, мы можемъ установить эмпирическіе законы способа производства,—и мы такимъ образомъ получимъ то, что Марксъ рассматриваетъ, какъ фундаментъ соціального званія.

Если бы экономическая, юридическая и политическая системы имѣли совершенно одинаковый объемъ, тогда можно было бы питать надежду на созданіе строго монистическаго объясненія исторіи. Очень многіе писатели утверждаютъ, что монизмъ и детерминизмъ составляютъ важнѣйшій моментъ въ марксовомъ ученіи; но это утвержденіе не такъ-то легко доказать. Съ одной стороны, непосредственное насиліе, съ другой—стремленіе юристовъ придать праву характеръ чего-то самостоятельнаго, приводятъ къ тому, что экономическая система не въ состояніи включить въ сферу своего разсмотрѣнія всѣ факты производства. Экономическая система имѣетъ несравненно большій объемъ, чѣмъ двѣ другія системы. Масса человѣческихъ поступковъ совершенно изъята изъ сферы правовыхъ нормъ, а вліяніе на нихъ политики является аномаліей. Этимъ объясняется, почему такъ часто говорятъ, что современная промышленность носить анархическій характеръ. Вромя отъ времени этотъ фактъ вызываетъ возраженія со стороны юристовъ, которымъ кажется непостижимымъ существованіе человѣческихъ поступковъ, не подчиняющихся ихъ нормамъ. Но исторія учитъ насъ, что у дикарей было до-юридическое состояніе, во время котораго и вырабатывались тѣ привычки, которыя позже превратились въ законы ¹⁾. Въмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на этотъ фактъ, писатели часто приписывали юридическое понятіе коллективной собственности такимъ народамъ, у которыхъ еще не существовало яснаго понятія о собственности вообще.

Экономія значительно отличается отъ права и политики; она имѣетъ сходство съ физической системой, и долгое время политико-экономы думали, что они должны отыскать въ ней такіе же постоянные и абсолютные законы, какіе существуютъ, напр., въ механикѣ, и что ихъ наука — единственная изъ соціальныхъ наукъ, имѣющая право на такую честь. Они вполне справедливо заявляли, что у утопистовъ эта столь абсолютная наука была въ загонѣ и

¹⁾ Указаніе на это мы часто встрѣчаемъ также у Маркса.

потому то утописты стали на почву естественнаго права и говорили объ идеальной политикѣ. Марксъ въ своемъ «Капиталѣ» слѣдовалъ примѣру классической экономіи и рассматривалъ измѣняющія историческія условія капиталистической эры, какъ неизмѣнныя и естественно-необходимыя ¹⁾).

Если перейти отъ экономіи къ праву и политикѣ, то здѣсь человѣческій духъ чувствуетъ себя свободнымъ отъ принудительной силы условій. И въ извѣстной мѣрѣ онъ воплощаетъ свою свободу въ жизнь: вотъ почему право и политику нельзя свести къ чисто экономическимъ законамъ. Когда мы что-нибудь творимъ, мы рассматриваемъ, какъ матерію, какъ базисъ, все то, что въ большей или меньшей степени не поддается нашей волѣ. Мы можемъ поэтому сказать, что порядокъ, въ которомъ осуществляется свобода, является также порядкомъ, установленнымъ философіей человѣческой практики, и что такимъ образомъ экономія вполнѣ можетъ считаться базисомъ соціальной науки ²⁾).

V.

Лабріола говоритъ, что историческій матеріализмъ даетъ теоретическое объясненіе всей человѣческой практикѣ. Тезисы Маркса о Фейербахѣ показываютъ намъ, что для Маркса наука является лишь систематическимъ выраженіемъ идей, которыя мы составляемъ себѣ о нашей власти надъ вещами. Слѣдовательно, ясно, что въ отношеніяхъ нашихъ знаній къ другъ-другу мы должны найти тѣ же отношенія зависимости, которыя выступаютъ въ человѣческой

¹⁾ Б. Кроче, *Devenir social*, февр. 1898 г., стр. 110.

²⁾ Экономія сама по себѣ можетъ быть разложена на производство, обмѣнъ и распредѣленіе. Политико-экономы обратили вниманіе на то, что человѣческая воля обладаетъ большей свободой въ измѣненіи распредѣленія, чѣмъ въ измѣненіи производства (на это указалъ, напр., Роджерсъ). Такимъ образомъ производство образуетъ экономическій базисъ. Марксъ, по своему обыкновенію, обозначаетъ часто всю систему, какъ базисъ. Къ этому я еще вернусь въ концѣ статьи. Андлеръ, вслѣдъ за Штаммлеромъ, говоритъ, что отъ характера производства нельзя умозаключать къ характеру распредѣленія (*Revue de métaphysique*, сент. 1897, стр. 653). Это вѣрно въ томъ случаѣ, если излагать мысль Маркса, какъ я. Какъ можно говорить объ образованіи и возникновеніи капитала, если не рассматривать производствъ, обмѣнъ и распредѣленіе въ ихъ совокупности?

практикѣ. Посмотримъ теперь, какъ политико-экономы различныхъ школъ выразили по-своему эти отношенія, объясняемыя историческимъ матеріализмомъ.

Одни заявили, что воля и власть государства безсильны задержать или толкнуть впередъ дѣятельность экономическихъ силъ; другіе прибавили, что слѣпое и самопроизвольное движеніе экономическихъ силъ само собою создаетъ равновѣсіе, котораго тщетно стремятся достигнуть путемъ государственнаго вмѣшательства; а многіе вообще высказали мнѣніе, что экономія объясняетъ всю исторію. Всѣ эти формулы болѣе или менѣе точно опредѣляютъ характеръ соціальнаго базиса.

Всякій разъ, когда мы имѣемъ передъ собою философію человѣческой практики, мы, при толкованіи теорій, должны также считаться съ той практической цѣлью, которую преслѣдуютъ ихъ авторы. Въ дѣйствительности всѣ политико-экономы и социалисты думаютъ не столько о томъ, чтобы строго критически развить свои теоріи, сколько о томъ, чтобы найти формулы, наиболѣе удачно выражающія ихъ практическія намѣренія. Это ясно сказывается въ трудахъ оптимистическихъ политико-экономовъ, но это не менѣе вѣрно для системъ всѣхъ политическихъ партій, вообще.

Утописты прежняго времени были заняты вопросомъ, какъ слѣдуетъ устроить общество, чтобы оно носило логическій, или, можно также сказать: вполне духовный, характеръ. Они ставили своей цѣлью созданіе сильной власти, способной преодолѣть всѣ матеріальныя препятствія. Въ примѣненіи непосредственнаго насилія на службѣ у свободнаго духа или разума они видѣли разрѣшеніе соціальной проблемы, а организація рабочихъ въ экономической области посредствомъ профессиональных союзовъ, кооперативовъ, кружковъ самообразования и т. д. казалась имъ достаточной для сплоченія революціонныхъ кадровъ и для приведенія пролетарской арміи въ боевую готовность. Въ настоящее время иначе смотрятъ на вещи. Мы уже болѣе не знаемъ, какъ будетъ выглядѣть будущее общество, мы знаемъ лишь, что оно будетъ такимъ, какимъ его сможетъ сдѣлать пролетаріатъ, организующійся въ процессѣ экономической борьбы ¹⁾.

¹⁾ Въ предисловіи къ французскому переводу книги Лабріолы я писалъ: Современная проблема о государствѣ будущаго сводится къ тремъ вопросамъ: 1. — Имѣетъ ли уже пролетаріатъ ясное сознаніе о своемъ существованіи, какъ нераздѣльнаго класса? 2. — Имѣетъ ли онъ достаточно силы, чтобы вступить въ борьбу со всѣми другими клас-

Во Франціи все еще господствуют прежнія воззрѣнія. Приведу только одно дѣйствительно яркое доказательство. Въ одной своей рѣчи, произнесенной въ палатѣ 15-го іюня 1896 г., Жюль Гадъ сослался на знаменитыя слова Бланки, брошенныя имъ въ лицо буржуазному міру, что черезъ 48 часовъ послѣ революціи новое правительство найдетъ средства привязать къ себѣ рабочія массы. Даже утописты никогда не выставляли болѣе смѣлаго утверждения. Во Франціи бланкисты въ дѣйствительности ничѣмъ не отличаются отъ другихъ социалистическихъ школъ.

Лабріола рѣзко подчеркнул, что Марксѡва школа, вмѣсто того, чтобы предписывать пролетаріату законы, стремится изучить его движеніе, чтобы затѣмъ, теоретически установивъ это движеніе, одѣлать отсюда необходимые выводы для практики. Соціальный вопросъ въ настоящее время не можетъ быть разрѣшенъ дедуктивнымъ путемъ. И историческій матеріализмъ, опредѣляя дѣйствительную природу соціальной проблемы и устанавливая методологическія правила, аналогичныя правиламъ механики, совершаетъ переходъ отъ утопіи къ наукѣ.

То, что для утопистовъ и политиковъ было второстепеннымъ дѣломъ, — работа по подготовкѣ пролетаріата, — становится теперь главнымъ дѣломъ. Когда Марксъ писалъ свой «Капиталъ», онъ располагалъ лишь весьма ограниченнымъ матеріаломъ въ этой области ¹⁾. Поэтому мы не можемъ найти въ «Капиталѣ» точнаго указанія на различные моменты этой подготовительной работы; Марксъ говоритъ только, что рабочій классъ дисциплинируется, объединяется и организуется благодаря механизму капиталистическаго процесса производства ²⁾; но употребляемые имъ обороты рѣчи заставляютъ предполагать, что онъ не имѣлъ сколько-нибудь прочныхъ представлений о тѣхъ моментахъ этого вліянія капиталистическаго процесса,

сами? 3.—Въ состояніи ли онъ вмѣстѣ съ капиталистической организаціей преобразовать всю систему унаслѣдованнаго міровоззрѣнія?.. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что нѣтъ болѣе соціальнаго вопроса, можно даже утверждать, что социализмъ въ обычномъ и историческомъ смыслѣ этого слова уже превзойденъ. Дѣйствительно, современныя изслѣдованія направлены уже не на вопросъ: какимъ должно быть общество?, а на вопросъ: какъ можетъ пролетаріатъ въ настоящее время вести свою классовую борьбу?

¹⁾ Въ „Critica sociale“ отъ 16 мая 1897 г. L. Binardi указываетъ на то, что, вообще, описаніе промышленной дѣятельности въ „Капиталѣ“ сильно устарѣло.

²⁾ „Kapital“, Bd. I, стр. 728.

которые лежат выше автоматической сферы борьбы¹⁾. Последователи же Маркса не ощущали потребности въ углубленіи проблемы и нерѣдко даже суживали смыслъ марксовыхъ словъ, чтобы въ подготовительной работѣ видѣть только механическій процессъ, не требующій со стороны народа интеллектуальнаго напряженія.

Съ точки зрѣнія философіи человѣческой практики ничто не мѣшаетъ особенно сильно выдвигать на первый планъ значеніе объективныхъ условій, ибо только такимъ путемъ можно избѣжать ошибокъ и неудачныхъ революціонныхъ попытокъ. Поэтому не слѣдуетъ смотрѣть сверху внизъ на первыхъ послѣдователей Маркса, если они въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ такъ сильно подчеркивали рѣшающую и опредѣляющую роль способа производства. Этимъ они хотѣли не создать какую-то спекулятивную теорію исторіи, а лишь дать практическимъ работникамъ необходимыя тактическія правила. (Въ силу вполне естественнаго недоразумѣнія, правила эти постепенно превратились въ абсолютныя историческіе законы). Вѣдь люди такъ склонны принимать свои мечты за дѣйствительность и измѣнять міръ сообразно своимъ капризамъ, — и эти первые марксисты имѣли всѣ основанія особенно рѣзко подчеркнуть преобладающее значеніе экономическаго момента. Но эта формула, которая прежде была полезна, теперь стала для практики слишкомъ общимъ мѣстомъ, для спекулятивнаго же изученія исторіи—она непригодна.

Впрочемъ, ученики Маркса впади въ замѣчательную непослѣдовательность: такъ какъ они не изучали внутреннихъ процессовъ пролетарской революціи, то они почти всѣ безъ исключенія вернулись къ прежде осужденнымъ и осмѣяннымъ иллюзіямъ политиковъ. Въ области практики они отказались отъ марксистской точки зрѣнія во-имя утопическаго государственнаго социализма. Вмѣстѣ съ тѣмъ—этого нельзя отрицать—они создали въ своемъ воображеніи такое чисто-дѣтское государство, о какомъ, напр., мечталъ Фенелонъ въ своемъ «Телемакѣ».

Въ то время, какъ теоретики такимъ образомъ блуждали по ложному пути, рабочіе организовались въ кооперативы и синдикаты къ великому неудовольствію нашихъ французскихъ марксистовъ, увидѣвшихъ въ этой дѣятельности отрицаніе марксистскихъ принциповъ.

¹⁾ Можно думать, что существуетъ извѣстная аналогія между развитіемъ этого вліянія и развитіемъ тѣхъ трехъ моментовъ приспособленія къ капитализму, о которыхъ была рѣчь выше.

Каждая философія человѣческой практики имѣетъ свою поэзію, безъ которой она ничего не въ состояніи совершить. Ей необходимо увѣрнить въ душахъ ея послѣдователей вѣру, т. е. абсолютное довѣріе къ гипотезамъ. Соціалистическіе писатели дошли до такого искаженія матеріалистическаго пониманія исторіи, что выдаютъ за безусловную необходимость то, что въ дѣйствительности можетъ быть только гипотезой о будущемъ. Они преувеличили до крайнихъ предѣловъ все, сказанное Марксомъ по этому поводу, и тѣмъ самымъ вызвали сильный протестъ противъ марксистскаго фатализма ¹⁾.

VI.

Чтобы правильно оцѣнить примѣнимость историческаго матеріализма, необходимо прежде всего отказаться отъ надежды объяснить исторію изъ причинъ, какъ мы объясняемъ физическія явленія. Достигнуть такого объясненія, какъ въ механикѣ, возможно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда мы въ состояніи заставить извѣстныя явленія при вполне опредѣленныхъ условіяхъ сколько угодно разъ появляться, измѣняться или исчезать, — т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда мы въ состояніи производить опыты. Но, вѣдь, исторія является для насъ разъ навсегда даннымъ фактомъ. Поэтому понятіе причинности не можетъ подвинуть насъ здѣсь ни на одинъ шагъ.

Исторія во многихъ отношеніяхъ имѣетъ сходство съ морфологіей живыхъ существъ, а для морфологіи Клодъ Бернаръ считаетъ характернымъ тотъ фактъ, что она недоступна эксперименту. Долгое время вѣрили въ необходимость классифицировать различные живыя существа на основѣ какого либо сложнаго закона, которому будто бы подчинены организмы и который придаетъ имъ извѣстный, доступный нашему разуму, смыслъ. Допускали, что природа повинуется какому то интеллекту, сходному съ нашимъ, и что она заставляетъ всѣ живыя существа подыматься по лѣстницѣ, которая тождественна съ устанавливаемой нами въ нашемъ стремленіи понять сложность организмовъ. Эта весьма замѣчательная

¹⁾ Я сдѣлалъ попытку въ „Humanité nouvelle“ въ статьѣ, озаглавленной: „L'avenir socialiste des syndicats“, дать марксистское изслѣдованіе рабочей организаціи, и въ настоящее время я занятъ мыслью написать книгу о марксистской теоріи и пролетариатѣ.

гипотеза вполне сходна съ гипотезой о человѣческомъ прогрессѣ— и не имѣетъ никакой научной цѣнности¹⁾.

Наше пониманіе сущности органическаго міра исходитъ изъ дарвиновскихъ представленій: мы не знаемъ причинъ, вызывающихъ опредѣленные детерминированныя измѣненія, хотя намъ, правда, удастся различить и опредѣлить причины, обуславливающія переживаніе лучше приспособленныхъ къ борьбѣ за существованіе существъ. Такъ у порога эволюціи стоитъ случай, хотя сама эта эволюція отличается извѣстной закономѣрностью, которую мы можемъ понять съ помощью теоріи отбора.

Точно такъ же и исторія подвластна случаю. Чѣмъ многочисленнѣе и неопредѣленнѣе случаи, тѣмъ больше у насъ шансовъ замѣтить въ движеніяхъ закономѣрность, отыскать историческіе законы и опредѣлять принципы, которые, *повидимому*, господствуютъ надъ данною эпохой. И прежде всего вывести закономѣрность изъ комбинаціи случаевъ мы можемъ тогда, когда мы ограничиваемъ свои наблюденія областью экономическихъ фактовъ. Индивидуальные мотивы не имѣютъ здѣсь никакого значенія, такъ какъ сложность отдѣльныхъ причинъ нашихъ поступковъ придаетъ цѣлому характеръ чисто бессознательнаго процесса. Изучать отдѣльныхъ индивидуумовъ было бы тутъ въ такой же мѣрѣ празднымъ дѣломъ, какъ изслѣдовать *причины*, заставляющія даннаго животнаго вести борьбу за существованіе или переходить съ мѣста на мѣсто. Естественный изслѣдователь изслѣдуетъ лишь *результаты* этой борьбы и этихъ переселеній, приводя ихъ въ связь съ особенностями организма.

Все, что такимъ образомъ относится къ области комбинацій бессознательной социологіи, могло прежде обозначаться, какъ *необходимое*²⁾—выраженіемъ этимъ пользуется также Марсѣ въ

1) Въ этомъ именно заключается иллюзія нашихъ историческихъ эволюціонистовъ; они совсѣмъ не замѣчаютъ, что становятся на почву идеализма въ то самое время, когда считаютъ себя, Богъ вѣсть, какими смѣлыми матеріалистами. Лабріола при всякомъ удобномъ случаѣ указываетъ на то, что марксизмъ не имѣетъ ничего общаго со спенсеризмомъ, что, впрочемъ, порядкомъ огорчаетъ большинство итальянскихъ социалистовъ. В. Кроме не согласія ни съ эволюціонной теоріей Спенсера, ни съ діалектической концепціей Энгельса: не является ли,—спрашиваетъ онъ, законъ отрицанія отрицанія какъ разъ пережиткомъ старой метафизики? (*Devenir social*, февраль 1899 года стр. 121).

2) Но въ настоящее время нѣтъ уже никакого основанія сохранять этотъ двухсмысленный терминъ.

различныхъ случаяхъ. Этотъ характеръ необходимости приписывается имъ главнымъ образомъ техникъэкономіи. Но въ болѣе или менѣе ясной формѣ оно примѣняется и къ производнымъ отношеніямъ. Такъ, Марксъ пишетъ, что фабричное законодательство—такой же необходимый продуктъ крупной промышленности, какъ бумага, самопрялка и электрическій телеграфъ ¹⁾). Смыслъ этого выраженія становится намъ вполне понятнымъ лишь при сопоставленіи его съ другимъ мѣстомъ изъ «Капитала»: «Фарисеи «политической экономіи» провозглашаютъ теперь пониманіе необходимости нормируемаго закономъ рабочаго дня—спеціальнымъ завоеваніемъ «науки» ²⁾). Если мы сопоставимъ оба эти мѣста, намъ станетъ ясно, что многіе политико-экономы считали рабочее законодательство составной частью своей науки, такъ какъ имъ казалось, что это законодательство въ опредѣленный моментъ получается изъ бессознательныхъ и неопредѣленныхъ тенденцій, аналогичныхъ тѣмъ, которыя вызываютъ экономическій прогрессъ. Имъ казалось, что это законодательство лишь въ самой незначительной степени опредѣляется моральными и юридическими соображеніями; они полагали, что оно не зависитъ отъ разумной, подчиняющейся свободнымъ принципамъ, воли. Марксъ думаетъ, что такъ оно и ёсть въ дѣйствительности и поэтому онъ употребляетъ выраженіе: «необходимый», приводя законодательство въ связь съ изобрѣтеніями и продуктами промышленности.

Эта многочисленность случаевъ и это смѣшеніе неопредѣлимыхъ причинъ создаютъ въ социологіи, какъ и въ естественной исторіи, опредѣленное соотвѣтствіе между группами явленій: между органическимъ развитіемъ и матеріальными условіями существованія. Въ этомъ смыслѣ Марксъ въ «Нищетѣ философіи» могъ сказать: «Ручная мельница создаетъ общество съ феодальными баронами, паровая мельница—общество съ промышленными капиталистами». Но между этими вещами существуетъ отнюдь не *опредѣлимая* и необходимая связь причины со слѣдствіемъ, какъ нѣкоторые это утверждали ³⁾, а лишь простое констатированіе соотвѣтствія. Впрочемъ, марксова формула, вслѣдствіе излишней сжатости недостаточно ясна. Въ той же книгѣ онъ говоритъ, что способъ производства соотвѣтствуетъ опредѣленному развитію общества и

¹⁾ „Kapital“ Bd. I, стр. 446.

²⁾ „Kapital“ Bd. I, стр. 259.

³⁾ Особенно Андлеръ въ R. de métaphysique. сент. 1897, стр. 657. Въ концѣ статьи я еще вернусь къ этой формулѣ.

его производительныхъ силъ, но что при этомъ не можетъ быть рѣчи о механической причинности, посредствомъ которой производительныя силы исключительно сами изъ себя создавали бы юридическія и политическія отношенія.

VII.

Прежніе историки видѣли свою главную задачу въ томъ, чтобы точно зарегистрировать «подвиги» извѣстныхъ великихъ людей, такъ какъ они смотрѣли на исторію съ воспитательной точки зрѣнія. Они хотѣли дать моральную оцѣнку героямъ міровой драмы и тѣмъ представить своимъ современникамъ полезныя примѣры. Къ индивидуальнымъ поступкамъ легко примѣнимо понятіе причины, такъ какъ эти поступки представляютъ собою случайности, которыя могли быть или ни быть; такого рода причину можно устранить или измѣнить.

Возможно ли точно установить причины этого рода? Мнѣ это представляется весьма сомнительнымъ, хотя Сеньобосъ, повидимому, держится другого мнѣнія ¹⁾. Ничто, на мой взглядъ, не способно такъ обмануть, какъ анализъ причинъ великихъ дѣяній, даже въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи множество документовъ: почти всегда не хватаетъ какъ разъ самаго важнаго документа.

Чего только не писали о тайнѣ капитуляціи Меца! Маршалъ Базенъ получилъ опредѣленныя инструкціи отъ бонапартистскихъ эмигрантовъ въ Брюсселѣ ²⁾, и все заставляетъ думать, что онъ слѣдовалъ этимъ инструкціямъ, полагая, что онъ одобренъ императоромъ Наполеономъ. Базенъ умеръ, не приподнявъ завѣсы надъ этой тайной. Фактъ этотъ, кажется мнѣ, не упомянуть ни однимъ историкомъ. Ни одного документа объ этомъ нельзя будетъ найти, и поведение Базена навсегда останется неправильно объясненнымъ.

Но если бы даже мы были прекрасно освѣдомлены обо всемъ этомъ, что могло бы это намъ дать? Исторія отдѣльныхъ личностей можетъ быть полезна только съ одной точки зрѣнія: съ точки зрѣнія разрушенія легендъ. Марксъ въ своемъ «Капиталѣ» довольно часто

¹⁾ Ланглуа и Сеньобосъ: Introduction aux études historiques, стр. 253.

²⁾ Нѣмецкіе пинеты задержали много эмисаровъ, только одинъ добрался до Меца.

подвергалъ самой рѣзкой критикѣ знаменитыхъ людей прошлаго, ибо легенду въ исторіи онъ считалъ опасной. То же соображеніе руководило и Тэномъ въ его изслѣдованіяхъ о французской революціи, такъ какъ этотъ періодъ сдѣлался особенно излюбленнымъ для педагогическихъ легендъ.

Марксъ не далъ намъ общихъ принциповъ для опредѣленія вліянія педагогическихъ легендъ на наше поведеніе, но на первыхъ страницахъ его «18-го брюмера» мы находимъ чрезвычайно интересныя замѣчанія объ этомъ предметѣ. Идеализированная исторія прошлаго все еще является основой нашей политической жизни. Ланглюа и Сеньобосъ сообщаютъ по этому поводу слѣдующій интересный фактъ: на одномъ экзаменѣ въ іюлѣ 1897 г. кандидатамъ предлагался вопросъ: «Къ чему служитъ занятіе исторіей?», и 80% всѣхъ экзаменующихся дало такой отвѣтъ: «Оно создаетъ патріотическое воодушевленіе»!

Я не хочу заняться здѣсь разсмотрѣніемъ формулъ, которыя пытаются установить социологи, чтобы объяснить всю совокупность историческаго движенія развитіемъ или исчезновеніемъ извѣстныхъ, всегда довольно-таки неопредѣленныхъ, признаковъ. Такого рода попытки не представляютъ никакого научнаго интереса, а приводятъ лишь къ затмѣненію того, что научное изслѣдованіе старалось сдѣлать яснымъ. Всякой формулѣ такого рода обыкновенно нетрудно бываетъ противопоставить другую, прямо ей противоположную, и оба тезиса можно одинаково подкрѣпить множествомъ примѣровъ.

Впрочемъ, всѣ попытки, предпринятыя въ этомъ направленіи сенъ-симонистами и учениками Спенсера, привели къ совершенно лишенной практическаго значенія игрѣ понятій. Если, однако, смотрѣть на исторію съ матеріалистической точки зрѣнія, она представляетъ значительный практическій интересъ. Мы видѣли, что въ конечномъ счетѣ она сводится къ вопросу о томъ, какъ дѣйствуютъ человѣческія группы, поставленныя въ опредѣленныя условія. Исторія, если намъ удастся понять ее, можетъ дать намъ чрезвычайно полезныя указанія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы обсуждаемъ вопросъ о цѣлесообразности опредѣленныхъ организацій, когда мы оцѣниваемъ значеніе какой либо законодательной реформы, когда мы рекомендуемъ какому-нибудь общественному классу тактику, направленную на опредѣленную цѣль,—а, вѣдь, этого именно и требовали всегда государственные люди отъ исторіи. Но она не могла имъ этого дать до тѣхъ поръ, пока наука не проанализировала элементовъ социологій.

Исторія можетъ показать намъ не то, какъ одни факты вызываютъ другіе, а только то, какъ осуществляется человѣческая дѣятельность. Она представляетъ обильный психологическій источникъ съ чрезвычайно богатымъ содержаніемъ для всякаго, кто умѣетъ ею пользоваться. Жизнь современныхъ общественныхъ классовъ представляетъ для этой коллективной психологіи почти—опытную лабораторію. Но историческій матеріализмъ долженъ остерегаться вдаваться въ сомнительныя изслѣдованія о прошломъ, пока его принципы не установлены достаточно твердо путемъ изученія настоящаго. Въ этомъ отношеніи Марксъ далъ намъ блестящій примѣръ, и его работы о современной ему политикѣ богаты такого рода наблюденіями.

Часто противъ Маркса выставляли возраженіе, что свою историческую теорію онъ построилъ лишь съ цѣлью оправдать ея свои революціонныя планы. Въ этомъ много справедливаго, а именно въ томъ смыслѣ, что мысль Маркса всегда была направлена на практическую дѣятельность, и что поэтому его изслѣдованій не слѣдуетъ сваливать въ одну кучу съ умозрѣніями тѣхъ или иныхъ профессоровъ. Поэтому въ историческомъ матеріализмѣ слѣдуетъ выдвинуть на первый планъ *тѣ* гипотезы, которыя относятся къ дѣятельности въ настоящемъ. Эта гипотезы сплетаются съ изслѣдованіями о прошломъ и съ историческими законами, которые могутъ быть получены эмпирическимъ путемъ. Марксовскій матеріализмъ выступаетъ передъ нами въ тройкомъ видѣ, и, когда мы разсматриваемъ его съ *одной* изъ этихъ трехъ точекъ зрѣнія, мы никогда не должны думать, что имѣемъ передъ собой всю картину. Ученики Маркса не всегда въ достаточной мѣрѣ считались съ духомъ его сочиненій. Они выхватывали оттуда отдѣльныя мѣста, чтобы вывести изъ нихъ общія теоріи, имѣющія абсолютное значеніе, и при этомъ не замѣчали, что формулы Маркса имѣютъ лишь относительное значеніе, что онѣ относятся къ вполне опредѣленнымъ историческимъ обстоятельствамъ, въ предѣлахъ которыхъ вращается мысль Маркса, что онѣ относятся прежде всего къ практическимъ мѣропріятіямъ, къ непосредственной практической дѣятельности ¹⁾. Намъ незначѣтъ подробно останавливаться на

¹⁾ Историческіе законы, формулированные Марксомъ, всегда слѣдуетъ примѣнять съ осторожностью. Такъ, напр., въ „Kapital“ Bd. I на стр. 321 въ примѣч. 59 мы встрѣчаемъ утвержденіе, взятое изъ „Нищеты философіи“, что степень участія авторитета (единичнаго лица) въ мастерской и степень его участія въ обществѣ обратно пропорціональны другъ

этомъ пунктѣ: читатель легко сможетъ самъ подвергнуть критикѣ тѣ мнимо абсолютныя законы, которые широко распространены подѣ именемъ марковскихъ.

VIII.

Теперь я хочу вернуться къ вопросу объ образованіи идей при различныхъ общественныхъ формахъ.

Въ исторіи первобытныхъ народовъ религія играетъ выдающуюся роль. Оспаривать это было бы большою ошибкой. И въ современномъ мірѣ, кажется мнѣ, религія далеко еще не сыграла свою роль. Вѣдь мы видѣли, какъ на нашихъ глазахъ снова ожили религіозныя убѣжденія, давно уже считавшіяся отжившими. Но что слѣдуетъ понимать подѣ религіей съ точки зрѣнія историческаго матеріализма, и какую роль вообще играетъ религія?

На мой взглядъ, подѣ религіей слѣдуетъ понимать совокупность суевѣрныхъ представленій объ отношеніи человѣка къ природѣ, причемъ послѣдняя рассматривается, какъ проявленіе какой то воли. Это суевѣрное воззрѣніе можетъ принять три формы: во-первыхъ, непосредственной магіи:—человѣческая воля воздѣйствуетъ непосредственно на предполагаемую волю вещей; во-вторыхъ, посредственной магіи:—человѣческая воля дѣйствуетъ при посредствѣ какого-либо священнаго предмета; въ-третьихъ, научной магіи:—воля благочестиваго человѣка или жреца прибѣгаетъ къ мнимому знанію природы.

Я не думаю утверждать, что эти формы соответствуютъ тремъ различнымъ историческимъ стадіямъ. Опытъ показываетъ, что, хотя въ наши дни религія приняла у цивилизованныхъ народовъ научную форму (теологіи), тѣмъ не менѣе непосредственная магія все снова оживаетъ и въ формѣ мистицизма стремится воскресить вѣру. Въ каждомъ развитомъ обществѣ всѣ психологическія явленія существуютъ одно рядомъ съ другимъ. И такимъ образомъ религія вы-

другу. Не такъ-то легко было бы выставить это утвержденіе, какъ теоретически абсолютный законъ. Въ „Нищетѣ философіи“ мы находимъ также много историческихъ законовъ о цѣнѣ, ставшихъ съ теченіемъ времени неточными. И, наконецъ, какую массу ошибокъ породила пресловутая вѣра въ безграничное скопленіе богатствъ въ рукахъ небольшой кучки лицъ? Марксъ, безъ сомнѣнія, не думалъ о томъ, что его сочиненія, путемъ вырыванія отдѣльныхъ мѣстъ, послужатъ матеріаломъ для изготовленія разныхъ теорій и теоріекъ.

зываетъ во всѣхъ областяхъ человѣческаго мышленія появленіе опредѣленныхъ сужденій. Она оказываетъ вліяніе даже на логику, присоединя къ ней воображаемые ряды представленій; дѣло доходить до того, что у первобытныхъ народовъ мы находимъ въ религіи выраженіе всей соціальной психологіи.

Вико сдѣлалъ наблюденіе, что почти всѣ наши абстрактныя идеи берутъ начало изъ практики общественной жизни грековъ ¹⁾. Къ сожалѣнію, наука не обратила достаточнаго вниманія на эту замѣчательную мысль. Я полагаю, что на ряду съ религіей вторымъ факторомъ соціальной психологіи можно считать общественную жизнь, понимая это выраженіе въ самомъ общемъ смыслѣ, именно, въ смыслѣ отношенія отдѣльнаго человѣка къ соціальной волѣ. Подъ этимъ слѣдуетъ понимать—во-первыхъ, индивидуальный союзъ: поведеніемъ индивидуума руководить чувство преданности и вѣрности предводителю или другу; во-вторыхъ, группу или классъ: поведение прежде всего опредѣляется общностью интересовъ и враждебнымъ отношеніемъ къ чужимъ; въ-третьихъ, государство: поведение опредѣляется законами, и человѣкъ становится въ зависимость отъ чисто соціальныхъ абстракцій.

Само собой понятно, что общественная жизнь никогда не стоитъ внѣ соціального комплекса, и прежде всего въ нее каждый моментъ вторгается религіозное суевѣріе. Но главнымъ образомъ это происходитъ въ индивидуальномъ союзѣ, который, будучи основанъ всецѣло на чувствѣ, особенно тѣсно связанъ съ магіей.

Третьимъ факторомъ является экономическая сфера. Она приводитъ человѣка въ соприкосновеніе съ соціальной и планомѣрно-организованной природой. Но дѣйствіе ея проявляется лишь съ того момента, какъ она выработала уже опредѣленные привычки, пустившія достаточно глубокіе корни, чтобы быть въ состояніи оказывать дѣйствительное вліяніе на идейный міръ человѣка. Въ первомъ томѣ «Капитала» мы находимъ слѣдующую вполне пріемлемую классификацію. Во-первыхъ, первобытная форма ремесла: экономическія отношенія кажутся столь же неизмѣнными, какъ законы природы. Во-вторыхъ, мануфактура: всѣ измѣненія разсматриваются, какъ чудесныя и революціонныя событія. Въ-третьихъ, современная крупная промышленность: ничто въ природѣ не кажется болѣе прочнымъ, въ вещахъ и мысляхъ совершается перманентная революція.

¹⁾ Ср.: „Was uns Vico lehrt?“, Soc. Monatshefte. 1898, № 6, стр. 271.

Психологическія категоріи вѣрности традиціямъ, обновленія и подражанія находятъ свое объясненіе въ различныхъ явленіяхъ, характеризующихъ промышленность. Подходить къ вещамъ съ противоположной стороны и искать объясненія промышленнаго прогресса въ мистическихъ духовныхъ измѣненіяхъ—значить довольствоваться словами: это имѣетъ такую же цѣну, какъ если бы происхожденіе чиселъ захотѣли объяснить тѣми знаками, которые употребляются для ихъ изображенія.

Рядомъ съ развитіемъ одной и той же сферы идетъ также развитіе интеллектуальныхъ силъ. При переходѣ отъ одной сферы къ слѣдующей мы находимъ все большую духовную свободу. Если религія съ ея фантастическими представленіями, основанными на случаѣ, даетъ человѣческому духу опредѣленное содержаніе, то экономія даетъ только направленіе для дѣятельности этого духа ¹⁾.

Мнѣ остается сказать еще о семьѣ, которая до сихъ поръ не нашла себѣ мѣста въ моемъ изслѣдованіи. Вопросъ о семьѣ необходимо разсматривать совершенно отдѣльно, изслѣдуя прежде всего ея зависимость отъ экономики. Въ этомъ отношеніи существенные элементы семьи связаны съ юридической системой и, прежде всего, съ политическими теоріями. Это доказалъ профессоръ Flach въ своихъ лекціяхъ въ Collège de France. Съ другой стороны, на развитіе семьи оказываютъ также могучее вліяніе религіозные предразсудки и обычаи общественной жизни и, прежде всего, индивидуальнаго союза. На мой взглядъ, семейная жизнь дѣйствительно является «совокупностью отношеній, служащихъ къ моральному развитію людей, объединенныхъ въ группу; ибо эти отношенія основаны на добровольномъ самопожертвованіи» ²⁾.

На базисѣ семьи возвышаются двѣ другія, связанные между собою системы: система благотворительности и система гуманной оправедливости. Утописты весьма часто пытались разрѣшить социальный вопросъ тѣмъ, что, исходя изъ опредѣленнаго принципа справедливости, требовали равнаго права для всѣхъ, кто имѣетъ человѣческій обликъ. Семья, благотворительность и справедливость вызываютъ до того тѣсно сплетенныя ассоціаціи ощущеній, что политико-экономы могли бросить въ лицо утопистамъ обвиненіе въ томъ, что они хотятъ замѣнить государство семьей. Уже древніе знали, что благотворительность стоитъ въ противорѣчій къ праву,

¹⁾ Ср. Kapital, Bd. I, стр. 452, примѣч. 306.

²⁾ Devenir social, октябрь 1897 г., стр. 881.

но въ то же время образуетъ столь же необходимую систему, какъ оно. Поэтому не слѣдуетъ, какъ это часто дѣлается, разсматривать мораль, какъ еще не оформленное смутное право. Причина обычной ошибки въ этомъ отношеніи коренится въ томъ, что до сихъ поръ еще не изслѣдовали въ достаточной мѣрѣ характеръ права.

IX.

Многіе изъ моихъ читателей, безъ сомнѣнія, замѣтятъ, что въ моей статьѣ часто шла рѣчь о сложныхъ системахъ, представляющихъ каждая серію изъ трехъ понятій, и быть можетъ они признаютъ весь этотъ аппаратъ слишкомъ схоластическимъ. На это я долженъ возразить, что для того, чтобы правильно понять систему такого глубокаго и оригинальнаго мыслителя, какъ Марксъ, необходимо отвлечься отъ собственныхъ склонностей и направить свою мысль по тѣмъ самымъ путямъ, по какимъ шла его мысль. Марксъ старался придать своимъ мыслямъ именно такую форму системы изъ трехъ понятій. Этотъ методъ мы находимъ почти во всемъ «Капиталѣ».

Въ заключеніе еще одно краткое замѣчаніе о томъ, какъ Марксъ обыкновенно обозначаетъ эти три понятія. Почти всегда онъ даетъ имъ въ ихъ совокупности названіе перваго понятія. Оно образуетъ базисъ, дающій названіе всей постройкѣ. Эта привычка Маркса создала массу противорѣчій; многочисленные комментаторы понимали его выраженія въ буквальномъ смыслѣ и отбрасывали все, что не было имъ особо обозначено. Этому именно противорѣчію слѣдуетъ приписать ошибки тѣхъ, которые хотятъ сдѣлать экономику единственной, все объясняющей, силой. Когда Марксъ писалъ противъ извѣстныхъ социалистическихъ политиковъ, переоцѣнивавшихъ силу законодательства, онъ подвергъ строго научному анализу условія законодательной дѣятельности, охарактеризовавъ ее, какъ матерію, которая не даетъ себя мѣнить по волѣ творца, слишкомъ склоннаго къ абстрактнымъ формамъ. Поэтому онъ постоянно указываетъ на базисъ, какъ на опредѣленную часть, какъ на ту часть, которая необходимо служить къ характеристикѣ всего зданія. Здѣсь ясно сказывается преимущественно практическая сторона идейнаго направленія Маркса.

Съ этой точки зрѣнія онъ разсматриваетъ базисъ, какъ обитель и тѣло воли. Поэтому онъ могъ писать въ «Нищетѣ философіи»:

«Законодательство, какъ оно ни кажется политическимъ, можетъ лишь давать словесное выраженіе волѣ экономическихъ условій».

Эти слова очень легко понять. Человѣческая воля разсматривается, какъ заключенная въ экономическомъ тѣлѣ, форму котораго она составляетъ и въ которомъ она находитъ свое выраженіе. Съ другой стороны, Марксъ разсматриваетъ экономику, какъ данную величину въ проблемѣ. Такъ, въ томъ же сочиненіи онъ пишетъ: «Форма обмѣна продуктовъ соотвѣтствуетъ формѣ производства; когда мѣняется послѣдняя, должна также измѣниться и первая». Марксъ хочетъ показать, что между базисомъ (производство) и надстройкой (обмѣнъ) существуетъ такая тѣсная связь, что нельзя надѣяться на разрѣшеніе социальнаго вопроса путемъ присоединенія къ данной системѣ производства свободно изобрѣтенной системы обмѣна. Въ этомъ именно смыслѣ слѣдуетъ также понимать знаменитое положеніе, уже цитированное мною: «Ручная мельница создаетъ общество съ феодальными баронами». Чисто научно его слѣдовало бы такъ выразить: Ручная мельница является данной величиной, характерной для феодальнаго общества.

Что такое экономическій матеріализмъ?

Докладъ четвертому международному социологическому конгрессу д-ра Н. фонъ-Келлеса-Крауца, проф. „Collège des Sciences Sociales“ въ Парижѣ и „Université Nouvelle“ въ Брюсселѣ.

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ дискуссіи по вопросу о материалистическомъ пониманіи исторіи, поставленному на очередь для предыдущимъ конгрессомъ, необходимо, думается мнѣ, чтобы послѣдователь этого ученія изложилъ его основы и выяснилъ его дѣйствительный смыслъ; эта задача возложена на меня. Многие, пожалуй, скажутъ, что это совершенно излишне: развѣ нашъ учитель Карлъ Марксъ не далъ еще въ 1859 г., въ своемъ предисловіи къ «Zur Kritik», сжатое и точное изложеніе своей социальной философіи? И развѣ это его предисловіе, столь часто цитируемое и перепечатаваемое, не послужило, съ одной стороны, исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшей разработки его теоріи, а, съ другой—мишенью для всякаго рода критиковъ?

На это я долженъ возразить, что данная тамъ формулировка материалистическаго пониманія исторіи, несмотря на всю глубину, логическую послѣдовательность и точность мысли Маркса, не вполне, однако, соотвѣтствуетъ современному состоянію этого ученія. Какъ извѣстно, Марксъ воспитался на нѣмецкомъ идеализмѣ; онъ сдѣлалъ попытку выпрямить его, поставить его на землю,—чтобы онъ не стоялъ болѣе, какъ у Гегеля, «на головѣ»,—не отнимая у него, однако, того, что въ немъ было дѣйствительно великаго и истиннаго: его монизма и его революціонной діалектики. Но такъ какъ Марксъ, такимъ образомъ, формулировалъ свою философію, взявъ исходнымъ пунктомъ идеализмъ, такъ что она явилась одновременно его дальнѣйшимъ развитіемъ и противоположностью, то выраженія, употребляемые Марксомъ, часто имѣютъ чисто условный смыслъ, который легко приводитъ къ недоразу-

мѣніямъ, какъ это, напр., случилось съ противопоставленіемъ «со-
знанія» — «бытію». Кроме того, указанное предисловіе не обнимаетъ
всей совокупности идей, составляющихъ въ настоящее время содер-
жаніе матеріалистическаго пониманія исторіи. Энгельсъ, пользуясь,
правда, замѣтками и указаніями своего друга и учителя, прибавилъ
къ соціальной философіи Маркса новую главу о первобытной исто-
ріи и тѣмъ далъ, въ предисловіи къ «Происхожденію семьи, соб-
ственности и государства», новый «текстъ» для той категоріи кри-
тиковъ, которыхъ профессоръ Лабріола довольно зло назвалъ «фи-
лологами».

Прошло много времени, въ теченіе котораго матеріалистичес-
кое пониманіе исторіи приобрѣтало все больше послѣдователей,
часто примѣнявшихъ эту теорію при составленіи монографій и про-
граммъ, при разрѣшеніи разнаго рода практическихъ и теоретиче-
скихъ вопросовъ,—пока самый выдающійся изъ учениковъ Маркса,
Карлъ Каутскій, не увидѣлъ себя вынужденнымъ на-ново изложить
и точнѣе установить основы этого ученія, такъ какъ критическія
нападки на него сплошь и рядомъ основывались на недоразумѣніяхъ.
Поводомъ послужила полемика, возгорѣвшаяся между нимъ и Бель-
форть-Баксомъ въ 1896 г.; въ этой полемикѣ Каутскій изложилъ,
въ рядѣ статей, основы матеріалистическаго пониманія исторіи съ
такой ясностью, что каждый, хоть нѣсколько интересующійся этимъ
вопросомъ, обязательно долженъ прочитать эти его статьи. Но Каут-
скій писалъ ихъ съ полемической цѣлью и по случайному поводу,
одновременно защищаясь и нападая, и поэтому не всѣ стороны
вопроса въ нихъ равномѣрно освѣщены и съ достаточной полнотой
развиты. Такимъ образомъ мы видимъ, что до сихъ поръ еще не
дано яснаго, краткаго, но по возможности полнаго и систематиче-
скаго изложенія матеріалистической или, какъ я охотнѣе выразился
бы, *моно-экономической* соціологіи. Такое изложеніе я и хочу пред-
ставить вамъ въ виду предстоящей дискуссіи, такъ какъ никто дру-
гой не беретъ на себя этой задачи. И не смотрите на это, какъ на
простой ораторскій пріемъ, если я попрошу не только васъ, но и
всѣхъ послѣдователей нашего ученія о снисходительномъ отношеніи
къ моему докладу. Ибо трудности, представляемыя попыткой такого
изложенія, дѣйствительно велики; чтобы правильно оцѣнить ихъ,
необходимо прежде всего обратить вниманіе на то, что съ нѣкото-
раго времени наше соціологическое ученіе необычайно разрослось.
И, дѣйствительно, чтобы начертать картину историческаго матеріа-
лизма, хотя бы только въ его главныхъ чертахъ, но не отрывая

ихъ отъ цѣлаго, недостаточно въ настоящее время взять за основу одни только сочиненія *Маркса* и *Энгельса*; недостаточно даже остановиться на ихъ духовныхъ наслѣдникахъ—*Каутскомъ*, *Плехановѣ*, *Лабріолѣ*;—необходимо также обратиться къ идеямъ и сочиненіямъ всѣхъ тѣхъ марксистовъ, которые въ меньшей степени поработали надъ возведеніемъ нашего зданія, но и этого мало—необходимо также принять во вниманіе всѣхъ тѣхъ социологовъ, которые, какъ *Де-Греефъ* и *Лоріа*, находятся подъ марксистскимъ влияніемъ, не примыкая непосредственно къ школѣ Маркса, или, какъ *Роджерсъ*, *Лакомбъ* и *Липпертъ*, пришли другимъ путемъ къ тому же основному принципу; необходимо, наконецъ, использовать сочиненія такихъ людей, которые часто противъ своего желанія содѣйствовали обоснованію нашего ученія, какъ это, по моему мнѣнію, случилось со всей, такъ называемой, исторической школой. Всѣ эти различныя теченія могутъ въ своихъ существенныхъ чертахъ образовать однородное цѣлое, ибо всѣ они вытекаютъ изъ одного и того же источника—изъ великаго социальнаго движенія XIX-го вѣка, характерную черту котораго составляетъ всепроникающая экономическая революція.

Но лишь только мы переходимъ къ болѣе детальному изложенію, эта однородность, естественно, исчезаетъ. Второстепенныя черты, нерѣдко все же имѣющія большое значеніе, оказываются различными не только при переходѣ отъ одной группы къ другой, но часто также при переходѣ отъ одного писателя къ другому. Всякое подражаніе является въ то же время новымъ творчествомъ, и такимъ образомъ, единство ученія неизбѣжно нарушается вслѣдствіе его распространенія въ разнородной средѣ; я имѣю здѣсь въ виду то единство въ болѣе узкомъ смыслѣ, которое въ любомъ процитированномъ «текстѣ» позволяетъ признать цѣлостность и тождество ученія. Но отсюда слѣдуетъ, что и мое изложеніе, несмотря на всѣ старанія дать вамъ только синтетическій обзоръ, будетъ носить на себѣ печать индивидуальныхъ воззрѣній. Когда послѣдователь какого нибудь ученія, желающій по мѣрѣ силъ своихъ содѣйствовать его развитію, пытается отдѣлить главныя и основныя черты ученія отъ имѣющихъ только второстепенное значеніе, то онъ, естественно, склоненъ бываетъ считать свои собственныя мысли логически-необходимымъ выводомъ изъ основныхъ принциповъ ученія, выхватывая изъ этихъ принциповъ какъ разъ то, что можетъ служить предпосылкой для его собственныхъ выводовъ. Чтобы закончить вводную часть

моего доклада, мнѣ остается только обратить ваше вниманіе на то, что мое изложеніе, именно вслѣдствіе своей сжатости, будетъ недостаточно популярно, почему я и прошу вашего благословнаго вниманія, дабы не натолкнуться во время предстоящей дискуссіи на недоразумѣнія, какъ это, къ сожалѣнію, часто случается.

I.

Всю человѣческую жизнь можно свести къ тремъ факторамъ: *человѣкъ—природа—общество*. Эту сжатую, а потому неточную формулу необходимо расширить; подъ указанными факторами мы понимаемъ: признаки, образующіе видъ «Ното»; естественную среду каждой данной мѣстности, т. е. космическія, геологическія, топографическія условія, міръ животныхъ и растеній и т. д.; наконецъ, постоянныя отношенія, существующія между людьми. Человѣку приходится добывать себѣ средства къ жизни и защищать свою жизнь отъ всякаго рода опасностей. Эта, именно, необходимость и заставила его вступить въ связь съ другими людьми:—потому ли, что такая связь, возникнувъ естественнымъ образомъ между матерью и дѣтьми, служила человѣку защитой въ самомъ нѣжномъ возрастѣ его жизни, превращаясь затѣмъ въ повелительный инстинктъ (въ такомъ случаѣ можно было бы сказать, что жизнь въ обществѣ является естественнымъ состояніемъ человѣка);—потому ли, что постоянная забота о лучшей организаціи защиты и болѣе интенсивномъ производствѣ связываетъ между собой, болѣе или менѣе добровольно, мать, отца и дѣтей, а въ дальнѣйшемъ развитіи--семьи, племена, народы;—потому ли, наконецъ, что члены развитого общества приходятъ къ сознанію полнѣйшей невозможности порвать общественныя узы и жить внѣ общества. А одного факта общественной связи достаточно, чтобы въ коряѣ измѣнить отношенія между природой и живымъ существомъ—безразлично, будетъ ли то человѣкъ, или животное: ибо общественная связь создаетъ *искусственную среду*, которая становится между людьми и животными и *естественной средой*, видоизмѣняя вліянія этой послѣдней въ пользу членовъ общества.

Но забота о все болѣе интенсивномъ производствѣ и все лучшей организаціи защиты приводитъ не только къ образованію общества, но и къ созданію орудій, представляющихъ собою не что иное, какъ тѣ же природныя органы человѣка, только усиленные и

лучше приспособленные искусственнымъ путемъ, но лишь при помощи средствъ, доставляемыхъ окружающей естественной оредой. Такъ какъ изолированный и предоставленный своимъ единичнымъ силамъ человекъ не въ состояніи достигнуть сколько нибудь значительнаго усовершенствованія орудій, то мы видимъ, что уже на очень раннихъ ступеняхъ развитія изготовленіе орудій тѣсно связано съ обществомъ, такъ что оба эти момента—общество и орудія—другъ друга обуславливаютъ и вмѣстѣ образуютъ единую искусственную среду, защищающую и изолирующую человека отъ внѣшней природы. Въ этомъ и заключается отличительная особенность человеческого рода. Ибо также у животныхъ мы нерѣдко встрѣчаемъ орудія, а еще чаще оовмѣстную жизнь въ обществѣ, но только у человека орудія получаютъ *общественный характеръ*, который до такой степени повышаетъ охраняющую и изолирующую силу искусственной среды, что человекъ высоко подымается надъ всѣмъ міромъ живыхъ существъ.

Первое замѣчательное проявленіе этой силы искусственной среды сказывается въ одному только человеку свойственномъ способѣ приспособленія. У всѣхъ животныхъ приспособленіе къ новой естественной средѣ достигается соотвѣтствующимъ измѣненіемъ органовъ, вообще — соотвѣтствующими органическими измѣненіями. А если такое измѣненіе не можетъ осуществиться, то животное осуждено на гибель, какъ только оно попадетъ въ новую среду. Человекъ, напротивъ, приспособляется къ самой разнообразной средѣ путемъ простого *измѣненія орудій*, и, благодаря этому, природныя границы, въ которыхъ онъ можетъ жить, все болѣе расширяются, хотя онъ самъ, т. е. физическій его организмъ, остается почти неизмѣннымъ въ самыхъ различныхъ условіяхъ мѣста и времени.

Вмѣсто человеческого организма, измѣняются орудія подъ вліяніемъ никогда не прекращающагося стремленія къ болѣе интенсивной производительности труда. Но измѣненія эти совершаются быстро и замѣтно лишь съ того момента, какъ орудія получили общественный характеръ. Между тѣмъ, еще до этого человекъ въ теченіе многихъ сотенъ лѣтъ жилъ на землѣ посреди разнаго рода геологическихъ и климатическихъ пероворотовъ, подвергаясь всѣмъ ихъ воздѣйствіямъ; и, какъ всѣ животныя, онъ влачилъ однообразную, всегда себѣ равную жизнь, безъ замѣтныхъ психическихъ измѣненій, безъ исторіи. Исторія человечества, столь краткая и столь богатая содержаніемъ, начинается только съ того момента,

какъ орудія производства и защиты стали носить общественный характеръ. Но за весь періодъ человѣческой исторіи нельзя указать сколько нибудь замѣтныхъ измѣненій ни въ окружающей естественной средѣ, ни въ организмѣ человѣка; единственное, что измѣнилось въ ходѣ историческаго развитія, это—общество и, такимъ образомъ, эволюція общества, его исторія, обусловлена развитіемъ орудій производства. (Орудія защиты мы рассматриваемъ, какъ простую разновидность орудій производства, по сравненію съ которыми ихъ значеніе все больше падаетъ).

Орудія производства, вмѣстѣ съ естественной средой, обуславливаютъ *способъ производства*. Оставляя въ сторонѣ самый примитивный способъ производства—собираніе плодовъ и кореньевъ—для котораго требуется только обладаніе природными хватательными и жевательными органами, мы можемъ сказать, что охота, рыбная ловля, скотоводство, земледѣшество обуславливаются тѣми орудіями, которыя находятся въ распоряженіи общества и которыя оно примѣняетъ къ эксплуатаціи природныхъ богатствъ.

Говоря объ орудіяхъ производства, мы не должны забывать объ огнѣ, такъ какъ онъ, будучи добываемъ искусственно, находится въ зависимости отъ орудій въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, и даже въ томъ случаѣ, когда онъ возникъ естественнымъ путемъ и только поддерживается людьми, онъ все же относится къ категоріи орудій, если мы этимъ словомъ желаемъ обозначать все то, чѣмъ человѣкъ пользуется для усиленія и дополненія своихъ природныхъ органовъ. Всѣмъ, конечно, извѣстно, какую выдающуюся роль игралъ огонь при возникновеніи первобытнаго общества и при развитіи различныхъ его формъ.

Послѣдующіе способы производства, вплоть до оовременнаго крупно-машиннаго, смѣняютъ одинъ другой въ зависимости отъ развитія соціальной системы орудій, которая все больше разрастается и усложняется подъ вліяніемъ непрекращающагося стремленія въ болѣе высокой производительности труда. Вліяніе естественной среды на способъ производства и, тѣмъ самымъ, на всю общественную жизнь обратно пропорціонально этому развитію, ибо орудія даютъ обществу возможность, въ свою очередь, воздѣйствовать на природу и до извѣстной степени измѣнять ее. Способъ производства и обусловленные имъ общественныя отношенія вліяютъ также и на фізіологическую жизнь человѣка—изоцряя или притупляя извѣстные чувства, развивая или атрофируя извѣстные органы, словомъ содѣйствуя вырожденію или усовершенствованію «расы»; мы не

говоримъ уже о физиологическихъ измѣненіяхъ, вызываемыхъ въ человѣческомъ мозгу разнаго рода мыслями, которыя вѣдь тоже представляютъ собой социальный продуктъ. И нѣтъ ничего невѣроятнаго даже въ томъ, что если оправдается теорія Шенка, то эти факторы будутъ когда-нибудь оказывать рѣшающее вліяніе на полъ будущихъ поколѣній.

Такимъ образомъ, даже измѣненія въ природѣ и организмѣ человѣка, съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ имѣетъ свою исторію, обуславливаются орудіями и способомъ производства. Съ того момента, какъ общественная система орудій дала человѣку власть надъ природой, съ того момента, какъ она образовала какъ бы мость между человѣкомъ и природой,—она обуславливаетъ всѣ отношенія между нимъ и природой, ибо она, прежде всего, обуславливаетъ отношенія людей между собой и, слѣдовательно, всю социальную жизнь.

II.

Вся общественная жизнь находится въ зависимости отъ способа производства, такъ какъ, во-первыхъ, вся волевая и интеллектуальная дѣятельность людей въ обществѣ, не исключая и тѣхъ ея проявленій, которыя мы называемъ первобытнымъ «искусствомъ», «философіей» и «религіей», имѣетъ въ началѣ своей цѣлью поддержаніе жизни и удовлетвореніе насущныхъ матеріальныхъ потребностей; а впослѣдствіи, когда матеріальныя и вмѣстѣ съ тѣмъ интеллектуальныя потребности все разрастаются и усложняются, мы видимъ, что каждая новая потребность появляется лишь тогда, когда матеріальное богатство общества это допускаетъ—что составляетъ отрицательную зависимость; положительная же и гораздо болѣе важная зависимость выражается въ томъ, что каждая изъ этихъ новыхъ потребностей можетъ быть удовлетворена только съ помощью тѣхъ средствъ, которыя даетъ въ распоряженіе человѣка данный способъ производства, и лишь въ той мѣрѣ, въ какой при этомъ не страдаетъ и не нарушается, а, напротивъ, во всѣхъ важныхъ случаяхъ еще улучшается удовлетвореніе главнѣйшихъ матеріальныхъ потребностей (по крайней мѣрѣ, потребностей тѣхъ, съ которыми въ данномъ обществѣ считаются); но вѣдь ясно, что способъ, какимъ данная потребность можетъ или не можетъ быть

удовлетворена, опредѣляетъ самый характеръ этой потребности. Другими словами,—если воспользоваться общеупотребительнымъ краткимъ, но нѣсколько двусмысленнымъ выраженіемъ,—мораль, право, политика, религія, искусство, наука, философія — всѣ безъ исключенія возникли и существуютъ на утилитарномъ основаніи и поэтому не могутъ противорѣчить способу производства, а должны, напротивъ, приспособляться къ нему.

Прежде всего и непосредственно къ способу производства приспособляется система раздѣленія (или не-раздѣленія) труда съ соотвѣтствующей формой руководства работой, обуславливающей съ своей стороны распредѣленіе и обращеніе продуктовъ; затѣмъ къ нему приспособляется потребленіе продуктовъ. А со всей этой *экономической организаціей* тѣсно связаны экономическая мораль и экономическое право, къ которымъ, въ свою очередь, примыкаетъ организація семьи и государства съ государственнымъ и семейнымъ правомъ и моралью. Сущность же морали и права вообще заключается въ признаніи опредѣленныхъ нормъ со стороны общества и въ санкціонированіи ихъ силой общественной организаціи, которая возникаетъ «сама собой», т. е. путемъ опыта приспособляется къ производству матеріальныхъ цѣнностей. Наука, если она не занимается приведеніемъ въ систему морали, права и другихъ общественныхъ образованій, въ сущности является только совокупностью знаній, необходимыхъ для производства; и какого бы пышнаго расцвѣта, какой бы степени спеціализаціи, какихъ бы высотъ она впослѣдствіи ни достигла, центральнымъ ея фокусомъ все же всегда остается производство. Языкъ, это необходимое средство всякаго общественнаго производства, образуетъ отдѣлъ «знанія», чтобы затѣмъ перейти въ область искусства. Искусство же, съ одной стороны, является еще матеріальнымъ производствомъ и, какъ такое, находится въ тѣсной зависимости отъ орудій, но, съ другой стороны и съ болѣе общей точки зрѣнія, его можно назвать «моралью инстинктовъ», т. е. системой поступковъ и мыслей, усиливающихъ вліяніе общественной морали на отдѣльную личность именно благодаря тому, что они потеряли всякій слѣдъ своей первоначально утилитарной основы: вѣдь, это и составляетъ отличительный признакъ искусства. Религія и философія, имѣющія ономъ предметомъ общее объясненіе міра, представляютъ соединеніе обоихъ только что указанныхъ видовъ искусства и науки и являются попыткой въ одной системѣ обнять всѣ представленія и всѣ императивы, господствующіе въ данномъ обществѣ.

III.

Весь этотъ комплексъ идей мы обыкновенно выражаемъ терминами: *базисъ и надстройка*, или *содержаніе и форма*. Это—образныя, аллегорическія выраженія, какъ и большинство тѣхъ, которыми пользуются въ высшія науки. Смотря по тому, беремъ ли мы аллегорію изъ области архитектуры, которая лучше выражаетъ статическій элементъ, или изъ области геологіи, которая отмѣчаетъ также и динамическій моментъ,—мы можемъ схематически представить себѣ общество или въ видѣ зданія съ многими этажами, подпирающими другъ друга, или въ видѣ тѣла, состоящаго изъ множества отложившихся вокругъ нѣкотораго ядра пластовъ, которые другъ къ другу приспособляются извнутри кнаружи.

Экономическая категорія соціальныхъ явленій образуетъ базисъ для всей соціальной надстройки, содержаніе для всѣхъ соціальныхъ формъ; но и въ самой «надстройкѣ» мораль служитъ базисомъ для права, политика, искусство и наука—базисомъ для философіи и т. д.; а, съ другой стороны, въ экономическомъ «базисѣ» распредѣленіе продуктовъ базируется на ихъ производствѣ, а самый способъ производства—на орудіяхъ. Такимъ образомъ каждый этажъ въ зданіи соціальной жизни представляетъ базисъ по отношенію къ возвышающемуся надъ нимъ ряду этажей, такъ что всѣ соціальныя явленія можно расположить въ опредѣленномъ порядкѣ соотвѣтственно степени ихъ отдаленности отъ системы орудій производства. Этотъ порядокъ различно установленъ Энгельсомъ, Де Греефомъ, Лабріолой, Лакомбомъ,—и много еще остается сдѣлать для его основательнаго изученія. На мой взглядъ, рядъ соціальныхъ явленій состоитъ изъ трехъ членовъ: 1) хозяйство; 2) мораль и право (имущественная, семейная и политическая мораль и право)—однимъ словомъ, совокупность нормъ человѣческой дѣятельности (Габріэль Тардъ сказалъ бы: «соціальная телеологія»); 3) наука, искусство, религія и философія, нормы мышленія, изученіе и воспроизведеніе міра, другими словами—«соціальная логика».

Какъ нетрудно замѣтить, каждый изъ этихъ членовъ включаетъ въ себя и нѣкоторыя части остальныхъ. Одна категорія явленій примыкаетъ непосредственно къ слѣдующей, которая служитъ ей основаніемъ; а при посредствѣ нея она далѣе примыкаетъ къ ниже лежащимъ категоріямъ. Но такъ какъ различныя звенья этого ряда взаимно переплетаются, то крайне трудно отмѣтить слѣды каждого

звена во всѣхъ остальныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, систематизированное право, философія и религія представляютъ болѣе поздній соціальный продуктъ и имѣютъ своимъ базисомъ мораль, съ одной стороны, науку и искусство—съ другой; прежде, чѣмъ выработалось организованное право, должны были быть уже на-лицо начатки права и науки, созданные матеріальнымъ производствомъ и зарождающимся искусствомъ; и хотя оба противостоящихъ хозяйству ряда—телеологическій и логическій—имѣютъ общій исходный пунктъ: хозяйство, они все же могутъ развиваться до извѣстной степени независимо одинъ отъ другого. Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу, что порядокъ, въ какомъ различныя категоріи отложились слой за слоемъ въ послѣдовательной зависимости одна отъ другой, можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, быть прямо противоположнымъ. Но въ централизованныхъ обществахъ, какія, напр., существуютъ въ современныхъ цивилизованныхъ странахъ, порядокъ, въ которомъ располагаются соціальныя явленія, повидимому, таковъ, какъ я выше указалъ (его можно было бы даже назвать нормальнымъ порядкомъ): т. е. философія и религія, искусство и наука въ собственномъ смыслѣ находятся на службѣ у соціальной организаціи и избѣгаютъ ослаблять ее, стремясь, напротивъ, обосновать и укрѣпить ее.

IV.

Если мы теперь изслѣдуемъ, какую дѣйствительную, а не аллегорическую только роль играетъ соціальная форма по отношенію къ соціальному содержанію, то мы увидимъ, что между ними существуетъ отношеніе средства къ цѣли. Именно, удовлетвореніе біологическихъ потребностей является цѣлью хозяйственной дѣятельности, которая, въ свою очередь, становится одновременно цѣлью и основнымъ условіемъ соціальной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ ея главнѣйшей потребностью. Мораль, съ своей стороны, является средствомъ для обезпеченія правильнаго функціонированія и устойчивости хозяйственной организаціи, для устраненія всего того, что можетъ нарушить правильный ходъ производства, распредѣленія и потребленія. Право укрѣпляетъ мораль; политическая власть обезпечиваетъ примѣненіе права—и т. д. Наука, напр., доставляетъ техническія средства для производства, и вмѣстѣ съ тѣмъ ея выводы всегда могутъ служить предпосылками для обоснованія существующихъ нормъ морали, приспособленныхъ къ господствующему способу производства. Но въ силу особаго свойства психо-фізіологической

природы человека, средство, первоначально подчиненное цели, с течением времени вытесняет ее из сферы сознания и, наконец, само становится единственной сознательной целью, по отношению к которой действительная цель начинает казаться только средством, имеющим второстепенное значение. Это превращение средства в самоцель особенно легко совершается там, где существует разделение труда и где общество разделено на классы, ибо в таком обществе вся наука в целом, равно как и каждая специальная наука, каждая отрасль политики, искусства и т. д., становится самоцелью для специалистов и для всех питающих к ней особый интерес, и таким образом до известной степени обладает «собственной логикой» развития. Так искусство и наука получают «бескорыстный» характер—и вообще, социальная форма на известной ступени развития достигает некоторой независимости от социального содержания. Эта независимость прежде всего выражается в сопротивлении, оказываемом социальной формой—эволюционной и революционной тенденцией социального содержания. Социальная форма лужит оберегающей и сохраняющей оболочкой, которая задерживает развитие содержания совершенно так же, как замерзание задерживает процесс дальнейшего охлаждения, как кипение задерживает процесс дальнейшего нагревания, — вообще, как, согласно общему закону, продукты какого-нибудь процесса самым фактом своего накопления влияют задерживающим образом на дальнейший ход процесса.

Но мы имеем здесь дело еще с другим основным свойством человеческой природы, которое выражается в постоянном стремлении достигать наибольшего результата при наименьшем напряжении сил. И мы видим, как под влиянием этого свойства, под влиянием этого стремления к все более интенсивной производительности труда, орудия производства постоянно совершенствуются и развиваются количественно и качественно. Так, по крайней мере, обстоит дело, поскольку речь идет об одном и том же обществе: ибо там, где мы в истории встречаем случаи регресса в техническом развитии человечества, они всегда объясняются тем, что данное общество было поработано или истреблено другим, менее развитым обществом. Разумеется, мы говорим здесь только об абсолютном регрессе; потому что в тех случаях, когда мы, напр., констатируем регресс промышленности вследствие чрезмерного протекционизма или вследствие политической реакции, не позволяющей рабочим успешно бороться за повышение зара-

ботной платы, мы имѣемъ дѣло лишь съ относительнымъ регрессомъ: въ дѣйствительности руководители производства и тутъ повинуются указанному нами выше закону наименьшей траты силъ, но подѣ влияніемъ соціальныхъ условій слѣдствія этого закона не выступаютъ такъ ясно. Къ тому же это всегда только исключительные случаи.

Мы сказали, что подѣ влияніемъ постоянного стремленія къ болѣе интенсивной производительности труда техническая основа общества непрерывно измѣняется и развивается, несмотря на сопротивление, оказываемое формой; и такимъ образомъ неизбежно наступаетъ моментъ, когда форма отстаетъ отъ развитія содержанія. Отставаніе это тѣмъ больше, чѣмъ выше этажъ соціальной надстройки, чѣмъ отдаленнѣе отъ ядра данный соціальный пластъ: такъ какъ каждый этажъ играетъ по отношенію къ другому выше лежащему, роль базиса, то онъ отстаетъ въ своемъ развитіи тѣмъ больше, чѣмъ выше онъ расположенъ. Мораль отстаетъ отъ развитія техники, точно такъ же и наука; въ гражданскомъ и семейномъ правѣ, въ политикѣ, искусствѣ, религіи и философій мы все чаще находимъ *пережитки*, остатки формъ, приспособленныхъ къ давно исчезнувшимъ основамъ. Между тѣмъ техническій базисъ непрерывно развивается, и такимъ образомъ наступаетъ моментъ, когда консервативная оболочка вынуждена поддаться или—лопнуть. Конфликтъ между содержаніемъ и формой всегда разрѣшается въ пользу содержанія; форма приспособляется къ новому содержанію либо сама собой, либо—если она для этого недостаточно эластична—путемъ революціоннаго взрыва.

Этотъ процессъ приспособленія, естественно, начинается съ той категоріи соціальныхъ явленій, которая образуетъ первую надстройку; затѣмъ онъ захватываетъ болѣе высокія категоріи, которыя, не имѣя прямого отношенія къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей, пользуются болѣе независимостью. Явленія высшихъ категорій обусловливаются и регулируются явленіями базиса лишь при посредствѣ явленій среднихъ категорій, которыя образуютъ для нихъ своего рода новую искусственную среду, преломляющую лучи, идущіе отъ базиса. Пережитки въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, сохраняющіеся особенно долго, представляютъ собою ранѣе приспособленные формы, но въ новомъ фазисѣ развитія приспособляющія силы прошли мимо нихъ, не считая ихъ достаточно опасными и будучи всецѣло заняты своей главной задачей: сломить сопротивление другихъ, болѣе важныхъ формъ. Чаще всего

мы встречаемъ такіе пережитки въ категоріи эстетическихъ и религиозныхъ явленій, но и всѣ другія категоріи обнаруживаютъ ихъ, правда, не въ такомъ обиліи.

Объясняется это тѣмъ, что процессъ приспособленія надстройки къ развитію базиса не совершается въ видѣ систематическаго и равномернаго измѣненія.

Всякая переменна въ способѣ производства оказываетъ свое воздѣйствіе не по прямой линіи, проходящей черезъ всѣ этажи социальнаго зданія; напротивъ, вызванныя этой переменной послѣдствія образуютъ весьма сложную сѣть, которая охватываетъ всѣ этажи, поддерживающіе одинъ другой и имѣющіе между собою многочисленные и разнообразныя точки соприкосновенія. Такимъ образомъ, вполне возможно, что какой либо пунктъ социальнаго зданія вовсе не затрагивается непосредственно измѣненіемъ базиса; впоследствии, конечно, это измѣненіе дастъ себя почувствовать и здѣсь, но для этого, быть можетъ, понадобятся цѣлые вѣка. Во всякомъ случаѣ неминуемо долженъ наступить моментъ, когда вся надстройка экономически отжившаго базиса совершенно исчезаетъ, если не изъ архивовъ, то во всякомъ случаѣ изъ практической жизни; но къ этому моменту базисъ продвинулся уже дальнѣйшую эволюцію и снова ушелъ впередъ.

У.

Изъ всего этого уже достаточно ясно, что матеріалистическое пониманіе исторіи отнюдь не рассматриваетъ социальную форму, «идеологию», какъ простой эпифеноменъ хозяйственной жизни; и когда для выясненія отношенія этой формы къ содержанію пользуются примѣромъ потока, протекающаго подъ зеркаломъ, то это совершенно не соответствуетъ смыслу этого ученія. Матеріалистическое пониманіе исторіи, напротивъ, *приписываетъ формѣ, наряду съ относительной независимостью, также способность оказывать обратное вліяніе на базисъ*. Мы видѣли, какъ эта способность проявляется въ консервативной, задерживающей тенденціи формы; но это не единственное ея проявленіе. Если не приспособленная форма задерживаетъ развитіе базиса, то, приспособившись, она, естественно, ускоряетъ это развитіе. Такіе случаи мы можемъ непосредственно наблюдать въ революціяхъ. Такъ, развитіе производительныхъ силъ отмигло цеховые законы и все вообще феодальное право, но только упроченіе новаго правового порядка освободило окончательно эти производительныя силы.

Всякій разъ, когда развитіе содержанія наталкивается на сохранившуюся въ видѣ пережитка форму и вызываетъ въ ней частичное приспособленіе, эта вновь приспособленная, наново созданная форма самымъ фактомъ своего возникновенія даетъ толчокъ дальнѣйшему развитію базиса, пока она не окаменѣетъ и не станетъ снова играть роль тормазы.

Оба процесса, совершающіеся въ содержаніи и формѣ, находятся во взаимодѣйствіи и, въ сущности, образуютъ единый процессъ совершенно такъ же, какъ при горѣніи овѣчи растапливаніе воска поддерживаетъ пламя, которое, въ свою очередь, растапливаетъ олдующій слой воска. Въ ходѣ соціального развитія причина постоянно становится слѣдствіемъ, а слѣдствіе—причиной; въ этомъ и заключается смыслъ столь знаменитой и столь таинственной для многихъ діалектики Гегеля и Маркса. Но если мы разложимъ соціальныи процессъ на его моменты, тогда, думается мнѣ, потеряетъ свой загадочный характеръ зависимость надстройки отъ базиса. Ибо станетъ понятно, что соціальная жизнь составляетъ нѣчто единое, что между всѣми проявленіями этой жизни существуетъ опредѣленное соотношеніе, опредѣленная взаимная зависимость; что, поэтому, экономическая эволюція такъ же мало понятна безъ соответствующаго развитія права и философіи, какъ и обратно, и что, вообще, одинъ рядъ явленій соціальной жизни можно изолировать отъ остальныхъ только въ чистой абстракціи. Но когда тѣмъ не менѣе, съ цѣлью научнаго изслѣдованія, чтобы выбраться изъ ложнаго круга взаимной зависимости, принимаютъ опредѣленные исходные пункты и съ помощью построенной такимъ образомъ абстракціи классифицируютъ всѣ соціальныя явленія, тогда не трудно замѣтить, что всѣ остальные соціальныя функціи опираются на хозяйство, тогда становится ясно, что основной пружиной всей соціальной жизни является стремленіе къ возможно большей продуктивности при возможно меньшей тратѣ экономическихъ силъ. Это стремленіе и вызываетъ къ жизни техническія открытія, пользуясь уже существующей, полученной по наслѣдству соціальной формой.

Что же касается всѣхъ тѣхъ открытій, нововведеній и подражаній, которыя возникаютъ въ остальныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, то по отношенію къ нимъ мы можемъ формулировать слѣдующій законъ: всякое измѣненіе въ базисѣ вызываетъ раньше или позже соответствующее измѣненіе или приспособленіе и въ надстройкѣ; и хотя, вслѣдствіе относительной независимости

формы, въ ней могутъ совершаться извѣстные измѣненія, не зависящія непосредственно отъ перемѣнъ въ базисѣ, однако, такіа измѣненія никогда не возникаютъ, если онѣ не соотвѣтствуютъ состоянію базиса. Поэтому, когда одна страна подражаетъ формамъ другой, то это возможно лишь потому, что ея экономическая основа подготовлена соотвѣтствующимъ образомъ, такъ что подражаніе только ускоряетъ ея развитіе въ направленіи, указанномъ той страной, которая служитъ образцомъ.

Кромѣ такого болѣе общаго смысла, діалектика имѣетъ еще другой, спеціальный. Мы видѣли, что соціальная форма окаменѣваетъ, кристаллизуется въ господствующія воззрѣнія и догмы. Она не слѣдуетъ непосредственно за незамѣтно и непрерывно совершающимся развитіемъ хозяйственнаго, правового и научнаго базиса. Это развитіе становится замѣтнымъ лишь въ тотъ моментъ, когда его слѣдствія суммировались и люди очутились лицомъ къ лицу съ переворотомъ; тогда становится ясно, что форма, прежде такъ хорошо приспособленная къ содержанію, теперь стоитъ къ нему въ полномъ противорѣчіи. «Разумъ становится бессмыслицей, благодѣяніе—бѣдствіемъ». Такъ, мѣропріятія, охраняющія свободную конкуренцію до тѣхъ поръ, пока предпріятія стоятъ приблизительно на одинаковомъ уровнѣ развитія, становятся опорами монополіи и оковами свободы, какъ только предпріятія, въ слѣдствіе самой конкуренціи, стали неравны между собой. И такъ какъ каждая соціальная форма, приспособляясь къ содержанію, тѣмъ самымъ способствуетъ дальнѣйшему его развитію, то мы въ правѣ сказать, что каждая соціальная форма стремится перейти въ свою противоположность, и это стремленіе ею же и осуществляется въ самомъ ходѣ ея нормальнаго функціонированія.

Каждая форма хороша и разумна, поскольку она находится въ соотвѣтствіи съ содержаніемъ и способствуетъ дальнѣйшему его развитію,—въ противномъ случаѣ она и не возникла бы; но для каждой безъ исключенія формы наступаетъ моментъ, когда она перестаетъ соотвѣтствовать содержанію. Тогда форма не сразу отбрасывается, а медленно и постепенно приспособляется къ новому содержанію путемъ разнаго рода компромиссовъ и противорѣчій; она уступаетъ шагъ за шагомъ, она насилуетъ свою собственную логику,—пока количество не переходитъ въ качество, пока не наступаетъ моментъ революціоннаго переворота, суммирующій всѣ компромиссы, разрѣшающій всѣ противорѣчія и создающій новую систему. Между тѣмъ соціальное развитіе начинается

снова свою «работу Ненепоны» и непоколебимо и неудержимо идетъ дальше своимъ путемъ, пока снова не наступитъ моментъ, когда форма, явившаяся въ результатъ отрицанія прежней формы, въ свою очередь, отвергается новымъ содержаніемъ, воспроизводя такимъ образомъ предпоследнюю форму. Такъ, наприм., въ развитіи орудій производства былъ періодъ, когда орудія составляли собственность самихъ производителей; дальнѣйшее развитіе тѣхъ же орудій отдѣлило отъ нихъ производителя; а на еще болѣе высокой ступени развитія должна наступить новая стадія, когда производитель снова овладѣетъ орудіями, но уже не на индивидуальныхъ, а на коллективныхъ началахъ;—и каждая изъ этихъ трехъ экономически-правовыхъ формъ необходима для того, чтобы, при данномъ состояніи орудій производства, обезпечить возможно большую производительность труда. Изъ этого примѣра видно,—а такихъ примѣровъ можно привести безконечное множество,—что отрицаніе отрицанія никогда не даетъ тождественнаго повторенія предыдущей формы, а, напротивъ, образуетъ сліяніе, «синтезъ» двухъ антагонистическихъ формъ, которыя этимъ синтезомъ уже безвозвратно устраняются.

VI.

Все изложенное нами выше относится ко всѣмъ безъ исключенія человѣческимъ обществамъ. Но изъ ихъ числа выдѣляется одинъ типъ обществъ, который отличается специфическими чертами и играетъ важную роль въ исторіи человечества, такъ что на немъ необходимо подробнѣе остановиться;—я говорю о классовыхъ обществахъ. Въ нихъ мы находимъ такое раздѣленіе труда, что одна часть общества все болѣе специализируется въ управленіи производствомъ, захватывая эту функцію всецѣло въ свои руки и оттѣсняя отъ нея другую часть общества. Но управленіе производствомъ требуетъ свободнаго распоряженія средствами производства, въ результатъ чего создается право собственности на эти средства: на орудія труда и силы природы. Дѣленіе на классы становится замѣтнымъ въ исторіи съ того момента, какъ человѣкъ вышелъ изъ періода аграрнаго, или, какъ обыкновенно говорятъ, первобытнаго коммунизма, въ которомъ управленіе производствомъ еще не образуетъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ, особую спеціальность, и средства производства составляютъ еще общую собственность. Но уже до первобытнаго коммунизма человечество прошло цѣлый рядъ общественныхъ стадій, въ основѣ которыхъ лежали различные спо-

собы производства, какъ, напр., собираніе ягодъ и кореньевъ, рыбная ловля, охота (къ которой относится также охота на людей, т. е. война). И на этихъ общественныхъ стадіяхъ уже существовало раздѣленіе, по крайней мѣрѣ, на два класса, обусловленное главнымъ образомъ біологическими различіями,—раздѣленіе на классъ мужчинъ и классъ женщинъ. Кромѣ того, здѣсь начинало уже сказываться также различіе между богатыми и бѣдными, между господами и рабами. Стремленіе человѣка къ возможно большому личному наслажденію давало себя чувствовать и въ періодъ аграрнаго коммунизма, который, однако, не благопріятствовалъ его развитію. Это стремленіе, усиливаемое развитіемъ обмѣна и войны, уничтожило, наконецъ, и самый коммунизмъ, когда онъ изъ средства защиты слабого первобытнаго человѣчества превратился въ помѣху для дальнѣйшаго развитія той производительности труда, которую онъ самъ же и вызвалъ къ жизни.

Дальнѣйшее развитіе производства, въ силу техническихъ условій того времени, могло совершаться только въ интересахъ небольшой части общества и только путемъ эксплуатаціи всѣхъ остальныхъ его членовъ; а это вызывало необходимость введенія такихъ учрежденій, которыя, обладая принудительнымъ характеромъ, могли бы обезпечить устойчивость классовой организаціи общества. Впослѣдствіи эта организація усложняется: общество остается въ основѣ своей раздѣленнымъ на два класса—собственниковъ и неимущихъ, но въ каждомъ изъ этихъ классовъ возникаютъ новыя подраздѣленія, которыя въ свою очередь развиваются въ классы; каждый классъ характеризуется, прямо или косвенно, той ролью, какую онъ играетъ въ процессѣ производства. Классы эти образуютъ *сословія* или *касты*, если границы ихъ твердо установлены закономъ.

Со времени исчезновенія аграрнаго коммунизма не существовало ни одного общества, которое бы не было раздѣлено на классы.

Классовыя общества являются прямымъ слѣдствіемъ способа производства, раздѣленія труда и управленія работой и, въ свою очередь, становятся базисомъ для всей соціальной надстройки, на первомъ же планѣ—базисомъ для распредѣленія продуктовъ, для экономической морали и экономического права. Классовое дѣленіе общества образуетъ новую искусственную среду, которая оказываетъ весьма сильное вліяніе и на самый способъ производства; оно образуетъ новую изолирующую оболочку, сквозь которую должна проникнуть соціальная форма, чтобы приспособиться къ содержанію. Классъ, въ рукахъ котораго главнымъ образомъ сосре-

доточены средства производства, устраиваетъ и регулируетъ все общество такимъ образомъ, чтобы оно обезпечивало прочное существованіе выгодному для него порядку вещей, и съ этою цѣлью онъ овладѣваетъ всѣми средствами политической власти. Но экономическое развитіе въ сторону все большей производительности труда не можетъ быть ничѣмъ задержано, и оно подкапываетъ, медленно и вѣрно существующій порядокъ, измѣняя его въ пользу другого класса, который къ тому времени поднимается противъ господствующаго класса. Разгорается борьба за политическую власть, которая одна только въ остояніи обезпечить своему обладателю право на управленіе производствомъ и на выгодное для него распредѣленіе продуктовъ; борьба эта распространяется на всѣ области соціальной жизни, принуждая господствующій классъ къ цѣлому ряду уступокъ и все больше запутывая его въ противорѣчія. Наконецъ, новый классъ, опираясь на новый способъ производства, на техническій прогрессъ, одерживаетъ побѣду и затѣмъ уже стремится преобразовать общество соотвѣтственно потребностямъ своего господства и искоренить слѣды прежняго господства. А затѣмъ—исторія начинается сначала.

Такимъ образомъ, классовое дѣленіе накладываетъ глубокій отпечатокъ на все общество, сообщая ему свои характерныя черты; а самой характерной его чертой является классовая борьба и, прежде всего, борьба за политическую власть. Вся надстройка возвышается надъ этою вулканической, постоянно колеблющейся основой. Каждый классъ создаетъ свое особое пониманіе этики, права, науки, искусства, философіи и религіи, однимъ словомъ—общества и міра. Созданное имъ міровоззрѣніе стремится обосновать и оправдать—въ настоящемъ, прошедшемъ или будущемъ—наиболѣе выгодный для него способъ производства и политическій строй. Понятно, это стремленіе не всегда идетъ прямо къ цѣли: часто оно проявляется въ скрытой формѣ и идетъ къ своей цѣли окольнымъ и сложнымъ путемъ. Тѣмъ не менѣе, все общество носитъ классовый характеръ въ томъ смыслѣ, что каждое соціальное явленіе отмѣчено определеннымъ классовымъ духомъ, и развитіе общества въ каждый данный моментъ идетъ по равнодѣйствующей различныхъ классовыхъ тенденцій, воздѣйствующихъ другъ на друга подъ различными углами.

И въ отношеніи приспособленія формы къ содержанію, общества, раздѣленные на классы, представляютъ нѣкоторыя особенности, рѣзко отличающія ихъ отъ обществъ другого типа. Вообще, мы должны различать два способа приспособленія: либо приспособленіе совер-

шается самопроизвольно, бессознательно, безъ яснаго представленія о цѣли,—либо же вполне цѣлесообразно, въ заранѣе намѣченномъ направленіи. Приспособленіе перваго типа представляетъ собою неправильное, медленное, постепенное наслаиваніе различныхъ нормъ и вѣрованій вокругъ центрального ядра основныхъ потребностей и функцій. По прошествіи нѣкотораго времени эти наслоенія совершенно закрываютъ ядро и затѣмъ сами уже оказываютъ вліяніе на слѣдующіе пласты. Создается особаго рода социальная апперцепція, придающая уже заранѣе, а ргіогі, определенное направленіе человѣческому сознанію; а, съ другой стороны, путемъ отрицательнаго отбора, она какъ бы закрываетъ предъ людьми, какъ бы дѣлаетъ для нихъ невидимыми всѣ другіе пути и области мышленія и дѣятельности. Этимъ отборомъ мыслей и поступковъ, этой социальной апперцепціей объясняется тотъ фактъ, что члены какого нибудь класса совершенно искренно считаютъ себя выше всякихъ партійныхъ интересовъ, тогда какъ въ дѣйствительности они всегда отстаиваютъ жизненные интересы своей группы. И какъ разъ эта черта «безкорыстія», идеальности, и вѣдряетъ самымъ прочнымъ образомъ въ души людей интересы общества или одного какого либо класса. *Такимъ образомъ, только люди съ плоскимъ умомъ могутъ захотѣть каждый поступокъ, каждую мысль членовъ даннаго общества или класса объяснять ихъ прямымъ и сознательнымъ классовымъ интересомъ.* Но въ обществахъ, раздѣленныхъ на классы, такое сознаніе цѣли, естественно, проявляется гораздо чаще. Ибо въ обществахъ, не раздѣленныхъ на классы, приспособленіе совершается гораздо болѣе самопроизвольно, форма отлагается постепенно безъ особаго противодѣйствія; она, можно сказать, кристаллизуется и растворяется вѣ сѣры социальнаго сознанія. Напротивъ, при наличности классовой борьбы, когда каждый классъ вынужденъ защищать свои интересы противъ всѣхъ другихъ классовъ, социальная организація неизбежно отличается гораздо болѣе сознательнымъ и, слѣдовательно, «раціональнымъ» характеромъ. Въ борьбѣ апперцепція отвердѣваетъ, отверстія сѣти, оквозъ которую должны пройти всѣ ощущенія, суживаются, и форма оказываетъ болѣе сильное сопротивленіе развитію содержанія; отставаніе формы отъ содержанія легко получаетъ въ глазахъ борющихся классовъ значеніе непроходимой пропасти, черезъ которую можетъ перекинуть мостъ только революція, насильственно подавляющая всѣ ранѣе господствовавшія стремленія и потребности. Вотъ почему развитіе путемъ противо-

рѣчий проявляется здѣсь гораздо рѣзче, чѣмъ въ обществахъ, не раздѣленныхъ на классы; вотъ почему разрушеніе старыхъ и образованіе новыхъ соціальныхъ императивовъ и воззрѣній представляютъ здѣсь рѣзко противоположныя, другъ друга смѣняющія стадіи,—настоящія антитезы.

Но вся великая историческая эпоха классовыхъ обществъ, которая характеризуется частной собственностью на орудія производства, сама образуетъ антитезу по отношенію къ первобытному коммунизму. И какъ только развитіе техники производства достигаетъ такого уровня, что наслажденіе высшими матеріальными и духовными благами становится возможнымъ для всѣхъ членовъ общества, а не только для одной кучки, — дѣленіе общества на классы не способствуетъ уже болѣе развитію производительности труда, а, напротивъ, является тормазомъ для него. Въ то же время это развитіе вызываетъ къ жизни новый классъ, пролетаріатъ, для котораго общество безъ классовъ, сообща владѣющее орудіями и организирующее производство на коллективныхъ началахъ, является идеаломъ, диктуемымъ его насущными интересами. Такъ совершается діалектический ходъ исторіи,—само собой разумѣется, той исторіи, которую мы до сихъ поръ открыли въ прошедшемъ и можемъ предвидѣть въ будущемъ.

VII.

Изъ предыдущей главы между прочимъ видно, что экономическій матеріализмъ связываетъ съ социализмомъ та его отличительная черта, что онъ является пролетарской теоріей общественныхъ явленій и философіей соціальной революціи. Эта черта была съ самаго начала присуща нашему соціологическому ученію; и теоретики нашей школы — Энгельсъ, Лабріола и въ особенности Плехановъ — подвергали свою теорію испытанію, примѣняя ее къ объясненію ея собственной генеалогіи.

Буржуазія XVIII в. была проникнута одновременно матеріализмомъ и раціонализмомъ. Матеріализмъ и раціонализмъ служили въ ея рукахъ могучимъ орудіемъ для разрушенія тѣхъ нормъ, которыя защищали противъ нея феодальный способъ производства и феодальныя государственныя учрежденія. Одинъ выдающійся историкъ философіи ¹⁾ говоритъ по этому поводу: «Равенство передъ закономъ природы, равный детерминизмъ для всѣхъ, не исключая и Высшаго

¹⁾ А. Веберъ.

Существа—таковъ былъ общій лозунгъ всѣхъ философовъ матеріализма, пока 1789-й годъ не сдѣлалъ его девизомъ революціи». Точно также и Гольбахъ, вскрывая тѣсную связь между социальными стремленіями буржуазіи и ея философскими концепціями, говоритъ: «Вселенная не представляетъ собою ни абсолютной монархіи, какъ того хочетъ Дунсъ Скоттъ, ни конституціонной, какъ это воображаетъ себѣ Лейбницъ, — а республику». Но, совершая свою революцію, буржуазія вѣрила, что эта революція будетъ первой и послѣдней; она вѣрила, что обладаетъ абсолютной истиной, что ей удалось наконецъ найти истинное опредѣленіе неизмѣнной *человѣческой природы*; все прошлое она разсматривала, какъ какую-то чудовищную ошибку, какъ грубое насиліе надъ этой природой. Поэтому ея матеріализмъ не былъ способенъ объяснить исторію; въ лучшемъ случаѣ онъ могъ обвинять во всемъ жрецовъ и государей, но никогда не былъ въ силахъ выбраться изъ ложнаго круга того положенія, что «общественное мнѣніе управляетъ обществомъ, но воспитаніе (т. е. само это общество) вырабатываетъ общественное мнѣніе».

Контръ-революціонная школа, задача которой заключалась въ защитѣ существующаго порядка вещей, т. е. того порядка, который охранялъ мѣстныхъ и классовыхъ привилегіи, пыталась оправдать его соображеніями социальной пользы. Вотъ почему эта школа отличалась отъ революціонной своимъ историческимъ и реалистическимъ характеромъ. Одновременно съ реставраціей стараго режима, фонъ-Галлеръ, де-Местръ и другіе, до Гегеля включительно, «реставрировали» науку. «Все существующее разумно» — гласило ихъ знаменитое изреченіе; все измѣняется лишь постепенно, когда перестаетъ быть полезнымъ и тѣмъ самымъ терять свое право на существованіе. У этихъ мыслителей, какъ и у всѣхъ, участвовавшихъ въ реакціи противъ бесплоднаго рационализма, противъ абсолютной вѣры въ политическія и, вообще, *формальныя* революціи, мы находимъ отдѣльныя мысли, довольно близко подходящія къ матеріалистическому объясненію исторіи, т. е. къ объясненію общественныхъ явленій посредствомъ классовой борьбы за матеріальные интересы. Однако всѣ ихъ воззрѣнія и идеи тяготеютъ къ одному центральному пункту—къ утвержденію, что представителемъ высшей экономической и социальной полезности является феодальное земледѣліе, которое въ области политики находитъ свое выраженіе въ легитимной монархіи, а въ области религіи—въ іерархической церкви.

Контрь-революціонная школа не могла рѣшиться предоста-
вить обществу и міръ игръ ихъ стихійныхъ силъ: толчеи
снизу должны обуздываться и регулироваться руководствомъ сверху.
Такимъ образомъ школа эта проникнута духомъ абсолютизма и
идеализма. И если Гегель обозначаетъ развитіе человѣчества, какъ
діалектическое, естественное и необходимое; если онъ выводитъ
философію исторіи изъ ложнаго круга матеріалистовъ, сводя оба
члена противорѣчія къ одной общей и высшей причинѣ; если онъ
выстѣ съ тѣмъ отдѣляется отъ фикціи вѣчной и неизмѣнной
человѣческой природы,—то всего этого онъ достигаетъ лишь тѣмъ
путемъ, что въ ходѣ человѣческой и міровой исторіи онъ видитъ
необходимое подчиненное отраженіе находящейся въ вѣчномъ раз-
витіи абсолютной Идеи, которая въ концѣ концовъ представляетъ
собою не что иное, какъ внѣ-міровую прозкцію интеллектуальной
природы человѣка, дѣятельности его разума.

Рядомъ съ двумя борющимися классами—буржуазнымъ и фео-
дальнымъ—неудержимо рѣстетъ третій—пролетаріатъ, который съ
самаго начала не желаетъ примкнуть ни къ тому, ни къ другому
классу, а стремится стать наслѣдникомъ ихъ обоихъ. На практикѣ
и въ теоріи все то, чѣмъ оба класса стараются другъ друга осла-
бить, идетъ прежде всего на пользу пролетаріату, мощь котораго
все возрастаетъ.

Подобно тому, какъ идеалъ этого класса соединяетъ въ себѣ
полную свободу и общественную организацію, всеобщее благосостоя-
ніе и максимальную производительность труда, такъ и его пони-
маніе исторіи представляетъ такой счастливый синтезъ возрѣній
двухъ другихъ классовъ, что его можно сравнить съ тѣмъ синте-
зомъ, при помощи котораго Кантъ примирилъ возрѣнія Локка и
Лейбница, изгнавъ ихъ въ то же время навсегда изъ царства
науки.

Пролетаріату чуждъ раціонализмъ, ибо онъ хорошо знаетъ,
что высшая мудрость буржуазіи часто превращается въ безуміе, и
что, несмотря на всѣ притязанія этой буржуазной мудрости на абсо-
лютное значеніе, она является только выраженіемъ опредѣленныхъ
экономическихъ интересовъ и отношеній. Кромѣ того, пролетаріатъ
обладаетъ достаточной силой, чтобы привести въ движеніе колесо
исторической діалектики и фактически доказать, какъ относительны
всѣ существующія соціальныя формы. Но именно поэтому онъ знаетъ
также, что основу существованія и развитія общества слѣдуетъ
искать не внѣ общества, а въ немъ самомъ, въ его нѣдрахъ, въ

его непрестанномъ стремленіи ко все болѣшей продуктивности; подѣ влияніемъ этого именно стремленія развивается весь безконечный рядъ техническихъ изобрѣтеній. Въ этихъ изобрѣтеніяхъ, въ техникѣ производства проявляется, конечно, человѣческій духъ, человѣческая природа; но эта природа не содержитъ въ себѣ ничего вѣчнаго, сущность ея постоянно мѣняется и при томъ не по какой либо сверхъ-человѣческой причинѣ, а просто потому, что потребности, образующія эту «природу», измѣняются по мѣрѣ—и вслѣдствіе самаго факта — ихъ удовлетворенія. Такъ внутри самого общества вѣчно развивается его основной факторъ. И для того, чтобы это развитіе не остановилось, какъ того хочетъ Гегель, для того, чтобы скорѣе наступилъ моментъ, когда существующее становится уже неразумнымъ и должно погибнуть,—философія пролетаріата соединяетъ гегелевскую діалектику съ матеріалистической традиціей, бывшей въ рукахъ французской буржуазіи такимъ могучимъ средствомъ революціоннаго освобожденія.

Нѣмецкая буржуазія была еще въ XVIII в. слишкомъ слаба, чтобы взять изъ рукъ французской буржуазіи остро отточенное оружіе матеріализма. Ея философы, съ Кантомъ во главѣ, удовольствовались тѣмъ, что приспособили раціонализмъ Руссо къ потребностямъ своего класса, которому въ то время не оставалось дѣлать ничего другого, какъ только протестовать противъ просвѣщеннаго вольтерьянскаго деспотизма во имя индивидуальной морали и личнаго достоинства,—приспособили такъ, что раціонализмъ превратился въ идеализмъ и метафизику, а вслѣдствіи легко перешелъ въ идеалистическую философію реставраціи. Но около середины XIX столѣтія нѣмецкая буржуазія достаточно окрѣпла, чтобы начать серьезную борьбу съ феодализмомъ, и тогда она, въ свою очередь, обратилась къ матеріализму. Этотъ переходъ совершили лѣвые гегельянцы съ Фейербахомъ во главѣ,—и какъ разъ въ моментъ сліянія матеріализма съ идеализмомъ появился на свѣтъ марксизмъ—соціальная философія пролетаріата. Онъ родился въ Германіи, въ которой рабочее движеніе еще только готовилось перейти къ практической дѣятельности и которая поэтому представляла болѣе благоприятныя условія для выработки великихъ, всеобъемлющихъ теорій.

Во Франціи, напротивъ, соціальная философія всегда удѣляла больше вниманія реальнымъ потребностямъ даннаго момента, и пролетаріатъ гораздо болѣе занимали конкретныя экономическія и политическія задачи. Однако, утописты, въ особенности С.-Симонъ, которому не чужда была мысль, что проблема взаимодѣйствія со-

ціальныхъ факторовъ разрѣшается лежащимъ въ ихъ основаніи развитіемъ техники,—утолисты, какъ извѣстно, не мало способствовали возникновенію марксизма. Въ этомъ, на мой взглядъ, и кроется причина того, почему позивитизмъ Огюста Конта до сихъ поръ почти совершенно игнорируется или недооцѣнивается марксистами. Но если изслѣдовать этотъ позивитизмъ со стороны его содержанія, то нельзя не признать, что при другихъ условіяхъ онъ могъ бы такъ же хорошо, если не лучше, чѣмъ гегельянство, служить источникомъ и подготовительной ступенью для марксизма. Роль Конта во Франціи можно *mutatis mutandis* сравнить съ ролью Гегеля въ Германіи. Оба они были «великими реставраторами соціальной науки» послѣ революціонно-раціоналистической бури; но въ то время, какъ Гегель открыто защищалъ Прусское феодальное государство, Контъ ограничился глубоко-почтительнымъ отношеніемъ къ средне-вѣковой, что однако не помѣшало ему признать интеллектуальные успѣхи и завоеванія буржуазіи. Испытавъ на себѣ вліяніе С.-Симона, марксизмъ болѣе не нуждался въ помощи Конта, чтобы осуществить высшій синтезъ феодальнаго тезиса съ буржуазнымъ анти-тезисомъ: его синтезъ былъ гораздо послѣдовательнѣе и революціоннѣе.

Мы не имѣемъ никакого намѣренія провести здѣсь параллель между марксизмомъ и позитивизмомъ. Когда нибудь въ другой разъ я покажу ¹⁾, что послѣдовательно продуманный и проведенный позитивизмъ неизбежно долженъ совпасть съ марксизмомъ; живой примѣръ этого представляетъ намъ де-Греефъ. Но дѣло въ томъ, что Контъ, дойдя до извѣстнаго пункта, повернулъ назадъ. Этотъ противникъ раціонализма былъ еще такъ сильно зараженъ его духомъ, что, подобно Гегелю, считалъ свою систему вѣнцомъ вѣковаго развитія человѣческой мысли, своего рода откровеніемъ. Чтобы оградить общество отъ коммунистическихъ утопій, онъ обратилъ свою соціальную статистику въ особаго рода консервативную утопію, въ основу которой онъ положилъ неприкосновенность существующей формы семьи. Для обоснованія ея онъ долженъ былъ по примѣру раціоналистовъ и утопистовъ, признать, что «человѣческая природа», по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, остается неизмѣнной. Отсюда—враждебность его, полной противорѣчій, догматической системы марксизму. Все же мы должны быть благодарны ему за духъ позитивнаго изслѣдованія, введенный имъ въ общественныя науки и ставшій теперь

¹⁾ См. въ настоящемъ сборникѣ статью того же автора: „Марксизмъ и позитивизмъ“.

общимъ достояніемъ всѣхъ соціологовъ; этимъ духомъ проникнуть и марксизмъ, который въ немъ именно черпаетъ силы для своего развитія.

Ибо марксизмъ не догма, какъ это полагаютъ тѣ, которые его не знаютъ; нельзя даже безъ оговорокъ назвать его системой. Въ дѣйствительности онъ только методъ изслѣдованія или, лучше сказать, способъ пониманія соціальной жизни съ цѣлью ея объясненія; поэтому его стихія, безъ которой онъ не можетъ жить, составляетъ современная научная, позитивная атмосфера. Въ этомъ пунктѣ марксизмъ совпадаетъ съ позитивной школой въ самомъ широкомъ смыслѣ этого названія. Но онъ стоитъ выше эклектицизма этой школы, онъ не довольствуется простымъ констатированіемъ взаимодѣйствія и взаимной зависимости всѣхъ проявленій соціальной жизни, а ведетъ изслѣдованіе глубже и открываетъ тотъ основной процессъ, который вызываетъ всѣ эти проявленія и управляетъ ими. На практикѣ это различіе между обѣими школами оказывается не столь большимъ, такъ какъ ни одинъ марксистъ не можетъ утверждать, что всѣ явленія жизни данной страны въ данную эпоху могутъ быть объяснены всецѣло хозяйственными отношеніями одной только этой страны и одной только этой эпохи. Ни одинъ марксистъ не станетъ слишкомъ низко оцѣнивать какъ значеніе *аллотопическихъ* и *аллохроническихъ* ¹⁾ причинъ, такъ и ту почти совершенно независимую роль, какую можетъ сыграть политическая, правовая или религіозная форма, пережившая свое давно исчезнувшее экономическое основаніе. Но, въ сущности, указанное различіе остается во всей силѣ; ибо изъ *экономическаго монизма* марксистской соціологіи слѣдуетъ, что соціальная форма, разъ она лишилась своего экономическаго содержанія, должна послѣ достаточно большаго періода времени безслѣдно исчезнуть; далѣе, что соціальная природа человѣка можетъ совершенно измѣниться вмѣстѣ съ обстоятельствами; что, напр., даже врожденныя преступныя наклонности представляютъ только продуктъ соціальныхъ условій, который долженъ будетъ исчезнуть, когда преступникъ будетъ поставленъ въ соціально-экономическую среду, неблагоприятную для развитія этихъ наклонностей; и что, наконецъ, ничто (кромѣ совершенно непредвидимыхъ и не принимаемыхъ современной наукой въ расчетъ явленій) не можетъ помѣшать достиженію идеала свободы и равенства, во имя котораго пролетаріатъ смѣло отрицаетъ тысячелѣтній классовый строй.

¹⁾ Другихъ мѣстъ и другихъ эпохъ.

VIII.

Я считаю излишнимъ скрывать свое убѣжденіе, что экономическій матеріализмъ и социализмъ тѣсно связаны между собой. Тѣмъ не менѣе, ихъ можно разсматривать независимо одинъ отъ другого; болѣе того, каждый изъ нихъ имѣетъ своихъ собственныхъ послѣдователей. Мы можемъ встрѣтить много ученыхъ, которые объясняютъ исторію и социальную жизнь экономическими причинами, но менѣе всего являются социалистами. Съ другой стороны, мы видимъ ученыхъ, дружественно настроенныхъ по отношенію къ социализму, видимъ даже много борцовъ въ социалистическихъ рядахъ, которые въ большей или меньшей степени отвергаютъ матеріалистическое пониманіе исторіи. Это явленіе объясняется тѣмъ, что пролетаріатъ граничитъ и приходитъ въ соприкосновеніе съ другими классами, и на этихъ границахъ онъ наталкивается на другую интеллектуальную среду: съ одной стороны, на землевладѣльческій и мелкобуржуазный классы «старого режима», которые сильно пострадали отъ революціоннаго раціонализма и потому создали релятивистскую историко-экономическую школу, а съ другой—на современную мелкую буржуазію и интеллигенцію.

Когда пролетаріатъ впервые, въ лицѣ немногихъ своихъ передовыхъ борцовъ, достигъ классоваго самосознанія, онъ занялъ рѣзко-враждебную позицію по отношенію ко всему капиталистическому обществу и создалъ доктрину, неприемлемую для всѣхъ болѣе или менѣе господствующихъ классовъ этого общества. Но по мѣрѣ того, какъ растетъ его сила, по мѣрѣ того, какъ подъ его давленіемъ социальная форма начинаетъ сгибаться, пролетаріатъ снова вступаетъ въ общество, чтобы завоевать его, и другіе классы начинаютъ сближаться съ нимъ, начинаютъ идти по тому же пути, что и онъ, стараясь при этомъ задержать его поступательное движеніе. Иногда и самъ пролетаріатъ находитъ нужнымъ идти медленнѣе, чтобы дать возможность поспѣвать за собой. Это явленіе и составляетъ основу, такъ называемаго, «кризиса социализма» въ области политики; а отзвукъ этого кризиса въ области науки породилъ «кризисъ марксистской социологіи». Съ этой точки зрѣнія становится вполне понятнымъ, что аргументы и возраженія глашатаевъ кризиса не отличаются особенной новизной и не свидѣлствуютъ о правильномъ пониманіи основныхъ идей марксизма. «Критики» занимаютъ главнымъ образомъ тѣмъ, что отыскиваютъ

общимъ достояніемъ всѣхъ соціологовъ; этимъ духомъ проникнуть и марксизмъ, который въ немъ именно черпаетъ силы для своего развитія.

Ибо марксизмъ не догма, какъ это полагаютъ тѣ, которые его не знаютъ; нельзя даже безъ оговорокъ назвать его системой. Въ дѣйствительности онъ только методъ изслѣдованія или, лучше сказать, способъ пониманія соціальной жизни съ цѣлью ея объясненія; поэтому его стихію, безъ которой онъ не можетъ жить, составляетъ современная научная, позитивная атмосфера. Въ этомъ пунктѣ марксизмъ совпадаетъ съ позитивной школой въ самомъ широкомъ смыслѣ этого названія. Но онъ стоитъ выше эклектицизма этой школы, онъ не довольствуется простымъ констатированіемъ взаимодѣйствія и взаимной зависимости всѣхъ проявленій соціальной жизни, а ведетъ изслѣдованіе глубже и открываетъ тотъ основной процессъ, который вызываетъ всѣ эти проявленія и управляетъ ими. На практикѣ это различіе между обѣими школами оказывается не столь большимъ, такъ какъ ни одинъ марсистъ не можетъ утверждать, что всѣ явленія жизни данной страны въ данную эпоху могутъ быть объяснены всецѣло хозяйственными отношеніями одной только этой страны и одной только этой эпохи. Ни одинъ марсистъ не станетъ слишкомъ низко оцѣнивать какъ значеніе *аллотопическихъ* и *аллохроническихъ* ¹⁾ причинъ, такъ и ту почти совершенно независимую роль, какую можетъ сыграть политическая, правовая или религіозная форма, пережившая свое давно исчезнувшее экономическое основаніе. Но, въ сущности, указанное различіе остается во всей силѣ; ибо изъ *экономическаго монизма* марсистской соціологіи слѣдуетъ, что соціальная форма, разъ она лишилась своего экономическаго содержанія, должна послѣ достаточно большаго періода времени безслѣдно исчезнуть; далѣе, что соціальная природа человѣка можетъ совершенно измѣниться вмѣстѣ съ обстоятельствами; что, напр., даже врожденные преступныя наклонности представляютъ только продуктъ соціальныхъ условій, который долженъ будетъ исчезнуть, когда преступникъ будетъ поставленъ въ соціально-экономическую среду, неблагоприятную для развитія этихъ наклонностей; и что, наконецъ, ничто (кромѣ совершенно непредвидимыхъ и не принимаемыхъ современной наукой въ расчетъ явленій) не можетъ помѣшать достиженію идеала свободы и равенства, во имя котораго пролетаріатъ смѣло отрицаетъ тысячелѣтній классовый строй.

¹⁾ Другихъ мѣстъ и другихъ эпохъ.

VIII.

Я считаю излишнимъ скрывать свое убѣжденіе, что экономическій матеріализмъ и социализмъ тѣсно связаны между собой. Тѣмъ не менѣе, ихъ можно разсматривать независимо одинъ отъ другого; болѣе того, каждый изъ нихъ имѣетъ своихъ собственныхъ послѣдователей. Мы можемъ встрѣтить много ученыхъ, которые объясняютъ исторію и социальную жизнь экономическими причинами, но менѣе всего являются социалистами. Съ другой стороны, мы видимъ ученыхъ, дружественно настроенныхъ по отношенію къ социализму, видимъ даже много борцовъ въ социалистическихъ рядахъ, которые въ большей или меньшей степени отвергаютъ матеріалистическое пониманіе исторіи. Это явленіе объясняется тѣмъ, что пролетаріатъ граничитъ и приходитъ въ соприкосновеніе съ другими классами, и на этихъ границахъ онъ наталкивается на другую интеллектуальную среду: съ одной стороны, на землевладѣльческій и мелкобуржуазный классы «старого режима», которые сильно пострадали отъ революціоннаго раціонализма и потому создали релятивистскую историко-экономическую школу, а съ другой—на современную мелкую буржуазію и интеллигенцію.

Когда пролетаріатъ впервые, въ лицѣ немногихъ своихъ передовыхъ борцовъ, достигъ классоваго самосознанія, онъ занялъ рѣзко-враждебную позицію по отношенію ко всему капиталистическому обществу и создалъ доктрину, непріемлемую для всѣхъ болѣе или менѣе господствующихъ классовъ этого общества. Но по мѣрѣ того, какъ растетъ его сила, по мѣрѣ того, какъ подъ его давленіемъ социальная форма начинаетъ сгибаться, пролетаріатъ снова вступаетъ въ общество, чтобы завоевать его, и другіе классы начинаютъ сближаться съ нимъ, начинаютъ идти по тому же пути, что и онъ, стараясь при этомъ задержать его поступательное движеніе. Иногда и самъ пролетаріатъ находитъ нужнымъ идти медленнѣе, чтобы дать возможность поспѣвать за собой. Это явленіе и составляетъ основу, такъ называемаго, «кризиса социализма» въ области политики; а отзвукъ этого кризиса въ области науки породилъ «кризисъ марксистской социологіи». Съ этой точки зрѣнія становится вполне понятнымъ, что аргументы и возраженія глашатаевъ кризиса не отличаются особенной новизной и не свидѣлствуютъ о правильномъ пониманіи основныхъ идей марксизма. «Критики» занимаютъ главнымъ образомъ тѣмъ, что отыскиваютъ

противорѣчія въ сочиненіяхъ основателей нашей школы; они сопоставляютъ тексты, взвѣшиваютъ слова, создаютъ настоящую экзегетику. Быть можетъ, такая ихъ дѣятельность принесетъ пользу будущимъ историкамъ, но до сихъ поръ сторонникамъ этого метода еще не удалось доказать, что тотъ, кто загромоздилъ свою память наибольшимъ количествомъ текстовъ, кто приводитъ цитаты на всѣхъ языкахъ, выставяетъ также наиболѣе удачныя возраженія...

Такъ, напримѣръ, слишкомъ уже усердно толкуютъ о томъ, что матеріализмъ марксистовъ третируетъ «идею», что ихъ «фатализмъ» тиранизируетъ личность. Этотъ матеріализмъ,—говорятъ нѣкоторые,—осмѣливается выводить «идею» изъ «факта», а это—абсурдъ, преступленіе противъ теоріи познанія; и противъ этого абсурда необходимо выдвинуть «психологическое» пониманіе общества. Все это не больше и не меньше, какъ простое недоразумѣніе. Марксистская соціологія опирается на психологію не меньше, чѣмъ всякая другая; только она не видитъ въ «идеѣ» и «фактѣ» двѣ діаметрально противоположныя вещи, которыхъ нельзя свести воедино. Какъ и другія соціологическія теоріи, она нисколько не сомнѣвается, что общество состоитъ изъ индивидовъ, и что всѣ соціальныя явленія совершаются въ индивидахъ, въ ихъ *психикѣ*. Въдѣ основной экономическій «фактъ» марксистской соціологіи—примѣненіе или даже наличность орудія—не менѣе психологиченъ, чѣмъ любая философская или эстетическая «идея». Но это только отодвигаетъ вопросъ; въдѣ рѣчь идетъ о томъ, чтобы расположить различныя психическія функціи человѣка въ опредѣленномъ порядкѣ по степени ихъ важности,—и тутъ-то именно оказывается, что экономическая функція естественно занимаетъ мѣсто базиса. Теоретико-познавательная проблема въ томъ видѣ, въ какомъ она стояла передъ философскимъ матеріализмомъ, вовсе не существуетъ для «экономическаго матеріализма». Наша соціологія имѣетъ дѣло только съ феноменами; она не занимается изслѣдованіемъ отношенія между человѣческимъ сознаніемъ и внѣшнимъ «міромъ въ себѣ». Конечно, ее интересуетъ постоянный обмѣнъ, совершающійся между человѣческимъ сознаніемъ и міромъ,—понимая и сознаніе и міръ феноменистически,—обмѣнъ, который, въдѣ, и составляетъ процессъ развитія сознанія. Но въ такомъ случаѣ теорія познанія марксизма носить не чисто-логическій, а въ извѣстномъ смыслѣ историческій характеръ.

Такимъ образомъ, тотъ «возвратъ къ Канту», при помощи котораго глашатаи «кризиса» надѣются достигнуть, богъ знаетъ, чего,

не принесетъ марксизму, какъ намъ кажется, никакой пользы. Во всякомъ случаѣ мы придали бы этому «возврату» нѣсколько иной смыслъ: *мы социализировали бы критическую точку зрѣнія*. Мы указали бы, что общество, группа и — спеціально съ нашей точки зрѣнія — классъ, къ которому принадлежитъ человѣкъ, опредѣленнымъ образомъ готовятъ его сознание, навязывая ему опредѣленный апіористическій взглядъ на общество и міръ, отъ котораго онъ такъ же мало можетъ отдѣлаться, какъ отъ необходимости смотрѣть сквозь сѣтчатую оболочку. И отсюда мы вывели бы то заключеніе, что такъ какъ и пролетаріату неизбежно присуща нѣкоторая классовая апперцепція, то и его философская система, подобно всѣмъ предыдущимъ системамъ, имѣетъ лишь относительное и преходящее значеніе; что когда нибудь и эта система перестанетъ быть — т. е. считаться — истинной, но лишь тогда, когда она будетъ замѣнена новой, созданной *безклассовымъ* обществомъ будущаго. Вполнѣ естественно, что философія будущаго общества, которая вырастетъ изъ марксизма, будетъ иной, въ извѣстномъ отношеніи даже противоположной марксизму; но каковы будутъ ея основныя черты, объ этомъ мы теперь не можемъ знать ни по тому, что существуетъ, ни по тому, что существовало. Нельзя даже вовсе представить себѣ эту будущую систему, ибо ни одно наше представленіе не можетъ быть оводно отъ извѣстнаго классоваго апіоризма.

Въ этомъ омыслѣ я допускаю, что можетъ или даже долженъ наступить кризисъ марксизма; но для преодоленія такого кризиса именно и должны быть примѣнены до ихъ послѣднихъ выводовъ принципы экономического матеріализма.

Я имѣю тутъ въ виду одинъ пунктъ, съ которымъ экономическій матеріализмъ не такъ легко можетъ раздѣляться и который тоже служить мотивомъ для «возврата къ Канту»; пунктъ этотъ — этического свойства.

Кантъ, этотъ *буржуа*, который былъ уже недоволенъ окружавшимъ его обществомъ, то не имѣлъ еще силы вступить съ нимъ въ борьбу съ цѣлью его измѣненія, — Кантъ именно поэтому создалъ прекраснѣйшій идеалъ человѣческаго достоинства, индивидуальной чистоты и нравственности. Идеалъ этотъ сталъ у Фихте революционнымъ, когда намѣтился подъемъ нѣмецкой буржуазіи. Французскій раціонализмъ, унаслѣдованный отъ революціи — правда, въ менѣе поэтической, но зато въ болѣе практической формѣ — нѣкоторыми, незатронутыми реставраціей слоями буржуазіи, создалъ

новую формулу «человѣческой природы»: вѣчную справедливость и вѣчное право. Формула эта послужила для указанныхъ слоевъ буржуазіи переходной ступенью къ пролетарскимъ требованіямъ, и эту услугу она оказываетъ имъ еще и теперь. Находясь въ крайне затруднительномъ положеніи, окруженная со всѣхъ сторонъ обманами и искушеніями, мелкая и средняя буржуазія получаетъ въ этой формулѣ прекрасную индивидуальную основу для своего соціального идеала,—и она, естественно, боится, какъ бы матеріализмъ не оказалъ разлагающаго вліянія на этотъ идеалъ. Такъ, Ф. А. Ланге хочетъ сохранить «основанный на человѣческой природѣ порядокъ». Такъ, гораздо болѣе революціонно настроенный Жоресъ утверждаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, существуетъ также «протестъ противъ безчеловѣчнаго обращенія съ человѣкомъ». И «соціальный идеализмъ» всѣхъ этихъ людей приходитъ въ ужасъ отъ «аморального» характера экономическаго матеріализма.

Врядъ ли нужно защищать отъ такого упрека то ученіе, которое говоритъ, что историческія задачи лишь тогда становятся предъ людьми, когда на-лицо уже имѣются—часто, правда, еще въ скрытомъ состояніи—средства для ихъ разрѣшенія, и которое такимъ образомъ устраняетъ скептицизмъ и даетъ непреклонную увѣренность при исполненіи самыхъ опасныхъ соціальныхъ обязанностей; ученію, которое утверждаетъ, что всякое соціальное явленіе совершается въ людяхъ и при посредствѣ людей—и при томъ всѣхъ людей—и тѣмъ отнимаетъ даже у самаго слабаго и ничтожнаго человѣка всякое право на бездѣятельность и на фаталистическій квіетизмъ.

Первымъ изъ этихъ принциповъ марксистская этика (которая, несмотря на утвержденія противниковъ, все же существуетъ) напоминаетъ этику Канта; но вторымъ она идетъ дальше ея. Экономическій матеріализмъ удѣляетъ серьезное вниманіе идеалистическому и этическому чувству личности. Онъ, напр., не желаетъ и не можетъ отрицать, что безъ сознательности пролетаріевъ, опирающейся прежде всего на сознаніе собственнаго достоинства, концентрація капиталовъ могла бы привести къ новому феодализму или къ тиранніи «сверхъ-человѣковъ». И если идеалисты на это возражаютъ, что необходимыя для выработки соціалистическаго идеала чувства справедливости и самопожертвованія не могли возникнуть въ обществѣ, гдѣ все на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ противорѣчило этимъ чувствамъ; соли они указываютъ на то, что идеалъ

коммунистическаго общества, который ведет пролетаріевъ впередъ и идетъ впереди современнаго экономическаго строя, уже по одному тому не могъ вырасти въ существующемъ строѣ, — то какой отвѣтъ можемъ мы имъ дать? Или мы вовсе должны тутъ отказаться отъ попытки объяснить социальную форму при помощи содержанія, надстройку — при помощи базиса? Не вынуждены ли мы признать дуализмъ въ человѣческой природѣ?

Ничуть не бывало! Проблема возникновенія революціоннаго идеала, *который идетъ впереди развитія хозяйственныхъ факторовъ*, проблема, которая, быть можетъ, образуетъ центральный узелъ всего кризиса марксизма, и которую, насколько мнѣ извѣстно, первымъ изъ всѣхъ марксистовъ затронулъ Каутскій (въ своей полемикѣ съ Бельфорть-Баксомъ въ 1896 г.), — эта проблема, кажется мнѣ, находитъ свое разрѣшеніе, строго соответствующее экономическому матеріализму, въ «законѣ революціонной ретроспекціи». Законъ этотъ, сформулированный мною на первомъ социологическомъ конгрессѣ въ 1894 году ¹⁾, даетъ научное выраженіе «отрицанію отрицанія» Гегеля, «возвращенію къ природѣ» Руссо и «ricorsi» Вико и сводится къ слѣдующему: источника какого-нибудь возрѣнія на будущее, какъ и источника всякой идеи слѣдуетъ искать въ прошломъ, въ оставшейся въ видѣ пережитка социальной формѣ. Въ данномъ случаѣ, поскольку рѣчь идетъ о пролетарскомъ идеалѣ, такимъ источникомъ является первобытный коммунизмъ. Когда этотъ коммунизмъ былъ мало-по-малу вытѣсненъ первымъ классовымъ обществомъ, люди горько оплакивали его, и подобно тому, какъ слезы жемчужницы превращаются въ великолѣпныя жемчужины, такъ человѣческая тоска скоро превратилась въ идеализированный образъ. Различныя формы хозяйственнаго коммунизма, никогда не исчезавшія вполне изъ исторіи и всякій разъ снова переживавшія процессъ разложенія, пробудили въ человѣкѣ эту унаслѣдованную тоску и вызвали въ его памяти идеализированный образъ, который, подъ вліяніемъ постоянной примѣси элементовъ каждой данной эпохи, подвергался одному превращенію за другимъ, пока не привелъ, наконецъ, къ новѣйшимъ утопіямъ, предтечамъ научнаго социализма. Параллельно съ этимъ коммунистическіе моральные инстинкты, наперекоръ всѣмъ преслѣдованіямъ пустившіе глубокіе корни въ душѣ народа, развились благодаря борьбѣ, которую имъ пришлось выдержать, въ то великое и благородное чувство личной не-

¹⁾ Annales de l'Institut International de Sociologie, I et II (1895—96).

зависимости и «врожденной» справедливости, которое составляет основу будущего общества.

Эта экономическая генеалогія социалистическаго идеала лишаетъ его права выдавать себя за нѣчто «абсолютное» и разрушаетъ послѣдній аргументъ идеалистическаго дуализма. Но она доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ правильность основной мысли марксизма о переживаніи и новомъ приспособленіи социальной формы. Она даетъ намъ реалистическое примѣненіе исторической діалектики и вмѣстѣ съ тѣмъ высшую ступень діалектики вообще: ибо мы видимъ, какъ социальная форма, отсталая по своей природѣ, становится предтечей, революціоннымъ элементомъ. Мертвый хватаетъ живого — но лишь для того, чтобы толкнуть его впередъ...

Эта генеалогія осуществляетъ, наконецъ, единство социальной жизни отъ ея основанія до самой верхушки, отъ начала до конечнаго пункта. Одно и то же вѣяніе проходитъ черезъ всю чело-вѣческую исторію, — и на самыхъ высокихъ вершинахъ ея она становится вихремъ, который сбиваетъ оковы съ нашихъ надеждъ.

Но это вѣяніе и этотъ вихрь со всѣми ихъ переходами имѣютъ свои источники въ ядрахъ общества.

Максъ Цеттербаумъ.

Къ материалистическому пониманію исторіи.

Недавно выпедшіе «Анналы Соціологическаго Института» въ Парижѣ посвящены воецѣло теоріи историческаго матеріализма ¹⁾. Они содержатъ—рефератъ, прочитанный Келлессъ-Краузомъ на послѣднемъ конгрессѣ Института ²⁾; вызванную этимъ рефератомъ дискуссію, въ которой приняли участіе Лоріа, Ковалевскій, Гроппали, Роберти, Вормсъ и многіе другіе; специально присланныя монографіи и стдѣльные мнѣнія по тому же вопросу, въ томъ числѣ де-Греефа, Фулье и Тарда; и, наконецъ, превосходное заключительное слово референта. Въ воззрѣніяхъ такого значительнаго числа соціологовъ очень ярко отражается современное состояніе буржуазной соціологіи и теоріи исторіи. Въ нихъ ясно сказывается отсутствіе какой бы то ни было собственной научной концепціи, способной дать цѣльное объясненіе зависимости и хода общественныхъ явленій. Наиболее адекватная въ настоящее время буржуазному представленію теорія, именно—біологическая, ни разу не осмѣлилась выступить, хотя многіе признанные представители ея приняли участіе въ дискуссіи. Историческому матеріализму ученые профессора не могли противопоставить ничего другого, кромѣ всѣхъ тѣхъ возраженій, которыя мы въ продолженіе столькихъ лѣтъ слышали уже несчетное число разъ.

Прежде всего выступила группа оппонентовъ, которые, не будучи вовсе знакомы съ разбираемой теоріей, полагали, что экономическій матеріализмъ признаетъ въ качествѣ дѣйствительнаго фактора исторіи лишь *одно* влеченіе: влеченіе къ ѣдѣ—«la passion de manger». Къ этой группѣ принадлежать не только Лимузенъ, Коста,

1) „Annales de l'Institut International de Sociologie“. Tome VIII. Le materialisme historique. Paris 1902, Giard et Briere.

2) См. предыдущую статью.

Примѣчаніе перек.

Пеліа, но и болѣе извѣстныя имена, какъ Фулье и Тарда. Фулье полагаетъ, что экономическій матеріализмъ сводитъ всю исторію къ преслѣдованію матеріальной выгоды; но въдь евангеліе, напр., не является трактатомъ о техникахъ, и т. п.; а Тардъ говоритъ, что главнымъ образомъ благородныя чувства и идеи творятъ исторію и поддерживаютъ общество, и что «въ дальнѣйшемъ развитіи чело-вѣчества мозгъ будетъ все больше брать перевѣсъ надъ желудкомъ, а не наоборотъ». Краузь отвѣчаетъ имъ, что, въ виду такого, вы-званного классовой предубѣжденностью, непониманія теоріи, онъ считаетъ излишнимъ опровергать ихъ взгляды.

Такого рода взгляды, какъ мнѣ кажется, вытекаютъ изъ ложнаго представленія, будто экономическій матеріализмъ видитъ сущность историческаго движенія въ сознательномъ стремленіи индивидуаль-наго чело-вѣка къ экономическому улучшенію своего положенія, а не—какъ дѣло обстоитъ на самомъ дѣлѣ—въ обусловленной опредѣ-ленной экономической структурой борьбѣ цѣлыхъ группъ людей, именно общественныхъ классовъ, за общественную власть, въ борьбѣ, которая не только выходитъ за предѣлы самаго полного удовлетво-ренія индивидуальнаго «желудка», но идетъ даже дальше самаго широкаго удовлетворенія *чисто индивидуальных* высшихъ духов-ныхъ потребностей; стремленіе же къ индивидуальной выгодѣ, бу-детъ ли это выгода матеріальнаго или духовнаго свойства, является только движущей, постоянно и непрерывно дѣйствующей, *осью* внутри и въ рамкахъ классовой борьбы.

Разумѣется, всѣ эти соціологи и многіе другіе изъ привнмав-шихъ участіе въ дискуссіи держатся того взгляда, что идеи создали содержаніе исторіи изъ внутренней сущности своей психологической основы. Одинъ только Гроппали въ своихъ замѣчательныхъ методо-логическихъ разсужденіяхъ призналъ себя послѣдователемъ истори-ческаго матеріализма. Напрѣтивъ, Ахилль Лоріа передѣлалъ эту теорію на свой ладъ. Правда, онъ обходитъ молчаніемъ свою спе-ціальную теорію объ исключительномъ значеніи способа присвоенія земельной собственности, но возникновеніе идеологій, какъ, напр., морали и религій, онъ выводитъ чисто раціоналистическимъ пу-темъ изъ сознательной заинтересованности власть имущихъ, такъ что въ такомъ видѣ его теорія дѣйствительно страдаетъ всѣми тѣми недостатками, которые лишь по ошибкѣ приписываются экономиче-скому пониманію исторіи.

Своеобразную позицію по отношенію къ нашей теоріи занима-ютъ позитивисты де-Греефъ, де-Роберти и Вормсъ. Главнымъ

образомъ здѣсь приходится говорить о длинной «Memento» де-Греефа. По неумѣнью понять разбираемую теорію, ее слѣдуетъ отнести къ самому худшему изъ того, что когда либо создало это направление. Де-Греефъ на многихъ страницахъ полемизируетъ противъ философскаго матеріализма, разбираетъ понятіе матеріи и тому подобныя метафизическія темы, чтобы изъ всего этого сдѣлать выводъ о полной несостоятельности *экономическаго* матеріализма. Въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ онъ признаетъ Маркса правымъ, онъ отказывается ему въ оригинальности, въ остальныхъ же пунктахъ онъ подчеркиваетъ лишь то, что ему кажется ложнымъ, и при этомъ вдается въ крайне невѣрные разсужденія о прибавочной стоимости, о сущности историческихъ законовъ, о детерминизмѣ и т. д. Де-Греефъ и вмѣстѣ съ нимъ Вормсъ высказались въ томъ смыслѣ, что экономика, правда, образуетъ основной фактъ общественной жизни, но въ сферѣ экономики рѣшающую роль играетъ процессъ обмѣна, главнымъ образомъ вслѣдствіе простоты его элементовъ, а не гораздо болѣе сложный процессъ производства. Подобно тому, какъ содержаніе социологій составляютъ высшія обобщенія, получаемыя изъ отдѣльныхъ социальныхъ наукъ, расположенныхъ въ опредѣленномъ порядкѣ по степени простоты элементовъ, такъ и общество состоитъ изъ опредѣленныхъ группъ явленій, причинно связанныхъ между собою въ томъ же порядкѣ, что и соответствующія науки. Де-Греефъ въ своей «Memento» не приводитъ этой классификаціи явленій, какъ онъ ее понимаетъ, но зато Вормсъ развиваетъ свою классификацію, вполне сходную съ устанавливаемой де-Греефомъ классификаціей наукъ. На экономикѣ возвышается генетика (структура семьи), затѣмъ «самопроизвольныя общественныя отношенія»: мораль, религія и искусство, и, наконецъ, «принудительныя общественныя отношенія», какъ право и политика. Де-Роберти, съ своей стороны, располагаетъ общественныя явленія въ другомъ порядкѣ, такъ какъ онъ иначе смотритъ на степень ихъ простоты или сложности. Экономика, напр., занимаетъ у него среднее мѣсто: ей предшествуютъ «болѣе простыя» явленія.

Все трое—де-Греефъ, Вормсъ и Роберти—опредѣляютъ дѣйствительную объективную зависимость на основаніи чисто внѣшняго обстоятельства — на основаніи того субъективнаго отношенія чловека къ предмету, которое позволяетъ ему легче постигнуть его. Такого рода установленіе объективныхъ закономерностей исторіи въ зависимости отъ того, какимъ способомъ нашъ разумъ постигаетъ явленія, можетъ, безъ сомнѣнія, служить школьнымъ примѣромъ

необоснованнаго онтологизма. Такой образчикъ примѣненія позитивистскаго метода дѣлаетъ понятнымъ, почему эти позитивисты, несмотря на всѣ свои мнимо-научныя формулы, не сдѣлали въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ ни одного плодотворнаго открытія.

Подводя итоги дискусіи, Краузь говоритъ, что совершенно ясно, что историческій матеріализмъ, эта революціонная теорія пролетаріата, съ каждымъ днемъ все больше завоевываетъ умы, и что уже въ настоящее время очень многіе буржуазные соціологи видятъ въ немъ «значительную часть истины».

Я думаю, что мы не должны обойти молчаніемъ всю эту дискусію. Во-первыхъ, если одни и тѣ же возраженія дѣлаются изъ года въ годъ въ книгахъ, брошюрахъ и статьяхъ, то и намъ необходимо время отъ времени вкратцѣ провѣрять эти возраженія. Сюда относится обычное возраженіе, считающее историческій матеріализмъ ложнымъ на томъ основаніи, что связанный съ нимъ натуръ-философскій матеріализмъ ложенъ; затѣмъ—ссылка на то, что основное положеніе историческаго матеріализма вовсе молъ не доказано, что, напротивъ, всякаго рода идеи оказываютъ на исторію, какъ причинно дѣйствующія силы, большее вліяніе, чѣмъ «экономическія потребности». Во-вторыхъ, еще болѣе важнымъ я считаю исправить часть разсужденій Крауза по существу. Начну съ менѣе существеннаго—съ методологическихъ вопросовъ.

I.—Натуръ-философскій и историческій матеріализмъ.

Краузь, вопреки утвержденію де-Греефа, отрицаетъ всякую связь между натуръ-философскимъ и историческимъ матеріализмомъ. По его мнѣнію, Марксъ и Энгельсъ назвали такъ свою теорію изъ оппозиціи къ нераздѣльно господствовавшему тогда вѣмецкому умозрѣнію. Экономика, какъ и остальные историческія образованія, возникаетъ изъ опредѣленныхъ функцій человѣческой души. Въ подтвержденіе своего взгляда Краузь ссылается на то мѣсто въ «Нищетѣ философіи», гдѣ Марксъ говоритъ, что «общественныя отношенія представляютъ такой же человѣческій продуктъ, какъ сукно, холстъ и т. д.».

Я совершенно согласенъ съ этимъ взглядомъ Крауза; я всегда былъ того же мнѣнія. На томъ названіи, которое получила наша теорія, отразилось вліяніе чисто субъективныхъ причинъ, создан-

ныхъ условіями времени. Въ дикомъ омыненіи нѣмецкаго умозрѣнія,—о многихъ совершенно серьезныхъ продуктахъ его творчества мы въ настоящее время врядъ ли даже можемъ составить себѣ представленіе ¹⁾),—была совершенно забыта всякая трезвая философія, и извѣстный тогда въ Германіи французскій матеріализмъ, подчеркивавшій методологическія основы естествознанія, былъ единственнымъ міровоззрѣніемъ, открывавшимъ двери эмпирической наукѣ. Въ названіи историческаго матеріализма, наряду съ тѣмъ фактомъ, что обычное словоупотребленіе обозначаетъ экономическія отношенія, какъ «матеріальныя», содержится, быть можетъ, еще указаніе на то, что, подобно тому, какъ въ естествознаніи дѣло сводится не къ какимъ-либо умозрѣніямъ, а къ эмпирическому изслѣдованію матеріальнаго міра и его свойствъ, такъ и въ исторіи дѣйствительное познаніе получается путемъ изслѣдованія экономическаго, исторически «матеріальнаго» міра.

Въ дѣйствительности же никакой логической связи между обѣими теоріями не существуетъ. Изслѣдованіе имѣетъ тутъ дѣло съ совершенно разнородными элементами, которые нерѣдко бываетъ трудно поставить въ какое бы то ни было формальное отношеніе другъ къ другу, хотя бы даже въ отношеніе противоположности.

1.—Различіе въ родѣ познанія.

Натуръ-философскій матеріализмъ относится къ области философіи. А философія,—если угодно: чистая философія,—есть тотъ родъ познанія, который стремится изслѣдовать, что въ конечномъ счетѣ составляетъ сущность міра (хотя бы отвѣтъ на этотъ вопросъ получился въ духѣ агностицизма), и какъ осуществляется человѣческій опытъ. Натуръ-философскій матеріализмъ имѣетъ опредѣленный отвѣтъ на эти вопросы.

Напротивъ, историческій матеріализмъ относится къ области

¹⁾ См., напр., изслѣдованіе Шеллинга о свободѣ или трактованіе Гегелемъ естественно-научныхъ проблемъ *); не говоря уже о спекулятивныхъ умахъ рангомъ ниже, которые создали буквально новую мистическую теологію.

^{*)} Характерные примѣры приведены у Рилы въ „Теоріи науки и метафизики“ (Москва, 1888 г., изд. Солдатовкова, стр. 142—149).

эмпирической науки. Эмпирическая наука, или просто наука, есть тотъ родъ познанія, который въ своихъ изслѣдованіяхъ принимаетъ опытный міръ за данное и изслѣдуетъ только его взаимоотношенія, зависимости и измѣненія. Это именно и дѣлаетъ историческій матеріализмъ, который говоритъ лишь о характерѣ зависимости между существующими историческими явленіями.

Онъ представляетъ собою эмпирическую теорію, имѣющую такое же методологическое значеніе для соціальныхъ наукъ, какое, напр., имѣетъ теорія Ламарка-Дарвина для біологіи, или теорія тяготѣнія для физики и астрономіи,—и подобно этимъ теоріямъ, онъ абстрагированъ только отъ спеціальной области изслѣдованія. О сущности бытія онъ говоритъ такъ же мало, какъ эти теоріи, какъ всякая эмпирически-научная теорія вообще.

2.—Различіе въ характерѣ монизма.

Обѣ теоріи считаются монистическими. Въ этомъ монизмъ часто усматриваютъ опорный пунктъ для выставляемаго утвержденія о существованіи между обѣими теоріями внутренней связи. Въ дѣйствительности, однако, монизмъ историческаго матеріализма рѣзко отличается отъ монизма натуръ-философскаго матеріализма, какъ и вообще отъ всякаго рода философскаго монизма. Именно: натуръ-философскій матеріализмъ утверждаетъ, что *два* различныхъ группы явленій, двѣ конкретности, представляютъ въ сущности нѣчто *единое*. Историческому же матеріализму вовсе нѣтъ никакого дѣла до утверждаемаго тождества физическаго и психическаго: онъ всегда беретъ только опытную наличность, и различное въ опытѣ оставляетъ различнымъ. Онъ становится именно на дуалистическую точку зрѣнія обычнаго опыта, такъ какъ ему нѣтъ дѣла до философскихъ опредѣленій, онъ говоритъ въ терминахъ опыта о «сознаніи» въ противоположность «бытію», онъ рассматриваетъ всякую идеологію, какъ самостоятельное, хотя исторически и зависимое, образованіе, и онъ хочетъ лишь—изъ единаго принципа объяснить развитіе различныхъ историческихъ явленій. Его монизмъ, поэтому, означаетъ лишь признаніе основной закономерности во всей области исторіи, разнородные элементы которой признаются различными, тогда какъ монизмъ натуръ-философскаго матеріализма признаетъ различныя въ опытѣ группы явленій тождественными.

3.—Различіе въ объектахъ.

Это—рѣшающій пунктъ вопроса. Предметомъ философскаго матеріализма является «матерія»:—психическое для него только свойство матеріи, въ основѣ своей тождественное съ матеріальнымъ движеніемъ. Предметомъ же нашей теоріи является человѣческое общество. Въ послѣднемъ мы различаемъ экономику, формы организаціи, каковы государство, семья и т. д., и, наконецъ, идеологию, каковы мораль, религія и т. д. Сущность общества въ экономическомъ, какъ и въ идеологическомъ отношеніяхъ заключается въ опредѣленной совмѣстной дѣятельности людей. Общество, слѣдовательно, конституируется изъ отношеній, въ которыя люди вступаютъ между собою посредствомъ волевыхъ дѣйствій. Въ эти отношенія люди вступаютъ въ своей цѣлокупности, «съ душой и тѣломъ»,—и дѣятельность ихъ въ такой же мѣрѣ «матеріальна», какъ и «духовна». И въ экономикѣ совершенно такъ же, какъ въ идеологіяхъ, такъ называемая «матеріальная» дѣятельность стоитъ подъ руководствомъ такъ называемой «духовной» дѣятельности. Но *отношеніе*, вѣдь, никомъ образомъ не является «матеріей» въ смыслѣ философскаго матеріализма, приравнивающаго матерію неодушевленному веществу. Вообще, трудно поставить «экономическую структуру», «матеріальный базисъ» историческаго матеріализма въ какое-либо отношеніе къ «матеріи» философскаго матеріализма, какъ бы ее ни понимать. И такъ же мало, какъ живыхъ, духовно дѣйствующихъ людей,—можно разсматривать, какъ «матерію», и тѣ различныя отношенія, въ которыхъ люди дѣйствуютъ, напр., систему крѣпостничества или наемнаго труда—эти «основные матеріальные» факты нашей теоріи. И это относится не только къ тому, что производитъ дѣйствіе, но и къ тому, что создается этимъ дѣйствіемъ. Средства производства, какъ машины и т. д., затѣмъ предметы потребленія—скорѣе являются продуктами человѣческаго «духа»; а, съ другой стороны, всѣ идеологическіе продукты, какъ статуя, храмы и т. п., слѣдуетъ, съ точки зрѣнія натуръ-философскаго матеріализма, разсматривать, какъ матерію. Такимъ образомъ ясно, что не существуетъ никакой общей мѣры, съ помощью которой было бы вообще возможно сравнивать объекты обѣихъ теорій. Совершенно ясно, что рѣчь идетъ тутъ о кореннымъ образомъ различныхъ объектахъ, способахъ разсмотрѣнія и задачахъ познанія.

Здѣсь уместно будетъ отмѣтить, что марксизмъ, какъ теорія, имѣетъ тенденцію по возможности элиминировать матеріальное, вещественное, и на его мѣсто поставить *процессы*. Такъ, «матеріальныя блага» являются для него лишь кристаллизированными продуктами человѣческой дѣятельности. Такъ, природа, эта основа человѣческаго производства, оцѣнивается имъ лишь въ процессы, который развивается между нею и человѣкомъ при добываніи послѣднимъ средствъ къ жизни. Такъ, основныя понятія производственныхъ отношеній и производительныхъ силъ всегда предполагаютъ человѣческія отношенія въ ихъ постоянныхъ проявленіяхъ и измѣненіяхъ. Разсмотрѣніе явленій въ процессы и черезъ процессы—діалектическое разсмотрѣніе—какъ разъ и составляетъ отличительную черту марксизма. А если мы кое-гдѣ въ марксистской теоріи наталкиваемся на «матеріальность», то этому не приходится удивляться въ нашемъ мірѣ, гдѣ матерія такъ распространена. Но отсюда еще никомъ образомъ не слѣдуетъ, что между марксизмомъ и теоріей натуръ-философскаго матеріализма существуетъ логическая или какая бы то ни была иная связь. Если бы изъ этого факта такая связь вытекала, то мы гораздо скорѣе должны были бы признать, что всякая другая наука, напримѣръ, буржуазная политическая экономія всѣхъ оттѣнковъ (которая, дѣйствительно, вѣритъ въ абсолютное всемогущество вещественныхъ богатствъ: она приписываетъ имъ скрытое свойство быть капиталомъ, создавать прибавочную стоимость), является продолженіемъ натуръ-философскаго матеріализма, но только не марксистская теорія, которая знаетъ только *цѣлаго* человѣка въ его дѣятельности въ общественномъ процессѣ, со воѣмъ его тѣлесными и духовными способностями, а не какую-то «матерію».

4.—Различіе въ характерѣ причинности.

Если, такимъ образомъ, объекты обѣихъ теорій различны, то даже при одинаковомъ характерѣ причинной зависимости элементовъ рѣчь могла бы идти только объ аналогіи. Но, какъ мнѣ кажется, и этого нѣтъ. Натуръ-философскій матеріализмъ признаетъ, что мозгъ, «матеріальное», создаетъ дѣятельность сознанія, которое само по себѣ лишено содержанія, получая его только отъ вѣшняго міра. Какъ можетъ мозгъ создавать сознаніе, явленіе совершенно иного порядка,—этого матеріалисты не объясняютъ, да

и не пытаются объяснить, въ виду невозможности разрѣшенія такой задачи. Если новѣйшіе матеріалисты признають матерію съ самаго начала одушевленной, то въ этомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о томъ, что матерія производитъ сознание. Всякая видимость аналогіи и поэтому также необходимость какого бы то ни было констатирования или изслѣдованія—отпадаютъ тогда сами собой.

Историческій же матеріализмъ утверждаетъ, что экономика, экономическая структура, опредѣляетъ общественную надстройку, слѣдовательно, также идеологію, составляющую историческое содержаніе сознания. При этомъ, какъ я уже выше отмѣтилъ, и въ сферѣ экономики и въ сферѣ идеологіи принимается за данное предполагаемая дѣятельность мозга,—психическое, какъ естественно-психологическій фактъ,—существованіе людей, одаренныхъ сознаниемъ и сознательно дѣйствующихъ. Поэтому, какъ ни велико различіе между экономикой и идеологіей, по своему матеріалу, какъ продукты человѣческой—духовной и физической—дѣятельности, онѣ тождественны. И поэтому тотъ способъ, какимъ экономика опредѣляетъ идеологію, не содержитъ въ себѣ ничего таинственнаго, никакого утвержденія, лежащаго по ту сторону нашего опыта, а представляетъ лишь эмпирический фактъ, который мы поняли и часто констатируемъ. Въдѣ вся экономика по самой сущности своей, представляетъ лишь опредѣленное отношеніе между людьми для удовлетворенія ихъ жизненныхъ потребностей. По своему объему она охватываетъ всю совокупность человѣческаго существованія, ибо она приводитъ человѣка въ непосредственное соприкосновеніе съ природой и опредѣляетъ возможные линіи его жизни и поведенія. По своему основному содержанію она придаетъ конкретную форму жизненному процессу находящихся въ соотвѣтствующемъ отношеніи индивидовъ. Поэтому посрединѣ всей экономики, какъ центральный, ощущаемый и сознаваемый данными индивидами и потому психическій, основной фактъ, стоитъ жизнь во всей полнотѣ стремленій, инстинктовъ и фактовъ сознания, въ которыхъ она себя ощущаетъ и сознаетъ. Но если экономика придаетъ форму жизненному процессу и опредѣляетъ возможные линіи его развитія, то легко понять, какимъ образомъ, на основѣ постоянно дѣйствующихъ жизненныхъ инстинктовъ, которые можно различно обозначать, какъ волю къ власти, самоутвержденіе и т. д., въ человѣкѣ формируется картина міра, адекватная возможнымъ линіямъ развитія его жизни, другими словами—какимъ образомъ къ конкрет-

ной формѣ жизненнаго процесса, обусловленной экономикой, примыкають идеологіи, которыя по сущности своей представляютъ лишь духовное излученіе этихъ конкретныхъ жизненныхъ возможностей. Такимъ образомъ, переходъ отъ экономики къ идеологіи осуществляется естественнымъ образомъ, въ виду психическаго содержанія экономическихъ отношеній.

Итакъ, мы видимъ, что и въ характерѣ причинности, принимаемой обѣими теоріями, нельзя открыть ничего общаго; впрочемъ, этого слѣдовало ожидать а priori, въ виду различія элементовъ этихъ теорій.

* *

Можно еще въ какомъ угодно направленіи прослѣдить мнимую связь между обѣими теоріями,—при болѣе внимательномъ анализѣ мы нигдѣ не сможемъ установить такой связи просто потому, что рѣчь идетъ о различныхъ способахъ и цѣляхъ познанія.

Возникаетъ вопросъ: какъ относились Марксъ и Энгельсъ къ разбираемой нами проблемѣ?

Насколько мнѣ извѣстно, ни Марксъ, ни Энгельсъ не высказались прямо по этому вопросу. Мы знаемъ, что они, особенно Марксъ, мало интересовались чисто-метафизическими вопросами, что они всегда требовали изученія дѣйствительности въ природѣ и исторіи. Никогда они не устанавливали какой-либо связи между своей теоріей и натуръ-философскимъ матеріализмомъ:—напротивъ, они часто устанавливали такую связь съ идеалистической нѣмецкой философійей. Энгельсъ приводилъ овою теорію только въ методологическую связь съ эмпирическимъ естествознаніемъ, но отнюдь не съ той или иной разновидностью натуръ-философіи и, слѣдовательно, также не съ натуръ-философскимъ матеріализмомъ: это видно изъ «Anti-Dühring'a» и особенно изъ его книжки о Фейербахѣ, въ которой онъ объявляетъ всякаго рода натуръ-философію излишней, такъ какъ результаты эмпирическаго естествознанія сами въ состояніи дать намъ ясную картину природы въ достаточно систематической формѣ. Того же требуетъ Энгельсъ и по отношенію къ исторіи.

Болѣе глубокое пониманіе сущности разбираемаго вопроса мы получаемъ, на мой взглядъ, только изъ «Святого семейства» въ которомъ Марксъ совершилъ свой переходъ отъ философіи къ историческому матеріализму. Въ цѣломъ рядѣ мѣстъ Марксъ говоритъ здѣсь объ экономическихъ категоріяхъ, какъ о предметномъ отчужденіи

(gegenständliche Entäusserung) человек, которое получило затѣмъ самостоятельное существованіе внѣ его и противостоятъ ему, какъ отчужденная потенція. Такого же рода отчужденной потенціей Марксъ считаетъ и историческія идеологіи, какъ напр. религію и политику, или формы организаціи, какъ государство. Такимъ образомъ Марксъ въ «Святомъ семействѣ» выступаетъ передъ нами какъ послѣдователь теоріи «отчужденія» (Entäusserungstheorie).

Теорія эта, ставшая въ рукахъ Маркса ключомъ къ очень важнымъ открытіямъ, принадлежитъ нѣмецкой философіи. Дѣйствительнымъ ея творцомъ является Кантъ. По ученію Канта, человекъ формируетъ картину міра, опредѣленнымъ образомъ прилагая къ внѣшнему чувственному матеріалу чистыя воззрѣнія пространства и времени и категоріи разсудка; поэтому во внѣшнемъ мірѣ мы находимъ въ обьективированномъ видѣ значительную часть нашего собственного существа.

«Разсудокъ—законодатель природы». По Фихте, уже самый внѣшній чувственный матеріаль «полагается» человекомъ. Весь міръ становится такимъ образомъ отчужденіемъ человека, его абстрактнаго родового разума.

Это воззрѣніе переходитъ въ тогдашнюю нѣмецкую философію и находитъ систематическое развитіе у Гегеля. Такъ, напр., въ «Святомъ семействѣ» Марксъ цитируетъ одинъ изъ важнѣйшихъ тезисовъ гегелевской феноменологіи: «Отчужденіе самосознанія полагаетъ вещьность (Dingheit). Въ этомъ отчужденіи оно полагаетъ себя, какъ предметъ, или предметъ, какъ себя самого». Фейербахъ отвергаетъ теорію отчужденія въ примѣненіи къ природѣ, но удерживаетъ ее въ примѣненіи къ исторіи. Кромѣ того, на мѣсто самосознанія онъ ставитъ дѣйствительнаго человека, обладающаго сознаниемъ, но все еще въ качествѣ родового существа. Этой теоріи Фейербахъ обязанъ основнымъ содержаніемъ своей философіи религіи. Религія является для него отчужденіемъ дѣйствительнаго человека: человекъ создалъ Бога, а не Богъ человека. Затѣмъ этой теоріей стали щеголять по всѣмъ направленіямъ «истинные социалисты», которые патетически жаловались на «отчужденія» и при этомъ не могли подняться надъ общими философскими мѣстами, за что ихъ собственные «отчужденія», и были такъ осмѣяны въ «Коммунистическомъ Манифестѣ».

Марксъ также перенималъ «теорію отчужденія», но онъ освободилъ ее отъ ея философскаго покрыва и воспользовался ею, какъ средствомъ для конкретнаго познанія. Отъ «Святого семейства»

черезъ «Нищету философіи» до «Капитала», повсюду встрѣчаемъ мы эту теорію, въ особенно же блестящей формѣ — въ знаменитой главѣ о фетишизмѣ товаровъ. Въ экономическихъ и во всѣхъ вещныхъ и идеологическихъ категоріяхъ общества Марксъ видитъ продукты человѣческой дѣятельности. Однако, у Маркса эти «отчужденія» человѣка не являются, какъ у «истинныхъ социалистовъ», обнаруженіями абстрактной человѣческой природы, а лишь проявленіями опредѣленныхъ людей при опредѣленныхъ мѣстныхъ и временныхъ, естественныхъ и историческихъ условіяхъ. Эти «отчужденія», слѣдовательно, выступаютъ во всей ихъ дѣйствительной реальности и конкретности, какъ дѣйствительныя экономическія, религіозныя и т. д. категоріи въ опредѣленную эпоху, у опредѣленнаго народа.

Если сама по себѣ «теорія отчужденія», разумѣется, не даетъ намъ еще историческаго матеріализма, то она все же даетъ намъ возможность познакомиться съ взглядомъ Маркса на сущность экономическихъ категорій, государства, права и идеологій. И этотъ взглядъ Маркса дѣлаетъ логически невозможной всякую попытку связать историческій матеріализмъ съ натуръ-философскимъ и, напротивъ, вскрываетъ передъ нами нѣкоторыя новыя нити, связывающія марксизмъ съ нѣмецкой классической философіей.

И вмѣстѣ съ этимъ разрѣшается еще одинъ вопросъ. Историческому матеріализму обыкновенно ставятъ въ упрекъ, что у него нѣтъ теоретико-познавательнаго базиса. Основной проблемой теоріи познанія является вопросъ объ отношеніи субъекта къ «чуждому» для него объекту. Отсюда возникаетъ цѣлый рядъ проблемъ:—какимъ путемъ намъ данъ объектъ, какъ приходимъ мы къ его познанію, что именно познаемъ мы въ немъ и т. д. Но если марксистская теорія разсматриваетъ всѣ явленія, входящія въ область социальныхъ наукъ, какъ «отчужденія» человѣка, какъ его продукты, то сама собою отпадаетъ вся теоретико-познавательная проблема, такъ какъ здѣсь «объектъ» — общественныя явленія — противостоятъ «субъекту», не какъ какое-то «чуждое существо», а какъ его собственный продуктъ, необходимымъ образомъ обнаруживающій въ своей сущности и структурѣ характеръ субъекта. Такимъ образомъ, историческій матеріализмъ уже съ самаго начала построенъ именно на теоретико-познавательномъ базисѣ. И единственный теоретико-познавательный вопросъ, который, быть можетъ, стоитъ еще передъ историческимъ матеріализмомъ, это—вопросъ методологическій: удовлетворяетъ ли онъ методологическимъ требованіямъ научной теоріи,

или, другими словами, какія условія нашего познанія сообщаютъ этой теоріи ея научную цѣнность, даютъ ей увѣренность въ правильности ея знанія?

II. — Почему мы считаемъ теорію историческаго матеріализма правильной?

Ахилль Лоріа выдвинулъ на конгрессѣ противъ Маркса и Энгельса то возраженіе, что они не представили никакихъ доказательствъ правильности тезисовъ историческаго матеріализма. На вопросъ объ основаціяхъ истинности ихъ аксіомы они, по словамъ Лоріа, ограничились отвѣтомъ: «Изучайте исторію,—тамъ вы найдете доказательство правильности нашего тезиса».

Лоріа ошибается. Марксъ и Энгельсъ доказали истинность своей теоріи и указали путь къ плодотворному пользованію ею не только тѣмъ, что сами на практикѣ примѣняли ее; они не разъ также теоретически обосновывали ее,—особенно Энгельсъ, какъ въ общихъ простыхъ положеніяхъ надгробнаго слова Марксу, такъ и въ своихъ сочиненіяхъ о Дюрингѣ и Фейербахѣ. Вѣрно лишь то, что Марксъ и Энгельсъ не написали объ историческомъ матеріализмѣ отдѣльной книги съ системой дедуктивно-логическихъ доказательствъ. Но какая необходимость была въ такой книгѣ? Развѣ она доказала бы то, что требовалось, съ большею силой, чѣмъ фактическое примѣненіе теоріи Марксомъ и Энгельсомъ, чѣмъ отдѣльныя ихъ положенія въ ея защиту? Я сильно въ этомъ сомнѣваюсь. Собственная попытка Лоріа восполнить въ своемъ рефератѣ упущенное Марксомъ и Энгельсомъ значительно уступаетъ по силѣ доказательности отдѣльнымъ положеніямъ Маркса-Энгельса. Впрочемъ, логическія дедукціи вообще не могутъ дать больше того, что уже содержится въ доказываемомъ ими положеніи,—и истинность такого, добытаго изученіемъ конкретнаго историческаго матеріала, обобщенія, какимъ является наша теорія, всегда въ конечномъ счетѣ можетъ быть доказана просто путемъ примѣненія ея къ исторіи и въ исторіи. Но если истинность содержанія всякой эмпирически-научной теоріи можетъ быть доказана просто на собственномъ ей опытномъ матеріалѣ, то все же остается еще открытымъ вопросъ, при какихъ познавательныхъ условіяхъ вообще возможно въ данной области познанія прійти къ истинѣ или къ правильной наукѣ. Если мы установили эти условія и нашли, что данная теорія имъ удовлетворяетъ, то мы вмѣстѣ съ тѣмъ поняли строеніе и элементы этой теоріи и соста-

вили себѣ сужденіе о томъ, возможно ли, и насколько возможно, съ помощью данной теоріи познать истину.

Такого рода методологическое изслѣдованіе можетъ, поэтому, во многихъ отношеніяхъ быть полезнымъ и для теоріи историческаго матеріализма.

Задача и сущность науки, всякой науки вообще, состоитъ въ томъ, чтобы показать становленіе (Werden) изслѣдуемыхъ ею явленій въ ихъ полномъ и непрерывномъ теченіи, т. е. въ ихъ связи и зависимости. Становленіе данной связи мы можемъ понять только съ точки зрѣнія обусловленности. Только при допущеніи, что старшее (Gewordene) стало такимъ, какъ оно есть, лишь при опредѣленныхъ условіяхъ и благодаря этимъ условіямъ, другими словами, только при допущеніи закона причинности,—возможно научное мышленіе. Изслѣдовать зависимость явленій, или примѣнить законъ причинности къ ряду явленій—понятія тождественныя ¹⁾). Коль скоро мы познали, что становленіе опредѣленнаго явленія обусловливается опредѣленной общей зависимостью, то тѣмъ самымъ мы познали типическій характеръ условій этого явленія, «законъ» его становленія. Тогда мы имѣемъ передъ собою опредѣленную закономерность его теченія, такъ что мы можемъ при опредѣленныхъ условіяхъ ожидать наступленія опредѣленнаго состоянія. Этимъ удовлетворяются предварительныя требованія науки. Но лишь тогда, когда мы познали, что опредѣленное явленіе обусловливается опредѣленною зависимостью такимъ образомъ, что, согласно нашему познанію, оно *необходимо должно было* стать такимъ, какъ оно есть,—лишь тогда мы считаемъ это явленіе объясненнымъ. Этотъ элементъ «необходимости» въ становленіи явленія составляетъ существенный признакъ строгой научности. Такой характеръ необходимости познаніе пріобрѣтаетъ лишь въ томъ случаѣ, когда наблюдаемое имъ теченіе явленій мы можемъ разложить на рядъ причинъ и слѣдствій, такъ что, путемъ установленія правильной логической послѣдовательности соответствующихъ элементовъ, слѣдствіе относится къ причинѣ, какъ выводъ къ своему основанію, ибо формальный характеръ необходимости присущъ только логической формѣ умозаключенія.

¹⁾ Я не могу подробнѣе останавливаться здѣсь на такихъ теоріяхъ, какъ теорія Маха и другихъ, которые полагаютъ, что можно вовсе элиминировать понятіе причины изъ естествознанія, или на такихъ, какъ теорія Штаммлера, который въ соціальныхъ наукахъ, вмѣсто понятія причины, считаетъ исключительно примѣнимымъ понятіе цѣли.

Итакъ, основной цѣлью научнаго изслѣдованія является установленіе полнаго причиннаго ряда, въ которомъ каждый членъ необходимо долженъ быть познанъ, какъ опредѣленный, «не могущій быть инымъ» и, слѣдовательно, необходимый результатъ обуславливающихъ его предыдущихъ членовъ, причемъ, однако, главный членъ ряда составляетъ для данной области познанія эмпирически установленную или доказанную предпосылку. Въ естественныхъ наукахъ, имѣющихъ дѣло съ измѣненіями вещества и энергіи, которыя допускаютъ количественное опредѣленіе, эти методологическія требованія могутъ быть во многихъ отношеніяхъ легко выполнены. Ибо количественное опредѣленіе — т. е. созданное нашимъ собственнымъ познавательнымъ аппаратомъ опредѣленіе величинъ—допускаетъ математическую обработку. Этому математическому опредѣленію связи явленій, получаемому съ помощью функціи основанія и вывода, естественныя науки главнымъ образомъ и обязаны своей точностью, которая такъ очаровываетъ нашъ интеллектъ. Иначе обстоитъ дѣло съ социальными науками. Ихъ предметомъ служатъ отношенія, осуществляемые черезъ психическое опосредствованіе. Даже въ области политической экономіи, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ требующей количественнаго опредѣленія категоріей цѣнности, возможность дѣйствительно научнаго познанія основана на психическомъ пониманіи отношеній между совмѣстно дѣйствующими факторами. Особенно же при объясненіи становленія чисто идеологическихъ содержаній, всякаго рода количественное опредѣленіе невозможно и даже—въ отношеніи къ цѣли познанія—излишне. Слѣдовательно, причинный рядъ социально-научныхъ явленій пришлось бы составить изъ отношеній, переходящихъ въ психическія явленія, и изъ чисто психическихъ явленій. Но, вѣдь, основное свойство психическаго состоитъ въ томъ, что содержаніе его постигается, непосредственно сознается нашимъ духомъ. Поэтому въ социальныхъ наукахъ намъ всегда должны быть понятны какъ содержаніе отдѣльныхъ членовъ социально-научнаго причиннаго ряда и весь этотъ рядъ въ цѣломъ, такъ и основаніе того, почему мы необходимымъ образомъ должны причинно связывать отдѣльные его члены.

Форма, въ которой осуществляется причинная связь между психическими явленіями, есть мотивація, т. е. внутреннее опредѣленіе нашего, проникнутаго волей къ жизни, духа данными внѣшними обстоятельствами. Если, такимъ образомъ, въ естественныхъ наукахъ причинный рядъ устанавливается на основаніи

внѣшней послѣдовательности элементовъ или на основаніи внѣшнимъ образомъ воспринимаемыхъ общихъ признаковъ, то въ социальныхъ наукахъ этотъ рядъ по необходимости долженъ быть выведенъ изъ мотиваціи и вызванныхъ ею волевыхъ актовъ. Но на основаніи знакомства съ нашей собственной психической жизнью мы знаемъ, что опредѣленная мотивація при опредѣленныхъ данныхъ обстоятельствахъ необходимымъ образомъ вызываетъ опредѣленное дѣйствіе, мы знаемъ, слѣдовательно, что связи волевого акта съ мотивомъ присущъ характеръ неизбѣжной послѣдовательности, характеръ необходимости. Поэтому и психическій причинный рядъ можетъ быть опредѣленъ съ точностью.

Итакъ, задачей социальныхъ наукъ является установленіе *полнаго* причиннаго ряда, въ которомъ, въ виду психическаго характера явленій, было бы *понятнымъ образомъ* познано, что явленія эти въ ихъ опредѣленной формѣ *необходимо должны были* стать такими, какими они стали. Но если бы предметомъ социальной науки было выясненіе мотивацій и дѣйствій отдѣльныхъ индивидовъ, какъ таковыхъ, то она, разумѣется, вообще не могла бы справиться съ своею задачей, и, слѣдовательно, социальная наука вообще не была бы возможна, хотя бы уже потому, что мы не всегда въ состояніи точно познать совокупность мотивовъ, опредѣляющихъ каждое дѣйствіе индивида. Въ дѣйствительности же, однако, предметомъ социальной науки, какъ уже было отмѣчено выше, являются *отношенія*, какъ, напр., экономическія, правовыя и т. д., или *идеологии*, какъ религія, искусство и т. д., въ которыхъ объективируются извѣстные *типическія* мотиваціи и волевые акты цѣлыхъ группъ, доступные познанію именно вслѣдствіе своего типическаго характера. Поэтому причинный рядъ этихъ объективированныхъ явленій необходимо установить такимъ образомъ, чтобы каждое изъ нихъ содержало въ себѣ съ достаточнымъ основаніемъ—слѣдовательно, съ необходимостью—мотивацію для слѣдующаго, примыкающаго къ нему явленія, которое въ свою очередь служило бы съ достаточнымъ основаніемъ мотиваціей для слѣдующаго, и т. д., пока такимъ образомъ не будетъ объяснено необходимое становленіе всей данной группы явленій.

Тутъ возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ причинный рядъ становится полнымъ, ибо, вѣдь, и по отношенію къ первому условію необходимо поставить вопросъ о его собственномъ основаніи? А вслѣдъ затѣмъ возникаетъ вопросъ и о характерѣ мотивацій, создающихъ историческія «объективаціи».

Теорія историческаго матеріализма вполне точно разрѣшаетъ эти методологическія трудности.

Исходнымъ пунктомъ этой теоріи служитъ понятіе и фактъ жизни во всей ея реальности, — слѣдовательно, также во всѣхъ ея психическихъ проявленіяхъ. Феноменъ жизни является для соціальной науки предпосылкой; изслѣдованіе психологическихъ причинъ этого феномена входитъ не въ ея задачу, а въ задачу біологіи и психологіи, откуда соціальная наука беретъ эту предпосылку, какъ извѣстный, всѣмъ понятный фактъ. Но человѣческая жизнь не проявляется въ обществѣ, какъ изолированная, голая, біо - психологическая жизнь, а, напротивъ, воздѣйствуя сама на себя на основѣ естественныхъ условій, она находитъ свою непосредственную конкретную форму въ тѣхъ экономическихъ отношеніяхъ, въ которыя вступаютъ между собою люди, носители жизни. Жизнь,—если разсматривать ее съ точки зрѣнія процесса,—означаетъ именно приспособленіе внутреннихъ состояній къ внѣшнимъ условіямъ. Этотъ процессъ приспособленія совершается въ области жизни во всѣхъ формахъ: — какъ въ біологической, напр. при дыханіи, ѣдѣ (какъ реакціи на чувство голода), при поддержаніи температуры тѣла и т. д., такъ и—на болѣе высокой ступени развитія—въ соответствующемъ психическомъ реагированіи на опредѣленное воздѣйствіе среды. Чтобы осуществить это приспособленіе, чтобы жить, люди вынуждены въ рамкахъ данныхъ естественныхъ условій преобразовывать природный матеріалъ, «вынуждены производить, а съ этой цѣлью—комбинировать свои силы, вступать въ опредѣленные отношенія другъ къ другу и, слѣдовательно, создавать производственные отношенія» ¹⁾. Производственные отношенія и всѣ иныя обусловленные ими экономическія отношенія обнимаютъ, поэтому, какъ опредѣленные отношенія между дѣйствующими людьми, такъ и опредѣленную сферу человѣческой дѣятельности, — слѣдовательно также ту часть природы, въ которой эта дѣятельность совершается,—и, наконецъ, необходимыя для этой дѣятельности и возникающія изъ нея вспомогательныя средства, какъ орудія и т. п. Приспособленіе «внутреннихъ состояній» этой, лишенной собственнаго содержанія, жизнеспособности къ внѣшнимъ условіямъ совершается при посредствѣ экономическихъ отношеній. Такое приспособленіе при посредствѣ экономики мы видимъ прежде всего въ изготовленіи пищи, въ равнаго рода приспособленіяхъ для поддержанія температуры тѣла,

¹⁾ Плехановъ, „Neue Zeit“, Jahrgang XXI, Heft 10.

даже при дыханіи (устройство жилища) и т. д.; во всѣхъ этихъ случаяхъ экономика становится между внутреннимъ состояніемъ и просто біологическимъ приспособленіемъ. На основѣ экономики, благодаря которой человѣкъ сталъ въ непосредственное отношеніе къ природѣ, онъ создаетъ себѣ свои воззрѣнія на природу и міръ въ цѣломъ, соотвѣтственно тому отношенію къ природѣ, въ какое его поставила экономика (ср. воззрѣнія на природу номада, земледѣльца, горожанина, затѣмъ людей, въ значительной мѣрѣ овладѣвшихъ силами природы, какъ напр. при развитой промышленности, и т. д.). Главную роль, однако, играетъ непосредственное отношеніе людей другъ къ другу въ экономическомъ процессѣ, которое, съ точки зрѣнія усиленія или ослабленія жизни, обусловливаетъ жизненные стремленія людей въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу, слѣдовательно, ихъ общественныя стремленія, а также конкретное содержаніе жизни и опредѣленныя жизненныя возможности людей (напр., отношеніе между господаномъ и рабомъ, — между феодаломъ и крѣпостнымъ, — между капиталистомъ и земельнымъ собственникомъ и т. д.). И въ этомъ непосредственномъ отношеніи человѣка къ человѣку совершается приспособленіе «внутреннихъ состояній» къ «внѣшнимъ условіямъ», ибо эти «внутреннія состоянія» получаютъ свое содержаніе и свое направленіе отъ характера даннаго непосредственнаго отношенія человѣка къ человѣку. Такимъ образомъ, «внутреннее» жизни или, — назовемъ его по самому главному его признаку не совсѣмъ точно «волей къ жизни», — био-психическая воля къ жизни получаетъ свое направленіе и свое содержаніе отъ тѣхъ условій, въ которыхъ люди добываютъ себѣ средства къ жизни, т. е. отъ экономическихъ условій. Если люди въ этихъ экономическихъ условіяхъ занимаютъ при добываніи средствъ къ жизни различное положеніе, то они образуютъ различные классы, соотвѣтственно одинаковымъ источникамъ жизни и именно вслѣдствіе этой одинаковости. Поэтому, вмѣстѣ съ одинаковостью источниковъ жизни и съ вытекающими отсюда возможностями, дано также типическое единое направленіе жизненной воли для членовъ даннаго класса.

Такимъ образомъ, экономическія условія образуютъ внѣшнюю структуру жизни общественнаго человѣка, они полны жизни, ибо въ нихъ выступаютъ люди; и такъ какъ различныя общественныя направленія и содержанія жизни находятъ себѣ единое и адекватное выраженіе въ различныхъ классахъ, которые даны вмѣстѣ съ различіемъ положенія, занимаемаго людьми въ этихъ условіяхъ, то классы оказываются носителями общей общественной жизни или,

выражаясь точнѣе, общихъ общественныхъ жизненныхъ интересовъ. Это фактическое единство, разлагаемое анализомъ на жизнь (экономическія условія, образующія внѣшнюю структуру жизни) и классы (какъ единые носители жизненныхъ направленій, проявляющихся въ экономическихъ отношеніяхъ), служить, съ точки зрѣнія историческаго матеріализма, исходнымъ пунктомъ соціально-научнаго причиннаго ряда. Форма, въ которой причинность проявляется въ этомъ ряду, есть мотивация. Каждая мотивация, какъ я уже выше указалъ, представляетъ собою внутреннее опредѣленіе проникнутаго жизнью духа внѣшней причиной въ направленіи утвержденія, сохраненія или повышенія жизни, короче говоря—въ соотвѣтствіи съ волей къ жизни. Мотивации эти переходятъ въ волевые акты и затѣмъ находятъ себѣ выраженіе въ объективированныхъ образованіяхъ исторіи, каковы правовыя и государственныя формы, мораль, религія и т. д. Такъ какъ вмѣстѣ съ классами, какъ носителями общихъ жизненныхъ интересовъ, дана для членовъ даннаго класса въ ихъ общественной дѣятельности типическая, единая нормировка воли къ жизни, то изъ понятія мотивации, при одинаковой комбинаціи внѣшнихъ условій, получается типическая, единая классовая мотивация. Вслѣдствіе этой общности мотиваций у членовъ одного и того же класса, всѣ общественныя образованія, которыя въ классовомъ обществѣ объективируются въ формѣ отношеній или идеологій, неизбѣжно основаны на классовыхъ мотиваціяхъ. Поэтому, при соціально-научномъ анализѣ, общественная дѣятельность и существованіе воли къ жизни проявляется въ конкретной формѣ, какъ опредѣленная въ своихъ основныхъ возможностяхъ и своемъ направленіи воля членовъ какого-либо класса, — какъ классовая воля. Но данный классъ является выраженіемъ данныхъ экономическихъ отношеній. Если, слѣдовательно, воли къ жизни получаетъ при посредствѣ классоваго отношенія свое содержаніе и свое направленіе отъ экономическихъ условій, и если она, въ свою очередь, опредѣляютъ содержаніе и направленіе каждой мотивации, то экономическая структура,—т. е. опредѣленнымъ образомъ оформленная совокупность экономическихъ отношеній, въ которыхъ, разумѣется, проявляютъ свое дѣйствіе и конкретныя жизненныя стремленія,—оказывается опредѣляющей силой для каждой общественной мотивации и поэтому также для объективированныхъ волевыхъ актовъ, вызванныхъ этими мотивациями — для общественной надстройки.

Но такъ какъ жизнь и воля къ жизни, какъ неразрывно связан-

ныя съ экономическими отношеніями, всегда предполагаются экономіей, какъ нѣчто данное, то обыкновенно не считаютъ нужнымъ особо подчеркивать этотъ моментъ, что вызываетъ безкончныя недоразумѣнія у тѣхъ, кто не понялъ нашей теоріи.

Итакъ, человѣческій процессъ жизни получаетъ свою основную общественную форму непосредственно въ экономіи, а отсюда, — принявъ уже опредѣленную форму, — онъ наполняетъ своимъ содержаніемъ всѣ общественныя организаціонныя формы и идеологіи. Такъ, напр., люди, жившіе въ буржуазныхъ производственныхъ отношеніяхъ, начиная съ шестнадцатаго вѣка, могли развивать свою жизнь и использовать свои жизненныя возможности только въ томъ случаѣ, когда эти производственныя отношенія не опутывались субъективными и объективными узами феодализма. Поэтому ихъ воля къ жизни получила въ экономической сферѣ стремленіе къ свободѣ, къ безпрепятственному развитію личности, и этимъ своимъ содержаніемъ она затѣмъ наполнила всѣ области общественной жизни, какъ идеологіи, государство, право и т. д.

Жизнь составляетъ основу для всѣхъ человѣческихъ феноменовъ, — и опредѣленные жизненныя проявленія, которыя служатъ къ утвержденію и сохраненію жизни, представляются намъ по отношенію къ жизненной основѣ, — въ силу нашего собственного опыта, — какъ ея необходимыя, въ ней содержащіяся слѣдствія, съ устраненіемъ которыхъ пришлось бы считать несуществующей и данную волю къ жизни, такъ какъ жизнь не могла бы утвердить себя. Общественные продукты опредѣленного жизненного процесса представляются намъ въ своемъ становленіи неизбѣжными, необходимыми. И въ установленномъ такимъ образомъ причинномъ рядѣ всякое слѣдствіе будетъ нами познано, какъ необходимо вытекающее изъ его причины. Но такъ какъ основной дѣйствующій моментъ — наполненное общественнымъ содержаніемъ стремленіе къ жизни — проявляется также во всѣхъ членахъ ряда, то, вслѣдствіе тождества этого основного момента въ обуславливающемъ и обуславливаемомъ, всегда можно установить и чисто-логическій рядъ, построенный на категоріи основанія и вывода, а это сообщаетъ уже характеръ формальной необходимости тому причинному ряду, который былъ построенъ на необходимой связи отдѣльныхъ членовъ по содержанію.

Если мы рассмотримъ этотъ рядъ членовъ: — 1) экономика опредѣляетъ направленіе и содержаніе жизни; 2) опредѣленная въ своемъ содержаніи и направленіи жизнь опредѣляетъ мотивации,

3) которые объективируются въ общественныхъ надстройкахъ,—то окажется, что то, что въ первомъ звенѣ было слѣдствіемъ, во второмъ звенѣ выступаетъ, какъ причина, такъ что, путемъ логической операціи, первый членъ перваго звена оказывается опредѣляющимъ моментомъ для втораго члена втораго звена; далѣе обнаруживается тождество основного психическаго момента въ причинѣ, какъ и въ слѣдствіи.

Этому ряду членовъ можно придать еще другое, болѣе узкое выраженіе: 1) экономика создаетъ классы, 2) классы (входящіе въ классъ люди) создаютъ надстройки—слѣдовательно, экономика опредѣляетъ надстройки. Во всѣхъ этихъ случаяхъ причинный рядъ самъ собою принимаетъ форму силлогизма, такъ что онъ развертывается по категоріи основанія и вывода, и отдѣльные члены причиннаго ряда служатъ предпосылками для послѣдняго члена, который вытекаетъ изъ нихъ, какъ неизбежное слѣдствіе, матеріальная истинность котораго устанавливается опытомъ ¹⁾. Такимъ образомъ, благодаря теоріи историческаго матеріализма, связь между членами соціально-научнаго причиннаго ряда получаетъ тотъ характеръ матеріальной и формальной необходимости, котораго стремится достигъ, но рѣдко достигаетъ, научное познаніе. Оказывается, что историческій матеріализмъ, который одинъ только даетъ намъ возможность установить полный и на всемъ своемъ протяженіи понятный намъ соціально-научный причинный рядъ, удовлетворяетъ всѣмъ методологическимъ требованіямъ науки, вообще, и соціальной науки, въ частности, что онъ, однимъ словомъ, выполняетъ всѣ условія, при которыхъ возможна соціальная наука. Въ этомъ лежитъ методологическое основаніе того, почему мы считаемъ правильной теорію историческаго матеріализма.

Теперь можно дать болѣе обоснованный отвѣтъ на поставленный мною во введеніи вопросъ относительно подчеркиванія Марксомъ и Энгельсомъ преимущественной важности практическаго примѣненія ихъ теоріи къ историческому матеріалу и ихъ пренебрежительнаго отношенія къ дедуктивному ея выведенію. Марксъ и Энгельсъ стремились дать теорію историческаго матеріализма позитивное обоснованіе; родовыя обозначенія, какъ «экономика» «юридическая надстройка» и т. д., выражаютъ у нихъ только конкретные фено-

¹⁾ Употребляемые нашей теоріей родовыя обозначенія, какъ „экономика“ и т. п., выражаютъ конкретныя явленія, относящіяся къ данному роду.

мены, и предметомъ ихъ теоріи является именно зависимость между этими конкретными феноменами. И въ то время, какъ чисто-формальное выведеніе теоріи, будетъ ли оно построено на логической дедукціи или нѣтъ, уже въ силу ея общей формы, даетъ поводъ къ разнаго рода пустымъ возраженіямъ, такъ какъ многіе не въ состояніи даже отыскать ея промежуточныхъ членовъ,—установленіе связи между конкретными явленіями въ духѣ нашей теоріи заставляетъ cadaго непосредственно признать ее. Такимъ образомъ практическое примѣненіе обезпечиваетъ нашей теоріи побѣду. Наконецъ, само по себѣ содержаніе теоріи историческаго матеріализма, при нсей ея внутренней истинности, не имѣло бы особаго значенія, если бы она вмѣстѣ съ тѣмъ не дѣлала возможной соціальную науку, если бы она не бросала яркій свѣтъ на конкретный ходъ общественнаго развитія, т. е. на *исторію*, и если бы она не создавала базисъ для плодотворной практической общественной дѣятельности по научнымъ принципамъ. Такимъ образомъ, неизмѣримо великое значеніе нашей теоріи заключается именно въ ея практическомъ примѣненіи,—и главнымъ образомъ на практикѣ она и должна оправдать себя. Какъ разъ одной изъ величайшихъ заслугъ Маркса является то, что свою необычайно богатую, но для разрѣшенія поставленныхъ имъ себѣ задачъ слишкомъ краткую, жизнь онъ посвятилъ не догматическимъ разсужденіямъ, а практическому примѣненію выставленной имъ теоріи, чтобы такимъ образомъ на практикѣ доказать ея пригодность въ качествѣ научнаго орудія, въ качествѣ «руководящей нити при изученіи исторіи» ¹⁾. Только примѣняя эту теорію на практикѣ, мы приходимъ къ правильному ея пониманію и постигаемъ все ея значеніе.

Если, однако, въ результатъ методологическаго изслѣдованія, хотя бы такого неполнаго, какъ представленное мною, мы приходимъ къ выводу, что историческій матеріализмъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ научной методологіи, то это можетъ все же служить новымъ доказательствомъ его истинности. Ибо, если нельзя считать теорію правильной на томъ только основаніи, что она удовлетворяетъ методологическимъ требованіямъ, то зато, обратно, каждая правильная теорія непременно должна быть безупречна и въ методологическомъ отношеніи.

Напротивъ, теоріи, прямо ложныя въ методологическомъ отношеніи, а priori не могутъ притязать на какое бы то ни было науч-

¹⁾ „Предисловіе къ „Zur Kritik“.

ное значеніе. Это относится, напримѣръ, къ теоріи расъ и къ теоріи идей. Начнемъ съ первой. Не говоря уже о томъ, что понятіе расы до сихъ поръ лишено всякой научной опредѣленности, расовая теорія не въ состояніи сколько нибудь понятнымъ и яснымъ образомъ показать, какъ и почему извѣстные біологическіе факты обуславливаютъ, какъ она утверждаетъ, опредѣленные духовныя свойства. Если это остается непонятнымъ при всякой попыткѣ опредѣлить постоянныя признаки расы, то еще болѣе непостижимо то, какимъ образомъ и изъ какихъ расовыхъ глубинъ у одной и той же расы въ ходѣ исторіи выступаютъ наружу различныя, часто прямо противоположныя содержанія исторической жизни. Нотрудно видѣть, что эта теорія, принимая опредѣленное условіе за главное, не въ состояніи сдѣлать отъ этого условія ни одного шага въ объясненіи соціально-научнаго ряда, не въ состояніи сколько нибудь понятнымъ образомъ объяснить связь между членами этого причиннаго ряда.

Иначе, хотя и не лучше, обстоитъ дѣло съ другой теоріей, согласно которой идеи являются иниціативно-опредѣляющей силой исторіи. Несмотря на то, что идеи (идеологія) возникаютъ исключительно въ исторіи и здѣсь же исчезаютъ, что онѣ, слѣдовательно, представляютъ собою по преимуществу соціально-научныя явленія,—сторонники теоріи идей не хотятъ подводить становленіе этихъ соціально-научныхъ явленій подъ *соціально - научное* объясненіе, не хотятъ включать ихъ въ соціально-научный причинный рядъ и принимаютъ за предпосылку нѣчто такое, что безусловно нуждается въ соціально-научномъ объясненіи въ смыслѣ самой возможности возникновенія, такъ какъ рѣчь вѣдь идетъ о явленіяхъ, имѣющихъ спеціально историческое значеніе.

Если сказать, что идеи возникаютъ изъ другихъ, предыдущихъ идей, то такой отвѣтъ можетъ относиться только къ тѣмъ идеямъ, которыя движутся въ рамкахъ и въ направленіи предыдущихъ идей. Но какъ объяснить возникновеніе новыхъ рядовъ идей, новыхъ идеологій, прямо противоположныхъ прежде господствовавшимъ? На это послѣдователи разбираемой теоріи отвѣчаютъ: «Люди творятъ идеи изъ собственного разума». По существу эту теорію подвергъ уничтожающей критикѣ въ свое время Каутскій. Поэтому я могу ограничиться лишь слѣдующимъ замѣчаніемъ: этотъ отвѣтъ въ методологическомъ отношеніи означаетъ лишь то, что возникновеніе новыхъ идей и вмѣстѣ съ тѣмъ, — въ виду предполагаемой силы идей,—новаго хода общественнаго развитія зависитъ не отъ

историческихъ, а отъ неизвѣстныхъ индивидуально-біологическихъ элементовъ; а это означаетъ отрицаніе возможности собственной эволюціи общественныхъ явленій и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаніе возможности соціальной науки вообще, такъ какъ не исключена, вѣдь, возможность того, что какимъ либо одареннымъ людямъ прійдетъ въ голову нѣсколько новыхъ идей, и исторія тотчасъ приметъ другое направленіе.

Уже по этимъ, чисто методологическимъ, основаніямъ можно избавить себя отъ труда сравнить въ отношеніи научной цѣнности теорію историческаго матеріализма съ только что упомянутыми теоріями. Интересно, пожалуй, отмѣтить тотъ историческій курьезъ, что теорія, удовлетворяющая всѣмъ точнымъ требованіямъ научной методологіи, имѣетъ своими послѣдователями главнымъ образомъ пролетаріевъ, тогда какъ профессора университетовъ исповѣдуютъ теоріи, не только глубоко ошибочныя, но и явно издѣвающіяся надъ всѣми методологическими основоположеніями. Доказательствомъ тому можетъ служить и парижскій соціологическій конгрессъ.

III.—Къ опредѣленію нѣкоторыхъ основныхъ понятій теоріи историческаго матеріализма.

Теперь мы хотимъ объяснитьсь съ нашимъ другомъ Келлесь-Краузомъ. Объясненіе это, въ виду богатаго и глубокаго содержанія разсужденій Крауза, будетъ гораздо плодотворнѣе, чѣмъ всѣ тѣ формальныя и методологическія разъясненія, необходимость которыхъ, къ сожалѣнію, вызывается научной близорукостью и непониманіемъ.

Прежде всего—къ вопросу о терминологіи. Это, конечно, еще не такая бѣда, но все же не лишено значенія. Ложная терминологія съ давнихъ поръ служить источникомъ недоразумѣній во всѣхъ наукахъ: стоитъ только придать словамъ и понятіямъ автора нѣсколько иной смыслъ, чтобы прійти къ самымъ произвольнымъ выводамъ. Поэтому безъ особой нужды не слѣдуетъ создавать новой терминологіи. Недаромъ вѣдь Краузъ жалуется по этому поводу на Маркса! Къ сожалѣнію, онъ самъ грѣшитъ противъ этого правила. Пластическій, наглядный образъ «базиса и надстройки» онъ превращаетъ въ абстрактно-логическое отношеніе «содержанія и формы». Недопустимость такой замѣны прямо бро-

сается въ глаза. Понятія: «форма» и «содержаніе» представляютъ собою чисто мысленную связь опредѣленнаго рода по отношенію къ *одному и тому же* явленію. Этихъ абстрактныхъ соотносительныхъ понятій нельзя примѣнять раздѣльно къ опредѣленію взаимныхъ отношеній *различныхъ* реальныхъ явленій, такъ какъ невозможно представить себѣ «форму» безъ «содержанія» или «содержаніе» безъ «формы». Крауцъ самъ признаетъ за идеологіями относителъную независимость и способность оказывать обратное воздѣйствіе на базисъ. Каждая идеологія существуетъ сама по себѣ и, слѣдовательно, имѣетъ свою собственную форму и свое собственное содержаніе. Какъ же можетъ въ такомъ случаѣ какая либо идеологія, напр., религія, представлять собою только форму, т. е. опять-таки ничто безъ содержанія? Далѣе, «форму» — для чего? Для искусства и науки, образующихъ въ такомъ случаѣ ея содержаніе, или «форму» для содержанія: «хозяйство»? Такихъ вопросовъ можно поставить еще много. Вотъ бы было раздолье для усердныхъ критиковъ нашей теоріи! Въ интересахъ ясности и правильного, не условнаго употребленія терминовъ, терминологія Крауца должна быть отвергнута.

По Марксу, основнымъ двигателемъ и главнымъ опредѣляющимъ факторомъ историческаго развитія являются производительныя силы, ихъ ходъ и ихъ развитіе. Поэтому всякое законченное изложеніе теоріи историческаго матеріализма необходимо должно точнѣе опредѣлить этотъ факторъ и показать, какъ онъ дѣйствуетъ. Безъ надлежащаго анализа этого фактора невозможно правильное пониманіе историческаго матеріализма. Вѣдь этотъ факторъ создаетъ способы производства, онъ преобразовываетъ ихъ и выстѣпъ съ ними также всю надстройку, — словомъ, онъ составляетъ *primus agens* исторіи.

Многіе критики Маркса, въ томъ числѣ, напр., и Штаммлеръ, задаютъ вопросъ, что же собственно такое эти производительныя силы, какъ ихъ слѣдуетъ опредѣлить; многіе прямо упрекаютъ марксизмъ въ томъ, что онъ придалъ этому фактору какой то мифологическій характеръ. Посмотримъ же, какую позицію занялъ Крауцъ по отношенію къ этому основному вопросу.

Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Способы производства слѣдуютъ одинъ за другимъ соотвѣтственно развитію соціальной системы орудій, которая, подъ вліяніемъ непрекращающагося стремленія къ болѣе высокой производительности, все больше разрастается и усложняется».

Итакъ, способъ производства зависитъ отъ техники, а эта послѣдняя отъ «стремленія къ производительности». До этого пункта можно согласиться съ такимъ опредѣленіемъ.

Если мы, однако, спросимъ, въ чемъ, въ какихъ элементахъ, заключается это «стремленіе къ производительности», этотъ историческій Демиургъ, откуда онъ берется, гдѣ его источникъ,—то на это Краузъ отвѣчаетъ намъ ниже при разборѣ другого вопроса: «Мы имѣемъ здѣсь дѣло (еще) съ (другимъ) основнымъ свойствомъ человѣческой природы, которое выражается въ постоянномъ стремленіи достигать наибольшаго результата при наименьшемъ напряженіи силъ. И мы видимъ, какъ *подъ вліяніемъ этого свойства*, *подъ вліяніемъ этого стремленія* ко все болѣе интенсивной производительности труда, орудія производства постоянно совершенствуются».

Вотъ оно въ чемъ дѣло! Стремленіе къ производительности, которое создаетъ технику, а черезъ нее и способы производства, оказывается «основнымъ свойствомъ человѣческой природы». Изъ человѣческой природы, слѣдовательно, проистекаетъ всякое историческое измѣненіе, все многообразное содержаніе исторіи.

По этому поводу необходимо замѣтить слѣдующее: совершенно вѣрно, что человѣкъ и, вѣроятно, также животное и каждый вообще біологическій организмъ, обладаютъ стремленіемъ къ достиженію жизненныхъ результатовъ съ наименьшей тратой силъ; далѣе вѣрно и то, что это свойство, въ качествѣ постоянного факта, необходимо оказываетъ свое дѣйствіе и при развитіи производительныхъ силъ. Вѣдь ясно само собой, что всѣ историческіе процессы совершаются при посредствѣ человѣческой дѣятельности, использующей всѣ цѣлесообразныя, присущія человѣку свойства и способности. Но этотъ постоянный факторъ дѣятельности не въ состояніи объяснить намъ измѣнчивой картины историческаго становленія. Недостатокъ мѣста заставляетъ меня отказаться отъ болѣе подробныхъ доказательствъ того, что Краузовское «основное свойство человѣческой природы»—стремленіе индивидуальнаго человѣка къ усовершенствованію орудій—не можетъ съ достаточнымъ основаніемъ и въ единой концепціи объяснить намъ историческаго становленія. И такъ какъ я полагаю, что марксово опредѣленіе этого основнаго фактора, вопреки мнѣнію Крауза, еще «соотвѣтствуетъ современному состоянію нашей доктрины», то я хочу попытаться противопоставить его — психологическому опредѣленію Крауза.

Опредѣленіе это, разумѣется, не можетъ быть дано чисто логи-

ческой дефиниціей. Вещи въ ихъ неподвижности ничего не создаютъ,—самое большее, что онѣ могутъ дать, это—дефиницію для ориентировавшаго мышленія. Но Марксъ разсматриваетъ всѣ вещи въ ихъ дѣйствіи, въ ихъ процессѣ, онъ разсматриваетъ ихъ генетически или, какъ онъ къ великому огорченію многихъ выражается вмѣстѣ съ Гегелемъ,—діалектически.

По Марксу, человѣку присуща производительная сила, или проще говоря, способность производить. Но эта производительная сила проявляетъ свою дѣятельность, въ зависимости отъ естественной среды, въ примѣненіи орудій производства въ рамкахъ опредѣленныхъ общественныхъ отношеній—производственныхъ отношеній, совокупность которыхъ образуетъ общественный процессъ труда, или иначе говоря, способъ производства. Поэтому человѣческая производительная сила имѣетъ по природѣ своей общественный характеръ. Условия ея существованія и дѣйствія опредѣляются независимо отъ человѣческой воли особыми условиями конкретно-опредѣленнаго процесса труда; напр., тотъ фактъ, что человѣческая производительная сила проявляетъ себя въ формѣ рабскаго, крѣпостного или наемнаго труда, степень ея производительности, результаты всего построеннаго на этомъ базисѣ процесса труда,—все это не зависитъ отъ воли производителя. Съ точки зрѣнія статической—слѣдовательно, для дефиниціи—можно сказать, что общественныя производительныя силы суть всѣ тѣ производительныя силы, которыя имѣются на-лицо при опредѣленномъ способѣ производства и обладаютъ опредѣленною общественно-технической степенью производительности. Но эти производительныя силы, какъ это вытекаетъ уже изъ самаго ихъ понятія, находятся въ постоянной дѣятельности. Въ этой своей дѣятельности онѣ производятъ опредѣленные экономически-общественные процессы, которымъ,—такъ какъ они вытекаютъ изъ *опредѣленно* данныхъ условий способа производства—, присущъ характеръ имманентности, и которые поэтому можно назвать «тенденціями» или «законами». Процессы эти могутъ оказывать на данный способъ производства, изъ котораго они возникли, консервирующее или революціонизирующее вліяніе. Марксъ указываетъ, напр., на консервативный характеръ индійской общины, обусловленный состояніемъ производительныхъ силъ. Напротивъ, въ способахъ производства съ частной собственностью на средства производства, въ виду основного противорѣчія между *общественнымъ процессомъ труда* и *частной собственностью* и возникающаго отсюда постоянного нарушенія общественно-

экономическаго равновѣсія, всегда неизбѣжно проявляются революціонизирующія тенденціи. Нарушеніе этого равновѣсія постоянно ведетъ къ повышенію на одной сторонѣ производительности, къ возможности больше производить или присваивать себѣ.

Если въ какомъ-нибудь пунктѣ дано повышеніе производительности, то повышеніе это, благодаря имманентному характеру процесса, будетъ становиться все сильнѣе и непреодолимѣе, такъ какъ оно вытекаетъ изъ основъ неустраимаго способа производства.

Вслѣдствіе этого, новыя—вызывающія повышеніе производительности—производительныя силы и созданныя ими въ ходѣ ихъ развитія и въ цѣляхъ ускоренія этого развитія порядки и учрежденія приобрѣтаютъ все больше значенія и силы, тогда какъ порядки и учрежденія стараго способа производства все больше теряютъ свое значеніе. Наконецъ наступаетъ моментъ, когда эти послѣдніе, какъ «излишніе» и «вредные», исчезаютъ или отмѣняются, а порядки, созданныя развитіемъ новыхъ производительныхъ силъ, начинаютъ казаться нормальными и общественно-необходимыми, и, слѣдовательно, новый способъ производства становится господствующимъ.

Таковъ ходъ общественнаго развитія.

Какое же мѣсто занимаетъ въ этой схемѣ *техника*?

«Побѣдоносныя» производительныя силы, которыя толкаютъ къ повышенію производительности, оказываютъ благодаря своему возрастающему значенію для удовлетворенія общественныхъ потребностей, все болѣе могучее вліяніе на классъ, являющійся ихъ представителемъ, и на членовъ общества вообще, такъ какъ все стороны общественной жизни все больше развиваются въ ихъ направленіи. Поэтому вполне естественно, что производительныя силы прежде всего создаютъ и развиваютъ соответствующую имъ технику, какъ самый могущественный рычагъ ихъ собственнаго дальнѣйшаго развитія, что онѣ, слѣдовательно, въ индивидуальномъ сознаніи выражаются прежде всего въ тенденціи *усовершенствовать орудія*. Въ этой связи между производительными силами и человѣческой душой и слѣдуетъ искать дѣйствительный источникъ краузовскаго «стремленія». Итакъ, по Марксу, не какое-то основное свойство человѣческой природы, а созданныя опредѣленными объективными производительными силами экономическія условія всегда создаютъ адекватную себѣ технику. Техника, которая служитъ самымъ сильнымъ выраженіемъ создавшихъ ее производительныхъ силъ, становится могущественнѣйшимъ причиннымъ моментомъ при созданіи

адекватнаго имъ способа производства. А на основаніи новаго способа производства развиваются новыя производительныя силы, которыя въ своемъ поступательномъ движеніи снова создаютъ адекватную имъ технику.

Какую незначительную роль играетъ здѣсь устанавливаемое Краузомъ основное стремленіе человѣка къ усовершенствованію орудій, мы видимъ изъ того, что подъ влияніемъ объективныхъ производительныхъ силъ это мнимое основное свойство человѣческой природы нерѣдко совершенно исчезаетъ у цѣлыхъ общественныхъ слоевъ, какъ мы это можемъ, напр., наблюдать въ современномъ мелко́мъ ремеслѣ или въ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, гдѣ орудія производства съ проникновеніемъ капитализма ухудшаются.

Если мы далѣе спросимъ,—какъ это, напри́мѣръ, дѣлаетъ профессоръ Штаммлеръ,—каковы тѣ опредѣленные, имманентные способу производства процессы, которые опредѣляютъ его развитіе въ сторону повышенія производительности, то мы должны будемъ указать на конкретное изслѣдованіе конкретныхъ процессовъ исторически-данныхъ способовъ производства. Изъ различной конфигураціи дѣйствительныхъ историко-экономическихъ условій мы получаемъ въ конкретной формѣ различные процессы и различные ихъ дѣйствія. Поэтому эти процессы необходимо изслѣдовать въ дѣйствительной человѣческой исторіи въ ихъ различной формѣ и проявленіяхъ. И въ силу этого конкретного характера процессовъ, устанавливаемыхъ путемъ дѣйствительнаго анализа каждаго отдѣльнаго исторически-даннаго способа производства, другими словами—въ силу конкретного характера развитія производительныхъ силъ, этотъ факторъ мыслится именно строго научно, позитивно, а не миеологически, какъ метафизическая сущность.

Такимъ образомъ ясно, что въ своемъ теоретическомъ обоснованіи Краузъ неправильно опредѣлилъ этотъ главный факторъ исторіи, этотъ основной пунктъ теоріи, подмѣнивъ его другимъ психологическимъ понятіемъ.

Далѣе, у Крауза недостаточно выяснено понятіе способа производства. То пониманіе, котораго онъ, повидимому, придерживается, представляется мнѣ ошибочнымъ. Совершенно правильно его утвержденіе, что способъ производства обусловливается развитіемъ орудій производства и естественной средой, но онъ не даетъ намъ яснаго опредѣленія того, что собственно представляетъ собой способъ производства. Въ качествѣ примѣровъ различныхъ способовъ производства онъ приводитъ охоту, скотоводство, рыбную ловлю,

земледѣліе, «нашу современную крупно-машинную промышленность». Но это, вѣдь, опособы производства лишь въ смыслѣ толковаго словаря, а не въ смыслѣ марксистской терминологіи. Для марксовой концепціи исторіи всѣ перечисленные виды производства являются только техническими основами способа производства. Способъ производства, обусловленный указанными Краузомъ моментами, устанавливается лишь наличностью опредѣленныхъ общественныхъ производственныхъ отношеній между людьми. Такъ, на основѣ земледѣлія мы имѣемъ аграрно-коммунистическій, античный и феодальный способы производства. Только «совокупность производственныхъ отношеній» образуетъ способъ производства. Въ эту «совокупность» прежде всего входятъ экономически-общественныя отношенія людей, какъ они разворачиваются на основѣ опредѣленнаго развитія производительныхъ силъ.

Для опредѣленія послѣдовательности въ развитіи идеологій Краузъ устанавливаетъ слѣдующій трехчленный рядъ: 1) Хозяйство, 2) Мораль и право, 3) Наука, искусство, религія и философія. Каждый изъ этихъ этажей служить базисомъ для слѣдующаго за нимъ, и социальное приспособленіе «формы» къ «содержанію» начинается съ базиса и постепенно проходитъ черезъ всѣ этажи до самаго верхняго. Такъ устанавливается «степень отдаленности отъ базиса» и вмѣстѣ съ тѣмъ закономерность въ развитіи надстроекъ. Но совершенно неожиданно Краузъ разрушаетъ всю свою конструкцію, всю ея «закономѣрность». Онъ заявляетъ, что «порядокъ, въ которомъ различныя категоріи отложились слой за слоемъ въ послѣдовательной зависимости другъ отъ друга, можетъ при извѣстныхъ условіяхъ быть прямо противоположнымъ». Далѣе онъ говоритъ, что различные члены ряда могутъ также переплетаться, что иногда социальное приспособленіе «формы» къ «содержанію» можетъ перескочить черезъ тотъ или иной этажъ.

Невольно является вопросъ: существуетъ ли закономерность въ послѣдовательности развитія идеологій, или нѣтъ? Откуда берется этотъ неожиданный поворотъ въ закономерности? Объ этомъ мы у Крауза не находимъ ни единого слова. Онъ категорически устанавливаетъ «закономѣрность», онъ самъ же ее уничтожаетъ — и при этомъ оставляетъ насъ въ полной неизвѣстности о своихъ мотивахъ въ томъ и другомъ случаѣ.

Такого рода «закономѣрности», вообще, не могутъ быть доказаны дедуктивнымъ путемъ, а должны быть абстрагированы изъ дѣйствительной исторіи путемъ примѣненія опредѣленныхъ эвристи-

ческихъ принциповъ. Хотя фактическій матеріалъ въ *этомъ* направлении въ деталяхъ своихъ еще недостаточно изслѣдованъ, все же на основаніи извѣстнаго историческаго опыта можно утверждать, что порядокъ измѣненія надстроекъ опредѣляется историческимъ положеніемъ борющихся классовъ. Если какой-либо классъ уже достигъ власти и соответственно условіямъ своего существованія преобразуетъ общественную жизнь, и если при этомъ тѣ классы, надъ которыми онъ господствуетъ, еще слабы,—тогда порядокъ развитія, установленный Краузомъ, въ общемъ правиленъ, но лишь—«до извѣстной степени». Въ различные историческіе періоды мы находимъ различное наслаиваніе идеологій.

Но въ совершенно иномъ порядкѣ происходитъ обыкновенно развитіе идеологій въ тѣ историческія эпохи, которыя наполнены энергичной борьбой класса, еще только стремящагося къ господству,—въ эпохи великой, сознательной классовой борьбы. Міровоззрѣніе адекватное условіямъ жизни и развитія борющагося за власть класса, проникаетъ во всѣ идеологическія области, но вопросъ о, томъ, какая идеологія займетъ въ борьбѣ руководящее мѣсто, всегда рѣшается относительной ролью прежде господствовавшихъ идеологій и конкретными условіями исторической ситуаціи. Въ такія эпохи развитіе болѣе высокихъ идеологій какъ разъ предшествуетъ коренному преобразованію правового строя.

Поэтому-то Краузу пришлось допустить, что члены его «ряда» могутъ между собой переплетаться, что порядокъ ихъ можетъ быть прямо противоположнымъ, но онъ при этомъ не указалъ ни одного момента, который объяснилъ бы этотъ замѣчательный капризъ исторіи, отмѣняющій его «законъ». Я же полагаю, что вообще не существуетъ твердо установленной, строгой, одинаковой для всѣхъ временъ и народовъ закономѣрности въ порядкѣ развитія идеологій, какъ того хочетъ Краузь, что, вообще, не существуетъ, употребляя выраженіе Маркса, такого «сверхъ-историческаго» закона, которому исторія была бы подчинена.

По вопросу о происхожденіи социалистическаго идеала и генетическомъ фундаментѣ коммунизма Краузь развиваетъ явно ошибочные взгляды. Ему кажется непонятнымъ, «какъ могли чувства справедливости и самопожертвованія возникнуть въ такомъ обществѣ, гдѣ все, на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ, противорѣчило этимъ чувствамъ», и, слѣдовательно,—какъ можетъ справедливый идеалъ коммунистическаго общества быть продуктомъ капиталистическаго строя. Возникновеніе революціоннаго идеала, *предшествующаго*

экономическому развитію, Краузь считаетъ фактомъ, и въ объясненіи его онъ видитъ основную проблему социализма.

Первый вопросъ о возникновеніи справедливости и т. п. въ капиталистическомъ обществѣ есть просто вопросъ о генеалогіи морали въ классовомъ обществѣ. Намъ завело бы это слишкомъ далеко, если бы мы захотѣли отвѣтить здѣсь на этотъ вопросъ. Я хочу лишь обратить вниманіе Крауза на то, что какъ разъ общество, построенное на частной собственности, нуждается для своего существованія и правильнаго функціонированія въ такого рода духовныхъ скрѣпахъ именно вслѣдствіе антагонизмовъ, вытекающихъ изъ его экономической основы; что оно въ этихъ цѣляхъ используетъ общественные инстинкты, существующіе въ каждомъ обществѣ; наконецъ, что Краузь въ своей статьѣ самъ обосновалъ необходимость существованія морали и отмѣтилъ процессъ безсознательнаго подчиненія мыслей и чувствъ людей опредѣленнымъ общественнымъ влияніямъ. Но весь этотъ вопросъ, которымъ Краузь пользуется, какъ предиссылкой для дальнѣйшаго вопроса о возникновеніи социализма, въ сущности праздный. Ибо всѣ эти чувства справедливости и т. д. существовали уже цѣлыя тысячелѣтія, когда о социализмъ еще вообще не могло быть рѣчи.

Итакъ, какъ возникъ социалистическій идеалъ въ капиталистическомъ обществѣ?

Идеалъ этотъ представляется намъ субъективнымъ отраженіемъ въ сознаніи и волѣ людей тѣхъ тенденцій къ обобществленію условій производства и жизни, которыя, вытекая изъ общественнаго строя, основаннаго на свободной конкуренціи, вступаютъ съ этимъ строемъ въ конфликтъ. Если мы уяснили себѣ, какимъ образомъ въ нѣдрахъ общества, основаннаго на частной собственности, на экономической независимости индивидуума и на свободной конкуренціи, вырастаютъ и неизбежно все въ большей мѣрѣ должны вырастать—обобществленіе производства, коллективистская организація хозяйственныхъ единицъ, тенденція къ устраненію свободной конкуренціи,—то намъ также ясно, какимъ образомъ этотъ процессъ со всѣми его субъективными отраженіями въ человѣкѣ необходимо долженъ былъ создать социалистическій идеалъ. «Каждая эпоха ставитъ себѣ тѣ задачи, которыя она въ состояніи разрѣшить». Социалистическій идеалъ въ настоящее время является законченнымъ, чистымъ образомъ синтеза всѣхъ общественныхъ,—отчасти уже сильно развитыхъ,—объективныхъ и субъективныхъ силъ и тенденцій, которыя уже въ настоящее время стремятся къ

этому синтетическому пункту. Онъ, слѣдовательно, является субъективнымъ коррелятомъ совершающагося экономического развитія.

Въ качествѣ революціоннаго идеала, т. е. въ качествѣ реальной цѣли класса, выражающаго интересы развитія производительныхъ силъ, социализмъ *не предшествуетъ*, какъ думаетъ Краузь, соотвѣтствующему экономическому развитію, т. е. возникновенію современнаго пролетаріата. Онъ появляется *въ процессъ и въ ходъ* развитія.

Послѣ соотвѣтствующаго развитія онъ не могъ появиться потому, что характерная особенность человѣка въ томъ и заключается, что *передъ* выполненіемъ дѣла онъ ставитъ себѣ соотвѣтствующія цѣли и задачи. Какимъ образомъ это возможно—это вопросъ психологій, а не исторіи, которая беретъ человѣка изъ психологій, какъ планомерно дѣйствующее, умозаключающее существо.

Краузь, безъ сомнѣнія, не поставилъ бы себѣ всѣхъ этихъ вопросовъ, если бы его не завелъ на этотъ ложный путь законъ революціонной ретроспекціи, который онъ первый ясно формулировалъ. Я не считаю этотъ законъ самъ по себѣ неправильнымъ. Но мнѣ кажется ошибочнымъ его примѣненіе къ отысканію источника современнаго социализма. Краузь полагаетъ, что первобытный коммунизмъ всегда жилъ, какъ идеалъ, въ воспоминаніяхъ людей, въ ихъ тоскѣ, и что теперь онъ будто бы воскресъ подъ влияніемъ соотвѣтствующей обстановки. Если, такимъ образомъ, Краузь принимаетъ эти воспоминанія о первобытномъ коммунизмѣ за фактъ сознанія, то можно съ полной увѣренностью сказать, что этого факта никогда не существовало и не существуетъ въ сознаніи какъ пролетаріевъ, такъ и всѣхъ другихъ, посвятившихъ свою жизнь социализму. Врядъ ли найдется десять человѣкъ, которые отмѣтили бы въ своемъ сознаніи этотъ «источникъ» социалистическаго идеала. Краузь во всякомъ случаѣ хочетъ сказать, что идеалъ первобытнаго коммунизма жилъ безсознательно въ душѣ пролетаріевъ, прежде чѣмъ онъ нашелъ себѣ сознательное выраженіе. Трудно бороться съ утвержденіемъ, что данная форма возникла въ области безсознательнаго. Ибо, въ сущности, такое утвержденіе означаетъ неумѣніе объяснять данное явленіе. И если намъ приходится сдѣлать выборъ между обычнымъ марксистскимъ объясненіемъ, которое я вкратцѣ изложилъ выше, и допущеніемъ безсознательнаго фактора, то нѣтъ сомнѣнія, что разумный человѣкъ выберетъ первое.

Причина того, что въ исторіи встрѣчаются коммунистическія

тенденціи и утопическія концепціи, заключается, на мой взглядъ, не въ какихъ-либо воспоминаніяхъ объ аграрномъ коммунизмѣ, равнымъ образомъ не въ какой-то безсознательной тоскѣ, ведущей свое происхожденіе отъ той эпохи, а совсѣмъ въ другомъ обстоятельствѣ.

Существуютъ всего двѣ основныя возможности для использования средствъ производства: на основѣ частной собственности—или на основѣ общей собственности. Какія бы различныя формы ни вмѣщались въ эти возможности,—третьей возможности того же порядка не существуетъ. Поэтому, если частная собственность на средства производства оказывается проклятіемъ для общества,—а это, главнымъ образомъ, бываетъ при крупныхъ перемѣнахъ и потрясеніяхъ въ хозяйственномъ строѣ,—то мысль, естественно, хватается за вторую возможность, которая со всѣхъ сторонъ встрѣчаетъ себѣ поддержку въ человѣческой душѣ. Прежде всего, процессъ труда въ обществѣ носить общественный характеръ, и, слѣдовательно, частная собственность вступаетъ съ нимъ въ противорѣчіе. Далѣе, самыя важныя учрежденія, какъ организація безопасности, средствъ сообщенія и т. п., всегда находятся въ общественномъ завѣдываніи. Что же удивительнаго, если люди начинаютъ смотрѣть на коллективное обладаніе средствами производства, какъ на лучшую, болѣе плодотворную и справедливую общественную форму. Но всѣ эти факты говорятъ лишь о томъ, что человѣкъ, какъ существо, живущее въ обществѣ, имѣетъ общественныя чувства, которыя иногда опредѣляютъ его поведеніе. Иначе выражаясь, можно сказать, что «соціализмъ совмѣстимъ съ человѣческой природой». Однако, эта психологическая истина не можетъ подвинуть насъ ни на одинъ шагъ въ вопросѣ о возникновеніи современнаго революціоннаго соціализма. Ибо, несмотря на существованіе этой психологической основы, частная собственность на средства производства существуетъ на протяженіи тысячелѣтій и, въ свою очередь, тоже можетъ быть сведена къ координированной психологической основѣ—къ эгоистическимъ чувствамъ, которыя также живутъ въ человѣкѣ. Слѣдовательно, направленіе, избираемое человѣческой душой, лежитъ не въ ея собственномъ свободномъ самоопредѣленіи, а внѣ ея—въ развитіи связанныхъ съ нею производительныхъ силъ. Если, поэтому, изъ такого рода психологическихъ фактовъ реальной, общественно-данной человѣческой природы нельзя вывести возникновенія общественныхъ идеаловъ и новыхъ хозяйственныхъ порядковъ, то еще меньше ихъ можно вывести

изъ мнимо-существующаго безсодержательнаго идеала давнымъ-давно исчезнувшей экономической эпохи. Идеаль этотъ не существуетъ ни въ чьемъ сознаніи, и уже навѣрно не въ сознаніи пролетарскихъ массъ, которыя его исповѣдуютъ, ибо въ противномъ случаѣ первобытный коммунизмъ не представлялъ бы для нихъ ничего неизвѣстнаго и имъ незачѣмъ было бы узнавать о немъ впервые только изъ пропаганды. Напротивъ, они сами могли бы ознакомить съ нимъ ученыхъ изслѣдователей. Въмѣсто безознательной тоски, въ пролетаріяхъ живетъ стремленіе къ коммунизму, какъ къ необходимому гармоническому осуществленію требованій жизни и производства на основѣ выше отмѣченныхъ общественныхъ чувствъ,—и солидарность является для нихъ прежде всего экономической необходимостью, на прочной основѣ которой въ нихъ расцвѣтаетъ этическое чувство.

Поль Лафаргъ.

Историческій матеріализмъ Маркса.

1) „Критическіе“ социалисты.

Болѣе полувѣка тому назадъ Марксъ выступилъ съ новой исторической теоріей, которая и легла въ основу историческихъ изслѣдованій его и Энгельса. Но историки, социологи и философы проникнуты такимъ ужасомъ предъ этимъ демономъ коммунизма, который можетъ ихъ скомпрометировать и лишить буржуазной невинности, что они не хотятъ даже и слышать о его теоріи: они совершенно игнорируютъ ее. А многіе социалисты, знакомые съ ней, не осмѣливаются принять ее изъ боязни, что она вышибетъ ихъ изъ привычной колеи буржуазныхъ воззрѣній, въ которыхъ они все еще продолжаютъ коснѣть. вмѣсто того, чтобы испробовать теорію Маркса на практикѣ, они ведутъ безконечныя дискуссіи о ея цѣнности самой по себѣ и при этомъ открываютъ въ ней цѣлый рядъ недостатковъ: она недооцѣниваетъ значеніе идеала,—говорятъ они,—она грубо третируетъ вѣчныя истины и принципы, она не отводитъ должнаго мѣста личности и ея дѣятельности, она приводитъ къ экономическому фатализму, санкціонирующему ничего-не-дѣланье... и т. д. Но что сказали бы всѣ эти «критики» о столярѣ, который вмѣсто того, чтобы работать молотомъ, пилой и стругомъ, сталъ бы ихъ критиковать? Онъ долго могъ бы ругать ихъ, такъ какъ совершенныхъ орудій вѣдь нѣтъ! Такая безплодная критика можетъ превратиться въ полезную только въ томъ случаѣ, когда она основывается на опытѣ, который лучше, чѣмъ всѣ глубокомысленныя доказательства, научаешь вскрывать несовершенства человеческихъ орудій и исправлять ихъ. Первоначально человѣкъ пользовался грубо сдѣланнымъ каменнымъ молотомъ и только въ процессѣ пользованія этимъ несовершеннымъ орудіемъ такъ разработалъ и всесторонне развилъ типъ молота, что въ настоящее время

мы встрѣчаемъ въ промышленности болѣе ста различныхъ видовъ его, отличающихся другъ отъ друга качествомъ матеріала, вѣсомъ и формой.

Идеологи всегда запутываются тамъ, гдѣ рабочій человекъ никогда не потеряется. Левкиппъ и его ученикъ Демокритъ еще за пятьсотъ лѣтъ до Р. Х. ввели, для опредѣленія структуры матеріи, понятіе атома; и вотъ философы, вмѣсто того, чтобы опытнымъ путемъ провѣрить правильность атомистической гипотезы, ведутъ болѣе двухъ тысячелѣтій длиннѣйшія дискуссіи объ атомѣ, вѣчномъ постоянствѣ матеріи, пустомъ пространствѣ, измѣчивости вещей и т. п.... и только въ началѣ XIX столѣтія химики воспользовались идеей Демокрита для объясненія структуры тѣлъ и газовъ. Въ ихъ рукахъ атомъ, къ которому философы не знали какъ и подступиться, сталъ «однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ изслѣдованія, изобрѣтенныхъ человѣческимъ умомъ», какъ недавно заявилъ одинъ извѣстный ученый. Но въ процессѣ примѣненія это замѣчательное орудіе оказалось все же въ концѣ концовъ несовершеннымъ. Радиоактивность матеріи, проявляющаяся въ формѣ «иксовыхъ» и катодныхъ лучей, заставляетъ физиковъ разложить атомъ, эту мельчайшую, недѣлимую и непроницаемую частицу матеріи, на еще болѣе мелкія частицы, однородныя во всѣхъ атомахъ и заряженные электричествомъ. Такъ что самый маленькій атомъ, атомъ водорода, состоитъ изъ тысячи такихъ частицъ, которыя съ необычайной быстротой вращаются вокругъ центрального ядра, точь-въ-точь какъ земля и планеты вокругъ солнца. Атомъ, такимъ образомъ, оказывается какъ бы солнечной системой въ миниатюрѣ. Нельзя привести болѣе разительнаго примѣра бесплодности пустыхъ дискуссій и плодотворности опыта. Только *дѣло* плодотворно какъ въ матеріальномъ, такъ и въ интеллектуальномъ мірѣ: «въ началѣ было дѣло», сказалъ Гете!

Экономическое пониманіе исторіи есть то новое орудіе, которое Марксъ далъ въ руки социалистовъ, а съ помощью котораго можно внести нѣкоторый порядокъ въ хаосъ историческихъ фактовъ, которыхъ историки, социологи и философы не сумѣли ни классифицировать, ни объяснить. Ихъ классовые предразсудки и узость горизонта привели къ тому, что монополіей на это орудіе въ настоящее время владѣютъ социалисты, которые, однако, прежде чѣмъ пользоваться имъ, хотятъ убѣдиться, дѣйствительно ли оно отличается полнымъ совершенствомъ и даетъ ключъ ко всѣмъ проблемамъ

исторія. Но они могутъ такъ всю свою жизнь вести объ этомъ дискуссиі, писать статьи, брошюры, даже цѣлыя книги, и все же не подвинуться въ этомъ вопросѣ ни на одинъ вершокъ. Люди науки не отличаются такой робостью и полагаютъ, что «на практикѣ не такъ важно, совершенны ли теоріи и гипотезы, лишь бы онѣ приводили насъ къ результатамъ, стоящимъ въ соотвѣтствіи съ фактами» ¹⁾. Физики могутъ въ настоящее время признать, что гипотеза Демокрита ошибочна и недостаточна для объясненія феномена матеріи, глубже изслѣдованнаго за послѣднее время; но это нисколько не опровергаетъ того факта, что атомистическая гипотеза создала современную химію. Марксъ не изложилъ намъ своей исторической теоріи въ формѣ развертывающейся цѣпи аксіомъ, теоремъ и леммъ: она для него—только орудіе изслѣдованія, поэтому онъ формулируетъ ее кратко и сжато, чтобы затѣмъ испытать ее на практикѣ. И критиковать ее можно, только оспаривая результаты, которые она намъ даетъ, напр. опровергая теорію классовой борьбы.

Это, однако, остерегаются дѣлать. Историки и философы считаютъ марксистскую теорію дьявольскимъ орудіемъ изслѣдованія именно потому, что она привела къ открытію этого могущественнаго двигателя историческаго процесса.

2) Идеалистическая философія исторіи.

Исторія представляетъ собою такой хаосъ фактовъ, не поддающихся человѣческому контролю, движущихся взадъ и впередъ безъ замѣтныхъ основаній, взаимно сталкивающихся, появляющихся и исчезающихъ,—что легко придти къ выводу о полной невозможности классифицировать ихъ и путемъ распредѣленія по группамъ установить причины ихъ эволюціоннаго и революціоннаго развитія. Неудача, постигшая всѣ попытки систематизировать исторію, вызвала у многихъ мыслителей, какъ напр. у Гельмгольца, сомнѣніе «въ самой возможности формулировать историческій законъ, который получилъ бы подтвержденіе въ дѣйствительности».

Сомнѣніе это въ наше время такъ широко распространено, что современные мыслители не осмѣливаются уже, по примѣру философовъ первой половины XIX столѣтія, строить великія всеобъемлю-

¹⁾ В. Рюкеръ. Рѣчь при открытіи конгресса естествоиспытателей въ Глазго, 1901 г.

ція историческія системы; впрочемъ, на это вліяетъ также и то обстоятельство, что современные экономи не вѣрятъ уже въ возможность подчинить производительныя силы контролю общества. Слѣдуетъ ли, однако, изъ трудности исторической проблемы и изъ неудачъ, постигшихъ всѣхъ, кто пытался ее разрѣшить, вывести заключеніе, что разрѣшеніе ея вообще недоступно человѣческому уму? Но тогда соціальныя явленія составили бы исключеніе изъ всего міра явленій и оказались бы единственными, причины которыхъ не возможно свести въ одну логическую систему.

Здравый человѣческій разумъ никогда не допускалъ такой невозможности; напротивъ, во всѣ времена люди вѣрили, что воѣ ихъ радостныя и горестныя переживанія входятъ, какъ часть въ цѣлое, въ предустановленный какимъ-то высшимъ существомъ планъ. «Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ»,—такова историческая аксіома народной мудрости, не менѣе вѣрная, чѣмъ аксіомы геометріи:—все дѣло только въ томъ, какое значеніе придавать слову: «Богъ».

Античныя города имѣли каждый свое особое *городское божество*, которое охраняло благополучіе города и жило въ специально посвященномъ ему храмѣ. Такого же рода божествомъ былъ и Іегова Ветхаго Завета; израильтяне отвели ему въ качествѣ жилища деревянный ящикъ, который и назвали ковчегомъ завета и въ которомъ перевозили его всякій разъ, когда племя переселялось на новое мѣсто. Когда два города объявляли другъ другу войну, городскія божества принимали участіе въ борьбѣ. Библія часто рассказываетъ о героическихъ подвигахъ Іеговы, такъ близко принимавшаго къ сердцу войны, которыя велъ его народъ, что онъ истреблялъ у его враговъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей и скоть.

Римляне, столь же суевѣрные, сколь и хитрые политики, переносили статую городского божества покореннаго города въ Капитолій, чтобы оно перестало охранять тотъ народъ, у котораго оно уже больше не живетъ.

Христіане сохраняли тѣ же языческія вѣрованія, когда для изгнанія языческихъ боговъ разрушали ихъ храмы, или когда они просили своего Бога даровать имъ побѣду въ ихъ борьбѣ противъ боговъ языческаго міра, противъ демоновъ, основателей ереси и противъ Аллаха, выступившаго съ полумѣсяцемъ противъ креста ¹⁾).

¹⁾ Первые христіане также твердо вѣрили въ существованіе языческихъ боговъ и въ ихъ чудеса, какъ въ Іисуса и его чудеса. Терту-

Цивилизованные христіанскіе народы все еще остаются вѣрны этой языческой традиціи, ибо, молясь всѣ одному и тому же Богу, каждый просить его уничтожить противника; они приписываютъ ему побѣду и благодарятъ его за нее. И эта вѣра въ божественное вмѣшательство въ человѣческія войны вовсе не симулируется государственными людьми, чтобы удовлетворить грубому суевѣрію невѣжественной массы; нѣтъ, они раздѣляютъ это суевѣріе. Такъ, напр., интимныя письма, которыя Бисмаркъ писалъ своей женѣ во время войны 1870/71 г., свидѣтельствуютъ о его вѣрѣ въ то, что Богъ только тѣмъ и занимается, что думаетъ о немъ, его сынѣ и прусскомъ войскѣ.

На этой вѣрѣ Боссюэ построилъ планъ своей универсальной исторіи: языческія племена занимаются взаимнымъ истребленіемъ, чтобы приготовить пришествіе Іисуса, а христіанскіе народы истребляютъ другъ друга, чтобы возвеличить блескъ Франціи и славу Людовика XIV. Историческое движеніе, руководимое Богомъ, привело къ «королю-солицу». Когда его не стало, мракъ покрылъ вселенную и разразилась революція, это порожденіе Сатаны, какъ называлъ ее Жозефъ де-Местеръ.

Сатана торжествовалъ побѣду надъ Богомъ, надъ «родовымъ божествомъ» Бурбоновъ и аристократіи. Буржуазія, классъ, мало почитавшій Бога, захватила въ свои руки власть и гильотинировала короля Божьей милостью; проклятыя имъ естественныя науки праздновали побѣду и создали для граждана больше богатствъ, чѣмъ король и знать могли дать своимъ фаворитамъ; разумъ, скованный имъ по рукамъ и ногамъ, призвалъ его на свой судъ;—настало царство Сатаны. Поэты-романтики воспѣли Сатану; онъ сталъ великимъ мученикомъ и утѣшителемъ угнетенныхъ; онъ символизировалъ буржуазію, возставшую противъ аристократіи и ея Бога. Однако, побѣдительница не осмѣлилась признать его своимъ «родовымъ божествомъ»; она задѣлала поврежденія, причиненныя разумомъ старому божеству, и возстановила его въ его прежнемъ достоинствѣ. Но, потерявъ вѣру въ его всемогущество, она окружила его цѣлымъ штабомъ полубоговъ: прогрессомъ, справедливостью, цивилизаціей, гуманностью, свободой, отечествомъ и т. д.,

планъ въ своей „Апологетикѣ“ и св. Августинъ въ „Градѣ Божьемъ“ передаютъ въ качествѣ несомнѣнныхъ фактовъ, что Эскулапъ воскрешалъ мертвыхъ, которыхъ они называютъ даже по именамъ, что одна весталка припесла воду изъ Тибра въ рѣшетѣ, а другая тащила на своемъ поясѣ цѣлый корабль и т. д.

которые призваны охранять благоденствіе народовъ, освободившихся отъ господства аристократіи. Эти новыя божества суть идеи, невѣсомыя силы. Гегель сдѣлалъ попытку свести этотъ политеизмъ идей къ монотеизму Идеи, которая такъ же, какъ христіанскій Богъ, являются копіей Анаксагоровскаго «Nous», создавшего міръ для своего развлечения.

Боссюэ и деисты, возведшіе Бога въ рангъ сознательнаго агента исторіи, приспособили только роль божества къ общественному мнѣнію; а оводомыслящіе, приписывающіе ему вышеуказанныя идеи, примѣняютъ къ исторіи только ходячее буржуазное воззрѣніе. Каждый буржуа стремится представить дѣло въ такомъ видѣ, что вся его частная и общественная дѣятельность диктуется прогрессомъ, справедливостью, гуманностью, отечествомъ и т. д. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только просмотрѣть рекламы промышленниковъ и купцовъ, проспекты финансистовъ, рѣчи политиковъ.

Идеи прогресса и эволюціи—новѣйшаго происхожденія; онѣ являются перенесеніемъ въ исторію человѣческой способности къ совершенствованію, вошедшей въ моду въ XVIII в. Буржуазія по необходимости должна была разсматривать произведенный ею захватъ власти, какъ прогрессъ, аристократія же видѣла въ этомъ регрессъ. И такъ какъ французская революція произошла столѣтъ спустя послѣ англійской, и отношенія тамъ, слѣдовательно, были болѣе развитыми, то буржуазія такъ прочно усѣлась на мѣстѣ аристократіи, что съ тѣхъ поръ идея прогресса прочно осѣла въ общественномъ мнѣніи перешедшихъ къ буржуазному строю народовъ. Европейскіе буржуа стали смотрѣть на себя, какъ на уполномоченныхъ представителей прогресса. Ихъ привычки, нравы, частная и общественная мораль, ихъ семейная и социальная организація, промышленность и торговля—были объявлены прогрессомъ по сравненію со всѣмъ до сихъ поръ существовавшимъ. Въ прошломъ было только невѣжество, варварство, несправедливость, неразуміе. Наконецъ,—воскликаетъ Гегель,—въ первый разъ идея стала господствовать надъ міромъ!

Но одного историческаго факта, хотя бы даже такого значительнаго, какъ захватъ власти буржуазіей, самого по себѣ недостаточно, чтобы построить на немъ теорію прогресса. Боссюэ сдѣлалъ Бога единственнымъ двигателемъ исторіи; историки и оводомыслящіе философы открыли, что въ прошломъ прогрессъ не велъ себя, какъ праздное божество. Нѣтъ, еще въ средніе вѣка

онъ подготовлялъ триумфъ буржуазіи: онъ организовалъ и обогатилъ ее, далъ ей интеллектуальную культуру и въ то же время ослабилъ силы аристократіи и камень за камнемъ разрушилъ крѣпость католицизма. За идеей прогресса, какъ ея необходимое слѣдствіе, въ исторію проникла идея эволюціи.

Но для буржуазіи эволюція существуетъ лишь постольку, поскольку она привела ее къ побѣдѣ. И такъ какъ историки могутъ прослѣдить органическій ростъ буржуазіи только на протяженіи одного тысячелѣтія, то они теряютъ путеводную нить, какъ только пускаются въ лабиринтъ предшествовавшихъ историческихъ періодовъ: тамъ они ограничиваются простымъ перечисленіемъ фактовъ, не пытаясь даже сгруппировать ихъ въ рядъ прогрессивнаго развитія. Такъ какъ цѣлью прогрессивной эволюціи является переходъ власти въ руки буржуазіи, то, какъ только цѣль достигнута, побѣдное шествіе прогресса останавливается. Считая переходъ власти въ своя руки единственно прогрессивнымъ моментомъ въ исторіи, буржуазія дѣйствительно убѣждена, что переходъ этой власти въ руки пролетаріата означаетъ соціальныи регрессъ, означаетъ возвратъ къ варварству. Такъ думала и побѣжденная аристократія. Инстинктивная и бессознательная вѣра буржуазныхъ массъ въ остановку прогресса находитъ себѣ сознательное и продуманное отраженіе въ трудахъ буржуазныхъ мыслителей. Гегель и Контъ—назову только двухъ самыхъ извѣстныхъ—объявляютъ свои философскія системы конечнымъ пунктомъ ряда развитія и вѣнцомъ прогрессивной эволюціи мысли. Такъ, политическія и соціальныя учрежденія и философскія системы прогрессируютъ лишь до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ своей буржуазной формы, а затѣмъ регрессъ приостанавливается.

Но буржуазія и ея самые образованные представители идутъ еще дальше въ своемъ стремленіи остановить непрерывный ходъ прогресса: они совершенно закрываютъ глаза на цѣлый рядъ соціальныхъ организмовъ, имѣющихъ важное значеніе для выясненія дѣйствительнаго характера прогресса. Чтобы доказать, что индивидуальная форма собственности и патріархальная форма семьи не могутъ измѣниться, экономисты и этики утверждаютъ, что формы эти существовали во всѣ времена,—и это въ то время, когда изслѣдованія, произведенныя уже болѣе полувѣка тому назадъ, ясно показали, что первобытныя формы семьи и собственности носили коммунистическій характеръ. Но они этого не знаютъ или дѣлаютъ видъ, что не знаютъ.

Въ теченіе первыхъ лѣтъ XIX столѣтія, когда буржуазія была еще опьянена своей политической побѣдой и чудеснымъ ростомъ своего экономическаго богатства, идеи прогресса и эволюціи играли важную роль: философы, историки, романисты и поэты окунали свои произведенія въ соусъ непрерывно совершающагося прогресса, который былъ осмѣявъ однимъ только—или почти однимъ только—Фурье. Но къ срединѣ этого столѣтія имъ пришлось умѣрить свой энтузіазмъ: появленіе пролетаріата на политической аренѣ въ Англіи и Франціи вызвалъ въ умѣ буржуазіи нѣкоторое безпокойство относительно вѣчности ея соціальнаго господства,—и прогрессъ потерялъ въ ея глазахъ свою привлекательность. Въ концѣ концовъ идеи прогресса и эволюціи вовсе перестали бы употребляться во фразеологіи ея представителей, если бы ихъ не переняли люди науки. Еще въ концѣ XVIII вѣка эволюціонная идея, широко распространенная въ буржуазной средѣ, проникла въ область науки, и вотъ теперь ученые воспользовались этой идеей для объясненія происхожденія вселенной и міра животныхъ и растеній. Благодаря имъ, она получила такое научное значеніе и такую популярность, что стало уже невозможно отдѣлываться отъ нея пустыми словами.

Но одно констатированіе факта прогрессивнаго развитія буржуазіи на протяженіи опредѣленнаго ряда лѣтъ такъ же мало объясняетъ это историческое движеніе, какъ мало кривая, описанная падающимъ камнемъ, объясняетъ причины его паденія. Историки-философы увѣряютъ, что причина этой эволюціи лежитъ въ непрерывномъ вліяніи идей, особенно же самой мощной изъ нихъ—идеи справедливости, которая, какъ выразился одинъ офиціально признанный профессоръ философіи, «неизмѣнна и вездѣсуща, хотя она только постепенно проникаетъ въ человѣческій духъ и въ соціальную дѣятельность». Такимъ образомъ, буржуазное общество и буржуазная мысль представляютъ конечныя и высшія проявленія справедливости, и именно для того, чтобы подняться на такую вершину, почтенная дама—Справедливость—работала такъ долго въ подземельяхъ исторіи.

Присмотримся же ближе къ дѣятельности этой дамы, чтобы получить нѣкоторое представленіе о ея характерѣ и нравахъ.

Господствующій классъ объявляетъ справедливымъ все то, что служитъ его экономическимъ и политическимъ интересамъ, а несправедливымъ—все, что имъ противорѣчитъ. Справедливости, какъ онъ ее понимаетъ, пріятно, когда удовлетворяются его классовые

интересы. Справедливость идетъ, такимъ образомъ, на поводу у классовыхъ интересовъ буржуазіи, которая съ безсознательной ироніей представляетъ себя справедливостью съ повязкой на глазахъ,—безъ сомнѣнія, чтобы помѣшать ей видѣть, какіе жалкіе, низкіе интересы она собою прикрываетъ.

Итакъ, феодальная и цеховая организація, преграждавшая буржуазіи путь къ политической власти и тормозившая ея развитіе, была несправедлива. И поэтому она была разрушена имманентной справедливостью исторіи, ибо,—говорятъ моралисты,—справедливость не могла, сложивъ руки, смотрѣть на хищенія бароновъ, которые знали одно только это средство для округленія своихъ владѣній и для наполненія своихъ денежныхъ мѣшковъ. Но та же почтенная имманентная справедливость защищаетъ своимъ броненоснымъ кулакомъ тѣ хищенія, которыя мирные буржуа совершаютъ въ варварскихъ странахъ Азіи, Африки и Океаніи, не рискуя даже при этомъ своей собственной шкурой. Впрочемъ, добродѣтельной дамѣ не особенно нравится этотъ родъ хищеній; во имя права она одобряетъ только экономическую кражу, ту кражу, которую буржуазія изъ дня въ день, безъ всякаго насилія, практикуетъ по отношенію къ наемному труду, и только ее она украшаетъ всѣми законными привилегіями. Экономическая кража до того соответствуетъ темпераменту и характеру этой дамы, что она съ готовностью принимаетъ на себя обязанность сторожевой собаки при капиталистическомъ богатствѣ, которое вѣдь составляется изъ цѣлаго ряда столь же законныхъ, сколь и справедливыхъ кражъ.

Буржуазія, умѣющая все устраивать себѣ на пользу, украшаетъ свой соціальный строй громкимъ именемъ: «цивилизація», а овойственный ей способъ обращенія съ живыми существами—не менѣе громкимъ именемъ: «гуманность». Свои колоніальныя экспедиціи она предпринимаетъ лишь для того, чтобы просвѣтить варварскіе народы духомъ цивилизаціи и улучшить жалкіе условія ихъ существованія. И эта ея цивилизація и гуманность проявляются въ формѣ отравленія алкоголемъ, принудительнаго труда, ограбленія и истребленія туземцевъ. Но не слѣдуетъ думать, что она оказываетъ предпочтеніе варварамъ; нѣтъ, она осыпаетъ благодѣяніями своей цивилизаціи и гуманности также и рабочій классъ въ своей собственной странѣ. Мѣрой ея цивилизаціи и гуманности можетъ служить та масса мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые, не имѣя никакой собственности, осуждены на каторжный трудъ днемъ и ночью, пока они не выброшены еще на улицу, и

которые сотнями и тысячами падаютъ жертвой алкоголизма, туберкулеза и рахита; мѣрою можетъ также служить ростъ преступности, ростъ числа домовъ для умалишенныхъ, развитіе и усовершенствованіе пенитенціарной системы.

Никогда ни одинъ господствующій классъ не претендовалъ такъ сильно на приверженность къ идеаламъ, ибо ни одинъ господствующій классъ въ такой мѣрѣ не нуждался въ томъ, чтобы прикрывать свои поступки идеалистической болтовней. Это идеологическое шарлатанство является въ рукахъ буржуазіи самымъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ для сохраненія ея политическаго и экономическаго господства. И однако, это зіяющее противорѣчіе между словомъ и дѣломъ, которое можетъ отрицать только слѣпой, не мѣшаетъ историкамъ и философамъ считать идеи и принципы единственными двигателями исторіи живущихъ въ буржуазномъ строѣ народовъ. Такое монументальное заблужденіе историковъ и философовъ,—вполнѣ искреннее, хотя оно и выходитъ за предѣлы дозволеннаго въ интеллектуальномъ отношеніи,—служитъ неоспоримымъ доказательствомъ громаднаго влиянія идей и принциповъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ плутовства буржуазіи, которая сумѣла такъ ихъ культивировать и эксплуатировать, что они приносятъ ей солидный барышъ.

Финансисты наполняютъ свои проспекты патріотическими принципами, цивилизаторскими идеями, гуманными чувствами и общаніями преміи въ 6—10% для отцовъ семействъ. Это—вѣрная приманка для выуживанія денегъ у простаковъ. Лессенсу удалось осуществить грандіозную панаму XIX-го вѣка и присвоить себѣ сбереженія болѣе 800.000 бѣдняковъ только благодаря тому, что этотъ «великій французъ» обѣщалъ увѣнчать новой славой Францію, обѣщалъ распространить человѣческую цивилизацію, обогатить своихъ современниковъ и т. д. Идеи и принципы представляютъ настолько вѣрную приманку, что безъ нихъ не обходится ни одна политическая программа, ни одна финансовая, промышленная, коммерческая реклама, ни одно объявленіе о спиртномъ напиткѣ или аптекарскомъ товарѣ. Политическое предательство и экономическій обманъ развертываютъ знамя идей и принциповъ.

Буржуазная философія исторіи могла стать только безвкуснымъ и неудобоваримымъ педантизмомъ, ибо буржуазные мыслители не были въ состояніи вскрыть шарлатанскій характеръ буржуазной идеологіи и понять, что принципы являются для буржуазіи только вывѣской, за которой она скрываетъ свои дѣла. Но ихъ жалкія

неудачи отнюдь не доказываютъ еще, что вообще не возможно открыть причины эволюціи человѣческаго общества: открыли, вѣдь, химики заковы группировки атомовъ въ сложныхъ тѣлахъ!

«Соціальный міръ,—говоритъ Вико, отецъ философіи исторіи,—несомнѣнно является дѣломъ рукъ человѣка, изъ чего слѣдуетъ, что лежащіе въ основѣ его принципы можно и даже должно отыскать въ измѣненіяхъ человѣческаго ума... Понявъ это, перестанутъ удивляться, что философы дѣлали серьезныя попытки познать міръ природы, который вѣдь созданъ Богомъ, и познаніе котораго онъ сохранилъ только для себя,—и, напротивъ, не обращались къ изслѣдованію соціального міра, познаніе котораго доступно человѣку, такъ какъ человѣкъ самъ его создалъ» ¹⁾.

Неудачи историковъ и философовъ учатъ насъ, что для успѣшнаго познанія соціального міра необходимо пользоваться другими методами, чѣмъ они.

3) Историческіе законы Вико.

Вико, котораго историки, соціологи и философы почти не читаютъ, хотя они и натапливаются въ старинныхъ книгахъ на его «*Corso e Ritorsi*» и еще на 2—3 его сочиненія, которыя такъ же невѣрно цитируются, какъ невѣрно они изложены, — Вико формулировалъ въ своей «*Scienza nuova*» основные законы исторіи.

Вико выставляетъ въ качествѣ основного закона эволюціи человѣческаго общества то положеніе, что всѣ народы, независимо отъ ихъ этнологическаго происхожденія и географическаго мѣстожителъства, проходятъ одинаковый историческій путь; такъ что исторія даннаго народа является повтореніемъ исторіи другого народа, достигшаго болѣе высокой ступени развитія.

Онъ говоритъ: «Существуетъ идеальная вѣчная исторія, которую проходятъ исторіи всѣхъ народовъ, отъ нѣкотораго состоянія дикости, варварства и кровожадности до той ступени, на которой люди начинаютъ цивилизоваться», т. е. становятся осѣдлыми, *ad addimesticarsi*, какъ выражается Вико (Lib. II, § II, V) ²⁾.

¹⁾ Джіамбатиста Вико: „*Principi di Scienza nuova*“.

²⁾ Во времена Вико въ итальянскомъ языкѣ, по всей вѣроятности, еще не существовало глагола: *civilizzare*; во французскомъ языкѣ его впервые стали употреблять въ XVIII в. для обозначенія прогрессивнаго движенія вверхъ. Это значеніе настолько недавняго происхожденія, что

Морганъ, которому Вико, повидимому, вовсе не былъ извѣстенъ, принялъ тотъ же законъ, но въ болѣе позитивной и совершенной формулировкѣ. Историческую однородность различныхъ народовъ, которую неаполитанскій философъ выводилъ изъ того положенія, что всѣ народы развиваются по одному предустановленному плану, американскій антропологъ свелъ къ двумъ причинамъ: къ духовному сходству людей и къ одинаковости препятствій, которыя имъ приходилось преодолевать въ своемъ развитіи.—Вико тоже вѣрилъ въ духовное сходство людей.

«Въ человѣческой природѣ долженъ быть заложенъ духовный, общій для всѣхъ народовъ языкъ, который единообразно обозначаетъ сущность вещей, играющихъ дѣятельную роль въ жизни; и для различныхъ отношеній вещей онъ содержитъ столько же соответствующихъ выраженій. Существованіе этого языка проявляется въ пословицахъ, въ этихъ жизненныхъ правилахъ народной мудрости, которыя у всѣхъ древнихъ и новыхъ народовъ имѣютъ одинаковое содержаніе, хотя и выраженное различными способами» (Degli Elem. 'XXII) ¹⁾.

французская академія приводитъ въ своемъ словарѣ слово: civilisation впервые въ изданіи 1835 г.—Фурье употреблялъ его только для обозначенія современнаго буржуазнаго періода.

¹⁾ Аристотель удѣлялъ много вниманія пословицамъ; многіе древніе писатели говорятъ о составленной имъ коллекціи пословицъ, которая однако затерялась. О томъ же упоминаетъ Синезій: „Аристотель,—говоритъ онъ, — видитъ въ пословицахъ остатки философскихъ воззрѣній прежнихъ эпохъ. Въ то время, какъ сами эти воззрѣнія погибли во время революцій, которыя людямъ пришлось пережить, эти остатки сохранились, благодаря своей сжатой и мѣткой формѣ. Поэтому пословицы и выраженные въ нихъ мысли имѣютъ то же важное значеніе, что и древнѣйшая философія, которая оставила ихъ намъ, и благородную печать которой онѣ носятъ, ибо въ древнія времена истину постигали гораздо глубже, чѣмъ въ настоящее время“. Какъ свидѣтельствуетъ Синезій, въ древности господствовало мнѣніе, что человѣкъ не прогрессируетъ, а вырождается. Это воззрѣніе, которое мы встрѣчаемъ и въ греческой міеологіи и которое не разъ повторяется въ „Иліадѣ“, раздѣлялось также египетскими жрецами, дѣлившими, по словамъ Геродота, прошедшее время на три эпохи: боговъ, героев и людей.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ вышелъ изъ эпохи родового коммунизма, онъ сталъ думать, что вырождается, что счастье, земной рай, золотой вѣкъ, лежатъ въ прошломъ. Мысль о прогрессѣ и „способности человека къ совершенствованію“ возникла въ XVIII в., когда буржуазія приблизилась къ власти; но, подобно христіанству, полное осуществле-

Морганъ говоритъ: «Такъ какъ человѣческій умъ у всѣхъ индивидовъ, у всѣхъ племенъ и народовъ, одинъ и тотъ же, и способности его одинаково ограничены, то онъ проявляется неизбѣжнымъ образомъ въ одинаковыхъ формахъ лишь съ незначительными отклоненіями. Успѣхи, которыхъ онъ достигаетъ въ самыхъ отдаленныхъ странахъ и въ самыя отдаленныя эпохи, образуютъ звенья одной непрерывной логической цѣли взаимно-согласующихся результатовъ опыта». (II, с. IX). «Подобно постепеннымъ геологическимъ образованіямъ, и человѣческія племена можно разсматривать въ ихъ развитіи, какъ рядъ отложившихся пластовъ. Группируя ихъ такимъ образомъ, мы ясно видимъ ходъ человѣческой эволюціи отъ дикаго состоянія къ цивилизаціи» (IV, с. I); «ибо ходъ человѣческаго развитія совершался повсюду почти въ одинаковой формѣ» (III, с. V). ¹⁾ Марксъ, изучившій ходъ экономической эволюціи, подтверждаетъ мысль Моргана. «Болѣ развитая въ промышленномъ отношеніи страна, — говоритъ онъ въ предисловіи къ «Капиталу», — показываетъ странѣ менѣ развитой картину ея собственнаго будущаго».

Такимъ образомъ «идеальная исторія», которую, по мнѣнію Вико, должны продѣлать всѣ безъ исключенія народы, представляетъ собою не предустановленный какимъ-то высшимъ существомъ божественный планъ, а чисто человѣческій планъ историческаго прогресса, и этотъ планъ можетъ быть познавъ историкомъ, который изучаетъ этапы, пройденные различными народами, сравниваетъ ихъ между собой и классифицируетъ ихъ по относительной высотѣ достигнутаго ими развитія.

Исслѣдованія, которыя вотъ уже полъ-вѣка непрерывно производятся надъ дикими племенами, надъ античными и современными народами, неопровержимо доказали правильность закона Вико. Они показали, что всѣ люди, независимо отъ ихъ географическаго и этнологическаго происхожденія, должны были пройти въ своемъ развитіи черезъ одинаковыя формы семьи, собственности и производства, черезъ одинаковыя соціальныя и политическія учрежденія. Датскіе антропологи первые констатировали этотъ фактъ и раздѣлили до-историческій періодъ на три эпохи, назвавъ ихъ по матеріалу, изъ котораго изготовлялись первыя орудія, — каменнымъ, брон-

ніе счастья она приурочивала къ небу. Утопическій социализмъ свелъ счастье обратно на землю. „Рай лежитъ не за нами, а впереди насъ“, говоритъ С.-Симонъ.

¹⁾ Lewis H. Morgan, „Ancient Society“, 1878 г.

зовымъ и желѣзнымъ вѣками. Исторія народовъ,—безразлично, принадлежатъ ли они къ бѣлой, черной, желтой или красной расѣ, живутъ ли они на экваторѣ или на полюсѣ,—отличаются одна отъ другой только тѣмъ, что Вико называлъ «стадіей идеальной исторіи», или что Морганъ называлъ высотой «исторически отложившагося пласта»; такъ что,—сохраняя образъ Маркса—, можно сказать, что народы стоящіе на болѣе высокой ступени развитія, показываютъ ниже стоящимъ народамъ картину ихъ собственнаго будущаго.

И духовная дѣятельность людей подчиняется законамъ Вико. Филологи и грамматики нашли, что и образованіе словъ и языковъ совершалось по тѣмъ же законамъ; этнологи отыскиали у различныхъ дикихъ и цивилизованныхъ народовъ однѣ и тѣ же сказки подобно тому, какъ Вико отыскалъ у нихъ однѣ и тѣ же пословицы. Многіе этнологи полагаютъ, что эти одинаковыя сказки и саги выработаны не отдѣльно каждымъ народомъ, сохраняющимъ ихъ до сихъ поръ путемъ устной передачи, а созданы въ одномъ общемъ центрѣ, откуда и распространились по всей землѣ. Но это мнѣніе несостоятельно, такъ какъ оно противорѣчитъ всѣмъ наблюденіямъ надъ другими, какъ духовными, такъ и социальными и материальными, продуктами человѣческаго творчества.

Исторія развитія идеи души и другихъ возникшихъ изъ нея идей служить лучшимъ примѣромъ замѣчательнаго однообразія въ развитіи человѣческаго духа. Идею души можно найти у всѣхъ, даже самыхъ дикихъ народовъ. Чтобы освободиться отъ души умершаго, преслѣдовавшей умъ суевѣрнаго человѣка, считали необходимымъ найти для нея послѣ разложенія трупа новое жилище, гдѣ она могла бы продолжать свою земную жизнь въ такихъ совершенныхъ и счастливыхъ условіяхъ, что у нея не являлось бы никакого желанія вернуться къ людямъ, чтобы мучить ихъ. Достигнувъ очень сильнаго развитія у дикихъ варварскихъ племенъ, идея души на болѣе высокой ступени развитія стала играть менѣе значительную роль, создавъ изъ себя идею Бога, «Великаго Духа», чтобы на слѣдующей стадіи эволюціи снова окрѣпнуть и получить господствующее значеніе. Пользуясь всеобщимъ признаніемъ въ героическую эпоху, идея души, какъ свидѣлствуютъ историки, отсутствуетъ у историческихъ народовъ, жившихъ вокругъ Средиземнаго моря; за нѣсколько вѣковъ до христіанской эры она снова появляется и съ тѣхъ поръ продолжаетъ владѣть умами до настоящаго времени. Историки ограничиваются простымъ констатированіемъ этого замѣ-

чательнаго факта, не пытаюсь даже найти ему объясненіе, котораго они, впрочемъ, и не могли бы отыскать въ области своихъ изслѣдованій. Ибо, только примѣняя историческій методъ Маркса, только изслѣдуя измѣненія, совершающіяся въ экономической средѣ, можно вообще надѣяться найти такое объясненіе. Точно такъ же и ученые, занимавшіеся изслѣдованіемъ первобытныхъ формъ семьи, собственности и политическихъ учреждений, не были въ состояніи открыть причины ихъ измѣненій; они даютъ намъ только описательную исторію, а вѣдь наука о соціальномъ мірѣ должна не только описывать, но и объяснять.

* * *

Вико считаетъ человѣка, и притомъ не его добродѣтели, а его пороки, бессознательной движущей силой историческаго развитія. Не безкорыстіе, великодушіе и гуманность, а, напротивъ, «кроважность, корыстолюбіе и честолюбіе, эти три порока, владѣющихъ человѣческимъ родомъ, создали арміи, торговлю и политическія учрежденія (*сословія*) и, какъ дальнѣйшее слѣдствіе,—мужество, богатство и мудрость народовъ. Такимъ образомъ эти три порока, которые могли бы вовсе истребить человѣческій родъ, приводятъ къ счастью гражданъ». Не хорошая сторона вещей и учреждений создаетъ движеніе, а ихъ дурная сторона,—говоритъ Маркозъ.

Этотъ результатъ, который Вико особенно подчеркиваетъ, служить въ его глазахъ доказательствомъ «существованія божественнаго провидѣнія, божественнаго существа, которое съ помощью человѣческихъ страстей организуетъ общественный порядокъ, позволяющій намъ жить въ человѣческомъ обществѣ, тогда какъ въ противномъ случаѣ люди, раздѣленные своими частными интересами, жили бы въ одиночествѣ, какъ звѣри» (*Degli Elem.* VII).

Божественное существо, направляющее человѣческія страсти—это новое изданіе популярнаго положенія: «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ». Но кто это божественное существо, кто этотъ богъ, ведущій человѣка, противъ его воли, къ конечнымъ цѣлямъ исторіи?

Народная мудрость и Вико сходятся въ томъ, что человѣкъ является движущей силой историческаго развитія. Но человѣческія страсти и потребности не представляютъ собою неизмѣнныхъ величинъ, что, впрочемъ, признаетъ и Вико; въ ходѣ развитія онѣ постоянно претерпѣваютъ значительныя измѣненія. Такъ, напримеръ, материнская любовь, это полученное отъ животныхъ наслѣдіе,

безъ котораго человѣкъ въ дикомъ состояніи не могъ бы продолжать своего рода,—материнская любовь въ наше цивилизованное время такъ ослабѣла, что у матерей изъ богатыхъ классовъ она готова совершенно исчезнуть. Эти женщины освобождаютъ себя отъ заботъ о ребенкѣ съ самаго дня его рожденія, отдавая его на попеченіе наемниковъ. А другія такъ мало чувствуютъ потребность въ материнствѣ, что даютъ обѣтъ дѣвственности ¹⁾ (отцовская любовь и половая ревность, которыя совершенно не могутъ существовать у дикихъ и варварскихъ племенъ,—гдѣ господствуетъ полиандрія, гдѣ мужу приходится дѣлить благосклонность жены съ другими мужчинами и гдѣ онъ, слѣдовательно, не можетъ знать, является ли онъ отцомъ ребенка,—напротивъ, болѣе развиты у цивилизованныхъ народовъ). У дикарей и варваровъ, живущихъ въ коммунистическомъ строѣ, чувство равенства такъ сильно развито, что отдѣльному члену общества не дозволяется обладать даже ничтожѣйшимъ имуществомъ, которое не принадлежало бы въ то же время остальнымъ членамъ общества; и однако, съ тѣхъ поръ, какъ у людей господствуетъ частная собственность, бѣднѣе и наемные рабочіе принимаютъ свое низшее положеніе со смиреніемъ какъ непреложную судьбу.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ ходѣ развитія самыя глубокія страсти измѣняются, ослабляются и исчезаютъ, въ то время какъ другія возникаютъ и усиливаются. Не должны ли мы въ такомъ случаѣ искать причины ихъ возникновенія и развитія въ самомъ человѣкѣ? Но это значило бы допустить, что, живя въ природѣ и обществѣ, онъ однако не подвергается вліяніямъ со стороны окружающей его дѣйствительности. Такое допущеніе не можетъ возникнуть въ головѣ даже самаго фантастическаго идеалиста, ибо и онъ не осмѣлился бы утверждать, что несчастная, зарабатывающая себѣ хлѣбъ проституціей, и нравственная мать семьи обладаютъ одинаковымъ чувствомъ стыдливости, что кабинетный ученый и банковскій чиновникъ умѣютъ одинаково быстро считать, что землекопъ и профессиональный піанистъ обладаютъ одинаковой ловкостью пальцевъ. Такимъ образомъ неоспоримо, что среда, въ которой жи-

¹⁾ У пчелъ можно наблюдать такое полное исчезновеніе материнской любви: царица, мать всего рода, умертвила бы своихъ дочерей, если бы безполныя работницы не спасали ихъ отъ материнской ярости и не дали бы имъ возможности, путемъ соотвѣтствующаго питанія, развитъ свою половую систему.

ветъ человѣкъ, оказываетъ на него, помимо его сознанія, глубокое вліяніе въ психическомъ, умственномъ и моральномъ отношеніяхъ.

4) Естественная и искусственная среда.

Среда оказываетъ не только прямое вліяніе на функціонирующій органъ, напр., въ случаѣ съ піанистомъ и землекопомъ—на руку, но и косвенное вліяніе на всѣ остальные органы. Это вліяніе на весь организмъ привело естествоиспытателей къ признанію теоріи Жоффруа Сентъ-Илера, которую онъ назвалъ *«субординаціей органовъ»* и которую Кювье изложилъ слѣдующимъ образомъ: «Каждое органическое существо образуетъ единую замкнутую систему, совокупность частей, другъ другу соотвѣтствующихъ и путемъ взаимодѣйствія стремящихся къ одному и тому же конечному результату. Ни одна изъ этихъ частей не можетъ измѣниться, не вызывая измѣненій также въ другихъ частяхъ» (Рѣчь о переворотахъ на земной поверхности). Такъ, напр., форма зубовъ какого нибудь животнаго, привыкшаго въ теченіе многихъ поколѣній къ новому роду пищи, не можетъ измѣниться, не вызывая цѣлаго ряда другихъ измѣненій: въ челюстяхъ, въ мускулахъ, которые приводятъ ихъ въ движеніе, въ черепной кости, къ которой прикрѣплены мускулы, въ мозгу, заключенномъ въ черепъ⁴⁾, въ костяхъ и мускулахъ, поддерживающихъ голову, въ формѣ и длинѣ кишекъ, однимъ словомъ, во всѣхъ частяхъ его тѣла. Дарвинъ утверждаетъ, что скелетъ нѣкоторыхъ видовъ шотландской коровы подвергся различнымъ измѣненіямъ исключительно въ силу привычки пастись на крутыхъ склонахъ. Естествоиспытатели единодушно признали, что тюлени, киты и т. д. первоначально были земными млекопитающими, но, найдя въ морѣ болѣе благопріятныя условія питанія, поселились въ водѣ. Этотъ новый образъ жизни измѣнили, слѣдовательно, кореннымъ образомъ ихъ органы, сведя излишніе до положенія рудиментар-

⁴⁾ Анатомы полагаютъ, что у плотоядныхъ сильное развитіе височныхъ мускуловъ, вслѣдствіе оказываемаго ими давленія на черепную крышку, мѣшаетъ развитію мозга, такъ что онъ относительно малъ по сравненію съ мозгомъ тѣхъ животныхъ, которыя, подобно человѣку, имѣютъ малоразвитой жевательный аппаратъ и слабые височные мускулы. Въ какомъ-нибудь отдѣльномъ случаѣ возможно, вѣроятно, путемъ искусственнаго ослабленія этихъ мускуловъ измѣнить внутреннее строеніе черепа и увеличить объемъ мозга.

ныхъ остатковъ и, напротивъ, развѣвъ другіе и приспособивъ ихъ къ требованіямъ новой водной стихіи. Растенія Сахары и другихъ пустынь должны были, чтобы приспособиться къ изсохшей средѣ, ограничить свой ростъ и свести число своихъ листьевъ къ двумъ или четыремъ; процессъ ихъ роста совершается не такъ, какъ въ нормальныхъ условіяхъ: лѣтомъ, въ періодъ жаровъ, они приостанавливаются въ ростѣ, а растутъ зимой, въ относительно прохладное и влажное время года.

Космическая или естественная среда, къ которой растенія и животныя должны приспособиться подѣ страхомъ смерти, тоже образуетъ, подобно органическимъ существамъ, оложную систему безъ точныхъ границъ, составными частями которой являются: геологическая формація почвы, ея химическій составъ, отдаленность мѣста отъ экватора, высота его надъ моремъ, орошающая его водная система, количество атмосферныхъ осадковъ и солнечной теплоты и, наконецъ, населяющій его міръ животныхъ и растеній. Всѣ эти части такъ тѣсно переплетаются, что ни одна изъ нихъ не можетъ измѣниться, не вызывая измѣненій также и въ остальныхъ. И если измѣненія въ естественной средѣ не такъ значительны, какъ у органическихъ существъ, то они все же замѣтны. Лѣса, напримѣръ, оказываютъ вліяніе на температуру, на количество атмосферныхъ осадковъ, на влажность почвы. Дарвинъ показалъ, что такія ничтожныя животныя, какъ черви, оказывали существенное вліяніе на образованіе почвы; Бертело и нѣмецкіе агрономы Гельригель и Вильфартъ доказали, что микробы, паразитирующіе на корняхъ легуминозъ, дѣлаютъ почву болѣе плодородной. Разводъ растенія и скотъ, человѣкъ оказываетъ замѣтное вліяніе на естественную среду. Вырубаніе лѣсовъ, начавшееся еще во времена римлянъ, превратило плодородныя мѣстности Азіи и Африки въ необитаемыя пустыни. Растенія, животныя и люди, подвергаясь въ дикомъ состояніи исключительному вліянію среды и не имѣя иныхъ средствъ защиты, кромѣ способности своихъ органовъ къ приспособленію, должны въ концѣ концовъ, если они въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній живутъ въ различной средѣ, подвергнуться дифференціаціи, хотя бы они имѣли одно общее происхожденіе. Разнородная среда раздѣляетъ растенія и животныхъ, а также людей, на различныя расы.

Человѣкъ не только измѣняетъ естественную среду, но и создаетъ совершенно новую, *искусственную* или *соціальную* среду, которая ограждаетъ его организмъ отъ вредныхъ вліяній естествен-

ной среды или, по крайней мѣрѣ, значительно ихъ ослабляетъ. Но эта искусственная среда, въ свою очередь, оказываетъ подобно естественной средѣ, вліяніе на человѣка, который, такимъ образомъ, подвергается дѣйствію двоякаго рода среды. Различные виды созданной людьми искусственной среды имѣютъ между собою большое сходство, такъ что люди одновременно подвергаются дифференцирующему вліянію разнородной естественной среды, въ которой они живутъ, и вліянію однородной искусственной среды, которая ведетъ къ уменьшенію расовыхъ различій, порождая одинаковыя потребности, одинаковыя страсти и одинаковую культуру. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ одинаковость широты и высоты данныхъ мѣстностей и связанная съ нею одинаковость флоры и фауны.

Такъ искусственная среда стремится объединить человѣческій родъ, раздѣленный на расы естественной средой.

Эволюція естественной среды совершается необычайно медленно. Поэтому тѣ виды растений и животныхъ, которые къ ней приспособились, оказываются неподвижными.

Въ искусственной средѣ, напротивъ, эволюція совершается со все возрастающей быстротой; именно поэтому человѣческая исторія, по сравненію съ исторіей животныхъ и растений, носитъ характеръ необычайной подвижности и измѣнячивости.

Искусственная среда совершенно такъ же, какъ органическое существо и естественная среда, образуетъ сложную систему, всѣ части которой находятся въ такомъ соотвѣтствіи и такъ тѣсно между собой связаны, что ни одной изъ нихъ нельзя тронуть, не приведя въ сотрясеніе всѣхъ остальныхъ.

У дикихъ народовъ искусственная среда состоитъ изъ весьма немногихъ частей и отличается крайней простотой, но по мѣрѣ того, какъ человѣкъ прогрессируетъ, присоединяя къ ней новыя составныя части или дальше развивая уже существующія, она становится все болѣе сложной. Начиная съ историческаго періода, искусственную среду составляютъ—способъ производства, социальныя, политическія и правовыя отношенія, привычки, нравы и моральныя воззрѣнія, общественное мнѣніе и здравый человѣческій разумъ, религія, литература, искусство, философія и т. д. и, наконецъ, сами люди, живущіе въ обществѣ. Если бы всѣ эти связанные между собой части были устойчивы и неподвижны или измѣнялись бы лишь очень медленно, подобно частямъ естественной среды, тогда искусственная среда, оставаясь всегда въ равновѣсіи, не имѣла бы вовсе исторіи. Но въ дѣйствительности ея равновѣсіе отличается

весьма неустойчивымъ характеромъ и непрерывно нарушается въ слѣдствіе измѣненій, происходящихъ въ одной изъ частей системы и вызывающихъ соотвѣтствующія реакціи въ остальныхъ ея частяхъ.

Части органическаго существа и естественной среды оказываютъ другъ на друга прямое, такъ сказать, механическое воздѣйствіе. Когда, напр., слой плодородной почвы въ какомъ нибудь мѣстѣ увеличился благодаря дождевымъ червямъ или по какой либо другой причинѣ, то на немъ вмѣсто худосочныхъ растений сможетъ вырасти цѣлый лѣсъ, который въ свою очередь повліяетъ на количество атмосферныхъ осадковъ, благодаря чему водная система въ данномъ мѣстѣ расширится, благодаря чему... и т. д. Но части искусственной среды могутъ воздѣйствовать другъ на друга только при посредствѣ человѣка. Подвергшаяся измѣненію часть должна прежде всего преобразовать людей въ духовномъ и физическомъ отношеніяхъ, должна побудить ихъ такъ измѣнить другія части, чтобы онѣ достигли того же уровня развитія, что и она, ибо только тогда онѣ не будутъ задерживать ея дальнѣйшаго развитія, находясь съ ней въ полномъ соотвѣтствіи. Нарушенное равновѣсіе между отдѣльными составными частями искусственной среды нерѣдко можетъ быть восстановлено только путемъ борьбы между той группой людей, которая заинтересована въ данномъ частичномъ преобразованіи, и всѣми остальными членами общества.

Для иллюстраціи этой роли человѣка въ процессѣ измѣненія составныхъ частей искусственной среды, достаточно привести нѣсколько историческихъ фактовъ изъ совѣтъ недавняго прошлаго.

Когда промышленность стала пользоваться динамической силой пара, ей понадобились новыя транспортныя средства для перевозки топлива сырья и фабрикатовъ. И вотъ она внушила заинтересованнымъ промышленнымъ кругамъ мысль объ устройствѣ вагона на желѣзныхъ рельсахъ, приводимаго въ движеніе силою пара, и эта мысль была во Франціи практически осуществлена впервые около 1830 года. Но когда захотѣли придать этому опыту болѣе широкое примѣненіе, то пришлось натолкнуться со всѣхъ сторонъ на весьма сильное сопротивленіе,—и только по прошествіи многихъ лѣтъ новый способъ передвиженія получилъ всеобщее признаніе. Характерно, что также Тьеръ, этотъ политическій вождь цензовой буржуазіи и представитель здраваго человѣческаго разсудка, сильно сопротивлялся введенію новаго способа передвиженія, доказывая невозможность функціонированія желѣзныхъ дорогъ. Но послѣднія

опрокинули всѣ разумные доводы и, наряду со многими другими невозможными вещами, потребовали преобразованія тѣхъ отношеній собственности, которыя служили базисомъ для соціального зданія господствовавшей тогда буржуазіи. Въ самомъ дѣлѣ, до того времени буржуа занимался промышленностью и торговлей только на свои собственные деньги, въ крайнемъ случаѣ прибѣгая къ помощи немногихъ друзей и знакомыхъ, которые вѣрили въ его честность и удачу. Онъ распоряжался деньгами и былъ дѣйствительнымъ собственникомъ фабрики или торговаго дома. Но желѣзныя дороги требовали такихъ чудовищныхъ капиталовъ, что было невозможно найти ихъ въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ. И вотъ тысячи гражданъ стали довѣрять свои кровныя денежки, которыхъ они никогда не выпускали изъ рукъ, такимъ людямъ, именъ которыхъ они почти не знали, о честности и способностяхъ которыхъ они не имѣли даже понятія. А разъ деньги были отданы, они теряли надъ ними всякій контроль, не имѣя даже права собственности на вокзалы, вагоны локомотивы и т. д., изготовленные на эти деньги. Они получили только право на чистую прибыль; вмѣсто предмета, имѣющаго объемъ, вѣсъ и другія субстанціальныя свойства, имъ взамѣнъ денегъ выдаютъ простой листъ бумаги, представляющій фикцію безконечно маленькой и невѣомай частицы дѣйствительной собственности. На всемъ протяженіи буржуазнаго строя собственность никогда не облакалась въ такую метафизическую форму. Форма эта, экспрессивировавшая собственность (или—«обезличившая» ее), стояла въ такомъ рѣзкомъ противорѣчій съ прежней формой, которая была привычна буржуазіи въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній, что въ защиту ея выступили только люди, обвиняемые во всяческихъ преступленіяхъ, извѣстные своимъ стремленіемъ къ ниспроверженію существующаго общественнаго строя—только социалисты: Фурье и С.-Симонъ первые опфнили процессъ мобилизаціи собственности благодаря бумажнымъ акціямъ¹⁾. Въ рядахъ ихъ учениковъ мы встрѣчаемъ промышленниковъ, инженеровъ, финансистовъ, участво-

¹⁾ Фурье въ своемъ „*Traité de l'unité universelle*“ подробно перечисляетъ выгоды, которыя данная форма собственности представляетъ для капиталиста: „Она не подвергается опасности быть украденной или пострадать отъ огня или даже отъ землетрясенія... Несовершеннолѣтній никогда не рискуетъ, что его интересы пострадаютъ отъ плохого управленія его имуществомъ, такъ какъ для него управленіе такое же, какъ и для всѣхъ акціонеровъ... Капиталистъ, даже если онъ владѣетъ сот-

вавшихъ въ революціи 1848 г. и помогавшихъ Наполеону совершить государственнѣйшій переворотъ. Политическими революціями они пользовались для преобразованія экономическаго міра путемъ централизаціи банковаго дѣла, путемъ легализаціи новой формы собственности и созданія сѣти французскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Крупное механическое производство, которому приходится изъ далекихъ странъ добывать себѣ топливо и сырье и по всему свѣту разослать свои фабрикаты, не можетъ допустить раздробленія страны на рядъ независимыхъ маленькихъ государствъ, каждое съ особой системой пошлинъ, законовъ, мѣръ и вѣсовъ, монеты, банковъ и т. д.; крупное производство нуждается для своего развитія въ существованіи объединенныхъ государствъ. Италія и Германія выполнили эти требованія крупной промышленности только послѣ кровопролитныхъ войнъ. Тьеръ и Прудонъ, у которыхъ такъ много общихъ точекъ соприкосновенія, такъ какъ они оба выражали интересы мелкой буржуазіи,—Тьеръ и Прудонъ тоже принадлежали къ горячимъ защитникамъ независимости государствъ итальянскихъ князей и папы.

Такъ какъ человѣкъ создаетъ и измѣняетъ части искусственной среды, то, очевидно, движущей силой исторіи является именно онъ, какъ думаютъ Вико и народная мудрость, а не метафизическія существа (справедливость, прогрессъ, гуманность, отечество и т. д.), какъ упрямо твердятъ историки и философы. Эти ложныя и полныя противорѣчія представленія варьируютъ отъ одной исто-

ней миллионъ, въ любой моментъ можетъ реализовать свое состояніе“ и т. д. Она обезпечиваетъ социальный міръ, „ибо революціонныя стремленія переходятъ въ любовь къ существующему строю, какъ только человѣкъ становится собственникомъ“, а съ другой стороны, „бѣднякъ, владѣющій даже однимъ только талеромъ, можетъ получить свою часть въ народныхъ акціяхъ, которыя раздѣлены на самыя маленькія доли... и такимъ образомъ можетъ, правда, въ безконечно маломъ масштабѣ, стать совладѣльцемъ всей страны и съ полнымъ правомъ говорить о *нашихъ* дворцахъ, *нашихъ* магазинахъ, *нашихъ* драгоценностяхъ“. Наполеонъ III и его соучастники въ государственномъ переворотѣ очень сочувствовали этимъ идеямъ; они облегчили самымъ мелкимъ собственникамъ приобрѣтеніе государственной ренты, которая была до того монополіей однихъ только богачей; они *демократизировали* государственную ренту, какъ выразился одинъ изъ нихъ, давъ право покупать ренту на 5 и даже на 1 франкъ. Этимъ они думали заинтересовать массы въ устойчивости государственнаго кредита и предупредить политическія революціи.

рической эпохи къ другой, отъ одной, общественной группы къ другой, ибо они служатъ идейнымъ отраженіемъ тѣхъ явленій, которыя совершаются въ различныхъ частяхъ искусственной среды. Такъ, напр., чиновникъ, работодатель и рабочій имѣютъ каждый иное представленіе о справедливости. Соціалистъ понимаетъ надъ справедливостью—возвратъ богатствъ, украденныхъ у рабочихъ, а капиталистъ—сохраненіе всего того, что нагреблено у наемнаго труда; и такъ какъ экономическая и политическая власть находится въ рукахъ капиталиста, то его представленіе о справедливости является господствующимъ и имѣетъ силу закона. Пользуясь тѣмъ, что одно и то же слово прикрываетъ различныя представленія о справедливости, буржуазія сдѣлала изъ этой идеи орудіе своего господства и обмана.

Та часть соціальной среды, въ которой протекаетъ дѣятельность человѣка, даетъ ему физическое, интеллектуальное и моральное воспитаніе. Это воспитаніе, даваемое обстановкой, которая порождаетъ въ его умѣ опредѣленныя идеи и приводитъ въ движеніе его страсти, носить безсознательный характеръ; свои дѣйствія человѣкъ приписываетъ свободному импульсу своихъ страстей и мыслей, тогда какъ въ дѣйствительности онъ только поддается вліяніямъ, оказываемымъ на него частью искусственной среды, которая можетъ воздѣйствовать на другія свои части лишь при посредствѣ его идей и страстей.

Повинуясь безсознательно косвенному вліянію среды, человѣкъ приписываетъ руководство своими поступками Богу или божественному существу.

Какова же наименѣе неподвижная часть искусственной среды, та часть, которая чащо всего измѣняется количественно и качественно и относительно которой легче всего допустить, что она измѣняетъ человѣка физически, умственно и нравственно?

Марксъ отвѣчаетъ: способъ производства.

Подъ этимъ Марксъ понимаетъ не то, что человѣкъ производитъ, а то, какъ онъ производитъ. Ткачествомъ занимались еще въ доисторическій періодъ, но лишь около ста лѣтъ тому назадъ стали ткать при помощи машинъ. Машинное производство составляетъ отличительную черту современной промышленности. Мы имѣемъ чрезвычайно наглядный примѣръ его непреодолимой стихійной силы, способной преобразовать соціальныя, экономическія, политическія и правовыя условія жизни народа: введеніе машиннаго производства превратило Японію на протяженіи одного по-

колѣнія изъ средневѣковаго феодальнаго государства въ конституціонно-капиталистическое.

Такое могучее вліяніе способъ производства приобрѣтаетъ благодаря различнымъ причинамъ. Производство привлекаетъ къ себѣ прямо или косвенно энергію огромнаго большинства народа, и только незначительное меньшинство проявляетъ свою дѣятельность въ другихъ частяхъ искусственной среды. Но и это меньшинство чтобы добыть себѣ средства къ матеріальному и интеллектуальному существованію, вынуждено интересоваться производствомъ. Въ результатѣ всѣ люди испытываютъ вліяніе способа производства на ихъ духовную и физическую жизнь, и лишь самое незначительное число людей подчиняется вліянію другихъ частей среды. Но такъ какъ отдѣльныя составныя части искусственной среды воздѣйствуютъ при посредствѣ человѣка другъ на друга, то та часть, которая наиболѣе способна привести въ колебаніе всю систему, будетъ оказывать вліяніе на большинство людей.

Въ искусственной средѣ дикаря способъ производства играетъ сравнительно второстепенную роль, но значеніе его у цивилизованныхъ народовъ все возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ человѣкъ все больше познаетъ и подчиняетъ себѣ силы природы. Этотъ процессъ подчиненія природы начался еще въ до-историческій періодъ съ переходомъ отъ каменныхъ орудій къ бронзовымъ и желѣзнымъ.

Способъ производства играетъ такую выдающуюся роль не только потому, что въ производство вовлечена огромная масса людей, но еще и потому, что въ него вовлечены «три фурии частнаго интереса» (Марксъ), три великихъ порока, которые Вико считалъ пружинами исторіи—жестокосердіе, корыстолюбіе и честолюбіе.

Способъ производства такъ быстро прогрессируетъ, что участвующіе въ производствѣ люди вынуждены постоянно преобразовывать другія части среды, чтобы удержать ихъ на уровнѣ развитія способа производства. Сопротивленіе, на которое они при этомъ наталкиваются, непрерывно создаетъ экономическіе и политическіе конфликты.

Итакъ, когда хотятъ открыть основныя причины историческаго движенія, необходимо искать ихъ въ способѣ производства матеріальной жизни, которому, по выраженію Маркса, подчинено все вообще развитіе соціальной, политической и духовной жизни чело-вѣчества.

Я. Штернь.

Экономическій и натуръ-философскій матеріализмъ.

Натуръ-философскій матеріализмъ, представителями котораго были: въ древней Греціи—Демокритъ и его школа, въ XVIII столѣтіи—энциклопедисты, въ новѣйшее время—Карль Фогтъ, Людвигъ Бюхнеръ и др.,—и *экономическій* или *историческій* матеріализмъ Маркса и Энгельса, несмотря на сходство названій, представляютъ, однако, двѣ совершенно различныхъ теоріи и относятся къ разнымъ областямъ.

Въ то время, какъ натуръ-философскій матеріализмъ занимается объясненіемъ *природы*, спеціально останавливаясь на отношеніи духа къ матеріи,—задачей *экономическаго* матеріализма является объясненіе *человѣческой исторіи*, ея явленій и процессовъ.

Хотя объ *экономическомъ* матеріализмѣ писалось очень много, но до сихъ поръ еще не разработанъ съ достаточной ясностью вопросъ объ отношеніи его къ натуръ-философскому матеріализму. Обыкновенно молчаливо принимаютъ, что между обѣими теоріями существуетъ тѣсная связь, что *экономическій* матеріализмъ держится на натуръ-философскомъ.

Безъ сомнѣнія, *историческая* связь между обѣими теоріями существуетъ, такъ какъ *экономическій* матеріализмъ развился изъ натуръ-философскаго. Но есть ли между ними *логическая* связь? Является ли натуръ-философскій матеріализмъ дѣйствительно необходимой предпосылкой *экономическаго*?

Сущность натуръ-философскаго матеріализма сводится къ слѣдующему: *матерія* есть абсолютное, вѣчно сущее бытіе, все же *духовное* (психическое: ощущенія, чувства, воля, мышленіе) является лишь продуктомъ ея. Матерія обладаетъ безконечнымъ множествомъ силъ («матерія и сила»), которыя всѣ можно свести на

движеніе; послѣднее также вѣчно. Подъ вліяніемъ вѣдмодѣствія различныхъ силъ, въ сложныхъ живыхъ организмахъ возникаетъ духовная жизнь, исчезающая съ разложеніемъ этихъ силъ. Всѣ явленія, въ томъ числѣ и человѣческія желанія и поступки, подчинены закону причинности и обусловлены матеріальными причинами.

Это міровоззрѣніе стоитъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи къ религіозно-церковному, спиритуалистическому ученію о Богѣ, душѣ и свободѣ воли.

Совершенно ясно, что и экономическій матеріализмъ имѣетъ своей необходимой предпосылкой признаніе зависимости всѣхъ явленій, включая сюда и человѣческую жизнь, отъ имманентныхъ причинъ, другими словами, признаніе естественной закономерности всего сущаго и совершающагося. Лишь послѣ того, какъ случай и произволь были изгнаны изъ историческаго процесса, можно было взяться за отысканіе движущей силы этого процесса и найти ее въ матеріальныхъ условіяхъ.

Но натуръ-философскій матеріализмъ вовсе не единственная система, включающая въ себя закономерность всѣхъ явленій. Да онъ вовсе и не является основателемъ этого, такъ называемаго, механическаго міровоззрѣнія: таковымъ скорѣе слѣдуетъ считать *спинозизмъ*, который даетъ совершенно другое рѣшеніе основной проблемы натуръ-философскаго матеріализма объ отношеніи духа къ матеріи.

Спинозовскій «монизмъ» такъ же діаметрально противоположенъ церковному спиритуализму, какъ и натуръ-философскій матеріализмъ,—вѣдь онъ съ самаго начала выступилъ противъ картезіанскаго дуализма, совпадающаго съ церковнымъ міровоззрѣніемъ,—но въ отличіе отъ этого матеріализма онъ не видитъ въ духовныхъ (психологическихъ) явленіяхъ продуктъ матеріи.

Съ точки зрѣнія спинозовскаго монизма, мышленіе и протяженіе, духъ и матерія, психическое и физическое, не представляютъ собою различныхъ субстанцій (какъ училъ Декартъ), точно также психическое не представляетъ собою явленія второго порядка (какъ учить матеріализмъ), но оба они—двѣ стороны, два «аттрибута» единой субстанціи, вѣчной, безконечной субстанціи, «абсолюта», какъ выражается повдвѣшая философія. *Психическій и физическій рядъ протекають параллельно.* Каждая вещь имѣетъ матеріальную и духовную сторону, такъ что и неорганический міръ обладаетъ психическими качествами; каждый атомъ «одуше-

вленъ», конечно, въ различной степени («omnia—sc. individua—quamvis diversis gradibus—animata sunt». Spinoza, Ethica, p. II, prop. XIII, schol).

Ученіе объ одушевленности матеріи было еще до Спинозы выставлено Джордано Бруно, но только у Спинозы оно получило *теоретико-познавательную* обосновку. (Кстати замѣчу, что спинозовская система представляет собою не «догматическое» умозрѣніе, какъ полагаетъ ходячая школьная философія, а логическій результатъ глубокаго анализа содержанія сознанія и, слѣдовательно, строгаго «критицизма», родоначальникомъ котораго совершенно ошибочно считаютъ Канта).

Я не могу болѣе подробно останавливаться на значеніи ученія о субстанціи и ея атрибутахъ (которыя съ точки зрѣнія теорій познанія не исчерпываются двумя, доступными человѣческому разуму: отсюда *infinita attributa*), такъ какъ я сейчасъ изслѣдую только вопросъ объ отношеніи экономическаго матеріализма къ натуръ-философскому.

Эта теорія психо-физическаго параллелизма, впервые получившая гносеологическую—или, если угодно, «умозрительную»—обосновку у Спинозы, нашла себѣ твердую эмпирическую опору въ результатахъ новѣйшихъ физиологическихъ изслѣдованій и, благодаря этому, стала пріобрѣтать себѣ все больше сторонниковъ въ мірѣ ученыхъ. Вѣдь можно уже считать твердо установленнымъ наукой, что каждому психическому явленію соответствуетъ физическое, и наоборотъ.

Такъ напримѣръ, Вильгельмъ Вундтъ въ своихъ лекціяхъ о душѣ животныхъ и человѣка, опровергнувъ прежнюю гипотезу о душѣ и доказавъ неразрывную связь душевныхъ явленій съ тѣломъ, пишетъ (въ концѣ 57-й лекціи): «Не должны ли мы принять и обратно, что физическія явленія можно мыслить только въ связи съ психическими? Если правильно наше утвержденіе, что физическія и психическія явленія сами по себѣ тождественны и оказываются различными только для методовъ нашего наблюденія, то на этотъ вопросъ безусловно слѣдуетъ отвѣтить утвердительно». Вундтъ полагаетъ, что хотя это и метафизическое предположеніе, поскольку оно выходитъ за предѣлы опытнаго наблюденія, но «отъ всѣхъ предыдущихъ гипотезъ оно существенно отличается тѣмъ, что строго придерживается опыта и представляет собою даже не что иное, какъ необходимый выводъ изъ опыта».

Оба атрибута никоимъ образомъ не должны разсматриваться,

какъ два процесса, протекающіе рядомъ и съ одинаковымъ темпомъ, напр., какъ два зубчатыхъ колеса, вращающихся вокругъ одной и той же оси; нѣтъ, здѣсь передъ нами *одинъ* процессъ, двоякимъ образомъ воспринимаемый человѣческимъ сознаниемъ—матеріально и духовно, физически и психически. Такъ, напр., голодъ, если разсматривать его матеріально, представляетъ собой недостатокъ въ опредѣленныхъ веществахъ, а, разсматриваемый психически, представляетъ чувство неудовольствія; насыщеніе матеріально представляетъ восполненіе дефицита въ организмѣ, а психически—чувство удовольствія. Но человѣческому интеллекту непосредственно доступна только психическая сторона его собственной индивидуальности, въ другихъ индивидуумахъ и вещахъ онъ замѣчаетъ одни только матеріальные процессы и притомъ лишь болѣе грубые изъ нихъ (напр., не колебанія атомовъ и молекулъ, играющія такую важную роль въ физическихъ и химическихъ процессахъ); даже матеріальные коррелаты своихъ собственныхъ психическихъ состояній онъ знаетъ лишь въ самой незначительной части. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что наблюденіе и изслѣдованіе идутъ въ одномъ случаѣ матеріальнымъ путемъ, въ другомъ—психическимъ, смотря по тому, какая сторона—матеріальная или психическая—имъ болѣе доступна, хотя съ матеріальнымъ всегда неизмѣнно связано психическое, а съ психическимъ—матеріальное.

Натуръ-философскій матеріализмъ, поскольку онъ объявляетъ духъ явленіемъ второго порядка, продуктомъ матеріальныхъ силъ—короче говоря, фогтъ-бюхнеровскій матеріализмъ—оказывается при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи совершенно недостаточной и притомъ довольно поверхностной теоріей. Онъ основывается на неправильномъ примѣненіи категоріи причинности, такъ какъ, въ виду специфическаго отличія въ нашемъ сознаніи психическихъ феноменовъ отъ физическихъ, между матеріальной силой и духовнымъ качествомъ недостаетъ связующаго звена. Совершенно непонятно, какимъ образомъ въ животной клѣткѣ, какъ *Deus ex machina*, появляется ощущеніе (основной психическій элементъ); напротивъ, необходимо принять, что и неорганическому міру свойственно—конечно, минимальное и простое—психическое качество, которое, однако, по мѣрѣ поднятія по лѣстницѣ живыхъ существъ, все болѣе усложняется и повышается. Но тогда и самое понятіе «протяженія» или «матеріи» сводится къ особой формѣ мышленія и оказывается просто комплексомъ представленій.

Натуръ-философскій матеріализмъ, хотя онъ и стоитъ на ко-

роткой ногѣ съ современнымъ естествознаніемъ, все же примыкаетъ еще въ существенномъ къ старому и устарѣвшему метафизическому направленію въ философіи. Новѣйшая философія отказалась отъ вреднаго вмѣшательства въ дѣла опытнаго естествознанія и отъ разрѣшенія вопросовъ, выходящихъ за ея горизонтъ; она нашла свою спеціальную область въ *теоріи познаній*, и въ этой области она впервые станетъ тѣмъ, чѣмъ когда-то считала себя: наукой наукъ, ибо всякое знаніе, даже опытное, лучше всего развивается, когда увѣренно идетъ по указанному теоріей познанія пути. Философія, какъ теорія познанія, сама является опытной, точной наукой, наукой о мышленіи, его формахъ и законахъ. По этому пути движется и экономическій матеріализмъ, который со спинозовскимъ монизмомъ гармонируетъ по меньшей мѣрѣ такъ же хорошо, какъ съ натуръ-философскимъ матеріализмомъ. Болѣе того: обычное сближеніе экономическаго матеріализма съ натуръ-философскимъ не разъ затрудняло правильное пониманіе перваго, не разъ вызывало недоразумѣнія, у которыхъ при свѣтѣ монизма заранѣе отнята была бы всякая почва.

Проф. К. фонъ-Келдесъ-Краузь.

Марксизмъ и позитивизмъ.

I.

Тотъ фактъ, что теорія экономическаго матеріализма нерѣдко подвергается критикѣ съ позитивистской точки зрѣнія, и что ученики Огюста Конта не выказываютъ особаго расположенія къ этой новой марксистской социологіи,—этотъ фактъ можетъ, пожалуй, съ перваго взгляда показаться страннымъ, но, если ближе къ нему приглядѣться, онъ становится вполне понятнымъ. Вѣдь самъ Огюстъ Контъ со свойственной ему необычайной проницательностью замѣтилъ: «Что мы замѣняемъ, то мы разрушаемъ». И вотъ, на пути позитивизма къ побѣдѣ, на его пути къ завоеванію всѣхъ областей современнаго мышленія, марксистская социологія является первымъ и единственнымъ противникомъ, умѣющимъ пользоваться тѣмъ же орудіемъ, что и онъ, умѣющимъ опираться на тѣ же принципы и удовлетворять тѣ же насущныя потребности,—и притомъ гораздо болѣе усовершеннымъ способомъ. Какъ наслѣдникъ позитивизма, марксизмъ неизбежно является его врагомъ: здѣсь мы снова находимъ простое примѣненіе контовскаго афоризма, вполне соответствующаго революціонному духу гегелевской діалектики.

Однако, это враждебное отношеніе нерѣдко заходитъ слишкомъ далеко. Одинъ выдающійся писатель марксистской школы не колебался назвать Конта выродившимся и реакціоннымъ ученикомъ гениальнаго Сень-Симона,—выраженіе, составляющее рѣзкій контрастъ съ тѣмъ глубокимъ почтеніемъ, какое марксисты выказываютъ къ другому реакціонеру—Гегелю, котораго они никогда не ругаютъ, довольствуясь тѣмъ, что перешагнули черезъ него. А между тѣмъ, развѣ Контъ во Франціи не играетъ въ философской реставраціи, характеризующей средину XIX вѣка, той же роли,

какую Гегель игралъ въ Германіи, и развѣ его философія содержитъ меньше элементовъ, способныхъ путемъ діалектическаго развитія превратиться въ революціонныя? Этимъ именно вопросомъ мы сейчасъ и займемся. Но къ какимъ бы результатамъ мы ни пришли—одно можно считать твердо установленнымъ: что марксизмъ непосредственно ничѣмъ не обязанъ контизму, такъ какъ послѣдній не игралъ роли въ генеалогіи марксизма ни какъ цѣлое, ни въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ. Конечно, марксизмъ—вполнѣ позитивная соціологія, но онъ почерпнулъ позитивизмъ и историческій реализмъ, эти столь противоположные статическому раціонализму и формально-политическому мышленію XVIII вѣка элементы, непосредственно изъ сенъ-симониистскаго источника, и подвергъ ихъ дальнѣйшему развитію совершенно независимо, съ такимъ же правомъ, какъ и самъ контизмъ, но при этомъ онъ прибавилъ къ нимъ еще два важныхъ момента: монизмъ и революціонную діалектику. И въ томъ, и въ другомъ пунктѣ марксизмъ поступилъ безусловно послѣдовательно: это было духовнымъ завѣщаніемъ гегелевской философіи, которая сама, въ свою очередь, была наслѣдницей и въ то же время вѣнцомъ всего иѣмецкаго идеализма.

Такимъ образомъ марксизмъ не является дѣтищемъ контизма и никогда не хотѣлъ считаться имъ. Онъ забылъ даже то, что въ сущности они—братья, т. е. дѣти одного отца, хотя и рожденныя различными матерями и въ различные моменты развитія окружающей среды.

Дѣйствительно, въ послѣдователяхъ Конта марксисты имѣли родственные себѣ элементы, изъ которыхъ нѣкоторые, образовавшіе по аналогіи съ гегельянскою лѣвой—крайнюю лѣвую позитивизма, въ дальнѣйшемъ весьма близко подошли къ марксизму. Самымъ значительнымъ и извѣстнымъ изъ нихъ является *Гилльомъ де-Греефъ*, авторъ «*Transformisme social*»; я могу назвать еще другого, вполнѣ заслуживающаго этого: *Болеслава Лимановскаго*, Нестора польской соціологіи и вмѣстѣ съ тѣмъ польскаго социализма. Если примѣры этого рода встрѣчаются довольно рѣдко, то лишь потому, что число тѣхъ, которые называютъ себя еще позитивистами-контистами въ полномъ смыслѣ этого слова, само не очень велико; такіе контисты составляютъ скорѣе своего рода ортодоксальную церковь, очень мало способную жить и развиваться. Но вмѣсто нихъ, «контовская философія живетъ еще и развивается какъ разъ у тѣхъ, которые ведутъ съ ними борьбу», какъ

это удачно отмѣтилъ *Levy-Bruhl*,—и общая научная атмосфера, которую эта философія создала, и «которую мы вдыхаемъ подобно воздуху, не замѣчая ея», особенно благоприятна для развитія и распространенія экономическаго монизма и материалистическаго пониманія исторіи.

Прежде всего, однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ этой позитивной атмосферы является строгій социальный детерминизмъ и согласная во всѣхъ пунктахъ съ марксизмомъ концепція отношеній между личностью и обществомъ, а также роли отдѣльныхъ личностей въ ходѣ развитія человѣчества. Извѣстно изреченіе Конта, что человѣчество объясняетъ людей, а не люди—человѣчество. Индивидуальный человѣкъ для него—абстракція, ибо все, что есть въ человѣкѣ интеллектуальнаго и моральнаго, получено имъ отъ общества, такъ какъ социальное состояніе—въ формѣ семьи—было съ самаго начала естественнымъ состояніемъ человѣка. Мы—люди лишь постольку, поскольку составляемъ часть человѣчества. Въ дѣйствіяхъ и мысляхъ каждаго изъ насъ выражается совокупность дѣйствій окружающаго насъ общества въ прошломъ и настоящемъ. Сама наука, этотъ вѣнецъ человѣческой дѣятельности, составляетъ коллективный продуктъ человѣчества, плодъ совмѣстной работы всѣхъ людей, народа въ цѣломъ. Такимъ образомъ Контъ, въ противовѣсъ аристократическимъ раціоналистамъ, воскрешаетъ прекрасную и плодотворную традицію *Вико* ¹⁾, который въ этомъ пунктѣ, какъ и во многихъ другихъ, былъ его предшественникомъ. Мысль Конта «о глубокомъ тождествѣ между учеными и дѣятельной массой» соответствуетъ «открытію» неаполитанскаго философа, что «дѣйствительнымъ Гомеромъ» былъ народъ. Точно также своей блестящей теоріей языка и искусства, какъ продуктовъ и нераздѣльной собственности всего народа въ цѣломъ, онъ продолжаетъ дѣло творца «*Scienza nuova*»; онъ совершенствуетъ и модернизируетъ его, являясь провозвѣстникомъ демократическаго искусства, которое должно приблизиться къ социальной жизни, и такимъ образомъ онъ даетъ экономическому монизму цѣнный источникъ аргументовъ противъ тѣхъ, которые, съ цѣлью разрушить единый и цѣлостный коллективный характеръ социальной эволюціи, стараются преувеличить роль индивидуальных «изобрѣтеній» и даже прихотей въ этихъ областяхъ, мало еще изслѣдованныхъ съ монистиче-

¹⁾ О Вико ср. George Sorel: 'Was man von Vico lernt?—Socialistische Monatshefte, 1898 г., стр. 270 и слѣд.

ской точки зрѣнія и именно потому излюбленныхъ тѣми людьми, которые заявляютъ, что тутъ личность свободна отъ всякаго закона.

Но, не раздѣляя вѣры Вико въ божественное провидѣніе, руководящее человѣчествомъ, Контъ могъ лучше, чѣмъ онъ, понять эту роль индивидуальной дѣятельности, — и онъ опредѣлилъ ее совершенно такъ, какъ ее опредѣляютъ марксисты. Онъ говоритъ, что личность можетъ усиленно дѣйствовать только въ направленіи «прогресса», въ направленіи всей эволюціи общества; что великія личности только кажутся вождями общества, въ дѣйствительности же они лишь первые подчинены той коллективной эволюціи, которая незамѣтно выдвигаетъ каждую новую проблему, но въ ясномъ видѣ ставитъ ее передъ сознаніемъ людей лишь въ тотъ моментъ, когда даны уже также элементы и способъ рѣшенія; и что, вообще, «человѣкъ можетъ измѣнить. со статической точки зрѣнія, только интенсивность социальныхъ феноменовъ, а, съ динамической — только ихъ скорость».

Однако, ограничивая такимъ образомъ значеніе и самую возможность индивидуальной дѣятельности, Контъ отнюдь не хотѣлъ ее отрипать; напротивъ, онъ съ одинаковой силой подчеркивалъ обѣ стороны приведеннаго нами выше положенія, что ходъ развитія общества выражается въ индивидахъ и посредствомъ индивидовъ. Личность является лишь точкой пересѣченія социальныхъ силъ, но силы эти могутъ дѣйствовать лишь на индивидовъ и въ индивидахъ, гдѣ онѣ сталкиваются съ равнодѣйствующими другихъ социальныхъ силъ. Если весь міровой порядокъ представляетъ, согласно контовскому пониманію закона природы, «способную къ видоизмѣненіямъ фатальность», то и общество, которое болѣе сложно и, слѣдовательно, менѣе совершенно, должно и можетъ быть измѣняемо — и притомъ только посредствомъ дѣятельности индивидовъ. Отсюда вытекаетъ весьма устойчивая, положительная и идеалистическая мораль, которая отвергаетъ индетерминизмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ также фатализмъ и квіетизмъ, которая презираетъ эгоистовъ, этихъ «производителей навоза», не меньше, чѣмъ идеалистъ Мицкевичъ въ своей знаменитой романтической одѣ, обращенной къ молодежи, — мораль, которая заставляетъ человѣка жертвовать всей своей жизнью для будущихъ поколѣній, которая такъ же прекрасна, какъ и прочна, такъ же научна, какъ и поэтична, подобно морали стоицизма и социализма, двухъ другихъ реалистическихъ ученій, которыя на первый взглядъ кажутся сухими и мрачными. Читая апо-

логіи матеріалістическаго пониманія історіи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ впервые писались Энгельсомъ и затѣмъ учениками Маркса, никогда не находившимися подъ непосредственнымъ вліяніемъ Конта, какъ, напр., Мерингомъ и особенно Каутокимъ.—мы находимъ, поскольку рѣчь идетъ о такъ называемомъ фатализмѣ, анти-индивидуализмѣ и аморализмѣ или имморализмѣ этой теоріи, мысли, абсолютно тождественныя съ мыслями Огюста Конта.

Впрочемъ, такое сходство существуетъ не только между контизмомъ и марксизмомъ. Правда, между обѣими этими теоріями въ данномъ пунктѣ существуетъ не только общая аналогія, но и почти полное тождество, простирающееся даже на терминологію; но идея соціального детерминизма, т. е. зависимости индивидуальныхъ поступковъ отъ коллективныхъ законовъ, и даже идея личной и идеалистической морали, которая отнюдь не изъята изъ сферы дѣйствія детерминизма, а, напротивъ, именно имъ обусловлена,—эти идеи въ настоящее время почти единогласно приняты не только всѣми соціологами, но и большимъ числомъ историковъ. Среди послѣднихъ, правда, осталось еще немало такихъ, которые чувствуютъ къ нимъ антипатію. Эти историки, даже въ томъ случаѣ, если они проникнуты научнымъ и позитивнымъ духомъ, страннымъ образомъ полагаютъ, что духъ этотъ заключается въ томъ, чтобы, избѣгая всякихъ обобщеній, держаться отдѣльныхъ конкретныхъ фактовъ и отрицать существованіе историческихъ законовъ. Закончилъ вѣдь не такъ давно одинъ знаменитый историкъ¹⁾, проникнутый «либеральнымъ, свѣтскимъ, демократическимъ и западнымъ» духомъ, свою історію современной Европы слѣдующимъ поразительнымъ выводомъ: «Революція 1830 года была дѣломъ группы неизвѣстныхъ республиканцевъ, воспользовавшихся неопытностью Карла X; революція 1848 года была дѣломъ нѣсколькихъ демократическихъ и соціалистическихъ агитаторовъ, которымъ помогло неожиданное малодушіе Луи Филиппа; война 1870 года была личнымъ дѣломъ Бисмарка, подготовленнымъ личной политикой Наполеона III. Для этихъ грехъ непредвидѣнныхъ событій мы не можемъ найти ни одной общей причины въ интеллектуальномъ, политическомъ и экономическомъ состояніи европейскаго континента. Политическую эволюцію современной Европы опредѣлили три случая».

Эта нелюбовь къ обобщеніямъ, эта оклонность къ преувеличенію роли отдѣльныхъ личностей—сами по себѣ далеко не индивидуаль-

¹⁾ Профессоръ Сеньобостъ.

ныя и не случайныя явленія: они лишь слѣдствія инстинктивнаго опасенія, какъ бы въ результатѣ обобщеній, на основаніи установленныхъ законовъ, не пришлось признать господствующаго значенія фактора, вся дѣятельность котораго неудержимо толкаетъ къ революціонному будущему; они направлены специально противъ марксистскаго экономизма и матеріалистическаго пониманія исторіи. И въ настоящее время, въ борьбѣ противъ историческаго индетерминизма авангардное мѣсто занимаетъ уже не контизмъ, а марксизмъ, который, какъ мы увидимъ, нерѣдко бываетъ даже вынужденъ призвать позитивизмъ и его послѣдователей къ порядку, внушить имъ рѣшительное и полное почтеніе къ детерминистическому принципу и противодѣйствовать почти фатальной тенденціи, противорѣчащей этому принципу, которая состоитъ въ томъ, что контисты помѣщаютъ центръ тяжести въ интеллектуальной верхушкѣ общества—въ людяхъ, отмѣченныхъ Провидѣніемъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ основномъ противорѣчій контизма, мы обратимся къ еще болѣе тѣсной и специальной аналогіи между экономическимъ монизмомъ и контизмомъ: именно, къ классификаціи социальныхъ явленій въ опредѣленное число лежащихъ какъ бы другъ надъ другомъ слоевъ по степени ихъ *убывающей общности и возрастающей сложности*. Справедливо, конечно—и мы сразу же хотимъ это отмѣтить—что у Конта эта классификація нашла себѣ строгое и законченное примѣненіе только къ одной опредѣленной категоріи социальныхъ явленій:—къ наукамъ; тогда какъ въ социалистической школѣ, кромѣ Энгельса, установившаго совершенно независимо отъ Конта рядъ социальныхъ явленій, члены котораго послѣдовательно другъ друга обуславливаютъ, выступилъ еще одинъ ученый систематикъ, пришедшій съ крайней позитивистской лѣвой — де-Греефъ, который развилъ и точнѣе опредѣлялъ этотъ рядъ, взявъ за исходный пунктъ тотъ же контовскій критерій убывающей общности и возрастающей сложности, чтобы отсюда вывести послѣдовательную зависимость высшаго феномена отъ низшаго въ такомъ порядкѣ: явленія экономическія, генетическія, эстетическія, интеллектуальныя, моральныя, юридическія, политическія. Порядокъ членовъ, слѣдующихъ за экономикой, является не столь существеннымъ, и нѣтъ вовсе необходимости всѣмъ марксистамъ принять непремѣнно тотъ порядокъ, который установилъ де-Греефъ; самъ я предложилъ другой порядокъ¹⁾. Но особенно интересной и поразительной является

¹⁾ Экономика; мораль и право: собственности, семьи, государства;

устанавливаемая такимъ образомъ прямая аналогія между контовскою и марксистскою концепціей; де-Греефъ безъ труда могъ перейти отъ одной къ другой, и расширяя такимъ образомъ позитивистскую идею, онъ имѣлъ полное право утверждать, что онъ отнюдь ей не измѣняетъ.

Понятіе общности, лежащее въ основѣ классификаціи наукъ, не носитъ у Конта чисто логическаго характера, а скорѣе можетъ быть сведено къ отношенію зависимости: каждая наука можетъ развиваться и достигнуть «позитивной стадіи», т. е. стать дѣйствительной наукой, лишь въ тотъ моментъ, когда этого потребуетъ развитіе предшествующей науки, которая отличается болѣе общимъ и менѣе сложнымъ характеромъ. Съ этой точки зрѣнія Контъ разсматривалъ всѣ соціальныя и даже всѣ вообще космическія явленія, среди которыхъ наиболѣе тонкія, т. е. наиболѣе сложныя, подчинены у него въ отношеніи условій ихъ существованія болѣе грубымъ или, проще говоря, болѣе общимъ явленіямъ.

Правда, когда рѣчь идетъ объ интеллектуальныхъ проявленіяхъ человѣчества, онъ подчиняетъ ихъ нашему «организму» (organisation) и нашему «положенію» (situation), т. е. съ одной стороны, непосредственно біологическимъ явленіямъ, а, съ другой—фазѣ развитія наукъ, которую мы проходимъ, и зависящему отъ этого уровню цивилизаціи: какъ всѣ философы XVIII вѣка, основатель позитивизма не замѣчаетъ еще той основной роли, которую играютъ орудія производства, становясь между біологической средой и человѣкомъ и образуя кристаллизаціонный пунктъ для всей цивилизаціи. Но, несмотря на это, Контъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отмѣчаетъ тѣсную связь, существующую между наукой, даже самой высшей, и основными потребностями человѣческой жизни. Противники экономического матеріализма, какъ на единственный аргументъ, призванный накрыть его, такъ сказать, на мѣстѣ преступления и тѣмъ самымъ защитить «благородную независимость» интеллектуальной дѣятельности человѣка отъ его «грубыхъ нападковъ», ссылаются на прирожденное, естественное, свойственной человѣку любопытство, на зародыши не-экономическихъ, не-производительныхъ отношеній, которыя должны были возникнуть между человѣкомъ и природой съ самаго начала существованія человѣчества. Контъ же, напротивъ,

наука, искусство, философія, религія. (См. въ настоящ. сборникѣ статью того же автора: „Что такое экономическій матеріализмъ?“ *Примѣч. перев.*)

считаетъ это «прирожденное любопытство» однимъ изъ нашихъ вторичныхъ и позже возникшихъ влеченій, которое при зарожденіи науки могло играть лишь незначительную роль по сравненію съ утилитарными функціями охоты, войны—вообще, по сравненію съ «основнымъ стремленіемъ избѣжать страданій и смерти», что, какъ нетрудно видѣть, абсолютно тождественно съ «заботой о жизни» Липперта и съ «производствомъ потребительныхъ стоимостей» марксистовъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ Контъ вполнѣ опредѣленно говоритъ, что математика, напримѣръ, возникла изъ искусства измѣрять, которое примѣнялось главнымъ образомъ къ размежеванію полей; онъ признаетъ,—хотя и не выражается именно этими словами—, что алхимія была первой попыткой создать науку, примѣнимую къ производству и призванную удовлетворить новыя экономическія потребности, впервые въ то время возникшія. И вообще, далекій отъ того, чтобы вѣрить въ олимпійскую недоступность науки, Контъ всегда признавалъ ея зависимость отъ необходимыхъ потребностей человѣческой жизни и всегда видѣлъ источникъ ея въ соотвѣтствующемъ искусствѣ. Правда, наряду съ этимъ, Контъ утверждаетъ, что наука, будучи утилитарной по своему происхожденію и своей цѣли, можетъ, однако, развиваться, только забывая по возможности это утилитарное происхожденіе и эту утилитарную цѣль, т. е. становясь «чистой» наукой и самодовлѣющей цѣлью; и онъ ссылается на тотъ разительный примѣръ, что безъ вычислѣній и самыхъ безкорыстныхъ спекуляцій геометровъ въ космической механикѣ было бы невозможно управлять кораблями въ открытомъ морѣ. Но считать эту мысль Конта противорѣчащей или чуждой экономическому матеріализму можно только при отсутствіи знакомства съ сочиненіями писателей, рассмотрѣвшихъ безпристрастно этотъ вопросъ. Уже Энгельсъ призналъ необходимую независимость, достигаемую наукой. Польскій соціологъ І. К. Потоцкій, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ марксизма, формулировалъ, исходя изъ синтеза идей Спенсера и Гюйо, эстетическую теорію, всецѣло проникнутую тѣмъ же духомъ. По этой теоріи, происхожденіе и тенденція искусства всегда носятъ утилитарный и соціальный характеръ, но самое искусство въ дѣйствительности начинается лишь съ того момента, когда исчезаетъ всякое сознаніе опредѣленнаго утилитарнаго элемента, когда искусство становится самоцѣлью.

Вообще, одинъ изъ важнѣйшихъ тезисовъ экономическаго матеріализма гласитъ, что соціально-научная, эстетическая, юридическая, политическая и т. д. «форма», опредѣляемая соціальнымъ, въ

конечномъ счетѣ—экономическимъ содержаніемъ, разъ возникши, получаетъ извѣстную независимость, рамки которой тѣмъ шире, чѣмъ болѣе отдалена отъ базиса данная форма, т. е. чѣмъ больше число промежуточныхъ членовъ, посредствомъ которыхъ она опредѣляется. Благодаря этой приобрѣтенной независимости, социальная надстройка сопротивляется нѣкоторое время преобразующему вліянію базиса и, въ свою очередь, какъ бы она ни была отдалена и повидимому индифферентна, оказываетъ воздѣйствіе на явленія базиса. Такъ, по мнѣнію Конта, высшая изъ всѣхъ наукъ—соціологія могла возникнуть только на опредѣленной стадіи развитія біологіи, причемъ, однако, разъ возникши, соціологія завершила и одна только и могла завершить біологію;—такъ, по ученію марксистской соціологіи, экономическое развитіе обуславливаетъ политическія и юридическія формы, но, разъ возникновеніе новаго права достаточно подготовлено развитіемъ производства, только провозглашеніе и систематизація этого новаго права въ состояніи вызвать дальнѣйшую экономическую эволюцію. Мы видимъ такимъ образомъ, — чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, достаточно изъ новѣйшихъ писателей прочесть сочиненія Лабріолы и Абрамовскаго или даже только внимательно проштудировать «Ницету философіи» Маркса—, что марксисты не только признаютъ единство социальной эволюціи и социальной жизни и попеременную зависимость всѣхъ классовъ социальныхъ феноменовъ другъ отъ друга, но и подчеркиваютъ это съ такой силой, которая по меньшей мѣрѣ равна контовской, если не больше ея, такъ какъ Контъ вѣдь думалъ, что господствующій факторъ, т. е. интеллектуальная эволюція, была бы въ сущности понятна и безъ всѣхъ остальныхъ факторовъ, и что самые общіе феномены оказываютъ вліяніе на всѣ остальные, не подвергаясь съ своей стороны ихъ вліянію.

Марксисты, начиная съ самого Маркса, непрестанно подчеркиваютъ существованіе внутренней связи между всѣми общественными явленіями, но, въ отличіе отъ позитивистовъ и всѣхъ другихъ соціологовъ, они проводятъ свой монизмъ послѣдовательно до конца. Именно, они устанавливаютъ также единство основного двигателя общества, т. е. то господствующее направленіе, которое социальная эволюція получаетъ отъ развитія орудій и способовъ производства, и къ которому въ конечномъ счетѣ могутъ быть сведены всѣ социальные движенія. И когда позитивисты на это возражаютъ, что при переходѣ отъ каждой ступени феноменовъ къ слѣдующей происходитъ «обогащеніе реального», требующее своихъ собственныхъ

законовъ; что различія между ступенями феноменовъ носятъ качественный характеръ, а качественные различія, вопреки мнѣнію гегельянцевъ, нельзя разложить на количественныя; что, слѣдовательно, мы не можемъ *свести* (*réduire*) высшіе феномены къ низшимъ, а въ лучшемъ случаѣ можемъ только *выразить* (*traduire*) одни черезъ другіе; что, наконецъ, экономическій матеріализмъ дѣлаетъ ту же грубую ошибку, что и вульгарный матеріализмъ, желающій объяснить интеллектуальныя функціи «тѣлесными», — когда позитивисты дѣлаютъ всѣ эти возраженія, мы отвѣчаемъ: нисколько не отрицая законности и полезности специальныхъ законовъ для каждой ступени феноменовъ и не вмѣшиваясь также въ настоящій моментъ въ ту борьбу, которая ведется вокругъ абстрактнаго вопроса гегелевской діалектики, и уже совсѣмъ не заботясь о томъ упрекѣ, который дѣлается *психологическому* матеріализму, — мы заявляемъ, что все это не имѣетъ никакого отношенія къ разбираемому вопросу, такъ какъ *есть* социальныя феномены — безразлично, будутъ ли то экономическіе, философскіе или эстетическіе — въ равной мѣрѣ носятъ *психическій* характеръ и, слѣдовательно, сводимы другъ къ другу; и, кромѣ того, мы должны еще отмѣтить, что въ *практикѣ* социологическихъ изслѣдованій *свести* политическую или религіозную надстройку къ экономическому базису означаетъ рѣшительно то же самое, что — *выразить* экономическое измѣненіе посредствомъ измѣненія въ надстройкѣ.

И на практикѣ самъ Огюсть Контъ, поскольку рѣчь идетъ о роли экономического фактора въ *конкретной* діалектикѣ социальной эволюціи, высказывалъ такіе мысли, которые всецѣло согласуются съ марксистскими воззрѣніями. Когда онъ, напр., рисуетъ намъ великую социальную эволюцію, разложившую средневѣковый строй и подготовившую современное общество, то, какъ ученикъ Сенъ-Симона, онъ прекрасно понимаетъ, что процессъ этотъ начался въ экономической области, и онъ говоритъ, что экономическая эволюція необходимымъ образомъ предшествуетъ эстетической и научной, что организація современнаго общества имѣла экономическій базисъ, и что именно въ этомъ базисѣ кроется характернѣйшее отличіе этого общества отъ всѣхъ другихъ. Онъ говоритъ, что критическія теоріи могутъ появиться лишь тогда, когда фактическое разложеніе стараго дошло уже до извѣстной точки, и что, вообще, теоріи могутъ возникнуть, проявиться и завоевать себѣ вліяніе лишь въ томъ случаѣ, когда для этого имѣется благоприятная социальная почва. Онъ понимаетъ, что смыслъ существованія этихъ

теорій, напр. теоріи абсолютнаго индивидуальнаго права, заключається въ томъ, что онѣ служатъ оружіемъ для тѣхъ элементовъ, которые подъ гнетомъ экономическихъ условій стремятся къ разложенію стараго порядка,—другими словами, онѣ почти признають классовый характеръ теорій, а равно и то, что онѣ необходимо должны исчезнуть, коль скоро данная фаза эволюціи пройдена. Тѣмъ не менѣе,—училъ онъ,—не только теоріи, но и всѣ вообще соціальныя учрежденія и силы способны оказывать сопротивление: онѣ имѣютъ тенденцію продолжать существовать «и за предѣлами той функціи, которую имъ опредѣлили общій ходъ человѣческаго духа»; или, какъ говорятъ марксисты, онѣ имѣютъ тенденцію продолжать существовать въ видѣ пережитковъ за предѣлами своей соціальной полезности и своего соотвѣтствія экономическому базису. Благодаря этому, неизбежны революціи. Контъ, вообще, признаетъ необходимость и законность революцій. Конечно, онъ—реалистъ; благодаря принципу «условій существованія» онъ знаетъ, что все необходимое вмѣстѣ съ тѣмъ неизбежно, и что все случившееся, все существующее, именно потому, что оно не было избѣгнуто, вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо,—идея, соотвѣтствующая у Конта гегелевской формулѣ: «Все дѣйствительное разумно». Однако, изъ факта существованія чего либо для Конта не всегда вытекаетъ его конечное совершенство, и онъ предостерегаетъ противъ смѣшенія «научнаго понятія естественнымъ образомъ возникшаго состоянія—съ систематической апологіей всякаго существующаго порядка». Напротивъ, «конкретную діалектику интеллектуальной исторіи чело-вѣчества» онъ видитъ въ томъ, что каждая стадія, которую она проходитъ, прежде чѣмъ достигнетъ чисто позитивной стадіи (которая составляетъ исключеніе),—слѣдовательно, какъ первобытно теологическая, такъ и промежуточныя метафизическія стадіи,—носятъ уже въ себѣ самихъ зародыши собственнаго разложенія, заключаютъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, котораго не можетъ допустить главный двигатель этого процесса—основная потребность чело-вѣка въ единствѣ, его непрестанное стремленія къ «законченной логической связи»; современемъ грядущая фаза развитія уничтожаетъ это противорѣчіе. Короче говоря, Контъ признаетъ, «что настоящее наполнено прошлымъ и беременно будущимъ», и что, слѣдовательно, существуютъ лишь относительныя, временныя истины, которыя, путемъ длительного процесса искаженія ихъ смысла, путемъ «транспозицій», мало-по-малу перестаютъ быть истинами по отношенію къ общимъ условіямъ окружающаго обще-

ства и замѣняются другими истинами, которыя постепенно раз-
вертываются въ своемъ развитіи. Все это поразительнымъ обра-
зомъ напоминаетъ, даже по способу выраженія, тѣ идеи, которыя
Марксъ и Энгельсъ заимствовали у гегелевской философіи, и ко-
торыя затѣмъ были спеціально развиты и точнѣе опредѣлены
Каутскимъ.

Этот характер глубокой и всепроникающей диалектики, общий у позитивизма съ экономическимъ матеріализмомъ, послужилъ также основаніемъ къ тому, что эти теоріи слышали со стороны кантіанцевъ одинаковый упрекъ въ отсутствіи у нихъ гносеологическаго обоснованія, въ игнорированіи ими критической проблемы объ отношеніи субъекта къ объекту. И на этотъ упрекъ каждая изъ нихъ даетъ почти тождественный гордый отвѣтъ: *аѣтарѣоѣмев*—мы сами себя удовлетворяемъ. Что касается позитивизма, то, напр., *Lévy-Bruhl* ясно показалъ, насколько несправедливъ этотъ упрекъ, основанный на неправильной оцѣнкѣ основного духа философіи Огюста Конта. Невозможность приписать познающему субъекту, интуитивному «Я», какія бы то ни было, даже самыя элементарныя свойства, которыя дали бы намъ возможность отличить его отъ познаваемаго объекта,—другими словами, тотъ фактъ, что субъектъ, какъ таковой, абсолютно ускользаетъ отъ нашей способности наблюдать и опредѣлять, доказанъ у Конта такими аргументами, которые мы находимъ также у молодого марксистскаго философа Эдуарда Абрамовскаго, который, однако, насколько мнѣ извѣстно, очень мало находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ позитивистской философіи ¹⁾.

Точно также и относительность науки основана у Конта не на признаніи «вещи въ себѣ», «непознаваемаго», какъ у Канта и его учениковъ, словомъ, не на логическихъ», апіорныхъ и неизмѣнныхъ границахъ человѣческаго познанія. Напротивъ, Контъ убѣжденъ, что мы можемъ знать все, что намъ дѣйствительно надо знать, и что за предѣлами нашей познавательной способности остаются лишь вещи, не представляющія для насъ абсолютно никакого интереса, остаются лишь такія проблемы, которыя въ дѣйствительности не существуютъ. Ибо въ основѣ каждой проблемы, которая становится передъ нами, необходимо лежитъ нѣчто, такъ или иначе вліяющее на наше существованіе, и единственно при посредствѣ этого вліянія данная вещь получаетъ для насъ значе-

¹⁾ Cp. E. Abramowski: „Bases psychologiques de la Sociologie“. Paris, 1897.

не дѣйствительно существующей. Мы познаемъ, слѣдовательно весь объектъ сообразно тому, какъ онъ дѣйствительно обнаруживается, и самый способъ, которымъ мы его познаемъ, опредѣленъ проявленіями объекта въ границахъ нашего существованія: объектъ дается намъ не иллюзорной интроспекціей абстрактнаго субъекта, а интеллектуальной, объективной исторіей человѣчества, этого конкретнаго «универсальнаго субъекта». И особенно замѣчательно то, что марксистъ Лабріола, который такъ сурово относится къ Огюсту Контю, становится на ту же точку зрѣнія и прибѣгаетъ почти къ тѣмъ же выраженіямъ, когда ему приходится защищать Маркса и Энгельса отъ того же упрека, бросаемаго имъ въ лицо глашатаями «кризиса марксизма» и «возврата къ Канту». Онъ говоритъ: «Все познаваемое можетъ быть познано, и все познаваемое будетъ, въ безконечное время, познано; а то, что въ оферѣ познанія выходитъ за предѣлы познаваемаго, насъ вовсе не интересуешь... Мы постепенно узнаемъ то, что намъ необходимо знать... Знаніе намъ необходимо, поскольку оно даетъ намъ знаніе дѣйствительности, — и лишь путемъ чистаго воображенія можно допустить, что духъ нашъ признаетъ абсолютное различіе между «познаваемымъ» и «непознаваемымъ въ себѣ», другими словами, что онъ признаетъ «непознаваемое» — т. е. то, что я обозначаю, какъ непознаваемое — дѣйствительно существующимъ» ¹⁾.

Аналогичными аргументами пользуется Плехановъ противъ социалиста - неокантіанца Конрада Шмидта. Лабріола въ высшей степени вѣрно и удачно характеризуетъ «философію, которую содержитъ экономическій матеріализмъ», эту *философію практики*, какъ *тенденцію къ монизму*, — «причемъ слово: *тенденція* выражаетъ приспособленіе духа къ убѣжденію, что все можетъ быть понято какъ генезисъ, болѣе того — что *все доступное пониманію есть только генезисъ*, и что всякій генезисъ съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ обладаетъ признаками непрерывности». Безъ сомнѣнія, этотъ «генетическій методъ, неразрывно связанный съ вещами», проведенъ у ученика Маркса гораздо смѣлѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ у Копта. Здѣсь сказывается вліяніе гегелевской философіи, «поставленной на ноги»; но, въ сущности, обѣ теоріи проникнуты тождественнымъ діалектическимъ духомъ, и я снова повторяю — сходство между ними въ данномъ вопросѣ прямо поразительное.

¹⁾ Ср. A. Labriola: „Socialisme et philosophie“ Paris, 1900.

Однако, на этомъ сходство и кончается: дальше этого тенденція къ монизму у Конта не идетъ, и именно потому, что онъ неожиданно останавливаетъ колесо діалектики.

II.

Теперь мы перейдемъ къ цѣлому ряду противорѣчій, возникающихъ у Конта при оцѣнкѣ роли интеллектуальнаго фактора,—противорѣчій, по своей формѣ и природѣ аналогичныхъ тѣмъ, которыя мы уже обнаружили въ другомъ случаѣ, при разборѣ проблемы изобрѣтеній и нововведеній, у другого основателя школы, у глубокаго и оригинальнаго мыслителя-идеалиста Габріеля Тарда ¹⁾.

Мы видѣли, что, по Конту, экономическая эволюція должна предшествовать научной и эстетической и, слѣдовательно, также эволюція учреждений, такъ какъ, съ другой стороны, по Конту, политика основана на морали, а эта послѣдняя—на философiи. Но въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онъ подробнѣе останавливается на этихъ принципахъ, онъ вдругъ заявляетъ, что учрежденія зависятъ отъ нравовъ, а нравы, въ свою очередь, отъ вѣры (*les croyances*); что разрѣшеніе соціальнаго вопроса предполагаетъ предварительное установленіе новой философiи, и что, вообще, интеллектуальная эволюція даетъ «руководящую нить» для философiи исторiи, образуя самый важный факторъ, отъ котораго зависятъ всѣ остальные, тогда какъ самъ онъ былъ бы, въ сущности, понятенъ и безъ остальныхъ факторовъ. Каждый, знакомый съ ученіемъ Конта, знаетъ, какой проницательностью отличаются его идеи о происхожденіи человѣчества, о первичной связи между наукой и удовлетвореніемъ жизненныхъ потребностей, о естественномъ образованіи языка. Какъ и послѣдователи Маркса, Контъ занимается великимъ вопросомъ о границѣ между животнымъ царствомъ и человѣчествомъ. Указывая на то, что высшіе организмы могутъ въ общемъ лучше сопротивляться измѣненію внѣшнихъ условій, а, въ частности, человѣкъ—несравненно лучше, чѣмъ животныя; констатируя чрезвычайное и неожиданное «обогащеніе реальнаго», или, какъ выражается Вейзеграунъ ²⁾, неожиданное и въ своемъ родѣ единственное превращеніе количественныхъ различій въ качественные, совершившееся] при пере-

¹⁾ Cp. *Annales de l'Institut international de sociologie*; II т., стр. 327—328.

²⁾ Cp. Dr. Paul Weisegrün „Die Entwicklungsgesetze der Menschheit“. Leipzig, 1888.

ходѣ отъ животнаго состоянія къ человѣческому; ставя себѣ основной вопросъ: почему такому незначительному различію въ органахъ соотвѣтствуетъ столь важное различіе въ функціяхъ?—Контъ вступаетъ въ тотъ самый кругъ идей, который впоследствии развилъ Плехановъ ¹⁾, давъ въ высшей степени стройное, и въ то же время глубокое и простое рѣшеніе проблемы. Именно, Плехановъ разсматриваетъ орудія производства (и защиты), какъ искусственное удлиненіе естественныхъ органовъ, какъ удивительно пластическую и способную къ усовершенствованію оболочку, которая защищаетъ человѣческій организмъ отъ непосредственнаго воздѣйствія естественной среды, которая извѣстнымъ образомъ измѣняетъ и преобразуетъ эту среду, приспособляя ее къ человѣку,—что почти совершенно освобождаетъ послѣдняго отъ необходимости приспособляться къ средѣ путемъ біологическихъ измѣненій. Мы должны сказать, что Контъ былъ очень близокъ къ этому рѣшенію проблемы: такъ,—правда, въ другой связи и съ другою цѣлью,—онъ отмѣтилъ то, что мы считаемъ специфическимъ признакомъ человѣческаго вида—соціальный характеръ орудій. Если бы онъ пошелъ дальше по тому же пути и принялъ это рѣшеніе за основу соціологіи, тогда его идеи о рѣшающемъ характерѣ, получаемомъ интеллектуальными функціями специально у человѣка, который такимъ образомъ освобождается отъ исключительнаго господства животныхъ и органическихъ функцій, не пришли бы въ противорѣчіе съ монистическимъ детерминизмомъ. Они въ этомъ отношеніи, какъ и въ вопросѣ о діалектикѣ, совпали бы съ той идеей Маркса, которую раньше другихъ развилъ Энгельсъ, и которая затѣмъ была принята всеми марксистскими матеріалистами—именно, съ той идеей, что въ будущемъ обществѣ, когда окончательно установится сознательное господство общества надъ его производительными силами, закончится также «предварительная исторія человѣчества», и человѣкъ, освобожденный отъ власти вещей, нѣкоторымъ образомъ перейдетъ «изъ царства необходимости въ царство свободы». Но именно здѣсь, въ самомъ основномъ вопросѣ, философія Огюста Конта отклоняется отъ дѣйствительно позитивнаго пути и становится, такъ сказать, на голову: по Конту, рѣшительный шагъ въ сторону перехода отъ животнаго состоянія къ человѣческому былъ сдѣланъ не тогда, когда

¹⁾ Cp. G. Plechanow: „Beiträge zur Geschichte des Materialismus“. Stuttgart, 1896.

первыя орудія' были изготовлены обществомъ, а тогда, когда разумъ человѣка перешелъ отъ фетишизма къ поклоненію звѣздамъ! Съ нашей точки зрѣнія, созданіе первыхъ орудій было тѣмъ моментомъ, который дѣйствительно поставилъ человѣка внѣ и выше всего животнаго царства; съ точки зрѣнія Конта такимъ моментомъ является—первое «великое сотвореніе боговъ». И, слѣдовательно, религія является для него существеннымъ базисомъ всякаго человѣческаго общества; и весь циклъ исторіи человечества движется не между организаціонными формами производства—первобытнымъ коммунизмомъ и великимъ коммунизмомъ будущаго—, а между первобытной, естественной—и окончательной, «доказанной религіей».

Окончательной—вотъ гдѣ лежитъ тайна всѣхъ противорѣчій,—и здѣсь мы снова видимъ то основное сходство, которое Контъ имѣетъ съ Гегелемъ. Каждому изъ этихъ великихъ мыслителей необходимо было нѣчто окончательное, для каждаго изъ нихъ диалектика исторіи, примѣнимая только къ прошлому, должна была прекратить свое дальнѣйшее движеніе въ опредѣленномъ пунктѣ, который они разсматривали, какъ высшую точку восходящей линіи: для одного такимъ конечнымъ пунктомъ была прусская монархія, обоснованная Гегелемъ, для другого—позитивная религія, доказанная Контомъ. Контъ, этотъ безжалостный критикъ традиціонныхъ теорій, признававшій законность революцій, не колеблется самымъ яснымъ образомъ заявить, что разъ только общество организовано съ помощью позитивной религіи, эта организація и эта религія должны быть незыблемы. Правда, онѣ должны быть введены послѣ свободнаго испытанія и обстоятельной дискуссіи, на основаніи общаго согласія, но это согласіе никогда уже болѣе не можетъ быть взято обратно. Болѣе того, это предварительное испытаніе производится не всѣмъ народомъ, а только компетентными людьми, которымъ остальные, будучи убѣждены въ своей некомпетентности, добровольно передаютъ свое суверенное право обсужденія. Позитивизмъ призванъ положить конецъ «разъѣдающей дискуссіи», непрерывнымъ возмущеніемъ индивидуальнаго разума, разрушившаго уже столько социальныхъ системъ. Правительство, призванное охранять души, какъ и матеріальные интересы членовъ общества, должно заботиться о поддержаніи порядка, чтобы, установивъ разъ навсегда гармонію, не допускать никакой внутренней борьбы.

Эту организаціонную обязанность Контъ хочетъ уже въ настоящее время возложить на правительство. Со всей силой своей кри-

тики обрушивается онъ на буржуазныхъ экономистовъ, которые страданіямъ народа умѣютъ противопоставить только «безжалостный педантизмъ» своей догмы невмѣшательства, такъ явно выражающей ихъ узкіе интересы. Въ этомъ пунктѣ, благодаря рѣзко-отрицательному отношенію къ плутократіи и къ анархическому состоянію, въ которомъ находится современное общество, Контъ приближается къ социализму. И кто знаетъ, не сталъ ли бы онъ въ настоящее время, когда социализмъ давно уже отбросилъ мысль о возможности путемъ революціи *въ одинъ моментъ* уничтожить господство собственности и измѣнить всѣ связанныя съ этимъ социальныя условія,—мысль, противъ которой Контъ боролся во имя позитивнаго способа мышленія, — кто знаетъ, не сталъ ли бы онъ въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, социалистомъ «новой методы», какъ многіе другіе, которые были проникнуты его духомъ!.. Во всякомъ случаѣ, во всѣхъ социалистахъ онъ долженъ вызывать чувство симпатіи и уваженія за ту проницательность, съ которой онъ разоблачилъ душу буржуазіи, эксплуатирующей пролетаріатъ, предсказавъ даже ея отпаденіе отъ вольтерьянства и примиреніе съ католической догмой, «этимъ дѣйствительнымъ фундаментомъ защищаемого ею социальнаго строя».

Тѣмъ не менѣе, весьма крупныя различія отдѣляютъ Конта отъ социализма. Выросшій въ идеяхъ Бональда и де-Местра, онъ не пошелъ въ своей реакціи противъ недостаточности и несовершенства буржуазной дезорганизаторской и чисто-формальной революціи такъ далеко, какъ Сень-Симонъ. Онъ не стремился завершить ее послѣдовательнымъ развитіемъ ея организаторскихъ и положительныхъ моментовъ, а довольствовался тѣмъ, что, съ одной стороны, обвинялъ буржуазный строй общества прежде всего и главнымъ образомъ за его неустойчивость, за то неопредѣленное и шаткое положеніе, въ какомъ онъ держитъ тѣло—и что еще важнѣе—душу пролетаріевъ, а съ другой—восхищался средневѣковымъ и хотѣлъ возстановить принципъ средневѣковаго порядка, но безъ теологіи. И хотя онъ стремился урегулировать пользованіе правомъ частной собственности, видя въ послѣдней, подобно Томѣ Аквинатскому, только социальную функцію, а не естественное, абсолютное право,—онъ все же энергично защищалъ собственность противъ «безумныхъ сектантовъ» коммунизма.

Въ защиту частной собственности и права наслѣдованія онъ выступилъ главнымъ образомъ потому, что всей душой цѣплялся за неприкосновенность буржуазной семьи: здѣсь яснѣе

всего видна та печать буржуазнаго класса, которая лежит на всей его системѣ. Поддержаніе буржуазной семьи—вотъ та предвзятая идея, которая служить безсознательнымъ кристаллизационнымъ пунктомъ для всей его системы, та утилитарная основа системы, которая все время, пока она забыта и лежитъ внѣ поля зрѣнія автора, позволяютъ ему развить тѣ свои положенія, которыя создаютъ эстетическую красоту позитивной философіи; но все время она невидимо присутствуетъ, и на какомъ нибудь перекресткѣ вдругъ снова появляется, мѣшая—даже цѣною противорѣчій—мысли Конта, считающей себя свободной, пуститься по скользкому пути опасныхъ выводовъ.

Да, цѣною противорѣчій. Ибо Огюсть Контъ, установившій въ принципъ всеобщую эволюцію общества, никогда даже не поставилъ себѣ вопроса объ эволюціи семьи¹⁾. Соответственно той роли, которую онъ подъ вліяніемъ своихъ чувствъ,—т. е. подъ вліяніемъ чувствъ своего класса,—отводитъ женщинѣ (женщина призвана служить моральной руководительницей мужчины во всемъ, что ка-

¹⁾ Я знаю, что вѣрные послѣдователи Конта найдутъ это утвержденіе неправильнымъ. Они возразятъ, что Конту было извѣстно существованіе полигаміи, и что онъ допускалъ измѣненія и улучшенія въ современномъ бракѣ. Да, въ бракѣ, но не въ семьѣ,—отвѣтимъ мы на это,—и далеко не случайно употребляетъ онъ именно первое изъ этихъ выраженій въ томъ мѣстѣ „Cours de la philosophie positive“ (IV т., изд. 1893 г., стр. 454), гдѣ онъ говоритъ о „неизбѣжныхъ модификаціяхъ“. И подобно тому, какъ онъ не хотѣлъ допустить, что „безумныя секты могутъ нападать на семью въ ея двойной *необходимой основѣ: правѣ наследованія и бракѣ*“ (стр. 104), такъ и въ прошломъ онъ абсолютно не представлялъ себѣ семью безъ „необходимаго и неизмѣннаго господства мужескаго пола“: именно въ этомъ онъ видѣлъ характерную черту, отличающую человѣка отъ животныхъ (стр. 459; *Système de politique positive*, II т. стр. 182). Границы идеи эволюціи семьи у Огюста Конта мы находимъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: „Основной духъ института семьи заключается въ томъ *неизбѣжномъ естественномъ* подчиненіи женщины мужчинѣ, неизгладимый характеръ котораго *въ различныхъ формахъ воспроизводятъ* всѣ періоды цивилизаціи, и которое новая политическая философія счумѣетъ *окончательно* оградить отъ всѣхъ опасныхъ анархическихъ покушеній“ (*Système de la philosophie positive*, IV т., стр. 455). Ясно, что это не есть эволюція въ истинномъ смыслѣ слова, ибо она исключаетъ коммунистическія или свободныя, матриархальныя или феминистскія формы, существованіе которыхъ современная этнологія доказала по отношенію къ прошлому человечества, а научный социализмъ предвидитъ въ будущемъ; и уже во время Конта эти формы предчувствовали тѣ самыя утопісты, на которыхъ онъ такъ сильно нападалъ.

сается чувства, но никогда не должна пытаться достигнуть равнаго съ нимъ положенія въ области интеллектуальной дѣятельности), Контъ считалъ мелко-буржуазную форму семьи въ томъ видѣ, какъ она существовала въ его эпоху, не измѣнившись сколько нибудь замѣтно на протяженіи столѣтій, естественнымъ, неизмѣннымъ и неприкосновеннымъ базисомъ всякаго общества. Онъ выступаетъ не только противъ идеи свободной любви, какъ ее проповѣдывали коммунистическія секты Фурье и Анфантена, но и противъ идеи развода.

Чтобы оправдать такую неподвижность столь важнаго соціальнаго фактора, необходимо было допустить, что факторъ этотъ соответствуетъ нѣкоторымъ неизмѣннымъ основнымъ свойствамъ чело-вѣка, какъ такового; необходимо было признать «основную природу» чело-вѣка. Контъ такъ и дѣлаетъ. Сдѣланіе глубокихъ и интимныхъ чувствъ и стремленій, полученныхъ имъ отъ той среды, въ которой онъ жилъ, безсознательно руководило его мыслью и внушило ему такія основоположенія его «возвышенной систематической философіи, такія «абсолютно безпристрастныя основоположенія», какъ, напр., «полную согласованность между статической и догматической точками зрѣнія». Согласованность эта требуетъ, чтобы вся эволюція чело-вѣка могла быть объяснена изъ его первоначальной конституціи, чтобы она развѣтывалась, какъ кривая линія, которая *implicite* вся уже содержится въ выражающемъ ее уравненіи, чтобы на всемъ протяженіи исторіи чело-вѣчества не произошло ничего абсолютно новаго, ничего такого, что не существовало бы уже потенціально въ «основной природѣ» чело-вѣка. И благодаря этому требованію чисто логической симметріи, которая приводитъ къ цѣлому ряду не менѣе логическихъ слѣдствій, устойчивость идеальной семьи была еще болѣе обезпечена: она была дѣйствительно застрахована отъ всякихъ случайностей, отъ всякаго неожиданнаго нападенія.

Съ другой стороны, когда рѣчь идетъ объ охранѣ такой цѣнности, можно ли признать ея зависимость отъ самыхъ «грубыхъ» явленій соціальной жизни,—отъ экономическихъ явленій, отъ перемѣнъ въ орудіяхъ и способахъ производства, въ распредѣленіи богатства и т. д.? О грубости этихъ явленій свидѣлствуетъ ихъ непрерывное, безостановочное развитіе, которое основано на постоянно дѣйствующей тенденціи къ достиженію все большей продуктивности, и которое въ то же время является «слѣпымъ» развитіемъ. Никогда нельзя знать, что вынесетъ это развитіе на поверхность, какія опустошенія произведутъ ея, большею частью «разъ-

ѣдающія», послѣдствія, — и вполне понятно, что такое развитіе приводитъ въ замѣшательство и внушаетъ бессознательный страхъ.

Иное дѣло — эволюція «высшаго» интеллектуальнаго фактора, — особенно, если ее разсматривать внѣ опредѣляющей дѣятельности экономического фактора: здѣсь можно предвидѣть все, что произойдетъ, чего можно ожидать и чего слѣдуетъ избѣгать, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ вѣдь дѣло только съ хронологическимъ, болѣе или менѣе произвольнымъ развитіемъ логическаго и разъ навсегда установленнаго понятія «человѣческой природы»! «Интеллектуальный» факторъ всегда выполняетъ то, къ чему онъ обязался, къ чему его обязали. И поэтому охотнѣе довѣряютъ, хотя бы только въ иллюзіи, его ясному и опредѣленному конечному направленію, а не мятежнымъ и глубокимъ волнамъ экономического океана, ту ладью эволюціи, которая призвана везти неприкосновенную святая святыхъ... И всякій разъ, когда мы наталкиваемся на неизмѣнное и рационалистическое понятіе человѣческой природы, хотя бы то были только нео-кантіанскія категоріи разсудка, мы можемъ быть увѣрены, что тамъ въ основѣ имѣется болѣе или менѣе консервативный, предвзятый интересъ въ сохраненіи соціального строя или, по крайней мѣрѣ, морали, что тамъ имѣется забота объ «основанномъ на природѣ человѣка порядкѣ» (Ф. А. Ланге) или — о «вѣчной справедливости». И всегда въ такихъ случаяхъ, — безразлично, идетъ ли рѣчь объ идеалистѣ Фихте, или о позитивистѣ Контѣ, или даже въ извѣстномъ отношеніи о революціонерѣ Жоресѣ, который видитъ въ исторіи «все растущій протестъ человѣка противъ нечеловѣческаго обращенія съ человѣкомъ», — реальная исторія будетъ дедуктивно «исправляться» на основаніи тѣхъ или иныхъ соображеній о «человѣческой природѣ». Такъ и Контъ полагаетъ, что историческій методъ въ соціологіи подлежитъ контролю позитивной теоріи человѣческой природы, хотя онъ самъ же увѣрялъ, что исторія не можетъ быть выведена дедуктивнымъ путемъ...

Но иронія судьбы идетъ еще гораздо дальше: Lévy-Bruhl удачно показалъ, что по мѣрѣ того, какъ человѣчество изъ объекта изученія, какимъ оно первоначально было для Конта, становится для него объектомъ любви и культа, соціальная статика незамѣтно пріобрѣтаетъ характеръ картины будущаго человѣчества; она даже носитъ заглавіе: *Traité abstrait de l'ordre humain*. Опредѣленіе понятія «человѣческой природы» роковымъ образомъ приводитъ Конта,

этого непримиримаго противника всѣхъ утопистовъ, къ созданію собственной утопіи...

Только марксистская соціологія, которая понимаетъ человѣческую природу въ абсолютно и исключительно динамическомъ смыслѣ, которая стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что человѣческая природа безостановочно творить и измѣняетъ себя уже въ силу процесса обмѣна между человѣкомъ и средой,—процесса обмѣна, заключающагося въ удовлетвореніи человѣческихъ потребностей, — только марксистская соціологія даетъ намъ возможность избѣгнуть противорѣчій, только она доводитъ позитивизмъ послѣдовательно до конца даже противъ самого Огюста Конта.

Подведемъ итоги. Аналогіи и различія между позитивизмомъ и марксизмомъ въ общемъ и цѣломъ вытекаютъ изъ одного общаго источника. Исходнымъ пунктомъ обѣихъ теорій служитъ общая реакція XIX вѣка противъ раціонализма, реакція, выражающая недовольство извѣстныхъ классовъ экономическими результатами буржуазной революціи. Но въ то время, какъ въ этомъ концертѣ Бональды, де-Местры, Галлеры и др. являются представителями аграріевъ, Контъ представляетъ производительную мелкую буржуазію, а марксизмъ—промышленный пролетаріатъ. Эти три класса занимаютъ три различныхъ позиціи и представляютъ намъ три послѣдовательныхъ ступени ретроспекціи, стремящейся стать революціонной. Первый классъ всецѣло очарованъ средневѣковьемъ и стремится къ почти полной его реставраціи; второй классъ (и вмѣстѣ съ нимъ Контъ, признававшій себя интеллектуальнымъ сыномъ двухъ совершенно различныхъ отцовъ—де-Местра и Кондорсе) связываетъ съ мечтой объ устойчивости средневѣковья извѣстную сумму завоеваній буржуазной революціи и стремится задержать соціальную эволюцію, развернувшуюся подъ вліяніемъ этой революціи, на такомъ пунктѣ, гдѣ онъ, какъ классъ, можетъ лучше всего устроиться. Наконецъ, пролетаріатъ, который уже въ силу своего положенія отрицаетъ весь буржуазный строй, отрицаетъ также оба предыдущихъ строя, подготовившихъ капитализмъ,—рабское и феодальное хозяйство,—и его ретроспекція идетъ глубже рабочей и социальной организаціи средневѣковья, она проникаетъ до свободы и равенства античнаго или первобытнаго коммунизма, въ то же время связывая съ ними всѣ завоеванія настоящаго. Контъ, если позволительно такъ выразиться, удаленъ отъ простаго традиціонализма на четверть окружности; марксизмъ удаляется еще на одну четверть и сталъ такимъ образомъ на противоположномъ

полюсъ. Онъ—руководящая мысль пролетаріата. И такъ какъ пролетаріатъ является единственнымъ элементомъ, совершенно отрицающимъ классовое общество, и притомъ на основаніи дѣятельности основныхъ движущихъ силъ самого этого общества, то онъ является также единственнымъ классомъ, соціальная философія котораго можетъ быть безстрашно и безжалостно монистическій.

Д-ръ Фридрихъ Адлеръ.

Диалектическій матеріализмъ и эмпириокритицизмъ.

(Фридрихъ Энгельсъ и естествознаніе).

1. Опытъ и развитіе.

Изъ всѣхъ великихъ социалистовъ одинъ только *Энгельсъ* серьезно занимался естественными науками. Хотя открытія, сдѣланныя имъ и *Марксомъ*, относятся всецѣло къ общественнымъ наукамъ, и хотя теоретическое и практическое разрѣшеніе социальныхъ проблемъ потребовало отъ него гигантскаго напряженія всѣхъ силъ, ему все же удалось и въ области естествознанія, лежавшей, естественно, въ сторонѣ отъ его главнаго пути, достичь поразительной ясности и глубины пониманія. Мировоззрѣніе, легшее въ основу матеріалистическаго пониманія исторіи, дало ему возможность высоко подняться надъ кругозоромъ большинства тогдашнихъ естествоиспытателей. Произведенія, въ которыхъ изложены его естественно-научные взгляды ¹⁾, еще и сейчасъ—по прошествіи столѣтій—принадлежать къ числу лучшихъ сочиненій, освѣщающихъ общіе вопросы естествознанія.

Самъ Энгельсъ съ величайшей скромностью говорить объ этой сторонѣ своей научной дѣятельности. Онъ даже заявляетъ, что «нисколько неудивительно», если онъ «наталкивается на значительныя трудности въ области теоретическаго естествознанія» ²⁾, и если въ этой части его книги «преобладаетъ замѣтная слабость

¹⁾ Engels: „Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft“ und „Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen Philosophie“.—Всѣ цитаты въ дальнѣйшемъ указаны нами по русскому переводу „*Анти-Дюринга*“ въ изд. „Просвѣщенія“ и „*Людвига Фейербаха*“ (перев. Плеханова) въ изд. Львовича.

Примѣч. перев.

²⁾ „Анти-Дюрингъ“, стр. 9.

изложенія» ¹⁾. До чего высоки были требованія, которыя Энгельсъ предъявлялъ къ себѣ въ этой самокритикѣ, намъ станетъ ясно, если мы примемъ во вниманіе, какъ серьезны были его занятія. Онъ самъ сообщаетъ объ этомъ слѣдующее: «... для діалектическаго и въ то же время матеріалистическаго толкованія природы необходимо знакомство съ математикой и естествознаніемъ. Марксъ былъ основательный математикъ, но за естественными науками мы могли слѣдить лишь по частямъ, урывками, такъ сказать, опорадически. Покинувъ торговое дѣло и переселившись въ Лондонъ, я располагалъ достаточнымъ временемъ, чтобы продѣлать, насколько это мнѣ было возможно, полный курсъ математическаго и естествонаучнаго «линянія», на что я употребилъ большую часть восьми лѣтъ» ²⁾.

Когда Энгельсъ приступилъ къ этимъ серьезнымъ занятіямъ по естествознанію, его основное интеллектуальное развитіе было уже закончено. Въ молодости своей Марксъ и Энгельсъ были сторонниками *идеалистической философіи*, а именно—философіи *Гегеля*. Великій переворотъ въ ихъ воззрѣніяхъ выразился въ *приспособленіи идеалистическихъ идей къ опыту*, который всталъ передъ ними въ формѣ фактовъ политической экономіи. Свою новую точку зрѣнія они называли *матеріализмомъ*. И это вполне понятно: въ то время *всякая опытная наука была связана съ матеріализмомъ*, и именно это названіе имъ естественнѣе всего было принять при переходѣ отъ «идеи» къ *опыту*. Въ настоящее время, конечно, необходимо подчеркивать, что подъ матеріализмомъ они разумѣли *только опытъ*. Это ясно видно изъ словъ самого Энгельса въ его замѣчательномъ сочиненіи о Фейербахѣ: «Разрывъ съ философіей Гегеля произошелъ и здѣсь (у Маркса) путемъ возврата къ матеріалистической точкѣ зрѣнія. Это значитъ, что люди этого направленія рѣшились смотрѣть на дѣйствительный міръ—на природу и исторію—безъ идеалистическихъ очковъ и видѣть въ немъ только то, что онъ собою представляетъ. Они рѣшились безъ всякаго сожалѣнія отказаться отъ всѣхъ идеалистическихъ взглядовъ, несогласныхъ съ явленіями дѣйствительнаго міра, взятыми въ ихъ истинной, но фантастической связи. *Ничего другого и не означаетъ съ дѣйствительности матеріализмъ*» ³⁾.

¹⁾ „Анти-Дюрингъ“, стр. 8.

²⁾ Анти-Дюрингъ, стр. 8—9.

³⁾ „Л. Фейербахъ“, стр. 60—61. — Последняя фраза: „Und weiter heisst Materialismus überhaupt nicht“ переведена Плехановымъ: „А въ

Но Марксъ и Энгельсъ не только приняли за основу—*опытъ*; они сдѣлали еще одинъ рѣшительный шагъ, который и составляетъ ихъ высшую заслугу: они признали что при *всякомъ* опытѣ рѣчь идетъ объ установленіи *опытно данныхъ процессовъ*, что всѣ науки носятъ *эволюціонно-историческій* или, какъ они выражались, *діалектическій* характеръ.

Діалектика, говоритъ Энгельсъ, «разлагаетъ всѣ представленія объ окончательной, безусловной истинѣ и соответствующихъ ей абсолютныхъ отношеніяхъ людей. Для діалектической философіи нѣтъ ничего разъ навсегда установленнаго, безусловнаго, святаго; на всемъ и во всемъ она видитъ печать неизбѣжнаго паденія, и ничто не можетъ устоять передъ нею, кромѣ непрерывнаго процесса возникновенія и уничтоженія, безконечнаго восхожденія отъ низшаго къ высшему. Она сама является лишь простымъ отраженіемъ этого процесса въ мыслящемъ мозгу» ¹⁾.

Въ духовномъ развитіи Маркса и Энгельса это діалектическое пониманіе вещей примыкало къ философіи Гегеля, но фактически это была совершенно *новая* точка зрѣнія. Правда, Энгельсъ говоритъ: «Марксъ и я были единственными, перенесшими сознательную діалектику изъ нѣмецкой идеалистической философіи въ матеріалистическое пониманіе природы и исторіи» ²⁾. Но онъ вполне сознаетъ тотъ великій переворотъ, который онъ и Марксъ совершили въ гегелевскомъ наслѣдствѣ. Это, между прочимъ, доказываютъ слѣдующія его слова: «Но этотъ (діалектическій) методъ былъ непримѣнимъ въ той формѣ, какую придалъ ему Гегель» ³⁾; діалектическіе законы «были впервые широко разработаны Гегелемъ, но въ мистической формѣ, и однимъ изъ нашихъ стремленій было освободить ихъ отъ этого мистицизма и во всей ихъ простотѣ, общепримѣнимости и ясности ввести въ сознаніе людей» ⁴⁾. Ясно и опредѣленно говоритъ Энгельсъ: «Въ мои задачи не могло входить навязать природѣ діалектическіе законы, а лишь найти ихъ въ ней самой и показать ихъ развитіе» ⁵⁾. Но тѣмъ самымъ «гегелевская діалектика была перевернута на голову, а лучше сказать, на ноги,

этомъ и состоитъ дѣйствительный матеріализмъ“, что нѣсколько смягчаетъ ея рѣзко ограничительный смыслъ.

Примѣч. перев.

¹⁾ „Л. Фейербахъ“, стр. 33.

²⁾ „Анти-Дюрингъ“, стр. 8.

³⁾ „Л. Фейербахъ“, стр. 61.

⁴⁾ „Анти Дюрингъ“, стр. 9—10.

⁵⁾ „Анти-Дюрингъ“, стр. 11.

такъ какъ на головѣ стояла она прежде» ¹⁾. Свое пониманіе діалектики Энгельсъ съ недопускающей сомнѣнія ясностью выразилъ въ слѣдующемъ положеніи: «*Діалектика... не больше, какъ наука объ общихъ законахъ движенія и развитія природы, человѣческаго общества и мысленія*» ²⁾.

Мы можемъ, такимъ образомъ, констатировать, что термины: «материализмъ» и «діалектика» совпадаютъ у Маркса и Энгельса всецѣло съ понятіями современнаго естествознанія: «опытъ» и «развитіе».

Тотъ фактъ, что Марксу и Энгельсу удалось оставить себѣ въ высшей степени ясное представленіе объ опытѣ и развитіи, какъ объ основныхъ принципахъ нашего знанія, объясняетъ намъ ихъ поразительные успѣхи въ области научнаго изслѣдованія. Заслуга ихъ не только въ томъ, что они достигли здѣсь *полной* принципиальной ясности: они, вообще, были *первыми*, ставшими на такую точку зрѣнія. Марксъ-Энгельсовская концепція исторіи человѣческаго общества была *первымъ изъ великихъ открытій* въ области опытной исторіи развитія. Только спустя десятилѣтіе, былъ сдѣланъ *Дарвиномъ* второй великій шагъ впередъ въ области *органической жизни*, и только спустя еще одно десятилѣтіе, *Махъ* началъ работать надъ эволюціонно-историческимъ объясненіемъ физическихъ наукъ, которое представляетъ третій, въ высшей степени важный, этапъ по тому же пути. Принципиальная ясность, достигнутая Марксомъ и Энгельсомъ въ основныхъ воззрѣніяхъ, объясняетъ, почему они такъ легко и быстро признали значеніе эволюціонно-историческихъ открытій въ другихъ областяхъ, и почему такъ мѣткая была ихъ критика въ тѣхъ областяхъ, куда эти принципы еще не проникли. Поэтому-то міровоззрѣніе Энгельса такъ легко и органически восприняло какъ теорію *Дарвина*, такъ и воѣ эволюціонно-историческія теоріи *космогоніи* и *геологіи*, *эмбриологіи* и *первобытной исторіи* человѣчества.

По отношенію къ тогдашнимъ *физическимъ* наукамъ Энгельсу пришлось ограничиться критикой. Въ дальнѣйшемъ мы покажемъ, что критика эта была всецѣло проникнута духомъ новѣйшаго естествознанія. Но дать положительную діалектическую разработку также и этой отрасли знанія было для Энгельса совершенно невозможно. Если *Дарвиновская* работа потребовала цѣлой человѣческой жизни,

¹⁾ „Л. Фейербахъ“, стр. 62.

²⁾ „Анти-Дюрингъ“, стр. 189.

то того же требовала выработка діалектическаго пониманія физики. Этому и посвятилъ всю свою жизнь Эрнстъ *Махъ*. Но въ то время, когда Энгельсъ предпринималъ свои изслѣдованія, главные произведенія *Маха* еще не появились ¹⁾ и изложеніе его взглядовъ, хотя они уже были вполне продуманы, можно было встрѣтить только въ журнальныхъ статьяхъ, еще не обратившихъ на себя вниманія спеціалистовъ, такъ что нужна была слишкомъ благоприятная случайность, чтобы Энгельсъ могъ на нихъ натолкнуться.

Ему пришлось поэтому ограничиться критикой, что онъ самъ прекрасно сознавалъ. Показать ходъ развитія во всехъ областяхъ—это такая задача, которую, какъ онъ самъ однажды выразился по отношенію къ Гегелю, «отдѣльный человѣкъ никогда не сможетъ рѣшить» ²⁾. А поскольку рѣчь идетъ спеціально о задачѣ—отыскать въ *природѣ* ея законы и показать ихъ развитіе, то вотъ что онъ писалъ въ предисловіи ко второму изданію «*Анти-Дюринга*» (въ 1885 г.): «Однако, выполнить эту задачу въ общей взаимной связи явленій и въ каждой отдѣльной области составляетъ колоссальный трудъ. Дѣло въ томъ, что не только изслѣдуемая область почти безпредѣльна, но и въ самомъ естествознаніи въ цѣломъ совершается такой могучій переворотъ, за которымъ едва можетъ услѣдить даже тотъ, кто посвящаетъ этому все свое свободное время. Мое же время послѣ смерти Карла Маркса занято было болѣе неотложными обязанностями, такъ что мнѣ пришлось прервать свою работу въ области естествознанія. Я долженъ пока довольствоваться данными въ этой книгѣ указаніями и выжидать, не представится ли впоследствии случай собрать и издать добытые результаты: пожалуй, вмѣстѣ съ оставленными, въ высшей степени важными, математическими рукописями Маркса. Возможно, впрочемъ, что прогрессъ теоретическаго естествознанія сдѣлаетъ мою работу въ большей ея части или даже цѣликомъ излишней, ибо революція, навязываемая теоретическому естествознанію необходимостью систематизировать накопившуюся массу чисто эмпирическихъ открытій, должна будетъ даже упорѣйшаго эмпирика все болѣе и болѣе приводить къ сознанію діалектическаго характера явленій природы» ³⁾.

¹⁾ Первымъ вышла въ свѣтъ въ 1883 г. „Die Mechanik in ihrer Entwicklung historisch-kritisch dargestellt“.

²⁾ „Анти-Дюрингъ“, стр. 26.

³⁾ „Анти-Дюрингъ“, стр. 11—12.

2. Анти-метафизика.

Подобно новѣйшему естествознанію, *Энгельсъ* выступаетъ противъ метафизики, отъ которой онъ и Марксъ совершенно освободились, порвавъ съ идеализмомъ. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ его словъ: «Разложеніе природы на ея отдѣльныя составныя части, выдѣленіе различныхъ явленій и продуктовъ природы въ особые опредѣленные классы, изслѣдованіе оостава органическихъ тѣлъ въ ихъ разнообразныхъ анатомическихъ формаціяхъ—таковы были основныя условія колоссальныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ въ послѣднія 400 лѣтъ въ области познанія природы. Но эти условія развили и оставили въ насъ также привычку разсматривать продукты и явленія природы въ отдѣльномъ видѣ, видѣ великой общей ихъ совокупности, т. е. разсматривать ихъ не въ состояніи движенія, но въ состояніи покоя, не какъ измѣнчивое по существу, но какъ нѣчто неизмѣнно прочное, не въ ихъ живомъ, но въ ихъ мертвомъ видѣ. Методъ этотъ, перенесенный Бакономъ и Локкомъ изъ естествознанія въ область философіи, создалъ здѣсь специфическую ограниченность мышленія послѣднихъ столѣтій—метафизическій способъ мышленія. Для метафизика вещи и ихъ отраженія въ мысляхъ, понятія, представляютъ собою обособленные, подлежащіе разсмотрѣнію одно за другимъ, прочные, застывшіе, разъ навсегда данныя объекты изслѣдованія. Онъ мыслитъ исключительно непосредственными противоположностями; рѣчь его сводится только къ утвержденію или отрицанію: да—да, нѣтъ—нѣтъ, а что сверхъ того, то отъ лукаваго. Для него вещь или существуетъ, или не существуетъ; не можетъ она быть, какъ она есть, и вмѣстѣ съ тѣмъ быть другой. Положительное и отрицательное взаимно абсолютно исключаютъ другъ друга, причина и слѣдствіе—постоянныя противоположности. Такой способъ мышленія кажется намъ на первый взглядъ чрезвычайно понятнымъ, такъ какъ онъ именно и свойственъ, такъ называемому, здравому человѣческому разсудку. Но здравый человѣческій разсудокъ, являясь почтеннымъ товарищемъ въ домашнемъ обиходѣ за четырьмя стѣнами, переживаетъ весьма удивительныя приключенія, какъ только онъ пускается въ обширный міръ изслѣдованія; и метафизическій методъ, будучи совершенно умѣстнымъ и даже необходимымъ въ довольно обширныхъ (смотря по роду изслѣдуемыхъ предметовъ) областяхъ, раньше или позже наталкивается каждый разъ на границу, перейдя кото-

рую, онъ становится уже одностороннимъ, ограниченнымъ, абстрактнымъ и путается въ неразрѣшимыхъ противорѣчiяхъ, потому что онъ за отдѣльными вещами забываетъ ихъ общую связь, за ихъ бытiемъ забываетъ ихъ возникновенiе и исчезновенiе, за состоянiемъ покоя забываетъ движенiе, потому что онъ изъ-за деревьевъ не видитъ лѣса» ¹⁾).

Энгельсъ признаетъ, что старый метафизическiй методъ изслѣдованiя, «который имѣлъ дѣло преимущественно съ *предметами*, какъ съ чѣмъ-то совершенно готовымъ и законченнымъ, и остатки котораго до сихъ поръ еще глубоко сидятъ въ головахъ, имѣлъ въ свое время великое историческое оправданiе. Надо было изслѣдовать *предметы*, прежде чѣмъ можно было приступить къ изслѣдованiю *процессовъ*» ²⁾). Тотъ же ходъ развитiя можно наблюдать и въ естествознанiи: «Старая метафизика, принимавшая предметы за неизмѣнныя, выросла изъ естествознанiя, разсматривавшаго всѣ предметы— и мертвые, и живые,— какъ готовые и разъ навсегда законченные. Когда же изученiе отдѣльныхъ предметовъ подвинулось такъ далеко, что можно было сдѣлать новый рѣшительный шагъ впередъ, т. е. приступить къ систематическому изслѣдованiю тѣхъ перемѣнъ, которыя происходятъ въ этихъ предметахъ, тогда и въ философской области пробилъ смертный часъ старой метафизики. До конца послѣдняго столѣтiя естествознанiе было преимущественно *собирающей* наукой, наукой о законченныхъ предметахъ, въ нашемъ же вѣкѣ (XIX) оно стало наукой, вносящей *порядокъ*, наукой объ *явленiяхъ* природы, наукой о происхожденiи и развитiи предметовъ и о связи, соединяющей явленiя въ одно великое цѣлое. Физиологiя, которая изслѣдуетъ явленiя, имѣющiя мѣсто въ растительномъ и животномъ организмѣ; эмбриологiя, наблюдающая развитiе отдѣльнаго организма отъ зародышеваго состоянiя до зрѣлости; геологiя, изучающая постепенное образованiе земной коры,— всѣ эти науки суть дѣти нынѣшняго (XIX) столѣтiя» ³⁾).

Энгельсъ такимъ образомъ констатируетъ, что та часть наукъ, которая занимается изслѣдованiемъ *органической жизни*, уже освободилась отъ метафизики и перешла къ эволюціонно-историческому методу изслѣдованiя.

Иначе обстоитъ дѣло съ физическими науками (physikalische

¹⁾ „Аети-Дюрингъ“, стр. 22—23.

²⁾ „Л. Фейербахъ“, стр. 63.

³⁾ „Л. Фейербахъ“, стр. 63—64.

Wissenschaften) ¹⁾. Въ этой области изслѣдователи остались метафизиками. «Такъ какъ число естествоиспытателей, — говорятъ Энгельсъ, — научившихся мыслить діалектически, пока еще невелико, то и наблюдается конфликтъ между добытыми результатами и традиціоннымъ мышленіемъ, а отсюда — *безконечная путаница*, господствующая нынѣ въ теоретическомъ естествознаніи и приводящая въ отчаяніе учителей и учениковъ, писателей и читателей» ²⁾. Энгельсъ надѣется, что скоро даже «метафизическимъ головамъ естествоиспытателей» ³⁾ станетъ ясно, что естествознаніе должно освободиться «отъ собственнаго, унаследованнаго отъ англійскаго эмпиризма, ограниченнаго метода мышленія» ⁴⁾. «Во всякомъ случаѣ, естествознаніе такъ далеко ушло нынѣ впередъ, что уже не сможетъ избѣгнуть діалектическаго объясненія. Но оно облегчитъ себѣ этотъ процессъ, если не забудетъ, что результаты, къ которымъ приводятъ опыты, суть только понятія; а искусство оперировать понятіями — не приращенное и не дается обычнымъ повседневнымъ сознаніемъ, но требуетъ настоящаго мышленія; послѣднее же такъ же, какъ и экспериментальное естествознаніе, имѣетъ свою длинную, основанную на опытѣ исторію» ⁵⁾.

Діалектическая точка зрѣнія въ физическихъ наукахъ могла быть достигнута только на основѣ діалектическаго анализа человеческого познанія. Но, съ другой стороны, результаты діалектическаго анализа познанія не могли встрѣтить полного признанія, пока они въ дѣйствительности не были примѣнены спеціально къ физической области. Этимъ объясняется тотъ странный на первый взглядъ фактъ, что діалектическій взглядъ на познаніе много разъ былъ открытъ, но въ борьбѣ за существованіе съ другими взглядами онъ никогда не могъ упрочиться, такъ что ни одинъ изъ его пионеровъ даже не зналъ о другихъ.

Мы съ гордостью можемъ сказать, что и въ этой области первыми достигъ полной ясности социалистъ, нѣмецкій рабочій. Въ 1869 г. кожевникъ *Іосифъ Дицгенъ* опубликовалъ сочиненіе: «Сущ-

¹⁾ Подъ „физическими науками“ мы понимаемъ такъ называемыя точныя естественныя науки: физику, химію, математику, астрономію; Энгельсъ обыкновенно употребляетъ выраженіе: теоретическое естествознаніе.

²⁾ „Анти-Дюрингъ“, стр. 24—25.

³⁾ „Л. Фейербахъ“, стр. 65.

⁴⁾ „Анти-Дюрингъ“, стр. 14.

⁵⁾ „Анти-Дюрингъ“, стр. 14.

ность умственного труда, соч. человека, занимающагося физическимъ трудомъ»¹⁾, въ которомъ онъ развилъ діалектическій взглядъ на познаніе съ такой поразительной ясностью и въ такой тонко отшлифованной формѣ, что даже въ настоящее время, когда число такихъ сочиненій значительно возросло, каждый проштудируетъ книгу Дидгена съ величайшимъ удовольствіемъ и громадной пользой. Въ то время, конечно, книга эта не имѣла большого успѣха. Кто дерзнулъ бы подумать, что простой рабочій смотрѣлъ на міръ съ такой точки зрѣнія, которая, какъ исполинская башня, возвышалась надъ цеховой философіей; кто вздумалъ бы искать въ этомъ человѣкѣ, который могъ бы служить украшеніемъ для любой академіи, хотя бы только достойнаго вниманія диллетантизма! Но успѣху Дидгена помѣшало не только то, что онъ былъ «Божьимъ гнѣвомъ» пролетарій. Какъ я уже сказалъ, вообще нельзя было достигъ успѣха, ограничиваясь критикой познанія. Теоріей познанія занимались тогда исключительно философы. Но какъ во всѣхъ другихъ областяхъ, такъ и въ теоріи познанія, привести философовъ къ діалектикѣ значитъ — устранить ихъ. Ибо, когда въ какую нибудь область проникаетъ основанная на опытѣ исторія развитія, тамъ не можетъ уже болѣе быть мѣста для ограниченной метафизики—для философій. Нагляднымъ примѣромъ этого служить судьба *Рихарда Авенариуса*. Его блестящій умъ доставилъ ему въ молодые годы кафедру профессора философій, и, казалось бы, налицо были всѣ предпосылки для успѣха въ научныхъ салонахъ. Но когда онъ опубликовалъ свои дѣйствительно составившія эпоху сочиненія, ихъ отложили въ сторону и замолчали. Ибо въ его лицѣ тоже выступилъ могучій діалектико-матеріалистическій критикъ познанія, и понять его было для его философскихъ «коллегъ» дѣломъ совершенно невозможнымъ.

Только въ области естествознанія могъ быть достигнутъ успѣхъ. Ибо для естествоиспытателей метафизическая ограниченность не составляетъ профессіи: они пользуются ею въ своей спеціальности лишь до тѣхъ поръ, пока у нихъ нѣтъ ничего лучшаго. Простая критика метафизики въ физическихъ наукахъ безъ положительной

¹⁾ Русскій переводъ въ изд. Дауге: „Сущность головной работы человека. Новая критика чистаго и практическаго разума“. Съ предисловіемъ А. Паннекука. — Ф. Адлеръ, между прочимъ, оговаривается (въ опущенномъ нами примѣчаніи), что съ этимъ предисловіемъ онъ не во всѣхъ пунктахъ можетъ согласиться.

замѣны ея чѣмъ либо другимъ, разумѣется, не могла удовлетворить естествоиспытателей; этимъ, вѣроятно, главнымъ образомъ объясняется незначительное вліяніе работъ *Сталло* ¹⁾, подвергшаго уничтожающей критикѣ механическій матеріализмъ. Лишь послѣ того, какъ *Эрнстъ Махъ* въ положительной формѣ показалъ, каково должно быть эволюціонно-историческое пониманіе естественныхъ наукъ, эта точка зрѣнія стала завоевывать себѣ признаніе. А достигши ясности въ собственной области, естествоиспытатели начинаютъ и въ другихъ областяхъ понимать основанную на опытѣ исторію развитія: они начинаютъ цѣнить чисто гносеологическія сочиненія *Авенариуса*, *Корнелиуса* и т. д. И отъ всего сердца они должны будутъ уплатить долгъ признательности также *Иосифу Дицгену*, когда они съ удивленіемъ и смущеніемъ узнаютъ, насколько этотъ философъ-рабочій опередилъ всѣхъ другихъ. Теперь, когда критикѣ познанія открытъ широкій доступъ въ естественныя науки, должна скоро пасть та классовая преграда, которая еще мѣшаетъ всеобщему признанію заслугъ этого великаго піонера. Кто въ какой либо области достигъ анти-метафизической точки зрѣнія, — безразлично, былъ ли его первымъ учителемъ Марксъ и Энгельсъ, или Дарвинъ, или Дицгенъ, или Махъ, — тотъ легко можетъ освоиться и въ другихъ областяхъ съ основанной на опытѣ исторіей развитія. Конечно, иногда встрѣчаются и противоположные примѣры. Такъ, *Геккель* и его ученики, несмотря на свои выдающіяся заслуги въ органической біологіи, остаются на самой плоской метафизической точкѣ зрѣнія какъ въ области чисто физическихъ наукъ, такъ и въ своихъ общественныхъ теоріяхъ. Въ физикѣ идея развитія имъ вообще недоступна, а въ общественныхъ наукахъ они безъ всякой критики пользуются понятіями развитія, заимствованными изъ органической біологіи.

Великое значеніе чисто гносеологической ясности для правильной постановки естественно-научныхъ вопросовъ Энгельсъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: «Къ діалектическому пониманію природы заставляютъ прибѣгнуть накапливающіеся естественно-научные факты; еще легче приходитъ къ нему, если къ діалектическому характеру этихъ фактовъ присоединяется знаніе законовъ діалектическаго мышленія» ²⁾.

¹⁾ J. B. Stallo: „Понятія и теоріи новѣйшей физики“. Первое изданіе появилось на англійскомъ языкѣ около 1880 г.

²⁾ „Анти-Дюрингъ“, стр. 13—14.—Въ противовѣсъ попыткамъ вложить въ разсужденія Энгельса какой-то мистическій элементъ, необходимо

Благодаря идеалистической фазѣ развитія въ молодости, Энгельсъ смотрѣлъ на чисто теоретико-познавательныя проблемы, какъ на нѣчто, само собой разумѣющееся. Поэтому все, что онъ о нихъ говоритъ, является прежде всего критикой другихъ. Но если даже оставить въ сторонѣ эту критику и тѣ великіе результаты, которые были добыты на основѣ его теоретико-познавательной точки зрѣнія, эта послѣдняя ясно видна изъ безусловнаго признанія имъ *Дицгена* ¹⁾ и изъ его отрицательнаго отношенія къ кантовской «вещи въ себѣ».

Кантовская «вещь въ себѣ» должна была а priori оттолкнуть его, поскольку онъ былъ всецѣло проникнутъ діалектическимъ міровоззрѣніемъ. Ибо все искусство новѣйшихъ толкователей ничего не можетъ измѣнить въ томъ фактѣ, что «вещь въ себѣ», къ которой въ концѣ концовъ приходитъ Кантъ, представляетъ собою метафизическій предметъ, и всякая попытка понять ея содержаніе, какъ процессъ, обречена на полную неудачу. Но современная теорія познанія позволяетъ теперешнимъ кантіанцамъ дѣлать только очень скромныя высказыванія о содержаніи «вещи въ себѣ», и можно съ увѣренностью сказать, что въ этихъ высказываніяхъ Кантъ не узналъ бы своихъ грандіозныхъ представленій о «вещи въ себѣ». Сами кантіанцы прекрасно сознаютъ, что именно «вещь въ себѣ»

замѣтить, что онъ совершенно опредѣленно смотрѣлъ на гегелевскій „переходъ количества въ качество“ и „отрицаніе отрицанія“ съ эволюціонно-исторической точки зрѣнія. Онъ говоритъ („Анти-Дюрингъ“, стр. 188—189): отрицаніе отрицанія представляетъ собою „чрезвычайно общій и именно поэтому чрезвычайно широко дѣйствующій и важный законъ развитія природы, исторіи и мышленія... Если я обо всѣхъ этихъ процессахъ говорю, что они представляютъ собою отрицаніе отрицанія, я всѣ ихъ подвожу подъ одинъ законъ движенія и именно въ силу этого оставляю безъ вниманія особенности каждаго отдѣльнаго спеціальнаго процесса“. Примѣры, на которыхъ Энгельсъ демонстрируетъ законъ отрицанія отрицанія, всѣ совершенно ясны за исключеніемъ примѣровъ, взятыхъ изъ математики. Каждый законъ можетъ быть выраженъ какъ въ словахъ, такъ и сокращенно въ алгебраическихъ знакахъ. Алгебра — средство описанія. Приведенный Энгельсомъ (Анти-Дюрингъ, стр. 182—183) примѣръ отрицанія отрицанія при переходѣ отъ A къ $-A$ и къ $+A$, въ которомъ будто бы проявляется этотъ законъ, непригоденъ, такъ какъ дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Такой формулой можно алгебраически представить законъ отрицанія отрицанія, но отнюдь не доказать его существованіе въ алгебрѣ. Возможна только алгебра діалектики, но отнюдь не діалектика въ алгебрѣ.

¹⁾ „Л. Фейербахъ“, стр. 62.

лучше всего показываетъ, какъ далеко мы въ настоящее время ушли отъ Канта; поэтому-то они ограничиваются бранью по адресу тѣхъ «несчастливыхъ», которые не смотрятъ уже на нее съ благоговѣніемъ, т. е. они пользуются такимъ методомъ спора, къ которому всегда прибѣгаютъ, когда не хватаетъ аргументовъ.

3. Матеріализмъ и діалектика въ теоріи познанія.

«Обнаруживающееся въ природѣ и въ исторіи діалектическое развитие, т. е. причинная связь того поступательнаго движенія, которое сквозь всѣ отклоненія въ сторону и сквозь всѣ попятные шаги пробивается отъ низшаго къ высшему,—это развитие является у Гегеля простымъ снимкомъ съ поступательнаго движенія понятія, движенія произвольнаго, вѣчнаго, совершающагося неизвѣстно гдѣ и во всякомъ случаѣ совершенно независимо отъ человѣческаго мозга. Надо было устранить это идеологическое извращеніе. Вернувшись къ матеріалистической точкѣ зрѣнія, мы снова увидѣли въ человѣческихъ понятіяхъ снимки съ дѣйствительныхъ вещей, вмѣсто того, чтобы въ дѣйствительныхъ вещахъ видѣть снимки съ абсолютнаго понятія, находящагося на извѣстной ступени развитія» ¹⁾.

Этотъ коренной переворотъ въ гегелевскихъ представленіяхъ былъ гигантскимъ шагомъ впередъ. Во всѣхъ областяхъ, въ которыхъ Энгельсъ занимался положительной работой, въ которыхъ онъ постигъ процессъ развитія, онъ могъ довольствоваться *понятіемъ опыта, какъ дѣйствительнаго предметнаго міра*, въ противоположность гегелевской идеѣ. Но, повидимому, онъ никогда не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что *собственно представляетъ собою опытъ*. Между тѣмъ для діалектическаго пониманія физики какъ разъ ясность въ этомъ вопросѣ является безусловно необходимой предпосылкой. *Дицгенъ* и въ этомъ пунктѣ дошелъ до самаго конца, а *Марксъ*, повидимому, постигъ эту проблему уже въ 1844 г. Въ своихъ тезисахъ о Фейербахѣ, которые, къ сожалѣнію, остались неразработанными, Марксъ говоритъ: «Главный недостатокъ матеріализма—до Фейербаховскаго включительно—состоялъ до сихъ поръ въ томъ, что онъ рассматривалъ дѣйствительность, предметный, воспринимаемый вышними чувствами міръ, лишь въ

¹⁾ „Л. Фейербахъ“, стр. 61.

формѣ объекта или въ формѣ созерцанія, а не въ формѣ конкретной человеческой дѣятельности, не въ формѣ практики, не субъективно. Поэтому дѣятельную сторону, въ противоположность матеріализму, развивалъ до сихъ поръ идеализмъ, но развивалъ отвлеченно, такъ какъ идеализмъ, естественно, не признаетъ конкретной дѣятельности, какъ таковой. Фейербахъ хочетъ имѣть дѣло съ конкретными объектами, дѣйствительно отличными отъ объектовъ, существующихъ лишь въ нашихъ мысляхъ. Но онъ не доходитъ до взгляда на человеческую дѣятельность, какъ на предметную дѣятельность¹⁾. То содержаніе, которое Марксъ стремился выразить въ этомъ тезисѣ, я и попытаюсь вкратцѣ развить въ дальнейшемъ.

Всѣ предыдущія философскія системы всегда разрывали съ самымъ начала естественную связь вещей, какъ она дана непредубѣжденному человѣку. Человѣкъ всегда выступаетъ въ опредѣленной средѣ; опытно данное «я» и опытно данная «среда» неразрывно связаны въ каждомъ опытѣ, субъектъ и объектъ выступаютъ только соотносительно. Но философія раскалываетъ это соотношеніе, отдѣляя «я» отъ среды. А какъ только это произошло, открывается широкій просторъ для самыхъ невозможныхъ теорій. Съ одной стороны, возникаютъ дуалистическія теоріи, которыя вкладываютъ въ «я» кѣто «внутреннее», «душу» и т. д., а съ другой—теоріи, ложно называющія себя монистическими: механическій матеріализмъ и энергетика, которыя тоже мыслятъ себѣ «я» построеннымъ изъ какой-то субстанціи. Простое содержаніе опыта постоянно затемняется. Философія отдѣляетъ «красный платокъ» отъ «ощущенія краснаго во мнѣ». Но вѣдь непосредственно мы знаемъ только одно опытно-данное «красное», которое такъ же мало возможно безъ платка, какъ и безъ людей. Платокъ «красенъ» только въ соотношеніи съ человѣкомъ, рассматривающимъ его. Дѣйствительный опытъ, это—ощущеніе, но, разумѣется, не ощущеніе въ смыслѣ философскихъ теорій, которыя вкладываютъ его *внутрь* человѣка, а ощущеніе въ томъ видѣ, какъ оно представляется непосредственному созерцанію, т. е. какъ принадлежащее одновременно «я» и средѣ. Уразумѣніе этого простаго факта, въ силу нашего ложнаго философскаго образованія, требуетъ полнаго переворота въ нашихъ представленіяхъ. Усвоить себѣ эту точку зрѣнія легче

¹⁾ „Д. Фейербахъ“, стр. 90.

всего по мастерскому изложенію *Авенариуса*, который обосновать ее съ желѣзной логикой ¹⁾).

Съ возвратомъ къ *опыту* дана одна исходная точка для правильного пониманія физики; остается еще только показать, что всякое человѣческое знаніе, всякая наука можетъ быть понята только, какъ *эволюціонно-историческій, діалектическій процессъ*. *Міро-воззрѣніе* каждаго отдѣльнаго человѣка состоитъ изъ прежде всего данныхъ ему *опытовъ* (изъ чувственныхъ переживаній: ощущеній, чувствъ) и изъ позже примыкающихъ къ нимъ *воспоминаній* (мыслей). *Міросозерцаніе* каждаго отдѣльнаго человѣка проходитъ извѣстное развитіе. Вообще говоря, съ возрастомъ оно становится богаче по содержанію: возникаютъ воспоминанія о все расширяющейся области опыта. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно испытываетъ и нѣкоторыя ограниченія: человѣкъ уже не вспоминаетъ о цѣлыхъ комплексахъ опытовъ, забываетъ ихъ. И наступаетъ моментъ, когда каждое міросозерцаніе достигаетъ своего конечнаго пункта. Тогда говорятъ: *человѣкъ умеръ*; это въ сущности значитъ, что его *міросозерцаніе перестало существовать*, что оно, какъ таковое, безвозвратно исчезло.

Каждый человѣкъ въ отдѣльности имѣетъ дѣло только со своимъ собственнымъ *міросозерцаніемъ*, только его онъ можетъ переживать, какъ таковое. Что у каждаго другого человѣка тоже есть міросозерцаніе, что онъ тоже имѣетъ ощущенія и воспоминанія,—это является *гипотезой*. Конечно, такой гипотезой, которой каждый постоянно пользуется, которая каждому представляется до того вѣроятной, что обыкновенно на ней даже не считаютъ нужнымъ останавливаться. Другихъ людей человѣкъ познаетъ совершенно такъ же, какъ и всѣ другіе объекты своей среды. Онъ видитъ движенія людей, какъ онъ видитъ движенія звѣздъ; онъ слышитъ человѣческую рѣчь, какъ онъ слышитъ громъ. Что другой человѣкъ, когда онъ двигается и говоритъ, имѣетъ также какія либо ощущенія или воспоминанія, короче говоря, что онъ имѣетъ міросозерцаніе,—объ этомъ человѣкъ знаетъ такъ же мало, какъ о существованіи міросозерцанія у солнца или облака. Но онъ *предполагаетъ* это, и предполагаетъ съ наивысшей вѣроятностью, такъ какъ движенія и

¹⁾ Какъ введеніемъ, лучше всего воспользоваться его краткой статьёй „*Bemerkungen zum Begriff des Gegenstandes der Psychologie*“, появившейся въ „*Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*“ Band 18 und 19. Затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на „Человѣческое понятіе о мірѣ“. (Есть русскій переводъ—очень плохой—въ изд. Сойкина. *Прим. перев.*).

звуки окружающих его людей во всем их комплексъ до чрезвычайности сходны съ комплексомъ его собственныхъ движеній и звуковъ. Такъ какъ онъ самъ находитъ, что съ его собственнымъ комплексомъ движеній и звуковъ (которые онъ познаетъ, какъ *объектъ*) связаны ощущенія и воспоминанія, то онъ допускаетъ то же самое по отношенію къ комплексу движеній и звуковъ, которые онъ наблюдаетъ у окружающих его людей. Но что рѣчь идетъ здѣсь именно о гипотезѣ, это мы прежде всего узнаемъ по тому, какъ сильно мѣняются наши взгляды на ощущенія другого человѣка, съ которымъ мы только знакомимся, особенно если онъ принадлежитъ къ другому классу или къ другой націи. Иногда мы даже вовсе отказываемъ ему въ человѣческихъ ощущеніяхъ, говоря, что онъ безчеловѣченъ, и лишь у очень немногихъ людей мы допускаемъ ощущенія, дѣйствительно совершенно сходныя съ нашими. Плутъ всѣхъ считаетъ плутами, говоритъ пословица. Но какъ часто онъ при этомъ ошибается! Болѣе того: вѣдь, на самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія человѣчества существовала также гипотеза, что солнце, облака и всѣ другія тѣла, которыя мы теперь объявили «мертвыми», имѣютъ ощущенія и воспоминанія! Гипотеза о существованіи міросозерцанія у другихъ людей далеко не такъ ясна и очевидна, какъ это могло бы съ перваго взгляда показаться.

Итакъ, каждый человѣкъ въ отдѣльности имѣетъ дѣло со своимъ собственнымъ міросозерцаніемъ, въ которомъ онъ чувственно познаетъ *другого человека, какъ объектъ*, наряду съ другими объектами. *Другой человекъ, какъ субъектъ*, обладающій міросозерцаніемъ, всегда необходимо остается гипотезой. Однако, на этой гипотезѣ основана не только вся практическая жизнь, но и всѣ науки.

Благодаря переживаніямъ, которыя мы не только сами испытываемъ, но и предполагаемъ также у другихъ людей, находящихся въ нашей средѣ, мало-по-малу вырабатывается извѣстная общность знаковъ, которыми люди отмѣчаютъ соответствующія переживанія. Прежде всего это—*общность языка*. Она въ послѣдствіи создаетъ возможность сообщать другъ другу даже не общія переживанія, но возможность эта существуетъ лишь въ тѣхъ границахъ, въ какихъ дана общность языка. Знаки, которыми люди отмѣчаютъ свои переживанія, могутъ быть связаны и съ болѣе прочными измѣненіями въ остальной средѣ, какъ, напр., при ваяніи или писаніи. И относительно этихъ устойчивыхъ знаковъ, въ свою очередь можетъ существовать общность языка. Изъ всѣхъ измѣненій въ средѣ, которыя люди производятъ, какъ знаки, мы рассмотримъ для простоты только

печатныя книги, обозначивъ ихъ, какъ науку. Изъ науки чело-
вѣкъ кое-что воспринимаетъ въ свое міросозерцаніе, если языкъ ея
ему понятенъ, т. е. если тѣ знаки, которые онъ видитъ, вызы-
ваютъ въ немъ воспоминанія о прежнихъ опытахъ. Изъ человѣче-
скихъ міросозерцаній наукой становится только то, что связано
съ какими либо знаками.

Подобно міросозерцанію отдѣльнаго челоѣка, наука тоже имѣетъ
свою исторію развитія. Она все больше разрастается, хотя нерѣдко
отдѣльныя ея части погибаютъ. Иногда исчезаютъ даже цѣлыя на-
учныя системы. Мы находимъ еще въ отдѣльныхъ мѣстахъ знаки,
происхожденіе которыхъ мы приписываемъ ранѣе жившимъ людямъ,
не имѣвшимъ съ нами никакой общности языка. Мы видимъ камень,
съ выгравированными знаками, но ни у одного изъ насъ не воз-
никаетъ воспоминаній объ опытѣ, о которомъ хотѣлъ напомнить
неизвѣстный авторъ. Наука, подобно міросозерцанію отдѣльнаго
челоѣка, представляетъ собою преходящій процессъ, процессъ,
обнимающій ограниченную сферу опытовъ. Лишь поскольку рѣчь
идетъ объ этомъ процессѣ, мы можемъ дѣлать высказыванія,
имѣющія значеніе. «Если мы... держимся этой точки зрѣнія
(діалектики), то въ нашихъ глазахъ разъ навсегда утрачиваетъ
всякій смыслъ спросъ на окончательныя рѣшенія и на вѣч-
ныя истины», — говоритъ Энгельсъ¹⁾. Всѣ утвержденія о вѣч-
номъ бытіи, о вѣчной, неразрушимой субстанціи, лишены вся-
каго значенія. Или, какъ говоритъ Энгельсъ: «Вопросъ о бытіи,
вообще, остается открытымъ, когда онъ выходитъ за предѣлы
нашего поля зрѣнія»²⁾. И совершенно такъ же, какъ утвержденіе
бытія матеріальной субстанціи лишено всякаго значенія, его лишено
и утвержденіе бытія вѣчной идеи, вѣчной мысли, абсолютнаго мыш-
ленія. Только въ описанномъ процессѣ возникающихъ и исчезаю-
щихъ міровоззрѣній выступаютъ идеи и мысли въ ихъ историче-
ской ограниченности. Или, какъ выражается Энгельсъ, *человѣческое
мышленіе «существуетъ лишь, какъ отдѣльное мышленіе мно-
гихъ милліардовъ отжившихъ, живущихъ и грядущихъ людей»*³⁾.

Вопросъ объ отношеніи мышленія къ бытію, который философія
до-нельзя запутала, сводится для насъ къ весьма простому выска-
зыванію: *воспоминанія слѣдуютъ за опытами* (за ощущеніями
и чувствами).

¹⁾ „Л. Фейербахъ“, стр. 62.

²⁾ „Анти-Дюрингъ“, стр. 51.

³⁾ „Анти-Дюрингъ“, стр. 111.

Когда *Энгельс* въ цитатѣ, приведенной въ началѣ этой главы, говорить о понятіяхъ, какъ о «снимкахъ съ дѣйствительныхъ вещей» ¹⁾, а въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ—объ «отраженіи» дѣйствительности въ головахъ людей ²⁾, то это можетъ вызвать нѣкоторое недоразумѣніе. Мыслить человѣкъ, естественно, можетъ *только* о томъ, что раньше было *его* опытомъ. Правда, кромѣ *его* опытовъ, существуютъ еще опыты *другихъ* людей, но *его мышленіе* можетъ относиться *всегда только къ его* опытамъ. «Объективный міръ» онъ мыслить себѣ лишь постольку, поскольку этотъ міръ входитъ въ *его субъективный міръ*, поскольку онъ былъ *его* опытомъ. «Отраженіе» въ головѣ человѣка не есть отраженіе чего то такого, съ чѣмъ онъ до сихъ поръ не имѣлъ никакого дѣла, а лишь отраженіе (воспоминаніе) *его* прежнихъ ощущеній.

Человѣкъ можетъ наблюдать міровой процессъ только съ того пункта, какой онъ *лично* въ немъ занимаетъ. Этотъ простой фактъ идеалистическая философія исказила, сдѣлавъ изъ него выводъ, что весь міровой процессъ есть только «представленіе въ человѣкѣ».

Механическій же материализмъ ³⁾, вообще, не можетъ понять *исторической природы* нашего познанія и въ поискахъ за «вѣчной» матеріей дѣлаетъ яполнѣ метафизическія высказыванія, лежащія внѣ сферы нашего опыта.

Высказыванія о «*прошломъ*» мы, вообще, можемъ дѣлать только въ ограниченномъ смыслѣ. Благодаря воспоминаніямъ, наши опыты даны намъ, какъ *бывшіе*; въ нихъ находить себѣ выраженіе *временная связь* того процесса, который составляетъ наше собственное міросозерцаніе. *Мы вспоминаемъ о прошломъ, но испытываемъ только настоящее*. Такимъ образомъ, опытъ о *прошломъ* можетъ быть только опытомъ въ *настоящемъ*. Но такого рода опытъ въ *настоящемъ* можетъ возбудить воспоминаніе о *прежнемъ* опытѣ, который входилъ въ составъ цѣлаго ряда опытовъ. Тогда мы дѣлаемъ гипотезу, что и опытъ въ *настоящемъ* входитъ въ составъ подобнаго ряда опытовъ. Эта серія опытовъ представляетъ *не мои* опыты, и, слѣдовательно, принятая гипотеза включаетъ въ себя констатированіе возможности того, что «нѣкто» имѣлъ эти опыты. Возьмемъ примѣръ. Я вижу въ *настоящій* моментъ срубленное дерево съ десятью кругами въ поперечномъ разрѣзѣ. Предо мной

¹⁾ „Л. Фейербахъ“, стр. 61.

²⁾ „Анти-Дюрингъ“, стр. 25; „Л. Фейербахъ“, гл. II.

³⁾ Это, разумѣется, относится также къ новѣйшей фазѣ подобной философіи—къ энергетикѣ Освальда.

встаетъ вся исторія этого дерева; я говорю, что десять круговъ показываютъ, что оно стояло и расло десять лѣтъ. Но фактически я знаю только десять круговъ, которые я сейчасъ воспринимаю, и, кромѣ того, я вспоминаю о моихъ прежнихъ опытахъ и о высказываніяхъ другихъ людей по поводу годовыхъ круговъ дерева. Такимъ образомъ, наше знаніе прошлаго ограничивается, съ одной стороны, областью вошедшихъ въ науку опытовъ нашихъ ближнихъ и предковъ, а съ другой—гипотетическимъ умозаключеніемъ по аналогіи съ испытанными процессами. Теоріи относительно вулканическихъ явленій въ первичную эпоху существованія земли предполагаютъ прежде всего опыты относительно вулкановъ въ настоящемъ. Но эти явленія прошлаго мы можемъ мыслить, только представляя себѣ «кого-то», кто ихъ познаетъ. Обыкновенно мы довольствуемся той мысленной картиной, которая является *намъ*, въ которой *мы сами* участвуемъ, картиной, которая невозможна безъ человѣка, обладающаго ею,—и къ этой картинѣ мы придѣлываемъ прошлое, не задумываясь надъ тѣмъ, что въ этомъ прошломъ соответствуетъ *теперешнему* обладателю картины. Но если мы захотимъ разобраться въ этомъ, мы должны будемъ допустить существованіе «кого-то», кто имѣлъ этотъ опытъ. *Всѣ* высказыванія относительно познанія предполагаютъ *познающаго*.

4. Механическій матеріализмъ и основныя понятія физики.

Энгельсъ вполне опредѣленно противопоставляетъ механическому матеріализму восемнадцатаго вѣка, который въ его глазахъ былъ насквозь *метафизическимъ*, принципъ основанной на опытѣ исторіи развитія: «Сознаніе полной несостоятельности нѣмецкаго идеализма неизбежно вело къ матеріализму, но—и это надо имѣть въ виду—не просто къ метафизическому, исключительно механическому матеріализму XVIII вѣка. Въ противоположность наивно-революціонному, простому отрицанію всей прежней исторіи, современный матеріализмъ видитъ въ ней *процессъ развитія* человѣчества и ставитъ себѣ задачей открыть *законы движенія* этого процесса.

«Въ противоположность господствовавшему какъ у французовъ XVIII вѣка, такъ и у Гегеля воззрѣнію на природу, какъ на совершающее ограниченныя круговращенія, неизмѣнное цѣлое съ вѣчными мировыми тѣлами, согласно ученію Ньютона, и съ постоянными

видами органическихъ существъ, какъ училъ Линней,—современный матеріализмъ объединяетъ новѣйшіе успѣхи естествознанія, доказывающіе, что *природа также имѣетъ свою исторію во времени...*¹⁾.

«Естественно-научныя воззрѣнія французскаго матеріализма были несовмѣстимы съ діалектикой и новѣйшимъ естествознаніемъ»²⁾. Такимъ образомъ Энгельсъ ясно констатируетъ полную противоположность между механическимъ матеріализмомъ, съ одной стороны, и *идеей развитія и опыта*—съ другой.

«Матеріализму приходится принимать новый видъ съ каждымъ новымъ великимъ открытіемъ, составляющимъ эпоху въ естествознаніи»³⁾. Всѣ эти измѣненія, которымъ подвергалось опытное знаніе по мѣрѣ проникновенія идеи развитія, какъ мы уже видѣли, были приняты Энгельсомъ. Но нѣкоторый остатокъ механическаго матеріализма сохранился и у него. Правда, онъ констатируетъ «безконечную путаницу», господствующую въ физическихъ наукахъ⁴⁾, онъ даже видитъ источникъ зла, когда указываетъ на «тотъ опошленный и вульгарный видъ, который принялъ теперь матеріализмъ XVIII вѣка въ головахъ врачей и естествоиспытателей и въ которомъ онъ проповѣдывался Бюхнеромъ, Фогтомъ и Мошоттомъ въ пятидесятыхъ годахъ»⁵⁾; но онъ все же не можетъ вполне освободиться отъ власти побѣдоноснаго механическаго матеріализма своего времени. Если теоретико-познавательная ошибка этого матеріализма никогда не встрѣчала у него отклика, то въ чисто физической области онъ не могъ вполне отдѣлаться отъ него. Абсурднымъ попыткамъ Бюхнера, Фогта и Мошотта—свести ощущенія и воспоминанія къ движеніямъ атомовъ—онъ, конечно, не могъ сочувствовать, но противоположный путь разсмотрѣнія понятій физики, какъ *синтезовъ ощущеній*, не былъ еще извѣстенъ ему. Въ принципиально-правильномъ пониманіи физики его, безъ сомнѣнія, опередилъ Дидгенъ. Конечно, это объясняется тѣмъ, что Энгельсъ обладалъ въ физикѣ гораздо болѣе детальными познаніями, и, слѣдовательно, не могъ бы удовлетвориться тѣми общими положеніями, которыя выставилъ Дидгенъ. А эволюціонно-историческое объясненіе конкретныхъ вопросовъ физики было дано, какъ я уже сказалъ,

¹⁾ „Анти-Дюрингъ“, стр. 27.

²⁾ „Анти-Дюрингъ“, стр. 29.

³⁾ „Л. Фейербахъ“, стр. 45.

⁴⁾ „Анти Дюрингъ“, стр. 25.

⁵⁾ „Л. Фейербахъ“, стр. 45.

только *Махомъ*, котораго Энгельсъ еще не зналъ. Но Энгельсъ ясно намѣчаетъ то направленіе, въ которомъ слѣдуетъ искать разрѣшенія проблемы, когда онъ настоятельно рекомендуетъ естествознанію не забывать, что «результаты, къ которымъ приводятъ опыты, суть только *понятія*» ¹⁾).

Механическій матеріализмъ, который возникъ еще въ древности и снова возродился въ XVIII вѣкѣ, до сихъ поръ сохранился въ головахъ естествоиспытателей. Онъ заключается въ гипотезѣ, что вѣчно существуетъ матерія, однородная и неизмѣнная въ мельчайшихъ частицахъ—атомахъ, что атомы эти служатъ вмѣстѣлицемъ постоянныхъ силъ притяженія и обладаютъ различными по величинѣ и направленію скоростями, которыя они переносятъ другъ на друга, такъ что сумма потенціальной и кинетической энергіи всегда остается постоянной. По этой гипотезѣ, *всѣ* измѣненія въ тѣлесномъ мірѣ могутъ быть сведены къ этимъ *движеніямъ атомовъ*, и *всякая* наука въ концѣ концовъ должна обратиться въ *механику атомовъ*.

Механика твердыхъ, неизмѣняющихся тѣлъ можетъ быть выражена въ математическихъ уравненіяхъ; такъ, напримѣръ, астрономія уже съ давнихъ поръ научилась такимъ образомъ описывать нѣкоторыя, довольно простыя, движенія небесныхъ тѣлъ. Поэтому, послѣднимъ выводомъ изъ механическаго матеріализма была высказанная *Лапласомъ* мысль, что теоретически должно быть возможно представить весь міровой процессъ въ математической формулѣ, въ гигантской системѣ дифференціальныхъ уравненій, которая давала бы возможность опредѣлить какъ мѣсто, такъ и величину и направленіе скорости каждаго атома въ каждый данный моментъ. Для установленія этой формулы надо только опредѣлить для одного момента комбинацію атомовъ, а также ихъ скоростей и ускореній. Коль скоро это сдѣлано, можно уже легко вычислить всѣ комбинаціи атомовъ въ будущемъ, какъ и въ прошломъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ были бы разрѣшены всѣ, возможные съ этой точки зрѣнія, вопросы науки.

Однако, какъ безконечно далеки мы еще отъ установленія подобной формулы, — совершенно оставляя въ сторонѣ вопросъ о ея принципиальной непригодности, какъ цѣли для науки, — лучше всего показываетъ тотъ фактъ, что до сихъ поръ невозможно даже съ увѣренностью предсказать погоду на одинъ день.

¹⁾ „Анти-Дюрингъ“, стр. 14.

А между тѣмъ въ послѣднемъ случаѣ рѣчь идетъ лишь объ относительно незначительныхъ движеніяхъ воды на нашей землѣ и въ ея атмосферѣ. И даже для этой узкой области до сихъ поръ не удалось установить систему уравненій хотя бы съ самымъ грубымъ приближеніемъ!

Новую опору механическій матеріализмъ нашелъ около середины девятнадцатаго вѣка въ кинетической теоріи газа. Теорія эта основана на *гипотезѣ*, что теплота представляетъ собою особаго рода движеніе молекулъ и атомовъ. Въ ограниченной области удалось установить математическія формулы, удовлетворяющія фактамъ и этой гипотезѣ. Главнымъ образомъ это удалось сдѣлать по отношенію къ такъ называемымъ идеальнымъ газамъ, тогда какъ примѣненіе этихъ формулъ къ жидкимъ, а особенно къ твердымъ тѣламъ, несмотря на самыя сложныя дополнительные гипотезы, не имѣло до сихъ поръ почти никакого успѣха. Вся кинетическая гипотеза въ существенномъ сводится къ слѣдующимъ двумъ положеніямъ. Во-первыхъ: если мы нагрѣваемъ газъ въ закрытомъ сосудѣ, то давленіе его на стѣнки сосуда возрастаетъ прямо пропорціонально температурѣ (законъ *Гэй-Люссака*). Во-вторыхъ: представимъ себѣ (въ дѣйствительности наблюдать этотъ фактъ, по исполнѣ понятнымъ причинамъ, никогда невозможно), что мы имѣемъ въ какомъ либо закрытомъ сосудѣ нѣсколько исполнѣ эластическихъ шаровъ, обладающихъ скоростями по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. Шары будутъ ударяться другъ о друга и о стѣнки сосуда и при этомъ, согласно законамъ эластическаго толчка, будутъ переносить свои скорости другъ на друга и оказывать давленіе на стѣнки сосуда. Давленіе это, согласно названнымъ законамъ, будетъ пропорціонально квадрату средней скорости шаровъ. И вотъ, кинетическая гипотеза говоритъ: газъ *есть* такого рода система исполнѣ эластическихъ шаровъ, а температура *есть* квадратъ ихъ средней скорости. Нельзя отрицать, что кинетическая теорія газа представляетъ замѣчательное завоеваніе человѣческаго ума, и если ей не удалось достичь той цѣли, къ которой она стремилась, то все же результаты, добытые ею на этомъ пути, имѣютъ непреходящую цѣнность; сюда, напримѣръ, прежде всего относятся законы *Максвелла* о распредѣленіи скоростей. При ближайшемъ разсмотрѣніи кинетическая теорія газа оказывается не больше, какъ теоріей о свойствахъ системъ эластическихъ шаровъ, и, какъ таковая, она всегда сохранитъ свою цѣнность. Но что *каждое* тѣло представляетъ

собою подобную систему—это, напротивъ, совершенно неосновательная гипотеза, отъ которой ея послѣдователи теперь, повидимому, окончательно отказались.

Кинетическая теорія газа, естественно, должна была разсматриваться, какъ колоссальный успѣхъ механическаго матеріализма. Впервые, казалось, удалось, дѣйствительно построить механику атомовъ и тѣмъ самымъ ввести механику въ область, до тѣхъ поръ чуждую ей,—въ ученіе о теплотѣ. Этимъ успѣхомъ объясняется то громадное вліяніе, какого достигъ механическій матеріализмъ, и та цѣпкость, съ какою онъ продолжалъ и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ продолжаетъ существовать «въ головахъ естествоиспытателей и врачей».

Возраженія, которыя можно сдѣлать противъ механическаго матеріализма спеціально съ *критико-познавательной точки зрѣнія*, мы можемъ, послѣ разъясненій, данныхъ въ предыдущей главѣ, лишь вкратцѣ повторить. Механическій матеріализмъ метафизиченъ прежде всего потому, что онъ выдаетъ себя за *окончательное рѣшеніе*, за *вѣчную истину*. Онъ постулируетъ *вѣчное бытіе*, въ которомъ, правда, происходятъ процессы, но онъ не понимаетъ его *собственнаго процесса*, его возникновенія и исчезновенія, его *исторіи во времени*.

Кромѣ того, механическій матеріализмъ не исходитъ изъ опыта. Чтобы доказать это, мы должны нѣсколько подробнѣе разсмотрѣть физическія науки.

Махъ вполне сознательно стремился открыть исторію развитія доступъ въ физику. Въ предисловіи къ первому изданію «Анализа ощущеній» ¹⁾ онъ подчеркиваетъ свое «глубокое убѣжденіе, что всѣ науки, вообще, и физика, въ частности, должны ожидать коренного выясненія своихъ основъ отъ біологіи, именно—отъ анализа чувственныхъ ощущеній». И хотя онъ скромно замѣчаетъ: «конечно, я могъ лишь въ незначительной мѣрѣ опосредствовать достиженію этой цѣли»,—однако, именно его изслѣдованія положили основаніе антиметафизическому пониманію физики.

Махъ видитъ въ ощущеніяхъ, которыя онъ, во избѣжаніе неправильнаго толкованія, называетъ просто *элементами*, тѣ основныя опыты, изъ отношенія которыхъ получаютъ физическія понятія. И механическій матеріализмъ, естественно, долженъ исходить изъ ощущеній, потому что другой исходный пунктъ, вообще, не-

¹⁾ Есть русскій переводъ въ изд. Скирмунта. *Примѣч. перев.*

возможенъ. Психологическій путь къ матеріализму беретъ начало въ *осязательныхъ ощущеніяхъ*, посредствомъ которыхъ устанавливаются опредѣленные объемы. Но какъ только послѣднее достигнуто, матеріализмъ отказывается отъ дальнѣйшаго анализа ощущеній и выставляетъ слѣдующее положеніе: эти объемы *«содержатъ»* матерію, которая является *«причиной»* нашихъ ощущеній, *«дѣйствующая»* на наши чувства; она является *постоянно* оуществующимъ *«носителемъ»* всѣхъ свойствъ, носителемъ, который существуетъ *независимо* отъ *единственно даннаго въ опытѣ отношенія* между *«я»* и *«средой»*. Матерія понимается, какъ нѣчто *«наполняющее опредѣленное пространство»* и имѣющее *«стремленія», «желанія», «тенденціи»*. Чтобы устроить эти метафизическія представленія, можно показать, что совершенно такъ же, какъ объемъ получается изъ отношенія осязательныхъ ощущеній, такъ и всѣ другія свойства, совокупность которыхъ мы обозначаемъ словомъ: *«матерія»*, могутъ быть непосредственно выведены изъ ощущеній.

Это мы и докажемъ на понятіи *массы*. Старое метафизическое опредѣленіе, берущее начало еще отъ Ньютона, обозначаетъ ее, какъ *«количество матеріи»*. По этому представленію, масса есть *вещь*, которую слѣдуетъ искать въ объемѣ даннаго тѣла, и величину которой можно опредѣлить. *Махъ* устранилъ эти метафизическія представленія, осуществивъ на дѣлѣ то, что было уже извѣстно и *Энгельсу*, а именно, *«что результаты, къ которымъ приводятъ опыты, суть только понятія»* ¹⁾. Онъ показалъ, какимъ образомъ мы отъ ощущеній приходимъ къ *понятію* массы.

Его опредѣленіе массы ²⁾ до того ясно и убѣдительно, что это опредѣленіе должны были принять даже тѣ физики, которые до сихъ поръ еще не могли подняться до эволюціонно-историческаго міровоззрѣнія ³⁾. *Махъ* нашелъ, что единственное дѣйствительное содержаніе понятія массы составляютъ отношенія ускореній, испытываемыхъ тѣлами. Во *всѣхъ* наблюдаемыхъ нами движеніяхъ мы видимъ, что всякій разъ въ данныхъ *двухъ* тѣлахъ *одновременно*

¹⁾ „Анти-Дюрингъ“, стр. 14.

²⁾ *Махъ*: „Механика въ ея развитіи“, 4-е изд. 1901 г., стр. 227—228. Вся вторая глава: „Развитіе принциповъ динамики“ имѣетъ въ высшей степени важное значеніе для всякаго, кто хочетъ выяснитъ себѣ сущность механики. Опредѣленіе массы специально разъясняется еще въ слѣд. мѣстахъ: стр. 226—232, 263—269, 276—292.

³⁾ Такъ, напр., главный представитель старой школы *Больцманъ* въ своихъ „Vorlesungen über die Prinzipie der Mechanik“, В. I, стр. 18—22

наступаютъ ускоренія ¹⁾, направленныя въ *противоположныя* стороны. Величины ускореній находятъ всегда въ такой взаимной зависимости, что ихъ отношеніе для данныхъ двухъ тѣлъ постоянно.

Тѣло есть комплексъ ощущеній. Напр., яблоко, какъ опредѣленную форму, мы воспринимаемъ посредствомъ осязательныхъ и зрительныхъ ощущеній, мы видимъ его красный цвѣтъ, ощущаемъ извѣстный запахъ, извѣстную теплоту, оладкій вкусъ. Но ни одно изъ этихъ свойствъ тѣла не остается, когда яблоко сгниваетъ и разлагается. При *всякомъ* измѣненіи тѣло становится другимъ, но мы говоримъ о томъ же самомъ тѣлѣ, если въ извѣстномъ, какъ разъ интересующемъ насъ, отношеніи, оно осталось неизмѣннымъ. Такъ, мы перѣдко говоримъ, что это—*то же самое* тѣло, хотя его объемъ, форма, температура, электрическій потенциалъ, магнетическая насыщенность, химическій составъ, цвѣтъ, прозрачность, акустическій характеръ колебаній измѣнились,—если только остались неизмѣнными тѣ отношенія ускоренія, которыя характерны для данного тѣла. Когда мы посредствомъ осязательныхъ ощущеній констатируемъ, что на мѣсто одного, ограниченного *замкнутой* *поверхностью*, объема стало два объема, тогда мы говоримъ, что тѣло раздѣлено,—а въ противоположномъ случаѣ— что оно составлено. При дѣленіи или составленіи мѣняются отношенія ускоренія, характерныя для соотвѣствующихъ объемовъ; мѣняются такимъ образомъ, что при составленіи одного тѣла изъ двухъ величина его ускоренія по отношенію къ тѣлу, оставшемуся постояннымъ, образуется путемъ суммированія величинъ ускореній, существовавшихъ прежде по отношенію къ этому тѣлу. И такимъ образомъ мы имѣемъ для каждого тѣла цѣлую *серію* численныхъ величинъ, характеризующихъ отношенія его ускореній,—и для каждого тѣла, возникающаго путемъ дѣленія, необходимо установить новую серію такихъ численныхъ величинъ. Мы получимъ гораздо болѣе *экономную* кар-

¹⁾ Ускореніе есть измѣненіе скорости тѣла въ одну секунду. Когда, напр., тѣло падаетъ съ башни, оно проходитъ въ первую секунду 5, во вторую 15, въ третью 25 метровъ и т. д., такъ что ускореніе его составляетъ 10 метровъ. — Но при болѣе точномъ анализѣ оказывается, что не только тѣло имѣетъ ускореніе по направленію къ землѣ, но и земля по направленію къ тѣлу. Однако, ускореніе земли, въ виду относительно большой массы ея, въ данномъ случаѣ ничтожно. Напротивъ, ускореніе, получаемое землей въ ея отношеніи къ другимъ небеснымъ тѣламъ, напр., къ лунѣ, представляетъ собою значительную и точно измѣримую величину.

тину отношеній, если мы всякое отношеніе ускоренія представимъ въ видѣ частнаго двухъ величинъ, которыя получаются слѣдующимъ образомъ: мы умножаемъ всѣ отношенія ускоренія, въ которыя входитъ тѣло a , на одно и то же число M_a , и такимъ образомъ мы получаемъ серію чиселъ M_b , M_c ...; замѣтимъ для тѣлъ a , b , c ... числа M_a , M_b , M_c ... Опытъ показываетъ, что и другія отношенія ускоренія, въ которыя входятъ b , c , могутъ быть выражены также посредствомъ M_b , M_c . Этимъ достигается то упрощеніе, что для каждаго тѣла намъ надо замѣтить уже не цѣлую серію отношеній ускоренія, въ которыя оно входитъ, а только одно число. А изъ этихъ чиселъ во всякое время нетрудно вывести любое отношеніе ускоренія. Числа эти мы называемъ *массами*. Чтобы замѣтить ихъ, мы соединяемъ ихъ съ названіями тѣлъ. Для извѣстныхъ цѣлей (когда мы имѣемъ дѣло съ явленіями движенія) удобнѣе всего давать этимъ тѣламъ названія M_a , M_b ... Тогда въ названіи тѣла непосредственно даны тѣ отношенія ускоренія, въ какія оно входитъ. Вотъ почему мы экономнѣе всего мыслимъ *систему названій* массъ, какъ систему тѣлъ, расположенныхъ въ пространствѣ.

Такимъ образомъ исчезаетъ мистическій характеръ массы, «составляющей тѣло». Массу намъ приходится не отыскивать, какъ вещь, а только устанавливать, какъ *законы* наблюдаемыхъ нами ускореній.

Совершенно такъ же слѣдуетъ смотрѣть и на всѣ остальные понятія физики. Массу мы рассмотрѣли, какъ одинъ примѣръ изъ той группы понятій, которыя мы называемъ *емкостями*, и которыя находятся между собою въ постоянной связи. Всю эту группу въ цѣломъ мы называемъ «*матеріей*».

Механическій матеріализмъ постулируетъ *субстанцію* въ матеріальномъ омыслѣ—матерію, различныя свойства которой будто бы зависятъ отъ различныхъ родовъ движенія. Маху мы обязаны открытіемъ, что мѣсто метафизическихъ представленій о субстанціи должны занять *законы природы*. Свой анализъ понятія субстанціи онъ сводитъ къ слѣдующему положенію: «Въ той мѣрѣ, въ какой познаны *условія* даннаго явленія, впечатлѣніе матеріальности отступаетъ на задній планъ. Въ *отношеніяхъ* между *условіемъ* и *обусловленнымъ*, въ *уравненіяхъ*, охватывающихъ большія или меньшія области, начинаютъ видѣть *собственно неизмѣнное, субстанціональное*, то, пониманіе чего создаетъ *устойчивую картину міра*» ¹⁾.

¹⁾ Mach, „Die Prinzipien der Wärmelehre“ 2-ое изд., стр. 431.

Съ пониманіемъ субстанцій, какъ законовъ природы, становится ясно, что рѣчь идетъ только о констатаціяхъ внутри процесса развитія науки. Не вѣчное бытіе массы, не ея несозидаемость и неуничтожимость, а только констатируемое *людьми* постоянство отношеній ускоренія. Высказыванія же объ отношеніяхъ ускоренія такихъ тѣлъ, которыя не воспринимаются людьми, лишены всякаго значенія, ибо тѣло, не воспринимаемое ни однимъ человѣкомъ, вообще непредставимо.

Механическій матеріализмъ ошибочно заключаетъ, что *всякая дѣйствительность необходимо должна быть осязаемой*. Безъ сомнѣнія, осязательныя ощущенія имѣютъ *основное значеніе* для нашей ориентировки, но они отнюдь не являются нашими *единственными* опытами. Зрѣніе, слухъ, обоняніе и вкусъ даны намъ такъ же непосредственно, какъ осязаніе. Поэтому мы не нуждаемся въ *объясненіи* чувственныхъ ощущеній одного рода чувственными ощущеніями другого рода, ибо, какъ непосредственно данныя, они вообще исключаютъ какого бы то ни было рода «объясненіе». Эта ошибка, совершаемая механическимъ матеріализмомъ, встрѣчается, впрочемъ, и въ другихъ областяхъ, хотя тамъ она не нашла того почтительнаго отношенія, какимъ пользуется въ естествознаніи. Музыканты нерѣдко бываютъ склонны выражать весь свой опытъ въ звукахъ; въ литературѣ мы иногда встрѣчаемъ истолкованіе переживаній и настроеній посредствомъ цвѣтовыхъ, обонятельныхъ или вкусовыхъ ощущеній. И по существу эти неудачныя попытки ничѣмъ рѣшительно не отличаются отъ попытокъ механическаго матеріализма.

Механическій матеріализмъ «объясняетъ» *теплоту*, какъ движеніе мельчайшихъ частицъ (молекулъ и атомовъ). Но если мы уяснимъ себѣ, что тепловыя ощущенія даны намъ такъ же непосредственно, какъ и движенія, то объясненіе однихъ черезъ другія окажется для насъ излишнимъ. «Сущность теплоты заключается практически—въ суммѣ тепловыхъ явленій, теоретически—въ понятіи теплоты и научно—въ анализѣ этого понятія. Подвергнуть анализу теплоту—это значитъ открыть общіе признаки тепловыхъ явленій», говоритъ съ поразительной ясностью мысли *Дюнгенъ* ¹⁾ и тѣмъ самымъ намѣчаетъ программу, за выполненіе которой нѣсколько позже дѣйствительно взялся *Макъ* ²⁾. Утвержденіе механическаго

¹⁾ Dietzgen, „Kopfarbeit“, стр. 78.

²⁾ „Die Prinzipien der Wärmelehre“.

матеріалізма, що тепловія явленія *суть* явленія движенія, не имѣть, разумѣется, никакого смысла, ибо то, что мы дѣйствительно знаемъ—тепловыя ощущенія,—всегда даны намъ, какъ нѣчто отличное отъ движеній. Что всѣ явленія выступаютъ только *одновременно* съ механическими,—въ этомъ ничего невозможнаго нѣтъ. И если бы дѣло обстояло именно такъ, это сдѣлало бы возможнымъ *колоссальное упрощеніе* (экономизацію) научнаго описанія, но *принципіально болѣе глубокое пониманіе* этимъ отнюдь не было бы достигнуто. Однако, и для возможности такого упрощенія не существуетъ никакихъ основаній. Напротивъ. Общія *принципіально болѣе глубокое* пониманіе, механическій матеріалізмъ привелъ физику къ совершенно излишнему усложненію ея гипотезъ и выводовъ. *Феноменологическая* физика, которую Махъ указываетъ намъ, какъ цѣль, не только свободна отъ противорѣчій и погрѣшностей въ критико-познавательномъ отношеніи, но и значительно проще (больше соотвѣтствуетъ экономіи мышленія), чѣмъ *механическая*.

Мы, конечно, не можемъ заняться здѣсь подробнымъ изложеніемъ феноменологическаго пониманія физики,—мы хотѣли только установить границы, до которыхъ *Энгельсу* удалось довести свою основную точку зрѣнія. Въ той главѣ, ¹⁾ гдѣ ему приходится дать положительное развитіе физическихъ наукъ, онъ стоитъ подъ знаменемъ господствовавшего въ то время механическаго матеріалізма. Дальше этой грани своей эпохи онъ не видѣлъ, но въ настоящее время мы можемъ открыть и въ эту область доступъ *его основнымъ принципамъ*.

Говоря объ «историческомъ матеріалізмѣ», очень часто имѣютъ въ виду Марксъ-Энгельсовскія воззрѣнія спеціально въ примѣненіи къ человѣческой *исторіи*. Теперь мы видимъ, что, вообще, *ни въ одной области* не можетъ существовать *другого* матеріалізма, кромѣ *историческаго*. Во всѣхъ областяхъ знанія постепенно побѣждаетъ *діалектико-историческій матеріалізмъ* или, какъ мы теперь говоримъ, *основанная на опытѣ исторія развитія*, составлявшая основное воззрѣніе нашихъ учителей.

¹⁾ „Анти-Дюрингъ“, I отдѣлъ, IV глава.

Карль Каутскій.

Три кризиса марксизма.

Когда 14 марта 1883 года Карль Маркс навсегда закрылъ свои глаза, марксизмъ рѣшительно шествовалъ впередъ, но онъ былъ еще далекъ отъ того, чтобы покорить себѣ весь международный социализмъ. За нѣсколько лѣтъ до того марксизмъ, — мы говоримъ здѣсь о теоретическомъ и практическомъ вліяніи марксовскаго ученія, — пережилъ свой второй кризисъ. Первый кризисъ разразился одновременно съ контръ-революціей послѣ 1848 года.

И въ марксизмѣ періоды расцвѣта смѣнялись періодами кризиса, прѣодолевъ которые, онъ постоянно завоевывалъ новую почву.

Сороковые годы были временемъ быстрого роста социалистической мысли и самостоятельности рабочаго класса въ Западной Европѣ. Но такъ же быстро росло вліяніе Маркса и Энгельса на самыя развитыя части пролетаріата. Международный союзъ коммунистовъ всецѣло принялъ въ 1847 году ихъ точку зрѣнія и объявилъ «Коммунистическій Манифестъ» своей программой. И когда въ 1848 году вспыхнула революція, главнымъ органомъ революціонной Германіи стала выходившая подъ редакціей Маркса «Новая Рейнская Газета».

Іюньская рѣзня положила конецъ этому развитію. Реакція повсюду восторжествовала, — и въ той же мѣрѣ, въ какой успѣхъ революціоннаго движенія особенно благоприятствовалъ марксизму, упадокъ революціи нанесъ ему жестокий ударъ. Марксизмъ не только потерялъ свои публицистическіе органы въ Германіи, не только пережилъ полный разгромъ своихъ организацій со стороны полиціи и юстиціи, но даже сама демократія отвернулась отъ него и стала систематически зажимать ему ротъ какъ въ Германіи, такъ и въ изгнаніи.

Съ глубокимъ презрѣніемъ отнесся Марксъ къ эмигрантскимъ дразгамъ и занялся изготовленіемъ новаго оружія для того грядущаго подъема въ соціалистическомъ движеніи, въ наступленіи котораго онъ ни на одинъ моментъ не сомнѣвался даже въ самые мрачныя дни реакціи.

И этотъ подъемъ пришелъ къ началу шестидесятыхъ годовъ. Тогда начался второй періодъ въ развитіи марксизма.

Шире и сильнѣе, чѣмъ до революціи, разлилось повсюду рабочее движеніе. Для развитія своей дѣятельности оно нуждалось въ просвѣщеніи и организаціи. Марксъ далъ ему то и другое. Онъ не былъ основателемъ «Интернаціонала», который вообще не былъ дѣломъ рукъ отдѣльнаго человѣка, но онъ сумѣлъ собрать во-едино всѣ разнородныя силы «Интернаціонала» и направить ихъ въ одно общее русло, благодаря чему международное пролетарское движеніе приобрѣло такую силу, какой оно не достигло бы безъ него.

А спустя нѣсколько лѣтъ послѣ основанія «Интернаціонала», онъ, обнародовавъ «Капиталъ», далъ человѣчеству глубочайшее изъ всѣхъ существовавшихъ до тѣхъ поръ пониманіе хозяйственного механизма современнаго общества.

Промежуточные годы 1864 — 1870 были годами гордости для марксизма, который опять шелъ отъ побѣды къ побѣдѣ, все больше завоевывая довѣріе рабочаго класса, но въ то же время все больше возбуждая злобную враждебность со стороны господствующихъ классовъ.

Но вотъ произошло возстаніе и пораженіе парижской коммуны, и это пораженіе стало такимъ же поворотнымъ пунктомъ для «Интернаціонала», какъ іюньская рѣзня для революціонной демократіи 1848 года. Оно привело въ движеніе всю ярость господствующихъ классовъ противъ этой, возбуждавшей всеобщій страхъ, организаціи и противъ ея руководителя. Организациа же отвѣтила на удвоенную и утроенную ярость нападенія не болѣе тѣснымъ сплоченіемъ своихъ рядовъ, а расколомъ, междоусобной войной, посаившей гораздо болѣе злобный и разрушительный характеръ, чѣмъ раздоры среди демократической эмиграціи послѣ 1848 г.

Марксъ, какъ уже было замѣчено, сумѣлъ съ большимъ искусствомъ и терпимостью сплотить разнородные элементы «Интернаціонала» — прудонистовъ и бланкистовъ романскихъ странъ, англійскихъ тредъ-юнионистовъ, — но согласовать ихъ дѣятельность становилось все труднѣе. Послѣдніе конгрессы «Интернаціонала» передъ 1870 годомъ обнаружили уже большія разногласія, особенно

по аграрному вопросу, въ которомъ мелкобуржуазные прудонисты, поклонники крестьянскаго хозяйства и частной собственности на землю, противостояли сторонникамъ сельскаго хозяйства, располагающаго всѣми средствами новѣйшей техники и новѣйшаго знанія, и сторонникамъ общей собственности на землю.

Побѣдоносное движеніе впередъ удерживало еще противоположные элементы вмѣстѣ. Препятствія, созданныя пораженьемъ Коммуны, способствовали проявленію враждебнаго отношенія со стороны всѣхъ не-марксистскихъ элементовъ, выступившихъ съ цѣлымъ рядомъ упрековъ и обвиненій.

Эти враждебные Марксу элементы сплотилъ Бакунинъ, но оо-всѣмъ не съ той цѣлью, что Марксъ, не для общей положительной работы, а лишь для того, чтобы окончательно порвать все еще соединявшія ихъ узы. Бакунину удалось разрушить марксовскій Интернаціональ, но ему не удалось создать на его мѣсто другого. Послѣ Гаагскаго конгресса въ 1872 году «Интернаціональ» распался.

Марксизмъ вступилъ тогда во второй періодъ своего упадка. Во Франціи все рабочее движеніе было убито, въ другихъ романскихъ странахъ господствовалъ анархизмъ, англійскіе трэдъ-юніоны послушно слѣдовали за буржуазными партіями, въ Германіи боролись еще лассальянцы и айзенахцы, въ Австріи движеніе превратилось изъ ярко пылающей соломы въ кучу золы, въ которой едва тлѣлось еще нѣсколько искръ.

И «Капиталъ» Маркса, великое его произведеніе, отъ котораго онъ ожидалъ революціи въ умахъ, остался незамѣченнымъ.

Такъ, первая половина семидесятыхъ годовъ принесла Марксу и Энгельсу столько же разочарованій, сколько успѣховъ имъ принесла вторая половина шестидесятыхъ годовъ.

Поворотъ въ сторону нѣваго расцвѣта пришелъ на этотъ разъ не изъ Франціи и не изъ Англіи, а изъ Германіи. Германская социаль-демократія осталась незатронутой всеобщимъ упадкомъ, наступившимъ въ рабочемъ движеніи съ пораженьемъ Коммуны и съ распаденіемъ Интернаціонала. Въ 1874 году она одержала блестящую побѣду на выборахъ, которая вызвала противъ нея въ Пруссіи эру преслѣдованій, но это повело лишь къ тому, что враждующіе братья нашли другъ друга (въ 1875 г.). Съ тѣхъ поръ наша партія непрерывно развивалась, и даже законъ противъ социалистовъ не оказалъ значительнаго вліянія на ея ростъ.

Вскорѣ затѣмъ марксизмъ сталъ оживать и во Франціи, вы-

тѣсная узкій тредъ-юніонизмъ; въ 1876 году была основана «Egalité», которую редактировалъ Жюль-Гэдъ совместно съ Лафаргомъ, Девилемъ и другими; а въ 1879 г., на конгрессѣ въ Марсель, была конституирована марксистская рабочая партія.

Въ Бельгіи рабочіе тоже стали во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ приходить въ движеніе, и если не теоретически, то практически они все же становились на точку зрѣнія германской социаль-демократіи. Основанная въ 1879 году социалистическая партія Бельгіи есть партія классовой борьбы, которая стремится къ завоеванію политической власти для освобожденія рабочаго народа: но это, вѣдь, и составляетъ характерную черту практическаго марксизма.

Около того же времени проснулось также и голландское рабочее движеніе изъ той спячки, въ которую оно впадо послѣ Гаагскаго конгресса,—и социаль-демократическій союзъ въ Амстердамѣ принялъ программу нѣмецкой социаль-демократіи.

Въ Даніи, къ концу семидесятыхъ годовъ, намѣтился также значительный подъемъ социаль-демократіи.

Марксъ дожилъ и до пробужденія марксовскаго социализма въ Англіи и также,—что особенно его воодушевляло,—до славной геройской борьбы, которую русскіе революціонеры вели къ концу семидесятыхъ и къ началу восьмидесятыхъ годовъ противъ абсолютизма; онъ съ воодушевленіемъ слѣдилъ за ихъ борьбой и помогалъ имъ, гдѣ только могъ, совѣтами и личными связями.

Но пробужденіе социаль-демократическаго революціоннаго движенія и то вліяніе, которое имѣлъ на него Марксъ, сломали, наконецъ, также и ледъ профессорской системы полного замалчиванія. Ученые начали критиковать «Капиталъ» и «научно опровергать» его. Но большаго и не требовалось для того, чтобы трудъ Маркса сталъ извѣстенъ и широко распространилъ свое вліяніе на умы.

Съ этого времени вліяніе Маркса росло въ той же мѣрѣ, какъ и попытки его «опроверженія».

Но все-таки, когда Марксъ умеръ, нельзя было еще сказать, чтобы его взгляды и основанная на нихъ практика подчинили себѣ международное рабочее движеніе. Прежде всего романскія страны находились еще во власти бакунизма и прудонизма, и какъ разъ ко времени смерти Маркса особый видъ бакунизма охватилъ также и Австрію.

Еще уже сферы практическаго вліянія марксизма была тогда сфера его теоретическаго вліянія. Даже въ Германіи, гдѣ пони-

маніе марксової теорії стояло найбільше високо, вплинієм пользовались еще взгляды Дюринга, Родбертуса, Альберта Ланге, не говоря уже о ветеранах 48-го года, какъ Іоганнъ Якоби и Риттигаузенъ.

Когда въ 1877 году германская соціалъ-демократія начала издавать научный органъ «Zukunft», то онъ не только не сталъ на точку зрѣнія Маркса, но сталъ проводить прямо-таки антимарксовскую программу,—и это не вызывало ни одного голоса протеста. Другая соціалистическая газета, появившаяся тогда на нѣмецкомъ языкѣ («Neue Gesellschaft» въ Цюрихѣ), была, вообще, безъ программы.

И вдругъ, какъ бы подъ вплиніемъ одного удара, все это измѣнилось. Не прошло еще десяти лѣтъ, какъ марксизмъ подчинилъ себѣ почти весь соціалистическій міръ, что ясно показали международные конгрессы, особенно конгресъ 1893 года. Овація, устроенная на этомъ конгресѣ Фридриху Энгельсу относились не только къ личности ветерана международного соціализма, онѣ относились также къ тому ученію, однимъ изъ основателей котораго онъ былъ.

Марксизмъ подчинилъ себѣ весь славянскій соціализмъ; онъ совершенно вытѣснилъ въ романскомъ мірѣ анархизмъ; въ Англіи онъ, въ лицѣ новаго тредъ-юніонизма, снова приобрѣлъ влияние на профессиональные союзы.

И не только практический марксизмъ, но и теоретическій, занялъ такое господствующее положеніе. Многообразие соціалистическихъ теорій исчезло; одна только сохранила значеніе—теорія Карла Маркса. Теоретики, еще имѣвшіе въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ влияние на широкіе круги рабочихъ и соціалистической интеллигенціи—Прудонъ, Родбертусъ, Дюрингъ, Ланге, Генри Джорджъ, Шеффле,—потеряли все значеніе для рабочаго движенія и для соціалистическаго мышленія. Та теорія, которая въ романской соціалъ-демократіи еще сохранялась вольѣ марксизма—«интегральный» соціализмъ Малона,—не была оригинальной, цѣльной теоріей, а лишь пестрой смѣсью всевозможныхъ системъ: прудонизма, марксизма, позитивизма, шеффлеизма и т. д.

Но это широкое распространеніе марксизма совершалось слишкомъ быстро, шло слишкомъ большими прыжками впередъ, и потому не могло быть прочнымъ. Марксизмъ сталъ среди соціалистическаго поколѣнія модой, которой каждый долженъ былъ слѣдовать, если онъ не хотѣлъ прослыть «отсталымъ». Но ни одна тео-

рія не призвана стать модвою філософією такъ мало, какъ марксизмъ, который такъ глибокъ и въ то же время такъ реалистиченъ, который не позволяетъ оставаться на поверхности вещей и въ то же время не позволяетъ отдѣляться мистическими и мистифицирующими фразами отъ трудностей болѣе глубокаго анализа явленій. Для пониманія Маркса необходимо нѣкоторое знаніе и неутомимое стремленіе проникать все глубже. Впервые знакомящійся съ марксизмомъ пойметъ его всегда плоско и вульгарно; необходимо постоянно расширять запасъ своихъ знаній и съ приобретенными знаніями снова и снова браться за изученіе марксовскихъ произведеній, ибо только такимъ путемъ можно ихъ понять и разрѣшить противорѣчія, существующія между поверхностью и сущностью вещей, между ихъ кажущимися, поверхностными и ихъ дѣйствительными, глубокими отношеніями.

Марксизмъ, какъ и всякую болѣе глубокую философію, надо брать съ бою. Для этого у человѣка моды нѣтъ ни времени, ни охоты. Нѣсколько плоскихъ формулъ, къ которымъ «марксисты по модѣ» свели марксизмъ, оказались для нихъ слишкомъ скоро въ неразрѣшимомъ противорѣчій съ дѣйствительностью; неудивительно, что виновникомъ этого они стали считать марксизмъ. Они не обратились къ провѣркѣ своихъ взглядовъ посредствомъ болѣе глубокаго анализа, а просто перешли по вопросу о марксизмѣ къ порядку дня. При этомъ они вовсе не замѣчали, что то идейное содержаніе, которое они критиковали и «исправляли», было не чѣмъ инымъ, какъ ихъ собственнымъ духовнымъ дѣтищемъ.

Но если бы даже марксово ученіе было болѣе поверхностнымъ, все же отпаденіе поклонниковъ моды оказалось бы неизбежнымъ, ибо самая сущность моды состоитъ вѣдь въ постоянной перемѣнѣ; человѣкъ моды хочетъ бросаться въ глаза, хочетъ отличаться тѣмъ, что онъ-де поклоняется новѣйшей модѣ въ то время, когда масса держится еще прежней моды, которая уже устарѣла. Если какая-нибудь мода стала всеобщей, то для человѣка моды наступило время смѣнить ее другой. Такъ, инымъ молодымъ людямъ нравилось быть марксистами до тѣхъ поръ, пока они выделялись этимъ среди своихъ пріятелей. Но когда этотъ марксизмъ потерялъ прелесть новизны, они сразу убѣдились, какъ сильно онъ устарѣлъ, и въ нихъ появилась потребность въ его пересмотрѣ.

Такъ наступилъ послѣдній кризисъ марксизма, который теперь въ сущности своей уже преодоленъ. Съ чувствомъ удовлетворенія можемъ мы теперь, въ двадцатилѣтнюю годовщину Маркса, кон-

статировать, что этотъ кризисъ принесъ марксизму гораздо меньше вреда, чѣмъ предыдущіе

Прежде всего онъ совсѣмъ не застронулъ главнаго—практическаго марксизма, что и понятно. Прежніе кризисы марксизма были слѣдствіемъ крупныхъ практическихъ поражений; они гораздо больше вліяли на практическое движеніе, чѣмъ на теоретическое. Новѣйшій же кризисъ, напротивъ, наступилъ посреди полнѣйшаго расцвѣта практическаго марксизма. У него не было никакихъ внѣшнихъ поводовъ, если не считать такимъ поводомъ смерть второго изъ творцовъ марксизма.

Могутъ, пожалуй, указать на Францію и Италію, какъ на страны, въ которыхъ марксизмъ, молъ, падаетъ. Но тамъ отошли отъ него только тѣ элементы, которые лишь недавно къ нему применили. А открыто и рѣшительно отказаться отъ классовой борьбы не посмѣли даже сторонники солидарности классовъ въ социалистическихъ партіяхъ этихъ странъ. Они не противопоставляютъ рѣшительной тактикѣ классовой борьбы другую тактику, довольствуясь лишь требованіемъ свободы мнѣній и автономіи, подразумѣвая подъ этимъ уничтоженіе всякой дисциплины. Но, наряду съ ними, въ этихъ странахъ существуютъ отборные отряды марксистскаго движенія, сила и сплоченность которыхъ съ 1893 года скорѣе возросли, чѣмъ упали. А относительному упадку во Франціи и въ Италіи противопоставятъ огромные успѣхи въ другихъ странахъ. Въ Голландіи анархическій кризисъ, который десять лѣтъ тому назадъ былъ еще такъ силенъ, теперь совершенно преодоленъ, и практический марксизмъ тамъ процвѣтаетъ. Въ Америкѣ образовалась, наконецъ, настоящая американская социаль-демократія, которая можетъ уже похвалиться большими успѣхами. За этимъ слѣдуетъ еще Россія, гдѣ въ 1893 году движеніе было совсѣмъ раздавлено. Мощно выступаетъ тамъ молодой пролетаріатъ и идетъ при этомъ именно по марксистскому пути. А каждый шагъ дѣйствительнаго движенія, по извѣстному изреченію Маркса, важнѣ дюжины программъ.

Но новѣйшій кризисъ въ марксизмѣ не привелъ до сихъ поръ также къ принципиальному пресмотру нашей программы, за исключеніемъ развѣ Франціи, гдѣ министерскій социализмъ объявляетъ въ своей программѣ социалистическое движеніе продуктомъ какъ классовой борьбы, такъ и «Декларации правъ человѣка» французской революціи,—противоположностью либерализма и въ то же время слѣдствіемъ его.

Никакой теоріи, на которую могла бы опереться эта своеобразная программа, не существуетъ. Новѣйшій кризисъ въ марксизмѣ вообще не создалъ теоріи, которая могла бы быть противопоставлена марксизму. Несмотря на обиліе критикъ и на всевозможные упреки въ тѣхъ или иныхъ недостаткахъ, *марксизмъ* все же является теперь, какъ и десять лѣтъ тому назадъ, *единственной цѣльной и законченной теоріей социализма*. Всѣ теоріи, расцвѣтавшіе еще ко времени смерти Маркса, теперь окончательно забыты, а новыя еще не появились. Даже недавняя попытка Давида не представляетъ собою новой теоріи общества, а только новую теорію одной изъ частей общества—*сельскаго хозяйства*,—которую Давидъ механически отрываетъ отъ всего общества и противопоставляетъ ему. Для индустріи Давидъ признаетъ марксизмъ, а по отношенію къ сельскому хозяйству онъ—нео-прудониотъ. Впрочемъ, самъ онъ думаетъ, что держится марксовскаго метода, который онъ считаетъ правильнымъ. Объ этой попыткѣ мы подробнѣе говоримъ въ другомъ мѣстѣ.

Ревизионизмъ не означаетъ ни дальнѣйшаго развитія марксизма ни смѣны его другимъ ученіемъ; онъ означаетъ, въ сущности, отказъ не только отъ марксовской, но и отъ *всякой вообще общественной теоріи*; и въ этомъ отношеніи онъ такъ относится къ марксизму, какъ историческая школа политической экономіи—къ классической школѣ.

Когда школа Рикардо исчезла, ее смѣнила не новая, высшая система политической экономіи, а историческая школа, которая возвела необходимость въ добродѣтель и объявила всякое изслѣдованіе болѣе глубокихъ экономическихъ отношеній пустымъ умозрѣніемъ, которое будто бы находило себѣ оправданіе лишь до тѣхъ поръ, пока не было еще достаточнаго фактическаго матеріала въ экономической наукѣ. Теперь же исканіе общихъ экономическихъ законовъ является чѣмъ-то устарѣлымъ. Экономическая жизнь слишкомъ, молъ, богата и разнообразна, чтобы ее можно было подвести подъ общіе законы. Не всеобщее, а единичное составляетъ предметъ новѣйшей экономической науки, не *изслѣдованіе* законовъ, а только *описаніе* хода развитія и его результатовъ. Условіе науки является для нея *сущностью* науки.

Конечно, можно и такимъ путемъ дать наукѣ много цѣннаго, и историческая школа имѣетъ значительныя заслуги, особенно въ области исторіи хозяйства. Не надо, конечно, забывать, что и описательная наука, если она не желаетъ оставаться простымъ без-

цѣльнымъ накопленіемъ единичныхъ фактовъ, должна исходить изъ извѣстныхъ теоретическихъ принциповъ, руководясь которыми, она выбираетъ встрѣчающіеся ей факты, выдѣляетъ типичные и группируетъ ихъ. Такъ, напримѣръ, статистика въ послѣднія десятилѣтія дала намъ возможность видѣть многія вещи яснѣе, чѣмъ это было доступно Рикардо и Марксу при всей силѣ ихъ абстрактнаго мышленія. Но первымъ условіемъ полезной статистики является цѣлесообразная постановка вопросовъ, а это предполагаетъ болѣе глубокое теоретическое пониманіе подлежащихъ разсмотрѣнію вещей.

Историческая школа не была бы никогда въ состояніи совершить и того, что она совершила, если бы она, въ большинствѣ случаевъ безсознательно, не руководилась въ своихъ изслѣдованіяхъ столь презираемымъ ею абстрактнымъ методомъ великихъ экономическихъ теоретиковъ. Съ другой стороны, не надо забывать, что если классическая экономія и равнымъ образомъ Марксъ не обладали результатами новѣйшей статистики, то все же они вполне использовали весь экономическій матеріалъ своего времени. Это легко теряютъ изъ виду оттого, что ихъ методъ *изложенія* смѣшиваютъ съ ихъ методомъ *изслѣдованія*. Разница эта, правда, тоже «устарѣла». Наши новѣйшіе побѣдители Рикардо и Маркса болѣею частью спѣшатъ сейчасъ же занести на бумагу всякую запавшую въ голову мысль, всякое наблюденіе и возвѣстятъ свое «открытіе» *ubi et ubi*, и лишь послѣ этого они начинаютъ думать надъ тѣмъ, что собственно означаетъ ихъ великое открытіе.

Методъ изслѣдованія и описанія у нихъ совпадаютъ, если вообще позволительно говорить здѣсь о методѣ. Какъ ни одинъ современный купецъ не выставляетъ всего своего запаса товаровъ въ витринѣ, такъ ни одинъ современный экономистъ не выставляетъ въ своихъ сочиненіяхъ всего фактическаго матеріала, которымъ онъ располагаетъ. Что на основаніи огромнаго фактическаго матеріала можно дать абстрактное изложеніе,—это кажется представителямъ «новѣйшей науки» немислимымъ. Абстрактное изложеніе кажется имъ высосаннымъ изъ пальца, самокувырканіемъ въ пустомъ пространствѣ.

Подобно тому, какъ историческая школа, хотя она означаетъ въ теоретическомъ отношеніи шагъ назадъ, могла все таки обогатить науку единичными цѣнными изслѣдованіями, такъ и ревизионизмъ, несмотря на то, что онъ означаетъ шагъ назадъ по отношенію къ Марксу, можетъ все же способствовать дальнѣйшему

развитію общественной мысли, — если онъ вообще имѣетъ право считать себя особымъ научнымъ направлениемъ, а не только простымъ возстановлениемъ того вулгарнаго социализма чувства, который еще въ семидесятыхъ годахъ составлялъ символъ вѣры каждаго средняго социалиста, и который боязливо скрылся передъ марксизмомъ, только такимъ образомъ избѣгнувъ полного уничтоженія; и только послѣдній кризисъ въ марксизмѣ далъ ему опять смѣлость показаться на свѣтъ и даже выступить въ роли побѣдителя марксизма.

Ревизионизмъ сможетъ совершить многое въ научномъ отношеніи, если только онъ будетъ ясно сознавать границы того, что онъ въ состояніи выполнить, и, подобно исторической школѣ, сдѣлаетъ центромъ тяжести описаніе хода развитія и его результатовъ. Такъ, наприимѣръ, — мы назовемъ здѣсь только двоихъ, — *Вебб* своей исторіей англійскаго тредъ-юніонизма и *Туганъ-Барановскій* своей исторіей русской фабрики дали, безъ сомнѣнія, выдающіеся научные труды и способствовали углубленію нашего взгляда на общество.

Но тамъ, гдѣ ревизионизмъ отважится вступать въ теоретическую область, — въ роли критической или же положительной, развивающей теоріи, — тамъ онъ будетъ терпѣть постоянныя пораженія, такъ какъ онъ не представляетъ собой никакой новой законченной и цѣльной теоріи, а лишь отклоненіе или искаженіе единственной существующей нынѣ въ социализмѣ теоріи — марксизма.

Но такъ какъ ревизионизмъ отличается отъ исторической школы тѣмъ, что онъ хочетъ стоять не на буржуазной, а на пролетарской точкѣ зрѣнія, то онъ часто принужденъ дѣлать опыты и въ области теоріи, — и въ этомъ именно одна изъ самыхъ слабыхъ его сторонъ.

Развивающійся классъ, который не въ силахъ добиться въ рамкахъ того общества, въ которомъ онъ существуетъ, полного равенства и свободнаго развитія, долженъ, если онъ обладаетъ извѣстной степенью сознательности, неизбежно прійти къ той мысли, что на мѣсто господствующей общественной формы необходимо поставить другую, отвѣчающую его интересамъ.

Но онъ не можетъ ставить себѣ этой цѣли, не развивая въ то же время законченной теоріи общества. Характеръ этой теоріи зависитъ отъ общаго уровня знанія даннаго класса; она можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, быть очень наивной и все же вполне отвѣчать своей исторической роли, но она должна всегда согласоваться съ общеобязательными научными взглядами и распространяться

на всю совокупность общественных явлений. Такъ и буржуазія, когда она стала сознавать свои интересы и захотѣла сообразно имъ перестроить общество, стала нуждаться въ широкой общественной теоріи, которую ей и дала классическая политическая экономія физиократовъ и Смито-Рикардовской школы. Эта теоретическая потребность исчезла у буржуазіи, когда она, достигнувъ власти, стала стремиться уже не перестроить все общество, а скорѣе сохранить его, исправивъ только въ частностяхъ.

Съ тѣхъ поръ историческая школа стала адекватнымъ выраженіемъ ея научной потребности. Появленіе этой школы не было случайностью.

Но то, что у буржуазіи могло существовать продолжительное время, то у пролетаріата, при его классовомъ положеніи, можетъ быть только случайнымъ явленіемъ, возникшимъ въ особыхъ мѣстныхъ или временныхъ условіяхъ, въ которыхъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій жилъ организованный въ профессиональные союзы пролетаріатъ Англіи, а отъ 1896 до 1900 г. также пролетаріатъ всего капиталистическаго міра. Пролетаріатъ не можетъ достигнуть въ нынѣшнемъ обществѣ той социальной свободы и равенства, которыя ему необходимы. Онъ долженъ поэтому неизбѣжно враждебно относиться къ существующему обществу, онъ вынужденъ думать о преобразованіи всего общества, другими словами — онъ неизбѣжно долженъ быть революціоннымъ. Поэтому-то пролетаріатъ требуетъ цѣльной и законченной теоріи всего общества, съ помощью которой онъ могъ бы обосновать свое стремленіе къ переустройству всего общественнаго зданія.

Пока господствовала классическая политическая экономія, онъ могъ заимствовать у нея свою общественную теорію, примѣняя ее сообразно своимъ потребностямъ, но въ настоящее время только научный социализмъ, то-есть исходящее изъ пролетарской точки зрѣнія научное изслѣдованіе общества, въ состояніи дать ту теорію, которая необходима пролетаріату.

Теоретическая потребность, исчезнувшая въ буржуазіи съ тѣхъ поръ какъ послѣдняя стала консервативной, все болѣе усиливается въ пролетаріатѣ, какъ слѣдствіе его классоваго положенія. Поэтому-то онъ и не можетъ долго довольствоваться той передѣлкой на пролетарскій ладъ исторической школы, которую представляетъ собой ревизионизмъ; съ другой стороны, этотъ способъ мышленія исторической школы долженъ пробуждать въ его носителяхъ консервативныя наклонности (консервативныя въ общественномъ, а не въ по-

литическомъ смыслѣ), страхъ передъ всякимъ радикальнымъ измѣненіемъ общества и направленіе всѣхъ стремленій на частныя формы и частныя явленія. Такимъ образомъ ревизионизмъ, если онъ хочетъ послѣдовательно развиваться, т. е. быть въ состояніи практически дѣйствовать, приходитъ въ неизбѣжный конфликтъ съ социализмомъ. Если же онъ хочетъ оставаться вѣрнымъ социализму, то онъ постоянно вынужденъ обращаться къ крупнымъ вопросамъ общественной теоріи, и тутъ онъ снова попадаетъ въ заколдованный кругъ марксизма, если только не предпочитаетъ попасть въ заколдованный кругъ либеральной буржуазіи. Ибо, какъ уже было сказано, другой теоріи научнаго социализма онъ не найдетъ.

Кто считаетъ себя способнымъ дать лучшую теорію, тотъ пусть это сдѣлаетъ. Но это могъ бы совершить лишь выдающійся умъ: если бы это удалось, это было бы однимъ изъ величайшихъ завоеваній человѣческаго ума.

Пока же не видно и зародышей этого гиганта мысли. А посредствомъ взглядовъ исторической школы нельзя ни исправить марксизма, ни дальше развить его, ни вовсе искоренить.

Не такъ это просто. Поэтому ревизионизмъ такъ же мало могъ теоретически разрушить марксизмъ, какъ оппортунизмъ могъ сдѣлать это практически. Онъ только уничтожилъ марксизмъ моды. Но по этому поводу мы не прольемъ ни слезинки. Жизненная сила борющагося и изслѣдующаго марксизма, напротивъ, такъ же возрасла послѣ третьяго кризиса, какъ и послѣ первыхъ двухъ.

Теперь, двадцать лѣтъ спустя послѣ смерти нашего великаго учителя, свѣтъ, который онъ пролилъ на сущность человѣческаго, и specially буржуазнаго общества, болѣе чѣмъ когда-либо служить путеводной звѣздой, за которой мы слѣдуемъ, ибо она показываетъ намъ кратчайшій и наименѣе тернистый путь къ конечной цѣли: къ освобожденію пролетаріата и тѣмъ самымъ къ освобожденію человѣчества отъ проклятія капитализма.

Указатель литературы объ историческомъ матеріализмѣ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ.

Абрамовскій, Эд. Историческій матеріализмъ и принципъ соціального явленія. М. 1900 (пер.).

Его же. Психологическія основанія соціологіи. М. 1900 (пер.).

Адлеръ, А. Исторія социализма и коммунизма. П. 1907 (пер.).

Адлеръ, М. Лассаль и Марьясъ, какъ выразители идеалистическаго и материалистическаго пониманія исторіи. «В. Зн.», 1905, № 1 (пер.).

Айзенштадтъ, А. Рецензія о книгѣ Штамплера. «Н. Кн.», № 14.

Аксельродъ, Л. (Ортодоксъ). О «Проблемахъ идеализма». Од. 1905.

Ея же. Философскіе очерки. Отвѣтъ философскимъ критикамъ историческаго матеріализма. П. 1906.

Ея же. Проблемы этики въ современномъ освѣщеніи. «Соврем. М.», 1907 *).

Алексѣевъ. Разложеніе марксизма. «Нов. П.», 1904.

Андлеръ, Ш. Историческое введеніе и комментарий къ коммунистическому манифесту К. Маркса и Ф. Энгельса. М. 1906 (пер.).

Андреевъ, Ник. Діалектическій матеріализмъ и философія Іосифа Дицгена. «Совр. М.», 1907. XI.

Арнольди, см. Лавровъ.

Вазаровъ, В. Авторитарная метафизика и автономная личность (въ «Очеркахъ реалистическаго мировоззрѣнія»; см.).

Зартъ, П. Понятіе исторіи. «Н. Об.», 1899, VII (пер.).

Его же. Философія исторіи, какъ соціологія. П. 1903 (пер.).

Вебелъ, А. О Бернштейнѣ. Од. 1905 (пер.).

Бельтовъ, см. Плехановъ.

Б. П. Къ вопросу объ исторической необходимости. «Р. Б.», 1897, IX.

Его же. Задачи пониманія исторіи. «Р. Б.», 1898, X.

Его же. Къ вопросу о пониманіи исторіи. «Р. Б.», 1899, II, III, VI и VII.

Бердяевъ, Н. (см. также Berdjajeff). Борьба за идеализмъ. «М. Б.», 1901, VI.

Его же. Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи. Критическій этюдъ о г. Михайловскомъ. Съ предисл. П. Струве. П. 1901 *).

Его же. Критика историческаго матеріализма. «М. Б.», 1903, X.

Его же. Sub specie aeternitatis. Опытъ философскіе, соціальныя и литературныя (1900—1906 гг.). П. 1907.

Берлинъ, П. Рецензія о кн. Eleutherospulos'a (см.). «Ж.», 1900, V.

Его же. Къ вопросу о значеніи философіи Гегеля для основныхъ положеній марксизма. «Ж.», 1900, VIII.

Его же. Масарикъ противъ Маркса. «Н. Об.», 1900, X.

Его же. О бернштейнѣ. «Ж.», 1901, II.

Его же. Къ генезису материалистическаго пониманія исторіи. «Обр.» 1904, XI.

*) Въ трехъ книжкахъ; главнымъ образомъ посвящ. разбору кн. Каутскаго: «Этика и матер. поним. исторіи».

*) См. въ «Философскихъ очеркахъ» Аксельродъ статью: «Почему мы не хотимъ идти назадъ?»

Его же. Библиографическія замѣтки къ изученію марксизма. „Н. Кн.“, № 5 и 11.

Берманъ, Я. Марксизмъ или материализмъ. „Обр.“, 1906, XI *).

Его же. Соціально-демократическая философія. „В. Ж.“, 1907, I.

Бернадскій, М. Ортодоксальный марксизмъ и ревизионизмъ. „Обр.“, 1906, VII.

Бернштейнъ, Эд. Историческій материализмъ. П. 1901 (пер.)

Его же. Очерки изъ исторіи и теоріи социализма. П. 1902 (пер.).

Его же. Возможенъ ли научный социализмъ? Съ отвѣтомъ Плеханова. Од. 1906 (пер.).

Богдановъ, А. Краткій очеркъ экономической науки. 9-е изд. 1906 г.

Его же. Основные элементы историческаго взгляда на природу.

Его же. Познаваніе съ исторической точки зрѣнія. П. 1901.

Его же. Изъ психологій общества. П. 1904.

Его же. Обмѣлы и техника (въ „Очеркахъ реалист. міровоззр.“; см.).

Его же. Отзвуки минувшаго („Отъ марксизма къ идеализму“. Сборникъ статей г. С. Булгакова). „Обр.“ 1904, I.

Его же. Эмпириомонизмъ Статьи по философіи. М. 1904.—Кн. 2-ая. М. 1905.—Кн. 3-ья. П. 1906.

Его же. Революція и философія. П. 1906.

Булгаковъ, С. О законѣности социальныхъ явленій. „В. Ф. и Пс.“ 1896, V.

Его же. Законъ причинности и свобода человеческихъ дѣйствій. „Н. Сл.“ 1897. Май **).

Его же. Хозяйство и право. (въ „Сборникъ общихъ юридическихъ знаній“, под. ред. Гамбарова). П. 1899.

Его же. Основные проблемы теоріи прогресса (въ „Проблемахъ идеализма“; см.).

Его же. Отъ марксизма къ идеализму. Сборникъ статей. П. 1904.

Вюкнеръ, Л. Дарвинизмъ и социализмъ, или борьба за существованіе и современное общество. М. 1907. (пер.).

Валентинъ, (Ольгинъ). О материализмѣ.

*) Критика книги Плеханова: „Критика напѣвъ критиковъ“.

**) По поводу ст. Струве: „Свобода и историческая необходимость“.

риалистическомъ пониманіи исторіи. Опытъ популярнаго изложенія. 1907.

Вандервельдъ, Э. Идеализмъ въ марксизмѣ. Од. 1905 г. (пер.).

Его же. Соціалистическіе этюды. Социализмъ и религія. Социализмъ и искусство. П. 1906. (пер.).

В. В. Очерки современныхъ направлений. Экономическій материализмъ на русской почвѣ. „Н. Сл.“ 1895, XI и XII.

Вейсгеръ, П. Конецъ марксизма. П. 1901 (пер.).

Виконуровъ, А. Къ вопросу объ экономическомъ материализмѣ. Докладъ (оттискъ изъ отчета екатеринбургскаго научнаго общества за 1903 г.).

Випперъ, Общественныя теченія.

Вольфманъ, Л. Историческій материализмъ. Изложеніе и критика марксистскаго міросозерцанія. П. 1901 (пер.).

Его же. Теорія Дарвина и социализмъ. П. 1906 (пер.).

Его же. Система моральнаго сознанія въ связи съ отношеніемъ критической философіи къ дарвинизму и социализму. П. 1901 (пер.).

Вороновъ, Л. Свергнутый кумиръ. Теорія Карла Маркса. М. 1902.

Вѣтринскій, Ч. Модная теорія (по поводу полемики объ экономическомъ материализмѣ). „Н. Сл.“ 1894, XI.

Гайдаровъ, Штаммлеръ и его теорія социального монизма. „Р. Б.“ 1902, X.

Гвоздевъ, Къ вопросу о телеологичности историческаго процесса. „Н. Об.“ 1898, VIII.

Г. Н. Материализмъ и діалектическая логика. „Р. Б.“ 1898, VI и VII.

Гольцевъ, В. Соціологія на экономической основѣ. „Р. М.“ 1893, XI.

Гоффманъ, Карлъ. Эгоизмъ и социализмъ, или „Я“ и общество. П. 1906.

Гредескулъ, Н. Марксизмъ идеализмъ. X. 1906.

Его же. Право и экономика. П. 1906.

Грейлихъ, Х. О материалистическомъ пониманіи исторіи. П. 1905 (пер.).

Гунтеръ, С. Историческій материализмъ и практический идеализмъ. 1906 (пер. *).

*) Критика книги Штаммлера: „Хозяйство и право и т. д.“.

Гуревичъ, А. Двѣ формы діалектики. „Нов. П.“ 1903, V.

Давыдовъ, І. Что же такое экономическій матеріализмъ? Критико-методологическій очеркъ. Хар. 1900.

Его же. Соціологическія основы историческаго матеріализма. „Обр.“ 1903, X—XII.

Его же. Мораль долга и идея автономной личности. „Нов. П.“ 1904, XI и XII.

Его же. Историческій матеріализмъ и критическая философія. П. 1905.

Дауге, П. Философія и тактика. Отдѣльный оттискъ предисловія къ „Мелкимъ философскимъ статьямъ“ Іосифа Дицгена. М. 1907.

Делевскій, Ю. Діалектика и математика. П. 1906.

Его же. Историческій матеріализмъ въ его логической аргументаціи. П. 1906.

Его же. Къ вопросу о возможности историческаго прогноза. П. 1906.

Его же. Экономическій матеріализмъ и исторія науки. П. 1907.

Дживелеговъ, А. Оговорки матеріалистическаго пониманія исторіи. „М. Б.“ 1900, X.

Дицгенъ, Іосифъ. Сущность головной работы человѣка. Новая критика чистаго и практическаго разума. М. 1906, (Пер.). Изд. 2. М.: URSS, 2009.

Его же. Завоеванія (аквизитъ) философіи и письма о логикѣ. Специально демократически-пролетарская логика. П. 1906 (пер.). Изд. 4. М.: URSS, 2010.

Его же. Экскурсія социалиста въ область теоріи познанія. М. 1907 (пер.). Изд. 3. М.: URSS, 2010.

Его же. Теорія познанія въ свѣтѣ марксизма. К. 1907 (пер.).

Его же. Философія социаль-демократіи. Сборникъ мелкихъ философскихъ статей. М. 1907 (пер.).

Его же. Религія социаль-демократіи. П. 1906 (пер.).

Его же. Будущее социаль-демократіи. К. 1906 (пер.).

Дицгенъ, Евгений (сынъ). Предисловіе къ русскому изданію „Аквизита“ (въ изд. Дауге).

Его же. Маркъ Штирнеръ и Іосифъ Дицгенъ. Прилож. къ русскому изд. „Экскурсія социалиста и т. д.“ (въ изд. Дауге).

Его же. Біографическій очеркъ Іосифа Дицгена. Прил. къ „Сущности головной работы и т. д.“.

Доддъ, проф. В. Къ вопросу о

значеніи личности въ исторіи. „В. Зн.“ 1903, № 11.

Житловскій, Х. Матеріализмъ и діалектическая школа. М. 1907.

Засуличъ, В. Элементы идеализма въ социализмѣ. П. 1906.

Зелигманъ, Эд. Экономическое пониманіе исторіи. П. 1906. (URSS, 2011.)

Зибберъ, Н. Діалектика и ея приложеніе къ наукѣ. «Слово», 1879, XI.

Зомбартъ, В. Соціализмъ и социальное движеніе. П. 1906.

Его же. Карлъ Маркъс, какъ теоретикъ. «В. Зн.» 1904, № 3.

Его же. Фридрихъ Энгельсъ. изд. «Кодокола».

Исущество въ буржуазномъ обществѣ. Сборникъ статей Вандервельде, Вальтера, Райха, Берга и Марсея. П. 1906 (пер.).

Исаевъ, проф. А. А. Вопросы социологій, изд. «Вѣстника Званія».

Его же. Еще о личности и средѣ. «В. Зн.» 1903, № 4.

Карповъ, Н. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. П. 1890.

Его же. Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. П. 1896.

Его же. Основные вопросы философіи исторіи. П. 1897.

Его же. Задачи социологій и теоріи исторіи. «Н. Сл.» 1897, IV.

Его же. Къ вопросу о пониманіи исторіи. «Обр.» 99, II.

Его же. Экономическій матеріализмъ. Статя въ «Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона».

Его же. Теорія личности П. А. Лаврова. П. 1907.

Катаевъ, Н. Къ вопросу о теоріи социальнаго развитія. М. 1903.

Каутскій, Е. Къ критикѣ теоріи и практики марксизма (Анти-Бернштейнъ). П. 1905 (пер.).

Его же. Очередныя проблемы международнаго социализма (сборникъ статей). П. 1906 (пер.). (URSS, 2003)

Его же. Изъ исторіи общественныхъ теченій («Исторія социализма»). Изд. «Общ. Пользы» *).

Его же. Этника и матеріалистическое пониманіе исторіи. П. 1906 (пер.).

Его же. Карлъ Маркъс и его заслуга передъ рабочимъ движеніемъ. П. 1906 (пер.).

*) Коллективный трудъ Бернштейна, Гюло, Каутскаго, Лафарга, Меринга, Плеханова (пер.).

Его же. Наука, жизнь и этика. (пер.).

Его же. Происхождение морали, (пер.).

Его же. Статьи о кн. Менгера: «Новое учение о нравственности»: (Прилож. к изд. Менгера. П. 1906) (пер.).

Его же. Коммунистический манифест — плагиат. П. 1906 (пер.).

Каутский, Иоффе и Вауэрт. Этическая проблема в историческом материализме. (Сборник статей). М. 1907 (пер.).

Келлесь-Краузе, проф., фонз К. Социология к началу XX вѣка. П. 1905 (пер.).

Его же. Музыка и экономика. П. 1905 (пер.).

Кестенберг, Л. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. «В. Зн.» 1905 № 5 (пер.).

Кистяковский, Б. Категории необходимости и справедливости при исследовании социальных явлений. «Ж.» 1900, IV и V

Его же. Русская социологическая школа и категории возможности при решении социально-этических проблем (в «Проблемах идеализма»; см.).

Елпентов, П. Исторический материализм. «М. В.» 1903.

Койган, д-р Д. Мировоззрение социализма (1 выпуск «Задачи социалистической культуры»). П. 1907

Коллонтай, А. К вопросу о классовой борьбе. П. 1905.

Его же. Проблемы нравственности с позитивной точки зрения. «Обр.» 1905, IX и X.

Его же. Этика и социаль-демократия. «Обр.» 1906, I.

Краузе, Г. Развитие философско-исторических взглядов до Карла Маркса. П. 1906 (пер.).

Его же. Рабочий вопрос в светѣ материалистического понимания истории. П. 1906 (пер.).

Ержовицкий, Л. Изъ психологии общественной жизни. «Ж.» 1900, VIII.

Его же. Генезис идей. Распространение идей. Прошедшее и настоящее. П. 1905.

Кроче, Б. Исторический материализм и марксистская экономия. П. 1902 (пер.).

Кунов, Г. Социология, этнология и материалистическое понимание истории. К. 1906 (пер.).

Его же. Философия и общественно-экономические факторы. «В. Зн.», 1904, № 8 (пер.).

Его же. Социально-философские заблуждения. К. 1906 *).

Дабриола, Артуро. Къ вопросу о материалистическомъ взглядѣ на историю. 1898 (пер.).

Его же. Исторический материализм и философия (письма къ Сорелю). 1900 (пер.). Изд. 2. М.: URSS, 2011.

Его же. Къ кризису марксизма. К. 1906 (пер.).

Давров, П. Л. Исторические письма.

Его же. Задачи понимания истории. М. 1898.

Его же. Задачи позитивизма и ихъ решения. Теоретич. сороковых годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. П. 1906.

Ланессан, А. Борьба за существование въ человеческомъ обществѣ. «В. Зн.» 1903, № 4.

Лафарг, П. Происхождение религии. 1906 (пер.).

Его же. Происхождение абстрактныхъ идей. П. 1907 (пер.).

Его же. Происхождение и развитие собственности (пер.).

Лежнев, М. Н. Маркс и Капль. Критико-философская параллель. Николаевъ. 1900.

Лозинский, Евг. Неокантовское течение въ марксизмѣ (Къ истории современныхъ этическихъ исканій). «Ж.» 1900, XII.

Его же. Современные этические исканія. «Обр.», 1904, VIII и IX.

Лориа, А. Социализмъ и социальный дарвинизмъ (пер.).

Луначарский, А. Этюды критические и полемические. М. 1905.

Его же. Замѣтки философа. «Обр.», 1906, III, V и VI.

Люксембург, Р. Карл Маркс. М. 1906.

Лютгенау, Франц. Естественная и социальная религия. П. 1907 (пер.).

Максимов, Н. Къ критикѣ марксизма. М. 1906.

Маркс **, Карл. Введение къ

*) Переведена только 1-я статья, критикующая Штаммлера. Вторая направлена противъ Л. Штейна.

**) Полный перечень сочинений Маркса въ хронологическомъ порядкѣ даетъ Энгельс въ своей статьѣ о Марксѣ въ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften».

критикъ гегелевской философіи права. П. 1906.

Его же (и Энгельса). Святое семейство, или критика критической критики. Отдѣльными выпусками въ изд. «Новый Голосъ». П. 1906.

Его же. Ницета философіи. Ответъ на философію ницеты Прудона. Съ предисловіемъ Фр. Энгельса. Пер. В. Засуличъ, подъ ред. Г. Плеханова. П. 1906. Посл. изд. М.: URSS, 2010.

Его же (и Энгельса). Коммунистическій манифестъ.

Его же. Къ критикѣ политической экономіи. (Предисловіе). П. 1907.

Его же. «Капиталъ». Т.т. I, II, III и IV.

Его же. Собраніе историческихъ работъ: 1) Борьба классовъ во Франціи 1848—1850 гг. 2) Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. 3) Революція и контръ-революція въ Германіи. Приложеніи: I. Фридрихъ Энгельсъ. Введеніе къ «Борьбѣ классовъ во Франціи». II. Карлъ Каутскій. Предисловіе къ «Революціи и контръ-революціи». М. 1906.

Его же. О французскомъ материализмѣ XVIII ст. и тезисы о Фейербахѣ. Приложеніе къ «Л. Фейербаху» Энгельса. П. 1906.

Его же. X глава 2-го отдѣла въ «Анти-Дюрингъ».

Массарикъ, Т. Философскія и социологическія основанія марксизма. П. 1900.

Его же. Критика марксизма. К. 1905.

Менгеръ, А. Новое ученіе о нравственности, изд. «Общ. Пользы».

Мерингъ, Францъ. Легенда о Лесянгѣ. П. 1907.

Его же. Объ историческомъ материализмѣ. П. 1906.

Миллюковъ, П. Предисловіе къ «Очеркамъ по исторіи русской культуры».

Миртовъ, см. Лавровъ.

Михайловскій, Н. Е. «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію», Н. Бельтова. «Отклики», т. I. П. 1904.

Его же. О г. Туганъ-Барановскомъ и экономическомъ факторѣ въ исторіи. «Отклики», т. I. П. 1904.

Его же. Еще о г. Туганъ-Барановскомъ и экономическомъ факторѣ въ исторіи. «Отклики», т. I. П. 1904.

Его же. Опять г. Туганъ-Барановскій. «Отклики», т. I. П. 1904.

Его же. Въ послѣдній разъ о г. Туганъ-Барановскомъ. «Отклики», т. I. П. 1904.

Его же. Литература и жизнь. «Р. Б.» 1894, II.

Его же. О новыхъ словахъ и «Новомъ Словѣ». «Отклики», т. II, гл. VI. П. 1904.

Его же. О народничествѣ, діалектическомъ материализмѣ, субъективизмѣ и пр. «Отклики», т. II, гл. VII. П. 1904.

Его же. О книгѣ г. Бердяева, съ предисловіемъ г. Струве, и самомъ себѣ. «Послѣднія сочиненія» Н. К. Михайловскаго, т. I, гл. XVIII—XX. Михаилъ архим *). Христіанство и социаль-демократія. Возрождающийся идеализмъ въ міросозерцаніи русскаго общества. Отъ марксизма къ «Проблемамъ идеализма» и «Полярной Звѣздѣ».

Морганъ. Первобытное общество. 1900 (пер.).

Неждановъ, П. Что такое діалектический материализмъ. «Обр», 1904, II—III.

Николаевъ, П. Активный прогрессъ и экономическій материализмъ. Соціологическій этюдъ. М. 1892.

Ньювенгуисъ, Д. Распадъ марксизма. П. 1907.

Н. Н. О пролетарской этикѣ (пролетарское творчество съ точки зрѣнія реалистической философіи). М. 1906.

Оболенскій, Е. Новый расколъ въ нашей интеллигенціи. «Р. М.» 1895, VIII и IX.

Оболенскій, Л. Изложеніе и критика идей нео-марксизма. П. 1893.

Оленовъ, М. Такъ называемый «кризисъ марксизма». П. 1909.

Ортодоксъ, см. Аксельродъ, Л.

Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. Сборникъ статей по философіи, обществ. наукъ и жизни. П. 1904.

Очерки по философіи марксизма. Сборникъ статей Базарова, Бермана, Дуначарскаго, Юшкевича, Богданова, Гельфонда и Суворова. П. 1908.

Паннекухъ, А. Религія и социализмъ. П. 1906 (пер.).

Пенцлясъ, А. Къ вопросу о материалистическомъ пониманіи исторіи. М. 1906 (пер.).

Плехановъ, Г. В. Къ вопросу о

*) Изд. «Свобода и христіанство» подъ ред. архим. Михаила.

развитіи монистическаго взгляда на исторію (Отвѣтъ Михайловскому, Карѣеву и комп.). 2-е изд. П. 1905.

Его же. За двадцать лѣтъ. П. 1905.

Его же. Критика нашихъ критиковъ. П. 1906.

Его же. Предисловіе къ «Коммунистическому Манифесту».

Его же. «Іосифъ Дицгенъ». «Совр. М.». 1907, авг.

— Предисловіе и примѣчанія къ русскому переводу „Людвига Фейербаха“ Энгельса.

Подарскій, В. Наша текущая жизнь. «Р. Б.». 1903, ноябрь.

Покровский, М. Экономическій материализмъ. М. 1906.

«Проблемы идеализма». П. 1902.

Прокоповичъ, С. Къ критикѣ Маркса. П. 1901.

Раллопортъ. Философія исторіи въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. Изд. Павленкова.

Риккертъ, Г. Градиды естественнаго научнаго образованія понятій. Логическое введеніе въ историческіе науки. П. 1904 (пер.).

Рожковъ, Н. Значеніе и судьбы новѣйшаго идеализма въ Россіи. «В. Ф. и Пс.». 1903, II.

Роландъ-Гольцъ, Г. Мистицизмъ въ современной литературѣ. Метерлинкъ. П. 1906.

Его же. Этюды о социалистической эстетикѣ. О жизни, красотѣ и искусствѣ. М. 1907.

Русановъ. Экономическій принципъ въ социологіи. «Дѣло». 1881, X—XII.

Рунъ. Вліяніе экономическихъ условій на развитіе общества. «М. Б.». 1897, I.

Сенковскій, III. Историческій методъ въ примѣненіи къ социальнымъ наукамъ. М. 1902. (пер.).

Сиворцовъ, II. Журнальное обозрѣніе (Карѣевъ: «Экономическій материализмъ и законмѣрность социальныхъ явленій». Струве: «Свобода и историческая необходимость»). «Самарскій Вѣстникъ», 1897, №№ 59 и 60.

Слонимскій, Л. Ст. въ «Вѣстникѣ Европы» 1896—98.

Соловьевъ, Е. Роль личности въ исторіи и теоріи прогресса. «Ж.». 1899, VII—IX.

Его же. Объ идеалахъ. «Ж.». 1900, V.

Струве, Петръ. Критическія замѣтки къ вопросу объ экономиче-

скомъ развитіи Россіи. Вып. I. П. 1894 (гл. II: «Историко-экономическій материализмъ»).

Его же. Марксова теорія социальнаго развитія. П. 1906.

Его же. Марксъ. Статья въ „Энцикл. слов.“ Брокгауза и Ефрона.

Его же. Свобода и историческая необходимость. «В. Ф. и Пс.», янв.—февр. 1897.

Его же. Еще о свободѣ и необходимости. «П. Сл.» 1897, май *).

Его же. Къ критикѣ нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи. «Ж.». 1900, III и VI.

Его же. Предисловіе къ книгѣ Бердяева: «Субъективизмъ и объективизмъ и т. д.» (см.).

Его же. На разные темы. Сборникъ статей. (1893—1901). П. 1902.

Суворовъ, С. Основы философіи жизни. «Очерки реалист. міровоззр.»

Тарасовъ, К. Міровой ростъ и кризисъ социализма. М. 1906.

Тарле, Е. Къ вопросу о границахъ историческаго предвидѣнія. «Р. Б.». 1902, V.

Его же. Соціологія и историческое познание. «В. Е.». 1902, X.

Трубецкой, ян. Е. Къ характеристикѣ ученія Маркса и Энгельса о значеніи идей въ исторіи. «Проблемы идеализма».

Туганъ-Барановскій, М. Значеніе экономического фактора въ исторіи. «М. Б.». 1895, XII.

Его же. Экономическій факторъ и идеи. «М. Б.». 1896, IV.

Его же. Что такое общественный классъ. «М. Б.». 1904, I.

Его же. Психологическіе факторы общественного развитія. «М. Б.». 1904, VIII.

Его же. Борьба классовъ, какъ главнѣйшее содержаніе исторіи. «М. Б.». 1904, IX.

Его же. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи.

Его же. Теоретическія основы марксизма. П. 1906. (URSS, 2010.)

Его же. Современный социализмъ въ своемъ историческомъ развитіи. П. 1906.

*) Отвѣтъ на ст. Булгакова. (См. также въ «Философскихъ очеркахъ» Аксельродъ статью: «О нѣкоторыхъ философскихъ упражненіяхъ нѣкотор. критиковъ»).

Тюменевъ, А. Теорія историческаго матеріализма. П. 1907.

Унтерманъ, Эр. Антонио Лабріола и Іосифъ Дидгенъ. Опытъ сравненія историческаго и монистическаго матеріализма. П. 1907.

Его же. Діалектическіе этюды. Популярныя лекціи изъ области пролетарскаго монизма. П. 1907.

Его же. Наука и революція. Историческій очеркъ развитія теоріи эволюціи и вліяніе классовыхъ интересовъ на философскія и научныя теоріи. Од. 1907.

Ферри, Энрико. Коллективизмъ и позитивная наука. Дарвинъ—Спенсеръ—Марксъ. П. 1905.

Его же. Эволюція экономической и эволюція социальная. П. 1906.

Финъ-Енотаевскій, А. Классъ и партія. «Обр.» 1906, XII.

Его же. Марксъ объ искусствѣ. Изд. Мамыхъ.

Форлендеръ, Е. Кантъ и социализмъ. Обзоръ новѣйшихъ теоретическихъ теченій въ марксизмъ. М. 1906.

Его же. Пеокавтіанское движеніе въ социализмъ. М. 1907.

Его же. Современный социализмъ и философская этика. М. 1907.

Фриче, В. Художественная литература и капитализмъ. Ч. 1. П. 1906.

Черновъ, В. Къ теоріи классовой борьбы. М. 1906.

Его же. Монистическая точка зрѣнія въ психологійи и социологійи. М. 1906.

Его же. Субъективный методъ. М. 1906.

Чичеринъ. Нѣмецкіе социалисты. П. 1878.

Шмидтъ, Е. Результаты полемики о матеріалистическомъ пониманіи исторіи. «Самарскій Вѣстникъ» 1897, № 37.

Штаммлеръ, Р. Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи. П. 1907. (Пер.).

Его же. Закономѣрность правового порядка и народнаго хозяйства. К. 1905. (пер.).

Штаудингеръ, проф. Ф. Этика и политика. «Задачи социалистической культуры». 2-й выпускъ. П. 1907.

Штейнбергъ, С. Новая книга объ историческомъ матеріализмѣ. «Ж.» 1899, III.

Его же. Социальная дифференцировка и личность. «Ж.» 1899, XI.

Его же. О социальнѣй закономѣрности. «М. Б.» 1900, XII.

Его же. Историческій матеріализмъ. «Обр.» 1901, V и VI.

Его же. Философія Канта и историческій матеріализмъ. «Обр.» 1901, XII.

Его же. Роль личности въ исторіи и общественная наука. «Н. Обзоръ» 1902, V.

Штейнъ, Л. Социальный вопросъ съ философской точки зрѣнія. Лекціи о социальной философійи и ея исторіи (пер.).

Штернъ, Яковъ. Историческій матеріализмъ. П. 1906.

Его же. Вліяніе общественныхъ условий на всѣ стороны культурной жизни. П. 1905.

Щепкинъ, Ю. Экономическое объясненіе исторіи. П. 1907.

Эвелингъ, Эд. Чарльзъ Дарвинъ и Карлъ Марксъ (Параллель). К. 1906 (пер.).

Энгельсъ, Фридрихъ. Анти-Дюрингъ (Переворотъ во всѣхъ наукахъ, произведенный г. Дюрингомъ). Философія—Политическая экономія—Социализмъ. Изд. «Просвѣщенія».

Его же. Развитие социализма отъ утопій къ наукѣ.

Его же. Вліяніе экономическихъ условий на развитіе общества. «М. Б.» 1897, I.

Его же. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. П. 1906.

Его же. Людвигъ Фейербахъ. Съ приложеніями: I.—К. Марксъ о французскомъ матеріализмѣ XVIII ст. II.—К. Марксъ о Фейербахѣ. Пер. съ предисловіемъ и примѣчаніями Г. В. Плеханова. П. 1906. (URSS, 2010.)

Его же. Изъ исторіи первоначальнаго христіанства. П.

Его же. Роль труда въ процессѣ развитія обезьяны въ человѣка. Изд. Мамыхъ.

Юшеничъ, П. О матеріалистическомъ пониманіи исторіи. П. 1907.

Его же. Объ эмпириомонизмѣ Богданова. «Книга» № 21.

Его же. О философскихъ направленіяхъ въ марксизмъ. «Н. Кв.», №№ 2, 3, 7 и 10.

Яроцкій, В. Односторонняя теорія экономического развитія. 1897.

Его же. Объективная необходимость прогресса. «В. Ф. и Пс.» 1901, IV и V.

Adler, Max. Sombarts „Historische Socialtheorie“. N. Z. 1902/03, I, №№ 16—18.

— Kausalität und Teleologie im Streite um die Wissenschaft. „Marx-Studien“; см.

— Immanuel Kant zum Gedächtnis. Wien u. Leipzig. 1904.

— Das Formal-psychische im historischen Materialismus. N. Z. 1908.

— Marx und die Dialektik. „Der Kampf“, 1908, Heft 6.

Aleuni recenti studi (Di) sulla filosofia di Carlo Marx. Rivista italiana di sociologia, Anno IV, fasc. 5, 1900.

Ander. Критика книги Лабриолы въ „Révue de Metaphysique et de Morale“, 1897, сент.

Asturaro, Adolfo. Il materialismo storico e la sociologia generale. Genova, 1903.

Aveling, Edw. Students Marx. Introduction to study of K. Marx Capital. London, 1902.

Barbagallo, Corrado. Pel materialismo storico. Roma, 1899.

— Storiografia, sociologia e materialismo storico. Rivista Italiana di Sociologia, anno V, fasc. I.

Barth, Paul. Die Geschichtsphilosophie Hegels und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann. Ein kritischer Versuch. Leipzig, 1890

— Die Marxsche Geschichtsphilosophie und Ethik. „Deutsche Worte“ Jhrg. XIII, 1893.

— Nochmals die Marxsche Geschichtsphilosophie und Ethik (тамъ же).

— Die sogenannte materialistische Geschichtsauffassung. „Jahrb. f. Nat.-Oekon. u. Stat.“ Bd. 66, 1896.

Bebel, August. Die Darwinische Theorie und der Socialismus. N. Z. 1898—1899, I.

Beer, M. Серия статей въ англ. „Social-demokrat“ объ истор. мат. 1) The rise of the Jewish Monotheism“; англ. 1908.

Belfort-Bax, E. Outspoken essays on social subjects, New-York. 1897.

— Outlooks from the new Standpoint.

— Der Socialismus als Weltanschauung. „Die Zeit.“ 1898, май.

— Die Geschichtstheorie und Philosophie des Socialismus. N. Z. 1904—05, I *).

Berdjajeff, N. Friedrich Albert Lange und die kritische Philosophie. N. Z. 1899—1900, №№ 33—35.

Bernhard, Georg. Marxismus und Klassenkampf. S. M. 1898, № 3.

Bernstein, Eduard. Ein Schüler Darwins als Verteidiger des Socialismus. N. Z. 1890—1891, I.

— Vom Klassenkampf S. M. 1906. № 7.

Biermann, W. Ed. Die Weltanschauung des Marxismus. An der materialistischen Geschichtsauffassung u. an der Mehrwertslehre erörtert. Leipzig.

Blaschko, dr. A. Natürliche Auslese und Klassenteilung. N. Z. 1894—95, I.

Block, M. Les théoriciens du socialisme en Allemagne. Système de M. Karl Marx etc. Paris, 1872.

Bonnier Hegel und Marx. N. Z. 1890—91.

— Spinoza et Marx. „Mouvement socialiste“, 1904, № 132.

Bourdeau Статя въ „Journal des débats“, 1898, февр.

Brzowski, St. Der Geschichtsmaterialismus als Kulturphilosophie. Ein philosophisches Programm. N. Z. 1906.

Chiappelli, Alessandro. Le promesse filosofiche del socialismo. Napoli, 1897.

— Filosofia e socialismo. Nuova Antologia, luglio 1896.

Ciccotti, Ettore. A proposito del materialismo storico e i suoi avversari. Divenire sociale, marzo, 1905.

Contento, Aldo. Della base economica della storia. Giornale degli Economisti, febbraio, aprile, giugno 1897.

Cornéliussen, Christian. Ueber den Einflufs der Hegelschen Dialektik auf

*) Критика ст. Pannkoek'a: Исторический Materialismus und Religion.

die socialistische Doctrin von Karl Marx. S. M. 1898.

Croce, Benedetto. Статия въ „Devenir social“, 1892, ноябрь.

— Per la interpretazione e la critica di alcuni concetti del Marxismo. Memoria letta all'Accademia pontaniana. Napoli, 1897. (Есть и во французскомъ переводѣ).

— Ciò che è vivo e ciò che è morto della filosofia di Hegel. Bari, 1907.

Cunow, Heinrich. Darwinismus contra Socialismus. N. Z. 1889.

— Büchner, Darwinismus und Socialismus (рецензия). N. Z. 1894—95, I.

— Philosophie und Wirtschaft. N. Z. 1899—1900, I *).

— Erkenntnistheoretische Marx kritik. N. Z. 1900—01, II *).

— Politische Anthropologie. N. Z. 1902—03, II.

— Entgegnung an Woltmann (тамъ же). (Отвѣтъ на „Anthrop. u. Marxismus“).

— Die Geschichtsauffassung bis auf Karl Marx. „Vorwärts“, 1908, № 63.

Deville, Gabriel. Philosophie du socialisme.

— Le socialisme contemporain. „Devenir social“, 1896, № 2.

Di Carlo, Eugenio. La concezione materialistica della storia di Carlo Marx. Palermo, 1903.

Diehl, Karl. Wirtschaft und Recht. „Conrads Jahrbücher“. 1897.

Diner-Dénes, I. Marxismus und neueste Revolutionen in den Naturwissenschaften. N. Z. 1907, № 52

Drill, K. Marx und Kant. Patria, 1906.

Dietzgen, Eugen. Der wissenschaftliche socialismus und I. Dietzgens Erkenntnistheorie. N. Z. 1902—03, I.

Dürkheim. Статия въ „Révue philosophique“, 1897, декабрь.

Du Sart, H. Le socialisme de Karl Marx. 1.—Vie et oeuvres. 2.—Le materialisme historique. 3.—Le capitalisme. „Démocratie Chrétienne“, 1903, mars, juin.

Ehrlich, Otto. Bürgerliche Ideologien. N. Z. 1904—05, II.

— Kant und Dietzgen. N. Z. 1904—1905, II *).

*) О книгѣ Eleutheropoulos'a.

**, Критика книги Weisgrün, Der Marxismus u. das Wesen der socialen Frage.

***) Въ связи съ „Marx-Studien“.

Eleutheropoulos, dr., Abr. Wirtschaft und Philosophie. B. I: Die Philosophie und die Lebensauffassung des Griechenthums auf Grund der gesellschaftlichen Zustände. Berlin. 1899.

Engels, Friedrich. Marx, Heinrich, Karl. Статия въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“, VI, 1892.

— 2 письма отъ 1890 и 1894 гг. „Socialistischer Akademiker“, 1895, октябрь.

Esss, Ab. Engels Attentat auf den gesunden Menschenverstand oder der wissenschaftliche Bankerott im Marxistischen Socialismus. Ein offener Brief an meine Freunde in Berlin. Berlin. 1877.

Ernst, dr. Paul. Die Gegner der materialistischen Geschichtsauffassung. „Schweizerische Blätter für Wirtschaft und Socialpolitik“, 1898.

— Karl Marx. „Die Zukunft“, 1897.

Fabiatti, Ettore. L'Idée del materialismo storico. Edizione dell' „Università Popolare“, Milano.

Faggi, Alfredo. Materialismo storico Rivista di Sociologia, anno I.

Falkenteld, Max. Marx und Nietzsche. Leipzig, 1899.

Ferraris, Carlo F. Il materialismo storico e lo Stato. Palermo, 1897.

— Il materialismo storico e lo Stato. Nuovi appunti critici. Riforma sociale, 1902.

Foa, Roberto Lazzaro. Materialismo e idealismo. Rivista popolare di scienze, sett. 1906.

Fontana, Pietro. I semplicisti del materialismo storico. Critica sociale, 1903, №№ 4, 5, 6, 7—8.

— I problemi del materialismo storico. 1904.

Fontenay, K. de. Un paradoxe historique de Karl Marx. „Journ. des Econ.“, 1891, mars et juin.

Flüger, Otto. Idealismus und Materialismus der Geschichte. Langensalza, 1898.

Gentile, Giovanni. Una critica del materialismo storico. Livorno, 1897.

— La filosofia di Marx. Studi critici. Pisa, 1899.

Gerlach, Otto. Kant und der Socialismus unter besonderen Berücksichtigung der neueren theoretischen Bewegung innerhalb des Marxismus. „Zeitschrift für Socialwissenschaft“, 1903.

Göhre, P. Materialismus und Religion. S. M. 1901, июль.

— Christentum und materialistische

Geschichtsauffassung. S. M. 1901, abr. Goldstein, dr. Julius. Die empiristische Geschichtsauffassung David Humes mit Berücksichtigung moderner methodologischer und erkenntnistheoretischer Probleme. Leipzig, 1903

Groppali, Alessandro. Il principio della causalita economica secondo il Marx e secondo il Loria. Critica Sociale, 1895.

— Evolucionismo, darvinismo e materialismo storico. Scanzano, 1897.

Grotz, dr. Gustav. Karl Marx. Eine Studie. Leipzig, 1885.

Gunter, Sadi. Socialismus und Ethik. „S. M.“, 1901, I *)

Gystrow, Я. Evolutionistische Logik. S. M. 1898, № 11.

Hall, Thomas C. The Element of Faith in Marxian Socialism. The international Socialist Review, янв. 1908.

Heine, Wolfgang. Paul Barth's Geschichtsphilosophie und seine Einwände gegen den Marxismus. „Deutsche Worte“, 1898.

— Wie ist wissenschaftlicher Socialismus möglich? S. M. 1901, II.

Hilferding, Rudolf. Karl Marx zum Gedächtniss „Vorwärts“, 1908, № 63.

Huber, Johannes. Die Philosophie der Socialdemocratie. München, 1885.

Hudry-Menos, E. Ein Wort über die socialistische Ethik der Zukunft. S. M. 1898, № 8.

Huygens, Cornélie. Darwin—Marx, Bernstein als Bestrijder van eene natuur-philosophische Leer. Amsterdam, 1901.

— Dietzgens Philosophie. N. Z. 1902—03, I, № 7.

Jaurès, Jean. De primis socialismi Germanici lineamentis apud Lutherum, Kant, Fichte et Hegel. Tolosae, 1891 **).

Jentsch, Karl. Zur Kritik des Marxismus. „Grenzboten“, 1897.

— Das Ende des Marxismus. „Die Zukunft“, 1900, № 3.

Kampffmeyer, Paul. Zur Kritik der Marxschen Entwicklungslehre. S. M. 1898, № 8.

— Zur Kritik der philosophischen Grundlagen des Marxismus. S. M. 1905, № 3 ***).

*) По поводу полемики Schmidt — Woltmann.

**) Докторская диссертация на латинском языке.

***) По поводу „Marx-Studien“.

Kapelus, Th. Basis und Ueberbau S. M. 1898, № 3.

Karski. Etwas Geschichtsphil. Zur Bernsteinfrage. S. M. 1899.

Kautski, Karl. Entstehung des Christentums. N. Z. 1885.

— Das „Elend der Philosophie“ und das „Kapital“. N. Z. 1886.

— Darwinismus und Marxismus. N. Z. 1894 95.

Koigen, dr. David. Zur Vorgeschichte des modernen philosophischen Socialismus in Deutschland (Zur Geschichte der Philosophie und Socialphilosophie des Junghegelianismus).

— Kulturanschauung des Socialismus. Ein Beitrag zum Wirklichkeits-Idealismus. Mit einem Vorwort von E. Bernstein. Berlin, 1903.

Krauz, Kelles, K. Materializm ekonomiczny. Ze wstepem L. Krzywickiego. Kraków. 1907.

Labriola, Antonio. Saggi intorno alla concezione materialistica della storia. In memoria del manifesto dei communisti. Roma, 1895.

Labriola, Arturo. Zur Krise des Marxismus. N. Z. 1899—900.

Lafargue, Paul. Статья въ „Devenir social“, 1896, деб. и въ „Jeunesse socialiste“, 1895, февр.

Levi, Alessandro. Determinismo economico e psicologia sociale. Bologna. 1902.

Lobrandt. Marx und die Philosophie. Beilage zur Allgem. Zeitung. München, 1897, № 248.

Longobardi, Ernesto Cesare. La posizione scientifica del materialismo storico. Critica Sociale, 1900, № 7.

Lorenz, Ottomar. Die materialistische Geschichtsauffassung zum ersten Male systematisch dargestellt und kritisch beleuchtet. Leipzig, 1897.

Loria, A. La teoria economica della costituzione politica. Torino, 1886.

— Les bases économiques de la constitution sociale. Paris, 1902.

— Carlo Marx. „Nuova Antologia“, 1883, aprile.

— Marx et la sua dottrina. Milano-Palermo, 1902.

Marx als Philosoph. „Grenzboten“, 1902, №№ 12—13.

Marx, Karl. N. Z. 1902—03, № 23. „Marx-Studien“, Blätter zur Theorie und Politik des wissenschaftlichen Socialismus. Herausgegeben von dr.

Max Adler und dr. Rudolf Hilferding. I Band, Wien, 1904.

Massaryk, Th. G. Die wissenschaftliche und die philosophische Krise innerhalb des gegenwärtigen Marxismus. Wien, 1898.

— Die Krise innerhalb des Marxismus. „Die Zeit“, 1898, № 213.

Mayer, Adolf. Karl Marx, der Theoretiker des modernen Socialismus. „Deutsche Worte“, 1898, № 10.

Menza, Gius. Evoluzioni del socialismo. Carlo Marx et le sue dottrine. Palermo, 1874.

Mehring, Franz. Ст. о книгѣ Vorländer'a: „Kant und der Socialismus“. N. Z. 1899—1900, II.

— Neo-marxismus. N. Z. 1901—1902, I *).

— Le Manifeste Communiste. „Mouvement socialiste“, 1901, № 78.

— Ludwig Feuerbach. N. Z. 1903—1904, II.

— John, Locke. N. Z. 1904—05, I.

— Marx und die Junghegelianer. „Vorwärts“, 1908, № 63.

Morris, W and Bax, E. Belfort. Socialism, its growth and outcome. London, 1893.

Mühlberger, Arth. Karl Marx und Ludwig Feuerbach. Eine Parallele. „Deutsche Worte“, 1893.

— Zur Kenntniss des Marxismus. Stuttgart, 1894.

Müller, Mor. Zur Aufklärung über Socialistisches, Socialdemokratisches und Materialistisches. Stuttgart. 1881.

Natorp, P. Socialpädagogig. Theorie der Willenserziehung auf Grund der Gemeinschaft. Stuttgart. 1899.

Nedow, Alexis. Plechanow versus Ding an sich. S. M. 1899.

Oppenheimer, F. Wissenschaftliche Grundlagen des Marxismus u. Revisionismus. Ihrb. der internat. Vereinigung f. vergleichende Rechtswissenschaft, 1907.

Pannekoek, Anton. Historischer Materialismus und Religion. N. Z. 1903—04, II **).

— Klassenwissenschaft und Philosophie. N. Z. 1904—05, I ***).

*) По поводу книги Koigen'a, Zur Vorgeschichte и т. д. См. также въ «Философскихъ очеркахъ» Аксельродъ: статью: «Еще одинъ критикъ Маркса».

**) По поводу двухъ статей Göhre;

см.

***) Отвѣтъ на ст. Belfort-Bax'a: Die

— Marxismus und Teleologie. N. Z. 1904—05. II *).

— Energie und Wirtschaft. N. Z. 1905—06, I **).

— Penzias, Die Metaphysique der materialistischen Geschichtsauffassung. N. Z. 1905—06, I (пензиас).

— Marx und Darwin. „Vorwärts“, 1908, № 63.

Pasmanik, D. Zur Kritik der materialistischen Geschichtsauffassung. „Die Zeit“, 1897, № 140.

— Die materialistische Geschichtstheorie im Lichte der Thatsachen „Die Zeit“, 1897, № 143.

P. E. Die Marxsche Dialektik und ihr Einfluss auf die Socialdemocratie. „Socialdemocrat“, 1894, № 16.

Pearson, prof. Karl. Socialismus und Darwinismus. N. Z. 1897—98, I.

Penna, F. Mortina. Alcune recenti critiche del Marxismo. Leggendo ed annotando. Firenze, 1904.

Penzias, dr., A. Die Metaphysik der materialistischen Geschichtsauffassung. Wien, 1905.

Pherson, I. C. Mc. Economic Determinism and Martyrdom. The international Socialist Review, янв. 1908.

Plechanow, G. Beiträge zur Geschichte des Materialismus (Holbach—Helvetius—Marx). Stuttgart, 1896.

Poggi, dr., Alfredo. La questione morale nel socialismo (Kant ed il socialismo). Palermo, 1904.

Quessel, L. Der Affe als Erzieher. N. Z. 1906, № 5.

Rappoport, Ch. La philosophie de l'histoire comme science de l'évolution. Paris.

— Le matérialisme de Marx et l'idéalisme de Kant.

Revelin. Статьи въ „Devenir social“, 1895, июль.

Richard. Karl Marx et la philosophie de l'histoire. Le matérialisme économique et la sociologie comparée. „Revue politique et littéraire, Revue bleue“, 1896, oct.

Rocca, V. Recenti interpretazioni del marxismo. „Rivista italiana di sociologia“, 1899, fasc. 4.

Rümelin, G. von. Die Marxsche Dialektik und ihr Einfluss auf die Tak-

Geschichtstheorie u. Philosophie des socialismus.

*) По поводу „Marx-Studien“.

**) По поводу «Натуръ-философiя» Освальда.

tik der Socialdemocratie. „Zeitschrift f. Staatswissenschaft“. Bd. 50, 1894.

Sakasow. Ursprung, Wesen und Grenzen der Theorie. N. Z. 1904—1905, II.

Salvioli, Giuseppe. La teoria storica di Marx. Rivista di sociologia, marzo 1895.

Schasler, M. Der Materialismus als socialistischer Prinzip. „Die Gegenwart“, 1882.

Schmidt, Conrad. Ein neues Buch über die materialistische Geschichtsauffassung. „Socialistischer Akademiker“, 1896, июль и авг. *).

— Einige Bemerkungen über Plechanows letzten Artikel in der „Neuen Zeit“. N. Z. 1898—99, № 11 **).

— Was ist Materialismus? N. Z. 1898—99, № 22 (самбика) ***).

— Socialismus und Ethik. S. M. 1899.

— Nochmals die Moral. S. M. 1899 ****).

— Ueber die geschichtsphilosophischen Ansichten Kants. S. M. 1903, II.

— Bemerkungen über Ethik und materialistische Geschichtsauffassung. S. M. 1906, № 3.

Schytlowsky, Chajim. Beiträge zur Geschichte und Kritik des Marxismus. „Deutsche Worte“. 1895 u. 1896.

— Die sogenannte Krise innerhalb des Marxismus. S. M. 1899.

— Die Polemik Plechanows contra Stern und Conrad Schmidt. S. M. 1899.

Scota, Nino-Bixio. Considerazioni sul materialismo storico. Bologna, 1903.

Seignobos. Статья въ „Révue critique“, 1898, янв.

Simkhowitsch. Die Krisis der Socialdemocratie. „Conrads Jahrbücher“, 1899.

Sombart, Werner. Friedrich Engels und der Marxismus. „Zukunft“, 1895, № 2.

*) Критика книги Плеханова: „Beiträge zur Geschichte des Materialismus“.

**) Отвѣтъ на ст. Плеханова: «Конрадъ Шмидтъ противъ Карла Маркса и Фридриха Энгельса». См. «Критика нашихъ критиковъ».

***) Отвѣтъ на ст. Плеханова: «Материализмъ ил' кантианство». См. «Критика нашихъ критиковъ».

****) Отвѣтъ на ст. Wollmann'a: Die Begründung der Moral.

— Karl Marx und die sociale Wissenschaft. Zum 25. Todestage. Archiv f. Socialwissenschaft u. Socialpolitik, März-Heft, 1908.

Sorel, George. Was uns Vico lehrt. S. M. 1898, № 6.

— Die Ethik des Socialismus. S. M. 1904, № 5.

— Le crisi del socialismo scientifico. „Critica sociale“, 1898, № 9.

— Marxismo e scienza sociale. „Rivista italiana di sociologia“, 1899, fasc. 1.

— Les polémiques sur l'interprétation du marxisme: Bernstein et Hautsky. „Revue internat. de sociologie“, 1900.

— Saggi di critica del marxismo, pubblicato per cura e con prefazione di Vill. Raca. Milano-Palermo, 1903.

— La décomposition du Marxisme. Paris. Bibliothèque du Mouvement Socialiste.

Stammler, R. Materialistische Geschichtsauffassung. Статья въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“.

Staudinger, prof., Franz. Kant und der Socialismus. S. M. 1904, № 2.

— Ein Streit um Erkenntniss. S. M. 1905 *).

Stern, Jacob. Substanz- und Causalitätsidee. S. M. 1904, № 10 **).

— Geschichtsmaterialismus und Philosophie. S. M. 1905, № 2.

Struve, Peter von. Die Marx'sche Theorie der socialen Entwicklung. Ein Kritischer Versuch. „Braun's Archiv für sociale Gesetzgebung und sociale Statistik“. Berlin, 1899.

Surski. Die kriminal-sociologische Schule als Kämpferin für Interessen der herrschenden Klassen. N. Z. 1903—04, II.

Tischler, dr. Materialistische Geschichtsauffassung und Mathematik. N. Z. 1905—06, I.

Tönnies, F. Neuere Philosophie der Geichichte: Hegel, Marx, Comte. „Archiv f. Geschichte der Philosophie“, 1894, № 4.

Tscherkesoff, W. Pages d'histoire socialiste. Doctrines et actes de la Social-Démocratie. 1896.

Vorländer, Karl. Zur Kritik der marxistischen Weltanschauung. „Ethische Kultur“, 1899, № 50.

*) По поводу дискуссиі Парнековъ—Belfort-Baz.

**) О теоріи Маха.

- Marx und Kant. Wien, 1904.
 — Zur philosophischen Bewegung im Marxismus. „Deutsche Worte“. 1904. 10 Hefte.
 — Die Stellung des modernen Socialismus zur philosophischen Ethik. Eine historisch-literarische Skizze. Archiv für Socialwissenschaft u. Socialpolitik. 1906 *).
 Vandervelde, E. L'idéalisme Marxiste. Discours. „Révue socialiste“, 1904, février.
 Weisegrün, Paul. Das Ende des Marxismus. Leipzig, 1899.
 — Der Marxismus und das Wesen der socialen Frage. Leipzig, 1900.
 Walter, Franz. Die Stellung des Marxismus zur Kunst der Gegenwart. „Soziale Revue“, 1901.
 Weber, Marianne. Fichtes Socialismus und sein Verhältniss zur Marx'schen Doctrin. Tübingen, 1900.
 Weiss, dr., Z. Josef Dietzgens socialdemocratiche Religionsphilosophie. Leipzig, 1906.

*) Nachtrag: Kautsky und Kant.

Wenkstern, A. Die Karl Marx eigenthümliche materialistische Geschichtsauffassung und Deutschland am Ende des XIX Jahrhunderts. „Jhrb. f. Gesetzgeb., Verwalt. u. Volkswirt“. 1898.

— Marx. Leipzig, 1896.
 Weryho, Ladislaus. Marx als Philosoph. Bern, 1895.

Woltmann, dr., Ludwig. Die Darwinische Theorie und der Socialismus. N. Z. 1898 99, I.

— Die Begründung der Moral. S. M. 1899 *).

— Die wirtschaftlichen und politischen Grundlagen des Klassenkampfes. S. M. 1900, I (въ трехъ номерахъ).

— Anthropologie und Marxismus. N. Z. 1902—03, II **).

Zetterbaum, Max. Die Marx-Studien. N. Z. 1904—05, I.

*) По поводу статьи Schmidt'a: Socialismus und Ethik.

**) Отвѣтъ на ст. Cunow'a: Politische Anthropologie.

СОКРАЩЕНИЯ.

П.—С.—Петербургъ.
 М.—Москва.
 К.—Кіевъ.
 Од. —Одесса.
 Хар.—Харьковъ.
 Совр. М.—Современный Міръ.
 Нов. П.—Новый Путь.
 Н. Об —Научное Обзорѣніе.
 Р. Б.—Русское Богатство.

М. Б.—Міръ Божій.
 Ж.—Жизнь.
 Обр.—Образованіе.
 В. Ж.—Вѣстникъ Жизни.
 В. Ф. и Пс.—Вопросы Философіи и Психологіи.
 Н. Z.—Die Neue Zeit.
 S. M.—Socialistische Monatshefte.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР
Предисловіе .	III
I. К. Каутскій и Э. Бельфортъ-Банкъ: дискуссія.	
1. Банкъ. Матеріалистическое пониманіе исторіи	1
2. Каутскій. Матеріалистическое пониманіе исторіи и психологическій факторъ .	12
3. Банкъ. Синтетическое—или неомарксистское пониманіе исторіи?	24
4. Каутскій. Что хотеть и можетъ дать матеріалистическое пониманіе исторіи?	33
5. Банкъ. Границы матеріалистическаго объясненія исторіи.	71
6. Каутскій. Утопическій и матеріалистическій марксизмъ.	86
II. Ж. Жоресъ и П. Лафаргъ: дискуссія.	
1. Докладъ Жореса. Идеалистическое пониманіе исторіи.	103
2. Отвѣтъ Лафарга	119
III. Д-ръ Штиллихъ. Греческая философія съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи .	141
IV. П. Лафаргъ. Экономика, естествознаніе и математика	154
V. Ф. Энгельсъ. Объ историческомъ матеріализмѣ .	162
VI. К. Каутскій. Бернштейнъ и матеріалистическое пониманіе исторіи	184
VII. Ж. Сорель. Размышленія о матеріалистическомъ пониманіи исторіи	203
VIII. Проф. К. фонъ-Келлесъ-Крауцъ. Что такое экономическій матеріализмъ?	234
IX. М. Цеттербаумъ. Къ матеріалистическому пониманію исторіи.	265
X. П. Лафаргъ. Историческій матеріализмъ Маркса . .	300
XI. Я. Штернъ. Натуръ-философскій и историческій матеріализмъ.	324
XII. Проф. К. фонъ-Келлесъ-Крауцъ. Марксизмъ и позитивизмъ.	329
XIII. Ф. Адлеръ. Діалектическій матеріализмъ и эмпириокритицизмъ (Ф. Энгельсъ и естествознаніе)	351
XIV. К. Каутскій. Три кризиса марксизма	378
Библиографическій указатель.	391

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Размышляя о марксизме»

Славин Б. Ф. О социальном идеале Маркса.

Юшкевич П. С. Материализм и критический реализм.

Лозинский Е. И. Что же такое, наконец, интеллигенция?

Арон Р. Воображаемые марксизмы.

Чухлеб С. Н., Краснянский Д. Е. Комментарии к материалистическому пониманию истории.

Павловский В. В. «Гражданская война во Франции» К. Маркса и современность.

Хазанов В. Е. Основы социального оптимизма.

Здоров А. А. Государственный капитализм и модернизация Советского Союза.

Претель Д. От философии марксизма-ленинизма к философии Маркса.

Антонова И. К. Марксизм вне политики.

Завалько Г. А. Понятие «революция» в философии и общественных науках.

Клоцвог Ф. Н. Социализм: теория, опыт, перспективы.

Паршаков Е. А. Экономическое развитие общества.

Корнфорт М. В защиту философии. Против позитивизма и прагматизма.

Джеохадзе Д. В. (отв. ред.) Учение Маркса. XXI век. Кн. 1, 2.

Бузгалин А. В. (ред.) Марксизм: Альтернативы XXI века.

Мост И. Капитал и труд: Популярное извлечение из «Капитала» Карла Маркса.

Серия «Маркс, Энгельс — творцы научного социализма»

Маркс К. Капитал: Квинтэссенция ВСЕХ ТОМОВ «Капитала».

Маркс К. Капитал: Отредактированные Марксом фрагменты для французского издания, отсутствующие в общепринятой версии.

Маркс К. Нищета философии.

Маркс К. К критике политической экономии.

Маркс К. Труды по эпикурейской философии.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.

Энгельс Ф. Конспект первого тома «Капитала» К. Маркса.

Энгельс Ф. К истории древних германцев. Франкский период. Марка.

Энгельс Ф. История Ирландии; Каутский К. Ирландия.

Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений.

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями.

Тел./факс:

**+7 (499) 724-25-45
(многоканальный)**

E-mail:

URSS@URSS.ru

http://URSS.ru

Наши книги можно приобрести в магазинах:

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 625-2457)

«Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)

«Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, 780-3370)

«Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)

«Дом книги на Ладомской» (м. Бауманская, ул. Ладомская, в. стр. 1. Тел. 267-0302)

«Гнозис» (м. Университет, 1 гум. корпус МГУ, кв.м. 141. Тел. (495) 939-4713)

«У Невгавра» (РГГУ) (м. Новослободская, ул. Чаянова, 15. Тел. (499) 973-4301)

«СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)